

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 3 2021

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 3 2021

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Аганасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, член-корр. РАН, д.и.н. (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственные редакторы номера:

канд. ист. наук *Н.Г. Набиуллин*, канд. ист. наук *З.Г. Шакиров*

Редакционная коллегия номера:

Е.В. Асташенкова, к.и.н. (Владивосток); **С.Г. Бочаров**, к.и.н. (Севастополь); **И.О. Гавритухин** (Москва); **З.В. Доде**, д.и.н. (Ростов-на-Дону); **Ю.А. Зеленева**, д.и.н. (Йошкар-Ола); **И.Л. Измайлов**, д.и.н. (Казань); **В.П. Кирилко**, к.и.н. (Симферополь); **В.Л. Мыц**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **К.А. Руденко**, д.и.н. (Казань); **Ф.Ш. Хузин**, д.и.н., проф. (Казань); **З.Г. Шакиров**, к.и.н. (Казань); **Л.В. Яворская**, к.и.н., доцент (Москва).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Адрес редакции, издателя:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843)236-55-42

Адрес учредителя:

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrazstep.ru

Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий

«Почта России»

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан

© Академия наук Республики Татарстан, 2021

© Журнал «Археология Евразийских степей», 2021

ARKHEOLOGIJA EVRAZIISKIKH STEPPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 3 2021

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Academic of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocar**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin**, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaïck Samzun**, Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editors:

Candidate of Historical Sciences **Nail G. Nabiullin**,
Candidate of Historical Sciences **Zufar G. Shakirov**.

Editorial board:

Elena V. Astashenkova, Candidate of Historical Sciences (Vladivostok); **Sergei G. Bocharov**, Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); **Igor O. Gavritukhin** (Moscow); **Zvezdana V. Dode**, Doctor of Historical Sciences (Rostov on Don); **Yuriy A. Zeleneev**, Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Iskander L. Izmailov**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir P. Kirilko**, Candidate of Historical Sciences (Simferopol); **Victor L. Myts**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Konstantin A. Rudenko**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Fayaz Sh. Khuzin**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Kazan); **Zufar G. Shakirov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Liliya V. Yavorskaya** Candidate of Historical Sciences (Moscow).

Executive Secretary: Antonina S. Bepalova

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
<https://www.evrastep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Валиев Р.Р., Гариф Н.Г., Набиуллин Н.Г. (Казань, Россия), Нигамаев А.З. (Елабуга, Набережные Челны, Россия), Ситдииков А.Г. (Казань, Россия), Шакиров З.Г. (Билярск, Казань, Россия) Слово об Учителе (к юбилею Фаяза Шариповича Хузина)	8
Волжская Булгария: археология, история, культура	
Акынджи М. (Анталия, Турция) К вопросу об истоках формирования городской культуры Волжской Булгарии	11
Губайдуллин А.М. (Казань, Россия) О малых булгарских городах	19
Валиев Р.Р., Степанов Р.А. (Казань, Россия) Балымерское селище V: итоги исследований 2019 г. ...	24
Бахматова В.Н., Набиуллин Н.Г. (Казань, Россия) Новые материалы исследований городища Джукетау	43
Нигамаев А.З. (Елабуга, Набережные Челны, Россия) Староромашкинский археологический комплекс: некоторые итоги и перспективы исследования	55
Руденко К.А. (Казань, Россия) К вопросу о датировке Остолоповского селища в Татарстане	65
Набиуллин Н.Г., Измайлов И.Л. (Казань, Россия) Предметы вооружения из булгаро-татарского города Джукетау	80
Шаймуратова Д.Н., Аськеев И.В. (Казань, Россия), Шакиров З.Г. (Билярск, Казань, Россия) Новые археозоологические исследования средневекового Биляра	90
Куклина А.А., Андрушкевич О.Ю. (Казань, Россия) К вопросу о режиме обжига общепулгарской керамики домонгольского и раннеордынского времени (по материалам р. СХСII Болгарского городища)	96
Баранов В.С. (Казань, Россия) Кавалерийская шпора из раскопок Болгарского городища 2010 г. ...	102
Давлетшин Г.М. (Казань, Россия) Мудрость в представлении тюрко-татар (некоторые наблюдения)	114
Степная Евразия и сопредельные территории: кросс-культурное взаимодействие в эпоху средневековья	
Голдина Е.В., Голдина Р.Д. (Ижевск, Россия) К вопросу о датировке и хронологии бус Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме	124
Иванов В.А. (Уфа, Россия) Этнокультурная карта Южного Предуралья в период между венграми и монголами	148
Сарапулов А.Н., Мокрушин И.Г., Красновских М.П., Иванов П.А., Каменщиков О.Ю., Подосёнова Ю.А. (Пермь, Россия) Янтарь из раскопок средневекового городища Роданово на территории Пермского края	156
Крыласова Н.Б. (Пермь, Россия) Мастерская болгарского ремесленника-медника на Рождественском городище в Пермской крае	169
Никитина Т.Б. (Йошкар-Ола, Россия) Поясной набор из погребения 6 могильника «Нижняя Стрелка» в системе культурных связей населения Ветлужско-Вятского междуречья ...	186
Акилбаев А.В. (Йошкар-Ола, Россия) Жертвенные комплексы могильника Кузинские хутора	192
Березина Н.С., Березин А.Ю. (Чебоксары, Россия), Газимзянов И.Р. (Казань, Россия), Михайлов Е.П., Мясников Н.С. (Чебоксары, Россия), Хамзин Р.Н. (Казань, Россия) Изучение средневекового Большетаябинского могильника в 2018 г.	201
Нуржанов А.А. (Алматы, Казахстан) Архитектурный декор древних тюрок Жетысу (VIII–XIII вв.)	218
Владимиров Г.В. (София, Болгария) Заметки об этническом облике средневековой Дунайской Болгарии (XII–XIV вв.) по данным археологии и антропологии	231
Зиливинская Э.Д. (Москва, Россия) Землянки и полуземлянки Самосдельского городища (по материалам I раскопа)	240
Васильев Д.В. (Астрахань, Россия) Свинцовые слитки и изделия из материалов Самосдельского городища	255

Пигарев Е.М. (<i>Йошкар-Ола, Россия</i>) Новые данные к топографии Селитренного городища	269
Сингатулин Р.А. (<i>Саратов, Россия</i>) Технологии Золотой Орды: кирпич Укека	273
Akıncı M. (<i>Antalya, Türkiye</i>) Eski Türklerde Balık ve Balıkçılık	285
AlAsaad Sh. (<i>Damascus, Syrian Arab Republic</i>) The Archaeological Site of Palmyra Before and after the War in Syria	298
Боруцкая С.Б., Васильев С.В. (<i>Москва, Россия</i>) Палеодемография Нижнего Новгорода XVII–XVIII вв. по данным раскопок трех городских некрополей	307
Список сокращений	321
Правила для авторов	323

CONTENTS

Valiev R.R., Garif N.G., Nabiullin N.G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Nigamaev A.Z. (<i>Elabuga, Naberezhnye Chelny, Russian Federation</i>), Sitdikov A.G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Shakirov Z.G. (<i>Bilyarsk, Kazan, Russian Federation</i>) About the Teacher (on Anniversary of Fayaz Sharipovich Khuzin)	8
Volga Bulgaria: archaeology, history, culture	
Akinci M. (<i>Antalya, Türkiye</i>) The Issue of the Formation of Urban Culture in Volga Bulgaria	11
Gubaidullin A.M. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Small Bolgar Towns	19
Valiev R.R., Stepanov R.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Balymery V Settlement: study results of 2019	24
Bakhmatova V.N., Nabiullin N.G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) New Study Materials on Juketau Fortified Settlement	43
Nigamaev A.Z. (<i>Elabuga, Naberezhnye Chelny, Russian Federation</i>) Staroromashkino Archaeological Complex: study results and prospects	55
Rudenko K.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) The Dating Issue of Ostolopovo Ancient Village in Tatarstan	65
Nabiullin N.G., Izmaylov I.L. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Armament Items from The Bolgar-Tatar City of Juketau	80
Shaimuratova D.N., Askeyev I.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Shakirov Z.G. (<i>Bilyarsk, Kazan, Russian Federation</i>) New Archaeozoological Studies of Medieval Bilyar	90
Kuklina A.A., Andrushkevich O.Yu. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) To the Discussion of the Firing Method of Common Bolgar Ceramics in the Pre-Mongol and Early Golden Periods (on the Basis of Excavation CXCI at Bolgar Fortified Settlement).....	96
Baranov V.S. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Cavalry Spur from Bolgar Fortified Settlement of Excavations of 2010	102
Davletshin G.M. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Wisdom in the Percertion of the Türco-Tatars (Observations).....	114
Steppe Eurasia and adjacent territories: cross-cultural interaction in the Middle Ages	
Goldina E.V., Goldina R.D. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) On Dating and Chronology of Beads From 1 st –5 th Century Tarasovo Burial Ground on Middle Kama	124
Ivanov V.A. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Ethnic-Cultural Map of the Southern Pre-Urals Region in the Period Between Hungarians and the Mongols	148
Sarapulov A.N., Mokrushin I.G., Krasnovskikh M.P., Ivanov P.A., Kamenshikov O.Yu., Podosyonova Yu.A. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Amber from the Excavations of Rodanovo Medieval Hillford in Perm Krai	156
Krylasova N.B. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Bolgar Coppersmith's Workshop at Rozhdestvensk Hillford in Perm Krai	169
Nikitina T.B. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>) Belt Set from Burial 6 of "Nizhnyaya Strelka" Burial Ground in the System of Cultural Relations of the Population of the Vetluga–Vyatka Interfluve	186
Akilbaev A.V. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>) Sacrificial Complexes of the Kuzinskie Khutora Burial Ground	192
Berezina N.S., Berezin A.Yu. (<i>Cheboksary, Russian Federation</i>), Gazimzyanov I.R. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Mikhailov E.P., Myasnikov N.S. (<i>Cheboksary, Russian Federation</i>), Khamzin R.N. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Study of Bolshaya Tayaba Medieval Burial Ground in 2018	201
Nurzhanov A.A. (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Architectural Decor of the Ancient Zhetysu Turks (VII–XIII centuries.)	218

Vladimirov G.V. (<i>Sofia, Bulgaria</i>) Notes on the Ethnic Appearance of Medieval Danube Bulgaria (12 th –14 th Centuries) According to Archaeological and Anthropological Data	231
Zilivinskaya E.D. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Dugouts And Semi – Dugouts of Samosdelka Settlement (Based on Materials from Excavation I)	240
Vasiliev D.V. (<i>Astrakhan, Russian Federation</i>) Lead Ingots and Products Made of Materials from Samosdelka Settlement	255
Pigarev E.M. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>) New Data on the Topography of the Selitrennoe Settlement	269
Singatullin R.A. (<i>Saratov, Russian Federation</i>) Golden Horde Technologies: bricks from Ukek	273
Akinci M. (<i>Antalya, Turkiye</i>) Fish and Fishery in Ancient Turks (in Turkish)	285
AlAsaad Sh. (<i>Damascus, Syrian Arab Republic</i>) The Archaeological Site of Palmyra Before and after the War in Syria (in English)	298
Borutskaya S.B., Vasilyev S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Paleodemography of Nizhny Novgorod, 17 th –18 th CC. Based of the Excavations of Three City Necropolises	307
List of Abbreviations	321
Instructions for Authors	323

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ (К ЮБИЛЕЮ ФАЯЗА ШАРИПОВИЧА ХУЗИНА)

© 2021 г. Р.Р. Валиев, Н.Г. Гариф, Н.Г. Набиуллин, А.З. Нигаматов,
А.Г. Ситдинов, З.Г. Шакиров

1 августа 2021 г. исполняется 70 лет Фаязу Шариповичу Хузину, видному российскому ученому, доктору исторических наук, члену-корреспонденту Академии наук Республики Татарстан, главному научному сотруднику Института археологии им. А.Х. Халикова, лауреату Государственной премии РТ в области науки и техники, Заслуженному деятелю науки РТ. С именем Ф.Ш. Хузина связаны выдающиеся достижения в изучении средневековой болгаро-татарской археологии и истории конца XX – начала XXI вв. Наиболее значимый вклад ученый внес в изучение Биляра, средневековой Казани, Алабуги, Кирмени, Джукетау, Сувара, Чаллы и других болгаро-татарских памятников. Ф.Ш. Хузиным принципиально обновлена источниковая база для изучения средневековья Волго-Уральского региона, разработаны новые научные методы датировки исторических городов России.

Ключевые слова: археология, Казанская школа археологии, Волжская Булгария, Улус Джучи, Казанское ханство, Биляр, Казань, Алабуга, Кирмень, Джукетау, Сувар, Чаллы.

ABOUT THE TEACHER (ON ANNIVERSARY OF FAYAZ SHARIPOVICH KHUZIN)

R.R. Valiev, N.G. Garif, N.G. Nabiullin, A. Z. Nigamatiev,
A.G. Sitdikov, Z.G. Shakirov

August 1, 2021 marks 70 years of Fayaz Sharipovich Khuzin, a prominent Russian scientist, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Chief Researcher of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, laureate of the State Prize of the Republic of Tatarstan in the field of science and technology, Honored Scientist of the Republic of Tatarstan. The name F.Sh. Khuzin is associated with outstanding achievements in the study of medieval Bulgaro-Tatar archaeology and the history of the late 20 – early 21 centuries. The scientist made the most significant contribution to the study of Bilyar, medieval Kazan, Alabuga, Kirmen, Juketau, Suvar, Chally and other Bulgaro-Tatar sites. F.Sh. Khuzin fundamentally updated the source base for studying the Middle Ages of the Volga-Ural region, developed new scientific methods for dating the historical cities of Russia.

Keywords: archaeology, Kazan school of archaeology, Volga Bulgaria, Ulus Juchi, Kazan Khanate, Bilyar, Kazan, Alabuga, Kirmen, Juketau, Suvar, Chally.

1 августа 2021 г. исполняется 70 лет Фаязу Шариповичу Хузину, видному российскому ученому, ведущему болгароведу современной отечественной археологии, доктору исторических наук, члену-корреспонденту Академии наук Республики Татарстан, главному научному сотруднику Института археологии им. А.Х. Халикова, лауреату Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники, Заслуженному деятелю науки Республики Татарстан.

С именем Ф.Ш. Хузина связаны наиболее значимые достижения в изучении средневековой болгаро-татарской археологии и истории конца XX – начала XXI вв. Для татарстанцев и татар, живущих за пределами республики и интересующихся историей Татарстана и татарского народа, Ф.Ш. Хузин – автор блестящих археологических открытий в Биляре, «отец» тысячелетия Казани. В то же время для огромного числа профессиональных историков Фаяз Шарипович – известный археолог, усилиями которого принципиально обновлена источниковая база для изучения средневековья Волго-Уральского региона и разработаны новые научные методы датировки исторических городов России. Он автор удивительных археологических открытий о домонгольской столице Волжской Булгарии, человек, который влюблен в древний Биляр и знает о нем больше, чем кто-либо. Фактами его личной биографии стали этапы развития и научные достижения билярской полевой археологии. Продолжив начатые Альфредом Хасановичем Халиковым научные исследования и будучи руководителем Билярской археологической экспедиции, Ф.Ш. Хузин многие годы определял общую канву полевых изысканий, обрабатывал и осмысливал полученные данные, на основе которых выстраивалось современное видение истории домонгольской Волжской Булгарии.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов Ф.Ш. Хузин организывает и проводит экспедиции на малоизученных болгаро-татарских городах Сувар, Джукетау, Чаллы, Кирмень, Алабуга и других памятниках. Яркой страницей в профессиональной деятельности Фаяза Шариповича стали исследования в области археологии и истории средневековой Казани, где ученый совместно со своими коллегами провел масштабные исследования, увенчавшиеся замечательными открытиями.

Фаяз Шарипович Хузин относится к числу ученых с огромным опытом полевых исследований и необыкновенной трудоспособностью, успешно решающему исследовательские задачи, подчас посильные лишь большим научным

коллективам. Научное наследие Ф.Ш. Хузина огромно и многогранно. В списке его трудов, насчитывающем около 800 наименований, более 30 книг и монографий, сотни научных статей, а также учебных пособий для средней школы и вузов. Безусловно, огромна роль Ф.Ш. Хузина и в деле популяризации исторических и археологических знаний. Фаяз Шарипович – прирожденный педагог и прекрасный лектор, организатор различных конкурсов для школьников, молодежи, к нему часто обращаются краеведы, любители истории за помощью, консультациями.

Под руководством Фаяза Шариповича защищено шесть кандидатских и одна докторская диссертации, посвященные археологии Джукетау (Н.Г. Набиуллин), средневековой Казани (А.Г. Ситдииков), болгаро-татарских городов Предкамья (А.З. Нигамаев), истории Чаллынского улуса Казанского ханства (Н.Г. Гариф), кожевенного производства XV–XVI вв. (Р.Р. Валиев), округа Биляра X–XV вв. (З.Г. Шакиров).

В настоящее время Фаяз Шарипович работает над темами, которые имеют фундаментальный характер и призваны решить концептуальные проблемы становления и эволюции тюрко-татарской цивилизации, сопредельных обществ в период средневековья. Будучи ответственным редактором V тома «Волго-Уральский регион в VIII – начале XIII вв.: Волжская Булгария. Финно-угорский мир. Тюркоязычные кочевники» 7-томного издания «Археология Волго-Уральского региона», Ф.Ш. Хузину удастся комплексно использовать основной массив данных, собранных отечественной наукой за двухсотлетнюю историю ее развития. В первую очередь это изучение средневековых государств Поволжья, их сословно-социальной структуры, процессов урбанизации, организации военного дела, отражения этих процессов во внешней политике, культуре.

Уверены, что деловые и личные качества ученого и впредь будут служить на благо развития и процветания российской науки и высшей школы. Фаяза Шариповича ценят за его многогранную научную деятельность, великолепные деловые качества, широчайшую эрудицию, человеческое благородство, добродушие, скромность.

В эту замечательную юбилейную дату выражаем глубокое уважение профессионализму, таланту и неиссякаемой энергии нашего Учителя. От всей души желаем Фаязу Шариповичу крепкого здоровья, благополучия, успехов в реализации научных идей и дальнейшей плодотворной работы на ниве науки!

Информация об авторах:

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vrr80@yandex.ru

Гариф Нурулла Гиматдинович, кандидат исторических наук, краевед (г. Казань, Россия); nur-garif@yandex.ru

Набиуллин Наиль Гатиятулович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); arheotat@mail.ru

Нигамаев Альберт Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент, Елабужский институт КФУ (г. Елабуга, Россия), доцент, Набережночелнинский государственный педагогический университет (г. Набережные Челны, Россия); alnig.07@mail.ru

Ситдииков Айрат Габитович, чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук, зав. кафедрой, профессор, декан Высшей школы исторических наук и Всемирного культурного наследия, Казанский (Приволжский) федеральный университет; директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, директор, Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник (с. Билярск, Россия); доцент, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); zufar_alchi@mail.ru

About the Authors:

Valiev Renat R. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; vrr80@yandex.ru

Garif Nurulla G. Candidate of Historical Sciences, Local Historian (Kazan, Russian Federation); nurgarif@yandex.ru

Nabiullin Nail G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; arheotat@mail.ru

Nigamaev Albert Z. Candidate of Historical Sciences. Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University. Kazanskaya St., 89, Elabuga, 423604, the Republic of Tatarstan; Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Nizametdinova st., 28, Naberezhnye Chelny, 423806, Republic of Tatarstan, Russian Federation; alnig.07@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Shakirov Zufar G. Candidate of Historical Sciences, Director of the Bilyar State Historical, Archaeological and Natural Museum-Reserve, Arbuzov Str., 2, Bilyarsk, 422920, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Assistant Professor, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Assistant Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kremlevskaya, Str., 18, 420008, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation; zufar_alchi@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.07.2021 г.
Статья принята к публикации 14.07.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Волжская Булгария: археология, история, культура

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.11.18>

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

© 2021 г. М. Акынджи

В статье исследуются истоки градостроительства волжских болгар. Вопрос тесно связан с процессом оседания кочевых и полукочевых болгар на землю. При исследовании ранних постоянных поселений болгар VIII–X вв. на основе археологических и письменных источников мы видим, что формирование этих поселений происходило на разных территориях их обитания (Хазарский каганат, ранняя Булгария). Истоки градостроительной культуры волжских болгар связаны с эпохой хуннов, Тюркских каганатов и Хазарского каганата. Первые постоянные поселения болгар появляются в VIII–IX вв., а укрепленные поселения городского типа – не позднее рубежа IX–X вв.

Ключевые слова: археология, волжские болгары, городская культура, постоянные поселения, хунны, Тюркский каганат, Хазарский каганат.

THE ISSUE OF THE FORMATION OF URBAN CULTURE IN VOLGA BOLGARIA

M. Akinci

The paper addresses the origins of the urbanism of the Volga Bolgars. The issue is closely related to the settlement process of nomadic and semi-nomadic Bolgars. Examining the early stable settlements of the Bolgars in the 8th–10th centuries based on archaeological and written sources, one can see that these settlements were formed in different regions where they were inhabited (Khazar Khaganate, Early Bolgaria). The origins of the urbanization culture of the Volga Bolgars are connected with the Xiongnu, Turkic and Khazar Khaganate periods. The first stable settlements of the Bolgars emerged in the 8th–9th centuries, and fortified urban-type settlements – not later than at the turn of the 9th–10th centuries.

Keywords: archaeology, Volga Bolgars, urban culture, stable settlements, Xiongnu, Turkic Khaganate, Khazar Khaganate.

Понятие «город» неоднозначно применительно к древнейшим городам Ближнего Востока, более поздним мусульманским городам того же региона, а также Средней Азии, Волжской Булгарии или Золотой Орды. Какие условия необходимы для того, чтобы поселение было названо городом? По мнению исследователей, критерии города различаются от периода к периоду, и даже специалисты не всегда проявляют единогласия в определении социального сущности отдельно взятых поселений (Мумфорд, 2007, с. 13). В прошлом древнетюркское слово *balık* (город) соответствовало слову *şehir* персидского происхождения, или слову *kent* (город) согдийского происхождения, которые использовались в основном после того, как тюрки приняли ислам. Согласно М. Кашгарлы, слово *balık* означало «убежище, замок, город» на тюркском языке до принятия ислама (Kaşgarlı Mahmud, 2015, с. 163).

В самых общих чертах принято считать, что город должен превосходить сельскую местность с точки зрения численности насе-

ления, выполнять ремесленные, торговые и административные функции и, что, наиболее важно, находиться в защищенном положении. Если мы примем эти критерии в качестве общего знаменателя для определения города, то окажется, что некоторые из поселений средневекового Запада, а в основном поселения восточных обществ не следует определять как города. Хотя есть сходства в процессах формирования западных и восточных городов (исламских и неисламских), явные различия преобладают. В этом отношении было бы некорректно описывать средневековые города на основе одного определения или в рамках единой модели.

Территория Татарстана и соседних с ним регионов, где проживали в эпоху средневековья волжские болгары, расположена на перекрестке важнейших речных и караванных путей Восточной Европы и в природно-географическом отношении относится преимущественно к зонам лесостепи и степи с обширными лугами для выпаса скота и черноземными полями для выращивания земледель-

ческих культур. По этой причине Волжско-Камский регион в силу своей географической и климатической пригодности на протяжении тысячелетий являлся одним из густо заселенных регионов Восточной Европы.

Постоянные поселения с примитивными жилищами возникли здесь еще в каменном веке; намного позже, в эпоху раннего средневековья с приходом кочевых орд с востока, появились не только кочевья с переносными юртами и стационарными жилищами, но и крепости и настоящие города, что мы наблюдаем в Хазарском каганате. В целом же, как нам представляется, в процессе возникновения стационарных поселений, ведущих к формированию болгарских городов и городской культуры, сыграли ведущую роль три основных фактора: культура поселений волжско-камских аборигенов – финно-угров эпохи камня, бронзы и раннего железа, культура степных поселений тюркских кочевников и культура поселений Хазарского каганата, археологически представленного салтовомаяцкой культурой.

Формирование постоянных поселений в Волжско-Камском регионе началось еще в эпоху мезолита и более интенсивно продолжалось в эпоху неолита – энеолита (IV – начало II тыс. до н.э.), когда складывались такие формы производящего хозяйства, как земледелие и животноводство, получившее дальнейшее распространение и развитие в первобытных обществах бронзового века (II – начало I тыс. до н.э.) (Халиков, 1969; Габяшев, 2001). На территории Татарстана к настоящему времени выявлено более 300 неолитических поселений, расположенных в основном на долинах Волги и Камы. При их раскопках выявлены остатки жилищ-полуземлянок прямоугольной формы площадью от 60–70 до 100–120 кв. м.

Эпоха бронзы в Татарстане представлена памятниками балановской, срубной, абашевской, черкаскульской культур и памятниками маклашеевского (позднеприказанского) типа. Они оставлены населением, говорящим, по предположению ученых, на европейских, иранских и финно-угорских языках. Поселения балановцев располагаются на высоких естественно укрепленных мысах, иногда огражденных земляными валами и рвами. Жили они в срубных домах площадью около 16–24 кв. м. Срубняки расселялись не только по долинам крупных рек, но и осваивали земли по их притокам. Площадь поселений – а их количество около 500 только в Татарста-

не! – обычно не превышает 10 тыс. кв. м; на них изучены срубные дома в виде полуземлянок (Казаков, 2001, с. 56–66).

Ананьинские поселения раннего железного века (VIII–III вв. до н.э.) занимают, как правило, высокие берега рек. Для городищ выбирали треугольные мысы, ограниченные глубокими оврагами или крутым берегом реки, а не защищенную естественной преградой сторону укрепляли искусственным валом и рвом. При раскопках поселений археологи выявляют вытянутые прямоугольные или квадратной формы наземные, иногда слегка углубленные в землю жилища (Марков, 2001, с. 76–77).

Ананьинская традиция строительства городищ и жилищ продолжалась и в пьяноборское время (II в. до н.э. – III в. н.э.). На основе вышеуказанных культур сложились основы средневековых культур финно-угорских народов края, тесно контактировавших позднее с пришедшими с юга болгарами. Как отмечают археологи, финно-угорские элементы заметны в домостроительстве и фортификационном деле волжских болгар (Хузин, 2001, с. 268; Губайдуллин, 2019, с. 155).

Одной из интересных и во многом еще загадочных археологических культур раннего средневековья является именьковская культура, сложившаяся в Среднем Поволжье в IV веке и существовавшая практически до конца VII в., когда сюда проникла первая волна переселившихся с юга болгар. Первые памятники именьковцев (а их сейчас известно более 600), а именно Именьковское городище и Рождественский могильник с кремациями, были изучены еще в 50-х годах прошлого века и с этого времени не затухают споры об этнической принадлежности населения, оставившего эти памятники. Раньше большинство исследователей относили именьковцев к числу тюркоязычных племен, в последние годы преобладает точка зрения об их славянском происхождении. Дискуссия об этносе именьковцев прямо не касается нашей темы. Отметим лишь, что с этим пришлым населением связано распространение в крае пашенного земледелия с применением тягловой силы лошадей, установление активных контактов с соседними финно-угорскими и славянскими племенами, народами Средней Азии.

Поселения именьковской культуры располагаются группами, которые включают в себя городище (иногда два) и пять-шесть селищ. Городища обычно занимают мысы коренных террас рек. Зафиксированы факты использования именьковцами пустующих городищ

населения раннего железного века. Форма их площадок подтреугольная, подчетыреугольная, трапециевидная, овальная. Преобладают мысовые городища подтреугольной формы. Размеры площадей колеблются от 0,5 тыс. до 20 тыс. кв. м. Большими размерами выделяется Большетарханское городище, занимающее площадь около 560 тыс. кв. м. Узвиная сторона поселений окружена земляным валом и рвом, иногда двойным или даже тройным валом и рвом. Земляные укрепления дополнялись деревянными бревенчатыми стенами, поставленными по гребню вала (Старостин, 2001, с.100–101. На некоторых городищах и всех исследованных сельских поселениях обнаружены остатки жилищ – землянки и полуземлянки с очагами типа чувалов, а также хозяйственные сооружения, предназначенные для хранения продуктов и рабочего инвентаря. Выявлены также остатки гончарных и металлургических горнов, производственных мастерских (Казаков и др., 1987, с. 32).

Именьковцы – это непосредственные предшественники болгар на Средней Волге и Нижнем Прикамье. Хотя они, как полагают, были изгнаны с насиженных мест на свои прежние земли, часть их, скорее всего, оставалась здесь же и смешалась с новыми пришельцами – болгарями. Естественно полагать, что болгары, недавние кочевники, начавшие оседать на землю, многое переняли от них и местных финно-угров в области хозяйственной жизни, домо- и градостроительства. В этом смысле не лишена логики высказанная еще в 1950-е годы и отвергнутая теперь теория А.М. Ефимовой о происхождении болгарских городов на основе укрепленных поселений предшествующего позднегородецкого или именьковского, как принято сейчас называть, населения (Ефимова, 1957).

Теперь рассмотрим роль степных народов в сложении градостроительной культуры волжских болгар.

Небольшие группы тюркских племен поселились в Поволжье задолго до болгар. Как известно, в I в. н.э. расположенное в Центральной Азии государство гуннов распалось из-за внутренних конфликтов, и часть из них вынуждена была мигрировать на запад. Следует подчеркнуть, что гунны вели полукочевой образ жизни и у них были города, один из которых, Иволгинское городище в Забайкалье, было основательно изучено в свое время археологами (Давыдова, 1985; Кызласов, 2006, с. 142 и сл.). Оно представляло собой мощную крепость подквадратной

формы размерами 34×340 м общей площадью около 11,5 га. Кстати, подквадратными были все хорошо сохранившиеся гуннские города в соседней Монголии. Стены Иволгинского городища состояли из четырех укрепленных линий, от которых сохранились валы и рвы с двумя въездными воротами. Сооружались эти укрепления следующим образом: сначала по всему периметру строящейся крепости были выкопаны три рва глубиной до 2–5 м и шириной 3,5–5,5 м, затем перед ними сооружались «галькобетонные» стенки. Они воздвигались путем заливки в деревянные опалубки слоев глины и песка с добавлением речной гальки. Получалось цементированное тело стены высотой до 2 м. На этих стенах (валах) сооружали деревянные заборы (Кызласов, 2006, с. 151–152).

Выявлена квартальная застройка внутреннего пространства городища. Внутри кварталов находились усадьбы из двух-трех жилых домов, а также хозяйственные и производственные сооружения: зернохранилища, погреба, колодцы, остатки гончарных и металлургических мастерских.

В II–IV вв. н.э. происходила миграция хуннов с востока на запад, в степи Восточной Европы (Гумилев, 2003, с. 303), но она, кажется, не внесла существенных изменений в этнополитическую карту региона, хотя исследователи находят истоки фортификации болгарских городов именно в культуре хуннских городов (Губайдуллин, 2019, с. 155–156).

Более существенным представляется вклад в формирование культуры волжских болгар населения Тюркских каганатов. Как и свои предшественники хунны, древние тюрки представляли собой общество, экономика которого базировалась на кочевом способе скотоводческого хозяйства в степях, хлебопашестве, ремесле, торговле в районах с оседлым населением. Город и степь были частями единого социально-экономического организма, дополняющими друг друга. Города являлись, прежде всего, административными центрами, а те из них, которые располагались на границе между кочевыми и оседлыми районами, становились центрами торговли (Кызласов, 2006, с. 219 и сл.).

Хазары занимают важное место в истории средневековой тюрко-татарской цивилизации. Из этого государственного образования вышли тюркоязычные болгары, савиры, барсилы, беленджеры, которые, покинув по разным причинам свою прежнюю родину, поднимались на Среднюю Волгу и состави-

ли основное ядро формирующегося Булгарского государства (Хузин, 2006, с. 37–40). Они принесли с собой и некоторые достижения своей прежней культуры, в том числе и навыки, приобретённые в строительстве и ремесле. Волжско-булгарские города по своей топографической структуре, строительным приёмам напоминают города Хазарии, возникшие в VII–VIII веках в приморской зоне современного Дагестана, на Дону и в Нижнем Поволжье.

Столичный город Итиль, располагавшийся в дельте Волги между двумя её рукавами, состоял из трёх частей: его кварталы располагались на обоих берегах Волги, а на самой реке был остров с резиденцией кагана, окружённой высокой кирпичной стеной. Вокруг дворца располагались богатые дома аристократии и обычные жилища рядовых горожан, занятых в основном обслуживанием верхушки общества. В других частях Итиля обитали преимущественно ремесленники и торговцы. Как сообщают источники, один из районов города принадлежала мусульманам, количество которых доходило до 10 тысяч (История татар, 2006, с. 747).

В Хазарии продолжалось массовое оседание кочевников на землю. Археологами выявлены следы неукреплённых поселений, городища с земляными валами, замки с остатками каменных стен, города-крепости. На этих памятниках открыты полуземлянки и стационарные юртообразные жилища. Наиболее плодородные земли и торговые пути в центральной части каганата контролировались системой белокаменных городов-крепостей. Знаменитая крепость Саркел на Нижнем Дону, построенная византийскими мастерами, имела прямоугольную форму (180×120 м), стены сложены из обожжённого кирпича квадратной формы, без фундамента. На кирпичях сохранились знаки мастеров, которые мы также видим на строительных камнях дунайских болгар (Ögel, 2014, с. 231). Крепость разделена на две части – «цитадель» для размещения военного отряда и «караван-сарай», где останавливались иноземные купцы. Стены дополнительно укреплены башнями, в том числе и угловыми. У главных ворот вырыт глубокий колодец, круглый в плане, стенки которого были облицованы отёсанным камнем. С внешней стороны юго-западной стены располагались железоплавильные и гончарные горны, дома-полуземлянки, хозяйственные постройки и ямы (Артамонов, 1958, с. 7 и сл.).

Среди крепостей выделяется также археологический комплекс у с. Маяки и Семикаракорская крепость на Дону (Флеров, 2011). К Маяцкому городищу, расположенному на высоком холме, примыкали неукреплённые селища. Наиболее крупным из них является поселение у с. Сидорово на правом берегу Северского Донца. Территория его густо застроена жилыми и хозяйственными постройками. Жители строили как наземные дома, так и полуземлянки. Отопительные сооружения разнообразны: очаги, расположенные в центре помещения, печи-каменки, печи глинобитные и даже тандыры. Такое разнообразие свидетельствует о пёстром этническом составе жителей (Плетнева, 1984, с. 14–19).

Высокие достижения хазар в области материальной и духовной культуры, хозяйственной жизни и градостроительства, были приумножены их наследниками в лице волжских болгар.

Культуру населения Хазарского каганата, сохранившуюся в памятниках салтово-маяцкой археологической культуры, преемственно продолжают болгары на Волге, о чем наглядно свидетельствуют как погребальный обряд ранних могильников типа Больших Тархан, так и инвентарь языческих погребений (Генинг, Халиков, 1964; Плетнева, 1963, с. 240).

О времени возникновения первых постоянных поселений переселившихся с юга болгар существуют разные мнения (Греков, 1945, с. 23; Казаков, 1982, с. 33; Казаков, 1999, с. 98; Хузин (Хузин, 2001, с. 58–59; Руденко, 2012, с. 71). Арабские писатели свидетельствуют об оседлости у болгар в начале X в. Например, Ибн Русте, писавший свою работу между 903–913 годами, упоминал, что в болгарских селениях есть мечети и школы, и они занимаются земледелием и торговлей (Хузин, 2006, с. 210–211). Ал-Балхи также подчеркивает оседлый образ жизни болгар, но замечает, что они предпочитают жить летом в юртах, а зимой в бревенчатых домах (Хвольсон, 1869, с. 82). Сведения письменных источников находят подтверждение в материалах археологии. Комплекс погребений новинковского типа в Самарско-Ульяновской области, связанный с первым движением болгар на Среднюю Волгу, показывает, что болгарские кочевники занимались земледелием еще первой половине VIII в. (Матвеева, 1997, с. 99).

Помимо сельскохозяйственных навыков болгарских племен, прибывающих в регион, их знакомство с местной земледельческой

культурой способствовало формированию стабильных поселений. Ю.А. Семькин в Ульяновской области исследовал поселение Абрамовское VIII в. и обнаружил, что материалы раннеболгарского периода (керамические изделия, железные ножи, пряжки конской сбруи и др.) имеют прямое сходство с коллекцией находок из большетарханских погребений. При металлографическом анализе изделий из железа также выявлена технология, характерная для кузнечного комплекса большетарханского населения. По мнению исследователя, комплекс средневекового Абрамовского поселения представляет собой сезонные поселения ранних болгар на стадии перехода к оседлости (Семькин, 1996, с. 68–69, 74–78).

Хазарские кочевники в VIII–IX веках привезли новые культурные элементы салтово-маяцкой оседлой культуры Юго-Восточной Европы (гончарного дела, металлургии, домостроительства) в Поволжье, способствовавшие возникновению стационарных поселений сельского типа и а позднее и настоящих городов (Надырова, 2012, с. 31–32).

Таким образом, постоянные поселения, которые явились первым этапом в процессе зарождения городов Волжской Булгарии, имели разные истоки происхождения. Оседлая культура, населявшаяся вокруг Волги и Камы еще до нашей эры и возглавляемая финно-уграми, является первым примером таких постоянных поселений. Миграция тюркоязычных народов с востока на запад привела к появлению степной культуры, основанной на кочевом образе жизни. Булгары, которые были наследниками салтово-маяцкой археологической культуры, сформировавшейся на территории Хазарского каганата в VII в., также были вовлечены в этот процесс, где взаимодействие оседлых и кочевых культур ярко проявилось в градостроительстве и типах жилищ (переносные и стационарные юрты, землянки и полуземлянки). Можно утверждать, что болгарские поселения на Средней Волге образовались под влиянием или на основе постоянных поселений предшествующих культур.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И.* Саркел – Белая Вежа // МИА. № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1958. С. 7–84.
- Археологические памятники Центрального Закамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. 98 с.
- Габяшев Р.* Нижнее Прикамье в эпоху неолита // Очерки по археологии Татарстана / Ред. П.Н. Старостин и др. Казань: Изд-во «Школа», 2001. С. 34–43.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.
- Греков Б.Д.* Волжские болгары в IX–X вв. // Исторические записки. Т. XIV. / Отв. ред. Б. Д. Греков М.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 3–37.
- Губайдуллин А.М.* Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. / Археология Евразийских степей. 2019. № 3, 323 с.
- Давыдова А.В.* Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: ЛГУ, 1985. 111 с.
- Ефимова А.М.* К вопросу о происхождении городов Волжской Булгарии. Казань: Госмузей ТАССР, 1957. 18 с.
- История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. 960 с.
- Казаков Е.П.* Об археологическом изучении раннеболгарского периода // Новое в археологии и этнографии Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН, 1982. С. 29–37.
- Казаков Е.П.* Некоторые итоги и задачи изучения древностей Волжской Булгарии // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тезис. науч. конф. М., 1999. С. 96–99.
- Казаков Е.П.* Памятники эпохи бронзы // Очерки по археологии Татарстана / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Школа, 2001. С. 56–73.
- Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х.* Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 240 с.
- Красильников К. И.* Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // СА. 1981. № 4. С. 110–125.
- Кызласов Л.Р.* Городская цивилизация Средней и Северной Азии: исторические и археологические исследования. М.: Вост. лит., 2006. 360 с.

Марков В.Н. Общая характеристика раннего железного века. Памятники Нижнего Прикамья VIII–V вв. // Очерки по археологии Татарстана / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Школа, 2001. С. 74–83.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет, 1997. 226 с.

Надырова Х.Г. Градостроительная культура Татарского народа и его предков. Казань: КГАСУ, 2012. 291 с.

Плетнева С.А. Кочевнический могильник близ Саркела–Белой вежи // МИА. № 109. М.: Наука, 1963. С. 216–259.

Плетнева С.А. Маяцкое городище // Маяцкое городище / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1984. С. 3–19.

Руденко К. А. Возникновение городов в Волжской Булгарии и Булгарской области Золотой Орды (поданным археологии) // Поволжская археология. 2012. №1. С. 68–77.

Семькин Ю.А. К вопросу о поселениях ранних болгар на Самарской Луке // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 66–82.

Смирнов А.П. Волжские болгары / Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: ГИМ, 1951. 275 с.

Старостин П. Н. Именьковская культура // Очерки по археологии Татарстана / Ред. П. Н. Старостин. Казань, 2001. С. 100–118.

Флеров В.С. Три проблемы в истории Хазарского каганата // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині: збірник наукових праць, присвячений проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнарод. наук. конф. «П'ятнадцяті слобожанські читання» / упоряд. Г.Є. Свистун. Харків: Видавець Савчук О.О., 2011. С. 97–104.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Халиков А. Х. К вопросу о начале тюркизации населения Поволжья и Приуралья // СЭ. 1972. № 1. С. 110–118.

Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 221 с.

Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Часть I. Происхождение финноязычных народов (Учебное пособие). Казань: изд-во Казан. ун-та, 1991. 108 с.

Халиков Н. Сельское хозяйство. Промыслы // История татар с древнейших времен (в семи томах). Том II. Волжская Булгария и Великая Степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 236–239.

Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Дада, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1869. 199 с.

Хузин Ф.Ш. Болгарский город в начале X–XIII вв. Казань: Мастер Лайн, 2001. 480 с.

Хузин Ф.Ш. Ранние болгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII вв.). Казань, 2006. 583 с.

Artamonov M.I. Hazar Tarihi. İstanbul: Selenge, 2008. 670 s.

Mumford L. Tarih Boyunca Kent: Kökenleri, Geçirdiği Değişimler ve Geleceği. İstanbul: Ayrıntı Yayınları, 736.

Ögel B. İslamiyetten Önce Türk Kültür Tarihi. Ankara, 2014. 455 s.

Şeşen R. İslam Coğrafyacılarına Göre Türkler ve Türk Ülkeleri. Ankara: TTK Basımevi, 2001. 300 s.

Gumilev L. N. Hunlar. İstanbul: Selenge, 2003. 665 s.

Kaşgarlı Mahmud. Dîvanü lügâti't-Türk, Giriş-Metin-Çeviri-Notlar-Dizin. Haz. A. Ercilasun ve Z. Akkoynlu. Ankara: TDK, 2015. 995 s.

Taşgıl A. Göktürkler I-II-III. Ankara: TTK, 2018. 473 s.

Информация об авторе:

Акынджи Мелтем, докторант, Университет Акдениз (г. Анталия, Турция); mltm.akinci@hotmail.com.

REFERENCES

Artamonov, M. I. 1958. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 62. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 7–84 (in Russian).

Khalikov, A. Kh (ed.). 1988. *Arkheologicheskie pamiatniki Tsentral'nogo Zakam'ia (Archaeological Monuments of the Central Trans-Kama Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Gabiashev, R. S. 2001. In Starostin, P. N. (ed.). *Ocherki po arkheologii Tatarstana: Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov i uchitelei istorii (Essays on the Archaeology of Tatarstan: Textbook for University Students and Teachers of History)*. Kazan: "Shkola" Publ., 34–43 (in Russian).

Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (Early Bulgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Grekov, B. D. 1945. In Grekov, B. D. (ed.). *Istoricheskie zapiski (Historical Notes)* 14. Moscow: USSR Academy of Sciences, 3–37. (in Russian).

Gubaidullin, A. M. 2019. *Fortifikatsiia v Srednem Povolzh'e v X – pervoi polovine XVI vv. (Fortification in the Middle Volga Region in the 10th – first half of the 16th Centuries)* In *Arkheologiiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*. 3. (in Russian).

Davydova, A. V. 1985. *Ivolginskiy kompleks (gorodishhe i mogil'nik) – pamyatnik khunnu v Zabaykal'e (Ivolginsky Complex (Fortified Settlement and Burial Ground) – a Monument to the Xiongnu in Transbaikalia)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

Efimova, A. M. 1957. *K voprosu o proiskhozhdenii gorodov Volzhskoy Bulgarii (The Issue of the origin of Volga Bolgar Cities)*. Kazan: State Museum of the Tatar ASSR (in Russia).

Khuzin, F. Sh. (ed.). 2006. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. 2)*. Kazan: "Rukhil" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 1982. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii i etnografii Tatarii (Recent in the archaeology and ethnography of Tataria)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 29–37 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1999. In *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Issues of Volga-Kama Archaeology)*. Moscow, 96–99 (in Russian).

Kazakov E.P. 2001. In Starostin, P. N. (ed.). *Ocherki po arkheologii Tatarstana: Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov i uchitelei istorii (Essays on the Archaeology of Tatarstan: Textbook for University Students and Teachers of History)*. Kazan: "Shkola" Publ., 56–73 (in Russian).

Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh. 1987. *Arkheologicheskie pamiatniki Tatarskoi ASSR (Archaeological Sites of the Tatar ASSR)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Krasilnikov, K. I. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (4), 110–125 (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 2006. *Gorodskaiia tsivilizatsiia Sredinnoi i Severnoi Azii: istoricheskie i arkheologicheskie issledovaniia (Urban Civilization of Central and Northern Asia: Historical and Archaeological Studies)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Markov, V. N. 2001. In Starostin, P. N. (ed.). *Ocherki po arkheologii Tatarstana: Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov i uchitelei istorii (Essays on the Archaeology of Tatarstan: Textbook for University Students and Teachers of History)*. Kazan: "Shkola" Publ., 74–83 (in Russian).

Matveeva, G. I. 1997. *Mogil'nik rannikh bulgar na Samarskoi Luke (Burial grounds of the early Bulgars on the Samara Luka)*. Samara: Samara State University (in Russian).

Nadirova, Kh. G. 2012. *Gradostroitel'naia kul'tura Tatarskogo naroda i ego predkov (Urban Culture of the Tatar People and their Ancestors)*. Kazan: Kazan State University of Architecture and Engineering (in Russia).

Pletneva, S. A. 1963. *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR)* 109. Moscow: "Nauka" Publ., 216–259 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1984. In Pletneva, S. A. (ed.). *Maiatskoe gorodishche (Mayaki Fortified Settlement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 3–19 (in Russia).

Rudenko, K. A. 2012. In *Povolzhskaiia arkheologiiia (Volga River Region Archaeology)* (1), 68–77. (in Russian).

Semykin, Yu. A. 1996. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiachetiiia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 66–82 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum). XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Starostin, P. N. 2001. In Starostin, P. N. (ed.). *Ocherki po arkheologii Tatarstana: Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov i uchitelei istorii (Essays on the Archaeology of Tatarstan: Textbook for University Students and Teachers of History)*. Kazan: "Shkola" Publ., 100–118 (in Russian).

Flerov, V. S. 2011. In Svistun, G. E. (ed.-in-chief). *Saltovo-maiac'ka arkheologichna kul'tura: 110 rokov vid pochatku vivchennia na Kharkivshchini (The Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: 110th Anniversary of the Study in Kharkiv Region)*. Kharkiv: Publisher Savchuk O.O., 97–104 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1972. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (4), 110–118 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1989. In *Tatarskii narod i ego predki (The Tatar People and Their Ancestors)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1991. *Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ia i Priural'ia. Chast' I. Proiskhozhdenie finnoiazychnykh narodov (Uchebnoe posobie) (Fundamentals of the Ethnic Genesis of Middle Volga and Cis-Ural Peoples)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Khalikov, N. A. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. 2)*. Kazan: "RukhIL" Publ., 236–239 (in Russian).

Khvol'son, D. A. 1869. *Izvestiia o Khazarakh, Burtasakh, Bolgarakh, Mad'iarakh, Slavianakh i Russakh Abu Ali Akhmeda Ben Omar Ibn-Dasta, neizvestnogo dosele arabskogo pisatel'ia nachala X veka, po rukopisi Britanskogo muzeia (News of the Khazar, Burtas, Bulgar, Magyar, Slavs and Russ by Abu Ali Ahmed ben Omar ibn Dasta, Hitherto Unknown Arabic Writer of the Beginning of the 10th Century, the Manuscript of the British Museum for the First Time Published)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2001. *Bolgarskii gorod v nachale X–XIII vv. (Bolgar City at the Beginning of the 10th–13th cc.)*. Kazan: "Master Lain" Publ. (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2006. *Rannie bulgariia i Volzhskaia Bulgariia (VIII – nachalo XIII v.) (Early Bulgars and Volga Bulgaria (8th – Early 13th Centuries))*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).

Artamanov, M. I. 2008. *Hazar Tarihi (History of Khazar.)* İstanbul: Selenge Yayınları (in Turkish).

Mumford, L. 2007. *Tarih Boyunca Kent: Kökenleri, Geçirdiği Değişimler ve Geleceği (City Throughout History)*. İstanbul: Ayrıntı Yayınları (in Turkish).

Ögel B. 2014. *İslamiyet'ten Önce Türk Kültür Tarihi. (Turkic Cultural History Before Islam)*. Ankara (in Turkish).

Şeşen R. 2001. *İslam Coğrafyacılarına Göre Türkler ve Türk Ülkeleri. (Turks and Turkish Countries According to Islamic Geographers)*. Ankara: TTK Basımevi (in Turkish).

Gumilev L.N. 2003. *Hunlar. (Khuns)* İstanbul: Selenge (in Turkish).

Kaşgarlı Mahmud. 2015. *Divanu Lügati't-Türk, Giriş-Metin-Çeviri-Notlar-Dizin (Divanu Lugati't-Türk, Introduction-Text-Translation-Notes-Index)*. Haz. A. Ercilasun ve Z. Akkoyunlu. Ankara: TDK (in Turkish).

Taşgöl, A. 2018. *Göktürkler I-II-III. (Gokhturks I-II-III)*. Ankara: TTK Yayınları (in Turkish).

About the Author:

Meltem Akıncı. Ph.D(c), Akdeniz University, Institute of Social Sciences, Department of History. Dumluşar Boulevard 07058 Campus, Antalya, Turkey; mltm.akinci@hotmail.com

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

О МАЛЫХ БУЛГАРСКИХ ГОРОДАХ¹

© 2021 г. А.М. Губайдуллин

В статье рассматривается тема изучения «малых городов» Волжской Булгарии, которые являлись важным элементом в процессе феодализации и экономической жизни любого государства в Средние века. Здесь автор обращает внимание на историю исследования вопроса и методы его решения. Особое внимание уделяется рассмотрению площадей болгарских городищ, что является немаловажным при выделении этой категории укрепленных поселений из общей массы таких болгарских памятников. Несомненно, что только один размер поселения внутри оборонительных линий не может быть единственным показателем социального статуса. Необходимо учитывать и площади примыкавших посадов, мощность их культурного слоя, а также характер и количество археологического материала.

Ключевые слова: археология, Средние века, Волжская Булгария, городища, малые города.

SMALL BOLGAR TOWNS²

A.M. Gubaidullin

The paper addresses the study of “small towns” of Volga Bulgaria, which were an important element in the feudalization process and the economic life of any state in the Middle Ages. The author draws attention to the history of the study of the issue and methods of its resolution. Particular attention is drawn to the areas of Bolgar fortified settlements, which is important in distinguishing this category of fortified settlements from the overall number of such Bolgar monuments. There is no doubt that the settlement’s size within the defensive lines alone cannot be the only indicator of social status. One should take into account the area of the adjoining suburbs, the thickness of their cultural layer, as well as the nature and amount of archaeological material.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Volga Bulgaria, fortified settlements, small towns.

Изучение процесса становления и развития городов Волжской Булгарии входит в число значимых задач болгарской археологии. На сегодняшний день имеются общие представления о городах Среднего Поволжья X–XIV вв. как центрах ремесла, торговли, которые имели административно-хозяйственные, военные и культурные функции. В то же время в последние десятилетия XX в. и начале XXI в. были достигнуты значительные успехи в области археологического изучения болгарских укрепленных поселений домонгольского и золотоордынского периодов. Нужно признать, что некоторые аспекты “городской” проблематики в археологии Волжской Булгарии не нашли еще удовлетворительного решения. Например, среди исследователей не сложилось единого мнения о конкретных признаках, выделяющих города из общей массы укрепленных поселений. Достаточно важным является выяснение роли городов в процессе феодализации различных государств Средневековья, а также выявление их социального облика. В связи с этим

интересно рассмотреть вопрос о выделении категории т. н. «малых городов». Исследователи уже не раз обращались к этой теме. Необходимо отметить основательную работу А.В. Кузы, посвященную попытке выделения малых городов среди населенных пунктов Древней Руси X–XIII вв. (Куза, 1989). В ней скрупулезно рассмотрены имеющиеся источники по данной теме, и в первую очередь обращается внимание на данные археологии. Исследователь указывал, что его цель: «... разработать шкалу археологически уловимых критериев для определения облика поселения и с ее помощью выявить малые города» (Куза, 1989, с. 13). Нужно констатировать, что А.В. Куза наиболее близко приблизился к пониманию такого важного вопроса. К попытке решения этой темы обращались и другие исследователи. Например, В.Ю. Коваль также попытался выявить основные отличительные особенности малых городов средневековой Руси (Коваль, 2014, с. 76–79). Исследователями отмечалась и слабая археологическая изученность этой категории поселений, дела-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-09-40114 Древности «Страна городов» – комплексное изучение городищ Волжской Булгарии современными методами.

² The work was supported by the RFBR grant 18-09-40114 “Country of Cities” Antiquities – a Comprehensive Study of the Fortified Settlements of Volga Bulgaria by Modern Methods

лись попытки решить данный вопрос и для позднего Средневековья (Гордеев, Павленко, 2004). Нужно отметить, что изучение древнерусских городищ проводилось более широко, чем поселенческих памятников Волжской Булгарии. Таким образом, для Древней Руси имеется большее количество археологических данных, позволяющих делать какие-либо серьезные предположения и выводы. На территории же Среднего Поволжья внимание оказывалось в основном крупным болгарским городищам, тогда как основная масса укрепленных поселений исследовалась разведочно или небольшими площадями, что сказывается на количестве археологического материала.

Одним из критериев выделения из большого количества городищ Волжской Булгарии т. н. «малых городов» есть немаловажный – укрепленная площадь, занимаемая памятником, а также размеры прилегающей части – посада, характер и количество находок, сделанных в ходе археологических разведок и раскопок. Поиски ответа на этот вопрос логически приводят к формально-типологической классификации городищ. Первый опыт в этом направлении был предпринят Н.Ф. Калинин в 50-х гг. XX в. Проработав материалы около трех десятков обследованных им болгарских городищ, Н.Ф. Калинин предложил классификацию памятников, в основу которой были положены размеры укрепленной территории поселений с учетом особенностей планировки, рельефа местности и характера культурного слоя (Калинин, Халиков, 1954, с. 63). Уже 60–70-е гг. XX в. ознаменовались выявлением новых многочисленных болгарских поселений, в том числе и городищ, вошедших в известный свод археологических памятников, составленный Р.Г. Фахрутдиновым (Фахрутдинов, 1975). Созданная им типология (Фахрутдинов, 1990), однако, принципиально не отличалась от калининской и не учитывала многие существенные признаки изучаемых памятников.

На самом деле, очень сложным является процесс по определению социального облика городищ. Здесь нужно учитывать множество факторов, где размеры укрепленной территории поселений играют, как нам кажется, первостепенную роль при их классификации. Бесспорно, только этот отдельно взятый признак не может служить достаточно надежным критерием оценки, т. к. кроме укрепленной части поселения часто имели и неукрепленные посады-пригороды. Необходимо также учитывать совокупность и харак-

тер археологического материала, выявленного в результате раскопок. Исследователями-археологами выделена целая группа признаков, которые могут характеризовать категорию т. н. «малых» и «больших» городов (Куза, 1989; Коваль, 2014, с. 76–79).

В разное время количество болгарских городищ в научных трудах указывалось неодинаково. Например, А.Х. Халиков доводил их число до 200 (Халиков, 1989, с. 90). Р.Г. Фахрутдинов включил в свою таблицу сведения о 161 памятнике (Фахрутдинов, 1990, с. 71–78). Ф.Ш. Хузин оперировал материалами 190 городищ (Хузин, 1993, с. 12–13), прибавляя к общему списку Р.Г. Фахрутдинова количество укрепленных поселений обугаризированных буртас в Пензенской области, известных по работам Г.Н. Белорыбкина (Белорыбкин, 1985, с. 112). Здесь нужно заметить, что некоторые памятники вошли в свод Р.Г. Фахрутдинова ошибочно. Например, обваловка леса, проведенная в XIX столетии, была принята за городище, получившее в литературе название «Кильдюшевское» (Фахрутдинов, 1975, с. 178). Это же относится, например, и к т. н. «Ржавецкому городищу», предположительно датируемому ранним железным веком (Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье, 1986, с. 39, № 200). Необходимо отметить – не все, что обнесено валом и рвом (или только рвом), можно отнести к остаткам укрепленных поселений. Характерным признаком таких объектов является незначительная мощность земляных сооружений. Вообще, ограда подобного типа в садово-парковом искусстве получила название «ах-ах (ah-ah)» или по-другому «волчий скок» (Плужников, 1995, с. 20). Этот довольно поздний термин происходит из Великобритании и представляет собой несколько разных типов, в том числе и обваловку определенной территории: участка леса, парка, сада и др. В свою очередь, натурное обследование местоположения так называемых «Шонгутского», «Сатламышевского» и «Тангачинского» городищ показало, что там никогда не было оборонительных сооружений, не найдено и материалов болгарского времени, т. е. сведения о памятниках строились на основе неточных данных. В связи с этим их следует исключить из списка укрепленных поселений. Существует и другой пример – наземное обследование и анализ аэрофотоснимков Балынгузского и Горкинского II городищ, считавшихся отдельными памятниками, показали, что это единый объект, искусственно разделенный исследователями. Его структура в планигра-

фии и фортификации является цельной и не позволяет вычлениить особенности планировки, способствующие обособлению каких-то частей или участков. С другой стороны, в последние десятилетия были открыты совершенно новые памятники, неизвестные ранее: например, Исаковское городище (Губайдуллин, Измайлов, 1991, с. 109; Хузин, Измайлов, 1991, с. 152).

Учитывая вышесказанное, а также исключая памятники с неопределенной площадью, в целях нашего исследования можно оперировать данными по 187 городищам, подавляющее большинство которых хронологически относится к домонгольскому времени. Мы попытались более внимательно рассмотреть все имеющиеся в наличии показатели. Они распределяются на шесть отдельных групп, в каждой из которых размеры площадей тяготеют друг к другу: до 2 га, до 6 га, до 11 га, до 20 га, до 50 га и более 50 га. Таким образом, наблюдаются явные разрывы между группами. Так, наибольшее количество городищ находится в первой и второй группах – 83 и 61 памятник соответственно. Затем идет резкое уменьшение числа укрепленных поселений: третья группа включает в себя 13, четвертая – 7 и пятая – 10 городищ. Лишь шестая группа, в которую входят 13 памятников, вновь возрастает. Нами были условно разделены болгарские укрепленные поселения на три основные группы, и мы попытались интерпретировать каждую из них.

Вряд ли будет вызывать сомнение отнесение большинства городищ площадью до 6 га к феодальным усадьбам-замкам, которые составляли наиболее многочисленные укрепленные поселения в Средние века. К ним относится 144 городища. Однако, наряду с памятниками с небольшими примыкающими селищами, в данную группу входят и городища с обширными посадками и остатками интенсивной торгово-ремесленной деятельности. Последние из них, по нашему мнению, можно отнести к категории т. н. «малых» городов, являющихся центрами небольших округов и несших определенные административно-хозяйственные функции. Ю.А. Зеленева, например, их относит к периферийным городам, которые были «естественным элементом социально-экономического и политического развития болгарского государства, частью урбанизационного процесса», в то же время их роль в политической и экономической структуре страны могла изменяться с течением времени (Зеленева, 2013, с. 59).

Следующая группа памятников с укрепленной площадью от 6 до 50 га условно отнесена нами к средним по размерам городам. Их общая численность достигает 30. Социальная интерпретация их довольно сложна, так как одни могли быть столицами отдельных княжеств, другие – административными центрами больших областей. Эту группу, конечно, можно было бы отнести также к «малым» городам, как было сделано А.В. Кузой по отношению к Древней Руси (Куза, 1989, с. 11), но наблюдаются слишком большие отличия в количественном соотношении с первой группой. Выделяются 13 городищ, чья укрепленная площадь превышает 50 га. Скорее всего, большинство из этих памятников являлись центрами крупнейших земель княжеств, а «Великий город» – Биляр, 620 га (с учетом посадок – более 800 га), был политическим, административно-хозяйственным, духовным центром всего Булгарского государства в домонгольский период.

Мы сознательно не рассматриваем возможность существования в исследуемый период времени категории крепостей, т. е. памятников, несших только охранно-дозорные функции, которые располагались вдоль границ государства или отдельных административно-хозяйственных территорий. Это исходит из того, что в развитое Средневековье крепости как элементы обороны прекращают свое существование и появляются вновь только в Новое время. Довольно часто в научной литературе встречается отнесение некоторых городищ к крепостям, которое не имеет никаких доказательств. Обычно приводятся лишь субъективные мнения, основанные на личных умозаключениях авторов. Только иногда в качестве довода выделения данной категории памятников служит аргумент об отсутствии (в наше время) культурного слоя (а также археологических находок) на некоторых укрепленных поселениях или же незначительная его мощность. Однако это не может являться доказательством, т. к. в течение нескольких веков культурный слой подвергался плоскостному смыву, что особенно характерно для мысовых городищ или городищ, примыкающих к краям террас. И чем больше их крутизна, тем больше объем смыва. Причем здесь говорится только о пологих склонах – от 1–2 до 10–15 градусов. Это касается давно распаиваемых площадок памятников, где плоскостной смыв может уносить от 5 тонн грунта с одного гектара в год (Романова, 2006, с. 49–51). Следует также отметить, что т. н. «деграда-

ция» происходила и происходит не только на склонах, но и в оборонительных рвах, а также и насыпях валов, прорезая их, разбивая на отдельные фрагменты (Усков, Водорезов, 2006, с. 113). В некоторых случаях это же может касаться и зафиксированной в наше время незначительной мощности культурных слоев на тех или иных памятниках – аргумент, который иногда приводится в пользу довода о небольшом количестве проживавшего населения на территории отдельных городищ

и, как следствие, являющегося показателем малой интенсивности хозяйственной и иной деятельности. Нам думается, что это далеко не всегда соответствует действительности.

Мы выделили лишь общие закономерности определения социального облика болгарских укрепленных поселений, поэтому данное разделение довольно условно. Возможны также и различия между градостроительными процессами домонгольского и золотоордынского периодов.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 112 с.

Белорыбкин Г.Н. Оборонительные сооружения городищ болгарского времени в Пензенском крае (Сурская группа) // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 112–120.

Гордеев В.И., Павленко Ю.А. Малый город Поволжья в позднем средневековье / Отв. ред. Ю.А. Зеленев. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2004. 272 с.

Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л. Исследования болгарских городищ в Предволжье // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Наговицын Л.А. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 107–109.

Зеленев Ю.А. Очерки этнокультурной истории Поволжья, XIII–XV вв. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ. 2013. 328 с.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. / Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.

Коваль В.Ю. Малые города средневековой Руси: основные отличительные особенности // Труды IV (XX) Всероссийского съезда в Казани Т. III. / Отв. ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 76–79.

Куза А.В. Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 168 с.

Плужников В.И. Термины российского архитектурного наследия. Словарь-гlossарий. М.: Искусство, 1995. 160 с.

Романова Е.И. Задачи геоэкологических исследований в изучении культурного слоя на склонах // Склоны на исторических территориях: Материалы VII Международного научно-практического семинара «Комплексное изучение и сохранение исторических территорий» / Под ред. Е.И. Романовой. Рязань: Изд-во Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, 2006. С. 49–52.

Соловьев Е.Т. Одно из древних болгаро-татарских городищ в Тетюшском уезде // ИОАИЭ. Т. III. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1884. С. 281–284.

Усков В.А., Водорезов А.В. Формирование антропогенных форм рельефа на исторических территориях // Склоны на исторических территориях: Материалы VII Международного научно-практического семинара «Комплексное изучение и сохранение исторических территорий» / Под ред. Е.И. Романовой. Рязань: Изд-во Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, 2006. С. 109–116.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.

Фахрутдинов Р.Г. Классификация и топография болгарских городищ // СА. 1990. № 4. С. 68–84.

Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 220 с.

Хузин Ф.Ш., Измайлов И.Л. Археологические разведки в Западном Закамье // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 151–153.

Хузин Ф.Ш. Итоги и перспективы изучения болгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1993. С. 5–32.

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

REFERENCES

- Starostin, P. N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoj ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Western Trans-Kama Region)* I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
- Belorybkin, G. N. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voенно-oboronitel'noe delo domongol'skoj Bulgarii (Military and Defence Systems in pre-Mongol Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 112–120 (in Russian).
- Gordeev, V. I., Pavlenko, Yu. A. 2004. *Malyi gorod Povolzh'ia v pozdnem srednevekov'e (Small Town in the Volga Area in the Late Middle Ages)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
- Gubaidullin, A. M., Izmailov, I. L. 1989. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Syktyvkar: Komi Scientific Center, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 107–109 (in Russian).
- Zelenev Yu.A. 2013. *Oчерки etnokul'turnoy istorii Povolzh'ya, XIII–XV vv. (Essays on the Ethnocultural History of the Volga Region, 13th–15th cc.)* Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
- Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Sciences Series)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).
- Koval, V. Yu. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* III. Kazan: "Otechestvo" Publ., 76–79 (in Russian).
- Kuza, A. V. 1989. *Malye goroda Drevnei Rusi (Small Towns of Ancient Rus)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Pluzhnikov, V. I. 1995. *Terminy rossiiskogo arkhitekturnogo nasledii. Slovar' -glossarii (Terms of Russian Architectural Heritage. Dictionary-glossary)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Romanova, E. I. 2006. In Romanova, E. I. (ed.). *Sklony na istoricheskikh territoriiakh (Slopes in Historic Landscapes)*. Ryazan: Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve Publ., 49–52 (in Russian).
- Solov'ev, E. T. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* III. Kazan, 281–284 (in Russian).
- Uskov, V. A., Vodorezov, A. V. 2006. In Romanova, E. I. (ed.). *Sklony na istoricheskikh territoriiakh (Slopes in Historic Landscapes)*. Ryazan: Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve Publ., 109–116 (in Russian).
- Fakhrutdinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoj Bulgarii i ee territorii (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Fakhrutdinov, R. G. 1990. In *Sovetskaja Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 68–84 (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. 1989. *Tatarskii narod i ego predki (The Tatar People and its Ancestors)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Khuzin, F. Sh., Izmailov, I. L. 1991. In Nagovitsin, L. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Syktyvkar: Komi Scientific Center, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 151–153 (in Russian).
- Khuzin, F. Sh. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiya Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 5–32 (in Russian).

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

УДК 902/01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.24.42>**БАЛЫМЕРСКОЕ СЕЛИЩЕ V: ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ 2019 Г.**

© 2021 г. Р.Р. Валиев, Р.А. Степанов

Публикация посвящена итогам археологических исследований Балымерского V селища в 2019 г. Проведение работ обусловлено разрушением культурного слоя памятника разветвленной овражной сетью левого берега р. Волга. Впервые на Балымерском V селище в 1955 г. археологические раскопки под руководством А.М. Ефимовой провела Куйбышевская археологическая экспедиция. Двумя раскопками А.М. Ефимова выявила очаги, хозяйственные, жилые и «жертвенные» ямы, и установила существование поселения в именьковское и болгарское домонгольское время. По ее мнению, болгарское поселение прекращает свое существование к концу XI – началу XII вв. Исследования 2019 г. позволили уточнить датировку памятника. Исходя из результатов исследований, территория Балымерского V селища начала осваиваться в именьковское время (IV–VII вв.). В период Волжской Булгарии территория именьковского селища перерабатывается в результате хозяйственной деятельности и распашки. Время бытования болгарского поселения в результате исследований определено интервалом XI (скорее всего, его второй половины) – середины XIII вв. После монгольского завоевания, поселение продолжало существовать на этапе становления Улуса Джучи, о чём могут свидетельствовать находки монет 40-х гг. XIII в., обнаруженных как в культурном слое, так и в одном из объектов.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Балымерское V селище, средневековье, именьковская культура, болгарское домонгольское время, раннезолотоордынский период, стратиграфия, находки, монеты.

BALYMERY V SETTLEMENT: STUDY RESULTS OF 2019**R.R. Valiev, R.A. Stepanov**

The publication deals with the results of archaeological studies at Balymery V settlement in 2019. The work was carried out in relation to the destruction of the site's cultural layer by the branched ravine network of the left bank of the Volga river. The first archaeological excavations at Balymery V settlement were carried out in 1955 under the supervision of A.M. Efimova by the Kuibyshev archaeological expedition. Two excavations by A.M. Efimova allowed to identify hearths, economic, residential and "sacrificial" pits, and establish the existence of the settlement in the Imenkovo and Bolgar Pre-Mongol periods. In her opinion, settlement of the Volga Bulgars ceases to exist by the end of the 11th – early 12th centuries. The studies of 2019 made it possible to clarify the dating of the site. Based on study results, the development of the territory of Balymery V settlement began in the Imenkovo period (4th–7th cc.). In the Volga Bolgaria period, the territory of the Imenkovo settlement was developed as a result of economic activity and plowing. The existence period of the Volga Bulgars settlement was determined as the interval from the 11th (most likely, its second half) – mid-13th centuries as a result of the studies. After the Mongol conquest, the settlement continued to exist in the Ulus of Jochi's formation period, as evidenced by the coins of the 1240s discovered both in the cultural layer and in one of the objects.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Balymery V settlement, Middle Ages, Imenkovo culture, Bolgar Pre-Mongol period, Early Golden Horde period, stratigraphy, finds, coins.

На территории Спасского района Республики Татарстан, расположенного в Западном Закамье, имеется не менее 340 объектов археологического наследия различных культур и исторических периодов. В окрестностях с. Балымеры локализуется более 10 памятников археологии (Археологическая карта Татарской АССР (Западное Закамье), 1986, с. 24–25; Свод археологических памятников Республики Татарстан, 2007, с. 320–321), а также обнаружено множество кладов вещей и монет (Археологическая карта..., 1986,

с. 25–26). Практически все известные памятники Балымерской группы располагаются на краю третьей надпойменной террасы левобережья р. Волги (рис. 1).

Археологические памятники у с. Балымеры привлекали внимание исследователей с XIX в. (Шпилевский, 1877, с. 308). Главным образом, до наших дней раскопкам подвергались Балымерское городище «Шолом» (Спицын, 1916, с. 73–93; Смолин, 1926, с. 113–130; Жиромский, 1958, с. 424–450; Старостин, 1965, с. 59–68; Чижевский А.А. и др., 2017, с.

Рис. 1. Балымерская группа археологических памятников (1 – I селище, 2 – II селище, 3 – III селище, 4 – IV селище, 5 – V селище, 6 – VI селище, 7 – III городище «Шолом», 8 – I городище) на увеличенном фрагменте Генерального плана Спасского уезда конца XVIII в. (А) и на космоснимке (от 10.8.2018 г.) рассматриваемого района (Б)

Fig. 1. Balymery group of archaeological sites (1 – village I, 2 – village II, 3 – village III, 4 – village IV, 5 – village V, 6 – village VI, 7 – “Sholom” hillfort III, 8 – hillfort I) on an enlarged fragment of the General plan of Spassky District of the late 18th century. (A) and in the satellite image (dated August 10, 2018) of the area (B)

108–126) и Балымерский курганный могильник (Смолин, 1926, с. 113–130; ОАК за 1893 г., 1985, с. 96–97; Халикова, 1965, с. 110–116).

Ряд археологических памятников на левобережье р. Волги был обнаружен разведочны-

ми отрядами Государственного музея ТАССР, работавшими в составе экспедиции КФАН СССР в 1961 г. Наиболее многочисленными оказались памятники эпохи раннего Средневековья, в числе которых имеются Балы-

мерское II городище «Турецкая крепость» именьковской культуры и, вероятно, новый Балымерский курганный могильник. Последний, по мнению Е.А. Халиковой, раскопавшей здесь четыре кургана, оставлен кочевниками, возможно, в период монгольского нашествия (Халикова, 1965, с. 110–116).

В 1963–1964 гг. при проведении раскопочных работ на Балымерском городище «Шолом» археологической экспедицией КФАН СССР под руководством П.Н. Старостина дополнительно обследовалась ближайшая округа. В результате работ им были выявлены пять селищ именьковской культуры (в том числе V селище), а также на плане обозначен грунтовый II могильник (Старостин, 1965, с. 60, 63, рис. 1).

В 1996–1998 гг. Балымерская группа памятников была осмотрена К.А. Руденко, который составил новый общий топографический план памятников, а также провел охранные работы на II могильнике и выделенном им VI селище. На Балымерском II могильнике им исследовано 9 мусульманских погребений, которые он датировал XII–XIII вв. (Руденко, 2002, с. 72–73, рис. 1–2; 2004, с. 57, рис. 13), на болгарском Балымерском VI селище, частично разрушенном карьером, обнаружены объекты и находки, датируемые XI–XII вв. (Руденко, 2004, с. 57, рис. 11–12).

Непосредственно на Балымерском V селище Куйбышевская археологическая экспедиция в 1955 г. впервые провела археологические раскопки под руководством А.М. Ефимовой. Площадку селища она ошибочно отождествляла с территорией Балымерского I городища. А.М. Ефимовой были заложены два раскопа общей площадью 286 кв. м, очертания которых заметны и ныне (рис. 2). Раскоп I был заложен на краю обрыва оврага в юго-восточной части, раскоп II – у обрыва оврага в центральной части памятника. Выявлены и исследованы именьковские углубленное четырехугольное жилище, два очага, «жертвенная яма» и ямы хозяйственного назначения, а также «остатки землянки, кострища, погребя и разного рода ямы» домонгольского болгарского периода. Собрана богатая коллекция находок, представленных фрагментами посуды, пряслицами, железными сошником, ножами, рыболовными крючками, замками, изделиями из цветного металла, костяными предметами и т. д. По мнению А.М. Ефимовой, болгарское поселение прекращает свое существование к концу XI – началу XII вв. (Ефимова, 1962, с. 25–48).

Балымерское V селище расположено на краю третьей надпойменной террасы левого берега р. Волги в 0,95–1,27 км к юго-востоку от центра с. Балымеры в Спасском районе Республики Татарстан. Памятник занимает площадь размером 320×350 м и с юго-востока примыкает к Балымерскому I городищу (рис. 2). Площадка селища относительно ровная, плавно понижается на юго-запад к краю террасы. Поверхность памятника изрезана глубокими лесопосадочными бороздами, вытянутыми вдоль абриса берега. Северо-восточная часть селища занята лесопосадкой, остальная территория задернована.

После образования Куйбышевского водохранилища в 1955–1957 гг. и затопления поймы склоны террасы подверглись интенсивным эрозионным процессам, что приводит к осыпанию культурного слоя в разветвленную овражную сеть левого берега р. Волги. Глубокие овраги ограничивают территорию селища с северо-запада и юго-востока, а также прорезают по центру. На наиболее разрушаемом участке в восточной части памятника в 2019 г. проведены исследования раскопом III площадью более 170 кв. м. Раскоп вытянут вдоль обрыва правого берега оврага по оси север – северо-запад – юг – юго-восток (азимут 173°). Поверхность раскопа задернована, плавно понижается от центра к северу и югу с перепадами высот от -9 до -34 см от 0. На южных участках раскопа имеется небольшая ложбинка с понижением до отметки -50 см от 0. С востока и юга площадка раскопа обрывается оврагом.

Мощность культурного слоя на раскопе III составила 40–86 см (рис. 3). Он покрыт дерном толщиной 3–6 см. Под дерном залегает культурный слой памятника, верхние отложения которого представлены бурой гумусированной супесью, мощностью до 16 см. Данный слой содержит керамику периода Волжской Булгарии, представленную I, XVII, XIII и XIV (с преобладанием первой) этнокультурными группами, выделенными Т.А. Хлебниковой (Хлебникова, 1984; 1988), переотложенную керамику именьковской культуры, а также кости животных. На основании стратиграфических наблюдений очевидно, что прослойка сформировалась в результате запустения поселения и использования его территории под пастбище в XIX – первой половине XX вв.

Ниже залегает слой болгарского поселения, просуществовавшего с XI в. (скорее всего со второй половины) до середины XIII в. Общая мощность слоя составляет 18–67 см. Он

Рис. 2. Инструментальный топоплан Балымерского V селища с указанием раскопов
 Fig. 2. Instrumental topographic plan of Balymery V settlement with an indication of the excavations

состоит из двух горизонтов: верхнего, образовавшегося в период завоевания монголами территории Волжской Булгарии и последующее время (до середины XIII в.); и нижнего – слоя, сформировавшегося во время существования селища в домонгольский период (с XI по первую треть XIII в.).

Верхний горизонт мощностью 12–35 см включает несколько прослоек (сверху вниз): бурая супесь, темно-серая супесь, темно-серая супесь с включениями суглинка, углей и темно-серая супесь с единичными включениями прокала. На зачистке на уровне пласта 3 на южных квадратах раскопа прослойка темно-серой супеси фиксировалась виде полос шириной 8–28 см и длиной 40–115 см, вытянутых по оси ЗСЗ – ВЮВ. Данные поло-

сы являются следами от борозд, образованных в результате распашки данного участка, по всей видимости, проведенной во второй четверти XIII в.

Среди находок верхнего горизонта, в основном представленных большим количеством костей животных, болгарской керамикой I группы и фрагментами переотложенной именьковской посуды (в том числе ошлакованной), наблюдается значительное число фрагментов посуды XVII группы, превышающее количество керамики иных типов. Прочий предметный ряд характеризуется медной монетой 40-х гг. XIII в., железными ножами, ошлакованными стеклянными бусами, глиняными пряслицами, изделиями из стенок керамических сосудов.

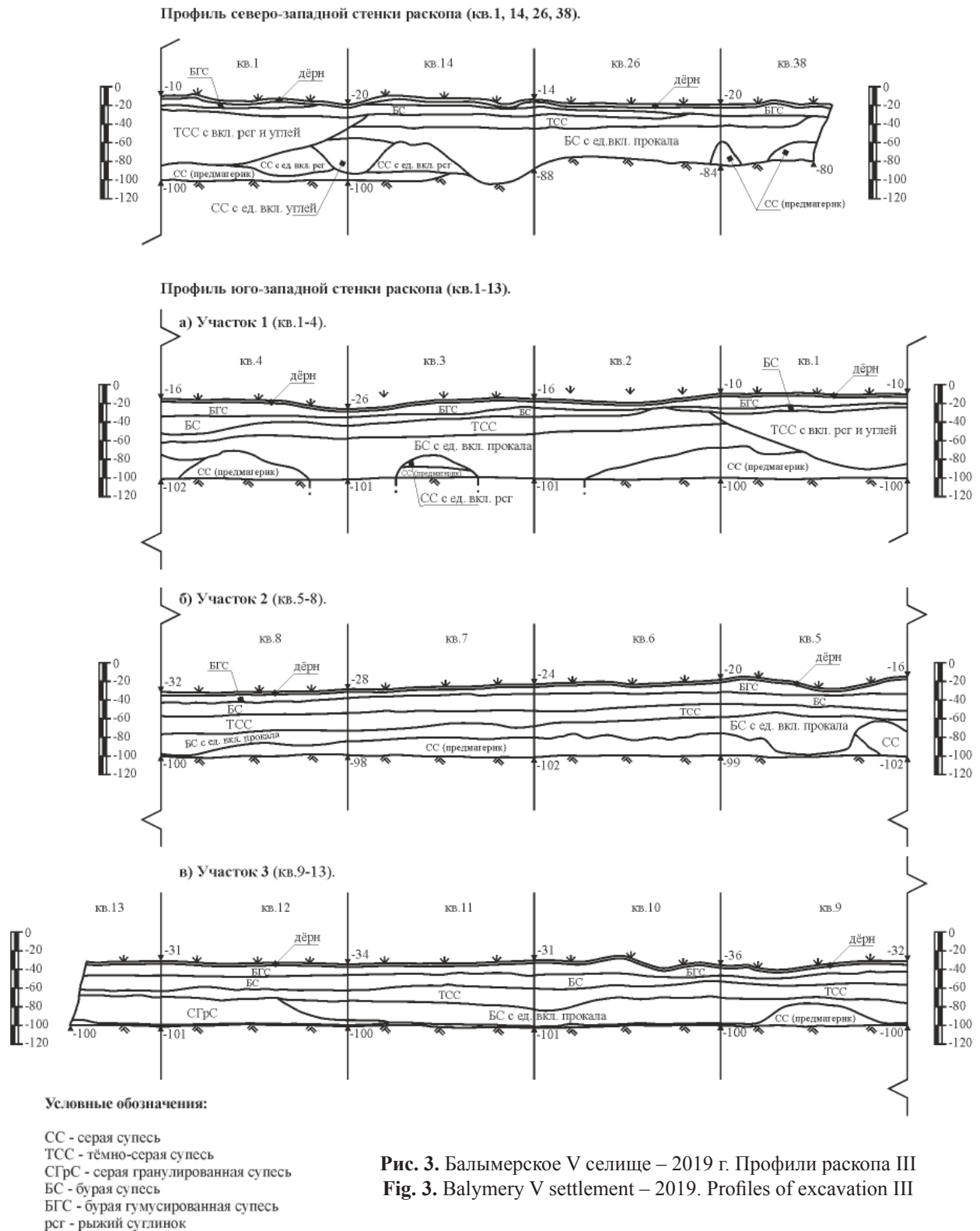

Рис. 3. Балымерское V селище – 2019 г. Профили раскопа III
 Fig. 3. Balymery V settlement – 2019. Profiles of excavation III

Нижний горизонт мощностью 5–50 см состоит из супеси бурого и серого цвета с различными вариациями включений прокала, углей и суглинка. Керамический комплекс нижнего горизонта аналогичен верхнему, однако в нем в два раза меньше фрагментов XVII группы, а именьковской керамики в 2 раза больше, чем болгарской керамики I группы. Среди индивидуальных находок появ-

ляются железные уздечные или ременные накладки, топор и крючок от колчана.

Ниже располагается слой именьковского поселения, датируемый в целом хронологическими рамками данной культуры (IV–VII вв.). Общая мощность слоя, не переработанного в период существования болгарского поселения, достигает 32 см. Его характеризует серая гранулированная супесь и несколь-

ко прослоек, концентрирующихся на месте расположения ям 8 и 9: светло-серая гумусированная супесь с включениями песка и золы, светло-серая супесь с включениями суглинка, серая супесь с включениями углей. Находки представлены лепной керамикой указанного времени, биконическим керамическим пряслицем и фрагментом железного ножа.

Культурный слой покоится на погребенной почве (серая супесь), толщиной до 30 см. Верхние ее горизонты частично переработаны в период существования именьковской и болгарской поселений. Материк – бурый и рыжий суглинок.

На раскопе обнаружено 10 объектов (рис. 4). Из них яма 7 связана с верхним горизонтом болгарского селища (вторая четверть XIII в.), 6 объектов (ямы 1–5 и 10) датируются временем существования болгарского домонгольского селища (с XI по первую треть XIII в.), 3 объекта (ямы 6, 8, 9) относятся к именьковской культуре (IV–VII в.).

Яма 1 начала проявляться в виде просадки грунта (темно-серая супесь с единичными включениями прокала) и четко оконтурилась на следующем пласте 5 (-100 см от 0) на кв. 6, 19 в виде пятна овальной формы размером 198×163 см, вытянутого по оси ВСВ – ЗЮЗ. Яма имеет асимметрично скошенные стенки, которые на глубине 67 см от верхнего края (-156 см от 0) переходят в отвесные. Вероятно, изначально стенки ямы были вертикальными, о чём свидетельствуют ровные края предматерика, просевшего большим блоком в заполнение ямы. Ровное плоское дно покоится на глубине -266 см от 0 (глубина ямы не менее 177 см). С верхней прослойки, являющейся просадкой грунта, происходят фрагменты круговой общеполгарской и лепной именьковской керамики, кости животных, а также керамическое биконическое пряслице. Пряслице коричневого цвета тщательно заглажено и имеет четко выраженное ребро. Диаметр 2,9 см, диаметр отверстия 1,5 см, высота 1,4 см. Данные пряслица типичны для именьковской культуры региона. Находки непосредственно из заполнения ямы представлены железным ножом, костями животных, фрагментами горшков, кувшинов и корчаги круговой общеполгарской посуды (I группа), единичными фрагментами горшков XVII группы и именьковской культуры. Яма 1 имела хозяйственное назначение и, по стратиграфическим наблюдениям, функционировала в XII в.

Яма 2 начала проявляться в виде просадки грунта (темно-серая супесь с единичными

включениями прокала) и четко оконтурилась на следующем пласте 4 (-80 см от 0) на кв. 26 в виде пятна округлой формы диаметром 123 см. Яма имеет вертикальные сверху и расширяющиеся ко дну стенки, плавно переходящие в ровное плоское дно, которое покоится на глубине -220 см от 0 (глубина ямы не менее 143 см). Среди находок из заполнения ямы с явным преобладанием керамики I группы (57 фр., среди которых реконструируемый горшочек) попадаются экземпляры XVII группы (3 фр.), переотложенная лепная именьковская керамика (11 фр., в том числе 5 фр. ошлакованной), встречен 1 мелкий фрагмент круговой керамики с органикой в тесте. Остальной материал представлен костями животных, а также печиной, мелкими камнями, шлаком и т. д. Кроме того, из ямы происходит фрагмент каменной литейной формы. Яма 2 хозяйственного назначения функционировала, вероятно, в XII – первой трети XIII вв.

Яма 3 выявлена на уровне пласта 5 (-100 см от 0) на кв. 5 в виде пятна округлой формы диаметром 176 см. Ко дну она расширилась до размеров 230×196 см на кв. 4–5, 18. Вертикальные сверху стенки ямы расширяются ко дну. Вероятно, изначально стенки ямы имели грушевидную или колоколовидную в разрезе форму, на что косвенно могут указывать блоки предматерика и материкового суглинка, обвалившегося в заполнение ямы. Ровное плоское дно в восточной части имеет понижение на глубину 14 см, с отметки -274 до -286 см (глубина ямы не менее 196 см). Заполнение ямы состояло из прослоек, образовавшихся в результате засыпки, обвала стенок и функционирования ямы. Массовые находки: кости животных (352 шт.), керамика I группы (368 фр.), переотложенная именьковская (64 фр., в том числе 30 фр. ошлакованной), лепная керамика с песком (1 фр.), печина, камни. При этом чрезвычайно большое количество костей животных (298 шт.) и керамики I группы (222 фр.), представленной разнообразной посудой (кувшины, кружки, горшки, корчаги, миски), происходит с прослойки, перекрывающей отложения периода функционирования. Это свидетельствует о вторичном использовании в качестве мусорной ямы объекта, первоначально исполнявшего хозяйственные функции (хранение и т. п.). Впоследствии, после обрушения стенок, яма была рекультивирована культурным слоем поселения, на что указывают находки из третьей прослойки заполнения объекта, содержащие в большом количестве общеполгарскую (133 фр., в том числе развал

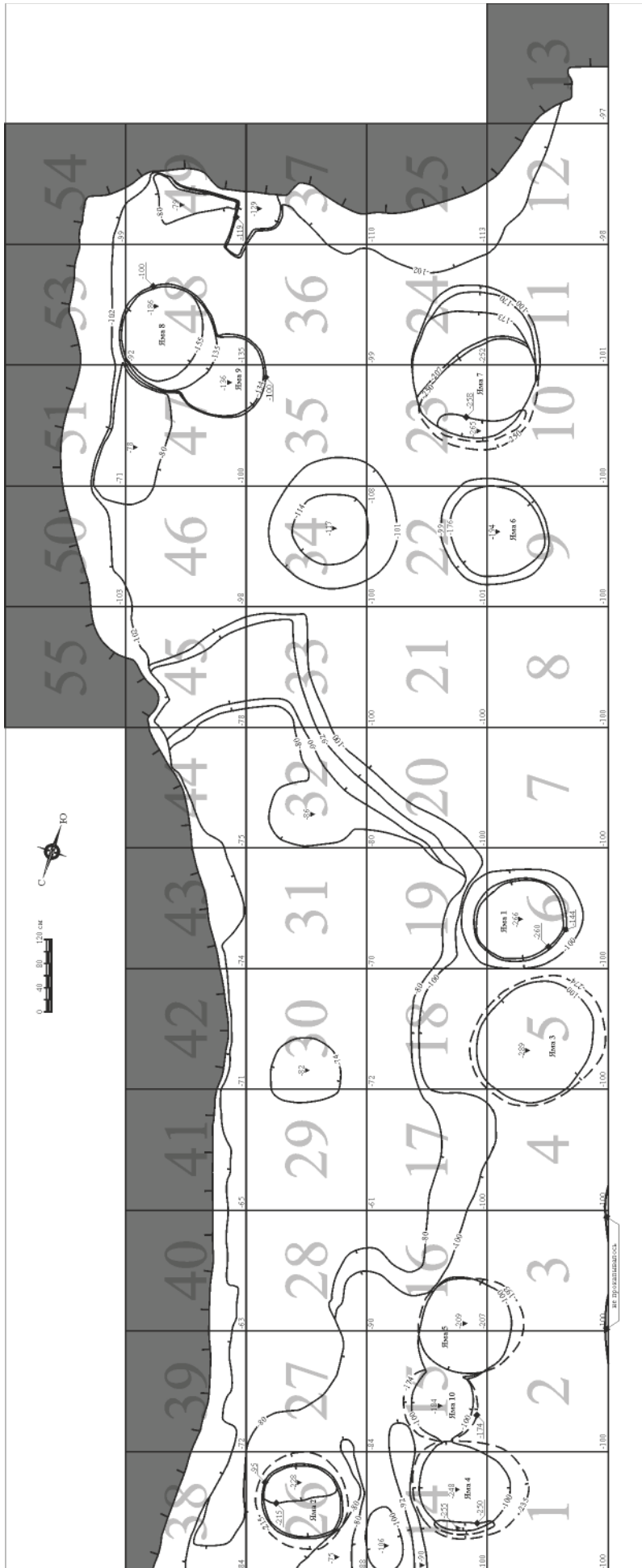

Рис. 4. Балымерское V селище – 2019 г. Раскоп III на уровне материка
Fig. 4. Balymery V village – 2019. Excavation III at mainland level

горшка) и именьковскую (56 фр.) керамику. Кроме того, из данной прослойки происходят фрагмент костяной накладки и два изделия из стенок керамических сосудов. Яма 3 первоначально имела хозяйственное назначение, после чего использовалась в качестве мусорной или помойной ямы. По стратиграфическим наблюдениям, период функционирования относится XII – первой трети XIII вв.

Яма 4 выявлена на уровне пласта 5 (-100 см от 0) на кв. 1, 14 в виде пятна округлой формы диаметром 128 см вместе со скоплениями объектов к югу от него. При выборке приобрела овальную форму размером 163×152 см, вытянутую по оси ВСВ – ЗЮЗ. Яма имеет асимметрично расширяющиеся ко дну стенки, плавно переходящие в ровное плоское дно, которое покоится на глубине -245 см от 0 (глубина ямы не менее 145 см). Находки: фрагменты керамики I группы (240 фр., в том числе реконструируемые блюдо и корчага), XIII группы (3 фр.), XVII группы (11 фр.), переотложенная именьковская керамика (25 фр.), ошлакованная керамика (2 фр.), печина (29 шт.), камни (5 шт.) и кости животных (133 шт.). Яма 4 являлась хозяйственной ямой, вероятно, XII в., которая до засыпки непродолжительное время использовалась в качестве мусорной.

Яма 5 выявлена на уровне пласта 5 (-100 см от 0) на кв. 2–3, 15–16 в виде пятна округлой формы диаметром 142 см, соединяющейся со скоплениями объектов к северу от него. При выборке яма приобрела овальную форму 163×152 см, вытянутую по оси ВСВ – ЗЮЗ. Стенки ямы вертикальные, западная стенка с подбоем, возможно, сформировавшимся в результате разрушения части стенки. Плоское дно покоится на глубине -208 см от 0 (глубина ямы не менее 108 см). Заполнение ямы состояло из прослоек, образовавшихся в результате просадки грунта, засыпки и обвала стенок ямы. Находки представлены керамикой I группы (87 фр.), XVII группы (1 фр.), переотложенными фрагментами именьковских горшков (17 фр., в том числе ошлакованная – 3 фр.), печиной (2 шт.), камнями (3 шт.) и костями животных (64 шт.). Яма 5 имела хозяйственное назначение и функционировала, возможно, в XII в.

Яма 6 выявлена на уровне пласта 5 (-100 см от 0) на кв. 9, 22 в виде пятна круглой формы диаметром 132 см. Яма имеет чуть скошенные стенки и плоское ровное дно на глубине -193 см от 0 (глубина ямы не менее 93 см). В заполнении ямы светло-серая супесь с включения-

ми суглинка мощностью до 43 см залегала на серой супеси с включениями суглинка мощностью 47–72 см. Немногие находки представлены костями животных (3 шт.), именьковской лепной керамикой (6 фр.), шлаком (1 шт.) и случайным фрагментом общеполгарской керамики. Яма 6 имела хозяйственное назначение и, по стратиграфическому положению и находкам, датируется периодом именьковской культуры (IV–VII вв.).

Яма 7 выявлена на уровне пласта 5 (-100 см от 0) кв. 10–11, 23–24 в виде пятна овальной формы размером 256×202 см, вытянутого по оси СЗ – ЮВ. Яма имеет вертикальную, расширяющуюся ко дну (с подбоем) северо-западную стенку, остальные стенки вертикальные. У юго-восточной стенки расположены материковые ступеньки: на глубине 70 см от верхнего края (-170 см от 0) шириной до 33 см и на глубине 107 см от верхнего края (-207 см от 0) шириной до 72 см. Дно ямы ступенчатой формы, понижается с юго-востока на северо-запад с отметки -250 см до -265 см (глубина ямы не менее 165 см). Возможно, подобная форма дна объекта объясняется наличием двух ям, прорезающих одна другую. Заполнение ямы состояло из прослоек, образовавшихся в результате просадки грунта, засыпки и обвалившихся стенок ямы. Из заполнения ямы происходят керамика I группы (73 фр., в том числе развалы двух горшков), XIII группы (1 фр.), XVII группы (1 фр.), переотложенная именьковская керамика (38 фр., в том числе 7 ошлакованных фр.), лепная керамика с подложённой поверхностью (1 фр.), кости животных (60 шт.). На второй ступеньке расчищен костяк кошки. Кроме того, из заполнения ямы (с глубины -158 см и -194 см от 0) происходят 2 медные монеты – болгарские фельсы, чеканенные с именем покойного багдадского халифа ан-Насир ли-дин Аллаха. Обе монеты относятся к типу № 7 (вес 3,67 г), одна к варианту № 7а (вес 1,98 г) по типологии А.З. Сунгатуллиной и датируются 40-ми гг. XIII в. (Сунгатуллина, 2003, с. 15, 71–72). Согласно нумизматическим находкам, хозяйственная яма 7 датируется второй третью XIII в.

Яма 8 начала проявляться на уровне пласта 4 (-80 см от 0) в кв. 47–48, 53 в виде пятна овальной формы 208×172 см, вытянутого по оси З – В. На уровне следующего пласта 5 (-100 см от 0) в кв. 35–36, 47–48, 53 проявилась как пятно «восьмеркообразной» формы 263×166 см, вытянутое по оси ВЮВ – ЗСЗ, образовавшееся в результате слияния двух округлых пятен от заполнения ям 8 и 9. В

процессе выборки выяснилось, что яма 8 располагалась на кв. 47–48, 52–53 и в плане имела округлую форму диаметром 166 см. Она прорезает яму 9, имеет покатуую западную и остальные вертикальные стенки. Дно понижается с запада на восток с отметки -160 см до -172 см (глубина ямы не менее 92 см). Заполнение ямы состояло из прослоек, образовавшихся в результате просадки грунта, обрушения стенок и сгоревшего перекрытия. Находки с верхней прослойки представлены фрагментами лепных горшков именьковской культуры (22 фр., в том числе 4 ошлакованных фр.), лепная керамика с подощённой поверхностью (1 фр.), печина, шлак, кости животных (2 шт.), случайная керамика I группы (2 фр.). Основное заполнение содержало именьковскую керамику (20 фр., в том числе 1 ошлакованный фр.) и 2 случайных фрагмента общеполгарской керамики.

Яма 9 располагалась на кв. 35–36, 47–48, 53, в плане имела округлую форму диаметром 144 см. Ее дневная поверхность располагалась между отметками -80/-100 см от 0. Яма имеет чуть скошенные стенки, плавно переходящие в ровное плоское дно с незначительным понижением к центру, и покоится на глубине -138 см от 0 (глубина ямы не менее 38 см). Заполнение однородное. Находок не обнаружено. Ямы 8 и 9 имели хозяйственное назначение и относятся к именьковской культуре, но по стратиграфическим наблюдениям яма 8 позднее ямы 9.

Яма 10 выявлена на уровне пласта 5 (-100 см от 0) на кв. 15 в виде пятна неопределённой формы, соединяющегося со скоплениями объектов к северу (яма 4) и югу (яма 5) от него. При выборке яма приобрела круглую форму диаметром 90 см, которая на уровне дна расширилась в диаметре до 124 см. Стенки ямы с подбоям, чашевидное в разрезе дно покоится на глубине -183 см от 0 (глубина ямы не менее 108 см). Находки: керамика I группы (9 фр.), именьковская (11 фр., в том числе 1 ошлакованный фр.), кости животных (10 шт.). Яма 10 является хозяйственной и функционировала, по стратиграфическим наблюдениям, в XI в.

В керамическом комплексе раскопа, насчитывающем 4173 обломка сосудов, в том числе реконструируемых, выделяется лепная, подправленная на подставке или круге, и круговая посуда. При определении керамики использовалась классификация Т.А. Хлебниковой, разработанная для памятников Волжской Булгарии (Хлебникова, 1984; 1988).

Круговая посуда с раскопа количеством 2123 фрагментов (50,88%) составляет половину всего керамического материала, из них 12 фрагментов ошлакованных (0,57%) и в основном состоит из I (общеполгарской) группы – 2104 фрагментов (99,7% круговой посуды, или 50,42% из общей массы керамики). Она окислительного обжига коричневого, красного и бурого цвета, выполнена из глиняной массы с малозаметными примесями мелко-го песка, иногда встречаются запесоченные фрагменты, у 11 фрагментов имеются включения мелкодробленой органики. Ассортимент посуды разнообразен: горшки, корчаги, кувшины, кружки, миски, блюда, чашки, подавляющее большинство которых имеет лощение, в одном случае зафиксировано круговое лощение по внешнему краю дна. Традиционный орнамент I группы линейный, волна и гребенчатый штамп. Сосуды выполнены как в технике ленточного налёпа, так и вытянуты из цельного куска глины (рис. 5: 1–9). На дне реконструируемого блюда I группы имеется рельефно-выпуклый знак-клеймо «ветка» (тип 53), который датируется VIII–XIV вв., но чаще встречается в слоях XI–XII вв. (Кокорина, 2002, с. 162, рис. 106) (рис. 5: 1).

Отдельную группу круговой керамики формируют фрагменты древнерусских горшков (XIV группа), в формовочной массе которых присутствуют примеси песка и дресвы, в одном случае дресвы и шамота. Поверхность шероховатая коричневого, темно-коричневого и белого цвета, украшены линейным орнаментом. Их обнаружено всего 7 фрагментов (0,3% круговой керамики) (рис. 5: 10–11).

Выделанная от руки и подправленная на круге керамика представлена группами XIII и XVII. Первая характеризуется значительным содержанием кварцевого песка в формовочной массе и следами горизонтальной срезки лишней глины. Данная группа насчитывает 13 фрагментов (0,31% от общего количества массового керамического материала). Она представлена обломками круглодонных горшков коричневого и красного цвета с характерным орнаментом в виде многорядной волны (рис. 5: 12–14).

XVII группа с мелкопесочным тестом и следами горизонтальной срезки лишней глины более представительна – 85 фрагментов (2,04% от общей массы керамического материала). Это горшки с коричневым черепком, в редких случаях с характерным орнаментом в виде волны-змейки (рис. 5: 15–18). По мнению Т.А. Хлебниковой, переходные от

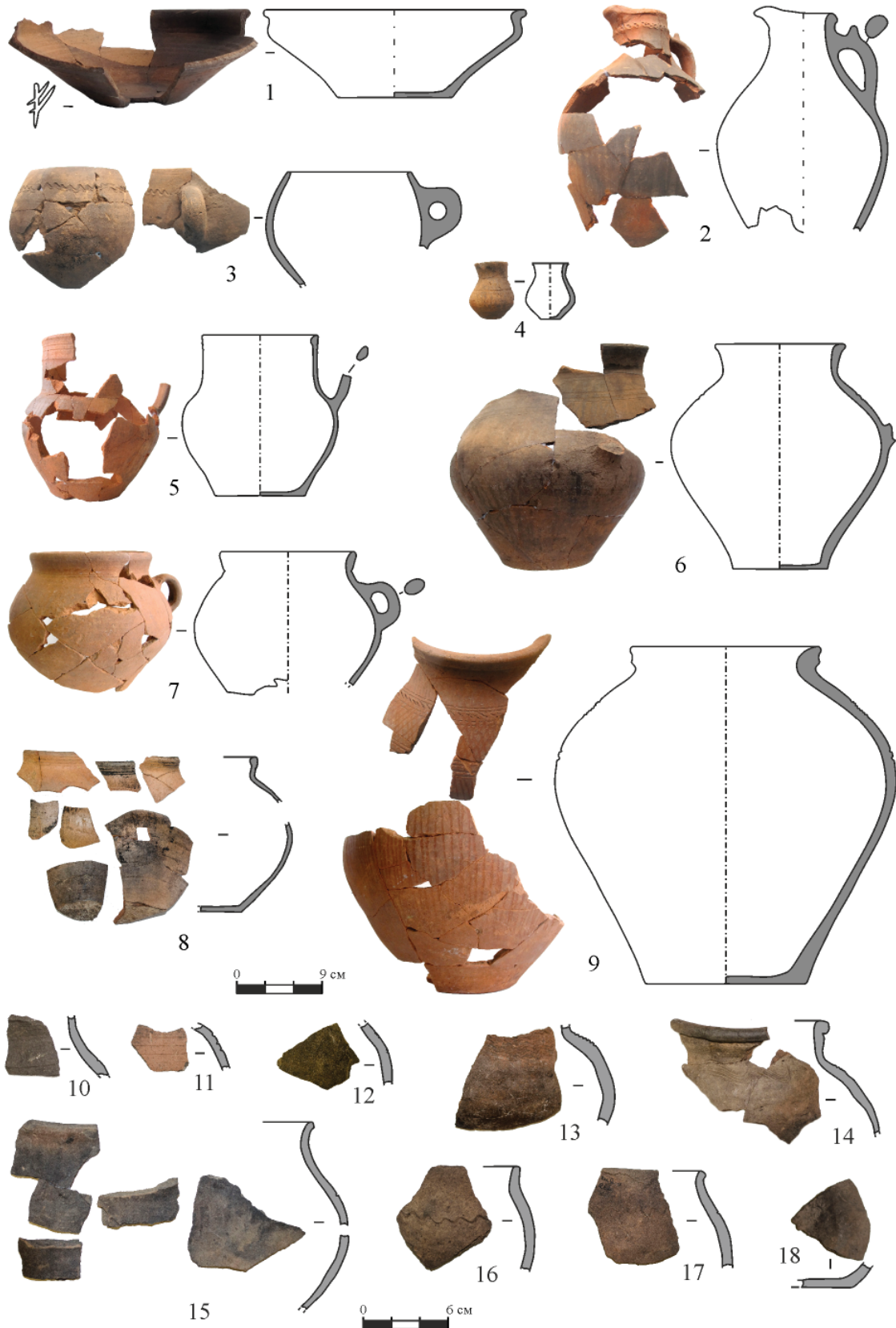

Рис. 5. Балымерское V селище – 2019 г. Вещевой комплекс раскопа III: круговая и подправленная керамика
Fig. 5. Balymery V settlement – 2019. Item complex of excavation III: circular and mended ceramics

круглодонной к плоскодонной формы керамики данной группы датируются XI–XII вв. (Хлебникова, 1988, с. 27), Н.А. Кокорина появление этой группы относит к XII в. (Кокорина, 2002, с. 31).

Основная масса лепных сосудов – «классическая» керамика именковской культуры бурого, коричневого и темно-коричневого цвета с примесью шамота различных размеров (чаще крупного) в формовочной массе

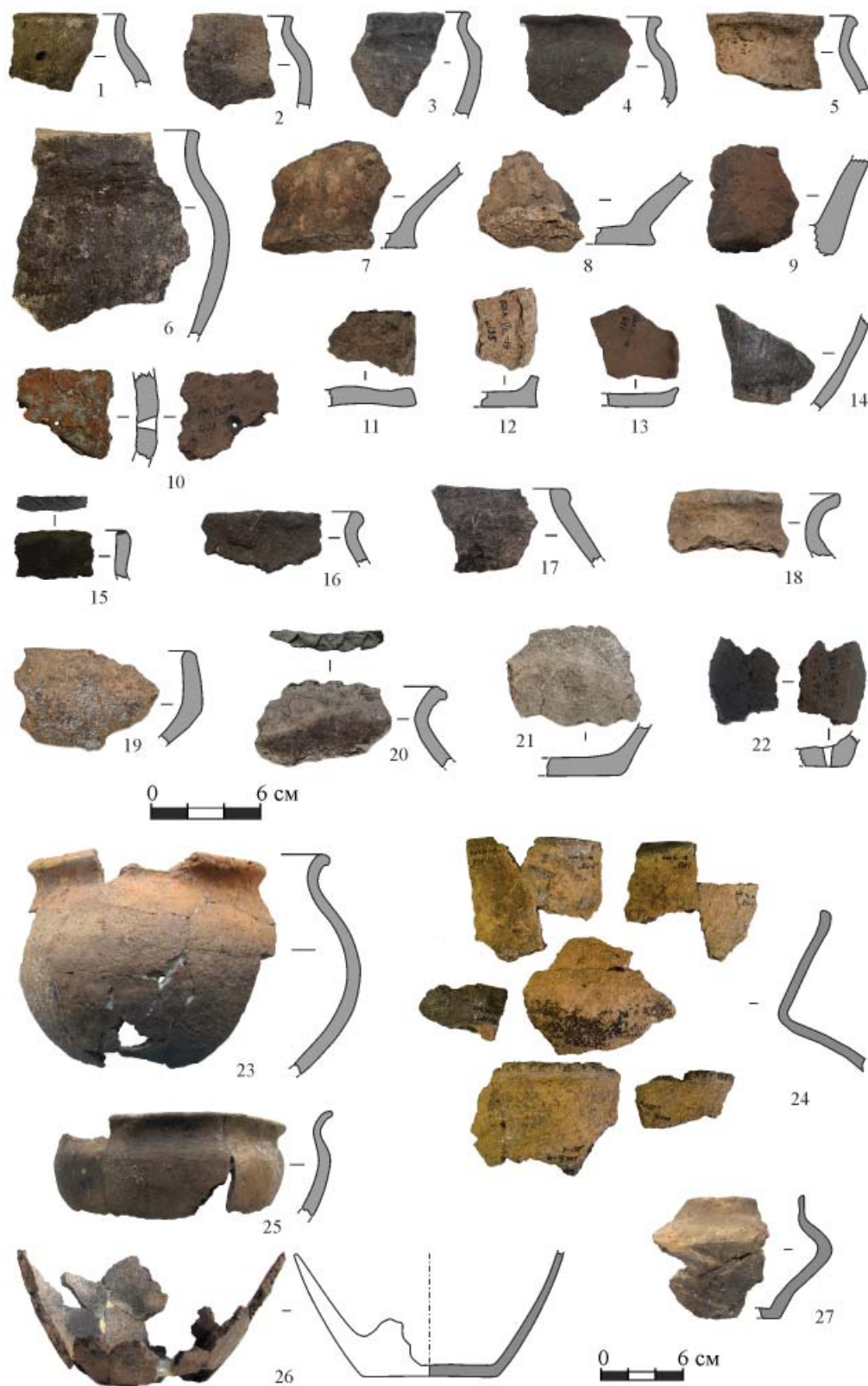

Рис. 6. Балымерское V селище – 2019 г. Вещевой комплекс раскопа III: лепная керамика раскопа III
Fig. 6. Balymery V settlement – 2019. Item complex of excavation III: molded ceramics from excavation III

(рис. 6: 1–13). Поверхность керамики бугристая, со следами заглаживания, вероятно, пучком травы. С раскопа их происходит 1888 фрагментов (45,24%), среди которых довольно много ошлакованных – 609 фрагмент (32,26% из числа именковской керамики). Некоторые

из них принадлежат жаровням или дискам-сковородам без бортика или со слабо выраженным бортиком высотой не более 0,2–0,7 см (рис. 6: 11–13). Подавляющее же большинство керамики относится к горшкам с невысоким прямым или отогнутым наружу венчиком. На

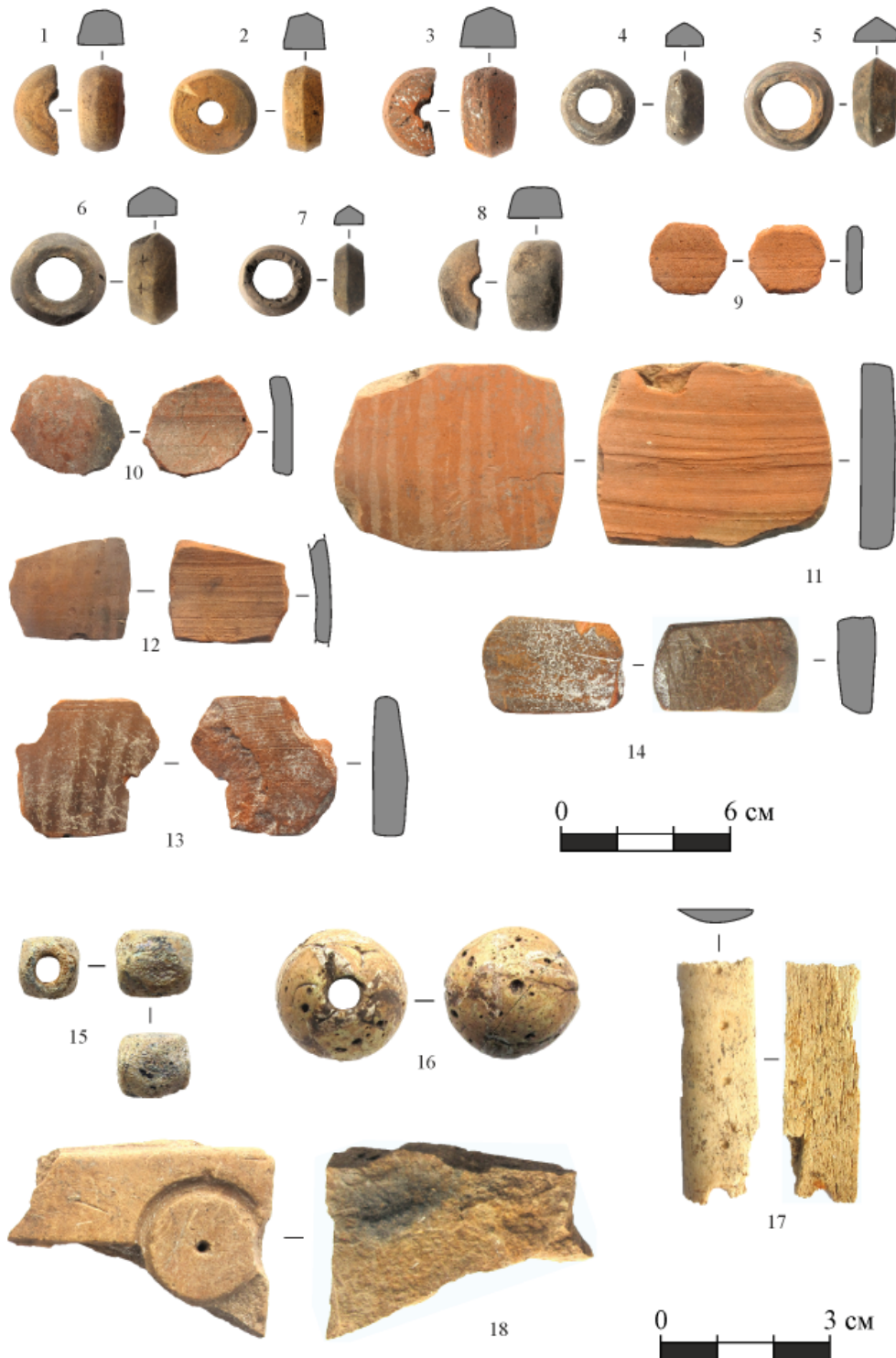

Рис. 7. Балымерское V селище – 2019 г. Вещевой комплекс раскопа III (15-16 – стекло, 17 – кость, 18 – камень, остальное – глина): пряслица (1-8), изделия из стенок сосудов (9-14), бусы (15-16), накладка (17), литейная форма (18)

Fig. 7. Balymery V settlement – 2019. Item complex of excavation III (15-16 – glass, 17 – bone, 18 – stone, others – clay): spindle (1-8), items from vessel walls (9-14), beads (15-16), pad (17), mold (18)

некоторых фрагментах хорошо заметны следы ремонта треснувших сосудов в виде сквозных отверстий. Отверстия в разрезе конусовидной формы диаметром 0,2–0,8 см (рис. 6: 1, 10). Кроме того, встречены единичные фрагменты именьковской керамики (лепной с примесями

шамота) с поверхностью, тщательно заглаженной по сырой глине, и желтоватого цвета подлощенные (рис. 6: 9).

Остальная лепная керамика (64 экз. – 1,53%), вследствие малочисленности и фрагментарности не всегда поддается рекон-

струкции, однако по контексту выявления и особенностям формовки можно отнести в целом ко второй половине I – началу II тыс. н. э. (рис. 6: 14–27). Они отличаются некоторыми различиями в примеси формовочной массы и формах сосудов. В основном их формовочные массы вместе с шамотом содержат примеси песка, выжимки, навоза или органического раствора, в двух фрагментах имеется примесь кальцинированных костей. Поверхности некоторых заглажены (иногда по сырой глине), подлощены или залощены (рис. 6: 14). Орнаментация на сосудах практически отсутствует, обнаружен один прямой венчик с косыми насечками (рис. 6: 15) и второй – отогнутый наружу, украшенный по внешнему краю вдавлениями треугольным штампом, образующими зигзаг (рис. 6: 20). Реконструируемые формы принадлежат горшкообразным и мискообразным сосудам. Аналогии некоторым из них можно найти среди древнемордовской керамики (Гришаков, 1990, с. 32–33, табл. I), на памятниках последней четверти I тыс. Ульяновского Поволжья (Вязов, Семькин, 2016, с. 31, рис. 5: 8) и др. Среди данной керамики выделяется реконструируемый круглодонный сосуд шаровидным туловом в формовочной массе с примесью фракций шамота различных размеров. Шейка невысокая, венчик отогнут наружу с небольшим утолщением по краю в результате формовки (рис. 6: 23). Подбор аналогий может привести к древностям второй половины VI – первой половины VII вв. у с. Кушнаренково в Приуралье (Генинг, 1977, с. 127, рис. 17: 1). С этими же памятниками связан и другой фрагментированный горшковидный сосуд с высоким воронкообразным венчиком и узкой горловиной, резко переходящей к ярко выраженным плечикам (рис. 6: 24). Схожие сосуды происходят с погребений 2 и 21 Кушнаренковского могильника (Генинг, 1977, с. 92, 103, 112, рис. 3: 23; 9: 1).

В единичном экземпляре найдена стенка неполированного сосуда с рифлением – амфоры трапезундской группы, которая имеет широкие рамки бытования.

К группе керамических находок примыкают пряслица (8 экз.) и изделия из стенок сосудов (5 экз.). Пряслица круговые усеченно-биконические (3 экз.), одно из них с выгнутой поверхностью, и лепные (5 экз.) усеченно-биконические и одно уплощенно-цилиндрическое. Два круговых пряслица диаметром 2,7–3 см при высоте 1,3–1,4 см, одно диаметром 3,2 см при высоте 1,9 см, имеют

небольшие диаметры отверстия – 0,7–0,8 см (рис. 7: 1–3). Они красного и желтого цвета и не редки на средневековых памятниках Среднего Поволжья.

Лепные асимметрично усеченно-биконические пряслица имеют диаметр от 2,5 см до 3 см при высоте 1,1–1,4 см. Их диаметр отверстия от 1,1 см до 1,5 см. Они коричневого цвета, поверхность тщательно заглажена (рис. 7: 4–7). На поверхности одного пряслица имеется орнамент в виде одного ряда крестиков (рис. 7: 6), на бортике второго – точечные вдавления, не образующие единый орнаментальный мотив (рис. 7: 7). Данные пряслица типичны для именьковской культуры (Старостин, 1967, с. 21, табл. 21: 4–16). Лепное уплощенно-цилиндрическое пряслице имеет следующие размеры: диаметр 3,2 см, высота 1,8 см, диаметр отверстия 0,7 см (рис. 7: 8). Аналогии ему можно найти как на памятниках второй половины I – первой половины III вв. в Самарском Поволжье (Сташенков, 2005, с. 21, рис. 6: 4), так и раннеболгарского времени (Казаков, 1992, с. 145, рис. 54: 14).

Керамические изделия из фрагментов стенок общеполгарских сосудов (5 экз.) разнообразны по форме (округлые, овальные, квадратные, прямоугольные, трапециевидные). Края изделий (торцы) заглажены или имеют следы сработанности – потертость, отточенность и сколы. Размеры прямоугольных и трапециевидных форм: длина – 4,3–8,3 см, ширина – 3,4–6,7 см, толщина стенок – 0,6–1,3 см; квадратного – 4,9×5,2×1 см; овального – 3,6×3,1×0,6 см. Округлое изделие диаметром составляет 2,4–2,6 см, выточено из стенки толщиной 0,5 см (рис. 7: 9–14). Подобные изделия часто встречаются на болгарских памятниках домонгольского и золотоордынского периода. В настоящее время, по мнению некоторых исследователей, функциональное назначение круглых изделий диаметром 1,9–4 см определяется как предметы для игр (фишки), остальные могли использоваться как ремесленный инструментарий для мздрения шкур и кожи, так и в качестве предмета личной гигиены – скребков для тела (Бадеев, 2019, с. 32–34).

Железные изделия с раскопа представлены ножами и их фрагментами (5 экз.), уздечными накладками (3 экз.), гвоздями (2 экз.), крючком и фрагментом топора. Все ножи универсального функционального назначения, длина лезвий 7,6–8,6 см при общей длине 9,6–12,4 см. На всех ножах, кроме одного, переход от лезвия к черенку с ярко выраженным

Рис. 8. Балымерское V селище – 2019 г. Вещевой комплекс раскопа III (1-3 – медь, остальное – железо): монеты (1-3), накладки ременные (4-6), крючок колчаный (7), ножи (8-11), гвозди (13-14), топор (15)

Fig. 8. Balymery V settlement – 2019. Item complex of excavation III (1-3 – copper, others – iron): coins (1-3), belt pads (4-6), quiver hook (7), knives (8-11), nails (13-14), axe (15)

упором, налезвиях фиксируется работанность (рис. 8: 8–12).

Накладки ременные (уздечные) прямоугольной вытянутой формы с гладким краем нескольких типов. Одна из них объемная сплошная П-образного сечения, имеет переднее килевидное окончание и завершение «ласточкин хвост» (рис. 8: 5). Вторая короткая плоская с небольшим бортиком по краю, имеет переднее шлемовидное окончание и фигурное завершение (рис. 8: 4). Третья накладкаи составная шарнирная с поперечными перетяжками, имеет килевидное окончание на одном

конце и гнезда для штифта на другом (рис. 8: 6). По типологии К.А. Руденко, они близки к типам Б11, Б16б–Б16в и Б5 соответственно (Руденко, 2000а, с. 249–250, рис. 2–3; 2000б, с. 49, рис. 3–4). Подобные накладки, характерные для малиновского этапа (конец XI – XII вв.) аскизской культуры (Кызласов, 1983, рис. 16), нередко происходят с поселений Волжской Булгарии XI–XII вв. (Казаков, 1984, с. 49, рис. 10: 34–36; 1991, с. 140, рис. 43: 40, 44; 2000, с. 39, рис. 5: 7, 9–12, 22; Руденко, 2015, с. 65, рис. 6: 6; 8: 15) и синхронных памятников сопредельных территорий (Иванова, 1982а, с.

13, рис. 7: 14; 1982б, с. 59, рис. 6: 6–7; 1992, 43, рис. 18: 1–20; Белорыбкин, 2000, с. 130–131, рис. 2: 9–10; 8: 2).

Ещё одной находкой, аналогии которой можно найти в малиновском этапе аскизской культуры, является крючок, в исторической литературе более употребляемый с прилагательным «колчаный». Он изготовлен из узкой пластины шириной 1,1 см и толщиной 0,27 см. Один конец пластины сплюснен и загнут в ушко, куда вставлено кольцо диаметром 1,5 см, второй заканчивается крючком с шарообразным утолщением. Общая длина изделия (вместе с кольцом) составляет 7 см. Пластина орнаментирована перетяжками, крючок – насечками. На пластине сохранились две заклепки для крепления на ремне (рис. 8: 7). Аналогичные колчаные крючки происходят с Лаишевского (Чакма) селища и других болгарских памятников (Руденко, с. 42, рис. 28: 26), а также известны в материалах Золоторевского селища (Белорыбкин, 2000, с. 133–134, рис. 6: 1–4).

Гвозди выкованы из стержня прямоугольного сечения. Они относятся к крепежно-строительным и обломаны посередине (рис. 8: 13–14). Топор вытянутый узколезвийный, ширина лезвия 4,8 см (рис. 8: 15). Он обломан у обуха, что затрудняет установление культурно-хронологической принадлежности, тем не менее следует отметить, что подобные формы топоров в Среднем Поволжье скорее характерны для именьковских древностей (Вязов, 2012).

В раскопе обнаружены 3 медные монеты, представляющие собой болгарские фельсы, чеканенные с именем покойного багдадского халифа ан-Насир ли-дин Аллаха (рис. 7: 1–3). Две из них происходят с ямы 7 и описаны выше, третья – из культурного слоя и относится к типу № 7а (вес 2,34 г). Монеты не имеют следов перечеканки штемпелями с именем каана Менгу и датируются 40-ми гг. XIII в. (Сунгатуллина, 2003, с. 15, 71–72). Находки подобных монет на данной территории уже встречались. По сообщению Н.П. Лихачева, в 1889 г. два фельса с именем ан-Насир ли-дин Аллаха (одна с перечеканкой от имени Менгу каана) были обнаружены при костяке, выявленном крестьянином Гребенского выселка на северо-западной окраине с. Балымеры при рытье погребка (Лихачев, 1890, с. 108–110).

Находки предметов из прочих материалов в раскопе единичны. Это фрагменты камен-

ной литейной формы и костяной накладки, а также две стеклянные бусины.

Литейная форма представлена обломком створки 4,5×3,3×0,9 см, изготовленной из алевралита. Тыльная сторона отколота, рабочая поверхность тщательно выравнена, на которой частично сохранилось гнездо для отливки ювелирного изделия с элементом в виде кольца диаметром 2 см (рис. 7: 18).

Накладка в сечении полукруглой формы шириной 1,3 см, высотой 0,3 см, сохранилась в длину 4,1 см. Концы обломаны, на одном заметны следы сквозного отверстия. На лицевую поверхность по центру длинной оси нанесены круглые вдавления диаметром около 0,1 см, на расстоянии 0,9–1,1 см друг от друга (рис. 7: 17). Возможно, накладка является скрепляющей планкой двухстороннего наборного гребня, которые известны с Болгарского городища (Закирова, 1988, с. 230, рис. 102: 3) и по материалам Новгорода датируются XII–XIII вв. (Колчин, 1958, с. 102, рис. 5: 7; 6), или костяной накладкой на колчан, схожие с которой находятся среди материалов Билярского городища (Культура Биляра, 1985, с. 137, табл. XLVII: 6).

Бусы имеют характерные следы иризации, вследствие чего обесцвечены (рис. 7: 15–16). Одна из них шарообразная диаметром 2,1 см, вторая – граненая, представляет собой прямоугольный параллелепипед со срезанными углами размером 1,2×1×1,1 см.

Исходя из результатов исследований, территория Балымерского V селища начала осваиваться в именьковское время (IV–VII вв.). В период Волжской Булгарии территория именьковского селища перерабатывается в результате хозяйственной деятельности и распашки, о чём свидетельствует большое количество именьковского материала в слоях болгарского поселения. Время бытования болгарского поселения в результате исследований определено интервалом XI (скорее всего, его второй половины) – середины XIII вв., синхронно функционированию Балымерского II могильника. После монгольского завоевания поселение продолжало существовать на этапе становления Улуса Джучи, о чём могут свидетельствовать находки монет 40-х гг. XIII в., обнаруженных как в культурном слое, так и в одном из объектов. Вероятно, с данным периодом жизни поселения связаны погребения на курганном могильнике, расположенном к северо-западу от селища.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 112 с.

Бадеев Д.Ю. О вариативности использования изделий из фрагментов керамических сосудов (по материалам исследований средневекового Болгара) // Азак и мир вокруг него. Материалы Международной научной конференции. Азов, 14–18 октября 2019 г. / Донские древности. Вып. 12 / Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2019. С. 30–34.

Вязов Л.А. О происхождении топоров именьковской культуры // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: ЯЗ, 2012. С. 43–53.

Вязов Л.А., Семькин Ю.А. Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье / Археология Симбирского-Ульяновского Поволжья. Вып. 1. Ульяновск: НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина, 2016. 227 с.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI – VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 90–136.

Гришаков В.В. Керамика среднецинцинской мордвы // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 99 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. С. 32–52.

Ефимова А.М. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР // МИА. № 111. М.: Наука, 1962. С. 25–48.

Жиромский Б.Б. Древнеродовое святилище «Шолом» // МИА. № 61. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 424–450.

Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 220–243.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Болгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: ИИ АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.

Кочкина А.Ф. Находки предметов «аскизского» круга с Муромского городка // Археология Поволжья / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского, 2001. С. 140–142.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2. С. 92–111.

Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. 216 с.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. Вып. Е3-18. М.: Наука, 1983. 128 с.

Лихачев Н. О двух фельсах, найденных около сельца Балымер, Казанской губернии // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. V. 1890. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1890–1891. С. 108–110.

Руденко К.А. Булгарские железные пряжки и накладки (X – XIV вв.) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 237–253.

Руденко К.А. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Болгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: ГОМ РТ, 2000. С. 47–127.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв.: Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Казань: Заман, 2001. 256 с.

Руденко К.А. Исследования археологических памятников у с. Балымери в 1996–1998 гг. // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 70–77.

Руденко К.А. Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона / Отв. ред. Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 36–66.

Руденко К.А. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 г. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. 400 с.

Свод археологических памятников Республики Татарстан. Т. 3. / Отв. ред. А.Г. Ситдинов, Ф.Ш. Хузин. Казань, 2007. 528 с.

Смолин В.Ф. Раскопки «Шолома» в селе Балымерах Спасского кантона Татарской Республики в 1924–1925 гг. (краткий обзор) // ИОАИЭ. Т.33. Вып. 2–3. Казань, 1926. С. 113–130.

Спицын А.А. Заметки из поездки 1898 года // Известия ИАК. Вып. 60. Спб., 1916. С. 73–93.

Старостин П.Н. Балымерский «Шелом» – городище // Вопросы истории и литературы Среднего Поволжья / Ред. А.М. Залылов. Казань: ИЯЛИ, 1965. С. 59–68.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д1-32. М.: Наука, 1967. 97 с.

Сингапуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.

Халикова Е.А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР // КСИА. Вып. 104. М.: Наука, 1965. С. 110–116.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

Хлебникова Т.А. Неполноватая керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука. 1988. С. 7–102.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Вязов Л.А., Салова Ю.А. Исследования вала городища «Шолом» в 2014 г. // Поволжская археология. 2017. №2 (20). С. 108–126.

Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Типография Казанского ун-та, 1877. 586 с.

Информация об авторах:

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vtr80@yandex.ru.

Степанов Родион Алексеевич, аспирант отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); outdancer@bk.ru

REFERENCES

Starostin, P. N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Western Trans-Kama Region)* I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Badeev, D. Yu. 2019. In Mamichev, E. E. (ed.). *Azak i mir vokrug nego (Azak and the World Around It)*. Series: Donskie drevnosti (Antiquities of the Don) 12. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 30–34 (in Russian).

Vyazov, L. A. 2012. In Valiulina, S. I. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ia. K 65-letiiu studentcheskogo arkheologicheskogo kruzha Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: "IaZ" Publ., 43–53 (in Russian).

Vyazov, L.A., Semykin, Yu.A. 2016. *Gorodishhe i selishhe Novaja Beden'ga: epoha Velikogo pereselenija narodov v Ul'janovskom Predvolzh'e (Novaya Bedenga hillfort and settlement: the Migration period in the Ulyanovsk region)*. Series: Arheologija Simbirskogo-Ul'ianovskogo Povolzh'ia (Archaeology of the Simbirsk-Ulyanovsk Volga Region) 1. Ulyanovsk, (in Russian).

Gening, V. F. 1977. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Iuzhnogo Urala (Studies on the Archaeology of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 90–136 (in Russian).

Grishakov, V. V. 1990. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Srednevekoveye pamiatniki Oksko-Surskogo mezhdurech'ia (Medieval Sites of the Oka-Sura Interfluvium)*. Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography 99. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 32–52 (in Russian).

Efimova A. M. 1962. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 111. Moscow: "Nauka" Publ., 25–48 (in Russian).

Zhiromsky B. B. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 61, 424–450 (in Russian).

Zakirova, I. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 220–243 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th–13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

Kochkina, A. F. 2001. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Arkheologiya Povolzhia (Archaeology of the Volga Area)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 140–142 (in Russian).

Kolchin, B. A. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 92–111 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. (ed.). 1985. *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X–XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. (Askiz Culture of South Siberia in the 10th – 14th cc.)*. Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* E3-18. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Likhachev, A. F. 1890–1891. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Oriental Branch of the Imperial Russian Geographic Society)*. V. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 108–110 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Funeral Rite)*. Series: *Proceedings of the State Historical Museum* 122. Moscow: State Historical Museum, 237–253 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2000. In Rudenko, K. A. (ed.). *Askizskie drevnosti v srednevekovoi istorii Evrazii (Askiz Antiquities in the Medieval History of Eurasia)*. Kazan: State United Museum of the Republic of Tatarstan, 47–127 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2001. *Tiurkskii mir i Volgo-Kam'ye v XI–XIV vv.: Izdeliia askizskogo kruga v Srednem Povolzh'ye (Turkic World and the Volga-Kama Region in the 11th – 14th cc.: Articles of the Askiz Range in the Middle Volga Region)*. Kazan: “Zaman” Publ. 141 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2002. In Kazakov, E. P. (ed.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: “Master-Line” Publ., 70–77 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2004. In Shutova, N. I. (ed.). *Kul'tovye pamiatniki Kamsko-Viatskogo regiona: Materialy i issledovaniia (Cult Sites of Kama and Vyatka Rivers Region: Materials and Studies)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 36–66 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2015. *Issledovaniia VI Alekseevskogo i Murzikhinskogo selishch v Tatarstane v 1992–1996 g. (Studies of VI Alekseevskoye and Murzikha Settlements in Tatarstan in 1992–1996)*. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ. (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. (ed.). 2007. *Svod arkheologicheskikh pamiatnikov Respubliki Tatarstan (Corpus of Archaeological Sites of the Republic of Tatarstan)*. Kazan (in Russian).

Smolin, V. F. 1926. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* 33 (2–3). Kazan, 113–130 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1916. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 60. Saint Petersburg, 73–93 (in Russian).

Starostin, P. N. 1965. In Zalyalov, A. M. (ed.). *Voprosy istorii i literatury Srednego Povolzh'ia (Issues of History and Literature of the Middle Volga Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 59–68 (in Russian).

Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture)*. Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* D1-32. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Towns in 13th c.)*. Kazan: “Zaman” Publ. (in Russian).

Khalikova, E. A. 1965. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 104. Moscow: “Nauka” Publ., 110–116 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bulgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: “Nauka” Publ., 7–102. (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A., Vyazov, L. A., Salova, Yu. A. 2017 In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 20 (2), 108–126 (in Russian).

Shpilevskii, S. M. 1877. *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamiatniki v Kazanskoj gubernii (Ancient Towns and Other Bulgar-Tatar Sites in the Kazan Province)*. Kazan: Typography of the Kazan University (in Russian).

About the Authors:

Valiev Renat R. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; vrr80@yandex.ru

Stepanov Rodion A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; outdanger@bk.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.43.54>**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ГОРОДИЩА ДЖУКЕТАУ**

© 2021 г. В.Н. Бахматова, Н.Г. Набиуллин

Охранно-спасательные археологические исследования велись Институтом археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан на территории Чистопольского района РТ, на городище Джукетау, частично занятым Чистопольским элеватором. Памятник является частью комплекса археологических остатков средневекового болгаро-татарского города Джукетау («Жукотин» древнерусских летописей) X–XIV вв. В стратиграфии культурных напластований раскопа выделяется два слоя – I (современный, XIX–XXI вв.) и III (домонгольский, X – первая треть XIII вв.) по общей стратиграфической шкале памятника; слой II золотоордынский (вторая треть XIII–XIV вв.) на исследованном участке не прослежен. Среди выявленных объектов интерес представляют сооружения типа хозяйственных, линия столбовых ям вдоль обрыва к камскому берегу. Вещевой материал представлен глиняной посудой, в основном гончарной «общebolгарской», «джукетау», «прикамско-приуральской», небольшим количеством бытовых предметов.

Ключевые слова: археология, Республика Татарстан, Чистополь, Джукетау, Жукотин, Волжская Булгария, X–XIV вв.

NEW STUDY MATERIALS ON JUKETAU FORTIFIED SETTLEMENT**V.N. Bakhmatova, N.G. Nabiullin**

Security and rescue archaeological studies were performed by the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in Chistopol District of the Republic of Tatarstan at Juketau fortified settlement partially accommodating the Chistopol elevator. The site is part of a complex of archaeological remains of a medieval Bolgar-Tatar city of Juketau (referred to “Zhukotin” in Old Russian chronicles) of the 10th–14th centuries. The stratigraphy of cultural strata of the excavation features two distinguished layers – I (modern, 19th–21st centuries) and III (pre-Mongol, 10th – first third of the 13th centuries) in terms of the general stratigraphic scale of the site; layer II of the Golden Horde (second third of the 13th–14th centuries) has not been traced in the studied area. Of particular interest among the discovered objects are structures of the household type, a line of pole pits located along the cliff directed towards the Kama coast. The material items are represented by clay ware, mainly “common Bolgar”, “Juketau”, “Kama-Ural” pottery, and a small number of household items.

Keywords: archaeology, the Republic of Tatarstan, Chistopol, Juketau, Zhukotin, Volga Bulgaria, 10th–14th centuries.

В 2013 г. были продолжены археологические исследования комплекса памятников Джукетау X–XIV вв., расположенного на левом берегу р. Кама (Куйбышевское водохранилище), на западной окраине г. Чистополь (рис. 1), на городище, частично занятым Чистопольским элеватором.

Работы на Джукетау проводились в 1970-е годы Т.А. Хлебниковой (Хлебникова, 1975, с. 234–251), в 1990 г. возобновились Ф.Ш. Хузиным (Хузин, Набиуллин, 1999, с. 90–113) и были продолжены Н.Г. Набиуллиным. В последующие годы масштабы исследований памятника вновь сократились. При этом охранно-спасательные исследования проводились в основном на территории Донауровского II селища, в зоне разрушения Куйбышевского водохранилища, и, таким образом, находки из городища были представлены слабее, что не всег-

да позволяло корректно сравнивать разные участки комплекса памятников Джукетау.

Одним из важных результатов предшествующих исследований является разработка стратиграфической шкалы Джукетау, соотнесенная с периодизацией Волжской Булгарии (в первую очередь, г. Болгара) и восточноевропейской средневековой истории. В общей стратиграфической шкале Джукетау выделяется три слоя – от современности до времени начала заселения булгарами территории памятника: слой I – современный, XIX–XXI вв.; слой II, золотоордынский, со второй трети XIII в. по XIV в.; слой III, домонгольский, с X в. по первую треть XIII в. (1236 г.?).

В целях настоящего исследования безусловную ценность представляют результаты предшествующих исследований, проведенных непосредственно на городище Джукетау.

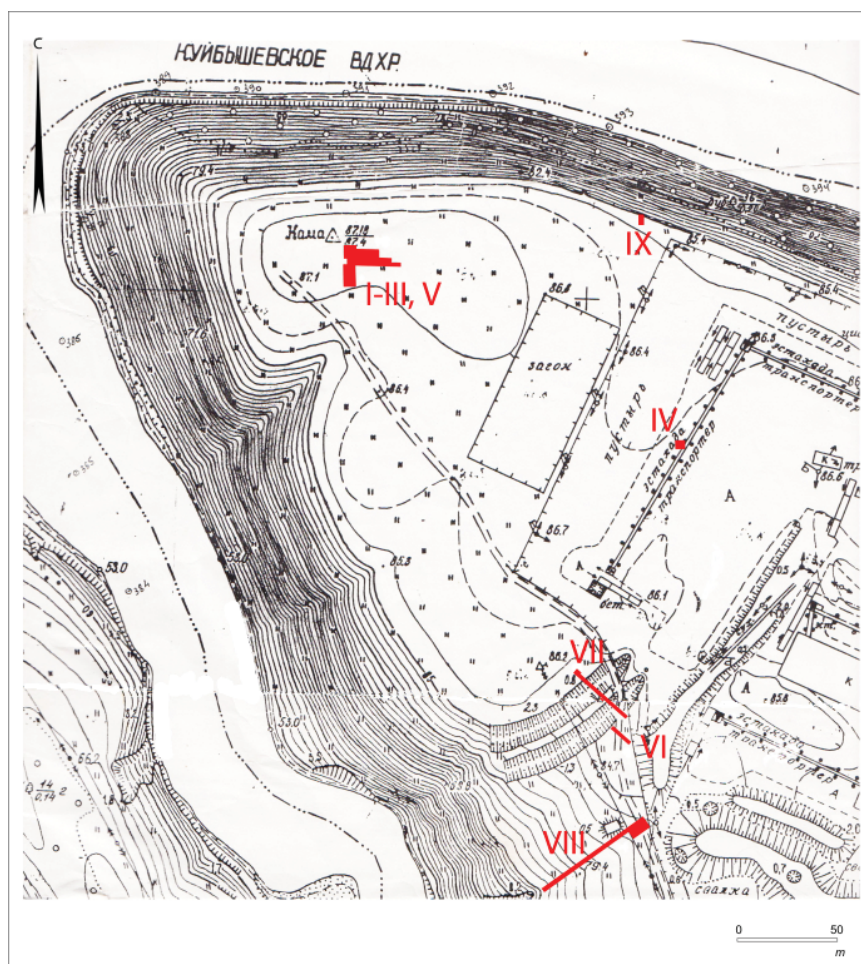

Рис. 1. План городища Джукетау с указанием раскопов
Fig. 1. Plan of Juketau settlement indicating the excavations

В 1970-е гг. Т.А. Хлебниковой были проведены исследования в северо-западной части городища (раскопы I–III) (Хлебникова, 1975, с. 234–251). В 1990-е гг. к ним с юга был прирезан еще один раскоп V. Все отложившиеся культурные напластования, объекты, вещевой материал были датированы домонгольским временем. Принципиальное значение имеет датировка оборонительных сооружений (раскопы VI, VII). На основании имеющихся материалов валы и слой под ними датируются в пределах X – первой трети XIII вв. Золотоордынские слои и материалы здесь не выявлены, традиционная точка зрения о восстановлении валов городища после монгольского нашествия по материалам проведенных исследований пока не подтверждается (Набиуллин, 1998, с. 219–223). Близкую датировку имеет расположенное за оборонительными сооружениями Крутогорское селище, на котором был выявлен могильник (раскоп VIII). Его исследованная часть датирована первой половиной домонгольского времени (Набиуллин, 2003, с. 44–61).

Раскоп IX площадью 111 кв. м был заложен в северо-восточной части городища, в непо-

средственной близости к обрыву к р. Кама, вытянут по линии север – юг (рис. 1). Общая мощность культурного слоя от 25 см, повышается к склону до 150 см, в стратиграфии культурных напластований выделяется два слоя – XIX–XXI вв. и средневековый (рис. 3). Под дерном и поддерновым слоем выделяется горизонт распашки второй половины XIX – начала XX вв. Распашка перерабатывает нижележащие средневековые напластования. В переработанном средневековом слое фиксируются включения древесного угля, который, как принято считать, маркирует завершение домонгольского периода на памятнике («пожарище 1236 г.»). находки в современном слое представляют собой в основном переотложенные мелкие фрагменты неполивной болгарской керамики домонгольского и общеполгарского облика, кости животных при практически полном отсутствии находок нового времени.

Средневековый слой вне объектов в целом может быть охарактеризован как буро-серая средней плотности супесь с включениями мелкой известняковой крошки, мощность 15–30 см (формировалась вне склона) и серая

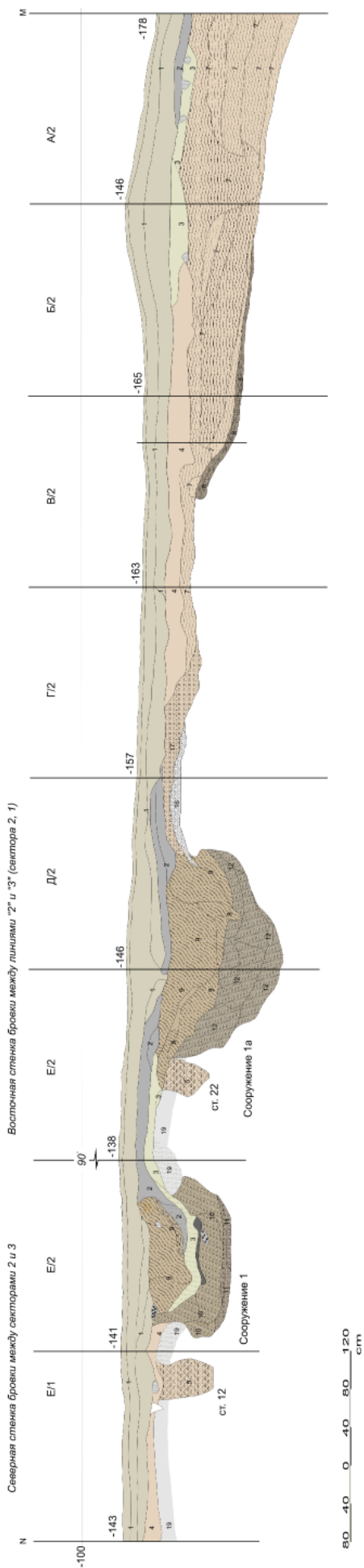
Рис. 2. Вид на раскоп с северо-востока
Fig. 2. View of the excavation from the north-east

с буроватым оттенком средней плотности супесь средней гумусированности, с включениями средних и крупных известняковых камней мощностью до 70 см (напластования, отложившиеся на склоне). На участках начала склона к р. Кама, не затронутых поздней распашкой, в основании культурного слоя зафиксированы напластования мощностью до 15 см с признаками длительного спокойного формирования. На фоне в целом аморфной структуры вышележащих средневековых напластований структурно отличаются от них и обладают плотностью, слоистостью, относительно заметной гумусированностью и др. Предположительно могут быть сопоставлены с напластованиями, которые сформировались при первоначальном освоении территории и частично сползли по склону, где избежали переработки. Кроме этого, на некоторых участках вне склона в основании культурного слоя фиксируется переработанный подзол с суглинком со средней мощностью 15 см, постепенно переходящий в материковый суглинок, без зафиксированных культурных остатков (первоначальная распашка?).

На основании комплекса находок, в основном характерных черт неполивной глиняной посуды, средневековый слой датируется не точнее, чем домонгольское время. Для абсолютной датировки методами археологии

недостаточно данных. Соотнося с общей стратиграфической шкалой памятника, слой на исследованном участке датируем X – первой третью XIII вв.; более узкую датировку в пределах горизонтов пока сделать не удастся. Со слоем соотносятся все выявленные в раскопе объекты (рис. 4).

Сооружение 1 на уровне окончательного выявления представляло собой пятно подовальной формы размерами 290×200 см, вытянутое по линии север – юг, заполненное серой с буроватым оттенком средней плотности гумусированной супесью с включениями древесного угля, крупных и средних известняковых камней. После окончательной выборки выявилась яма глубиной не менее 80 см с неровными скошенными вовнутрь стенками, относительно ровным и плоским дном, с примыкающей с юга ступенью. По имеющимся признакам, правда, невыразительным, с большой долей осторожности можно предположить наличие в основной яме деревянной конструкции и забутовки. Функционально сооружение 1 интерпретируется как яма типа хозяйственной. В заполнении найдены фрагменты неполивной глиняной посуды (122 ед.), в том числе «общеполгарская» (35 ед.), «джукетау» (82 ед.) и др., глиняное ложило из стенки посуды, железный гвоздь, «каблук», обработанная кость, кости животных.

Условные обозначения

- 1 серая с буроватым оттенком средней плотности гумусированная сулесь
- 2 тёмно-серая гумусированная плотная сулесь с включениями древесного угля
- 3 серая сулесь средней плотности с мелкими включениями известняковой крошки
- 4 буро-серая средней плотности сулесь с включениями мелкой известняковой крошки
- 5 буро-серая средней плотности сулеси с включениями мелкой известняковой крошки (в заполнении ям)
- 7 буровато-серая средней плотности сулесь с включениями мелкой и средней известняковой крошки
- 8 тёмно-серая слоистая гумусированная сулесь
- 9 серая с буроватым оттенком средней плотности гумусированная сулесь с включениями древесного угля, крупных и средних известняковых казней
- 10 буро-серая средней плотности сулесь с включениями мелкой известняковой крошки
- 11 бурая средней плотности сулесь с включениями комков подзола, суглинка
- 12 светло-серая средней плотности сулесь с частыми включениями мелкой известняковой крошки
- 16 светло-серая (белесая) рыхлая сулесь с подзолом, суглинком, мелкой известняковой крошкой
- 17 серая (тёмно-серая) средней плотности сулесь
- 19 подзол, переходящий в материковый суглинок

Рис. 3. Профиль развертки по линии N – M
Fig. 3. Scanning profile along the N – M line

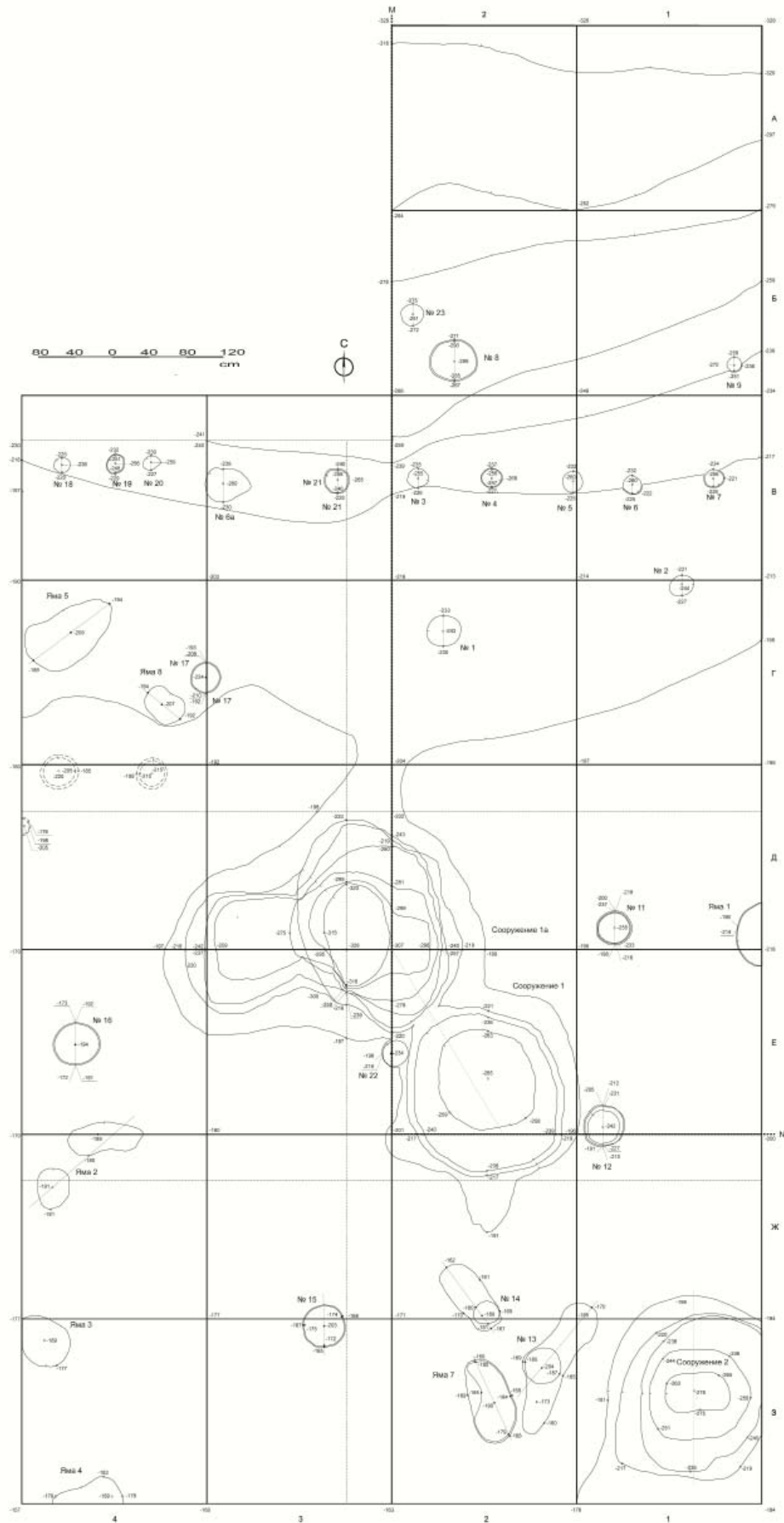

Рис. 4. План раскопа на уровне материковой поверхности

Fig. 4. Excavation plan at mainland surface level

Сооружение 1а выявилось с северо-западной стороны сооружения 1 и на уровне окончательного выявления представляло собой пятно подгрушевидной формы размерами 340×200–250 см, вытянутое по линии запад – восток, заполненное структурой, близкой к заполнению сооружения 1. После окончательной выборки выявилась яма глубиной не менее 130 см с неровными стенками и дном, с примыкающей с запада ступенью. Функционально интерпретируется как яма типа хозяйственной. В заполнении найдены фрагменты неполивной глиняной посуды (80 ед.), в том числе «общеболгарская» (48 ед.), «джукетау» (27 ед.) и др., известняковые грузила и прочий обработанный камень, кости животных.

Сооружение 2 выявилось в юго-восточном углу раскопа, в виде округлого уходящего за восточные и южные пределы раскопа пятна размерами не менее 220 × не менее 170 см с основным заполнением в виде тёмно-серой гумусированной плотной супеси с включениями древесного угля. После окончательной выборки – яма глубиной не менее 106 см с относительно плоским неровным дном, в северо-западной части имела ровную скошенную, более отвесную стенку, в южной части – скошенные ступенчатые стенки. Функционально интерпретируется как яма типа хозяйственной. В заполнении сооружения 2 найдены фрагменты неполивной глиняной посуды (202 ед.), в том числе «общеболгарская» (45 ед.), «джукетау» (154 ед.) и др., глиняный тигель (?), известняковые грузила, кости животных.

Остальные объекты представляли собой ямы (№№ 1–8) разных форм и сечений с невыраженным функциональным назначением, а также ямы типа столбовых (№№ 1–23). В расположении по крайней мере ям типа столбовых №№ 3–7, 18–21, а также ямы 6 наблюдается определенная система – они располагаются по линии запад – восток, т.е. вдоль обрыва к р. Кама.

Из-за сохранности культурного слоя все выявленные на раскопе объекты стратиграфически удастся отнести ко времени не точнее, чем домонгольское. Кроме заполнения котлованов объектов после окончания их функционирования, в некоторых случаях фиксировались признаки, которые позволяли предположительно выделить горизонты функционирования и строительства объектов. Из-за переработанности дневных уровней не выявляется относительная хронология объектов, в том числе и расположенных

рядом, взаимно пересекающихся (в том числе в единых вертикальных разрезах сооружений 1 и 1а¹). Вещевой материал из ям в основном происходит из заполнения котлованов после окончания функционирования объектов.

Вещевой материал из раскопа представлен в основном неполивной керамикой (1400 ед.²; в том числе из слоя 988 ед., 70,57% и всего из заполнения объектов 412 ед., 29,43%). Вне объектов основная выборка происходит из пластов 1–3 (86,64%). На уровне последующих пластов культурный слой фиксируется в основном в северной части раскопа, на участке склона, поэтому совокупное количество керамики резко уменьшается. Среди наиболее насыщенных культурными остатками объектов оказалось сооружение 2, давшее 202 фрагмента керамики (14,43% из совокупного количества керамики из раскопа); меньше керамики в сооружениях 1 и 1а (соответственно 122 фрагмента (8,71%) и 80 фрагментов (5,71%) из совокупного количества керамики из раскопа). Используя в обработке разработанные систематизации (Васильева, 1993; Хлебникова, 1984; Хлебникова, 1988; Кокорина, 2002; Казаков, 2007), удается выделить следующие группы гончарной и так называемой «традиционной» посуды³.

«Общеболгарская» (группа I) (рис. 5) – гончарная мелкопесочная посуда самых разных форм. В общем керамическом комплексе раскопа составляет более трети – около половины (545 ед., 38,93%; сопоставима доля и в совокупной выборке вне объектов 413 ед., или 41,80%). По способу изготовления две трети составляют тянутые, треть – скульптурная лепка. Большинство экземпляров – коричневого цвета (474 ед., 86,97% среди общеболгарской посуды), имеют лощение (440 ед., 80,73% среди общеболгарской посуды).

Керамика «джукетау» (группа XIII) (рис. 6–8). В общем керамическом комплексе раскопа составляет примерно половину (753 ед., 53,79%; сопоставима доля и в совокупной выборке вне объектов – 486 ед., или 49,19%). Исследователями описана как посуда преимущественно горшковидных и чашевидных форм, изготовленная вручную или с подправкой на гончарном круге, с обильными включениями песка в тесте, с подцилиндрической или раструбообразной горловиной, орнаментированная по плечу многорядной крутой волной.

В фактуре теста основной части посуды визуально прослеживалась только примесь песка, около четверти посуды содержа-

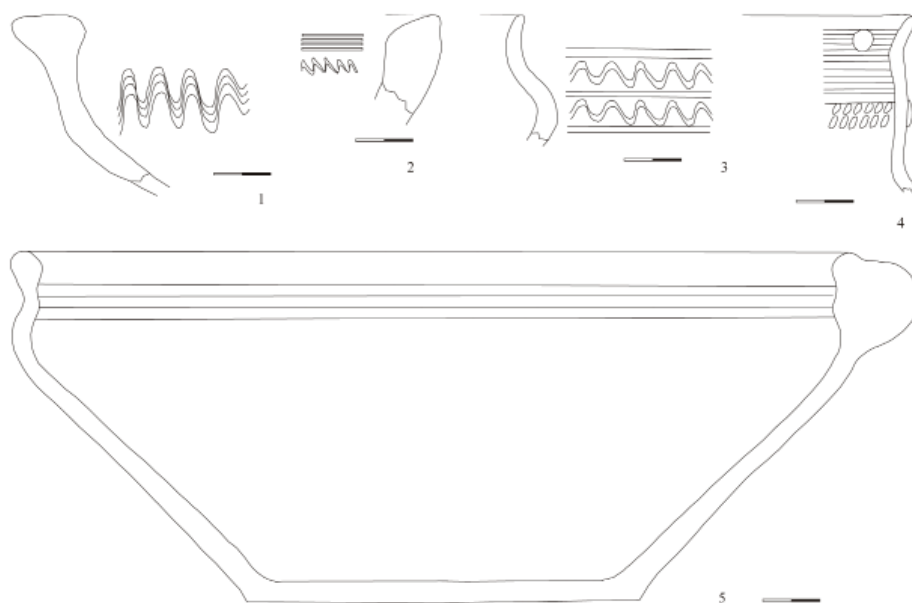

Рис. 5. Фрагменты общеболгарской посуды.

1. Дж13-IX/1611, уч. Е/1, шт. 1; 2. ДжIX-13/ 1096, уч. Ж/3, шт. 2 ; 3. Дж13-IX/398, уч. А/1, шт. 3; 4. Дж13-IX/1545, соор. 1, выб. 2; 5. Дж13-IX/ 1415, соор. 1а, выб. 6

Fig. 5. Fragments of common Bolgar ware.

1. Dzh13-IX/1611, plot E/1, item 1; 2. DzhIX-13/1096, plot Zh/3, item 2 ; 3. Dzh13-IX/398, plot A/1, item 3; 4. Dzh13-IX/1545, build. 1, coll. 2; 5. Dzh13-IX/1415, build. 1a, coll. 6

ло, кроме этого, примесь шамота, а совсем небольшая часть, кроме песка – толченой раковины. Две трети посуды (496 ед., 65,87% среди посуды «джукетау») имеет коричневый цвет, треть – серый цвет (242 ед., 32,14% среди посуды «джукетау»). Более половины фрагментов имело прослойку в изломе.

В керамическом комплексе раскопа есть небольшая часть посуды, несущей характерные черты «общеболгарской» и одновременно с заметным содержанием песка в тесте, что свойственно для состава теста посуды «джукетау» («I + XIII»; 7 ед.).

Хорошо выделяется «традиционная» керамика с примесью в тесте толченой раковины, среди которой фрагменты чашевидной посуды с хорошо выраженной подцилиндрической и раструбообразной горловиной, с отпечатками шнурового орнамента по шейке и гребенчатым штампом по плечу (группа VII по Т.А. Хлебниковой; керамика «постпетрогромского типа» по Е.П. Казакову; 54 ед., 3,86%). Сходными чертами обладает и посуда группы VIII (6 ед., все вне объектов).

Интерес представляют смешанные, «гибридные» экземпляры, несущие признаки, характерные для разных групп «традиционной» посуды, в том числе «джукетау» и «прикамко-приуральской» (12 ед.)

Получена небольшая выборка лепной посуды с шамотной примесью в тесте (12 ед.), в том числе пестикообразные ручки, истоки которой увязываются с салтово-маяцкими древностями (группы II и/или XI) (Бахматова, Набиуллин, 2013, с. 232–235; Бахматова, Набиуллин, 2018, с. 253–274).

Сравнение относительного содержания групп посуды в общем керамическом комплексе раскопа и непосредственно из культурного слоя вне объектов дает практически одну и ту же картину. Это вполне объясняется тем, что фактически весь слой переработан распашкой, а основные заполнения объектов, как указывалось, сформировались после окончания их функционирования.

Практически во всех отдельно взятых пластах с представительными выборками (пласты 1–3) составляет половину и более посуда «джукетау», «общеболгарская» посуда составляет от трети до почти половины в пределах керамических комплексов пластов.

В выборке пласта 4, казалось бы, наблюдается иная картина: посуда «джукетау» составляет всего 22,86%, «общеболгарская» посуда 64,29%. Однако следует учитывать, что выборка здесь, на участках склона, менее представительная (70 ед.). При этом в выборке пласта 5, где она еще менее представительна, наблюдается сходное соотношение этих основных в керамическом комплексе раскопа

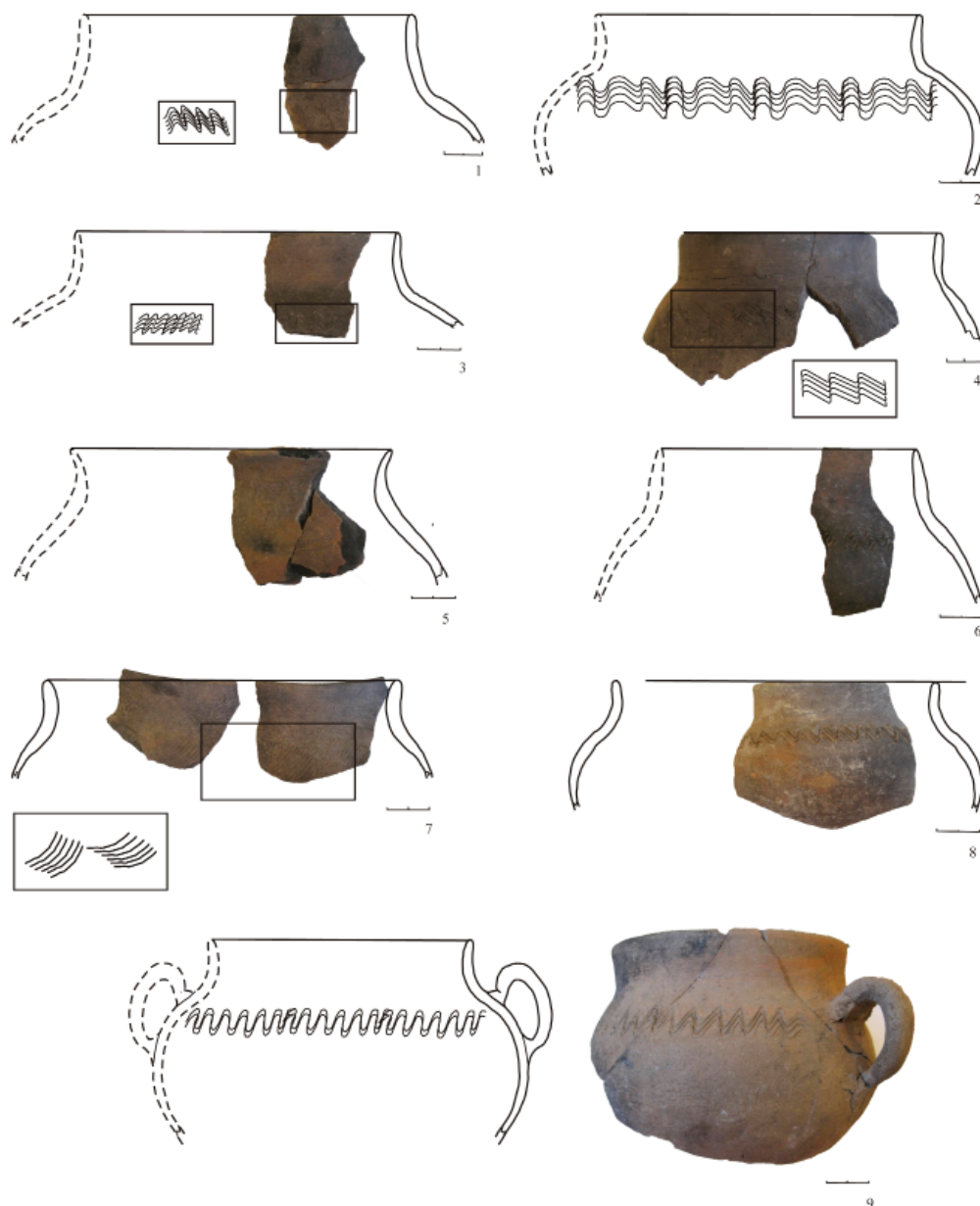

Рис. 6. Фрагменты посуды «джукетау»

1. Дж13-IX/ 1344, 1348, выб. 5; 2. Дж13-IX/ 1649, уч. Ж/1, шт. 2, над соор. 2; 3. Дж13-IX/ 1241, выб. 2; 4. Дж13-IX/ 1361, соор. 2, выб. 6; 5. Дж13-IX/ 1141, 1228, соор. 2, выб. 1; 6. Дж13-IX/1176, выб.1; 7. Дж13-IX/ 1235, выб. 1; 8. Дж13-IX/ 1353, выб. 5; 9. Дж13-IX/ 1237-1239, 1356, 1266, соор. 2, выб.1, 2

Fig. 6. Fragments of "Juketau" ware

1. Dzh13-IX/1344, 1348, coll. 5; 2. Dzh13-IX/1649, plot Zh/1, item 2, above build. 2; 3. Dzh13-IX/1241, coll. 2; 4. Dzh13-IX/1361, build. 2, coll. 6; 5. Dzh13-IX/1141, 1228, build. 2, coll. 1; 6. Dzh13-IX/1176, coll. 1; 7. Dzh13-IX/1235, coll. 1; 8. Dzh13-IX/1353, coll. 5; 9. Dzh13-IX/1237-1239, 1356, 1266, build. 2, coll. 1, 2

групп посуды. В выборках пластов 6–8 посуда единична, что не позволяет подметить закономерности в ее распределении.

Относительно небольшое число посуды других групп также не позволяет подметить закономерности в ее распределении. Вместе с тем выборках пластов 6, 7 абсолютное количество единичных фрагментов посуды группы VII и салтово-маяцких (?) истоков сопоставимо с единичными фрагментами «общеполгарской» посуды. Интересно также, что в выбор-

ках пластов ниже пятого не зафиксирована посуда «джукетау».

По сравнению с выборками культурного слоя вне объектов в менее представительных совокупных выборках отдельно взятых объектов более заметно содержание керамики «джукетау» и меньше «общеполгарской» посуды: в сооружении 1 – 67,21% и 28,69% соответственно; в сооружении 2 – 76,24% и 22,28% соответственно. Такая сходная картина распределения разных групп в отдельно

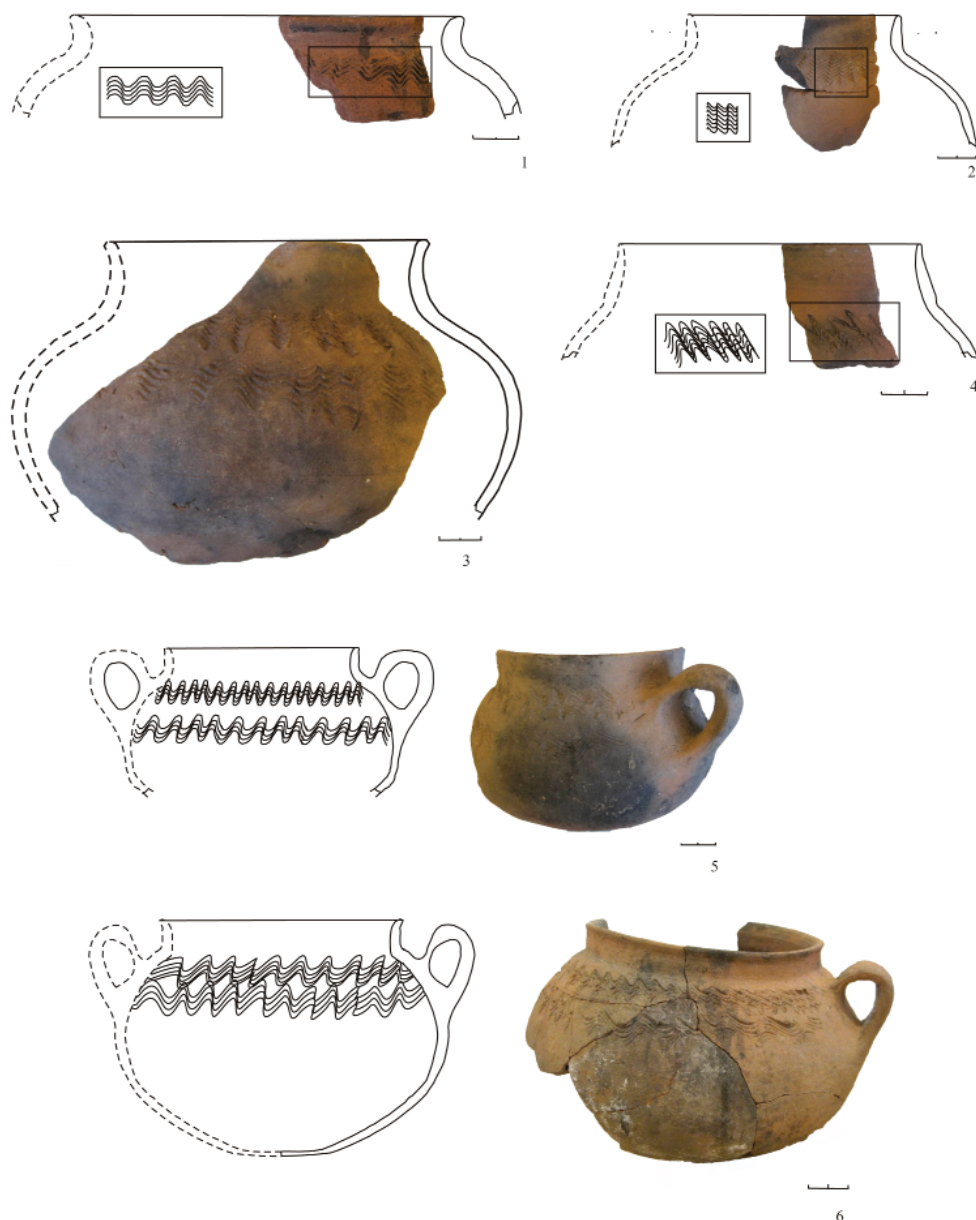

Рис. 7. Фрагменты посуды «джукетау»

1. Дж13-IX/1555, соор.1, выб. 2; 2. Дж13-IX/1551, соор.1, выб. 2; 3. Дж13-IX/1547, соор. 1, выб. 2; 4. Дж13-IX/1556, соор.1, выб. 2; 5. Дж13-IX/1548, соор.1, выб. 2; 6. Дж13-IX/1647, соор. 1, выб. 2

Fig. 7. Fragments of "Juketau" ware

1. Dzh13-IX/1555, build. 1, coll. 2; 2. Dzh13-IX/1551, build. 1, coll. 2; 3. Dzh13-IX/1547, build. 1, coll. 2; 4. Dzh13-IX/1556, build. 1, coll. 2; 5. Dzh13-IX/1548, build. 1, coll. 2; 6. Dzh13-IX/1647, build. 1, coll. 2

взятых объектах объяснима технически сходными процессами заполнения котлованов объектов после окончания их функционирования. С другой стороны, в заполнении сооружения 1а, совокупная выборка которого еще менее представительна, наоборот, доминирующим оказалось содержание «общеполгарской» посуды (60%), а «джукетау» оказалось необычно мало (33,75%).

Индивидуальные находки относительно немногочисленны и представлены глиняными пряслицами, железными гвоздями, ножом, ручкой посуды, деталью ременной системы, каблучком, обрывками листовой меди, наклад-

ки из металла белого цвета, сланцевым точилом, известняковыми грузилами для рыболовных сетей, костяным «астрагалом» и др.

Остеологический материал (1153 ед.) в абсолютном большинстве представлен домашними копытными животными, а также костями собаки; остатки диких млекопитающих представлены фрагментами рогов лося. В остеологическом спектре домашних копытных первое место занимает крупный рогатый скот, затем следуют мелкий рогатый скот (овца и коза), далее – лошадь. Свои доли в остеологических остатках составляют птицы и рыбы⁴.

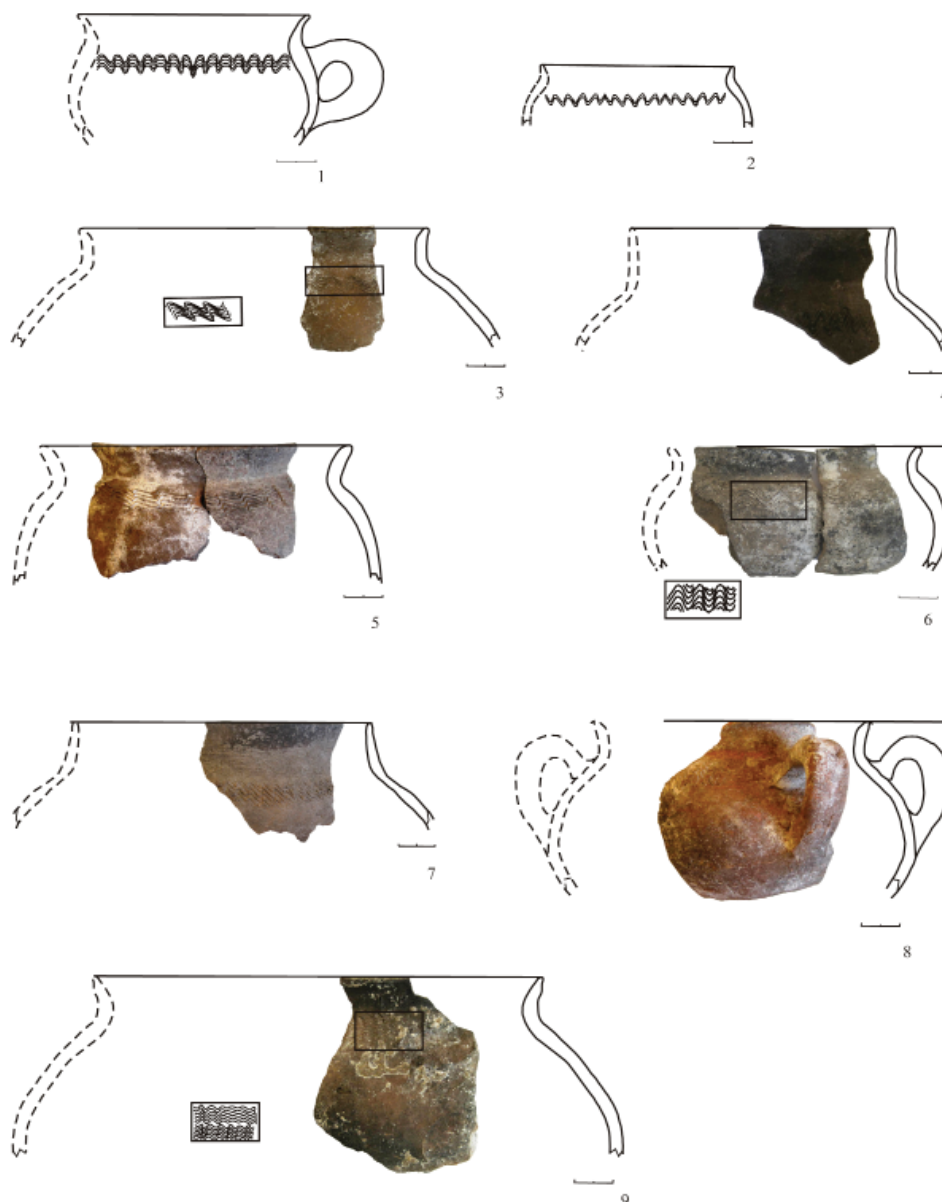

Рис. 8. Фрагменты посуды «джукетау»

1. Дж13-IX/ 869, уч. В/4, шт. 3; 2. Дж13-IX/ 1031, уч. Г/4, шт. 4; 3. Дж13-IX/ 96, уч. Б/2, шт. 3; 4. Дж13-IX/ 1342, соор. 2, выб.4; 5. Дж13-IX/ 1018, 758, уч. В/3, шт. 4; 6. Дж13-IX/ 231, 223, уч. Б/1, шт. 3; 7. Дж13-IX/ 1185, соор. 1, выб.1; 8. Дж13-IX/ 841, уч. В/3, шт. 3; 9. Дж13-IX/69, уч. Б/1, шт. 3

Fig. 8. Fragments of "Juketau" ware

1. Dzh13-IX/869, plot V/4, item 3; 2. Dzh13-IX/1031, plot G/4, item 4; 3. Dzh13-IX/96, plot B/2, item 3; 4. Dzh13-IX/1342, build. 2, coll. 4; 5. Dzh13-IX/1018, 758, plot V/3, item 4; 6. Dzh13-IX/231, 223, plot B/1, item 3; 7. Dzh13-IX/1185, build. 1, coll. 1; 8. Dzh13-IX/841, plot V/3, item 3; 9. Dzh13-IX/69, plot B/1, item 3

Таким образом, в результате проведенных исследований были изучены напластования, объекты, культурные остатки участка городища Джукетау. На основании стратиграфических данных, характеристик комплекса культурных остатков средневековый слой датируется не точнее, чем домонгольское время. Соотнося с общей стратиграфической шкалой памятника, слой на исследованном участке датируем X – первой третью XIII вв.

На исследованном участке городища не выявлены золотоордынские напластования

(слой II второй трети XIII – XIV вв. по общей стратиграфической шкале комплекса археологических памятников Джукетау). Ранее мы высказывали предположение о том, что городище и прилегающие к нему территории были не очень благоприятными для хозяйственной деятельности (высокая, далекая от воды площадка, насыщенность грунта каменистой крошкой и др.) (Набиуллин, 1998, с. 219–223). Этим, видимо, объясняется меньшая насыщенность культурного слоя и меньшая выразительность вещевого материала

по сравнению с синхронными участками на противоположном низком берегу Килевки (Донауровское II селище).

Среди выявленных объектов интерес представляют ямы типа хозяйственных (в том числе подпольные ямы, «ледники»?), а также линия ям типа столбовых вдоль обрыва к р. Кама. Интересно, что некоторые исследователи XIX в. сообщали, что мыс со стороны р. Кама и рч. «Каменный Мост» (Килевка) обрыт и «с севера сделан небольшой ров» (Артемьев, 1851, с. 10). Было бы заманчиво увязывать выявленные ямы с какими-то оборонительными объектами, но, скорее всего, они имели хозяйственное назначение и являются следами ограждений, например, усадебных.

Прежде всего по причине значительной переработанности культурного слоя пока

не удается разработать узкую хронологию и детальную стратиграфическую шкалу комплекса памятников Джукетау. Материалы из городища и прилегающего к нему селища по сравнению с Донауровским II селищем до сих пор были представлены намного меньше. При проведении подобных исследований появляются относительно сопоставимые выборки, позволяющие более корректно сравнивать материалы из разных участков археологического комплекса. При этом полученные материалы имеют датировку в пределах домонгольского периода, что перспективно с точки зрения возможности выявления синхронных материалов на многослойных участках комплекса памятников Джукетау X–XIV вв.

Примечания:

¹ Судя по характеру прослеженных со стороны склона выкидов из котлованов сооружений 1 и 1а, стратиграфически последнее может быть раньше.

² Развалы посчитаны как одна единица.

³ Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, условно объединяя из разных напластований для получения общей картины керамического комплекса раскопа.

⁴ Авторы благодарят ст. научного сотрудника канд. вет. наук Г.Ш. Асылгараеву за определения материала и консультации.

ЛИТЕРАТУРА

Артемьев А. [И]. Древний болгарский город Жукотин // Журнал Министерства внутренних дел. 1851. Ч. XXXII, № 1. С. 56–74.

Бахматова В.Н., Набиуллин Н.Г. Источниковые возможности неполивной глиняной «традиционной» посуды (на примере керамического комплекса Джукетау X–XIV вв.) // Филология и культура. Philology and culture. №3 (33), 2013. С. 232–235.

Бахматова В.Н., Набиуллин Н.Г. Технологическое изучение «прикамско-приуральской» керамики из домонгольских комплексов Джукетау // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 253–274.

Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука. Урал. изд. Фирма, 1993. 246 с.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ. 2007. 208 с.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: ИИ АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.

Набиуллин Н.Г. Оборонительные сооружения Джукетау // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы международной конференции / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1998. С. 219–223.

Набиуллин Н.Г. Могильники Джукетау (Часть I. Крутогорский могильник) // Краеведческие чтения и среды. Выпуск 3: Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее Республики Татарстан в 2002–2003 гг. Казань: РИЦ «Школа», 2003. С. 44–61.

Хлебникова Т.А. К истории Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970–1972 гг.) // СА. 1975. № 1. С. 234–251.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука. 1988. С. 7–102.

Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г. Болгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 г.) // Археологическое изучение болгарских городов / Ред. Ф.Ш. Хузин и др. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 90–113.

Информация об авторах:

Бахматова Вера Николаевна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АНРТ (г. Казань, Россия); lyna-87@yandex.ru

Набиуллин Наиль Гатиатуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АНРТ (г. Казань, Россия); arheotat@mail.ru

REFERENCES

Artem'ev, A. [I.] 1851. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del (Journal of the Ministry of Internal Affairs)* XXXII (1). Saint Petersburg, 56–74 (in Russian).

Bakhmatova, V. N., Nabiullin, N. G. 2013. In *Filologiya i kul'tura (Philology And Culture)* 33 (3), 232–235 (in Russian).

Bakhmatova, V. N., Nabiullin, N. G. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 253–274 (in Russian).

Vasil'eva, I. N. 1993. *Goncharstvo Volzhskoi Bolgarii v X–XIV vv. (Pottery of Volga Bulgaria in the 10th–14th cc.)*. Ekaterinburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX–XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Issues of Interaction)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

Nabiullin, N. G. 1998. In Masson, V. M. (ed.). *Voennaya arkheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoy i sotsial'noy perspective (Military Archeology. Armament and Military Arts in Historical and Social Perspective)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ., 219–223 (in Russian).

Nabiullin, N. G. 2003. In *Kraevedcheskie chteniia i sredi (Local History Readings and Wednesdays)*. 3. Kazan: "Shkola" Publ., 44–61 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 234–251 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–102. (in Russian).

Khuzin, F. Sh., Nabiullin, N. G. 1999. In Khuzin, F. Sh., et al. (eds.). *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Towns)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 90–113 (in Russian).

About the Authors:

Bakhmatova Vera N. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; lyna-87@yandex.ru

Nabiullin Nail G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; arheotat@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

СТАРОРОМАШКИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2021 г. А.З. Нигамев

Ромашкинский (Староромашкинский) археологический комплекс представляет собой остатки достаточно крупного болгарского города домонгольской эпохи. Статья посвящена результатам исследований Елабужской археологической экспедиций на памятнике начиная с 2013 года. На основе изучения выявленных объектов и материала из раскопок определено время функционирования поселения второй половиной X – первой третью XIII вв. Богатый комплекс находок показывает сложный этнокультурный состав его жителей. Интересные выводы сделаны по группам керамики населения прикамско-приуральских истоков.

Ключевые слова: археология, Волжская Болгария, домонгольский период, городище, посад, население, находки, керамика, украшения, вооружение.

STAROROMASHKINO ARCHAEOLOGICAL COMPLEX: STUDY RESULTS AND PROSPECTS

A.Z. Nigamaev

The Romashkino (Staroromashkino) archaeological complex is the remains of a fairly large Bolgar city of the pre-Mongol period. The paper presents the results of the studies by Elabuga archaeological expeditions carried out at the site since 2013. Based on the study of the identified objects and excavation material, the time of the settlement's functioning was determined as the second half of the 10th – the first third of the 13th centuries. The vast collection of finds demonstrates the complex ethnic-cultural composition of the population. Interesting conclusions were made about the groups of ceramics of the population of the Kama-Ural origin.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, pre-Mongol period, hillfort, posad, population, finds, ceramics, jewelry, weapons.

Один из значимых памятников, расположенных на территории Закамья восточнее Джукетау, является Староромашкинский (Ромашкинский) археологический комплекс, состоящий из городища, трех прилегающих посадов и двух некрополей. Как часть данного комплекса рассматривают и расположенное в 2 км юго-западнее кладбище «Ташбилге» («Ханское») с надмогильными камнями золотоордынской эпохи. Староромашкинское городище расположено в 16 км южнее Камы (19 км юго-восточнее Джукетау) и 0,5 км южнее с. Старое Ромашкино Чистопольского района Республики Татарстан (рис. 1). Комплекс является остатками довольно значительного болгарского города домонгольской эпохи, но в известных на сегодняшний день письменных источниках поселение на данном месте не упоминается. У местного населения исторического названия объекта не сохранилось, т. к. до его появления здесь не позднее 1645 г. (жители с. Старое Ромашкино – переселившиеся из-за Волги татары-мишары) эти земли некоторое время являлись «пустошью». Из-за туфлеобразной формы городища окрестное население называет его «Калюш»

(«калоша»), хотя среди татар используется и название «Кала» («крепость, город»).

Староромашкинское городище в 1925 г. исследовалось А.К. Буличем (Булич, 1926), в 1952 г. – КАЭ (Хлебникова, 1962; Фахрутдинов, 1975, с. 147, № 1137; Археологические памятники..., 1988, с. 70), в 1989 г. – К.А. Руденко (Руденко, 1990). В 2008 г. на городище охранно-спасательные работы проводил Н.Г. Набиуллин. Кроме описания городища, оборонительных сооружений им был заложен небольшой раскоп у западной кромки внутренней площадки (раскоп I) (Набиуллин, 2010, с. 7).

Начиная с 2013 г., на памятнике работает Елабужская археологическая экспедиция. За этот период проведен целый ряд мер охранно-спасательного и научно-исследовательского характера. Были уточнены масштабы разрушительных процессов на памятнике и определены меры по их прекращению. Бесшестилетним научным консультантом во время работы экспедиции на памятнике был д. и. н., проф. Ф.Ш. Хузин (выражаем глубокую признательность наставнику). В 2013 г. начато укрепление наиболее разрушающегося северо-запад-

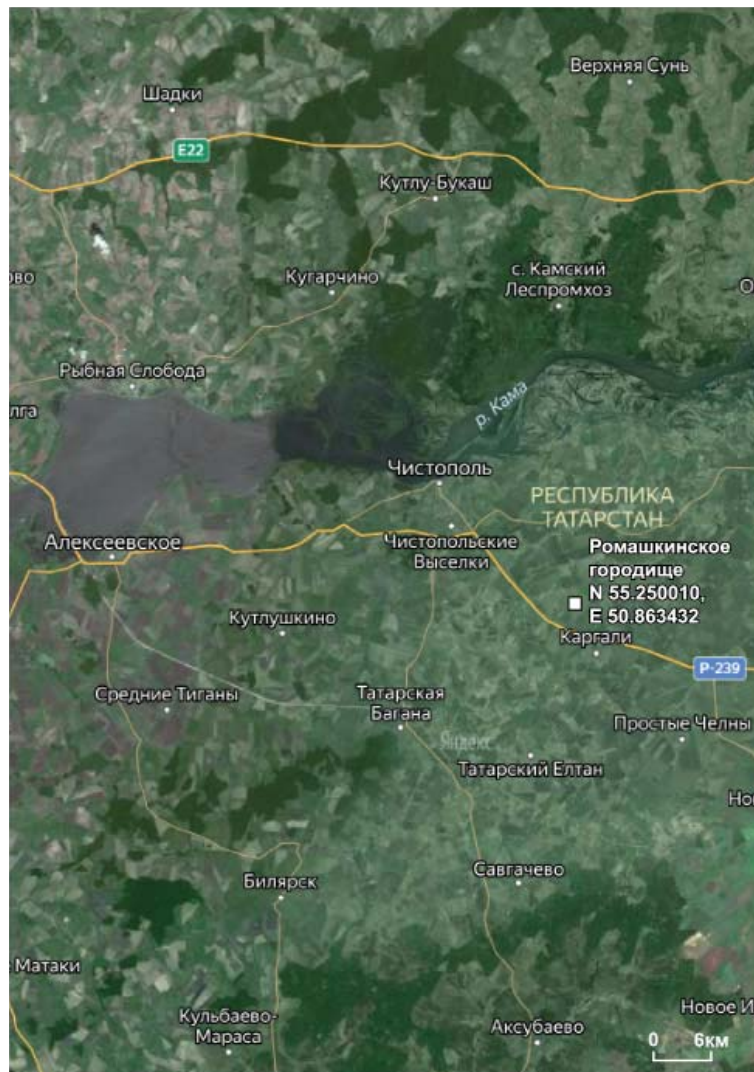

Рис. 1. Местоположение Ромашкинского городища (спутниковый снимок сервиса Яндекс.Карты)
Fig. 1. Location of Romashkino hillfort (satellite image from Yandex.Maps)

ного склона городища. Такие же работы были проведены в 2016 г. на восточном конце второго южного вала. Прекращена вспашка территории южного посада. В 2017 г. осмотрены и описаны надгробные камни золотоордынского кладбища «Ташбилге», которые выявили существенные изменения на памятнике за последнее десятилетие.

Большие работы проводились и по уточнению пределов комплекса (рис. 2). Детальный осмотр окрестностей памятника в 2016 г. подтвердил, что территория, тянущаяся от городища на юго-запад, занята обширным посадом. Причем его следы прослеживаются на 200–250 м дальше тех границ, которые указывались ранее. Кроме того, часть западного посада занята территорией современного села. В участках жителей села часты средневековые находки в виде обломков глиняной посуды и изделий из металла. За несколько столетий расширяющиеся овраги сократили площадь комплекса,

значительная часть посада разрушена водами водохранилища (пруда).

В 2017 г. работы по уточнению территории комплекса были продолжены. С учетом ландшафтных особенностей памятника и многолетних распашек его поверхности сделаны детальные измерения площади распространения находок. Тогда же были уточнены размеры городища и посадов с использованием GoogleMaps. Так, площадь самого городища с укреплениями равна 39 814 кв. м (3,98 га), без укреплений – 26 271 кв. м (2,63 га). К слову, наиболее близкие данные были у Н.Г. Набиуллина (3,8 га).

Площадь восточного посада вместе с могильником равна 371 000 кв. м (37,1 га), западного с западным могильником – 250 000 кв. м (25 га), а наиболее плотно обжитого южного посада – 32 9021 кв. м (32,9 га). Таким образом, общая площадь пригородных поселений с домонгольскими могильниками равна 95 га, а всего комплекса – почти 99 га.

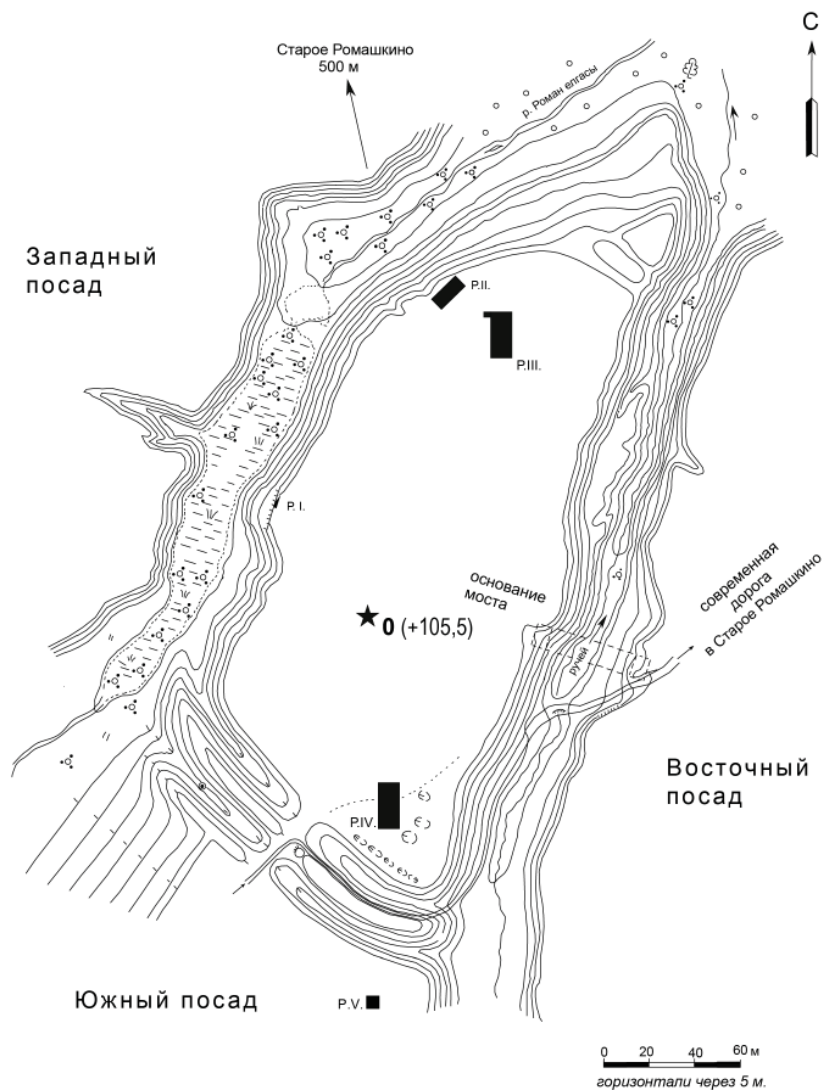

Рис. 2. План Ромашкинского городища с указанием раскопов и нулевой отметки городища (по А.З. Нигамеэву)
Fig. 2. Plan of the Romashkino hillfort indicating the excavations and the reference level of the hillfort (after A.Z. Nigamaev)

Ромашкинское городище Елабужской экспедицией раскапывалось в 2013, 2016 и 2017 гг. Всего на городище ею вскрыто 648 кв. м тремя раскопами.

Раскоп II площадью 160 кв. м изучался в 2013 году. Он располагался на северо-западной части городища, вдоль укрепленного участка склона. Мощность культурного слоя вне объектов колеблется в пределах от 32 см до 100 см. Его стратиграфия: плотный дерн (5–8 см), переработанный в результате вспашки в XVII–XIX вв. слой в виде рассыпчатой (местами комковой) темной гумусированной супеси с незначительными включениями камней (8–20 см), слой серой супеси с включениями угля, древесного тлена, битого известняка и глины (50–70 см), датированный второй половиной X – первой третью XIII вв., погребенная почва в виде плотного чернозема (в большей части раскопа переработана, но в восточном углу раскопа до 90 см), материк в

виде буро-коричневой и коричневой глины. В пределах раскопа полностью или частично исследованы 6 ямных конструкций, из которых соор. 1, представляющее целый комплекс из сруба, каменных завалов, ям-кладовок, является остатками сгоревшего жилища.

В 2016 г. рядом был заложен раскоп III площадью 248 кв. м. В его пределах исследованы 26 ямных конструкций, одна из которых представляет собой остатки жилища. Из культурного слоя вне сооружений и заполнения ям был собран интересный комплекс средневековой гончарной и лепной керамики (28 320 фр.), а также индивидуальных находок (276 ед.). Мощность культурного слоя и его стратиграфия идентичны данным раскопа II.

Раскоп IV площадью 240 кв. м изучался в 2017 г. Он был заложен на юго-восточной части площадки городища рядом с крупными яма-разрушениями. Мощность культурного слоя раскопа вне объектов колеблется в

пределах от 30 до 72 см (в большей части вскрытой площади его мощность 40–45 см). Основной слой, не разрушенный в результате пахоты в последующую эпоху, представлен в виде серой или серо-коричневой супеси с включениями угля, древесного тлена, известняка и глинистых вкраплений. Заметные суглинистые включения отличают его от слоя II раскопов северной части городища. В пределах раскопа выявлено и исследовано 2 “погребения” и 26 конструкций.

Жилища. За время исследований на памятнике изучено 4 жилища, относящихся к нескольким типам. Жилище № 1 (раскоп II) был выявлен в виде подпрямоугольной конструкции размерами 4×3,5 м на уровне – 57–63 см. Ориентировано углами по сторонам света. Местами сохранились в сильно обугленном состоянии бревна стен и настил из досок (пол?). Вход в конструкцию был с северо-востока. Печь в виде скопления крупных камней из песчаника и известняка, лежащих на крупном плоском песчанике размерами 103×82×25 см, располагалась в юго-восточном углу жилища. К печи с северо-востока примыкало крупное пятно из перекала и золы толщиной до 12 см. Под северным

и южным концом плиты располагались 2 столбовые ямки диаметром 10 и 20 см. В пределах конструкции располагались 4 ямы различного назначения.

Аналогичное жилище (№ 2) было изучено в 21 м восточнее в пределах раскопа III. Печь в нем также располагается в юго-восточном углу. Но имеются и некоторые отличия:

чуть меньший размер (3,1×2,8 м);

ориентация стенами по сторонам света;

отсутствие ям-кладовок;

печь из крупных камней располагается на глиняном перекале толщиной 22–28 см.

Близкие по планировке, но несколько большие по размерам жилища изучены на юго-востоке городища (раскоп IV).

Керамика. Наиболее массовым материалом на Ромашкинском археологическом комплексе являются фрагменты глиняной посуды. Всего за четыре года раскопок на памятнике было собрано 65885 фрагментов гончарной и лепной керамики. При определении принадлежности к той или иной этнокультурной группе посуды населения Волжской Болгарии использовался метод выделения групп керамики по комплексу признаков, разработанный Т.А. Хлебниковой (1984).

Таблица 1
Table 1

	I гр. (%)	VII гр.(%)	VIII гр.(%)	XIII гр.(%)	XVII гр. (%)	XVIII гр. (%)	Остальн. (%)	Всего (%)
Раскоп II	12850 (87,3)	1396 (9,4)	30 (0,2)	273 (2)	40 (0,2)	2 (0,01)	119 (0,81)	14710 фр. (100)
Раскоп III	24553 (86,7)	3166 (11,3)	18 (0,06)	295 (1,04)	65 (0,2)	-	251 (0,87)	28320 фр. (100)
Раскоп IV	19791 (91,2)	1181 (5,4)	38 (0,1)	386 (1,7)	57 (0,2)	3 (0,01)	226 (1)	21681 фр. (100)
Раскоп V	1003 (85,4)	104 (8,8)	3 (0,2)	37 (3,1)	2 (0,1)	-	25 (2,1)	1174 фр. (100)
Всего	58197 (88,29)	5847 (8,87)	89 (0,14)	991 (1,5)	164 (0,25)	5 (0,008)	621 (0,94)	65885 (100)

Как видно из таблицы, в Староромашкино прослеживается характерное для крупных болгарских памятников явное доминирование общеполгарской (I группы) посуды. Больше представлена она в юго-восточной части городища (>91%), а наименьшая ее доля – в посадке (>85%). Эта круговая посуда мелкопесочного теста, преимущественно коричневого и желто-красного цвета, хорошего обжига, с характерным полосчатым или сплошным лощением и линейно-волнистым орнаментом. По форме выделяются горшки, хумы, корчаги, кувшины, кринки, а также мискообразные

и чашевидные сосуды. Большинство сосудов относятся кувшинам и горшкам (рис. 3: 1–8).

В материалах раскопов присутствует лепная и подправленная на круге керамика – всего 7095 фрагментов. Из них почти 82,5% это средневековая прикамско-приуральская посуда VII группы (“постпетрогром”, по Е.П. Казакову) (рис. 3: 9, 10). Это преимущественно выделанная от руки круглодонная посуда раковинного теста с высокой горловиной, раздутым, иногда шарообразным туловом, украшенная веревочно-гребенчатым (гребенчато-шнуровым) орнаментом. Она

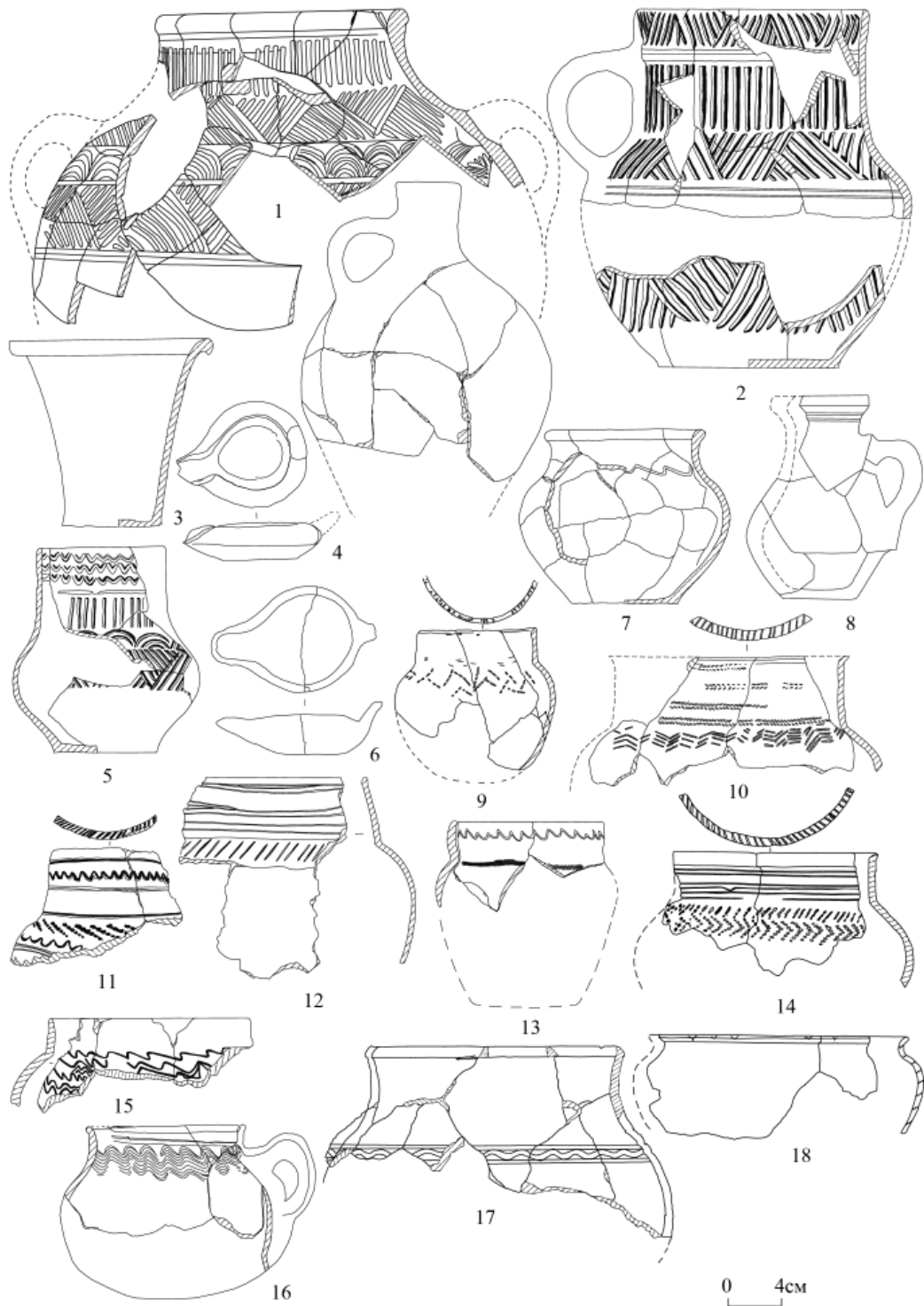

Рис. 3. Керамика из Ромашкинского городища

(9, 13, 16 – раскоп II; 1, 4-7, 17 – раскоп III; 2, 3, 8, 10-12, 14, 15, 18 – раскоп IV); (1-8 – I гр.; 9-10 – VII гр.; 11-14 – VIII гр.; 15-16 – XIII гр.; 17 – XVII гр.; 18 – XVIII гр.);

Fig. 3. Ceramics from Romashkino hillfort

(9, 13, 16 – excavation II; 1, 4-7, 17 – excavation III; 2, 3, 8, 10-12, 14, 15, 18 – excavation IV); (1-8 – b. I; 9-10 – b. VII; 11-14 – b. VIII; 15-16 – b. XIII; 17 – b. XVII; 18 – b. XVIII);

представлена горшками и мисками от темно-коричневого до светло-серого оттенков, хотя редко встречаются сосуды черного и бурого цветов. Можно отметить некоторые хронологические различия. Отличительная особенность ранних форм посуды:

обильная примесь мелкотолченой раковины в тесте, иногда встречается тальк; “костровой” обжиг, что дает разные оттенки разных сторон одного сосуда; тонкостенность сосуда и прочность черепка;

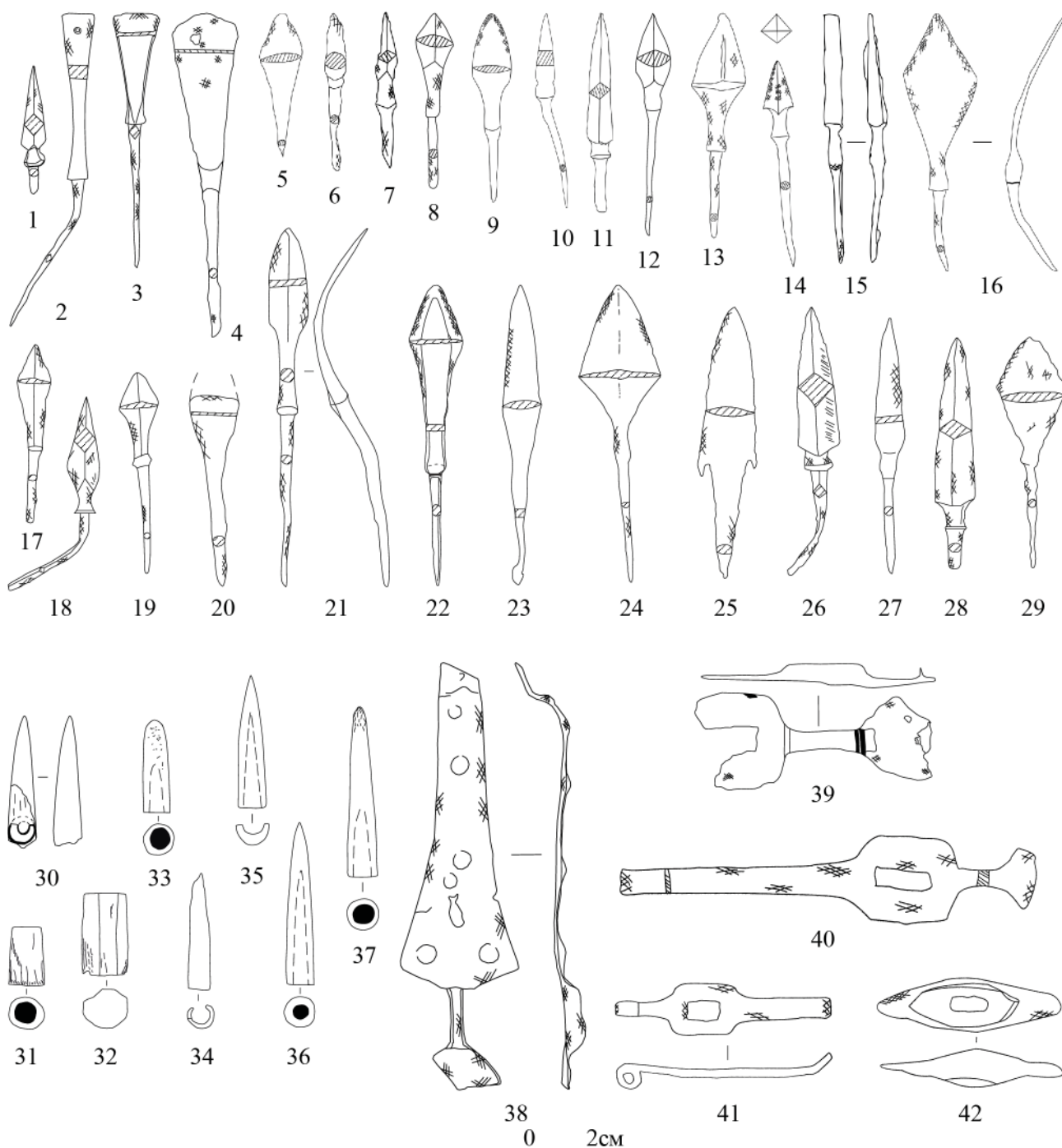

Рис. 4. Предметы вооружения из Ромашкинского городища (1-4, 30, 38, 39 – раскоп II; 5-16, 40-42 – раскоп III; 17-29, 31-37 – раскоп IV); (1-29, 38-42 – железо, 30-37 – кость)

Fig. 4. Weapons from Romashkino hillfort (1-4, 30, 38, 39 - excavation II; 5-16, 40-42 – excavation III; 17-29, 31-37 – excavation IV); (1-29, 38-42 – iron, 30-37 – bone)

бочонковидная высокая горловина (H3 у горшков – 4–7 см, у мисок – 3–5 см; D3 у горшков – 8–20 см, мисок – 12–22 см);

скошенный во внутрь венчик, у которого наружный край выступает на 0,1–0,2 см;

наличие богатой орнаментации верхней части посуды.

Характерный орнамент для ранней посуды – многорядный (обычно 7, иногда 5–6 рядов) веревочный штамп по горловине. Витая

веревка шириной около 3 мм продавливалась в глину неглубоко, не наблюдается и строгая спаренность рядов. Направление вдавления в большинстве случаев в одну сторону. Плечик сосуда украшен мелкозубчатым гребенчатым штампом в виде правильной или перевернутой “елочки”, состоящей из 4–6 рядов. Мелкозубчатым гребенчатым узором украшен и внутренний скошенный край венчика. Такая характеристика присуща для керамики VII

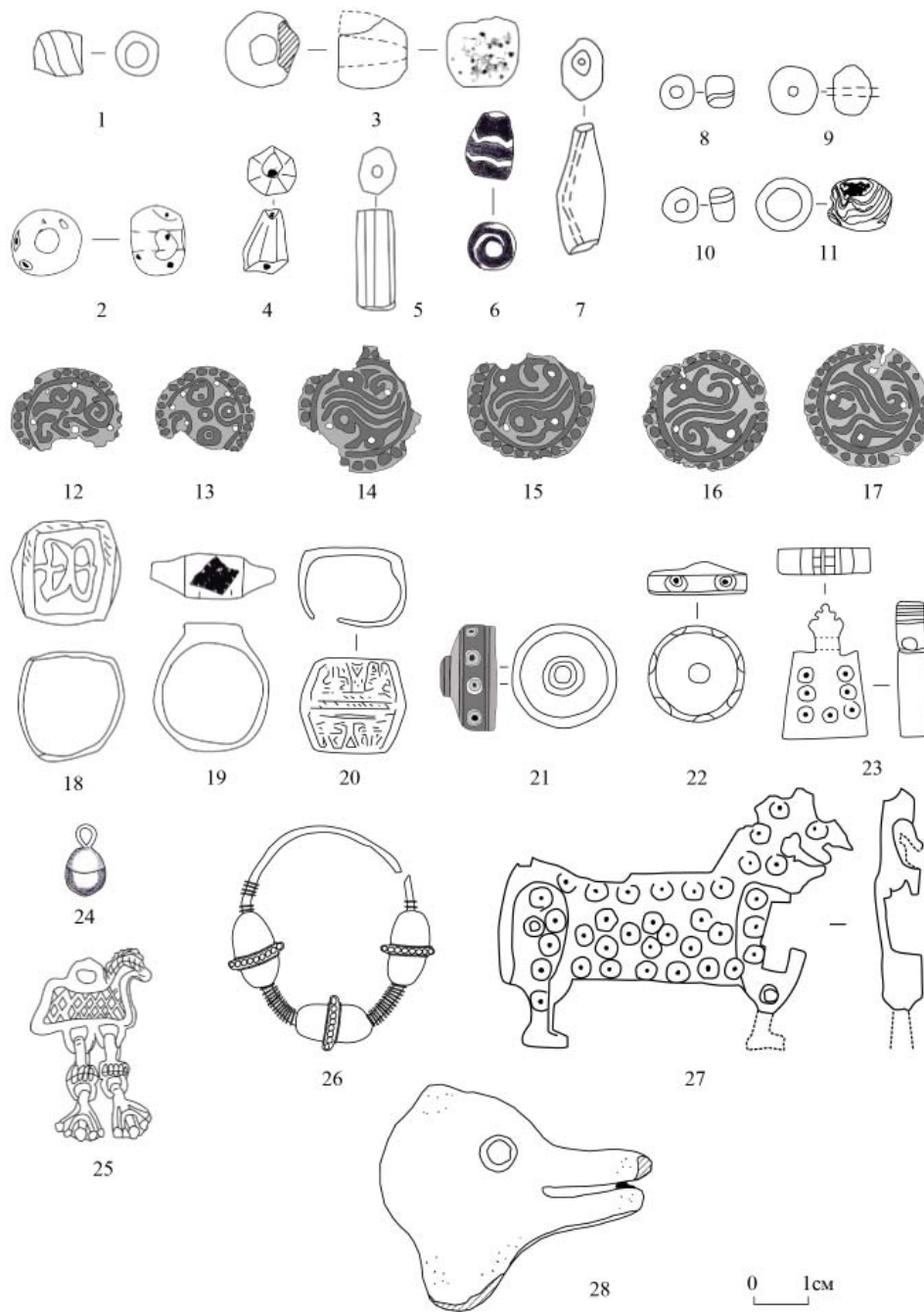

Рис. 5. Украшения из Ромашкинского городища (28 – раскоп II; 1-7, 18, 19, 24, 25 – раскоп III; 8-17, 20-23, 26, 27 – раскоп IV); (1, 3, 6, 8-11 — стекло; 2 – гашир; 4, 5, 7 – сердолик; 12-20, 24 – медь; 21-23 – кость; 25, 26 – серебро; 27 – бронза; 28 – глина, полива)

Fig. 5. Orna mentation from Romashkino hillfort (28 – excavation II; 1-7, 18, 19, 24, 25 – excavation III; 8-17, 20-23, 26, 27 – excavation IV); (1, 3, 6, 8-11 – glass; 2 – hashir; 4, 5, 7 – carnelian; 12-20, 24 – copper; 21-23 – bone; 25, 26 – silver; 27 – bronze; 28 – clay, glazing)

группы, бытовавшей с середины X до середины XI в.

Для посуды середины XI – XII вв. более характерны следующие признаки:

уменьшение доли раковинной примеси в тесте, встречается посуда с выщелоченной ракушкой;

обжиг более ровный;

некоторое увеличение толщины стенок сосудов;

цилиндрическая горловина, реже встречаются в виде усеченного конуса и раструба (H3 у горшков – 3–5 см, у мисок – 2,8–3,5 см; D3 у горшков – 9–22 см, мисок – 8–20 см);

скошенный вовнутрь венчик, наружу выступает на 0,05–0,1 см или вообще не выступает;

обеднение орнаментации и небрежность в технике ее нанесения.

В связи с уменьшением высоты горловины сосудов сокращается до 4 количество рядов веревочного орнамента по горловине. При этом рисунок орнамента отпечатывался неравномерно в связи его нанесением на лучше просушенную керамику. В ямных конструкциях крупных размеров (ямы-кладовки, подпольные и хозяйственные ямы) постпетрогром всегда больше представлен в нижних отложениях. По мере заполнения ямы доля керамики VII группы уменьшается, но в то же время появляется посуда VIII группы (рис. 3: 11–14).

На сегодняшний день в материалах Староромашкинского комплекса, функционировавшего только в домонгольский период, представлено 89 фрагментов от 15 сосудов керамики VIII группы. Следует сказать, что в Прикамье нет памятника, где присутствует VIII группа в отсутствии VII группы. В Предкамье восточнее р. Шумбут она вообще не представлена (Нигамаев, 2005). Эта керамика сделана из песочного теста, иногда с добавлением раковины или шамота. По плечикам вместо гребенчатого штампа резные линии.

Логично представить XVII группу как результат дальнейшего развития VIII группы, когда ручная лепка уступает место гончарному производству (рис. 3: 17). Сам переход к использованию гончарного круга именно носителей “традиции” изготовления VIII группы керамики в закамских памятниках объясняется тем фактом, что керамики XVII группы там встречается в 1,5–2 раза больше. В раскопах Староромашкинского городища обнаружено 164 фрагмента от 28 сосудов керамики XVII группы.

Одной из проблем, разрешенных в последнее время в результате раскопок в прикамских городах, является вопрос о времени появления на Нижней Каме верхнекамского населения, связанного с родановской культурой. Это население оставило лепную посуду черного, бурого, серого оттенков с большим содержанием в тесте толченой раковины и украшенную гребенчатым штампом (рис. 3: 18). Ее, представленную горшковидными, чашевидными и котловидными круглодонными с приуплощенностью сосудами, Т.А. Хлебникова выделила в XVIII группу своей классификации и датировала золотоордынским периодом (Хлебникова, 1988). Больше всего она представлена в домонгольском слое посада Алабуги, меньше в Кирменском городище. В незначительном количестве керамика XVIII группы встречается в комплексе посуды Староромашкинского городища, который погиб в 1236 г. и

больше не восстанавливался (Нигамаев, 2015, с. 37). Можно считать, что верхнекамское население в своем движении вниз по Каме в начале XIII в. достигло центральных районов Волжской Болгарии.

Предметы вооружения. В староромашкинских коллекциях представлены оружие ближнего и дальнего боя, их отдельные элементы, а также защитные средства (рис 4). Больше всего здесь обнаружено метательного оружия в виде различных типов железных и костяных наконечников стрел, спусковой детали арбалета-самострела, а меньше – предметов, относящихся к оружию ближнего боя и защитному снаряжению – гарды, пластины от доспехов, кольчужные кольца и т. д.

Наконечники стрел из памятника относятся к 11 типам, но особый интерес представляют наконечники типа 67 по классификации А.Ф. Медведева (1966, с. 53). Датируется данный тип на памятниках Восточной Европы XIII–XIV вв. На памятниках Центральной Азии такие наконечники встречаются раньше. Примечательно, что оба наконечника торчали на обгоревших остатках жилища № 1 (Нигамаев, 2015, с. 37).

Украшения. Украшения из памятника представлены сердоликовыми и стеклянными бусами, медными перстнями с орнаментом на щитке, серебряным височным кольцом с тремя бусами-желудями, птицевидными подвесками из оловянистой бронзы, медными шаровидными пуговицами, различными костяными поделками с солярным орнаментом, в том числе подвески-амулеты и т. д. (рис. 5). Серебряное височное кольцо относится к группе 1 подгруппе Б виду 2. Изделие весит 8,9 г, диаметр кольца 3,6 см. Традиция закреплять две половинки «желудей» с помощью обойм или сканной проволоки, как на данном изделии, относится ко второй половине домонгольского периода.

Староромашкинский комплекс, будучи памятником только домонгольской эпохи, интересен для дальнейшего изучения. В материальной культуре его населения, в частности в керамической посуде, присутствуют своеобразные черты, чего нет в других домонгольских памятниках. Они могут внести определенную ясность в этнокультурные процессы, происходящие в данном регионе. Надо отметить, что исследование одного из трех огромных посадов комплекса только начаты, а домонгольские могильники пока вообще не околочены. И наконец, нужно найти поселение золотоордынского могильника “Ташбилге”.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники Центрального Закамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. 98 с.

Булич А.К. Булгарские городища в Чистопольском кантоне ТАССР // ВНОТ. 1926. № 4. С. 76–80.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел VIII – XIV вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука. 1966. 184 с.

Набииллин Н.Г. Отчет об охранно-спасательных археологических исследованиях городища «Калюш» (Старо-Ромашкинское) на территории Чистопольского муниципального района Республики Татарстан в 2008 г. Казань, 2010. 18 с. 27 илл.

Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы: Своеобразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 228 с.

Нигамаев А.З. Археологические работы на Староромашкинском городище в 2013 году // В мире научных открытий. 2015. №11(71). С. 33–39.

Руденко К.А. Отчет о разведках в Чистопольском р-не Татарской АССР в 1989 г. Казань, 1990 / Архив ИА РАН, № 12730. Л.11.

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань: Заман, 2003. 512 с.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с. С.142; № 1137.

Хлебникова Т.А. Гончарное производство Волжских Болгар X – начала XIII вв. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4 / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 93–152.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука. 1988. С. 7–102.

Информация об авторе:

Нигамаев Альберт Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Елабуга, Россия); доцент, Набережночелнинский педагогический университет (г. Набережные Челны, Россия); alnig.07@mail.ru

REFERENCES

Khalikov, A. Kh (ed.). 1988. *Arkheologicheskie pamiatniki Tsentral'nogo Zakam'ia (Archaeological Monuments of the Central Trans-Kama Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Bulich, A. K. 1926. In *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniia (Bulletin of the Scientific Society for Tatar Studies)*. 4, (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th–14th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nabiullin, N. G. 2010. *Otchet ob okhranno-spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniikh gorodishcha «Kaliush» (Staro-Romashkinskoe) na territorii Chistopol'skogo municipal'nogo raiona Respubliki Tatarstan v 2008 g. ((Report on Security and Rescue Archaeological Studies at Kalyush (Staroe Romashkino) Hillfort in Chistopolsky Municipal District of the Republic of Tatarstan in 2008)*. Kazan (in Russian).

Nigamaev, A. Z. 2005. *Bolgarskie goroda Predkam'ia: Alabuga, Kirmen', Chally. Svoeobrazie material'noi kul'tury i naseleniia (Bolgar Towns of the Cis-Kama area: Alabuga, Kirmen, Chally. Originality of Material Culture and Population)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Nigamaev, A. Z. 2015. In *V mire nauchnykh otkrytii (In the World of Scientific Discoveries)* 71 (11), (in Russian).

Rudenko, K. A. 1990. *Otchet o razvedkakh v Chistopol'skom raione Tatarskoi ASSR v 1989 g. (Report on Explorations in Chistopolsky District of the Tatar ASSR in 1989)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, dossier 12730, P. 11 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII–XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th–15th Centuries from the Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Fakhrutdinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii* (*Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory*). Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (*Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition*) 4. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (*Materials and Studies in the USSR Archaeology*) 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 93–152 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bulgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia)* (*Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti* (*Town of Bolgar. Essays on Handicrafts*). Moscow: "Nauka" Publ., 7–102. (in Russian).

About the Author:

Nigamaev Albert Z. Candidate of Historical Sciences. Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University. Kazanskaya St., 89, Elabuga, 423604, the Republic of Tatarstan; Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Nizametdinova st., 28, Naberezhnye Chelny, 423806, Republic of Tatarstan, Russian Federation; alnig.07@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.65.79>

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ОСТОЛОПОВСКОГО СЕЛИЩА В ТАТАРСТАНЕ

© 2021 г. К.А. Руденко

В статье рассматриваются вопросы датировки Остолоповского селища в Республике Татарстан. Селище располагалось в центральной части Волжской Булгарии и было связано с крупными городами этого государства. С 1955 г. оно разрушается Куйбышевским водохранилищем. Селище исследовалось в 1969 г. казанским археологом Т.А. Хлебниковой. Она считала, что селище возникло в X в., возможно, в конце IX в. и существовало до XII в. В 1991 г. Е.П. Казаков высказал мнение, что это селище возникло не ранее второй половины X в. Задача данной статьи – сделать заключение о времени возникновения этого селища. Для этого были использованы артефакты, собранные с 1980-х гг. и до 2000-х гг. из разрушенного культурного слоя, а также из раскопок на селище, которые проводил в 1997–2017 гг. К.А. Руденко. Были изучены предметы нескольких категорий. Это изделия из стекла, камня, железа и цветных металлов. Интересны стеклянные бусы, изготовленные на Ближнем Востоке, которые были распространены в Волжской Булгарии в XI–XII вв. Очень редкими являются находки на селище стеклянного перстня и браслета, датированные XI в., которые были изготовлены в Византии, миниатюрной подвески из лазурита этого же времени, а также фрагментов стеклянной лампы и парфюмерного стеклянного флакона, изготовленных в Сирии или Египте в XI–XII вв. Выявлены предметы, связанные с населением Прикамья – древними марийцами и удмуртами. Это предметы личной гигиены и украшения. Также были найдены арабские монеты Бувейхидов, выпущенных в конце X – начале XI в. Кроме этого, найдено большое количество железных артефактов, связанных с аскизской археологической культурой Южной Сибири. Они датируются второй половиной XI в. – первой половиной XII в. Таким образом, анализ артефактов показал, что Остолоповское селище возникло не ранее конца X в. Активно развивалось оно в XI – начале XII в.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, датировка, селище, стратиграфия, домонгольский период, изделия из цветного металла, стеклянная лампа, бусы, аскизская культура.

THE DATING ISSUE OF OSTOLOPOVO ANCIENT VILLAGE IN TATARSTAN

К.А. Rudenko

The paper addresses the issues of dating of Ostolopovo village in the Republic of Tatarstan. The settlement was located in the central part of the Volga Bulgaria and was connected with the large cities of this state. Since 1955 it is destroyed by the Kuibyshev reservoir. The settlement was investigated in 1969 by Kazan archaeologist T.A. Khlebnikova. She was convinced that the settlement arose in the 10th century, possibly at the end of the 9th century, and existed until the 12th century. In 1991, E.P. Kazakov expressed an opinion that this settlement originated not earlier than the second half of the 10th century. The purpose of this paper is to draw a conclusion about the time of emergence of this settlement. For this, artifacts were used, collected from the 1980s to the 2000s from the destroyed cultural layer, and the excavations at the settlement, carried out in 1997–2017 by K.A. Rudenko. Artifacts of several categories have been studied. These are products made of glass, stone, iron and non-ferrous metals. Of interest are the glass beads made in the Middle East, which were widespread in Volga Bulgaria in the 11th–12th centuries. Very rare items discovered on the settlement include a glass ring and bracelet made in Byzantium dated the 11th century, a miniature lapis lazuli pendant of the same time period, and fragments of a glass lamp and a perfume glass bottle made in Syria or Egypt in the 11–12th centuries. Items related to the population of the Kama region – the ancient Mari and Udmurts – were revealed. These are personal hygiene items and jewelry. Other discovered items are Arab coins of the Buwaihids (Buyids) issued in the late 10th – early 11th centuries. In addition, a large number of iron artifacts associated with the Askiz archaeological culture of Southern Siberia were found. They were dated from the second half of the 11th century to the first half of the 12th century. Thus, an analysis of the artifacts revealed that Ostolopovo settlement did not appear earlier than the end of the 10th century. It actively developed in the 11th – early 12th centuries.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, dating, settlement, stratigraphy, pre-Mongol period, non-ferrous metal products, glass lamp, beads, Askiz culture

Место древнего поселения у с. Речное (ранее – Остолопово) в Алексеевском районе Татарстана было известно с XIX в. У него было местное название – «Жилище», которое предание связывало с неким татарским богатырем. Эта территория не распахивалась и использовалась только как пастбище. Возникло селение у места слияния двух рек: Шенталки (Шенталы) и её правого притока – Большой Бахты, на мысу коренной террасы, полого понижавшейся к северо-востоку. Мыс имел трапециевидную форму (рис. 1: 1, 2) и был ограничен с запада и северо-запада поймой Камы. Берег с этих сторон был обрывистый, высотой около 3–4 м. На небольшом удалении от него имелись неглубокие суходолы – следы старого русла Шенталки, которая не единожды его меняла. С юго-юго-восточной стороны мыса протекала речка Шенталка, которая чуть севернее подмыла берег, образуя в северо-восточной части останца небольшой залив (рис. 1: 2). После того как русло сменилось, в этом месте осталась старица. С юго-западной стороны, где останец переходил в коренную террасу, была глубокая и широкая лощина, которая в высокий паводок заливалась водой. Таким образом, мыс практически со всех сторон имел естественные границы.

Тем не менее этот мыс был заселен булгарами не сразу. Первоначально они выбрали место выше, на краю коренной террасы, за лощиной. Это поселение – Остолоповское Ia селище, существовало во второй половине X в. (Руденко, 2019, с. 106, рис. 2). По керамическим находкам оно близко поселению середины X в. в правобережье Малого Иерусалимского оврага в Булгаре (Старостин, 1993, с. 62).

После создания Куйбышевского водохранилища в 1955–1956 гг. началось интенсивное разрушение останца (рис. 1: 3). В 1960 г. Т.А. Хлебникова зафиксировала на мысу следы болгарского поселения (I Остолоповское селище). Она повторно обследовала его в 1967 г., а в 1969 г. провела здесь раскопки на площади 64 кв. м (Хлебникова, Казаков, 1976, с. 126; Хлебникова, 1970; Хлебникова, 1974, с. 58–68). Её раскоп находился «посередине юго-юго-восточной части края острова, у обрыва к реке, где прослеживался довольно мощный культурный слой с ямами» (Хлебникова, 1970, л. 6) (рис. 2: 4). На момент разведок и раскопок в 1960-х гг. площадь селища составляла около 61 500 кв. м с учетом начавшегося разрушения берега в 1955–1957 гг. (Хлебникова, 1970; Археологические, 1988, с. 47, № 295). В 2005

г. останец занимал 25 310 кв. м (рис. 2: 3), т. е. за 47 лет его площадь сократилась почти в 2,5 раза (Гайнуллин, Дёмина, Усманов, 2012, с. 62). За прошедшие 15 лет площадь селища уменьшилась еще на треть.

По данным исследований 1960-х гг. Т.А. Хлебникова датировала Остолоповское селище X–XI вв. При этом она сделала оговорку, что оно возникло оно на рубеже IX–X в. В этом предположении она исходила из аналогий ряду керамических форм из ямы № 4 раскопа 1969 г., которую она считала самой ранней, «восходящей дневным уровнем к основанию культурного слоя болгарской эпохи» (Хлебникова, 1974, с. 61). Это материалы Танкеевского могильника и хазарского слоя Саркела (Хлебникова, Казаков, 1976, с. 126, прим. 104). Впрочем, находки из жилища, которое полностью попало в раскоп, и культурного слоя, которые и стали основанием для определения времени существования всего селища (Хлебникова, 1974, с. 59, рис. 1), в настоящее время датируются более поздним временем (Руденко, 2017, с. 298). В сущности, практически единственной датирующей находкой из раскопок Т.А. Хлебниковой является бронзовый наконечник пояса, который по материалам могильников Марийского Поволжья и Пермского Прикамья относится ко второй половине X – XI в., в большей степени XI в., например: «Черемисское кладбище» (погр. 6), «Нижняя стрелка» (погр. 4, 11, 11а, 15, 16) или Огурдинский могильник (погр. 166), датированный рубежом X–XI – 2 пол. XI в. (Никитина, 2012, с. 202, 244, 257, 263, 266, рис. 96: 9, 10; 138: 13, 14; 151: 12, 13; 157: 12; 160: 11, 13; Белавин, Крыласова, 2012, с. 120, 179, 214, 218, рис. 68: 21; 50: 10).

В конце 1980-х гг. Е.П. Казаков, занимавшийся исследованиями болгарских селищ нижнего течения Камы, высказал мнение о более поздней датировке Остолоповского поселения, соотнеся начало его функционирования с возникновением торгово-ремесленных болгарских поселений в приустьевой части Камы во второй половине X – первой половине XI в. (Казаков, 1991, с. 161).

Таким образом, вопрос о времени возникновения Остолоповского селища остается открытым. Если изученные раскопками в 1997–2017 гг. участки территории датируются не ранее конца X в. (Руденко, 2017, с. 306, 307), то когда функционировала та часть поселения, которая была уничтожена водохранилищем? Обратимся к подъемному материалу с этого памятника.

Рис. 1. Остолоповское селище. 1 – Общий вид с севера. 2 – ортофотоплан, съемка 2019 г. 3 – схема сопоставления разрушенной части памятника на состояние 2005 г. (по: Гайнуллин, Демина, Усманов, 2012).

4 – планиграфия Остолоповского селища; составлена К.А. Руденко

Fig. 1. Ostolopovo village. 1 – General view from the north. 2 orthophotomap, survey of 2019; 3 – comparative layout of the destroyed part of the monument as of 2005 (after: Gainullin, Demina, Usmanov, 2012). 4 planigraphy of the Ostolopovo settlement; compiled by K.A. Rudenko

В 1980-х – первой половине 1990-х гг. Остолоповское селище обследовали Е.П. Казаков, Е.А. Беговатов и М.М. Кавеев, затем – К.А. Руденко. Ими осматривалось в основном западное побережье останца, которое активно разрушалась, в отличие от восточного и юго-восточного берега, заросшего ивами, густым

кустарником, камышом и менее подверженно-го размыву.

Интересны находки, собранные М.М. Кавеевым в 1986 г. (БГИАМЗ, коллекция № 209), происходящие, скорее всего, из разрушенной жилой постройки и прилегающих хозяйственных сооружений – центра крупной

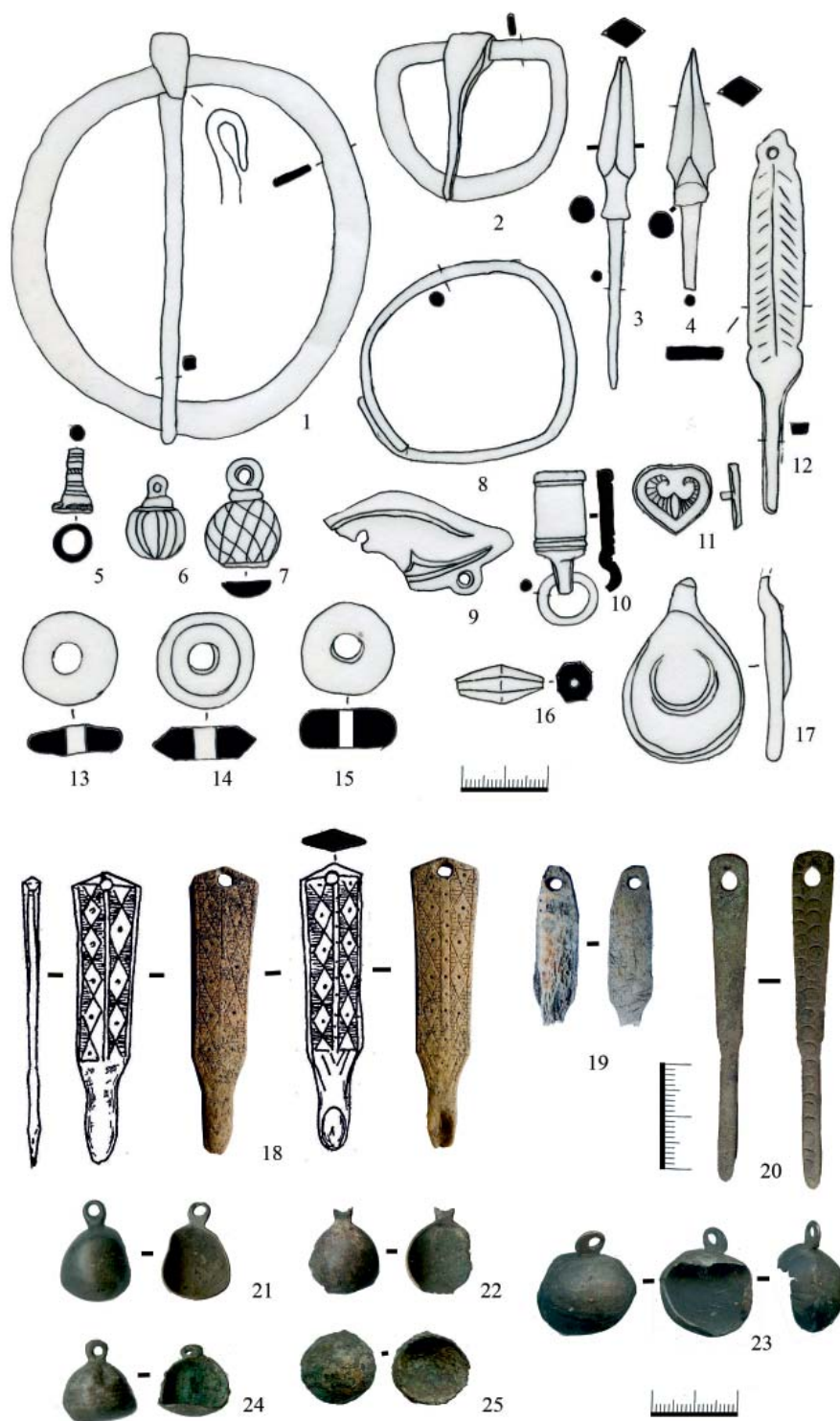

Рис. 2. Остолоповское селище. Изделия из железа (1-4), цветного металла (5-11, 20-25), кости (12, 18, 19), стекла (17) и камня (16). 1-17: подъемный материал 1986 г., сборы М.М. Кавеева; собрание БГИАМЗ, КП № 209.

20-25: подъемный материал 1997–2005 г.; 18: раскоп XI, яма 1; 19: раскоп XXII, уч.9, пласт 3, слой IIIр
Fig. 2. Ostolopovo village. Items made of iron (1-4), non-ferrous metal (5-11, 20-25), bones (12, 18, 19), glass (17) and stone (16). 1-17: excavated material of 1986, collected by M.M. Kaveev; collection of BGIAMZ, KP No. 209.
 20-25: excavated material of 1997–2005; 18: Excavation XI, pit 1; 19: Excavation XXII, section 9, layer 3, layer IIIр

усадыбы. Это фрагменты керамики – крупных тарных круговых сосудов, лепных горшков с примесью толченой раковины с верёвочно-гребенчатой орнаментацией (БГИАМЗ, инв. № 209/7,39). Также были найдены железные подпружные пряжки (рис. 2: 1, 2), наконечни-

ки стрел XI–XII в. (рис. 2: 3, 4) и поделки из сплава цветного металла. Среди последних – бронзовый проволочный браслет (рис. 2: 8), пронизка (рис. 2: 5), датированная по аналогиям второй половиной X – XI в. (Никитина, 2012, с. 178, 363, рис. 72: 7; 257: 36), бронзовые

накладки, одна из которых литая сердцевидная (2×1,6 см) с изображением крина на штрихованном фоне (БГИАМЗ, инв. № 209/22) встречается в составе украшений конца X – XI в. погребального инвентаря могильников Марийского Поволжья и Верхнего Прикамья (могильники Веселовский, «Черемисское кладбище»; Дубовский, Огурдинский), как и бронзовые пуговицы с рельефным орнаментом (Никитина, 2012, с. 148, 176, 218, 343, 382, рис. 42: 10; 70: 14; 112: 20; 237: 6; 276: 8,9). Бронзовые пуговицы этого типа известны с болгарского I Измерского селища конца X – XI в. (Казаков, 1991, с. 115, рис. 40: 52–55). Бронзовая накладка (рис. 2: 10) по аналогиям датируется XI в. Интересен фрагмент птицевидной (крыловидной) нашивки с шумящими привесками (рис. 2: 9) (БГИАМЗ, инв. № 209/131). Такие нашивки были распространены у гузов во второй половине X – первой половине XI в. (Путешествие, 2016, с. 197, 200, кат. 139, 142). Из бронзы был отлит диск диаметром 2,3, толщиной 0,6 см, с отверстием в центре диаметром 0,7 см (БГИАМЗ, инв. № 209/41).

Каменные изделия представлены пряслами и бусами. Прясла овальной и усеченно-биконической формы изготовлены из овручского шифера темно-малинового и розового цвета (рис. 2: 14, 15). Такого типа прясла были встречены в раскопах на селище во II–III стратиграфических слоях (Руденко, 2017, с. 314, 317, рис. 3: 7; 6: 2). Бипирамидальная, шестигранная сердоликовая бусина длиной 2 и шириной 1 см (БГИАМЗ, инв. № 209/113) датируется в широких хронологических рамках, но на памятниках Волжской Булгарии такие бусы встречаются в основном в XI–XII вв., а в Прикамье – в XI в. (Полубояринова, 1991, с. 21, 26, 27, рис. 1: 16; Голдина, Королева, 1983, с. 60, тип 164). В Мякининских курганах аналогичные бусы встречены в захоронениях XII в. (Энговатова, 2018, с. 233, 235, 237, 243, рис. 156: 1; 158: 3; 160: 8; 166: 16).

Интересна костяная копоушка (рис. 2: 12), относящаяся к типу изделий, которые встречаются в Прикамье в X–XI вв., а ранние варианты известны там с IX в. (Иванова, Куликов, 2000, 146, 210, кат. 469). Костяные копоушки найдены при раскопках селища в объектах и в слое XI–XII в. Одна из них происходит из раскопа XI (рис. 2: 18), вторая из раскопа XXII из слоя IIIp (рис. 2: 19). Эти артефакты являются репликами изделий X–XI в. поволжских и прикамских финнов (Иванова, 1998, с. 162, 163, рис. 67; Никитина, 2012, с. 162, 174,

176, 214, рис. 56: 2; 68: 2, 3; 70: 11–13; 108: 2, 4; Крыласова, 2007, с. 287, рис. 117: 10, 11, 17). Копоушки с треугольным верхним краем подтрапециевидной формы встречены в ярославских курганах X–XI вв., на Старой Ладогге и на Сарском городище (Фехнер, 1963, с. 40, 41, рис. 23: 1; Старая, 2003, с. 87, кат. 203; Леонтьев, 1996, с. 147, 149, рис. 62). Точные аналоги орнаментированной копоушки (рис. 2: 18) имеются в древнемарийском Выжумском III могильнике в погребениях 4, 5 и 21, датированных XII в. (Архипов, 1986, с. 62, рис. 22: 1–11). Также костяные копоушки встречаются на болгарских селищах второй половины X – XI в., например, на I Измерском (Казаков, 1991, с. 142, 143, рис. 46: 17–19). Известны они и на Билярском городище. На Остолоповском селище найдена бронзовая копоушка с циркульным орнаментом (рис. 2: 20). Она близка таким поделкам Пермского Прикамья X–XIII вв. (Крыласова, 2007, с. 283, рис. 116: 2, 3).

В числе находок 1986 г. с Остолоповского селища – лапка (ручка-петелька) от стеклянной лампы (рис. 2: 17), находка на болгарских домонгольских памятниках очень редкая. Она имеет каплевидную форму (2,7×4,5×0,7 см) с невысоким бортиком и небольшой выпуклой шишечкой посередине. В верхней части артефакта имеется обломанная петелька. Лапка сделана из стеклянного жгута, один конец которого был расплюснен и приваривался к тулову, а другой, тонкий, прикреплялся выше к тулову лампы. Стекло её бесцветное, с легким желтоватым оттенком, патинизировано. Лампы с подобными, только меньшего размера, ручками найдены Е.А. Беговатым на II Билярском селище в раскопе IV (яма 13) и раскопе V (ямы 15 и 21). Датированы они X–XI вв. (Беговатов, Полубояринова, 2014, с. 158–160, рис. 1–3). Изготавливались стеклянные лампы этого типа в Сирии или Иране, преимущественно в XI в. (Carboni, 2001, p. 166, 167, cat. 38b). Серия таких ламп происходит из раскопок Нишапура и датируется X–XI вв. (Carboni, Waitehouse, 2002, p. 20, fig. 5; Kröger, 1995, p. 182, 183, cat. 235).

Отметим, что это не единственный редкий предмет с этой усадьбы. Так, из ямы 1 раскопа XVI Остолоповского селища происходит фрагмент стеклянного парфюмерного сосуда ближневосточного или византийского производства, которые бытовали в XI–XII вв. (Столярова, 1988, с. 272–277; Руденко, 2010, с. 133, рис. 7: 1; Carboni, Waitehouse, 2002, p. 139, cat. 55). Дневной уровень ямы относит-

ся к III слою, а заполнение к горизонту IIIa – рубежа XI–XII – первой половины XII в. (Руденко, 2012, с. 126, табл. 1). Исследованием Е.К. Столяровой установлено, что стекло для изготовления этого сосуда было сварено из трех компонентов и относится к классу $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$, типу $\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{MgO}-\text{SiO}_2-\text{Al}_2\text{O}_3$ (Столярова, 2008, с. 274).

Судя по находкам 1986 г. и осмотрам памятника, проведенным нами в 1988–1989 гг. именно в этот период происходило разрушение центральной части этой усадьбы. Периферийная часть её стала исследоваться нами в 1997 г. Работы здесь продолжались до 2005 г., когда обрушение береговой полосы на этом участке побережья было стабилизировано.

В 1997–2005 гг. был собран подъемный материал из разрушенного за предыдущие годы культурного слоя. Он представлен керамикой, изделиями из цветного металла, железа, кости (Руденко, 2002, с. 39–42, 51, 52, рис. 6, 7). Среди находок были пробитые монеты бувейгидов конца X – начала XI в., монетовидные подвески, рубленные кусочки серебра, имевшие хождение в конце X – XI в., части ювелирных серебряных изделий, небольшие литые серебряные слитки, а также весовые железные кубические гирьки, некоторые из них со знаками (Руденко, 2002, с. 52, рис. 7: 2–5, 42, 43, 44; Руденко, 2017, с. 305, 319, рис. 8). Отметим находку железного музыкального инструмента – варгана (кубыза) (Руденко, 2002, с. 52, рис. 7: 40). Это первое такое изделие, обнаруженное на болгарских поселениях этого времени. Также в числе находок была шумящая накладка с тремя лапчатыми привесками (Руденко, 2010, с. 134, рис. 8: 7), имеющая аналогии с артефактами из могильников конца X – XI в. поволжско-финского населения (Никитина, 2012, с. 273, рис. 167: 1). К этому же кругу артефактов относятся бронзовые шаровидные и конические пронизки, пуговицы и подвески (Руденко, 2002, с. 52, рис. 7: 20, 21, 22, 25, 26) (рис. 2: 21–24). Из предметов с узкой датой отметим грушевидный бубенчик с крестовидной прорезью, датирующийся по материалам Новгорода с середины X до середины XII в. (Руденко, 2002, рис. 7: 18; Седова, 1981, с. 156, 157, рис. 62: 1–5).

В 1981 г. Е.П. Казаковым на селище были собраны фрагменты медной посуды конца XI – XII в.: ушки от медных котлов, обломки венчиков и стенок от них. Аналогичный материал, хотя и не столь многочисленный, был собран нами в конце 1990-х гг. (Руденко, 2002, с. 51, рис. 6: 1–6). Судя по состоя-

нию артефактов, эти фрагменты использовались как сырье. В конце 1990-х гг. здесь были найдены и разнообразные предметы вооружения: железные наконечники стрел, наконечник дротика, железные псалии, в том числе одна «крылатая», костяная петля для колчана (Руденко, 2002, с. 51, 52, рис. 6: 7, 10–13; 7: 38). Стоит отметить и оригинальный набор (12 экз.) железных пластин от доспеха (Руденко, 2002, рис. 6: 14; 7: 39), типы которых впервые были встречены на болгарских памятниках домонгольского времени. Отметим, что такие пластины были найдены и на раскопах в сооружениях и в отложениях III слоя. Стратиграфическая дата этих артефактов, как и дата по аналогиям – конец XI – первая половина XII в. (Руденко, 2014а, с. 47–49, рис. 1).

Бусинный комплекс Остолоповского селища, по исследованиям 1997–2017 гг., составляют артефакты из стекла и камня. Стекланные бусы как из подъемного материала, так и из раскопов, делятся на монохромные и полихромные. Монохромные бусы представлены круглыми зонными и шаровидными полупрозрачными желтого цвета (рис. 3: 1, 2), круглыми зонными черного цвета (рис. 3: 3) и желтым бисером (рис. 3: 4), изготовленными навивкой. Они часто встречаются на средневековых памятниках Восточной Европы, в том числе и на поселениях волжских болгар, в XI–XII вв. (Доброва, 2018, с. 110, 111, рис. 4: 20; 5: 14; Захаров, 2004, рис. 283; Руденко, 2015, с. 309, 372, рис. 60: 3–5, I: 3в, г, з; XI: 9, 10). Из них довольно редки бусы черного цвета.

Полихромные бусы, изготовленные навивкой, разнообразны. Некоторые из них украшены накладными нитями белого и желтого цвета (рис. 3: 13, 14). Одна из них, самая крупная (1,7×1,5×1,1 см), треугольная, зонная, диаметром 0,8 см, с выпуклыми глазками, обведенными петлеобразной нитью, и с широким отверстием (рис. 3: 14), имеет аналоги на древнерусских памятниках XI–XII в. (Захаров, 2004, рис. 298: 3, 4; Журухина, 2015, рис. VIII: 2). Глазчатые бусины цилиндрической или боченкообразной формы имеют три-четыре плоских или чуть выпуклых глазка круглой или овальной формы (рис. 3: 8–11). Цвет бусин желтый, коричневый и бирюзовый. Глазки состоят из нескольких слоев стекла, например, коричневого и желтого либо белого и желтого, коричневого с синим центром и синего, желтого и черного. Они имеют аналогии как на памятниках XI–XII вв. Волжской Булгарии, так и Восточной

Рис. 3. Остолоповское селище. Украшения из стекла (1-17) и камня (18-21). Бусы (1-15, 18, 20), браслет (16), перстень (17), пронизка (21). 1, 5-9, 12-21: подъемный материал. 2: раскоп XXI, 4: раскоп XVIII, уч. 15, пл.3, слой IIIр; 10: раскоп XVIII, уч. 15, пл. 1, слой II-III; 11: раскоп XVIII, уч.7, пл.3, слой IIIр. 1-17 – стекло; 18 – агат; 19 – гешир; 20 – сердолик; 21 – лазурит

Fig. 3. Ostolopovo village. Jewelry made of glass (1-17) and stone (18-21). Beads (1-15, 18, 20), bracelet (16), ring (17), thread (21). 1, 5-9, 12-21: excavated material. 2: Excavation XXI, 4: Excavation XVIII, plot 15, area 3, layer IIIр; 10: Excavation XVIII, area 15, area 1, layer II-III; 11: Excavation XVIII, section 7, area 3, layer IIIр. 1-17 – glass; 18 – agate; 19 – quishr; 20 – carnelian; 21 – lapis lazuli

Европы в целом. В Прикамье часть глазчатых бусин, близких по дизайну, встречается с X в. (Иванова, Куликов, 2000, с. 100–101, кат. 213).

Выделяются бусы темного цвета со слоистыми круглыми или овальными «глазками»

(рис. 3: 5, 6). Первая из них (d=10 мм) (рис. 3: 5) круглая, зонная, с отверстием диаметром 3 мм, изготовлена из черного глухого стекла с овальными слоистыми «глазками» белого цвета с синим центром и черной обводкой

Рис. 4. Остолоповское селище. Подъемный материал. Изделия из железа. Накладки (1-5,7-10), пряжки (11,15-19), привески (12,13), наносный султан (14)

Fig. 4. Ostolopovo village. Excavated material. Iron products. Overlays (1-5,7-10), buckles (11, 15-19), pendants (12,13), applied sultan (14)

последнего (техника миллефиори). Вторая бусина ($d=15$; $h=13,65$ мм) боченовидная, ближе к эллипсоидной, круглая с отверстием на входе с диаметром канала 3 мм и на выходе – 1,2 мм, изготовлена вытягиванием стеклянной

палочки с последующим наложением «глазков», выполненных в технике миллефиори (миниатюрной мозаики). Затем изделие было подвергнуто обкатке. По мнению Е.К. Столяровой, эта бусина египетского производства

и датируется первой четвертью XI в. (Столярова, 2005, с. 59). Более ранние типы таких бусин встречаются в IX–X вв. (например, Больше-Тарханский могильник, погребение 75: НМ РТ, инв. № 12225; БТМ-57/206). Бусы этого типа имели широкое распространение на Ближнем Востоке в X–XI вв., например, были обнаружены при раскопках в Нишапуре (Kröger, 1995, p. 199, 200, cat. 284). Близкие по типу бусы зафиксированы в могильниках X–XI вв. поволжско-финского населения: Веселовского, «Нижняя стрелка» (Никитина, 2012, с. 396, 397, рис. 290: 4; 291: 18).

Другой тип – бусина веретенообразная, круглая с декором из тонких белых нитей на черном фоне (рис. 3: 7), сделанная способом навивки. По материалам могильников Верхнего Прикамья датируются такие бусы XI–XII вв. (Голдина, Королева, 1983, табл., тип 137). Аналогичная найдена на раскопе VI (ров) Кирменьского городища (Нигамаев, 2005, рис. 98: 12). Известны они в Биляре.

Из стекла были изготовлены очень редкие изделия: перстень и браслет. Перстень (рис. 3: 16) щитковый, сомкнутый (2,5×1,5×1 см), с шинкой полуовального сечения (0,4×0,3 см) и плоским щитком миндалевидной формы (2×1 см). Диаметр внутренней части 1,8 см. Стекло желтое, прозрачное. Сделан перстень литьем в форму (Столярова, 2005, с. 54, рис. 1: 39). Браслет (2×0,7×0,3 см) (рис. 3: 17) сине-фиолетового цвета изготовлен из прозрачного стекла путем вытягивания через форму с последующей «опрессовкой» на плоской плите; окончания браслета скреплялись при помощи сварки. Диаметр его 6 см; сечение треугольное (Столярова, 2005, с. 58, рис. 1: 35). Е.К. Столярова, исследовав браслет и перстень, пришла к выводу, что они оба византийского производства и датируются XI в., вероятно, первой четвертью этого столетия (Столярова, 2005, с. 57, 58). Аналогичные изделия византийского производства встречены в культурном слое Гнездовского поселения второй половины X в., также встречаются они и на Киевском Подоле с середины XII в. (Мурашева, Довгальюк, Фетисов, 2010, с. 517; Журухина, 2015, с. 219, 220, рис. II, III).

Каменные украшения немногочисленны. Крупная бусина (d=19, h=30 мм) с продольным отверстием диаметром 2 мм (рис. 3: 18) и весом 12,11 г выточена из агата. Она эллипсоидной формы, круглая в сечении, кремового цвета с белыми прожилками. Такие бусы были популярны на Востоке в X в. Халце-

доновая бусина такой же формы встречена в могильнике Саркела – Белой Вежи (Артамонова, 1963, с. 64, рис. 49: 8д). На домонгольских болгарских поселениях редки. Гагатова бусина шаровидная, круглая, диаметром 9 мм, с отверстием диаметром 3 мм. На болгарских памятниках XI–XII вв. такие бусы практически не встречаются, хотя в X в. они известны в захоронениях Танкеевского могильника.

Кроме бус на селище была найдена лазуритовая пронизка (рис. 3: 21): имеет вид плоской пластины правильной ромбической формы (1,5×0,9×0,3 см). На торцевой стороне её в верхней и нижней части имеются два маленьких сквозных отверстия. Относится к типу III А-1 (по К.А. Руденко); на других памятниках Волжской Булгарии не встречается (Руденко, 2014, с. 228, рис. 4–13). Наиболее близкие аналогии пронизке имеются в могильнике Саркела – Белой Вежи, функционировавшем в конце X – начале XII в. (Артамонова, 1963, с. 64, рис. 49: 7а).

Среди находок 1980-х и 1990-х гг. особый интерес представляют поясные пластинчатые застежки южносибирского происхождения со следами плакировки серебром (рис. 4: 6) (Казаков, 1997, рис. 7: 8; Руденко, 2001, табл. XXX: 1, кат. 537). Помимо неё, были найдены две разнотипные накладки со следами серебряной плакировки (Руденко, 2001, с. 193, табл. XXIII: 14–16; XXX: 1, 2, кат. № 490–492, 537), одна из которых была геральдической формы (рис. 4: 5). Эти предметы имеют аналогии в древностях аскизской культуры Южной Сибири (Кызласов, 1983, с. 50, 51, рис. 26). Дополняют их болгарские подражания аскизским изделиям (рис. 4: 14, 7–13, 15–19), некоторые из которых были декорированы циркульным орнаментом (Казаков, 1997, с. 75, рис. 7: 2, 3, 6–8). Аналогичные последним были найдены на Измерском селище и Билярском городище (Казаков, 1997, рис. 7: 5, 6; Руденко, 2001, с. 161, табл. IV: 15; VI: 9). Все они датируются второй половиной XI – первой половиной XII вв.

Завершая анализ подъемного материала, отметим, изученную в 2015 г., хозяйственную яму с набором целых форм и археологически целых керамических изделий (рис. 5). Она находилась в 30 м от раскопа XVI, где было обнаружено донце парфюмерного сосуда. На нем же была выявлена небольшая яма с несколькими целыми керамическими мисками, а рядом с ним – яма с человеческими останками. Все эти объекты находились на задворках обширной усадьбы, размытой водо-

Рис. 5. Остолоповское селище. Круговая керамика из ямы «А» (2015 г.). Реконструкция К.А. Руденко
Fig. 5. Ostolopovo village. Ceramics made on a potter's wheel from pit "A" (2015). Reconstruction by K.A. Rudenko

хранилищем, и материалы с которой были рассмотрены выше.

Таким образом, анализ находок с разрушенной части Остолоповского селища показал, что они укладываются в рамки XI–XII в., а если учитывать полный хронологический диапазон бытования этих артефактов, то и конец X в. Поскольку часть усадьбы, которая в 1980-е гг. разрушалась водохранилищем, удалось исследовать раскопками в 1997–2017 г., то можно сопоставить эти данные с теми

материалами, которые дали эти раскопки с учетом стратиграфии памятника.

Интересующая нас западная часть селища изучалась в 1997–2006 и 2017 гг. – раскопы I, III, IV, VI–XIV, XVI, XXIV. За исключением раскопов III, XIV, XXIV, остальные продолжали предыдущие, то есть прибрежная зона вскрывалась сплошной площадью. В юго-восточной части памятника в 1997, 2007–2011 гг. были разбиты раскопы II, V, XVII–XXIII. Раскопки показали, что мощность

культурных отложений на селище вне сооружений не превышает 70 см и составляет в среднем 50–60 см (Руденко, 2012, с. 137, рис. 2: 3, 4; Руденко, 2017, с. 296–319). Стратиграфическая градация культурного слоя отличает Остолоповское селище от других болгарских поселений домонгольского времени, исследованных к настоящему времени (Казаков, 1991, с. 27).

Культурный слой селища сформировался на черноземе (погребенная почва), который прослеживается на территории всего памятника. Выделяются пять слоев, которые датированы находками. Они следующие: слой I: XX – начало XXI в.; слой II: первая – вторая треть XII в.; слой IIIп (третий поздний): вторая половина XI в. – начало XII в.; слой IIIр (третий ранний): начало XI в. – первая половина XI в.; слой IV: рубеж X–XI в. – начало XI в.; слой V: погребенная почва. Слой IV по факту – это верхний горизонт слоя V. Датировка слоев рассмотрена нами в отдельной статье (Руденко, 2017, с. 299–307).

Наиболее мощными являются отложения III слоя. Они разделяются на два горизонта – из-за произошедшего ближе к середине XI столетия пожара (или пожаров), от которого пострадали усадьбы селища. Этот слой наиболее представлен в западной части поселения. В восточной части он прослеживается участками. В северной и северо-восточной части селища основные отложения относятся ко II слою. В последней трети XI – начале XII в. селище было практически полностью разорено, а многие жители погибли. Их останки были обнаружены в котлованах жилищ, например, в постройке 1 раскопа I (Руденко, 2002, с. 36), или рядом с ними; причем людей, в основном мужчин в возрасте от 25 до 45 лет и подростков, убивали очень жестоко (Руденко, 2009, с. 5–15; Руденко, 2010, с. 202–224; Руденко, 2011а, с. 12–15; Гатауллина, Руденко, с. 217–218). К этому периоду относится часть находок предметов вооружения и конского снаряжения как из раскопок, так и из подъемного материала (Руденко, 2002, с. 40, рис. 6: 7, 10–14; 7: 38, 39). Этими событиями завершается формирование III слоя. Спустя какое-то время жизнь на поселении возобновилась, но в основном на незастроенной части территории (рис. 2: 4). В этот период сформировался II стратиграфический слой. К концу XII в.,

а может быть и чуть раньше селище угасло. После этого это место не обживалось и не распаивалось, что сохранило сформировавшийся культурный слой без существенных повреждений до настоящего времени (Руденко, 2017, с. 296–319.).

Из вышесказанного становится очевидным, что подъемный материал и материалы раскопок в хронологическом плане идентичны. То есть разрушенный участок памятника не являлся его ранней частью. Застройка поселения началась с юго-юго-восточного побережья останца, где протекала Шенталка (рис. 1: 4).

В заключение отметим, что в подъемном материале встречены находки не только болгарского времени: на размыве в северной части собрана коллекция кремниевых изделий и фрагменты керамики эпохи бронзы. На западном побережье были обнаружены артефакты эпохи раннего железного века. Интересны несколько предметов, относящихся ко второй половине I тыс. н. э. Это сердоликовая плоская (8,35×9,37×2,88 мм) бусина с росписью (Руденко, 2002, с. 52, рис. 7: 35; 2012, с. 133, рис. 7: 13). С обеих её сторон имеется рисунок, выполненный белыми тонкими линиями в виде бабочки (рис. 3: 20). Она близка типу ХІВІ бус неволинской культуры по типологии Е.В. Голдиной и может быть датирована VI–VIII в. (Голдина, 2010, с. 44, 138, 146, рис. 28, 36). К VI–VII вв. относится бронзовая кольцо-пряжка овальной формы также из подъемного материала. Эти находки, очевидно, не связаны с болгарским поселением XI–XII в.

Таким образом, Остолоповское селище функционировало с рубежа X–XI в. и до последней трети XII в. Это подтверждается и планиграфией поселения (рис. 1: 4). Останец заселялся с юго-восточной стороны в северо-западном направлении к острию мыса. Это было обусловлено тем, что именно с юго-восточной стороны останца в то время протекала река Шенталка. Северо-восточное побережье, вероятно, было менее удобным для проживания из-за дальности подходов к реке и осваивалось позже по мере роста поселения. Самые ранние находки из слоя IIIр и IV, как и находки в подъемном материале, относятся к рубежу X–XI или началу XI в. (Руденко, 2017, с. 303, 306, 307).

ЛИТЕРАТУРА

Артамонова О.А. Могильник Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том III / МИА. № 109 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–215.

Археологические памятники Центрального Закамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. 98 с.

Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII вв. (к этнокультурной истории Поволжья). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1986. 115 с.

Беговатов Е.А., Полубояринова М.Д. Восточные стеклянные лампы из Поволжья // РА. 2014. №1. С. 158–162.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник. Пермь: ПГГПУ, 2012. 259 с.

Гайнуллин И.И., Дёмина Ю.В., Усманов Б.М. Опыт применения ГИС-технологий для оценки интенсивности разрушения археологических памятников в зоне влияния Куйбышевского водохранилища // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 54–63.

Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.) // МИКВАЭ. Т. 6. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2010. 264 с.

Голдина Р.Д., Королева О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Удм. ун-т, 1983. С. 40–72.

Доброва О.П. Стеклянные бусы Гнёздово по материалам раскопок Центрального городища // Гнёздовский археологический сборник. Материалы и исследования. Вып. 1 / Труды ГИМ. Вып. 210 / Отв. ред. С.Ю. Каинов. М.: ГИМ, 2018. С. 102–126.

Журухина Е.Ю. Украшения из стекла: тенденции и проблемы исследования находок Киевского Подола // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, сост. Е.К. Столярова. М.: Нестор-История, 2015. С. 218–222.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв.: Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.

Иванова М.Г., Куликов К.И. Древнее искусство Удмуртии. Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 2000. 216 с.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Казаков Е.П. Об этнокультурных компонентах народов юго-восточной Европы в Волжской Болгарии (по археологическим материалам) // ТА. 1997. №1. С. 61–77.

Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2006. 352 с.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. Вып. Е3-18. М.: Наука, 1983. 128 с.

Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 341 с.

Мурашева В.В., Довгальюк Н.П., Фетисов А.А. Византийские импорты с территории пойменной части Гнездовского поселения // «Краеугольный камень». Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1 / Ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. СПб: Ломоносовъ, 2010. С. 512–536.

Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы: Своеобразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 228 с.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Отечество, 2012. 408 с.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: ИА АН СССР, 1991. 112 с.

Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.: Издательский дом Марджани, 2016. 560 с.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв.: Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Казань: Заман, 2001. 256 с.

Руденко К.А. Волжская Болгария в системе торговых путей средневековья (по материалам раскопок Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана) // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы круглого стола / Отв. ред. М.А. Усманов Часть II, Казань: ИИ АН РТ, 2002. С. 31–52.

Руденко К.А. О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан // Поволжская археология. 2012. №2. С. 123 – 145.

Руденко К.А. Украшения из лазурита XI - XIII вв. из Волжской Болгарии и древности Сибири // Древности Сибири и Центральной Азии. 2014. № 7(19). С. 224–244.

Руденко К.А. О защитном вооружении болгарского воина XI в. (по материалам болгарского селища (Остолоповского) у с. Речное) // Военная археология. Вып.3 / Отв. ред. О.В. Двуреченский. М.; Тула: МедиаМир; Куликово поле, 2014а. С. 47–54.

Руденко К.А. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 г. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. 400 с.

Руденко К.А. Стратиграфия Остолоповского селища XI – XII вв. в Алексеевском районе Татарстана // Археология Евразийских степей. 2017. №1. С. 296–319.

Руденко К.А. Новые данные о болгарских жилищах домонгольского времени (по материалам Остолоповского селища в Татарстане) // Археология Евразийских степей. 2019. №6. С. 95–110 <https://doi.org/10.244.11/2587-6112-2019-00082>.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Старая Ладога – древняя столица Руси. Каталог выставки / Науч. ред. Б.С. Короткевич. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. 190 с.

Старостин П.Н. Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1993. С. 53–63.

Столярова Е.К. Стекланные украшения болгарских селищ низовий Камы // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2005. С. 43–66.

Столярова Е.К. Стекланный сосуд из раскопок Остолоповского селища // Материалы Лихачевских чтений Национального музея РТ. Казань: ООО ИПЦ «Экспресс-формат», 2008. С. 272–277.

Фехнер М.В. Предметы косторезного производства // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: ГИМ, 1963. С. 39–42.

Хлебникова Т.А. Отчет о работах Отряда археологической экспедиции по исследованию болгарских поселений зоны Куйбышевского водохранилища в 1969 году. Казань, 1970 г. / Архив ИА РАН. Р-1. №3919. 75 л.

Хлебникова Т.А. Некоторые итоги исследования болгарских памятников нижнего Прикамья // СА. 1974. № 1. С. 58–68.

Хлебникова Т.А., Казаков Е.П. К археологической карте ранней Волжской Булгарии на территории ТАССР // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 109–136.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю., Зоц Е.П., Столярова Е.К., Сарачева Т.Г. Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмосковье / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 21. М.: ИА РАН, 2018. 344 с.

Carboni S. Glass from Islamic Lands. The al-Sabah Collection, Dar al-Athar al-Islamiyyah, Kuwait National Museum. L.: Thames & Hudson, 2001. 416 p.

Carboni S., Waitehouse D. Glass of the Sultans. N.-Y.: Metropolitan Museum of Art, 2002. 330 p.

Kröger Jens Nishapur. Glass of th Early Islamic Period. N.-Y.: Metropolitan Museum of Art, 1995. 258 p.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

REFERENCES

Artamonova, O. A. 1963. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 109. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 5–215 (in Russian).

Khalikov, A. Kh (ed.). 1988. *Arkheologicheskie pamiatniki Tsentral'nogo Zakam'ia (Archaeological Monuments of the Central Trans-Kama Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Arkhipov, G. A. 1986. *Mariitsy XII–XIII vv. (k etnokul'turnoi istorii Povetluzh'ia) (Mari People in 12th–13th Centuries: to the Ethno-Cultural History of the Vetluga River Basin)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Begovatov, E. A., Poluboiarinova, M. D. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 158–162 (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2012. *Ogurdinskii mogil'nik (Ogurdino Burial Ground)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).

Gainullin, I. I., Demina, Yu. V., Usmanov, B. M. 2012. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 226. 54–63 (in Russian).

Goldina, E. V. 2010. *Busy mogil'nikov nevolinskoii kul'tury (konets IV–IX vv.) (Beads from the Nevolino Culture Burial Grounds (Late 4th – 9th Centuries))*. Series: Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition 6. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, R. D., Koroleva, O. P. 1983. In Vladykin, V. E. (ed.). *Etnicheskie protsessy na Urale i Sibiri v pervobytnuiu epokhu (Ethnic Processes in the Urals and Siberia in the Prehistoric Age)*. Izhevsk: Udmurt State University, 40–72 (in Russian).

Dobrova, O. P. 2018. In Kainov, S. Yu. (ed.). *Gnezdovskii arkheologicheskii sbornik. Materialy i issledovaniya (Gnezdovsky Archaeological Collection. Materials and Research)* 1. Series: Proceedings of the State Historical Museum 210. Moscow: State Historical Museum, 102–126 (in Russian).

Zhurukhina, E. Yu. 2015. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Steklo Vostochnoi Evropy s drevnosti do nachala XX veka (East European Glass from Antiquity to the Early 20th Century)*. Moscow: "Nestor-Istoriia" Publ., 218–222 (in Russian).

Zakharov, S. D. 2004. *Drevnerusskii gorod Beloozero (The Old Rus Town of Beloozero)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

Ivanova, M. G. 1998. *Idnakar: Drevneudmurtinskoe gorodishche IX–XIII vv. (Idnakar: Ancient Udmurt Hillfort of 9th – 13th Centuries)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ivanova, M. G., Kulikov, K. I. 2000. *Drevnee iskusstvo Udmurtii (Ancient Art of Udmurtia)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 1997. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* (1), 61–77 (in Russian).

Krulasova, N. B. 2006. *Arkheologiya povsednevnosti: material'naiia kul'tura srednevekovogo Predural'ia (Archaeology of Everyday Life: Material Culture of the Medieval Cis-Urals)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoi Sibiri X–XIV vv. (Askiz Culture of South Siberia in the 10th – 14th cc.)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3-18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Leont'ev, A. E. 1996. *Arkheologiya meri. K predystorii Severo-Vostochnoi Rusi (Archaeology of the Merya People. Towards Pre-History of North-Eastern Rus')*. Moscow: "Geoeko" Publ. (in Russian).

Murasheva, V. V., Dovgaliuk, N. P., Fetisov, A. A. 2010. In Nosov, E. N., Beletsky, S. V. (eds.). *Kraegol'nyi kamen'. Arkheologiya, istoriia, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran (Cornerstone. Archaeology, History, Art and Culture of Russia and Its Neighboring Countries)* 1. Saint Petersburg: "Lomonosov" Publ., 512–536 (in Russian).

Nigamaev, A. Z. 2005. *Bolgarskie goroda Predkam'ia: Alabuga, Kirmen', Chally. Svoeobrazie material'noi kul'tury i naseleniia (Bolgar Towns of the Cis-Kama area: Alabuga, Kirmen, Chally. Originality of Material Culture and Population)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1991. *Ukrasheniia iz tsvetnykh kamnei Bolgara i Zolotoi Ordy (Jewelry of Gemstones found in Bulgar and the Golden Horde)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).

Puteshestvie ibn Fadlana: Volzhskii put' ot Bagdada do Bulgara (The Journey of Ibn Fadlan: the Volga Route from Baghdad to Bulgar). 2016. Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2001. *Tiurkskii mir i Volgo-Kam'e v XI–XIV vv.: Izdeliia askizskogo kruga v Srednem Povolzh'e (Turkic World and the Volga-Kama Region in the 11th – 14th cc.: Articles of the Askiz Range in the Middle Volga Region)*. Kazan: "Zaman" Publ. 141 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2002. In Usmanov, M. A. (ed.). *Velikii Volzhskii put': istoriia formirovaniia i razvitiia (The Great Volga Route: Formation and Development History)* 2. Kazan: Institute for History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 31–52 (in Russian).

- Rudenko, K. A. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 123–145 (in Russian).
- Rudenko, K. A. 2014. In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 19 (7). 224–244 (in Russian).
- Rudenko, K. A. 2014a. In Dvurechensky, O. V. (ed.). *Voennaia arkheologiya. (Military Archaeology)*. 3 Moscow; Tula: “MediaMir” Publ., “Kulikovo Pole” State Museum-Reserve, 47–54 (in Russian).
- Rudenko, K. A. 2015. *Issledovaniia VI Alekseevskogo i Murzikhinskogo selishch v Tatarstane v 1992–1996 g. (Studies of VI Alekseevskoye and Murzikha Settlements in Tatarstan in 1992–1996)*. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ. (in Russian).
- Rudenko, K. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 296–319. (in Russian).
- Rudenko, K. A. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 95–110. DOI: <https://doi.org/10.244.11/2587-6112-2019-00082>. (in Russian).
- Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Korotkevich, B. S. 2003 (ed.). *Staraiia Ladoga – drevniaia stolitsa Rusi (Staraya Ladoga – the Ancient Capital of Rus)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum (in Russian).
- Starostin, P. N. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiya Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 53–63 (in Russian).
- Stolyarova, E. K. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of the Volga Region: the Medieval Period (Studies of the Cultural Heritage of Voga Bolgaria and the Golden Horde))*. Kazan: “Shkola” Publ., 43–66 (in Russian).
- Stolyarova, E. K. 2007. In *Materialy Likhachevskikh chteniy (Proceedings of Likhachev Readings)* Kazan': “Ekspert-format” Publ., 272–277 (in Russian).
- Fekhner, M. V. 1963. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iaroslavskoe Povolzh'e X–XI vv. po materialam Timerevskogo, Mikhailovskogo i Petrovskogo mogil'nikov (Yaroslavl Volga Region of the 10th–11th cc. based on materials from Timerevo, Mikhailovo and Petrovsky burial grounds)*. Moscow, 39–42 (in Russian).
- Khlebnikova, T. A. 1970. *Otchet o rabotakh Otriada arkheologicheskoi ekspeditsii po issledovaniiu bolgarskikh poselenii zony Kuibyshevskogo vodohranilishcha v 1969 godu (Report on the Work of the Archaeological Expedition Group for the Exploration of Bolgar Settlements in the Kuybyshev Reservoir Area in 1969)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 3919 (in Russian).
- Khlebnikova, T. A. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 58–68 (in Russian).
- Khlebnikova, T. A., Kazakov, E. P. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 109–136 (in Russian).
- Engovatova, A. V., Koval, V. Yu., Zots, E. P., Stolyarova, E. K., Saracheva, T. G. 2018. *Miakininskii arkheologicheskii kompleks v Podmoskov'e (Myakinino Barrows. Myakinino Archaeological Complex in the Moscow Region)*. Series: Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy (*Materials of Rescue Archaeological Studies*) Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Carboni S. 2001. *Glass from Islamic Lands. The al-Sabah Collection, Dar al-Athar al-Islamiyyah, Kuwait National Museum*. L.: Thames & Hudson (in English).
- Carboni S., Waitehouse D. 2002. *Glass of the Sultans*. N.-Y.: Metropolitan Museum of Art (in English).
- Kröger Jens 1995. *Nishapur. Glass of the Early Islamic Period*. N.-Y.: Metropolitan Museum of Art (in English).

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murzih@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.80.89>

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ БУЛГАРО-ТАТАРСКОГО ГОРОДА ДЖУКЕТАУ

© 2021 Н.Г. Набиуллин, И.Л. Измайлов

В научной оборот вводятся материалы исследований предметов вооружения из болгаро-татарского города Джукетау X–XIV вв. («Жукотин» древнерусских летописей), археологические остатки которого располагаются около г. Чистополь Республики Татарстан. Оружие дальнего боя Джукетау включает находки деталей колчана для хранения стрел и сами стрелы (археологически – их железные наконечники), а также, возможно, детали лука. Находки оружия ближнего боя включают перекрестие сабли, вток, боевые ножи. Предметы защитного вооружения представлены фрагментом кольчуги. Выделяются две хронологические группы предметов вооружения, относящиеся к домонгольскому (X – первая треть XIII вв.) и золотоордынскому (вторая треть XIII – начало XV вв.) периодам. В публикации также содержится обзор кратких результатов изучения технологии изготовления небольшой выборки предметов вооружения (в основном, наконечников стрел) из Джукетау по данным металлографических анализов.

Ключевые слова: археология, Республика Татарстан, г. Чистополь, X–XIV вв., Волжская Булгария, Улус Джучи, «Золотая Орда», Джукетау, «Жукотин», предметы вооружения.

ARMAMENT ITEMS FROM THE BOLGAR-TATAR CITY OF JUKETAU

N. G. Nabiullin, I. L. Izmaylov

The paper introduces into scientific discourse weapons of the 10th–14th centuries from the Bolgar-Tatar city of Juketau (referred to as “Zhukotin” in the Old Russian chronicles), the archaeological remains of which were located near the city of Chistopol in the Republic of Tatarstan. The Juketau armament consists of ranged, melee, and defensive weapons. The weapons are subdivided into pre-Mongol (the 10th – first third of the 13th centuries) and Golden Horde (second third of the 13th – the early 15th centuries). The paper features an overview of the results of studying the manufacturing technology of the weapons (arrowheads, mostly) from Juketau on the basis of metallographic analyses.

Keywords: archaeology, Republic of Tatarstan, Chistopol, 10th–14th centuries, Volga Bolgaria, Ulus of Jochi, “The Golden Horde”, Juketau, “Jukotin”, armament.

Джукетау – один из основных исторически известных локализованных городов Волжской Булгарии. В эпоху Улуса Джучи Джукетау переживает эпоху своего расцвета, упоминается как «Жукотин» в древнерусских летописях XIV – начала XV вв. Археологические остатки Джукетау X – XIV в. расположены на р. Кама, западнее г. Чистополь Республики Татарстан. Они включают компактно расположенную исторически связанную группу памятников – городище Джукетау, Донауровские I (Крутогорское) и II селища, некрополи (Набиуллин, 2001, с. 47–63).

В комплексе вещевого материала Джукетау представлена количественно относительно небольшая, но достаточно выразительная серия предметов вооружения. Основная часть коллекций Джукетау, в составе которых есть и предметы вооружения, сформирована в процессе исследований Т.А. Хлебниковой в 1970-е годы (Хлебникова, 1975), Ф.Ш. Хузина в 1990-е годы, позже Н.Г. Набиуллина. Ныне коллекции хранятся соответственно в

фондах БГИАМЗ и Музея археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Небольшие собрания предметов вооружения из Джукетау, имеющие характер подъемного материала, есть в фондах Чистопольского государственного историко-архитектурного и литературного музея-заповедника, Археологического музея Казанского университета (Набиуллин, 2019, с. 24–29). Пока опубликована лишь небольшая часть находок (Хлебникова, 1975, рис. 3: 1–3; 4: 4–7; Набиуллин, 2000, с. 286–293, 3:11; Руденко, 2002, с. 329 и др.; Семькин, Набиуллин, 2007; и др.).

Длительное непрерывное существование Джукетау в течение X – XIV вв., в болгарский и золотоордынский периоды, дает возможность проследить изменения в наборе оружия в исторической динамике. Однако из-за сильной переработанности культурного слоя памятника лишь небольшая часть культурных остатков имеет надежную стратиграфическую привязку. На сегодняшний день подтверждается предположение об исклю-

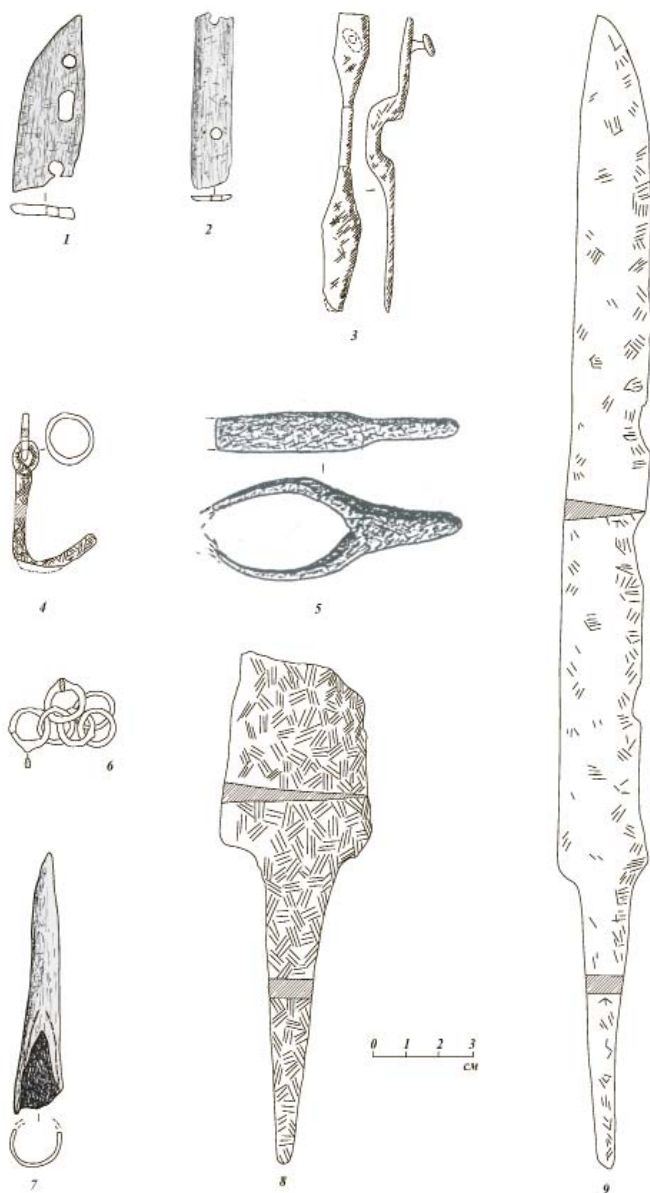

Рис. 1. Предметы вооружения

1, 2 – кость, 3–9 – железо

Fig. 1. Armament items 1, 2 – bone, 3-9 – iron

чительно домонгольской датировке (слой III стратиграфической шкалы Джукетау) городища Джукетау и непосредственно прилегающих к нему территорий на правом берегу речки Килевка. Это предполагает изначальную относительно узкую датировку и выявляемого здесь материала, в том числе предметов вооружения, часть которых, в свою очередь, обладает собственно датирующими признаками. Но абсолютное большинство предметов вооружения, как и основная часть всех культурных остатков Джукетау, происходит из расположенного на противоположном берегу речки Килевка Донауровского II селища, которое в X – первой половине XIII вв. являлось одним из городских посадков, а во второй

половине XIII – XIV вв. (слой II стратиграфической шкалы Джукетау) – непосредственно территорией города «открытого типа» (Набиуллин, 2001, с. 47–63).

Следуя имеющимся систематизациям (Медведев, 1966; Культура Биляра, 1985; Савченкова, 1996, с. 65–78; Измайлов, 1997; Измайлов, 2006, с. 336–367; Горелик, Измайлов, 2009, с. 396–405; и др.), предметы вооружения Джукетау можно разделить на оружие дальнего и ближнего боя, защитное вооружение.

Оружие дальнего боя из Джукетау включает детали колчана для хранения стрел и сами стрелы (в виде археологических деталей – железных наконечников), а также, возмож-

Рис. 2. Железный боевой нож

Fig. 2. Iron combat knife

Таблица 1. Наконечники стрел Джукетау
Table 1. Juketau arrowheads

№	Длина, мм			Ширина пера по обем сечениям макс, мм.	Вес (г)	Тип	Слой	Условия находки	Место хранения и шифр	Рис.
	Общ.	Черешок	Перо							
1	77	28	49	20 × 2	6,5	I 1 (37)	I	Дон. II. П. м.	МА РТ, Дж-1512	3, 1
2	71	25	46	14 × 3	6,0	I 2 (38, 3)		Гор. Р. I (?)	БГИАЗ-245-606	3, 2
3	91	30	61	20 × 5	16,3	I 3 (46?)	I	Дон. II. П. м.	МА РТ, Дж-1457	3, 3
4	70	20	50	20 × 3	11,5	I 4 (48)	II	Дон. II. Р. V. Б/2, 40 см	МА РТ, Дж-V-94/52	3, 4
5	118	48	70	23 × 1	13,5	I 5 (66)	II	Дон. II. Р. III. А/2, 35 см	БГИАЗ-588-2266/245	3, 5
6	95	25	70	30 × 1	14,0	I 6 (67)	I	Дон. II	МА РТ, Дж-1506	3, 6
7	108	43	65	22 × 2	10,5	I 6 (67)	II	Дон. II. Р. III. Б/3, 30 см	БГИАЗ-588-2254/245	3, 7
8	>68	23	>45	~15 × 1	>9	I 6 (67)	Заверш. III	Дон. II. Р. I.	БГИАЗ-245-215	3, 8
9	>75	>10	~65	20 × 2	>13	I 6 (67)	I	Дон. II. П. м.	МА РТ, Дж-1268	3, 9
10*	85	20	65	22 × 1	12,5	I 6 (67)	II	Дон. II. Р. IV. Соор. 1	МА РТ, Дж-IV-92-2232	3, 10
11*	120	65	55	35 × 2	20,0	I 7 (69)	II	Дон. II. Р. VI. А/2, 40 см	МА РТ, Дж-VI-95/11	3, 11
12	135	72	63	44 × 4	32,0	I 8 (72)	I	П. м.	МУГЧ	3, 12
13	73	34	39	13 × 6	9,2	II 1 (83)	I	П. м.	МУГЧ	4, 1
14	63	32	31	14 × 6	>6	II 1 (83)	I	П. м.	МУГЧ	4, 2
15	65	33	32	12 × 6	6,7	II 1 (83)		Гор. Р. I (?)	БГИАЗ-245-874	4, 3
16	67	30	37	13 × 8	8,0	II 1 (83)	III	Гор. Р. VII. Соор. 1	МА РТ, Дж-99-VII/10	
17	58	19	39	10 × 6	6,1	II 1 (83)		Дон. II ?	БГИАЗ-245-1310	4, 4
18	-	-	~40	12 × 3**	>15	II 1 (83)		Гор. Р. I (?)	БГИАЗ-245-982	4, 5
19	73	30	43	11 × 10	6,8	II 1 (83)	I	Дон. II. Р. V. Б/4, 20 см	МА РТ, Дж-V-94/53	4, 6
20	>54	>12	42	14 × 5**	8,8	II 1 (83)	I	Дон. II. П. м.	АКУ-250-88/42	4, 7
21	55	>22	33	13 × 7	7,4	II 1 (83)	III	Дон. II. Р. VI. Соор. 3а-1	МА РТ, Дж-VI-96/242	
22	60	23	37	7 (9 × 9)*	5,3	II 2 (87)	II	Дон. II. Р. III. Г/3, 40 см	МА РТ, Дж-III-93/1098	4, 8
23	51	16	35	7 (10 × 10)*	5,3	II 2 (87)	III	Дон. II. Р. III. А/5, 75 см	БГИАЗ-588-2291/245	4, 9
24	65	36	29	6 (8 × 8)*	4,5	II 3 (88)	II	Дон. II. Р. V. А/2, 40 см	МА РТ, Дж-V-94/5	4, 10
25	45	25	20	7 (10 × 10)*	2,5	II 3 (88)	I	Дон. II. П. м.	МА РТ, Дж-1511	4, 11
26	51	28	23	7 (9 × 9)*	4,7	II 4 (91)	III	Дон. II. Р. V. В/2, 60 см	МА РТ, Дж-V-94/4	4, 12
27	88	44	44	7 (11 × 8)*	11,8	II 5 (97, 4)	II	Гор. Р. II	БГИАЗ-245-1025	4, 13
28	74	32	42	7 (12 × 7)*	8,8	II 5 (97, 4)	II	Дон. II. Р. V. А/5, 40 см	МА РТ, Дж-V-94/6	4, 14
29***	90	50	40	16 × 10	12,4	II 6 (100)	II	Дон. II. Р. V. В/2, 25 см	МА РТ, Дж-V-94/54	4, 15
30	83	42	41	8 × 8	11,8	II 6 (100)	I	П. м.	МУГЧ	4, 16
31	75	32	43	8 × 8	9,6	II 6 (100)		Гор. Р. I (?)	БГИАЗ-245-735	4, 17
32	70	30	40	10 × 6	8,9	II 7	III	Дон. II. Р. V. Г/4, 50 см	МА РТ, Дж-V-94/7	4, 18

Прим.: * макс. ширина грани/раст. между противоположными ребрами; ** в верхней части боевой головки; *** согнут.

Таблица 2. Хронология наконечников стрел Джукетау
Table 2. Chronology of Juketau arrowheads

Тип, вид/ время (вв.)	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	Место находки
I 1 (37)	■	■	■	■	■	■	■	Дон. II*
I 4 (46?)		■	■	■	■	■	■	Дон. II*
I 5 (48)		■	■	■	■	■	■	Дон. II
II 1 (83)			■	■	■	■	■	Гор.
II 1 (83)			■	■	■	■	■	Гор.
II 1 (83)			■	■	■	■	■	Дон. II ?
II 1 (83)			■	■	■	■	■	Дон. II
II 1 (83)			■	■	■	■	■	Дон. II
II 1 (83)			■	■	■	■	■	Дон. II*
II 1 (83)			■	■	■	■	■	Крут. ?*
II 1 (83)			■	■	■	■	■	Крут. ?*
II 3 (88)			■	■	■	■	■	Дон. II*
II 3 (88)			■	■	■	■	■	Дон. II
II 4 (91)			■	■	■	■	■	Дон. II
II 6 (100)				■	■	■	■	Гор.
II 6 (100)				■	■	■	■	Дон. II
II 6 (100)				■	■	■	■	Крут. ?*
II 7				■	■	■	■	Дон. II
II 2 (87)					■	■	■	Дон. II
II 2 (87)					■	■	■	Дон. II
I 2 (38, 3)					■	■	■	Гор.
I 6 (66)						■	■	Дон. II*
I 7 (67)						■	■	Дон. II
I 7 (67)						■	■	Дон. II
I 7 (67)						■	■	Дон. II
I 7 (67)						■	■	Дон. II
I 7 (67)						■	■	Дон. II
I 7 (67)						■	■	Дон. II
I 8 (69)						■	■	Дон. II
I 9 (72)						■	■	Крут. ?*
II 5 (97, 4)						■	■	Гор.
II 5 (97, 4)						■	■	Дон. II

* - подъемный материал

■ - общее время бытования/
более характерно

Гор. – городище. Крут – Крутогорское (Донауровское I) селище.
Дон II – Донауровское селище II.

но, детали лука. Детали колчана представлены тремя находками с территории Донауровского селища II – железным крючком из золотоордынского слоя (Дон. II, р. III, Б/8, 40 см; БГИАЗ-245-2001), железной петлей из домонгольского слоя (Дон. II, р. III, Г/4, 80 см; МА РТ, Дж-III-93/1090), костяным облом-

ком накладки (Дон. II, П. м.; МА РТ, Дж-781). Обломок костяной петли (Гор., р. III, соор. 4, домонгольский слой; БГИАЗ-245-1735) может являться деталью крепления налучья к саадачному поясу. Простой колчаный крючок длиной 40 мм имеет подвижное кольцо диаметром 15 мм, цевье 25 мм (рис. 1:4).

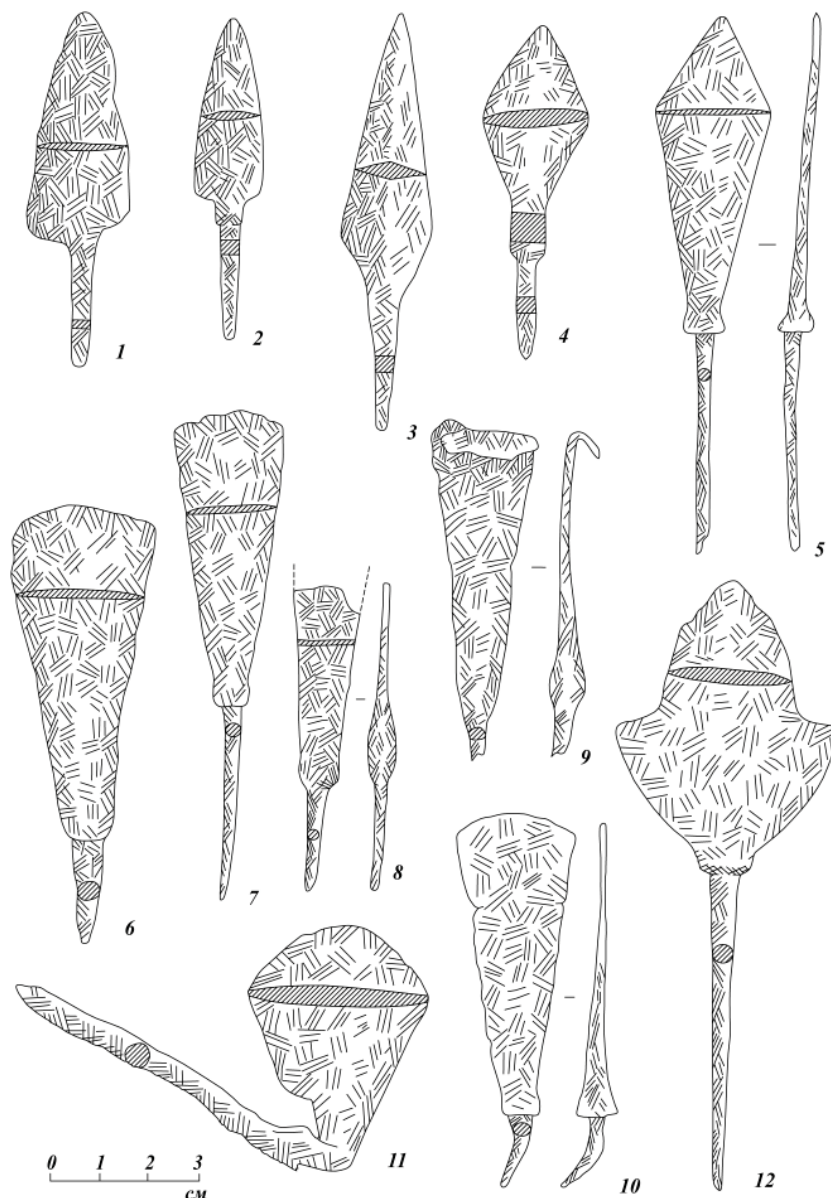

Рис. 3. Железные наконечники стрел. Тип I
Fig. 3. Iron arrowheads. Type I

Он явно служил для крепления колчана к поясу. Петля представляет собой железный стержень П-образной формы с расплюснутыми концами (рис. 1:3). Обломок накладки имеет вид узкой пластины шириной 10 мм и толщиной 2 мм с двумя отверстиями диаметром по 3 мм, расположенными на расстоянии 35 мм друг от друга (рис. 1:2). Соответствует типу 2 по типологии Ф.Ш. Хузина по материалам коллекций из Билярского городища (Культура Биляра, табл. XLVII: 6, с. 137). Обломок костяной петли имеет ширину 2 см и толщину 3 мм, на нем фиксируется четыре отверстия диаметром по 4 мм, в том числе два совмещенных (рис. 1:1). Есть основания полагать, что это обломок детали обкладки колчана (Культура Биляра, с. 135), которая может датироваться XIII–XIV вв.

Железные наконечники стрел найдены во всех частях комплекса Джукетау (табл. 1). Обращает на себя внимание их повышенное количество на раскопе V Донауровского селища II. Некоторые из наконечников имеют хорошую стратиграфическую привязку. Так, один из экземпляров наконечников типа 67¹ был обнаружен в раскопе II Донауровского селища II «при вскрытии слоя пожарища, завершающего III стратиграфический пласт» (Хлебникова, 1975, с. 238, рис. 3:1). Интересно, что практически единственными с территории городища и прилегающей к нему территории находками, характерными для второй половины XIII – XIV вв., являются несколько наконечников стрел, близкие к типам 38:3, 97:4, 72 («срезень»)². При этом, исходя из функционального назначения этой категории находок

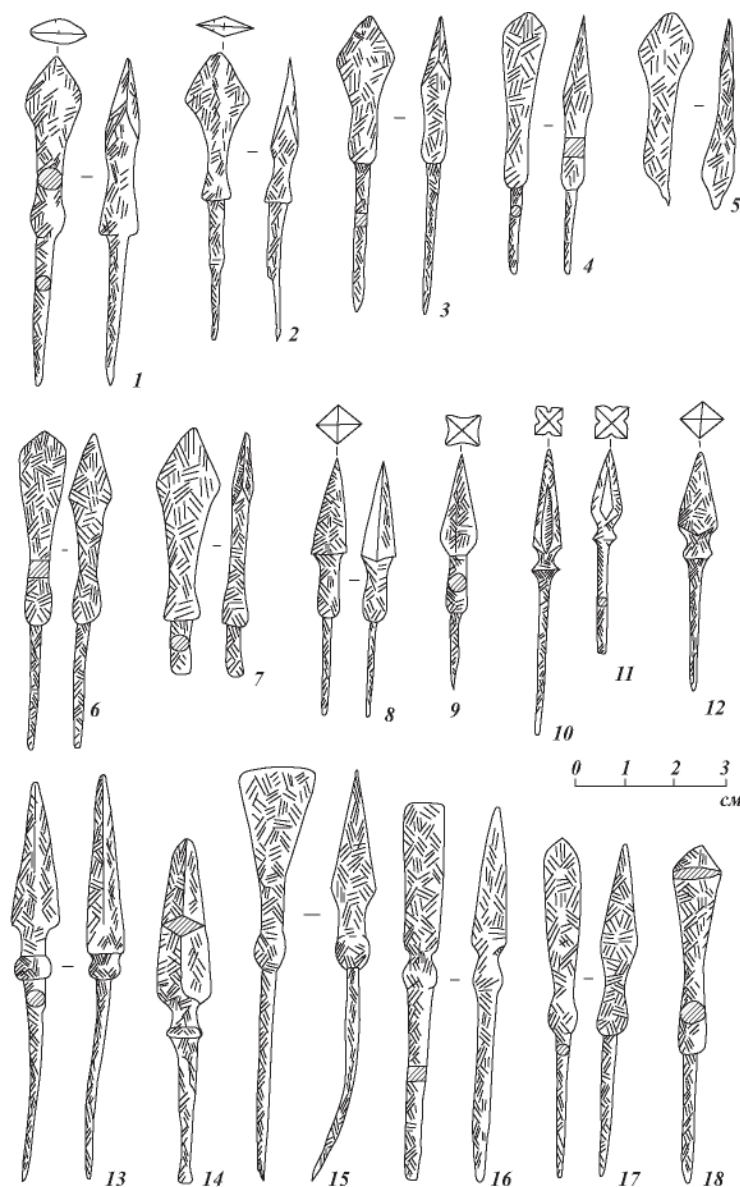

Рис. 4. Железные наконечники стрел. Тип II
 Fig. 4. Iron arrowheads. Type II

док и на фоне отсутствия других археологических материалов золотоордынского времени, наконечники эти, скорее, не датируют золотоордынский слой, а завершают домонгольский (Набиуллин, 2001, с. 49).

Все известные наконечники из средневекового слоя городища Джукетау черешковые. По форме поперечного сечения пера делятся на две группы: I – плоские (линза, вытянутый ромб), II – граненые (бронебойные). Типы выделяются по форме пера и его пропорциям (у плоских), решению перехода пера к черешку и пр.

Группа I. Плоские.

Тип 1 (37) – треугольный, пропорции пера 1:2,5 (1 экз., рис. 3:1). Были в употреблении с VIII по XIV вв.

Тип 2 (38, вид 3) – килевидный, пропорции пера 1:3,3 (1 экз., рис. 3:2). Употреблялись в

XIII–XIV вв., возможно, и во второй половине XII в.

Тип 3 (подобный типу 46) – ромбовидный «новгородского типа», пропорции пера 1:3 (1 экз., рис. 3:3). Широкое распространение имели в IX–XI вв., но бытовали по XIII в. включительно.

Тип 4 (48) – ромбический с упором, пропорции пера 1:2,5 (1 экз., рис. 3:4). Были в употреблении с IX по XIV вв.

Тип 5 (66) – срезень веслообразный, пропорции пера 1:3 (1 экз., рис. 3:5). Бытовали во второй половине XIII – XIV вв.

Тип 6 (67) – томары – наконечники стрел в виде узкой вытянутой лопаточки, пропорции пера 1:2 – 1:3 (5 экз., рис. 3: 6–10). В памятниках Тувы, Прибайкалья, Забайкалья, Монголии (Худяков, 1990, с. 104–106, рис. 54: 4,10; 55: 4,5,8; 56, 1,6–8, 10-12; 57: 5,7, 8) датируются

ся IX–XIV вв. В Восточной Европе бытовали во второй половине XII – XIV вв.

Тип 7 (69) – срезень джучидский, пропорции пера 1:1,6 (1 экз., рис. 3:11). Бытовали во второй половине XIII–XIV вв.

Тип 8 (72) – срезень кунжутolistный, пропорции пера 1:1,4 (1 экз., рис. 3:12). В Центральной Азии известны из памятников Хакасско-Минусинской котловины (Губайдуллин, Измайлов, 1990, с.111, рис. VI: 1,2), Прибайкалья, Забайкалья, Монголии (Худяков, 1990, с. 112–113, рис. 54: 2,8; 57: 2,3; 60, 1,2; 61: 4,6), где датируются IX–XIV вв. В памятниках Восточной Европы бытовали во второй половине XIII – XIV вв.

Группа II. Граненые (бронбойные).

Тип 1 (83) – с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического (подовально-ромбического) сечения, с шейкой (9 экз., рис. 4:1–7). Наиболее многочисленны. Каждая находка имеет свою индивидуальность (размеры; большая или меньшая боевая головка, круглые или подквадратные шейка, черешок). Сюда же мы склоняемся включить и три опубликованных наконечника, отнесенные к типу 52:2 (Хлебникова, 1975, рис. 4: 4–6). Наконечники данного типа очень характерны для XI в. Довольно редко встречаются в памятниках Центральной Азии и датируются IX–XIV вв. (Худяков, 1990, с. 114, рис. 62: 8, 13).

Тип 2 (87) – пирамидальные ромбического сечения, с круглой шейкой (2 экз., рис. 4: 8,9). Сечение черешка у одного экземпляра прямоугольное, у второго четко не выделяется. У одной находки (рис. 4: 9) есть слабо выраженные насечки по плоскостям боевой головки. В целом подобные экземпляры датируются XII–XIV вв., хотя находки из Билярского городища и наши экземпляры позволяют отнести ко второй половине XII – первой трети XIII вв.

Тип 3 (88) – пирамидальные квадратного сечения с желобками на гранях боевой головки (2 экз., рис. 4: 10,11). Сечение черешка первого экземпляра квадратное, второго круглое. Второй экземпляр миниатюрный. Были распространены в X–XIV вв.

Тип 4 (91) – пирамидальный с массивной короткой боевой головкой ромбического сечения и с перехватом у черешка (1 экз., рис. 4:12). Имеют широкий хронологический диапазон бытования – с X по XIV вв.

Тип 5 (97, вид 4) – бронбойные в виде кинжалчика ромбического сечения с перехватом (2 экз., рис. 4: 13,14). Были распространены также широко, в X–XIV вв., экземпляры

из Джукетау датируются предположительно XIII–XIV вв.

Тип 6 (100) – долотовидные (3 экз., рис. 4: 15–17). Разделяются по решению боевой головки по одному из продольных сечений. Перо первого экземпляра расширяется в верхней части и имеет незаостренное завершение (рис. 4:15); второго – примерно одинаковую ширину по всей длине и незаостренное завершение (рис. 4:16); третьего – слабое расширение в верхней части и заостренное завершение (рис. 4:17). Черешки первых двух имеют квадратное, последнего – круглое сечения. Были широко распространены в домонгольское время начиная с середины XI в.

Тип 7 – долотовидный. Близок к типу 6 (100), но отличается заостренным завершением боевой головки в обеих сечениях, что делает его похожим на тип 1 (83) (рис. 4: 18). Шейка и черешок круглые в сечении.

Таким образом, комплекс наконечников условно можно разделить на две группы. В первую входят наконечники стрел преимущественно подквадратные или ромбические в сечении с упором у основания черешка и плоскими или линзовидными в сечении, как правило листовидных, кунжутolistных или секторовидных форм. Наконечники первой группы в большинстве случаев датируются болгарским временем (X–XIII вв.) и практически не находят аналогий в средневековых памятниках Центральной Азии. Наконечники второй группы датируются или довольно широко, либо золотоордынским временем, а также часто находят аналогии в могильниках средневековых кочевников Центральной Азии, и, следовательно, могли попасть в Восточную Европу как элемент татаро-монгольского стрелкового набора. В определенной мере это доказывает, что в период становления Улуса Джучи произошла смена типов лука и самого способа стрелометания.

Оружие ближнего боя представлено обломанным железным *перекрестием сабли* из домонгольского сооружения (рис. 1:5), переложным железным *втоком* (рис.1:7) с территории Донауровского селища II (Дон. II, П.м.; МА РТ, Дж-1442)³. Перекрестие сабли с боковым расширением в середине имеет длину примерно 10 см, ширину 3 см, высоту от 0,6 см до 1,1–1,2 см в месте расширения (Дон. II, р. VI, соор. 3, домонгольский слой; МА РТ, Дж-96-VI/550). На территории Джукетау найдены также обломки железных *топоров* (Хлебникова, 1975, рис. 4: 14; и

др.), принадлежность которых к рабочим или универсальным походно-бытовым точно не устанавливается.

Предположительно боевыми являются два ножа с прямой спинкой, выраженным переходом черешка к лезвию (клинку). Первый (Дон. II. П.м.; МА РТ, Дж-94/3) имеет общую длину 37 см (длина лезвия 27 см), ширину лезвия до 2,8 см и толщину до 0,9 см (рис. 1: 9; рис. 4); второй (Дон. II. П.м.; МА РТ, Дж-1510) обломан и имеет прослеживаемую ширину лезвия до 4,3 см и толщину до 0,5 см (рис. 1: 8). Оба этих ножа, судя по длине и ширине клинка, являются, видимо, не хозяйственными, а боевыми клинками, своего рода дополнительным походно-боевым оружием, поскольку в хозяйстве использовались более короткие и узкие ножи.

Предметом защитного вооружения является переотложенная находка фрагмента железной *кольчуги* (Дон. II, р.VI, А/14, 20 см; МА РТ, Дж-VI-95/12) с территории Донауровского селища II, от которой сохранилось шесть плоских соединенных друг с другом круглых и подовальных колец диаметром 12–14 мм и средней толщиной 0,5 мм (рис. 1: 6). Среди многочисленных одиночных колец также могут оказаться кольчужные, а среди обломков тонких железных пластинок — детали пластинчатых доспехов.

Интерес представляют результаты исследования технологии изготовления пока небольшой серии наконечников стрел по данным металлографических анализов. Среди семи наконечников стрел аналитически были выявлены шесть технологических схем: из простого кричного железа, из сырцово-неравномерно науглероженной стали, цементация, из заготовки пакетного металла, двух- и трехслойная железо-стальная сварка. Кроме этого, были исследованы поперечные срезы кольчужного кольца и заклепки от него. Микроструктурный анализ показал, что они были откованы из очень тщательно прокованного кричного железа. При этом для получения круглого и тонкого в диаметре профиля проволоки заготовки применялась операция волочения, в результате чего произошло образование очень мелкозернистой ферритовой микроструктуры, практически не содержащей немаллические и шлаковые включения. Сборка колец в кольчужное полотно производилась с применением операции клепки специально изготовленными железными клепочками с грибовидной шляпкой. Для выполнения этой

операции использовалось специальное оборудование, состоящее из наковаленки с гнездом для головки клепки и специального обжимника (Семькин, Набиуллин, 2007, с. 100–109). В настоящее время продолжается изучение технологии изготовления представительной выборки кузнечной продукции Джукетау по данным металлографических анализов, в том числе предметов вооружения.

В рассмотренных материалах выделяются две хронологические группы, относящиеся к домонгольскому (X – первая треть XIII вв.) и золотоордынскому (вторая треть XIII–XIV вв.) периодам. Часть изделий имеет широкий хронологический диапазон бытования, однако в некоторых случаях возможно уточнение датировок исходя из археологического контекста происхождения материала.

Вопрос о местном или внешнем происхождении отдельно взятых предметов вооружения остается открытым и усложняется в том числе и исходя из функционального назначения этой категории находок. Во всяком случае, в коллекции имеется несколько железных предметов, в которых по некоторым признакам угадываются заготовки наконечников стрел.

Комплекс находок вооружения из Джукетау содержит сравнительно небольшое количество специализированного оружия, пока не выявлено наконечников копий, ударно-дробящего (булавы, кистени) оружия. В значительной степени он сохранился в виде железных наконечников стрел. Это вполне ожидаемо для «расходных» предметов метательного вооружения (примерно так же происходило и при охоте), которые археологизировались, как правило, в период боевых столкновений. Предметы вооружения и в целом вещи из железа имели высокую стоимость, а дорогие виды оружия ближнего боя и защитного снаряжения являлись достоянием сословия военно-служилой аристократии, чем в том числе объясняется их редкость.

Пока не представляется возможным уверенно связывать отдельно взятые археологические предметы вооружения с конкретными историческими событиями – монгольским нашествием, набегамы ушкуйников и русских князей, другими поздне- и постзолотоордынскими событиями. Заманчивой видится перспектива сравнить представительные выборки предметов вооружения из памятников, исторически известных в связи с конкретными военными событиями (Измайлов, Недашковский, 1993, с. 72–86; и др.).

Примечания:

¹ Здесь и далее типы и их базовая хронология даны по монографии А. Ф. Медведева (1966). Сводная хронология наконечников стрел приводится в табл. 2.

² Наконечник типа 38:3 может иметь более широкую датировку.

³ Еще один опубликованный как происходящий из Джукетау вток (Измайлов, 1997, рис. 35, 5, табл. VIIa, № 6) в фондах Национального музея РТ имеет этикетку с дополнительной надписью: «Елантово».

ЛИТЕРАТУРА

Горелик М.В., Измайлов И.Л. Вооружение // История татар с древнейших времен в семи томах Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 396–405.

Губайдуллин А. М., Измайлов И. Л. Коллекция железных наконечников стрел из Хакасско-Минусинской котловины музея археологии Казанского университета // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: НГУ, 1990. С. 106–120.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань-Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

Измайлов И. Л. Военное дело // История татар с древнейших времен в семи томах. Том II. Великая Булгария и Великая Степь. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во РухИЛ, 2006. С. 336–367.

Измайлов И. Л., Недашковский Л. Ф. Находки предметов вооружения с территории золотоордынского города Укека из музеев Казани и Саратова // Из истории Золотой Орды. Казань: Фонд им. М. Султан-Галиева, 1993. С. 72–86.

Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X – XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. 216 с.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. / САИ. Вып. Е1–36. М.: Наука, 1966. 184 с.

Набиуллин Н.Г. Город Джукетау по итогам новых исследований // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы науч. конф. / Труды ГИМ. Вып. 122. / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: 2000. С. 286–293.

Набиуллин Н.Г. Город Джукетау в XIII–XIV вв. (к проблеме перехода домонгольского города в золотоордынский) // ТА. 2001. № 1–2 (8–9). С. 47–63.

Набиуллин Н.Г. Из истории формирования коллекций Джукетау // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 24–29.

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань: Заман, 2003. 512 с.

Савченкова Л. Л. Черный металл города Болгара // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 5–88.

Семькин Ю. А., Набиуллин Н. Г. Технология изготовления кузнечной продукции с городища Джукетау по данным металлографических анализов // Краеведческие записки: Сборник научных трудов областной научной конференции «История и современность Симбирского-Ульяновского края. Ульяновск – 2006». Вып. 13. Ульяновск, 2007. С. 100–109.

Хлебникова Т.А. К истории Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970–1972 гг.) // СА. 1975. №1. С. 234–251.

Худяков Ю.С. Вооружение Центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Информация об авторах:

Набиуллин Наиль Гатиатулович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); arheotat@mail.ru

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

REFERENCES

Gorelik, M. V., Izmailov, I. L. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII – seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 396–405 (in Russian).

Gubaidullin, A. M., Izmailov, I. L. 1990. In Khudiakov, Yu. S. (ed.). *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniia Severnoi i Tsentral'noi Azii (Military Art of the Ancient and Medieval Population of Northern and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 106–120 (in Russian).

Izmaylov, I. L. 1997. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Volzhskoy Bulgarii X – nachala XIII v. (Armament and Warfare of the population of Volga Bulgaria 10th – beginning of 13th century)* Kazan-Magadan: North-East Scientific Center, Russia Academy of Sciences Far East Branch (in Russian).

Izmailov, I. L. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriya tatar s drevnejshih vremen (v semi tomah) (History of The Tatars Since Ancient Times (in Seven Volumes))*. 2 Kazan: “RukhIL” Publ., 336–367. (in Russian).

Izmailov, I. L., Nedashkovskii, L. F. 1993. In *Iz istorii Zolotoi Ordy (From the History of the Golden Horde)*. Kazan: M. Sultangaliev Foundation, 72–86 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. (ed.). 1985. *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X–XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th–14th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Nabiullin, N. G. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Funeral Rite)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 286–293 (in Russian).

Nabiullin, N. G. 2001. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 8–9 (1–2), 47–63 (in Russian).

Nabiullin, N. G. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 24–29 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII–XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th–15th Centuries from the Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: “Zaman” Publ. (in Russian).

Savchenkova, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 5–88 (in Russian).

Semykin, Yu. A., Nabiullin, N. G. 2007. In *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* 13. Ul'ianovsk: “Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia” Publ., 100–109 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 234–251 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1991. *Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya (Armament of Central Asian Nomads in the Early and Developed Middle Ages)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Nabiullin Nail G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; arheotat@mail.ru

Izmaylov Iskander L. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

НОВЫЕ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО БИЛЯРА

© 2021 г. Д.Н. Шаймуратова, И.В. Аськеев, З.Г. Шакиров

В статье представлено новое исследование остатков рыб и птиц из раскопа XLIV Билярского городища, заложенного с целью изучения крупного кирпичного здания, который располагался в так называемом «Внутреннем городе» – наиболее статусной его части. Целью работы являлся комплексный анализ фаунистических остатков, извлеченных из культурного слоя методом послойного отбора с просеиванием. По костным остаткам и чешуе определено 23 вида рыб с преобладанием остатков крупноразмерных видов: севрюги, судака, стерляди и белорыбицы. Преобладание крупноразмерных видов указывает на то, что промысел велся на Волге и Каме, и основной состав рыб, употреблявшихся на городище, был привозной. Видовой состав птиц высок и разнообразен – 40 видов диких и 3 вида домашних птиц с доминированием домашней курицы. Среди диких птиц интересны находки элементов скелета хищных птиц из отряда Ястребиных и отряда Соколов, что указывает на наличие соколиной охоты на данном местонахождении и его высокий социальный статус.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, средневековье, Биляр, остатки рыб и птиц, метод послойного отбора с просеиванием.

NEW ARCHAEOZOOLOGICAL STUDIES OF MEDIEVAL BILYAR

D.N. Shaimuratova, I.V. Askeyev, Z.G. Shakirov

The paper discusses a new study of fish and bird remains from excavation XLIV of Bilyar fortified settlement, founded in order to study a large brick building located in the so-called “Inner City” – the part of the settlement with the highest status. The aim of the study was a comprehensive analysis of faunal remains extracted from the cultural layer using the method of layer-by-layer sampling and sieving. On the basis of bone remains and scales, a total 23 fish species were identified with predominant remains of large species: Starred sturgeon, Zander, Sterlet and Whitefish. The predominance of large species indicates that fishery was practiced on the Volga and Kama rivers, and the bulk of the fish consumed at the site was imported. The species composition of birds is high and diverse – 40 species of wild and 3 species of domestic birds with predominant domestic chicken. Of interest among wild birds are the finds of skeleton fragments of the birds of prey of the Accipitri-formes and Falconiformes order, which indicates the presence of falconry in the area, and its high social status.

Keywords: archaeology, archaeozoology, Middle Volga region, Middle Ages, Bilyar, fish and bird remains, layer-by-layer sampling and sieving method.

Введение

На территории Республики Татарстан находится много средневековых археологических памятников. Наибольший интерес вызывают археологические памятники, которые в период функционирования являлись городскими поселениями с высоким социальным статусом, развитыми торговыми связями и большой аккумулятивной способностью, такие как средневековый Биляр.

Остатки животных, полученные в ходе раскопок, наряду с вещевым материалом, являются весьма информативными для характеристики значения различных групп животных в жизни жителей, а также уровня благосостояния и общего социально-экономического статуса древних поселений. В данной работе представлены новые результаты исследования остатков рыб и птиц из раскопа XLIV Билярского городища с применением мето-

да послойного отбора с просеиванием, что позволило извлечь из культурного слоя городища фаунистические остатки всех размерных категорий.

Материал и методика

Памятник федерального значения «Городище «Биляр» – одна из столиц Болгарского государства», географически расположен на р. Малый Черемшан, впадающей в р. Большой Черемшан – левый приток р. Волги. Территория Билярского городища X – начала XIII вв., окруженная концентрически вписанными земляными валами и рвами, которые делят его на внутренний и внешний город, составляет примерно 620 га. Проанализированная археозоологическая коллекция происходит из раскопа XLIV, где изучены напластования и более семидесяти объектов, датирующихся преимущественно XI в. – 1236 г. (раскопки 2015–2018 гг. под общим

руководством Шакирова З.Г. и Хузина Ф.Ш.) (Хузин, Шакиров, 2017, с. 326–328; Бадеев и др., 2019, с. 331–334; Худяков и др.). Раскоп XLIV, заложенный с целью изучения крупного кирпичного здания, располагался в центральной части внутреннего города – наиболее статусной части Билярского городища. Общая площадь раскопа составила 288 кв. м. Отбор фаунистических остатков проводился из культурных напластований, ям и сооружений по горизонтам с применением просеивания. Изучение остатков рыб и птиц проводилось с использованием стандартных методов, применяемых в археозоологии (Serjeantson, 2009, p. 1–418; Аськеев и др., 2013а, с. 1014–1015; Аськеев и др., 2013б, с. 118; Шаймуратова, 2016, с. 8–10). Видовая, анатомическая, морфологическая и половозрастная диагностика выполнена на базе сравнительной коллекции остатков современных и субфоссильных животных лаборатории биомониторинга ИПЭН АН РТ. Высокая сохранность костей позволила сделать почти полную видовую и морфологическую идентификацию: до вида было определено 87,9% от всех костей рыб и 97,1% от всех костей птиц.

Результаты и обсуждение

Рыбы. Общее количество остатков рыб в коллекции за все годы раскопок составило 2115 экз. костей и 3 чешуи (табл.). Определено 23 вида рыб с преобладанием севрюги (23,1% от всех костей рыб), судака (15,2%), стерляди (12,7%) и белорыбицы (10,9%). На эти 4 вида рыб приходится 70,9% от всех выявленных на раскопе костей рыб. Также определены кости каспийского лосося, европейского хариуса и разных видов карповых рыб. Кости сома и щуки малочисленны: несмотря на то, что эти виды являются средне-крупноразмерными, они не были предпочтительными в потреблении жителями Биляра. Размеры доминирующих в коллекции видов рыб были достаточно крупные. В целом размерный диапазон потреблявшихся рыб был от 20 см (среднеразмерная группа) до 3,5 метров (крупноразмерная группа) с преобладанием рыб с длиной тела 60–100 см. Соотношение крупноразмерных и средне-мелкоразмерных таксонов рыб (0,9) соответствует высокой эксплуатационной нагрузке на крупноразмерные виды рыб. Согласно анализу элементов скелета, было выявлено, что для судака абсолютными доминирующими элементами являлись позвонки. Кости головы и другие элементы скелета выявлены единично. То же отмечено для каспийского лосося и сома. Видимо, это связано со спецификой

разделки этих видов рыб. Возможно, в городище привозили только туши без головы. Для остальных видов рыб подобная особенность не обнаружена.

Общее количество костей рыб и выявленный видовой состав свидетельствует о важности рыбы как пищевого ресурса для жителей средневекового Биляра. Средневековый Биляр располагался достаточно далеко от крупных рек Волги и Камы (приблизительно 45–60 км), где осуществлялся промысел осетровых, лососевых рыб и судака. Следовательно, все эти рыбы были привозными. Доминирование в коллекции костей от крупноразмерных и ценных видов рыб указывает на особые предпочтения в определенном видовом и размерном составе рыб. Доля средне- и мелкоразмерных рыб в диете была незначительной.

Птицы. Общее количество костей птиц за все годы раскопок составило 1886 экз. Идентифицировано 3 вида домашних и 40 видов диких птиц (табл.). По количеству костей абсолютным доминантом являлись домашние куры – 1498 костей (79,4% от всех костей птиц). Согласно размерам костей, домашних кур Биляра можно отнести к нескольким размерным типам. Имеются кости от очень крупных особей, особей среднего размера и мелких взрослых особей. Преобладают кости от крупного и среднего размерного типа. Генетический анализ костей кур из данного раскопа выявил принадлежность их к субгаплогруппе E1 (Lebrasseur et al, 2021, p. 224), распространенной во всем мире и доминирующей в Европе, Африке и Америке, и показал хорошее содержание эндогенной ДНК, что указывает на потенциал дальнейших генетических исследований костей птиц из Билярского городища. Также среди домашних видов птиц выявлены кости домашнего гуся (4,4%) и домашней утки (0,3%). Генетический анализ костей домашних гусей из Билярского городища показал их принадлежность к гаплотипам D3/D7, которые являлись одними из распространенных гаплотипов среди домашних гусей в Средневековье на территории Европейской части России (Honka et al, 2018, p. 367). Выявлено большое разнообразие диких птиц. Наиболее интересным является наличие элементов скелета хищных птиц из отряда ястребиных (3 вида: ястреб-тетеревятник, ястреб-перепелятник, беркут) и отряда соколов (2 вида – сапсан и кречет). Все эти виды относятся к потенциально ловчим хищным птицам. находка остатков этих видов птиц

Таблица. Видовой состав и общее количество костей/чешуи рыб и птиц из раскопа XLIV Билярского городища
 Table. Species composition and the total number of bones/scales of fish and birds from excavation XLIV of Bilyar fortified settlement

Название вида (русское и латинское)	Количество костей, в экз.				Общее за 4 года
	2015	2016	2017	2018	
Класс РЫБЫ PISCES					
Русский осетр <i>Acipenser gueldenstaedtii</i>	84	50	5	52	191
Стерлядь <i>Acipenser ruthenus</i>	52	125	11	81	269
Севрюга <i>Acipenser stellatus</i>	190	196	33	69	488
Белуга <i>Huso huso</i>	22	3	4		29
Семейство Осетровые, ближе не определимые <i>Acipenseridae</i>	41	27	7	11	86
Золотой карась <i>Carassius carassius</i>	1	4	1		6
Сазан <i>Cyprinus carpio</i>	2 кости 1 чешуя	4	2	1	9
Лещ <i>Abramis brama</i>	12	11 костей 2 чешуи	35	11	69
Синец <i>Ballerus ballerus</i>		8	1		9
Густера <i>Blicca bjoerkna</i>	3	1			4
Язь <i>Leuciscus idus</i>	1	2			3
Обыкновенная плотва <i>Rutilus rutilus</i>	4	4	3	1	12
Голавль <i>Squalis cephalus</i>		1			1
Линь <i>Tinca tinca</i>		30			30
Обыкновенная красноперка <i>Scardinius erythrophthalmus</i>	1				1
Обыкновенный жерех <i>Aspius aspius</i>			4	1	5
Волжский подуст <i>Chondrostoma variable</i>			2		2
Семейство Карповые, ближе не определимые Cyprinidae	12	26	21	34	93
Обыкновенный европейский сом <i>Silurus glanis</i>	3		5	2	10
Обыкновенная щука <i>Esox lucius</i>	4		5	3	12
Белорыбица <i>Stenodus leucichthys</i>	73	143	5	9	230
Европейский хариус <i>Thymallus thymallus</i>	9				9
Каспийский лосось <i>Salmo trutta caspius</i>	18	11	7	15	51
Лососевые, ближе не определимые Salmonidae		1			1
Речной окунь <i>Perca fluviatilis</i>		3	1	1	5
Обыкновенный судак <i>Sander lucioperca</i>	85	42	84	110	321
Семейство Окуневые, ближе не определимые Percidae	1		4		5
Костистые рыбы, ближе не определимые Teleostei (надотряд)	29	6	87	48	170
Всего костей/чешуи рыб	647/1	698/2	327	449	2115
Всего видов рыб	17	17	17	13	23
Класс ПТИЦЫ AVES					
Серощёкая поганка <i>Podiceps grisegena</i>	1				1
Пискулька <i>Anser erythropus</i>	1				1
Гуменник <i>Anser fabalis</i>	6				6
Домашний гусь <i>Anser anser f. domestica</i>	27	15	25	17	84
Домашний/серый гусь <i>Anser anser f. domestica/Anser anser</i>	8		2	1	11
Гусь, ближе не определимый <i>Anser sp.</i>	9	1	7	3	20
Кряква <i>Anas platyrhynchos</i>	12	12			24
Кряква/Домашняя утка <i>Anas platyrhynchos/Anas platyrhynchos f. domestica</i>	9	3	10	5	27
Домашняя утка <i>Anas platyrhynchos f. domestica</i>	3		2		5
Серая утка <i>Anas strepera</i>	4				4

Чирок-свиистунок <i>Anas crecca</i>		3			3
Свистуха <i>Anas penelope</i>	2	1	2		5
Шилохвость <i>Anas acuta</i>	3	1	1		5
Чирок-трескун <i>Anas querquedula</i>	3				3
Широконоска <i>Anas clypeata</i>	1		2	1	4
Утка, ближе не определяемая <i>Anas</i> sp.	5	2	4	3	14
Морянка <i>Clangula hyemalis</i>	1				1
Белоглазый нырок <i>Aythya nyroca</i>		1			1
Длинноносый крохаль <i>Mergus serrator</i>		1			1
Большой крохаль <i>Mergus merganser</i>		1			1
Ястреб-тетеревятник <i>Accipiter gentilis</i>	23	3		3	29
Ястреб-перепелятник <i>Accipiter nisus</i>	5			2	7
Беркут <i>Aquila chrysaetos</i>	1				1
Сапсан <i>Falco peregrinus</i>	3				3
Кречет <i>Falco rusticolus</i>	1				1
Тетерев <i>Lyrurus tetrix</i>	11	6	5	2	24
Глухарь <i>Tetrao urogallus</i>	1	1	2		4
Рябчик <i>Tetrastes bonasia</i>		2			2
Домашняя курица <i>Gallus gallus f. domestica</i>	488	468	247	295	1498
Куриные, ближе не определяемые Galliformes			20	7	27
Перепел <i>Coturnix coturnix</i>	1	3			4
Серый журавль <i>Grus grus</i>	1				1
Лысуха <i>Fulica atra</i>	1				1
Погоныш-крошка <i>Porzana pusilla</i>				3	3
Чибис <i>Vanellus vanellus</i>		3			3
Вальдшнеп <i>Scolopax rusticola</i>		1			1
Большой улит <i>Tringa nebularia</i>				1	1
Турухтан <i>Philomachus pugnax</i>	3		1		4
Вяхирь <i>Columba palumbus</i>	4		1	1	6
Сизый голубь <i>Columba livia</i>	10	3	2	5	20
Голубь, ближе не определяемый <i>Columba</i> sp.	1				1
Деревенская ласточка <i>Hirundo rustica</i>				2	2
Обыкновенный скворец <i>Sturnus vulgaris</i>	1	4	2	3	10
Сорока <i>Pica pica</i>	1				1
Галка <i>Corvus monedula</i>			1		1
Домовый воробей <i>Passer domesticus</i>		2			2
Полевой воробей <i>Passer montanus</i>			1	1	2
Птицы, ближе не определяемые		1	5		6
Всего костей птиц	651	538	342	355	1886
Всего видов птиц	28	19	16	15	43

может прямо указывать на их совместное содержание человеком, тогда как в природных условиях эти виды занимают различные экологические ниши. Присутствие остатков ловчих птиц на небольшой площади позволяет выдвинуть предположение о наличии практики соколиной охоты, а также является еще одним свидетельством элитности изученного раскопом участка города и высокого социального статуса его жителей. Среди костных остатков птиц из средневековых напластований определены кости 7 синантропных видов, которые тесно связаны в своем распространении с крупными поселениями человека: сизый голубь, обыкновенный скворец, домовый и полевой воробьи, галка, деревенская ласточка, сорока. Для средневековых археологических памятников Среднего Поволжья

такая концентрация остатков от нескольких видов синантропных птиц выявлена впервые (Аськеев и др., 2013б, табл. 1, с. 119–121; Аськеев и др., 2013в, с. 74–75; Galimova et al, 2014, p. 349–350).

Заключение

Результаты исследования археозоологической коллекции раскопа XLIV Билярского городища выявило высокое видовое разнообразие рыб и птиц. Преобладание остатков от крупноразмерных и ценных видов рыб, прежде всего осетровых и лососевообразных, может подтверждать высокий экономический и социальный статус Биляра. По обработанной коллекции остатков рыб из данного раскопа сформировалось абсолютно новое

представление о характере рыбного рациона населения средневекового Биляра. Видовой состав археоихтиологической коллекции из центральной части Билярского городища демонстрирует его уникальность и в то же время эталонность потребления рыбы в крупном центре урбанизации Восточной Европы домонгольского времени. Высокое разнообразие диких птиц, найденных на одном местонахождении, служит доказательством высокой аккумуляционной способности различных природных ресурсов для жизнеобеспечения, что так же характерно для поселений с высоким социальным статусом.

Примененная для раскопа XLIV методика сбора, при которой отбирались все размерные категории остатков позвоночных животных, показала свою эффективность и необходимость при проведении дальнейших исследований Билярского городища и его округи. Данный метод позволил увеличить объем археозоологической коллекции и обнаружить новые средне- и мелкоразмерные виды рыб и птиц, ранее не выявленные при применении метода стандартного ручного сбора фаунистических остатков (Галимова и др., 2015, с. 35).

ЛИТЕРАТУРА

Аськеев И.В., Галимова Д.Н., Аськеев О.В. Ихтиофауна позднего голоцена Средневожского бассейна (по материалам археологических раскопок) // Зоологический журнал. 2013а. Т. 92. №. 9. С. 1014–1030.

Аськеев И.В., Галимова Д.Н., Аськеев О.В. Птицы Среднего Поволжья в V–XVIII вв. н.э. (по материалам археологических раскопок) // Поволжская археология. 2013б. № 3 (5). С. 116–144.

Аськеев И.В., Галимова Д.Н., Аськеев О.В. Домашние и дикие птицы из средневековых археологических памятников Среднего Поволжья // Динамика современных экосистем в голоцене / Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (с международным участием). Казань: Отечество, 2013в. С. 72–77.

Бадеев Д.Ю., Худяков А.В., Шакиров З.Г. Археологические исследования на территории Билярского комплекса в 2016–2017 гг. // Археологические открытия. 2017 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 331–334.

Галимова Д.Н., Аськеев И.В., Аськеев О.В. Изучение остатков рыб и птиц из археологических раскопок древних городов Биляр, Болгар и Свияжск // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. V. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.Г. Ситдииков. Казань: Отечество, 2015. С. 35–37.

Худяков А.В., Набиуллин Н.Г., Шакиров З.Г., Шорохов М.В. Археологические Раскопки на территории Билярского городища и Бальнгузского кладбища в 2018–2019 гг. // Археологические открытия. 2019 год. (В печати).

Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. Археологические исследования на Билярском городище // Археологические открытия. 2015 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2017. С. 326–328.

Шаймуратова Д.Н. Особенности изучения субфоссильных остатков рыб и птиц из археологических памятников Среднего Поволжья и их экологическая интерпретация // Российский журнал прикладной экологии. 2016. № 1. С. 8–13.

Galimova D.N., Askeyev I.V. and Askeyev O.V. Bird Remains from 5th – 17th Century AD Archaeological Sites in the Middle Volga Region of Russia // International Journal Osteoarchaeology. Special Issue. 2014. P. 347–357.

Honka J., Heino M.T., Kvist L., Askeyev I.V., Shaymuratova D.N., Askeyev O.V., Askeyev A.O., Heikkinen M.E., Searle J.B., Aspi J. Over a thousand years of evolutionary history of domestic geese from Russian archaeological sites, analysed using ancient DNA. 2018. Genes. №9 (7). P. 367.

Lebrasseur O., Shaymuratova D., Askeyev A., Asylgaraeva G., Frantz L., Larson G., Askeyev O., Askeyev I. A zooarchaeological and molecular assessment of ancient Chicken remains from Russia // Поволжская археология. 2021. №1 (35). С. 216–231.

Serjeantson D. Birds. Cambridge Manuals in Archaeology. New York: Cambridge University Press, 2009. 512 p.

Информация об авторах:

Шаймуратова Диляра Наилевна, научный сотрудник, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ (г. Казань, Россия); galimovad@gmail.com

Аськеев Игорь Васильевич, кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ (г. Казань, Россия); archaeozoologist@yandex.ru

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, директор, Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник (с. Билярск, Россия); доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); zufar_alchi@mail.ru

REFERENCES

- Askeyev, I. V., Galimova, D. N., Askeyev, O. V. 2013a. In *Zoologichesky zhurnal (Russian Journal of Zoology)* 9(92), 1014–1030 (in Russian).
- Askeyev, I. V., Galimova, D. N., Askeyev, O. V. 2013b. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 5 (3), 116–144 (in Russian).
- Askeyev, I. V., Galimova, D. N., Askeyev, O. V. 2013v. In Askeyev, I. V., Ivanov, D. V. (eds.). *Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene (The Dynamics of Modern Ecosystems in the Holocene)*. Kazan: "Otechestvo" Publ., 72–77 (in Russian).
- Badeev, D. Yu., Khudyakov, A. V., Shakirov, Z. G. 2019. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2017 g. (Archaeological Discoveries in 2017)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 331–334 (in Russian).
- Galimova, D. N., Askeyev, I. V., Askeyev, O. V. 2015. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan)* V. Kazan: "Otechestvo" Publ., 35–37 (in Russian).
- Khudyakov, A. V., Nabiullin, N. G., Shakirov, Z. G., Shorokhov, M. V. In Print. *Arkheologicheskie otkrytiia 2019 g. (Archaeological Discoveries in 2019)*. (in Russian).
- Khuzin, F. Sh., Shakirov, Z. G. 2017. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2015 g. (Archaeological Discoveries in 2015)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 326–328 (in Russian).
- Shaymuratova, D. N. 2016. In *Rossiyskiy zhurnal prikladnoy ekologii (Russian Journal of Applied Ecology)* 1. 8–13 (in Russian).
- Galimova, D. N., Askeyev, I. V. and Askeyev, O. V. 2014. In *International Journal Osteoarchaeology*. Special Issue. 347–357 (in English).
- Honka, J., Heino, M. T., Kvist, L., Askeyev, I. V., Shaymuratova, D. N., Askeyev, O. V., Askeyev, A. O., Heikkinen, M. E., Searle, J. B., Aspi, J. 2018. In *Genes*. 9 (7), 367 (in English).
- Lebrasseur, O., Shaymuratova, D., Askeyev A., Asylgaraeva, G., Frantz, L., Larson, G., Askeyev, O., Askeyev, I. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 35 (1), 216–231 (in English).
- Serjeantson, D. Birds. 2009. *Cambridge Manuals in Archaeology*. New York: Cambridge University Press (in English).

About the Authors:

Shaymuratova Dilyara N. Researcher. The Institute of Problems in Ecology and Mineral Wealth, Tatarstan Academy of Sciences, Daur'skaya St., 28, Kazan, 420087, Republic of Tatarstan, Russian Federation; galimovad@gmail.com

Askeyev Igor V. Candidate of Biology Sciences, Associate Professor, The Institute of Problems in Ecology and Mineral Wealth, Tatarstan Academy of Sciences, Daur'skaya St., 28, Kazan, 420087, Republic of Tatarstan, Russian Federation; archaeozoologist@yandex.ru

Shakirov Zufar G. Candidate of Historical Sciences, Director of the Bilyar State Historical, Archaeological and Natural Museum-Reserve, Arbuzov Str., 2, Bilyarsk, 422920, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Assistant Professor. Kazan (Volga Region) Federal University, Kremlevskaya, Str., 18, 420008, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation; zufar_alchi@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

К ВОПРОСУ О РЕЖИМЕ ОБЖИГА ОБЩЕБОЛГАРСКОЙ КЕРАМИКИ ДОМОНГОЛЬСКОГО И РАННЕОРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ Р.СХСII БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА)

© 2021 г. А.А. Куклина, О.Ю. Андрушкевич

На настоящий момент температурный режим обжига общеболгарской керамики является нерешенным вопросом. Долгое время обжиг массовой гончарной керамики оценивался исключительно в рамках субъективных понятий «плохой»/«хороший». В рамках проведенного исследования серии петрографических шлифов общеболгарской керамики Болгарского городища были получены некоторые результаты, дающие представление о верхней границе обжиговых температур. Сопоставляя эти данные со сведениями о конструкциях гончарных горнов Болгара домонгольского и раннезолотоордынского времени, авторами статьи выдвинуто предположение о характере обжига массовой гончарной керамики местного производства в X – начале XIV вв.

Ключевые слова: археология, петрография, средневековье, Болгарское городище, керамика, гончарное производство, обжиг.

TO THE DISCUSSION OF THE FIRING METHOD OF COMMON BOLGAR CERAMICS IN THE PRE-MONGOL AND EARLY GOLDEN HORDE PERIODS (ON THE BASIS OF EXCAVATION CXСII AT BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT)

A.A. Kuklina, O.Yu. Andrushkevich

The firing method of common Bolgar ceramics remains an unsolved question. For a long time, the firing of common wheel pottery was only evaluated in subjective terms “bad” and “good”. In the framework of the study of a series of petrographic slice of common Bolgar ceramics from the Bolgar fortified settlement, results were obtained, which shed light on the upper limit of the firing temperatures. By comparing this data with construction details of Bolgar kilns built in the Pre-Mongol and Early Golden Horde periods, an assumption was made about the firing method of local wheel pottery in the 10th– early 14th cc.

Keywords: archaeology, petrography, Middle ages, Bolgar fortified settlement, ceramic, pottery, firing.

Общеболгарская, или керамика I группы по классификации Т.А. Хлебниковой (Хлебникова, 1984), является массовой на территории Болгарского городища и многих других памятников. Ее содержание в слоях и заполнении сооружений достигает 90% керамического комплекса домонгольского и золотоордынского времени (Кокорина, 2002, с. 49, 114). Исследованию этого материала посвящены труды А.П. Смирнова, О.С. Хованской, Т.А. Хлебниковой, И.Н. Васильевой, Н.А. Кокориной. Таким образом, на настоящий момент вопросы морфологии и типологии общеболгарской керамики, а также некоторые технологические аспекты, такие как отбор сырья и его подготовка, конструирование сосудов, довольно хорошо освещены. Тем не менее существует ряд вопросов, которые требуют более детального изучения. Одной из таких проблем является уточнение характеристик обжига данной керамики.

Особенности обжига болгарской керамики довольно подробно были описаны О.С. Хован-

ской. По ее мнению, в домонгольском периоде существования Болгара были распространены традиции обжига в домашних печах как в окислительном, так и в восстановительном пламени. Разница в качестве обжига объясняется различиями в конструкциях самих печей. Самое высокое качество керамики связано с горновым обжигом (Хованская, 1954, с. 345). Многие исследователи отмечали преобладание керамики более слабого обжига (желтого и коричневого цветов) в домонгольских слоях Болгара в отличие от слоев золотоордынского времени, где цвет посуды преимущественно красный, что является показателем высокой температуры обжига (Калинин, 1950, с. 43; Калинин, Халиков, 1954, с. 71; Смирнов, 1952, с. 21).

Позже И.Н. Васильева, проводя технико-технологический анализ групп керамики, выделенных Т.А. Хлебниковой, обратила внимание, что в домонгольское время традиция обжига керамики в восстановительном пламени стала гораздо менее распространена

Рис. 1. Топографический план Болгарского городища с указанием расположения р. СХСII (по Бадеев, Коваль, 2019)

Fig. 1. Topographic plan of Bolgar fortified settlement indicating the location of excavation CXCII (after Badeev, Koval, 2019)

на памятниках Волжской Булгарии по сравнению с раннеболгарским периодом. Развитие традиции окислительного обжига связывается ею с появлением двухкамерных горнов (Васильева, 1988, с. 144). В частности, для домонгольского Болгара характерна конструкция горнов с восходящим пламенем, что подразумевает довольно существенную потерю тепла при обжиге (Васильева, 1988, с. 138). Следовательно, в домонгольское время температура обжига ремесленной керамики действительно могла быть ниже, чем в позднезолотоордынское, когда усиливается среднеазиатское влияние на гончарное дело в Болгаре и размеры горнов увеличиваются. Стоит также отметить, что конструкции горнов из раннеордынского слоя Болгарского городища такие же, как в домонгольском (Васильева, 1988, с. 144–146).

Определение температуры обжига древней и средневековой керамики является непростой задачей. Одним из путей ее решения является метод экспериментального обжига в муфель-

ной печи, разработанный Е.В. Волковой и Ю.Б. Цетлиным (Волкова, Цетлин, 2016, с. 254–265). Другой способ представляет собой проведение петрографического анализа.

При горновом обжиге происходит нагревание керамических изделий до определенной температуры и выдерживание в течение некоторого времени. Равномерный коричневый цвет черепка готового сосуда говорит о довольно продолжительном выдерживании при температуре, достаточной для полного окисления соединений железа, входящих в состав глины (Глушков, 1996, с. 81). Черепок, имеющий прослойку серого цвета, является показателем того, что изделие подвергалось короткой выдержке в горне и довольно быстрому остыванию (Цетлин, 2012, с. 117). Обжиг может быть низкотемпературным – от 450 до 650 градусов С – или высокотемпературным – выше 650–700 градусов (Цетлин, 2012, с. 117–118). При этом температуры каления глины (когда она утрачивает свою пластичность) начинаются от 500–550 граду-

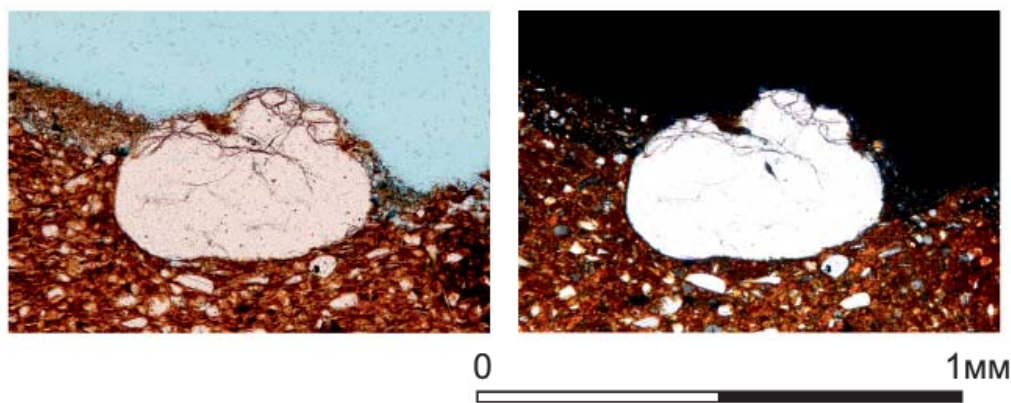

Рис. 2. Зерно кварца в приповерхностном слое фрагменте керамики со следами температурного воздействия (система микротрещин и корродированная каёмка). Образец подгруппы 4л (р. СХСII)

Fig. 2. Quartz grain in the near-surface layer of a ceramic fragment with traces of temperature exposure (a system of microcracks and a corroded border). Sample of subgroup 4l (ex. СХСII)

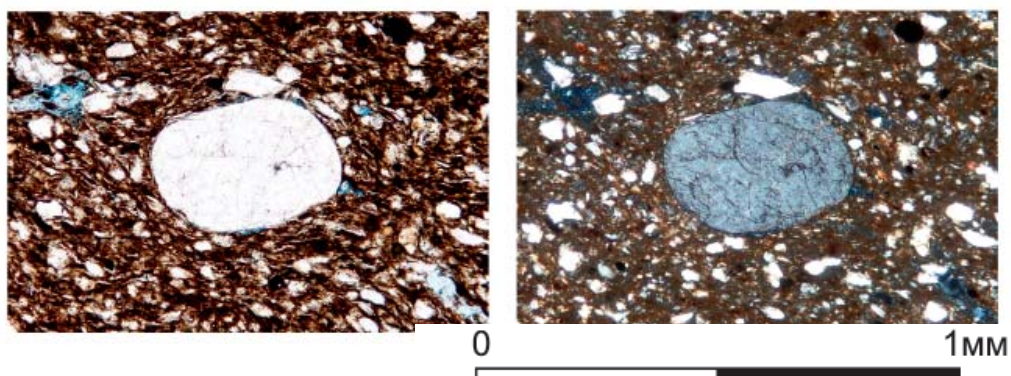

Рис. 3. Зерно кварца внутри фрагмента керамики со следами температурного воздействия (начало развития системы микротрещин). Образец подгруппы 2т (р. СХСII)

Fig. 3. Quartz grain inside a ceramic fragment with traces of temperature exposure (the beginning of the development of a system of microcracks). Sample of subgroup 2t (ex. СХСII)

сов. Здесь уже можно наблюдать эффект так называемого красного свечения (Цетлин, 2012, с. 116).

Поскольку общеболгарская керамика в основной своей массе имеет красный и коричневый цвет черепка, можно утверждать, что она подвергалась нагреву не ниже 500 градусов Цельсия. Некоторое представление о верхней границе температурного режима обжига этой керамики может дать петрография. Наиболее пригодным компонентом для оценки температуры обжига является кварцевый песок, поскольку известно, что при температуре 573–575 градусов Цельсия начинается процесс перекристаллизации, когда α -кварц переходит в β -кварц (Бетехтин, 1951, с. 355), что сопровождается образованием трещин (Глушков, 1996, с. 78).

Для исследования были отобраны образцы общеболгарской керамики разных подгрупп – 1т, 2т, 3т, 4т, 5т, 1л, 2л, 3л, 4л, 5л, 6л, 7л (Куклина, 2018, 2020) – количеством 126 штук. Отбор

керамики был произведен из сооружений домонгольского (X – нач. XIII вв.) и раннезолотоордынского времени (1236 г. – нач. XIV в.) с раскопа СХСII (рис. 1). Выбранные подгруппы можно условно разделить на две части: с полной прокаленностью черепка (1т, 4т, 1л, 2л, 3л, 6л) и с неполной (2т, 3т, 5т, 4л, 5л, 7л).

При изучении шлифов особое внимание уделялось поиску доказательств и оценке величин температурного воздействия на исследуемые образцы.

В исследованной серии несколько образцов заслуживают более пристального внимания: образцы подгруппы 3л № 2722 (фрагмент сосуда), подгруппы 5л № 26.1 (фрагмент корчаги), подгруппы 1т № 8.1 (фрагмент широкогорлого кувшина), подгруппы 2т № 27.3 (фрагмент миски), 3т подгруппы № 2535 (фрагмент сосуда), подгруппы 4т № 17.2 (фрагмент горшка) и фрагмент керамики восстановительного обжига № 9.2 (фрагмент сосуда). По мнению авторов, именно в этих фрагментах уверен-

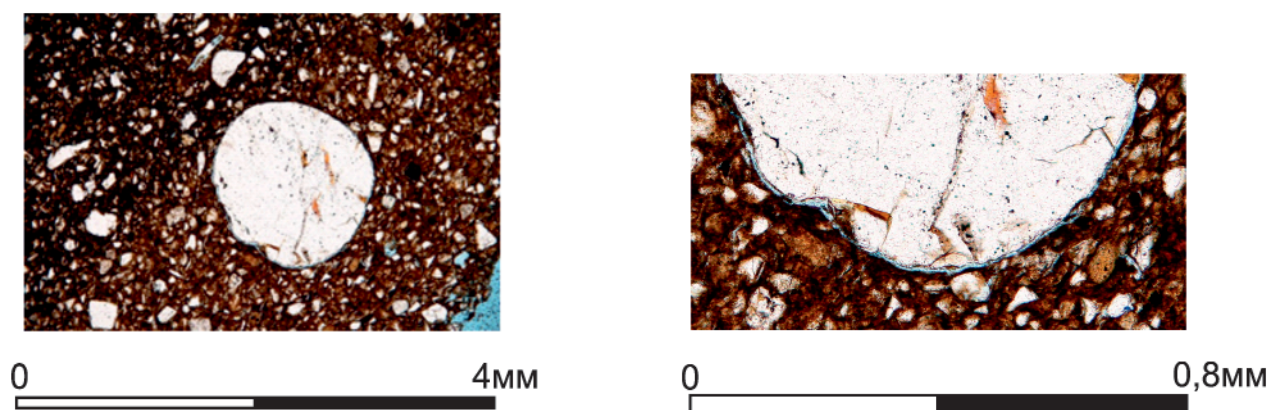

Рис. 4. Крупное зерно кварца с окраской микротрещин гидроокислами железа.

Образец подгруппы 3л (р. СХСII)

Fig. 4. Coarse quartz grain with microcrack staining with iron hydroxides. Sample of subgroup 3l (ex. СХСII)

но диагностируются минералы, по которым можно приблизительно восстановить температурные режимы обжига.

В шлифах всех перечисленных образцов наблюдается некоторое количество раздробленных (трещиноватых) зёрен кварца (рис. 2, 3). Микротрещины в кварцевых зёрнах – явление вполне обычное, широко распространённое в природе. Но, как правило, природные трещины редко бывают чистыми, гораздо чаще наблюдается заполнение их какой-либо субстанцией: окраска гидроокислами железа, тонкая вторичная минерализация, присутствие пелитовой составляющей и т. п. (Бетехтин, 1951, с. 361). В качестве примера можно привести рис. 4, на котором отчётливо видна окраска микротрещины гидроокислами железа.

Интересно, что в образцах подгрупп 1т № 8.1, 3т № 2535 и 4т № 17.2 трещины исключительно малы и отчётливо видны только на больших ($\times 40$) увеличениях. Можно предположить, что в данном случае речь идёт о самом начале процесса перекристаллизации (температура немного выше 575°C) или о незначительном времени воздействия более высоких температур на гончарное изделие.

В образцах же подгрупп 3л № 2722, 2т № 27.3 и восстановительного обжига №9.2 трещины видны более отчётливо, соответственно, данные образцы могли подвергаться воздействию либо более высоких температур,

либо более продолжительному по времени режиму обжига.

Стоит обратить особое внимание на образец подгруппы 4л № 2579 (рис. 2). Отчётливо видно в шлифе, что выходящее на поверхность керамики зерно кварца сильно раздроблено только в выступающей части, а та часть зерна, которая лежит внутри глинистой матрицы, остаётся целой. В данном случае нельзя делать однозначный вывод о температуре обжига в 575°C . Вполне вероятно, что образование такой специфичной микротрещиноватости связано с резким охлаждением гончарного изделия (разрушение печи для обжига, попадание влаги и т. п.).

В шлифах остальных 119 образцов подобной трещиноватости в кварцевых зёрнах обнаружено не было. Всё это даёт основание осторожно предположить, что температуры обжига исследуемой керамики не превышали 575°C .

Таким образом, учитывая конструктивные особенности горнов Болгара и результаты проведенного исследования общebolгарской керамики, можно говорить о том, что обжиг ремесленной керамики домонгольского и раннеордынского времени (X – нач. XIV вв.) мог быть низкотемпературным. Однако пока нельзя утверждать, что вся керамика этого времени обжигалась исключительно при низких температурах.

ЛИТЕРАТУРА

Бетехтин А.Г. Минералогия. М.: Госгеолыздат, 1950. 956 с

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище (раскоп СХСII) в 2018 году. М., 2019 / Архив ИА РАН.

Васильева И.Н. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. / Отв.ред. Г.А.Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 103–148.

Волкова Е.В., Цетлин Ю.Б. О разработке методики определения температуры обжига древней керамики. // КСИА. 2016. Вып. 245. С. 254–264.

Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. 328 с.

Калинин Н.Ф. Отчет о работах по западным районам ТАССР, 1950 г. / Архив ИА РАН, д. Р-1, №531

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических экспедиций КФАН СССР по Татарии за 1945–1952 гг.// Труды ИЯЛИ. Казань: Татгосиздат, 1954. 126 с.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: ИИ АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.

Куклина А.А. Неполивленная керамика Болгара с раскопов в юго-восточной части городища (по материалам раскопов ССХVI, ССХХI, ССХХIII 2016 г.) // Археология Евразийских степей. 2018. №5. С. 185–192

Куклина А.А. Новые исследования общеполгарской керамики: историко-культурный подход // Поволжская археология. 2020. №2 (32). С. 228–237.

Смирнов А.П. Археологические исследования 1950 года в зоне строительства Куйбышевской ГЭС. // КСИИМК. Вып.44. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 17–29.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара // МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР 1954. С. 340–368.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Информация об авторах:

Куклина Анна Александровна, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); kuklinanna@mail.ru

Андрушкевич Олег Юрьевич, заведующий Лабораторией, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); gemmaol@bk.ru

REFERENCES

Betekhin, A. G. 1950. *Mineralogiia (Mineralogy)*. Moscow: “Gosgeolizdat” Publ. (in Russian).

Badeev, D. Yu., Koval, V. Yu. 2019. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Bolgarskom gorodishche v 2018 g. Raskop CXCII (Report on Archaeological Activities at Bolgar Fortified Settlement in 2018. Excavation 192)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Vasil’eva, I. N. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel’nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: “Nauka” Publ., 103–148. (in Russian).

Volkova, E. V., Tsetlin, Yu. B. 2016. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 245. 254–264 (in Russian).

Glushkov, A. G. 1996. *Keramika kak istoricheskii istochnik (Ceramics as a Historical Source)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Kalinin, N. F. 1950. *Otchet o rabotakh po zapadnym raionam TASSR (Report on Activities in the Western Regions of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 531 (in Russian).

Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. In *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Sciences Series)*. Kazan: “Tatknigoizdat” Publ. (in Russian).

Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul’tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

Kuklina, A. A. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 185–192 (in Russian).

Kuklina, A. A. 2020 In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 32 (2), 228–237 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1952. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 44. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 17–29 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware from the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Khovanskaya, O. S. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 340–368 (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevniaia keramika. Teoriia i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. The Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Kuklina Anna A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; kuklinanna@mail.ru

Andrushkevich Oleg Yu. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya str., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gemmaol@bk.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.102.113>

КАВАЛЕРИЙСКАЯ ШПОРА ИЗ РАСКОПОК БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА В 2010 Г.

© 2021 г. В.С. Баранов

Целью данной статьи является введение в научный оборот кавалерийской железной шпоры с колесиком, найденной на территории Болгарского городища во время археологических работ 2010 года. Данное изделие может характеризовать часть снаряжения всадника второй половины XIII – первой половины XIV вв., предназначенную для исполнения тактических приемов кавалерийской атаки, связанных с копейным ударом тяжеловооруженной конницы. Внешние особенности и материал, из которого предмет изготовлен, заставляют автора предполагать, прежде всего, его функциональное и профессиональное использование.

Ключевые слова: археология, снаряжение всадника, Болгарское городище, типология, способы управления конем

CAVALRY SPUR FROM BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT EXCAVATIONS OF 2010

V.S. Baranov

The purpose of this paper is to introduce into scientific discourse an iron cavalry spur with a wheel discovered at Bolgar fortified settlement during archaeological excavations in 2010. The item can characterize a part of the rider's equipment of the second half of the 13th – first half of the 14th century intended for the execution of tactical cavalry attack manoeuvres associated with a spear strike of heavily-armed cavalry. The external features and material of the item allow the author to suggest primarily its functional and professional use.

Keywords: archaeology, rider's equipment, Bolgar fortified settlement, typology, horse control techniques

Кавалерийские шпоры являются одним из весьма важных приспособлений, своеобразных «ножных конструкций», по определению А.Н. Кирпичникова, предназначенных для управления лошастью в условиях т. н. «западной посадки» всадника в седле. От правильного использования шпор зависело умение всадника воздействовать на лошадь при маневрировании, особенно необходимое во время непосредственного контакта с противником в ходе боевого столкновения. Шпоры были «обязательным атрибутом конных сшибок не только в XII–XIII, но и XIV–XV вв.» (Кирпичников, 1976, с. 48).

Наиболее полное описание находок шпор на территории Древней Руси дано в монографических работах А.Ф. Медведева (1959, с. 190–191) и А.Н. Кирпичникова, посвященных древнерусскому вооружению и снаряжению всадника и коня. А.Н. Кирпичников, рассмотрев самые разнообразные аспекты использования этого предметного комплекса, предложил типологию шпор (рис. 1), которая остается актуальной и в настоящее время (Кирпичников, 1973, с. 117–147; Кирпичников, 1976, с. 48–50; Кирпичников, 2020, с. 97–105).

Дальнейшее развитие колесцовых шпор в развитом Средневековье русских княжеств и Московского государства второй половины XIII–XVII вв. исследовано О.В. Двуреченским. Автором на основе систематизации крупной серии целых и фрагментированных изделий (137 экз.) сделан типологический анализ колесцовых шпор, относящихся к двум хронологическим эпохам: XIII–XV вв. и периоду Смутного времени начала XVII в. (Двуреченский, 2018, с. 118–182) (рис. 2). Несколько изделий проанализировано в обобщающей работе, посвященной русскому кузнечному ремеслу XVI–XVII вв. (Никитин, 1971, с. 40). Бытованию данного вида шпор на территории Великого княжества Литовского в сопоставимый частично период (вторая пол. XIV – конец XVI в.) была посвящена работа Ю.М. Бохана (Бохан, 2002, с. 222–229). Значению кавалерийских шпор в создании образа всадника в Московском государстве, в совокупности с другими атрибутами: обувью и седельным набором, посвящена статья Б.Л. Шапиро, где на многочисленных примерах рассматривается их репрезентативная функция, определяется место этих изделий в русской материальной культуре

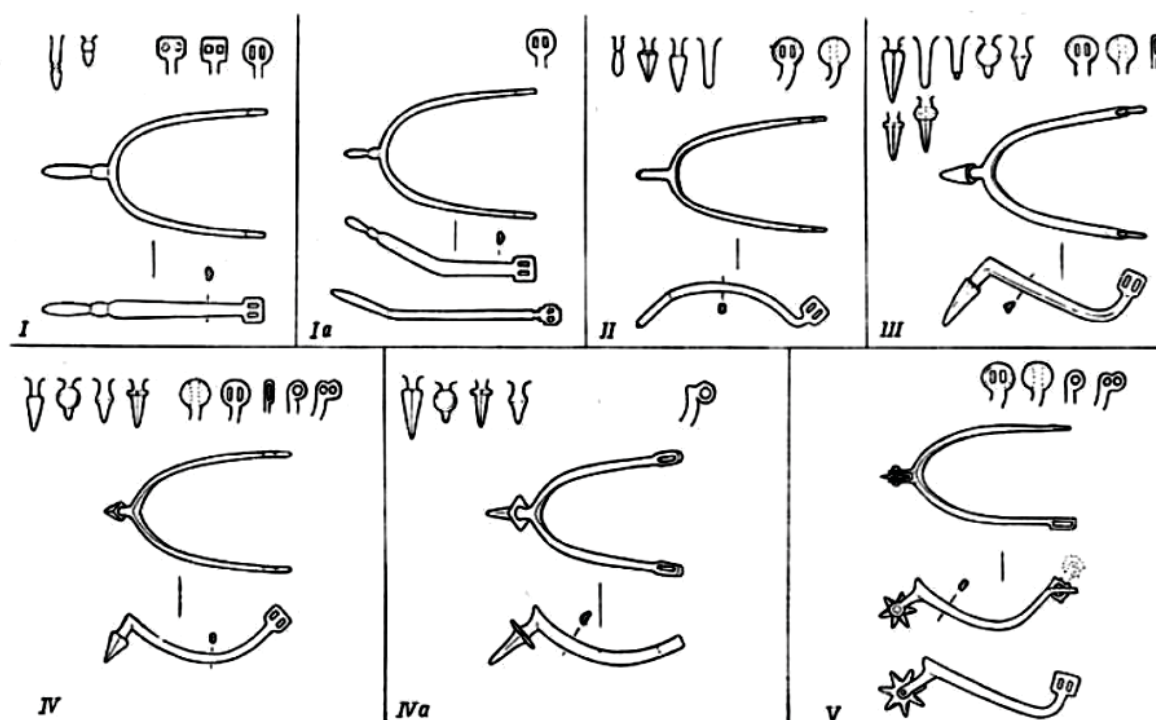

Рис. 1. Типологическая схема шпор X–XIII вв. По А.Н. Кирпичникову
 Fig. 1. Typological scheme of 10th–13th century spurs. After A.N. Kirpichnikov

XVI–XVII вв. (Шапиро, 2017, с. 192–195). Немногочисленные находки шпор из кочевнических погребений южнорусских степей X–XIV вв. проанализированы в фундаментальной работе Г.А. Федорова-Давыдова. Среди них в большинстве своем изделия с шипом, аналоги которым относятся к X–XI, XI–XII вв., но встречаются и шпоры с колесиком, распространенные в XIII–XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 21–22). Находки шпор в погребениях средневековых кочевников в Степном Предкавказье, датированные второй половиной XIII–XIV вв., исследованы В.Н. Чхаидзе (2017, с. 90–98). Шпоры, зафиксированные в Степном Прикумье и датированные в пределах XII–XIV вв., описаны С.В. Ляховым (2018, с. 109–112).

На территории Волжской Болгарии и Болгарского улуса Золотой Орды, где, по мнению исследователей, всадники использовали восточный тип езды¹, при которой основным средством понуждения лошади была плеть, находки шпор единичны. В связи с этим каждая из находок этого элемента всаднической экипировки, несомненно, представляет собой определенный источниковедческий интерес².

Анализ данных изделий, относящихся к домонгольской эпохе, можно встретить в работах Ф.Ш. Хузина и С.И. Валиуллиной

(рис. 5: 5), И.Л. Измайлова (Хузин, Валиулина, 1986, с.112, рис. 3, 16; Измайлов, 1997, с. 134; Измайлов, 2008, с. 109). Одна находка подобного рода была рассмотрена в обобщающей работе «Культура Биляра» (Хузин, 1985, с. 204–205). Шпора предмонгольского времени из юго-западных районов Волжской Болгарии опубликована Г.Н. Белорыбкиным (Белорыбкин, 2001. рис. 87, 22).

На территории Болгарского городища до настоящего времени находки шпор не были известны. Впервые подобное изделие было найдено в 2010 г. во время исследований участка памятника, предназначенного под строительство здания Музея Болгарской цивилизации (Археологические, 2011, с. 14–16; раскоп CXLIX)³ (рис. 3).

Железная шпора была зафиксирована на глубине 3 пласта (60 см от дневной поверхности раскопа, –12 от «0») в кв. XXVIII/1–2 сектора Центральный 1 при выборке заполнения сооружения 47, относящегося к IV слою с. ш. г. (золотоордынские напластования городища второй половины XIII – первой трети XV в.). Объект представлял собой траншею изгороди, которая пересекала площадку сектора с юго-востока на северо-запад и ограничивала дворовое пространство одной из городских усадеб, расположенных в северо-западной части Болгарского

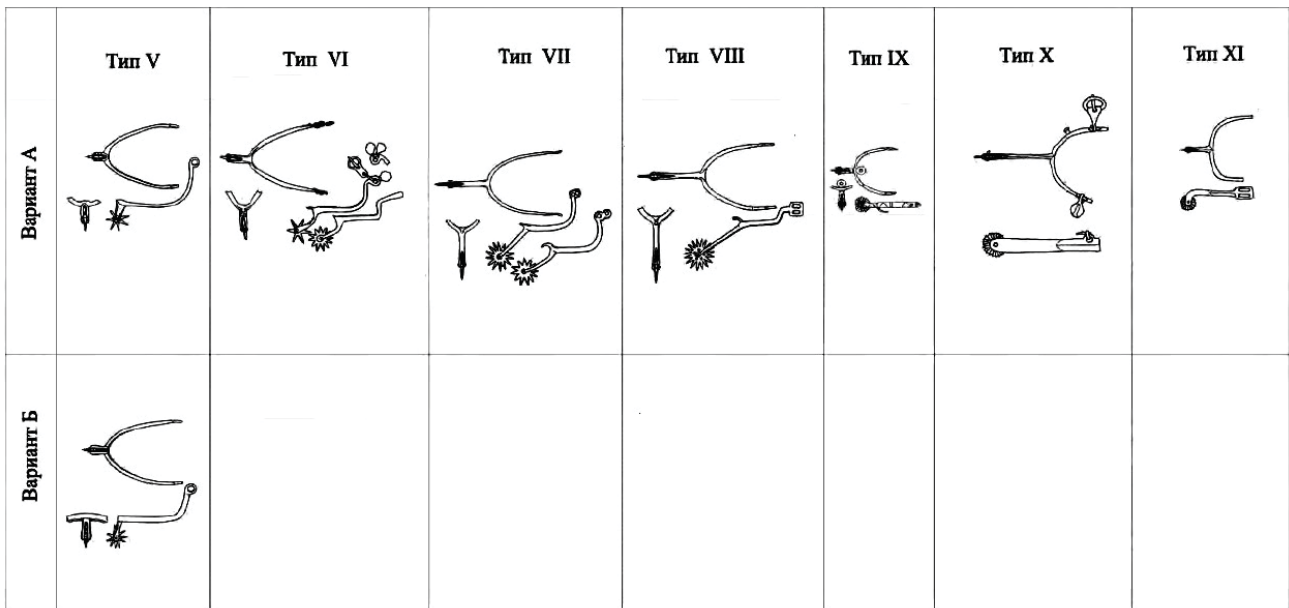

Рис. 2. Общая типология шпор второй половины XIII–XVII вв. По О.В. Двуреченскому
Fig. 2. General typology of spurs of the second half of the 13th–17th centuries. After O.V. Dvurechensky

городища. Длина объекта 1208 см. Ширина 32–45 см. До его дна наблюдалась серая супесь с мелкими включениями желтого суглинка и угля. Стенки траншеи отвесные, дно плоское или желобовидное (–20/–67 от «0»). Наблюдается уклон дна объекта с юго-востока на северо-запад, соответствующий уклону площадки. Глубина объекта от уровня выявления 31–43 см. Использование данной изгороди связано с бытованием комплекса городской усадьбы раннеордынского времени (середина XIII – начало XIV в.), что может быть подтверждено находками монеты 40-х гг. XIII в. (Насир ад-Дин, без года и места чекана) и анонимных монет времени правления Узбек-хана («лев и солнце», 1333, 1336 гг., чекан Сарая)⁴.

Завершение существования усадьбы и перепланировка участка могли произойти не ранее конца 30-х – начала 40-х гг. XIV в. Во время этих работ, вероятно, была также демонтирована связанная с данной усадьбой изгородь, а оставшийся при этом котлован траншейки был засыпан грунтом, в который и попала данная железная шпора. Таким образом, выпадение в слой данного изделия, вероятно, происходит не позднее 30–40-х гг. XIV в.

Предмет относится к варианту шпор, изготавливаемых с зубчатым колесиком, «звездочкой» или «репейкой»⁵: тип 5 – шпоры с «репейкой» (Медведев, 1959, с. 191); тип V (Кирпичников, 1973, рис. 38), которые пришли на смену кавалерийским шпорам с шипом (рис. 4: 1–4).

По мнению А.Н. Кирпичникова, появление подобной разновидности смогло разрешить проблему между двумя крайностями, возникающими в процессе понуждения коня при помощи шпор с шипами, – наказанием коня и защитой его от физических повреждений, чего не могла решить дальнейшая трансформация шпор с шипом как инструментом управления. Шпора с подвижным колесиком-звездочкой «повысила эффект и чуткость управления и при умелом использовании не причиняла ранений коню» (Кирпичников, 2008, с. 103). Появление данной модификации шпор на территории Древней Руси исследователь относит к предмонгольскому времени, рассматривая их как «новинку», появившуюся во втором и третьем десятилетии XIII в., 1220–1230-е гг., т. е. до 1240 г. (Кирпичников, 1973, с. 126, 142). В статье, вышедшей позже (2008 г.), он, приводя в качестве аргумента широкий набор аналогий и материалы раскопок летописного Изяславля (которые он также использует в своем фундаментальном исследовании 1973 г.), относит время появления новой формы шпоры к 1230–1240-м гг. (Кирпичников, 2008, с. 104). Вскользь касаясь этого вопроса, О.В. Двуреченский, который в своем исследовании выделяет две хронологические группы шпор с колесиком, время бытования первой из них относит к первой трети XIII – XV вв. (Двуреченский, 2018, с. 132), таким образом, присоединяясь к дате, предложенной А.Н. Кирпичниковым.

Однозначная и прямая аналогия найденной в Болгаре шпоре пока не найдена, поэтому

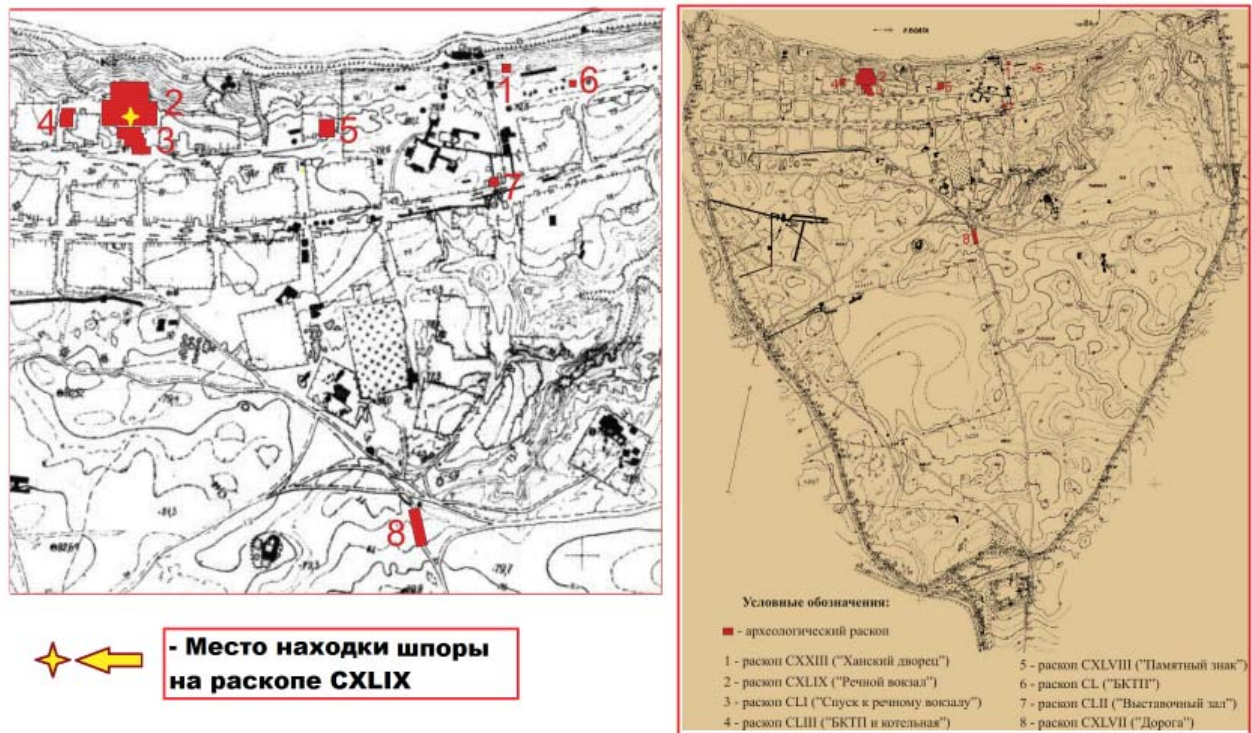

Рис. 3. Место находки на общем плане Болгарского городища с указанием раскопов 2010 г.

Fig. 3. Location of the find on the general plan of Bolgar fortified settlement with an indication of the excavations of 2010

для атрибуции данного предмета попробуем проанализировать его отдельные элементы, которые в известных нам типологических схемах имеют определяющий характер: скобу, держатель зубчатого колесика и петли для крепления шпору к ноге владельца.

Скоба представляет собой изогнутую дугообразно железную полосу подпрямоугольного сечения, изнутри плоскую, снаружи – несколько закругленную по краям. Размеры сечения: в средней части $0,4 \times 0,7-0,8$ см; рядом с петлями для крепежа $0,3 \times 0,5$ см. Ширина скобы по линии крепежных петель – 9,5 см. Длина скобы – 12,0 см. Общая длина шпору с учетом длины держателя колесика – 16,0 см. При взгляде на изделие сверху видно подтреугольное сужение в месте округлости дуги и некоторый скос внутрь концов скобы. В профиле дуга имеет коленчатый изгиб в средней части и еще один намечающийся изгиб на концах, рядом с петлями. Судя по изменению высоты дуги (от 0,5 см у концов скобы до 1,0–1,2 см в пяточной части), мы можем наблюдать расширение скобы на месте крепления держателя колесика, которое затем развилось в характерное для некоторых изделий в этой части килевидное расширение (рис. 4: 1, 2). Боковой абрис скобы имеет S-видную форму, однако не в том классическом виде, как у шпор типа VI, характерным признаком которых «являет-

ся ярко выраженная S-видная скоба и средние размеры, как самой шпору, так и держателя с колесцом» (Двуреченский, 2018, с. 127).

В центре дуги оформлен держатель зубчатого колесика в виде раздвоенного стержня, в основании имевшего овальное сечение, с отверстием диаметром 0,3 см для крепежа оси «звездочки» (рис. 4: 3). Длина держателя 4,2 см, размеры в основании $1,1 \times 0,5$ см. Половинки стержня раскопаны в форме пластин, закругленных и расширяющихся на конце. Одна из половинок обломлена и утрачена. Также утрачена ось крепления и само зубчатое колесико, однако по расстоянию между серединой отверстия и краем выреза (2,4 см) мы можем предположить, что диаметр «звездочки» мог составлять не более 4,5–4,8 см. У основания держатель слегка изогнут. Размер держателя соотносим с фиксируемым для шпор конца XIII–XV вв. (4,5 см) (Кирпичников, 1976, с. 49). По форме плоско раскопанных половинок стержня изделие имеет сходство со шпорой типа V из Коломны (рис. 5: 2), датируемой по аналогиям XIV–XV вв. (Ульянова, 2008, с. 206, рис. 7: 3), которая О.В. Двуреченским отнесена к VI типу (Двуреченский, 2018, с. 127).

Петли для крепежа шпору к обуви симметричные, расположены на концах дуги, для чего концы дуги, вероятно, дополнительно

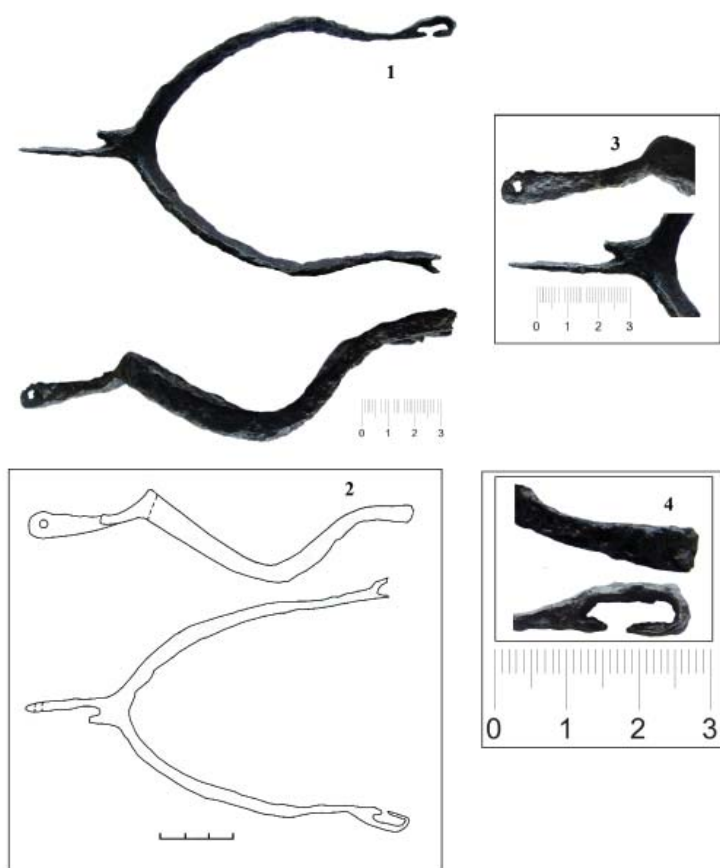

Рис. 4. Железная шпора, найденная в Болгаре на раскопе СХLIX. 1 – фото изделия ; 2 – прорисовка; 3 – держатель колесика; 4 – одна из крепежных петель
Fig. 4. Iron spur found in Bolgar at excavation СХLIX. 1 – photo of the item; 2 – drawing; 3 – wheel holder; 4 – one of the fastening loops

расковывались и загибались. Они представляют собой обоймицы подпрямоугольной формы, приспособленные для вертикального продевания крепежного ремешка (рис. 4: 4). Одна из них утрачена, другая частично разрушена, имеет внешние размеры $1,4 \times 0,8$ см, внутренние – $1,3 \times 0,3$ см. Вероятные размеры сечения ремешка, применяемого при крепеже, могли составлять, таким образом, $1,2 \times 0,2-0,3$ см. Петли данного типа отмечаются в типологии А.Н. Кирпичникова как «однопрорезные» 5 типа (Кирпичников, 1973, рис. 38). Появление подобных петель (наряду с однопрорезными петлями 6 типа) отмечается во второй половине XII – первой половине XIII в. Они используются для шпор III и IV типа с шипами, а затем применяются в крепеже колесцовых шпор V типа (Кирпичников, 1973, рис. 37). В типологии, предложенной О.В. Двуреченским, данные формы крепления соотносятся с типом Va (датированы в пределах XIII в., в переотложенном состоянии – XIV в.), Vб (конец (90-е гг.) XIII – середину (возможно, третью четверть) XIV вв.), VIa (не ранее XIV в.) (Двуреченский, 2018, с. 124–125).

Резюмируя морфологическое описание изделия, следует обратить внимание на следующее. У шпоры из Болгара второй перегиб, расположенный у концов скобы, только наме-

чен. В этой связи скоба шпоры из Болгара выглядит развитием шпоры из Московского Кремля, найденной во время работ на Ивановской площади в 1975 году и соотнесенной по стратиграфическим и типологическим основаниям с XIII в. (рис. 5: 1). Для этой находки характерен один коленчатый изгиб скобы (Шеляпина и др., 1979, с. 224, рис. 2: 10). О.В. Двуреченский относит эту и подобные ей шпоры к типу Vб5 (Двуреченский, 2018, с. 126–127, рис. 8, 1).

Сходен с московской находкой и вариант крепежных петель, которые, как и у шпоры из Болгара, поставлены отверстиями вертикально и предполагают продевание через обе петли ремня или веревки, пропущенных под подошву ноги всадника. Ремень (или веревка) должен был затягиваться под подошвой и закрепляться в подъеме стопы узлом или пряжкой (рис. 6: 1). О.В. Двуреченский видит в этом способе крепежа шпоры наиболее простую схему крепления (Двуреченский, 2018, с. 127). Вероятно, дальнейшим развитием ее может служить вариант крепежа, при котором одна из вертикальных петель заменяется горизонтальной (рис. 6: 2) или кольцом, удобным для присоединения пряжки, как шпор типа Vб4, датированных в пределах XIV в. (Двуреченский, 2018, с. 125–127,

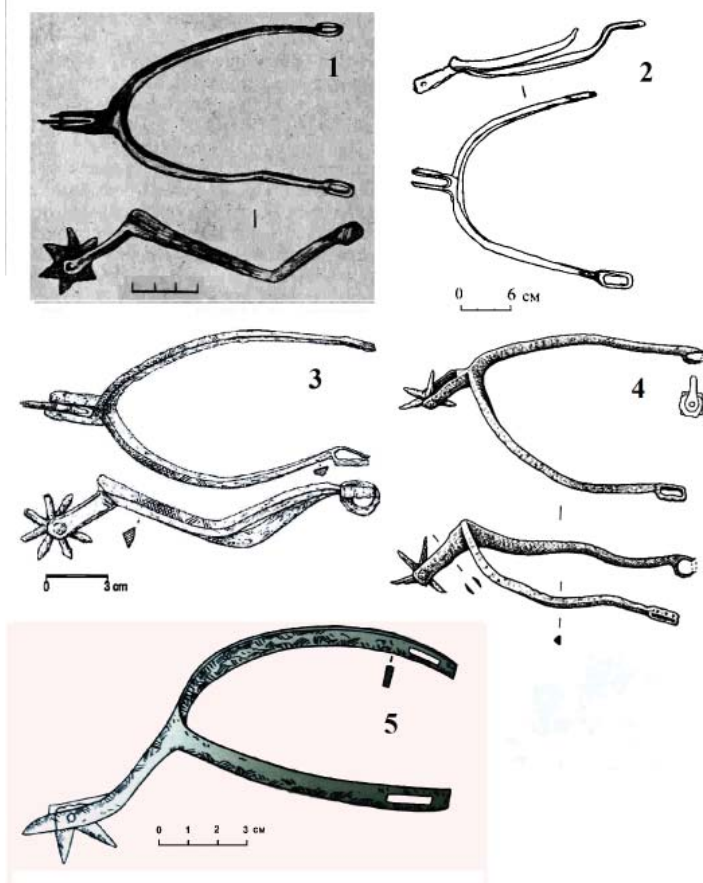

Рис. 5. Колесцовые шпоры, близкие по форме изделию из Болгара. 1 – Московский Кремль, XIII в. (по И.С. Шеляпиной и др.); 2 – Коломна, XIV–XV вв. (по Т.Н. Ульяновой); 3 – Калиш (Польша), 4 четверть XIII – 1 половина XIV в. (по М. Błoński); 4 – Лондон (Англия), 1250–1300 гг. (по J. Clark и др.); 5 – Биляр, XIII в. (по Ф.Ш. Хузину и С.И. Валиулиной)

Fig. 5. Wheel spurs, similar in shape to the item from Bolgar. 1 – Moscow Kremlin, 13th c. (after I.S. Shelyapina et al.); 2 – Kolomna, 14th–15th cc. (after T.N. Ulyanova); 3 – Kalisz (Poland), 4th quarter of the 13th – 1st half of the 14th cc. (by M. Błoński); 4 – London (England), 1250–1300 (by J. Clark et al.); 5 – Bilyar, 13th c. (after F.Sh. Khuzin and S.I. Valiulina)

рис. 4). Подобного рода крепления зафиксированы в материалах лондонской коллекции, датируемых в пределах середины XIII–XIV в. (Clark, 2004, p. 135, 137–138, № 324, 327, 329) (рис. 5: 4). Они находят соответствие среди польских звездчатых «острог» четвертой четверти XIII – первой половины XIV в. (тип III/C) (рис. 5: 3), сходных с болгарским изделием также профилем скобы, отходящим от полуциркулярной формы за счет наметившегося дополнительного изгиба рядом с крепежными петлями (Błoński, 2000, s. 74, рис. 9a).

Судя по намеченному изгибу держателя колесца, заметному в профиле изделия, также вероятно близость его к шпорам типа Vб, определенным по времени в конец (90-е гг.) XIII – середину (возможно, третью четверть) XIV вв. (Двуреченский, 2018, с. 125). Шпоры подобного облика могли фиксироваться внутренней округлой частью дуги несколько выше пяточной части ноги всадника, так, чтобы держатель зубчатого колесика смотрел под углом вниз.

Таким образом, несмотря на отсутствие прямых аналогий найденному изделию, сравнительный ряд, в который оно могло быть вписано, достаточно представителен. Он включает кавалерийские шпоры с колесиком, находящиеся в той части морфологического эволюционного ряда, куда входят изделия,

воспринявшие и развивающие формы самых первых образцов колесиковых шпор, появившихся в первые десятилетия XIII в. (тип V по А.Н. Кирпичникову). В их форме уже заложены те черты и тенденции, которые впоследствии получают развитие в более поздних изделиях: двойной перегиб скобы, увеличение размеров и разнообразие видов пяточного выступа, увеличение длины держателя колесика и (или) его изгиба, усложнение крепежного устройства шпоры и способа крепления ее к обуви всадника.

А.Н. Кирпичников описывает два варианта изготовления шпор: кузнечный способ или отливка (Кирпичников, 1973, с. 130). В нашем случае, учитывая материал, из которого предмет изготовлен – железо, можно предположить применение кузнечнойковки скобы. Вероятно, могла применяться также слесарная работа для изготовления держателя колесика и самого колесика, очевидно, закрепленного на цилиндрической оси, вставленной затем в отверстия на конце держателя.

Кроме изучения морфологических аспектов находки, одним из важных вопросов, связанных с нею, является определение этого изделия в историко-культурном контексте того места, где оно было найдено. Болгарское городище традиционно связывается с местом расположения исторического города Болгара,

который в раннеордынское время представлял собой динамично развивающийся городской центр, фактическую столицу Болгарского улуса Золотой Орды с полиэтничным ремесленным и торговым населением. Его столичная и административная роль определяла постоянное пребывание здесь значительного числа представителей знати и воинского контингента.

Шпоры считаются, как правило, атрибутом профессионального кавалериста. Их символическое и общественное значение в культуре западноевропейского Средневековья как элемента экипировки, свидетельствующего о высоком статусе владельца, подтверждено многочисленными письменными источниками и графическими материалами. По материалам захоронений восточноевропейских позднесредневековых кочевников исследователи склонны рассматривать данные изделия в качестве устоявшихся маркеров социальной дифференциации и стратификации, включенных в вещевой инвентарь элитной тяжеловооруженной монгольской конницы (Атавин, 2008, с. 93–96; Чхеидзе, Дружинина, 2013, с. 173). Вместе с тем находки шпор в разных по социальному значению и положению объектах свидетельствуют об их широком использовании не только в практике привилегированных слоев, но и у обычного населения, различаясь при этом степенью внешней отделки и украшения (Кирпичников, 1973, с. 124). Отсутствие украшающих элементов на шпоре из Болгара позволяет видеть в ее владельце рядового всадника или члена боевой дружины.

Появление шпор у волжских болгар И.Л. Измайлов связывает с «развитием снаряжения всадника», особенностью которого он считает «соединение двух видов управления конем и соответствующей посадки в седле: «восточной» – с помощью плети и «западной» – с помощью шпор» (Измайлов, 2008, с. 110). В свете фиксируемых исследователем изменений вооружения и доспеха болгарской дружины в XII–XIII вв. в том числе, просматривается тенденция к усилению тех элементов вооружения, которые обеспечивают эффективность таранного удара, наносимого сплоченной массой конных воинов. В целом весь комплекс «булгарского вооружения отвечал реалиям боевой практики предмонгольского периода, когда исход сражения решался в столкновении плотных масс тяжеловооруженных всадников («рыцарей»), применявших таранный удар копьем» (Измайлов, 1997,

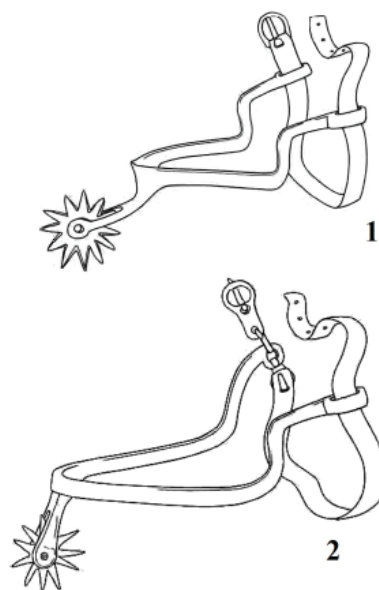

Рис. 6. Способы крепления шпор.

По О.В. Двуреченскому

Fig. 6. Spur attachment methods.

After O.V. Dvurechensky

с. 128–130). Например, унификация типов копий, которые были связаны с вооружением всадника, выделение граненых пик и узколезвийных удлиненно-треугольных копий, получивших явное преобладание над другими формами (Измайлов, 2008, с. 111).

Подобные процессы изменений данного вида вооружения происходят в XII в. в Западной Европе и на территории древнерусских земель (Кирпичников, 1966, с. 40). Возросшая роль копья как главного элемента вооружения, применяемого именно всадником или группой всадников, может свидетельствовать о складывании предпосылок для применения болгарами западного типа посадки на коне, так как, вероятно, только подобный способ мог обеспечить надлежащую опору всадника в седле для нанесения копейного удара. Исполнение этого маневра предполагало не только строгое управление лошастью, но и поиск всадником надлежащей точки опоры для подготовки удара горизонтально поставленным копьем. В этом случае использование шпор становилось необходимым, т. к. управление конем в восточной манере, с упором на стремяна, могло привести к утрате всадником достаточной опоры и устойчивости.

В этом смысле, вероятно, следует упомянуть хотя и более позднее, но ярко характеризующее с одной стороны мобильность, с другой недостаточную ненадежность к воздействию удара восточной посадки на коне, замечание Сигизмунда фон Герберштей-

на, относящееся к посадке всадников-москвитов XVI в.: «седла приспособлены с таким расчетом, что всадники могут безо всякого труда поворачиваться во все стороны и стрелять из лука. [сидя на лошади, они так подтягивают ноги, что] совсем не способны выдержать [достаточно сильного] удара [копья или стрелы]» (Герберштейн, 2008, с. 241).

Заимствование таранного копейного удара конницы как тактического приема, эффективно применяемого в практике западноевропейского рыцарского войска и в определенной степени древнерусскими конными копейщиками, могло послужить основанием для использования связанных с ним атрибутов и у волжских болгар⁶. В изложении французского историка Жана Флори, всадники перед схваткой «беспреданно пускают в ход шпоры, наращивая скорость бега своих коней с тем, чтобы столкновение достигло наивысшей силы» (Флори, 2006, с. 115).

Находка шпоры в материалах золотоордынского времени, хотя и единичная, тем не менее может свидетельствовать о продолжении ранее намеченных тенденций использования тяжелой конницы и в этот период, возможно, в качестве составной части золотоордынского конного войска или у местных воинских формирований. Создание этого контингента, использующего элементы западного снаряжения, вероятно, могло происходить за счет татарского военно-служилого сословия, которое, по мнению исследователей, обладало как набором профессионального оружия, включающего в том числе сабли, копья, булавы и кинжалы, так и достаточной организацией и могло составлять от 10 до 20% войска (Измайлов, 2020, с. 294). В этом смысле интересна находка колесцовой шпоры в захоронении, исследованном В.А. Городцовым в Изюмском уезде Харьковской губернии, рядом со слободой Николаевка в 1901 г., отмечающая проникновение данных изделий в кочевническую среду⁷. Погребение совершено в кургане (курган № 4, погребение 3), в ладьевидной дубовой колоде вместе с находящейся рядом под двускатным перекрытием тушей коня. В захоронении кроме шпоры зафиксированы находки сабли, кольчуги, колчана со стрелами, атрибуты конской упряжи: седло, стремяна, уздечка и другие предметы. Материалы этих работ были опубликованы в трудах XII Археологического съезда в 1905 году (Городцов, 1905, с. 230–231).

Затрагивая хронологический и стратиграфические аспекты находки, следует, вероят-

но, сопоставить археологические условия ее получения и морфологические особенности этого изделия. Судя по условиям нахождения, предмет можно соотнести с рубежом раннего и позднего горизонтов золотоордынских напластований Болгарского городища (Хлебникова, 1987, с. 45). Морфологически изделие отходит от схемы полуциркульного или изогнутого у крепежных петель профиля и, соответственно, не может представлять собой наиболее ранние формы колесиковых шпор, бытовавших в первой трети – конце XIII в.

Вместе с тем ранее уже отмеченный набор архаичных черт может предполагать промежуточный характер этого изделия, появившегося после бытования шпор с полуциркульным профилем, но до утверждения шпор с двойным перегибом скобы, ярко выраженным пяточным выступом и удлиненным держателем колесика. Учитывая условия ее находки можно предложить в качестве даты изделия конец XIII – первую половину XIV в.

Единичный характер находки не позволяет с уверенностью говорить о происхождении предмета. Он мог быть получен в качестве трофея или попасть на территорию Среднего Поволжья в виде товара. О возможности подобного рода торговых поставок, в том числе из Западной Европы, пишет Ю.А. Кулешов (2010, с. 82). Вместе с тем вероятно и местное изготовление под влиянием польских, древнерусских или венгерских образцов. Последние в силу своей конструкции и небольшого веса могли, по мнению А.Н. Кирпичникова, использоваться и конными лучниками (Кирпичников, 1973, с. 135).

Таким образом, исходя из появления новых материалов, вопрос использования шпор у волжских болгар, вероятно, требует дальнейшего изучения. Учет и анализ имеющихся находок, формирование коллекции кавалерийских шпор и связанных с ними предметов (специальных пряжек для крепления и т. п.), происходящих с территории Волжской Болгарии, позволит выстроить типологический и хронологический ряд изделий. Привязка их к сопутствующему материалу, культурным отложениям памятников предоставят возможность более широко рассмотреть вопросы, связанные с военным делом, практикой коневодства, снаряжением всадника и управлением конем, выявить направления контактов, источники, причины, и пути нововведений, уровень интеграции последних в болгарское общество домонгольского и золотоордынского периодов.

Примечания:

¹ Согласно краткому определению А.Н. Кирпичникова «восточной манере езды присущи опора полусогнутыми ногами на стремяна (всадник почти стоит на стремянах), легкое седло без заметно выраженной задней луки, управление конем главным образом при помощи плети, отсутствие шпор». В отличие от нее, западный способ был основан на опоре на седло. Стремяна, в которые упирались при сшибках, вынесенные вперед полусогнутые или вытянутые ноги, выполняли вторичную роль. Управление конем осуществлялось по шенкелю с развитым применением шпор, а также движением поводий и уклонами корпуса (Кирпичников, 1973, с. 132–134).

² По свидетельству И.Л. Измайлова, подробно исследовавшего вопрос вооружения и экипировки болгарской конницы, количество находок шпор на территории Волжской Болгарии равно пяти (Измайлов, 1997, с. 134; Измайлов, 2008, с. 109). К сожалению, более близкими к нашему времени подсчетами мы не располагаем. Во время работы над публикуемым в данной статье изделием, автору представился случай ознакомиться с двумя шпорами с колесиком, происходящими из островов зоны затопления Куйбышевского водохранилища. Обе они находятся на хранении в Болгарском музее-заповеднике.

³ В настоящее время предмет находится на хранении в Болгарском музее-заповеднике. Номер музейного учета: БГИАМЗ КП 1562-77/412 АРХ.

⁴ Определение монет раскопа СХLIX сделано старшим научным сотрудником Болгарского музея-заповедника, к.и.н. Д.Г. Мухаметшиным, за что автор статьи выражает ему глубокую благодарность и признательность.

⁵ Термин «репейка», «репеек» используемый А.Ф. Медведевым, А.В. Никитиным, Г.А. Федоровым-Давыдовым принят для обозначения колесика шпоры в учебном пособии по верховой езде (Тихонов, 1953, с. 20, рис. 12). В работах других исследователей этот термин применяется для описания шпор, имеющих шип с шарообразным и иным утолщением (манжетированный) (Шапиро, 2017, с. 193).

⁶ Вопрос использования этого приема в практике монгольских войск является дискуссионным. Доводы сторон см.: Горелик, 2011, с. 47–58; Кулешов, 2012, с. 153–180.

⁷ В.А. Городцовым данное погребение вместе с другими погребениями Изюмского уезда отнесено к половцам или торкам X–XIII вв. (Городцов, 1905, с. 215). А.Н. Кирпичников, упоминая это погребение в связи находкой в нем шпоры с колесиком, относит его к XII–XIII вв. (Кирпичников, 1973, с. 140). Описывая данную находку в разделе, посвященном шпорам в кочевнических памятниках, Г.А. Федоров-Давыдов связывает ее с западными аналогиями XIII–XV вв. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 21).

ЛИТЕРАТУРА

Археологические исследования 2010 г.: Болгар и Свияжск. Казань: ИИ АН РТ, 2011. 40 с.

Атавин А.Г. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны Юга России в конце IX – первой половине XIII вв. (печенги, торки, половцы) // Древности юга России. Памяти А.Г. Атавина / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М.: ИА РАН, 2008. С. 71–105.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.; Пенза: ПГПУ. 2001. 198 с.

Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. I: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малеина и А.В. Назаренко, с ранненово-верхненемецкого А.В. Назаренко. 776 с., ил.

Горелик М.В. Монгольская латная конница и ее судьба в исторической перспективе // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного золотоордынского форума. (г. Казань, 29–30 марта 2011 г.) / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант, ИИ АН РТ, 2011. С. 47–58.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. // Труды XII АС в Харькове 1902 г. Т.1. М.: Товарищество типографии А.М. Мамонтова, 1905. С. 174–340.

Двуреченский О.В. Колесцовые шпоры, происходящие с территории Русских княжеств и Московского государства второй половины XIII–XVII вв. // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. Вып. 4 / Отв. ред. О.В. Двуреченский. М.: ИА РАН, 2018. С. 118–182.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань-Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 206 с.

Измайлов И.Л. Комплекс вооружения Улуса Джучи (Золотой Орды): теория и практика военной археологии // Археология евразийских степей. 2020. №6. С. 279–300.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск второй. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.-Л.: Наука, 1966. 362 с.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. Л.: Наука, 1973. 138 с.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 104 с. с табл.

Киртичников А.Н. Вооружение древнего «Изяславля» // Летописный «Изяславль»: Большое Шепетовское городище в свете археологии. Том I. Материалы раскопок М. К. Каргера 1957–1964 годов в исследованиях 1960–1980-х годов / ред.-сост. А. А. Пескова. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 53–116.

Кулешов Ю.А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 3. / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, АН РТ, 2010. С. 73–96.

Кулешов Ю.А. «Монгольская латная конница» – историческая реальность или научная спекуляция? (К вопросу о тактике монголо-татар в период Великого завоевания) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант; ИИ АН РТ, 2012. С. 153–180.

Ляхов С.В. Погребение со шпорами из Степного Прикумья // Археология Евразийских степей. 2018. №4. С. 109–112.

Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. М.: АН СССР, 1959. С. 186–191.

Никитин А.В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. / САИ. Вып. Е1-34. М.: Наука, 1971. 84 с.

Тихонов В. Высшая школа верховой езды. М.: ДОСААФ, 1953. 132 с.

Шеляпина И.С., Панова Т.Д., Авдусина Т.Д. Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском Кремле // СА. 1979. № 2. С. 214–228.

Ульянова Т.Н. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // Археология Подмосквья. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2008. С. 195–221.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 275 с.

Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в средние века. М.: Молодая гвардия, 2006. 222 с.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–88.

Хузин Ф.Ш. Снаряжение всадника и верхового коня // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. С. 193–213.

Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И. Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Болгария и Русь: (к 1000-летию рус.-булгар. договора) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1986. С. 97–116.

Чхаидзе В.Н. Шпоры в погребениях средневековых кочевников степного Предкавказья // Археология евразийских степей. 2017. № 5. С. 90–95.

Чхаидзе В.Н. Дружинина И.А. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 171–178.

Шапиро Б.Л. Обувь, шпоры и элементы седельного сбора: материальная культура всадника в Московском государстве XVI–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. № 26. Томск: ТГУ, 2017. С. 189–201.

Бохан Ю.М. Узбраенне войска Великого княжества Литовского другой паловы XIV – канца XVI ст. Минск, 2002. 336 с.

Błoński M. Średniowieczne ostrogi z grodziska na Zawodzi u w Kaliszu // Archeologia Polski, t. XLV: 2000, z. 1-2. S. 53–91.

Clark J., Ellis B. M. A., Egan G., Griffiths N., Rackham D. J., Spenser B., Wrangle A. The medieval horse and its equipment. London, 2004. 185 p.

Информация об авторе:

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sl.baranov@mail.ru

REFERENCES

Valiev, R. R., Sitdikov, A. G., Shakirov Z. G. (comp.). 2011. *Arkheologicheskie issledovaniia 2010 g.: Bolgar i Sviiazhska (Archaeological Studies in 2010: Bolgar and Sviyazhska)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Atavin, A. G. 2008. In Afanas'ev, G. E. (ed.). *Drevnosti iuga Rossii. Pamiati A.G. Atavina (Antiquities of the South of Russia. In Memory of A.G. Atavin)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 71–105 (in Russian).

- Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevskoe Settlement)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
- Gerbershtein, S. 2008. *Zapiski o Moskovii (Notes on Muscovy)* I. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ. (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordyy. Problemy i perspektivy izucheniia (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 47–58 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s"ezda v Khar'kove (Proceedings of the 12th Archaeological Congress in Kharkov)* 1. Moscow: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova, 174–340 (in Russian).
- Dvurechensky, O. V. 2018. In Dvurechensky, O. V. (ed.). *Voennaia arkheologiya. (Military Archaeology)* 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 118–182 (in Russian).
- Izmaylov, I. L. 1997. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Volzhskoy Bulgarii X–nachala XIII v. (Armament and Warfare of the population of Volga Bulgaria 10th – beginning of 13th century)* Kazan-Magadan: North-East Scientific Center, Russia Academy of Sciences Far East Branch (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2008. *Zashchitniki "Steny Iskandera" (Defenders of the Iskander Wall)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2020. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 279–300. (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteny IX–XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th–13th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX–XIII vv. (Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th–13th Centuries)*. Series: Corpus of Archaeological Sources E1-36 (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1976. *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv (Military Arts of Rus in the 13th–15th cc.)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 2020. In Peskov, A. A. (ed.). *Letopisnyi «Izjaslavl'»: Bol'shoe Shepetovskoe gorodishche v svete arkheologii. T. I. Materialy raskopok M. K. Kargera 1957–1964 godov v issledovaniiaakh 1960–1980-kh godov (Annalistic Izyaslavl: Great Shepetovka Hillfort in the Light of Archaeology. V. I. Materials from the Excavations by M.K. Karger of 1957-1964 in the Studies of the 1960–1980s)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 53–116 (in Russian).
- Kuleshov, Yu. A. 2010. In Mirgaleev I.M. (ed.). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)*. 3. Kazan: "Fan" Publ., 73–96 (in Russian).
- Kuleshov, Yu. A. 2012. In Mirgaleev I.M. (ed.). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)*. 5. Kazan: "Foliant" Publ.; Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 153–180 (in Russian).
- Lyakhov, S V. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 109–112. (in Russian).
- Medvedev, A. F. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 65. *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)* II. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 186–191 in Russian).
- Nikitin, A. V. 1971. *Russkoe kuznechnoe remeslo XVI–XVII vv. (Russian Blacksmithing in the 16th–17th cc.)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-34. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Tikhonov, V. 1953. *Vysshaia shkola verkhovoi ezdy (Higher School of Horseback Riding)*. Moscow: "DOSAAF" Publ. (in Russian).
- Shelyapina, I. S., Panova, T. D., Avdusina, T. D. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 214–228 (in Russian).
- Ul'ianova, T. N. 2008. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: (Archaeology of the Moscow Region)* 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 195–221 (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Flori, J. 2006. *Povsednevnaia zhizn' rytsarei v srednie veka (The Everyday Life of Knights in the Middle Ages)*. Moscow: "Molodaia gvardiia" Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 32–88 (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X–XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th–13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 193–213 (in Russian).

Khuzin, F. Sh., Valiullina, S. I. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i Rus' (k 1000-letiiu rusско-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus': to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 97–116 (in Russian).

Chkhaidze, V. N. 2017. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 90–95 (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 284–297 (in Russian).

Shapiro, B. L. 2017. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiia i iskusstvovedenie (Bulletin of the Tomsk State University: Culturology and Art Studies)* (26), 189–201 (in Russian).

Bokhan, Yu. M. 2002. *Uzbraenne voiska Velikogo kniazhestva Litovskogo drugoi palovy XIV – kantsa XVI st. (Armed Troops of the Grand Duchy of Lithuania of the Second Half of 14th–Late 16th cc.)*. Minsk (in Belarusian).

Błoński M. 2000. In *Archeologia Polski*. XLV (1–2). 53–91 (in Polish).

Clark J., Ellis B. M. A., Egan G., Griffiths N., Rackham D. J., Spenser B., Wrangle A. 2004. *The medieval horse and its equipment*. London (in English).

About the Author:

Baranov Vyacheslav S. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sl.baranov@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

УДК 947.0

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.114.123>

МУДРОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ТЮРКО-ТАТАР¹ (НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

©2021 г. Г.М. Давлетшин

Общество древних тюрков с кочевым укладом жизни требовало всегда смелости, смекалки, героизма. Слава мужчины определялась тем, сколько врагов он убил. Но все же в древнетюркских рунических надписях на первое место ставится ум и только потом сила. Тенгре дарит каганам разум, только после этого он их ставит править над тюркским народом. В данной статье на основе комплекса источников рассматриваются представления тюрко-татар – предков татарского народа о мудрости в ее различных проявлениях. Эти представления, сформировавшиеся в древности, сохранив свою суть, дошли до поздних времен и играли важную роль в традиционной культуре татар. Материалы статьи могут быть полезными для более глубокого понимания, осмысления жизни, духовного мира тюрко-татар.

Ключевые слова: история, мудрость, разум, каган, знание, филин, тюрк.

WISDOM IN THE PERCEPTION OF THE TÜRSCO-TATARS (OBSERVATIONS)

G.M. Davletshin

The society of the ancient Turks with a nomadic way of life always required courage, ingenuity, and heroism. The glory of man was determined by how many enemies he had killed. But still, in the ancient Turkic runic inscriptions, the mind is in the first place, and the power is in the second. Tengre gives the kagans reason, and only after that he lets them rule over the Turkic people. This paper, based on a set of sources, addresses the ideas of the Turkic-Tatar ancestors of the Tatar people about wisdom in its various manifestations. These ideas, which formed in ancient times, having preserved their essence, reached later times and played an important role in the traditional culture of the Tatars. The materials of the paper can be useful for a deeper understanding and comprehension of the life and spiritual world of the Turkic-Tatars.

Keywords: history, wisdom, reason, kagan, knowledge, owl, Turk.

Мудрость, ум означают и философские, психологические и религиозные понятия. Они — своеобразный измеритель степени познания окружающего мира, умение применять глубокие знания. Мудрость в религиозном понимании — это самая высокая степень познания окружающего мира, которой обладают в совершенстве только боги, а люди способны постигнуть её лишь в той или иной мере. У разных народов бытовали специальные боги мудрости. В более древний период олицетворяли его различные животные-тотемы. В классовых обществах в первую очередь этим свойством обладали правители, их приближенные, высшие религиозные деятели, святые. Мудрость неразрывно связана с умом, грамотностью, образованием, просвещением. Эти общечеловеческие черты были характерны и тюрко-татарам. Но имели свои особенности, исходящие особой историей, общества, духовного мира и т.д.

Материалы, дошедшие до нас в письменных источниках, скудны, противоречивы и содержат субъективную трактовку. Поэтому при изучении данной проблемы нам приходится

обращаться к археологическим памятникам той эпохи, также к произведениям устного народного творчества, языковым и этнографическим материалам. Однако эти источники, взятые в отдельности, не могут определить все многообразие проявления мудрости тюрко-татар. Так, археологические памятники сами по себе лишь отдельные застывшие элементы этой культуры. Ключом к разгадке являются этнографические, языковые материалы. Но данные современного фольклора, этнографии, языка, отдельно взятые, не могут служить непосредственным материалом для изучения духовной жизни населения, отдаленного от нас столетиями. В них запечатлены особенности разных времен. Задача состоит в том, чтобы выявить древние пласты этих памятников, найти их исторические корни. Это возможно сделать лишь при сопоставлении фольклорных и лингвистических данных с археологическими материалами.

Мудрость и история

Древние тюрки возводили в культ свое прошлое, историю и стремились остаться верными идеалам мудрых предков. Яркий

пример идеализации прошлого народа сохранился в орхон-енисейских рунических письменах. О праотцах — каганах Бумыне и Истеми — говорится сразу же после упоминания о сотворении мира. По глубокому убеждению тюрков, чем древнее описываемые события и предки — их участники, тем более они мудры и легендарны. При Бумын и Истеми совершались славные дела. Они самые первые древние каганы тюрков, значит, и самые могущественные, мудрые, приведшие тюрков к славным победам герои. Они близки к мифическим «культурным героям». Первые каганы образовали для тюрков государство, создали законы их бытия. Современное поколение правителей призывали брать пример с них. Над погребениями таких предков сооружались величественные храмы. Среди них особо выделяются надгробные сооружения, поставленные на берегу реки Орхона в честь хана и военачальника тюрков Кюль-тегина (памятник Хушо-Цайдам II) (732) и кагана Могиляна (Бильге) (734) (памятник Хушо-Цайдам I). Кроме них, выделяется памятник близ Улан-Батора (Цаган-Обо I), поставленный в 720 годах в честь «мудрого Тонйукука» — военачальника, советника Ильтереса (692), каганов Капагана (716) и Могиляна, соправителя (в скобках годы смерти) (Войтов, 1996, с. 31, 32; Гумилев, 1993, с. 328–329). Эти памятники посвящены мудрым предкам.

Культ истории, предков прослеживается и особым положением в тюрко-татарских обществах пожилых людей, накопившие жизненный опыт и мудрость. Например, Ахмед ибн Фадлан так пишет об обычае в Волжской Булгарии: «...если у сына (какого-либо) человека родится ребенок, то его берет (к себе) его дед прежде его отца, говорит: «я имею больше прав, чем его отец, на его воспитание, пока он не сделается (взрослым) мужем» (Ковалевский, 1956, с. 137). Этот древний обычай распространен у многих народов. Мальчик находился до совершеннолетия у деда и там приобретал навыки, мудрость жизни.

В Казанском ханстве, как и в других татарских позднезолотоордынских государствах, так же, как и древних булгарах, дети ханов, высших чиновников воспитывались умудренными жизненным опытом старцами, которые были окружены почетом и большим уважением. Их величали «молочными отцами (сөт аталары), аталыками». Это явление называлось аталычеством. Даже один из ворот Казанского Кремля назывался Аталыкским. Например, как пишет Шериф Тархани в одной

из ворот Кремля стоял со своим войском «Барболсун Аталык, который, словно со знаменем Дара, и такой же ловкий, как Искандер, образец Рустема и похожий на Бахрама» (Шерефи, 1995, с. 90).

Но, с другой стороны, правитель преклонного возраста, когда он уже ослаб телом, душой и разумом был крайне нежелателен для управления государством, особенно для кочевого общества тюрко-татар. Ослабление ума правителя могло привести к различным бедствиям для народа и государства. Посадив его на коня, «стягивали шелковой тканью горло и, быстро ослабив петлю, спрашивали, сколько лет он желает быть ханом» (Гумилев, 1993, с. 40). Этот древний ритуал продолжал существовать и в Хазарии — наследнице Тюркского каганата. Ибн Фадлан пишет об ограничении правления хазарского кагана сороколетнем сроком (Ковалевский, 1956, с. 147).

Мудрость и власть, святость

Мудрость исходит из самого Тенгре, она божий дар. Тенгре дарит каганам разум, только после этого их ставит править над тюркским народом. Для правления «сынами человеческими» ставятся каганы Бумын и Истеми (Малов, 1951, с. 36).

Таким образом, мудрость считалась неотъемлемой чертой каганов. Эпитет «мудрый» даже становится одним из имен, возможно даже одним из титулов каганов и их советников. Среди них Билге (Мудрый) каган и его советник Тонйукук. Они всегда подчеркивали свою мудрость (например, в древних надписях часто видим выражение «Я мудрый Тонйукук»). Понятие мудрости в древнетюркском обществе было шире, чем по нашим представлениям. Оно имело и самое реальное практическое значение в жизни тюркского общества. Например, Тонйукук был не просто «мудрым», но и талантливым полководцем. Мудрость резко отличался от формального «мудрствования».

Однако не любая грамотность, чужой опыт, мудрость была приняты тюрко-татарскими обществами. Особенно проблемными были отношения хуннов/гуннов, древних тюрков с соседним Китаем. «Прелестная сладкой речью и роскошными драгоценностями, они столь сильно привлекали к себе далеко жившие народы. Т.е., поселяясь вплотную, затем усвоили себе там дурное мудрование», говорится в древнетюркских рунах (Малов, 1951, с. 34).

В этом есть своя причина. Краеугольным камнем официальной идеологии Великого

Тюркского каганата было беречь государство и тюркский народ (турк будун) как зеницу ока, причем сохранить этот народ не каким угодно, а именно тюркским, не смешанным с другими народами, культурами. С этой точки зрения именно многочисленный китайский народ и его древнейшая всемирного значения культура, глубокие философские учения представляли серьезную угрозу. Тюрки понимали, что это вполне реально, быть поглощенными китайцами и раствориться в их среде и в их «дурном мудрствовании», чужом для древнетюркского общества. Один из основных идеологических принципов историка, кагана Восточно-Тюркского каганата Йоллыг тегина Ижань хана (734–739) был: «Держись от Китая подальше. Не отходи от Китая слишком далеко» (Гумилев, 1993, с. 337).

С образованием централизованного государства и принятием ислама ореол святости, мудрости перешел к царям, их приближенным, религиозным служителям, военачальникам.

Сосредоточение в одном лице политической и духовной власти не ново в истории древних тюрков и хазаро-болгар. По представлению древних тюрков, власть ханам была дарована самим верховным божеством — Тенгре. Таким был хазарский каган (где каган представлял небесную власть), главными жрецами были и ханы Первого Болгарского царства на Дунае. Стало быть, основная идея все та же: властью наделяются с небес по воле всевышнего, поэтому сопротивление этому большой грех, святотатство. Здесь очень тонкая официальная идеология. Сами правители также стремятся быть похожими на небожителей. Так, царь Алмыш, показывая свое величие и святость, заявляет, что верховная власть ему была дарована Аллахом (Ковалевский, 1956, с. 139).

Мудрость и просвещение

Достичь мудрости возможно было не только естественным путем, божественным предопределением, но и приобретением грамотности, образования, просвещения. Своего рода высшей ступенью образования считалось получение знаний в соседнем Китае. Учились в Китае Йоллыг тегин и командующий войском, советник ханов мудрый Тонйукук. Тонйукук (по-тюркски Таңюкук или Төнюкук) — самый древний, известный нам мудрец тюрков, государственный советник каганов Ильтереса, Богю, Бильге, Капаган, военачальник. Мудрый Тонйукук был не только мудрым, но, получив образование в Табгаче (Китае), стал ученым по различным отраслям

науки. Например, хорошо знал географические особенности Табгача, изучал по карте, документальным источникам места водных, горных переправ и т.д. (Кляшторный, 1964, с. 28).

Таким образом, свое славное имя Тонйукук заслужил после получения образования, воспитания в Китае, когда «созрел» («стал мудрым») и занимал высокие должности в государстве тюрков.

Такое обучение представителей кочевников (для китайцев — «варваров») сильно озаботило китайских идеологов, так как кочевники при военных столкновениях смогли использовать эти знания в своих целях. Со своей стороны, и древнетюркское общество сближение с Китаем восприняло неоднозначно: в древнетюркских рунических надписях осуждается то, что тюрки восприняли и некоторые плохие, дурные привычки китайцев, например, употребление алкоголя.

Грамотность, знания были в большом почете в тюркской элите. Она считала образованность своим высоким достоинством. В этом отношении из турфанских (древнеуйгурских) текстов привлекает внимание следующая песня:

«Билиг билиң, йа бәгим!

Билиг сәнга эш булур,

билиг билгән ол әркә

бир күн тавлат туш болур.

(Узнай знание, о, бек мой!

Знание тебе к лицу;

тому мужчине со знанием

однажды наступит счастье) (Татар педагогик фикере антологиясе, 2014, с. 31).

И в других рукописях, найденных в пещере Дуньхуан, есть великолепные мысли. Например, одна из них так звучит: «Туймаг билиг тутунучсуз йарук йула тег (знание, постижение, познание — как неугасаемый, светлый факел) (Татар педагогик фикере антологиясе, 2014, с. 32).

Образованность, стремление к образованию было объявлено святой обязанностью каждого мусульманина.

В известном прозаическом произведении «Нахдж ал-Фарадис», созданном в 1358 году болгарским автором Махмудом бине Гали шейх ас-Сараи ал-Булгари, проводится мысль о том, что ученья, знания в своей основе восходят к Аллаху. Вот как отвечает ученый казый (судья) на вопрос Хатама Асама в рассказе «Хатам Асам»: «Знания (мудрость) исходят из Вселенной. Вселенная получила их от тех, кто знал и видел тех, кто знал и видел пророка Мухаммада, а пророк Мухаммад полу-

чил знания от Жабраила, а Жабраил получил эти знания от самого Всевышнего (Мэхмүд эл-Болгари, 2002, с. 33-234).

Во времена М. Кашгари, вообще, знание считалось символом счастья («Кут белгүси билиг») (Кошгари, 1960–1963; Мэхмүтов, 2002, с. 103).

Могущественный хан Крыма Минлегирей (1415–1515) во время открытия медресе Зынжырлы произнес такие мудрые слова: «Разум делает человека существом благородным, а путь к совершенствованию разума лежит через науку. Кто не уважает науку, будь он хан или падишах, не сможет создать ничего основательного, ничего, рассчитанного на будущее, и рано или поздно постигает его бесчестье» (Червонная, 1995, с. 127).

Мудрые изречения

Неисчерпаемый заряд народной мудрости содержит произведения устного народного творчества. К афористическим жанрам фольклора относятся пословицы и поговорки, служившие для сохранения и передачи новым поколениям трудового и житейского опыта. Не случайно тюрко-татары еще называли их «борынгылардан калган сүз» (слово, оставшееся от древних), «ата-бабалар сүзе» («слово отцов и дедов или предков»).

Пословицы служили своего рода моральным кодексом, были неписанным законом, отражали нормы взаимоотношения людей, эстетические идеалы народа. При несовершенстве официальных законов, слабом проникновении их в сознание широких народных масс (что, судя по записям Ибн Фадлана, еще было характерно для болгарского общества в начале X в.) пословицы играли огромную роль в обществе и были в большом почете. Не зря народная пословица гласила: «Картлар сүзен ишеткэндә, бүркеңне куеныңа куй» («Когда слушаешь слово дедов, возьми шапку под мышку») (Татар халык мәкальләре, 1967, с. 563). Эта пословица, очевидно, бытовала еще у болгар, ибо в ней отражается болгарский обычай держать шапку под мышкой при встрече с почитаемыми, мудрыми людьми (Ибн Фадлан пишет о таком почитании болгар своего царя).

Пословицы и поговорки также являлись украшением разговорного языка, подтверждали и усиливали высказываемую мысль. Немало народных пословиц вошло в литературу, о чем свидетельствуют произведения средневековых тюрко-татарских поэтов и писателей.

Закрепление межгосударственных отношений клятвой или мудрым изречением идет с хуннских времен. Например, в соглашении между государством Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) и Домом Хунну имеется примечание: «Небо будет наказывать сторону, нарушившую соглашение, в течение нескольких поколений» (Бичурин, 1950, с. 92).

Булгарские пословицы использовались и в языке дипломатии. Так, например, в 985 г. был заключен мирный договор между Владимиром и булгарами. «И сотвори мир Володимир со болгары, и роте заходиша межю собое. И реща болгаре: «Толи не будет межю нами мира, елико камень начнет плавати, а хмель почнет тонуть» (Полное собрание русских летописей, с. 84). Здесь мудрое изречение стало своего рода «печатью», закрепляющее заключенный между государствами договор. Эта пословица существовала и у татар и также использовалась для подкрепления твердости своего слова и дела: «Кайчан кем колмак суга батар, таш суга калкыр, бу вәгъдә шунда бозылыр» («Когда камень всплывет на поверхность, а хмель станет тонуть, лишь тогда будет нарушено это соглашение») (Татар халык мәкальләре, 1967, с. 780).

Традиция подтверждать договор мудрыми изречениями и клятвами существовала и в Казанском ханстве. На дошедших до нас древнерусских миниатюрах есть сюжеты с изображением сцены клятвы татарских послов в Москве (Арциховский, 1944, с. 129). На них отчетливо видны три атрибута: две или три пары сабель, кубки с каким-то напитком и кусок дерна. Возможно, эти предметы были общими для всех татар, потому что на миниатюрах, изображающих послов из Крыма, видны те же атрибуты. Как бы там ни было, использование именно этих предметов во время заключения клятвенного договора знакомо тюркским народам еще со времен хуннов. Археограф М. Ахметзянов отмечает в своих работах, что выражение «жир кэсе» (дерн) до сих пор сохраняется в татарских поверьях и приметах (Әхмәтҗанов, 1992, с. 72–73). Давая клятву землей, говорят: «жир йотсын» (пусть земля проглотит), «жир упсын» (пусть земля разверзнется). Отправляясь в дальний путь, берут с собой горсть родной земли, чтобы вернуться живым и здоровым. Дерн на древних русских миниатюрах, видимо, тоже был привезен послами с родины. Следовательно, эта очень серьезная клятва — клятва самым святым: родной землей, и это — основная часть клятвы.

Почитание оружия, клятва оружием — также широко распространенное явление с древних времен. Особенно это касается сабель. В древне-норвежских источниках сохранилась поговорка: «Пусть она войдет голубой, а выйдет красной». Так говорили, принося клятву на саблях. Махмуд Кашгари так толкует в своем словаре (1072–74-е гг.) смысл этой поговорки: «Когда киргизу, ябаку, кипчаку или любому человеку дают выпить клятвенный напиток, перед ним лицевой стороной кладут саблю и говорят: пусть она войдет голубой, а выйдет красной, то есть обогрессенной кровью. Если нарушено обещание, то пусть металл тебе отомстит, убьет, покарает тебя» (Кошгари, 1960, с. 342).

Загадки по своему первоначальному назначению и общественной роли примыкают к заклинаниям и табу. В условиях перехода к классовому обществу генетическая роль загадок как средства воздействия на различные явления, предотвращения болезней и т. д., постепенно отошла на второй план, и в них начали усиливаться познавательная и эстетическая функции, роль мудрого изречения.

Загадки становятся формой соревнования в мудрости, находчивости. В прошлом у поволжских татар, как и у их соседей, например, удмуртов, мари, проводились специальные вечера, на которых загадывались и отгадывались загадки. У татар такие вечера проводились в месяце науруз, т.е. в начале года (Татар халык табышмаклары, 1970, с. 32–33). Своеобразные словесные баталии практиковались на царских, ханских приемах, дипломатических встречах, где они становились испытанием мудрости, находчивости и нередко влияли на исход переговоров. Сохранились татарские легенды о болгарских царевнах, которые выбирали себе в женихи того, кто сможет отгадать трудную загадку. Среди них интересна сказка-загадка «Сарвиназ», написанная Н. Исанбетом на основе фольклорных источников, и в которой говорится о том, что в Булгаре был объявлен День загадки. Сын хазарского кагана Караногай победил в этом состязании и стал мужем дочери болгарского хана Таймаса (Татар халык табышмаклары, 1970, с. 29, 33, 439–444).

Символы мудрости

Среди археологических материалов особый интерес представляют предметы с различными изображениями. Раскрытие семантики последних возможно лишь при сопоставлении их с данными фольклора, мифов, литературных образов, материалов языка.

К числу таких предметов следует отнести костяную накладку из билярской коллекции,

Рис. 1. Пластина на запястье. Кость. XI–XIII вв. Билярское городище и его окрестности. Коллекция А.Ф. Лихачева. Инвентарь № 5427. Национальный музей Республика Татарстан

Fig. 1. The plate on the wrist. Bone. XI–XIII centuries. Bilyar fortified settlement and its surroundings. Collection of A. F. Likhachev. Inventory number 5427. National Museum of the Republic of Tatarstan

служившую для защиты большого пальца (Медведев, 1966, с. 25) от удара тетивы при стрельбе из лука. Вырезанный из полой кости этот предмет имеет форму желоба с закругленными углами. По краям поверхность накладки окружена своеобразным растительным орнаментом. Размеры накладки 10×5 см, две трети ее плоскости занимает рисунок-изображение филина на голове фантастического зверя (рис. 1). Причем, эта фантастическая голова с ушами, огромными глазами, большим носом составлена из профильного изображения сидящих друг против друга птиц. Между ними три круга или шара. Судя по загнутым клювам и острым когтям, это орлы. Без труда можно различить их оперение, глаза, крылья, хвост. Таким образом, при детальном рассмотрении выясняется, что перед нами изображение филина, сидящего на двух орлах.

Вполне вероятно, что описанный рисунок отражает верования населения Волжской Булгарии домонгольского периода, так как предмет обнаружен в Билярском горо-

дище, существование которого относится к X–XIII вв. (Халиков, 1973, с. 198–200).

Итак, что можно сказать об этом изображении – о комбинации филина с двумя орлами?

Этимологический анализ тюркских названий филина и совы приводит к аналогичному выводу. Есть мнение, что филин — *jabaqulaq* состоит из следующих семантических частей: *jar* — строящий, исполняющий; *qu* — великий строитель, творец, повелитель; *laq* — словообразовательный суффикс. Таким образом, тюркское название означает «повелитель», «творец» (Сейидов, 1970, с. 112–114).

По нашему мнению, имя (титул) советника древнетюркских каганов Тонйукука означает «Ночной филин» («Топ — ночь; *juquq* — филин в древнетюркском языке) (Гумилев, 1993, с. 82). Филин, как в древнегреческой мифологии, у тюрков, позже и у волжских болгар и татар был символом мудрости (Давлетшин, 2004, с. 68).

В татарских народных сказках, народных шутках филин изображается как символ мудрости. Например, в народной сказке «Сын охотника» герой три раза пытается застрелить сову, но филин каждый раз умными речами останавливает его. Филин помогает отыскать таинственный сундук, дает дельные советы, как обычно поступают в татарских сказках мудрые старики и старухи (Татар халык әкиятләре, 1958, с. 82–89).

Отзвук этого мифа мы слышим и в народных шутках. В шутке «Как Ходжа мстил одному баю» говорится о том, как Ходжа проучил одного бая, продав ему филина, который умел произносить одно лишь слово «знаю» (Иркен минем туган илем, 1970, с. 47). И то, что Ходжа Насреддин научил филина произносить именно слово «знаю», указывает на связь данной шутки с древним мифом о мудрости филина.

Широкая распространенность этого мифа среди татарского народа послужила затем причиной того, что филин, как символ мудрости, был часто предоставлен в произведениях средневековой татарской литературы. Так, в стихах поэта Маулэ Кулуй встречаются такие строки о сове (филина) (даются в подстрочном переводе):

Перебирает четки

Слушает дела Судного дня,

Сердце ее в крови (Борынгы татар әдәбияты, 1963, с. 507).

Как известно, мифы не рождаются из ничего. Еще Аристотель назвал мифы лживыми рассказами, сообщающими истину. В появлении исследуемого мифа, возможно, немалую роль сыграв

ли особенные черты этой птицы. Одна из таких черт – крик птицы, похожий на плач человека. В выше приведенных строках из произведений М. Кулуй говорится именно об этой отличительной черте. Филин не зря «плачет», его плач связан с делами Судного дня.

Филин, как символ мудрости, изображается в мифах, сказках и других народных. Изучение их дополняет сюжеты, бытующие у татарского народа, и дает возможность ярче раскрыть смысл данного рисунка.

Например, в казахской сказке «Как байгыз стал птичим бием» (в татарском языке байгыш – другое название совы-филина) рассказывается о том, как филин благодаря своей мудрости, стал царем всех птиц (Казахские сказки, 1964, с. 236–239). В чувашской сказке «Что натворил воробей» говорится о большой птице, похожей на сову, которая выступает в роли судьбы (Чувашские сказки, 1971, с. 70–72).

Филина в казахском, татарском и в других тюркских языках называют байгыз/ байгыш/ байгош, означающий как престижная, главная птица (бай кош).

Из-за отсутствия достаточных сведений мы не можем ничего сказать о первоначальном происхождении мифа о филине/сове у того или иного народа, но рассмотренные сюжеты подтверждают ту мысль, что филин, благодаря своей мудрости, является царем всех птиц.

Еще раз обратимся к рисунку на костяной накладке. Филин сидит на двух орлах, которые в мифологии многих народов являются символом силы и могущества. Такое расположение фигур на рисунке дает возможность сказать, что с точки зрения народа мудрость выше даже силы, могущества – орлы склоняются перед мудростью совы, возносят ее как своего царя (бая).

Если ряд животных были связаны с древними тотемистическими традициями, то некоторые представители фауны Среднего Поволжья, Приуралья выступали в роли покровителей определенного промысла, занятий. В этом отношении интересны изображения совы и филина. На бронзовой пломбе из Биляра над изображениями птиц расположен филин (рис. 2). Другое изображение — на костяной накладке, предназначенной для защиты большого пальца от удара тетивы — в основном повторяет первый сюжет: филина своими телами поддерживают две хищные птицы, а ниже хвоста филина — отсеченная голова животного (рис. 1). Последняя деталь (пораженное животное) и изображение фили-

Рис. 2. Бронзовая пломба с изображением филина
Fig. 2. Bronze seal with the image of an owl

на на детали лука — главного оружия болгарского охотника, возможно, говорит о филине как о покровителе охотников. Кроме того, важно и расположение филина: он сидит на двух птицах. Две хищные птицы возносят его вверх как своего царя. Действительно, в мифологии и фольклоре филин и сова обычно предстают царями лесных птиц (Татар халык ижаты: Экиятләр, 1978, с. 108). Судя по фольклорным материалам, царского (престижного) сана он удостоен благодаря своей мудрости. Вспомним древнегреческую богиню войны и победы, а также мудрости, знаний, искусств и ремесел Афины Палладу. Нередко она изображается с совиными глазами или же рядом с ней находится филин (Мифологический словарь, 1991, с. 72).

Стилизованные изображения совы/филина в дальнейшем встречаются в татарском изобразительном искусстве, в частности в

орнаментах. По утверждению искусствоведа Ф. Х. Валеева, изображение совы является одним из наиболее распространенных образов в народном искусстве (Валеев, 1969, с. 95).

Итак, миф о филине/сове, как символа мудрости, царя вех птиц, встречаемый в татарском фольклоре, унаследованный с древнетюркского времени, существовал у населения Волжской Булгарии домонгольского времени. Широкое распространение этого образа в современном татарском фольклоре, изобразительном искусстве говорит о тесной связи духовной культуры татарского народа с культурой населения Волжской Булгарии домонгольского периода, уходящая истоками в гуннский и древнетюркские времена.

Тема «Мудрость в представлениях тюрко-татар» никем еще специально не изучена. В связи с духовной культурой предков татарского народа некоторые ее историко-культурологические аспекты затронуты Г.М. Давлетшиным (Давлетшин, 2004), а в искусствоведческом плане Ф.Х. Валеевым (Валеев, 1969; Валеев, 1975), Д.К. Валеевой (Валеева, 1983; Валеева, 2003).

Однако данная тема в связи обществом, духовным миром тюрко-татар еще комплексно не исследована. Данная статья служит некоторым пополнением этого пробела.

Таким образом, проведенное исследование на основе комплекса источников показывает, что понятие мудрости для тюрко-татар было многоаспектным, мудрость достигалась различными путями (божественный дар, возраст, высокое социальное положение, степень образованности, просвещенности и т.д.). Она имела длительную традицию в духовной жизни тюрко-татар. Мудрость стала синонимом религиозности, просвещенности, грамотности.

Примечание:

¹ В данной статье предков татарского народа мы условно называем тюрко-татарами. Термин “тюрко-татары”, как обобщенное название всех тюркских народов, вошел в обиход еще в XIX – начале XX вв. Мы под этим термином условно подразумеваем население обширной территории в период от древнетюркского времени до формирования поволжских (казанских) татар.

ЛИТЕРАТУРА

- Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: МГУ, 1944. 213 с.
 Эхмәтҗанов М.И. Нәрсә ул “жир кәсе”? (Что такое «жир кәсе»?) // Татарстан. 1992. № 7–8. Б. 72–73.
 Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л.: АН СССР, 1950. 328 с.
 Борынгы татар әдәбияты (Древняя татарская литература). Казан: Таткитнәшр, 1963. 580 с.
 Валеев Ф.Х. Орнамент казанских татар. Казань: Таткнигоиздат, 1969. 205 с.
 Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство народов Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1975. 214 с.

Валева Д. Искусство волжских болгар периода Золотой Орды (XIII–XV вв.). Казань: Фикер, 2003. 240 с.

Валева Д.К. Искусство волжских болгар. Казань: Таткнигоиздат, 1983. 132 с.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 152 с.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Товарищество «Клышников, Комаров и К°», 1993. 526 с.

Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). Казань: Татарское книжное издательство, 2004. 430 с.

Казахские сказки / Сост. и ред. В.М. Сидельников. Алма-Ата: Казах. гос. изд-во художественной литературы, 1964. 430 с.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука. 1964. 215 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 г. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1956. 347 с.

Кошгари М. Девону лугатит турк (Сборник тюркских наречий): В 3-х т. Ташкент: Фан, 1960. Т. 1.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.: Изд-во АН СССР. 1951. 452 с.

Мәхмүд әл-Болгари. Нәһжел-фәрадис (Открытый путь к раю) / Әсәрне басмага әзерләүче, кереш мәкалә авторы Фәнүзә Нуриева. Казан: Таткитнәшр, 2002. 384 б.

Мәхмүтов Х.Ш. Борынгылар әйткән сүзләр (VIII–XVII йөз төрки-татар ядкярләрендә афоризмнар) (Слова, сказанные древними (тюрко-татарские афоризмы VIII–XVII вв.). Казан: Фикер. 2002. 255 б.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. 184 с.

Мифологический словарь / Гл. редактор Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1991. 736 с.

Нинди иркен минем туган илем (Широка моя Родина). Казань, 1970.

Сейидов М.А. Заметки о гуннской мифологии. (VII в.) // Советская тюркология. 1970. № 2. С. 107–116.

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Вост. лит-ра, 1962. 580 с.

Татар педагогик фикере антологиясе: ике томда / 1 т. (борынгы төрки чор – XX гасыр башы. (Антология татарской педагогической мысли в двух томах. Том 1. (древний тюркский период – начало XX века) / Ф. М. Солтанов (баш мөх.) / Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. 408 б.

Татар халык әкиятләре. Беренче китап (тулыландырылган икенче басмасы) (Татарские народные сказки. Первая книга (дополненное второе издание). Казан, 1958.

Татар халык ижаты: Әкиятләр. Томнарны төзүчеләр, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә әзерләүчеләр Гатина Х.Х., Ярми Х.Х.: 3 томда (Татарское народное творчество: Сказки / Составители, подготовители ввводной статьи и комментариев Гатина Х.Х., Ярми Х.Х. / В 3-х тт. Казан: Таткитнәшр., 1978. 2 т. 447 б.

Татар халык мәкальләре. (Татарские народные пословицы) / Кереш сүз һәм аңлатмалар белән жыючысы һәм төзүчесе Н.Исанбәт (Соб. и сост. с ввводным словом и пояснениями Н. Исанбет). Казан: Таткитнәшр, 1970. 568 б.

Татар халык табышмаклары. (Татарские народные загадки) / Кереш мәкалә һәм аңлатмалар белән жыючысы һәм төзүчесе Н.Исанбәт (Соб. и сост. с ввводным словом и пояснениями Н. Исанбет). Казан: Таткитнәшр, 1970. 568 б.

Халиков А.Х. О столице домонгольской Булгарии // СА. 1973. № 3. С. 82–99.

Червонная С.М. Искусство татарского Крыма. М.: Российская академия Художеств, 1995. 352 с.

Чувашские сказки / Перевод и сост. С. Г. Григорьева; Предисл. В. Б. Микушевича; Ил.: М. Карпенко. М.: Худож. лит. 1971. 222 с.

Шерефи Х. Зафер наме-и Вилайет-и Казан. Публикация А.Мелек Узйетгин. Предисловие и перевод с турецкого на русский язык Ф.С. Хакимянова. // Гасырлар авазы=Эхо веков. 1995. Май. С. 83–92.

Информация об авторе:

Давлетшин Гамирзан Миргазьянович, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (г. Казань, Россия); g.davletshah@mail.ru

REFERENCES

- Artsikhovskii, A. V. 1944. *Drevnerusskie miniatiury kak istoricheskii istochnik (Old Russian Miniatures as a Historical Source)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Akhmatzhanov, M. I. 1992. In *Tatarstan*. (7–8), 72–73 (in Tatar).
- Bichurin, N. Ya. [Iakin]. 1950. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena (Collection of Information about the Peoples who Populated Central Asia in Antiquity)* I. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
1963. *Boryngy Tatars adabiyaty (Ancient Tatar Literature)*. Kazan: “Tatkitnashr” Publ. (in Tatar).
- Valeev, F. Kh. 1969. *Ornament kazanskikh tatar (Ornament of Kazan Tatars)*. Kazan: “Tatknigoizdat” Publ. (in Russian).
- Valeev, F. Kh. 1975. *Drevnee i srednevekovoe iskusstvo narodov Srednego Povolzh'ia (Ancient and Medieval Art of the Peoples of the Middle Volga Region)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
- Valeeva, D. 2003. *Iskusstvo volzhskikh bulgar perioda Zolotoi Ordy (XIII–XV vv.) (Art of the Volga Bulgars of the Golden Horde Period (13th–15th cc.))*. Kazan: “Fiker” Publ. (in Russian).
- Valeeva, D. K. 1983. *Iskusstvo volzhskikh bulgar (Art of the Volga Bulgars)*. Kazan: “Tatknigoizdat” Publ. (in Russian).
- Voitov, V. E. 1996. *Drevnetiurkskii panteon i model' mirozdaniia v kul'tovopominal'nykh pamiatnikakh Mongolii VI–VIII vv. (Antient Turkic Panteon and Model of the Universe in Cult and Memorial Monuments of Mongolia of the 6th – 8th Centuries)*. Moscow: The State Museum of Oriental Art (in Russian).
- Gumilev, L. N. 1993. *Drevnie Turki (Ancient Turks)*. Moscow: Tovarishestvo “Klyshnikov, Komarov and Co.” Publ. (in Russian).
- Davletshin, G. M. 2004. *Ocherki po istorii duhovnoi kul'tury predkov tatarskogo naroda (istoki, stanovlenie i razvitie) (Essays on the History of the Spiritual Culture of the Ancestors of the Tatar People (Origins, Formation and Development))*. Kazan: Tatar Book Publishing House (in Russian).
- Sidelnikov, V. M. (ed.). 1964. *Kazakhskie skazki (Kazakh Fairy Tales)* Alma-Ata: Kazakh State Publishing House of fiction (in Russian).
- Klyashtorny, S. G. 1964. *Drevnetiurkskie runicheskie pamiatniki kak istochnik po istorii Srednei Azii (Ancient Turkic Runic Monuments as a Source of Information on the History of Central Asia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Kovalevskii, A. P. 1956. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. (Ibn-Fadlan's Book on His Journey to the Volga in 921–922)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).
- Koshgari, M. 1960. *Devon lugatit turk (Collection of Turkic Dialects)* 1. Tashkent: “Fan” Publ. (in Uzbek).
- Malov, S. E. 1951. *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti: teksty i issledovaniia (Monuments of Ancient Turkic Writing: Texts and Studies)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Mahmud al-Bulgarian. 2002. *Nahel-faradis (An Open Path to Paradise)*. Kazan: “Tatkitnashr” Publ. (in Tatar).
- Makhmutov, Kh. Sh. 2002. *Boryngylar aytkan suzlar (VIII–XVII yoz torki-Tatar yadkarlarend aphorismnar) (Words Spoken by the Ancients (Turkic-Tatar Aphorisms of the 8th–17th cc.))*. Kazan: “Fiker” Publ. (in Tatar).
- Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th–14th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Meletinsky, E. M. (chief-editor). 1991. *Mifologicheskii slovar' (Mythological dictionary)*. Moscow: “Sovetskaia entsiklopediia” Publ. (in Russian).
1970. *Nindi irken minem tugan ilem (My Homeland is Wide)*. Kazan (in Tatar).
- Seyidov, M. A. 1970. In *Sovetskaia arkheologiya (Soviet Turkology)* (2), 107–116 (in Russian).
- Lavrent'evskaia letopis' i Suzdal'skaia letopis' po Akademicheskomu spisku (Laurentian Chronicle and Suzdal Chronicle according to the Academic Code)*. 1962. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) I. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ. (in Russian).
- Sultanov, F. M. (chief-ed.). 2004. *Tatar pedagogik fikere anthologiyase. I. Boryngy torki chor-XX gasyr bashy. (Anthology of Tatar Pedagogical Thought. I. The Ancient Turkic Period - the Beginning of the Twentieth Century)*. Kazan: “Tatar. kit. nashr.” Publ. (in Tatar).
1958. *Tatar khalyk akiyatlar. Berenche kitap (tulylandyrylgan ikenche basmasy) (Tatar folk tales. The first book (expanded second edition))*. Kazan. (in Tatar).

Gatina, Kh. Kh., Yarmi, Kh.(eds.). 1978. *Tatar khalyk and Tatars: Akiyatlar (Tatar Folk Art.: Fairy Tales)*. 2. Kazan: "Tatkitnashr" Publ. (in Tatar).

Isanbet, N. (ed.). 1970. *Tatar khalyk makallare (Tatar Folk Proverbs)* 3. Kazan: "Tatkitnashr" Publ. (in Tatar).

Isanbet, N. (ed.). 1970. *Tatars khalyk tabyshmaklary. (Tatar Folk Riddles)*. Kazan: "Tatkitnashr" Publ. (in Tatar).

Khalikov, A. Kh. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 82–99 (in Russian).

Chervonnaya, S. M. 1995. *Iskusstvo tatarskogo Kryma (The Art of the Tatar Crimea)*. Moscow: Russian Academy of Arts (in Russian).

Grigoriev, S. G. (ed.). 1971. In *Chuvashskie skazki (Chuvash Fairy Tales)*. Moscow: "Khudozhestvennaia literature" Publ. (in Russian).

Shrefi, Kh. 1995. In *Ekho vekov = Gasırlar avazı (Echo of Centuries)* May, 83–92. (in Russian).

About the Author:

Davletshin Gamirzan M. Doctor of Historical Sciences, Professor. Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Tatarstan Academy of Sciences, Karm Marx Str., 12, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; g.davletshah@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

**Степная Евразия и сопредельные территории:
кросс-культурное взаимодействие в эпоху средневековья**

УДК 903.2:391(470.51)(045)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.124.147>

**К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И ХРОНОЛОГИИ БУС
ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА I–V ВВ. НА СРЕДНЕЙ КАМЕ**

© 2021 г. Е.В. Голдина, Р.Д. Голдина

В статье представлены результаты изучения бус Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме, исследованного в 1980–1997 гг. экспедицией Удмуртского государственного университета под руководством Р.Д. Голдиной. На памятнике раскопано 1880 могил, из них 644 могилы (34,3%) содержали находки бус. Коллекция бус проанализирована Е.В. Голдиной по морфологическим признакам, в результате выделено 13 групп, 35 подгрупп, 175 типов, составлен их каталог. На основании типологического деления бус и выявленным аналогиям бусам и сопровождающему погребальному инвентарю авторами выделено 17 хронологических групп погребений могильника.

Ключевые слова: археология, Среднее Прикамье, Тарасовский могильник, первая половина I тыс. н.э., бусы, датировка и хронология.

**ON DATING AND CHRONOLOGY OF BEADS FROM 1ST–5TH CENTURY
TARASOVO BURIAL GROUND ON MIDDLE KAMA**

E.V. Goldina, R.D. Goldina

The paper features the results of a study of beads from 1st–5th century Tarasovo burial ground on the Middle Kama, studied in 1980–1997 by the expedition of the Udmurt State University under the supervision of R.D. Goldina. The beads were found in 644 (34.3 %) out of 1,880 burials excavated at the site. A collection of 19,552 beads was analysed by E.V. Goldina in terms of their morphological features, and then classified into 13 groups, 35 subgroups, and 175 types, and compiled in a catalogue. Seventeen chronological groups of the burials were distinguished by the authors based on the typological division the beads and analogies revealed to the beads and accompanying burial artefacts.

Keywords: archaeology, Middle Kama region, Tarasovo burial ground, first half of the 1st Millennium AD, beads, dating and chronology.

Бусы – уникальный археологический материал прежде всего потому, что они красивы не только в представлениях современных людей, но в особенности древних – ведь рукотворной красоты вокруг было не так уж много. Кроме того, они обладают особыми свойствами как археологический источник. Поскольку собственное стеклоделие в лесной полосе Евразии возникло сравнительно поздно, то изделия из стекла и камней являются ярчайшим свидетельством импорта. Среди других привозных изделий: монет, стеклянной и металлической парадной посуды, тканей, воинского снаряжения, украшений и других престижных ценностей, представлявших редкие, уникальные находки в зоне лесов, бусы – массовый импорт, изучение которого дает надежду на решение множества важнейших проблем в археологии и прежде всего датировки и хронологии древностей.

Несмотря на длительную историю изучения памятников Нижнего и Среднего Прика-

мья рубежа эр и первой половины I тыс. н. э. (пьяноборская эпоха), бусы этого времени изучены недостаточно. Понимая, что глубокое исследование этого источника требует особых знаний и навыков, основная часть исследователей, исходя из собственных представлений об этих признаках, ограничивается лишь констатацией присутствия на памятниках бус определенной формы, цвета, размеров, материала.

Одна из первых попыток классификации бус пьяноборского времени была предпринята В.Ф. Генингом при анализе находок на могильнике Чеганда II, которые были разделены автором по материалу, форме, цвету, размерам, также были выявлены степень их встречаемости, распределение по хронологическим стадиям от III в. до н. э. до рубежа II/III вв. н. э. и обозначены их возможные аналогии (Генинг, 1970, с. 54–56).

В монографии Б.Б. Агеева (Агеев, 1992) проанализированы бусы трех могильников:

Камышлы-Тамакского, III Кушулевского и Юлдашевского, расположенных на территории Башкирии, разработана их типология, определены со ссылками на Е.М. Алексееву даты отдельных типов, которые были использованы для обоснования выделенных им хронологических этапов. Однако отсутствие указателя к рисункам бус, содержащего сведения о могильниках и погребениях, значительно обесценило эту работу. Претензии к её качеству высказаны и другими авторами (Красноперов, <http://www.academia.edu/3156851>; Левкова, Саттаров, 2017, с. 132).

Значительный интерес вызывают результаты исследования Т.И. Останиной бус могильников мазунинского типа (Останина, 1997). Ею изучены 21336 бусин из 13 некрополей: 20737 стеклянных, 40 хрустальных, 286 из раковин, у 273 материал не определен (Останина, 1997, табл. 19), разработана их типология (119 типов) в соответствии с технологией изготовления, материалом, цветом, прозрачностью, формой, орнаментацией, дана общая характеристика коллекции (в %), приведены сведения о распространенности отдельных типов (Останина, 1997, с. 55–57). Заслуживает всяческого одобрения попытка культурно-стратиграфического анализа при разработке хронологии бус и выделение 6 разновременных групп (Останина, 1997, с. 110–112, табл. 34). Остается только сожалеть о том, что в работе отсутствует предлагаемая типология, нет ссылок на конкретные изображения предметов (дана только примерная схема вариантов форм бус без ссылок в тексте), что делает выводы автора весьма уязвимыми.

Особо следует отметить уникальную работу, посвященную бусам одного из поселений пьяноборского времени – Тойгузинского II городища, погибшего в результате вражеского нападения и содержащего значительный бусинный материал (Бугров, 2007). Автором раскопок изучены 252 бусины, выделены 42 типа, 30 типам найдены аналогии в корпусе бус Северного Причерноморья Е.М. Алексеевой, благодаря которым и была определена точная дата гибели городища – I в. н. э. (Бугров, 2007, табл. 1, с. 451).

Заслуживает внимания и работа Р.Р. Саттарова, посвященная импортным предметам в пьяноборской культуре, в которой наряду с украшениями – фибулами, бляшками, застежками, зеркалами, уникальной посудой, предметами вооружения, исследованы и 7008 бусин из 22 могильников. Изделия поделены на 153 типа в соответствии с классификаци-

ей Е.М. Алексеевой, из которых были сформированы 2 хронологические группы: конец II–I вв. до н. э. и I–II вв. н. э. (Саттаров, 2019, с. 77–82). Особую ценность представляет приложение к работе, содержащее сведения о типах бус, погребениях и могильниках, где они обнаружены, с указанием количества предметов и ссылкой на изображения. Искренне жаль, что тарасовскую коллекцию автор изучал не по «живому» источнику (бусам), а по незавершенной научной работе – дипломному сочинению выпускницы Удмуртского университета 2001 г. Н.В. Кузьминых. Кстати, ссылка на её работу есть в приложении к его работе (с. 25), но в списке источников и литературы она отсутствует.

Серьезный анализ был предпринят А.А. Красноперовым коллекции бус могильника Ныргында I, раскопанного преимущественно Р.Д. Голдиной (Красноперов, <https://www.academia.edu/3156851>). Им изучены более 720 изделий, происходящих из 52 могил, определены материал, цвет, форма, ареал распространения, их датировка и хронология. Особое внимание автор уделил стеклянным бусам, сопоставив их с типами, выделенными для Северного Причерноморья Е.М. Алексеевой. С помощью главным образом типологии Е.М. Алексеевой А.А. Красноперовым были определены и даты отдельных погребений и могильника в целом.

Значительным событием в истории изучения бус региона является исследование Р.Р. Руслановой (Тамимдаровой), частично касающееся первой половины I тыс. н. э. (Русланова, 2018). Оно посвящено бусам могильников Южного Урала III–VIII вв., где автор постаралась охарактеризовать особенности этого источника и его роль в воссоздании исторических процессов раннего Средневековья в регионе. В работе представлено и видение автором хронологии бусинного материала с разделением на группы: III–IV вв., V – начало VI вв., вторая половина VI–VII вв. и конец VII–VIII вв.

Таким образом, за 50 прошедших лет в области бусиноведения Прикамья достигнуты определенные успехи. Накоплен не только огромный материал, но многими исследователями предприняты усилия по характеристике полученных как малых, так и больших коллекций, и привлечению их к датировке и хронологии древностей. Важно, что часть ученых получила возможность освоить азы древнего стеклоделия под руководством высококлассных специалистов (школа Ю.Л. Щаповой, ее

соратников и учеников) и, освоив современные методы изучения бус, успешно применять их на приуральском материале. Это сочетание – мощная источниковая база и новейшие методические подходы – и обусловило высокий уровень работ бусиноведов в Приуралье, в том числе и в области хронологии.

В последние десятилетия наиболее значительная коллекция бус получена при раскопках Тарасовского могильника – одного из крупнейших раскопанных финно-пермских могильников России. Он существовал на протяжении первой половины I тыс. н. э. и представляет собой один из самых ярких памятников тарасовского (чегандинского) варианта пьяноборской общности (Голдина, 2004, с. 301–307). Могильник расположен в 1 км к юго-востоку от с. Тарасово Сарапульского района Удмуртской Республики, на мысу высокой (20 м) коренной террасы правого берега р. Камы, образованном впадающим в нее ручьем. На протяжении 18 лет (1980–1997 гг.) его изучала Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского государственного университета под руководством Р.Д. Голдиной, в результате было раскопано 1880 могил (Голдина Р.Д., 2003; 2004), из них 644 (34,3%) с бусами (19532 бусины и 8 подвесок).

Исследование этой коллекции бус выполнено Е.В. Голдиной. Некоторое время (1996–2002 г.) в обработке этого источника принимала участие студентка УдГУ Н.В. Кузьминых (Голдина Е.В., Кузьминых, 2013).

Методической основой проведенного исследования является учение о системах, предложенное Ю.Л. Щаповой и разработанное под ее руководством в рамках семинара «Морфология древностей» на кафедре археологии МГУ (Щапова, 1989; Щапова, Лихтер, Столярова, 1990). По этой методике ранее были изучены бусы могильников неволинской культуры IV–IX вв. (Голдина Е.В., 2010, с. 24–26). Типология бус Тарасовского могильника и других синхронных памятников Среднего Прикамья является ее продолжением. Бусы разделены на группы, подгруппы, типы и подтипы. Критерием выделения групп среди стеклянных бус является технология их изготовления, для бус, изготовленных из других материалов, – вид материала. Номера групп обозначены римскими цифрами. Для выявления подгрупп учитывалось наличие или отсутствие декора и вид материала. Номера подгрупп обозначены прописными буквами русского алфавита. Типы учитывают форму,

цвет, прозрачность, вид декора (обозначены арабскими цифрами). Подтипы характеризуют цвет декора (обозначены строчными буквами русского алфавита). Описание каждого типа имеет кодовое обозначение размеров бус данного типа и их общее количество. Данная система основана на таблице корреляции диаметров и пропорций бус, позволяет характеризовать их размер одним знаком.

Коллекция бус неволинской культуры была разделена на 15 групп. Бусы 10 групп из них обнаружены на Тарасовском могильнике, но выявлены также новые группы, подгруппы, типы и подтипы. Появились 3 новые группы: VIII – бусы, изготовленные методом навивки (в ней выделено 3 подгруппы: А – без декора, Б – глазчатые, В – поперечные полосы и волны); XVI – бусы, изготовленные из кости (в ней выделена подгруппа А – без декора); XVII – бусы, изготовленные из фаянса (в ней выделена подгруппа А – без декора). Выделены 4 новых подгруппы: в I группе – Г (глазчатые), Д (диагонально-полосатые), в V – Ж (поперечные волны). Таким образом, выделены 3 новые группы, подгрупп – 8, типов – 112, подтипов – 49. Всего на Тарасовском могильнике зафиксировано 13 групп, 35 подгрупп, 175 типов. Типология бус Тарасовского могильника представляется в следующем виде.

Группа I. Бусы, изготовленные из тянутых трубочек.

Подгруппа А – одноцветные без декора.

Подгруппа Б – продольно-полосатые.

Подгруппа В – бусы с металлической прокладкой.

Подгруппа Г* – глазчатые.

Подгруппа Д* – диагонально-полосатые.

Группа II. Бусы, изготовленные из навивных трубочек.

Подгруппа А – одноцветные без декора.

Группа IV. Бусы, изготовленные из тянутой палочки.

Подгруппа А – одноцветные без декора.

Подгруппа Б – глазчатые.

Подгруппа В – продольно-полосатые.

Подгруппа Г – поперечно-полосатые.

Подгруппа Д – продольно-полосатые с плоскими глазками.

Подгруппа Е – пятнистые.

Подгруппа Ж – поперечные волны.

Глава V. Бусы, изготовленные из многослойной тянутой палочки.

Подгруппа Б – поперечно-полосатые с плоскими глазками.

Подгруппа В – поперечно-полосатые с «шахматным» рисунком.

Подгруппа Е – диагонально-полосатые.

Подгруппа З* – зигзагообразный декор.

Группа VI. Бусы, изготовленные путем сгибания полосы.

Подгруппа А – одноцветные без декора.

Подгруппа В – мозаичные.

Подгруппа Г – глазчатые.

Подгруппа Е – особые.

Подгруппа Ж* – поперечные волны.

Группа VIII*. Бусы, выполненные в технике навивки.

Подгруппа А* – одноцветные без декора.

Подгруппа Б* – глазчатые.

Подгруппа В* – поперечные полосы и волны.

Группа X. Бусы, изготовленные из смолистых веществ.

Подгруппа А – янтарные.

Группа XI. Каменные бусы.

Подгруппа А – сердоликовые.

Подгруппа Г – хрустальные.

Подгруппа Е – халцедоновые.

Группа XII. Бусы, изготовленные из глины.

Подгруппа А – без декора.

Группа XIV. Бусы, изготовленные из раковины.

Подгруппа А – без декора.

Группа XV. Бусы стеклянные с неопределенной техникой изготовления.

Подгруппа А – одноцветные без декора.

Подгруппа Б* – декорированные.

Группа XVI*. Бусы, изготовленные из кости.

Подгруппа А* – без декора.

Подгруппа Б – поперечно-полосатые.

Группа XVIII*. Бусы, изготовленные из фаянса.

Подгруппа А* – без декора.

Каждое изделие коллекции было проанализировано по материалу, форме, цвету, прозрачности, виду декора, размерам, стеклянные – по технологии изготовления. Был составлен каталог бус по типам, где обозначены основные характеристики типа, его количество и погребения, в которых он встречался. На основе этой типологии была проведена работа по датировке каждого типа и разработан вариант хронологического деления массива бус. Предлагаемый нами вариант хронологии бусинного материала Тарасовского могильника имеет определенное значение, поскольку появилась возможность наблюдать характер поступления бус к приуральскому населению непрерывно на протяжении 5 столетий и сопоставить его с другими уже

созданными, как на малых, так и крупных выборках, схемами.

Методы работы. Учтен предшествующий опыт создания хронологии бус неволинской культуры (Голдина Е.В., 2010, с. 48–64), когда анализ был произведен методом корреляционных плеяд по Г.А. Федорову-Давыдову, затем методом культурной стратиграфии по П.П. Ефименко, и выделенные группы бус сопоставлены с результатами анализа взаимовстречаемости бронзовых украшений. В случае с Тарасовом был избран иной вариант. Сначала, как и для Неволино, была разработана детальная типология источника, продолжающая разделение бус неволинской культуры. Таким образом, мы имеем сейчас детальную типологию бус Прикамья в пределах всего I тыс. н. э. – от I по IX вв. н. э. Затем были сформированы наборы бус в пределах одного погребения Тарасовского могильника, предполагая *a priori*, что они одновременны. Поскольку типы имеют разные, часто весьма широкие датировки, важна хронологическая оценка всех типов, входящих в погребальный комплекс. По наблюдениям многих ученых, сформулированным более четко А.В. Мастыковой, для датировки особое значение имеют не столько даты отдельных типов, сколько их сочетание в комплексах (Мастыкова, 2009, с. 105). В дальнейшем были сформированы группы могил с бусами в соответствии с уже полученными методом культурной стратиграфии хронологическими группами металлических украшений (Голдина, Бернц, 2016, Голдина, Бернц, 2016а, Голдина, Бернц, 2017, Голдина, Бернц, 2017а).

Следующий этап работы – поиски аналогий типам, образующим группы. Благодаря исследованиям многих ученых, успешно занимающихся этим своеобразным источником, и прежде всего Ю.Л. Щаповой и ее учеников, Ю.А. Лихтер, З.А. Львовой, Ю. Каллмера, В.Б. Деопик-Ковалевской, А.С. Скрипкина, П. Франсис, А.О. Столяровой, Н.П. Довгалюк, А.В. Мастыковой, И.И. Кондратьева, О.В. Гопкало, А.А. Стояновой, О.С. Румянцевой, А.А. Красноперова и др., эту задачу удалось выполнить. По объему материала, тщательности исполнения, масштабу воздействия на состояние бусиноведения Евразии огромное значение имеет колоссальный труд, выполненный Екатериной Михайловной Алексеевой по всесторонней характеристике античных бус Северного Причерноморья (Алексеева, 1975; Алексеева, 1978; Алексеева, 1982). Нет сомнений в том, что около 2/3 бус (более 13 тысяч

экз., почти половина типов бус) тарасовское население получало из мастерских Северного Причерноморья. Для сравнения: бусинные материалы северокрымского могильника Нейзац II–IV вв. соответствуют собранию, проанализированному Е.М. Алексеевой на три четверти (Храпунов, 2011, с. 38). По пути из Причерноморья в Прикамье «потери» по количеству бус невелики (около 14%), а вот по типам бус (до Прикамья дошли около 48%) весьма значительны. Это обстоятельство требует размышлений. Используя главным образом датировки сопутствующих материалов и аналогии Е.М. Алексеевой, удалось определить даты конкретных погребений и составляющих комплексы типов бус.

Разумеется, работа по анализу аналогий и определению дат должна быть продолжена, что может привести к уточнению времени выпадения конкретных захоронений. Аналогии подтвердили в целом правильность распределения типов бус по хронологическим группам. В некоторых случаях, когда другой датирующий сопровождающий материал отсутствовал, удалось по датированным типам бус выяснить дату и этих могил (например: 28, 423, 1632, 1741 и др.).

Было выделено 17 хронологических групп, отличающихся набором бус: 1-я – I в. н. э.; 2-я – II в. н. э.; 3-я – I–II вв. н. э.; 4-я – I–III вв. н. э.; 5-я – II–III вв. н. э.; 6-я – II–IV вв. н. э.; 7-я – III в. н. э.; 8-я – IV в. н. э.; 9-я – 3-я четв. IV в. н. э.; 10-я – 4-я четв. IV в. н. э.; 11-я – III–IV вв. н. э.; 12-я – V в. н. э.; 13-я – I–IV вв. н. э.; 14-я – IV–V вв. н. э.; 15-я – III–V вв. н. э.; 16-я – II–V вв. н. э.; 17-я – I–V вв. н. э.

Группа 1 (I в. н. э.) состоит из 16 типов бус и 2 типа подвесок из египетского фаянса (рис. 1). Большая часть бус представлена экземплярами из тянутых трубочек: многочастной зонной черной (IA45, 4 экз.), цилиндрической коричневой (IA71, 7 экз.), бочонкообразными и зонной с разноцветными полосками (IB1a, 2 экз., IB3в, 1 экз.¹, IB6a), глобоидальными с внешним желтым слоем (IB30, 5 экз.), зонной бирюзовой и цилиндрическими сине-фиолетовыми с глазками (IG2б, 2 экз., IG3a, IG3б). Из тянутой палочки выполнены: в форме параллелепипеда бежевая и бочонкообразная синяя с желтыми полосками (IVA80, 4 экз., IVB7a). Многослойная тянутая палочка представлена таблетковидной с желтым глазком и «ресничками» (VB5б) и цилиндрической с диагональными полосками (VE3a). Путем сгибания полосы сделана цилиндрическая желтая непрозрачная (VIA6). Не определе-

на техника изготовления у бочонкообразной бежевой бусины (XVA7). Из кости выполнен цилиндрический без декора экземпляр (XVIA1), а из египетского фаянса 3 подвески: 2 – с изображением скарабеев (рис. 1: 3, 4) и 1 – льва (рис. 1: 5).

Несколько типов бус этой группы имеют аналогии в Северном Причерноморье: тип VB5б датирован Е.М. Алексеевой I в. н. э. (Алексеева, 1982, с. 43, тип 486, табл. 49: 1); типы IB1a и IB3в – I–II вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 190б, с. 43; тип 194, с. 43); тип IB30 – I–III вв. (Алексеева, 1978, тип 123, с. 32), тип IVA80 – первыми веками н. э. (Алексеева, 1978, тип 300б, с. 51), тип IA45 – I–IV вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 1, с. 62). Судя по аналогиям, все эти предметы могли совместно встречаться в I в. н. э.

Подвески из египетского фаянса (с изображением 2 скарабеев и льва – рис. 1) из погр. 661 утрачены, но сохранилась фотография из отчета. По свидетельству А.А. Красноперова, один из скарабеев был темно-синего цвета (Красноперов, 2009, с. 93), и отнесен им к типу 52б, датированному Е.М. Алексеевой I в. н. э. (Алексеева, 1975, с. 43). Очевидно, к этому же времени относятся все вещи из погр. 661, а также второй скарабей и фаянсовая подвеска-лев.

В группу 2 (II в. н. э.) включены 13 типов бус (рис. 1). Из тянутых трубочек выполнены 4 типа: цилиндрическая оранжевая (IA80, 5 экз.), ребристая синяя шарообразная с шейкой у отверстия (IA83), зонная бирюзовая с черно-желтыми глазками (IG2a), бочонкообразная сине-фиолетовая с накладными сине-белыми глазками (IG4a, 3 экз.). Из тянутой палочки сделаны также 4 типа: зонная зеленая полупрозрачная (IVA6), таблетковидные сине-фиолетовые (IVA73, общее число 18 экз.), красно-коричневые (IVA74, 8 экз.) и эллипсоидная бесцветная с серым оттенком (IVA84, 2 экз.). Многослойная палочка использована при исполнении бусины V31a – эллипсоидной сине-зеленой с желтыми волнистыми полосами. Изделия типа VIIA5 (2 экз.) выполнены в технике навивки. У трех типов стеклянных бус технику изготовления определить не удалось: у бочонкообразной синей с выпуклыми сине-белыми глазками (XVB6a), у подобной с сине-белыми плоскими глазками (XVB6б), у цилиндрической черной с красно-коричневым фестончатным узором (XVB8a).

Некоторым типам имеются аналогии в корпусе бус Е.М. Алексеевой: типам XVB6a и XVB6б – данных для датировки нет (Алек-

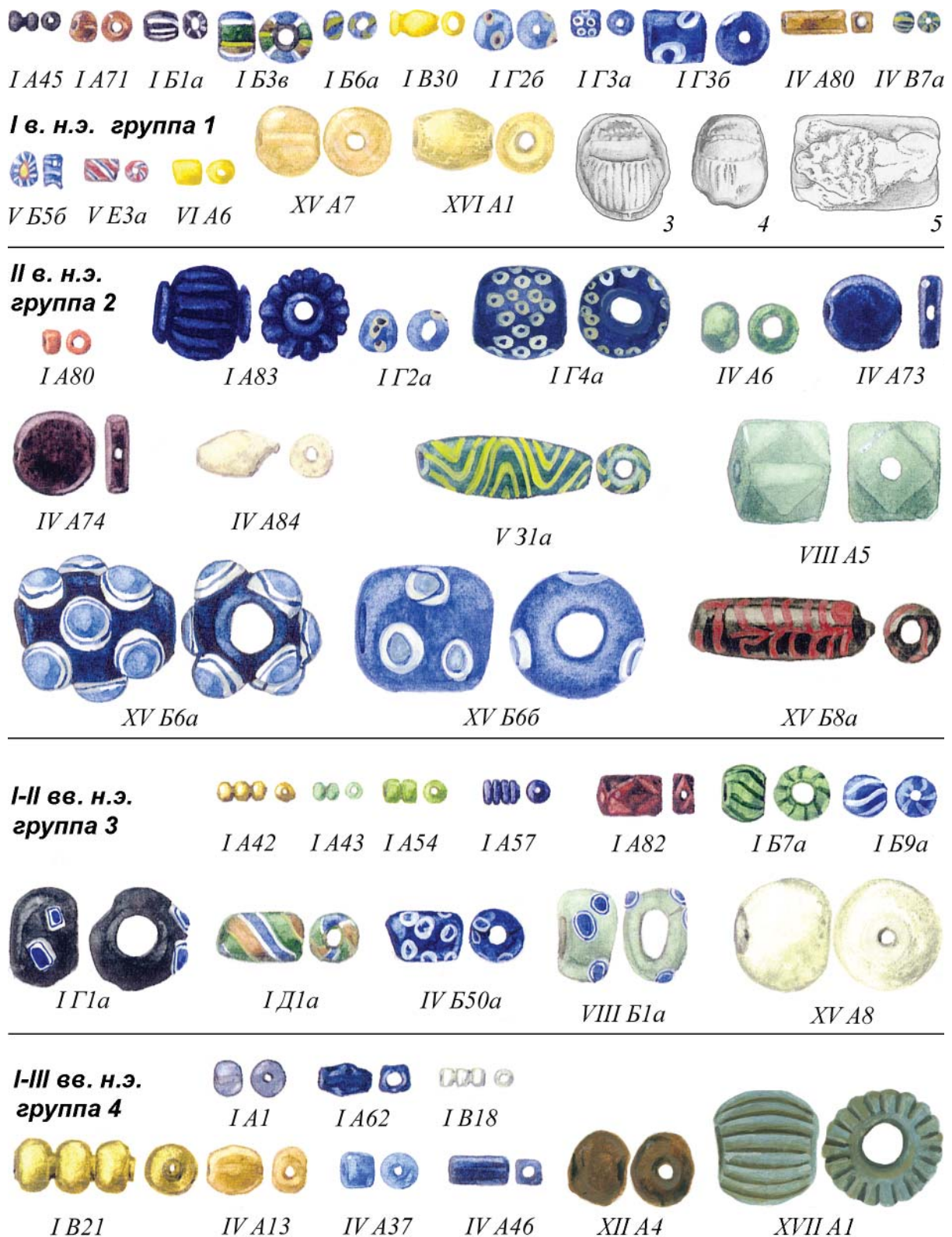

Рис. 1. Распределение бус Тарасовского могильника по хронологическим группам. Группа 1 (I в. н.э.); группа 2 (II в. н.э.); группа 3 (I–II вв. н.э.); группа 4 (I–III вв. н.э.)

Fig. 1. Distribution of beads from Tarasovo burial ground by chronological groups. Group 1 (1st century AD); group 2 (II century AD); group 3 (1st–2nd centuries AD); group 4 (1st–3rd centuries AD)

сева, 1975, тип 79, 84в, с. 68–69), тип IA80 отнесен к I–II вв. (Алексеева, 1978, тип 7, с. 64), тип IVA6 – к первым векам н. э. (Алексеева, 1978, тип 8, с. 64), тип VIIIA5 – к I–III вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 132, с. 70), тип IVA74 – к II–III вв. (Алексеева, 1978, тип

72, с. 68). Следует отметить, что прямого указания на II в. н. э. в аналогиях нет, но он не исключен. Основным аргументом в пользу II в. являются местные бронзовые украшения. Понятно, что вполне возможны коррективы дат.

Группа 3 (I–II вв. н. э.) представлена 12 типами бус (рис. 1). Большинство их (9 типов) выполнены из стеклянных тянутых трубочек. 6 типов входят в подгруппу А – одноцветные без декора. Среди них: многочастные зонные желтые (IA42, 103 экз.), подобные зеленые (IA43, 7 экз.), подобные желто-зеленые (IA54, 6 экз.), подобные сине-фиолетовые (IA57, 20 экз.), в форме параллелепипеда со срезанными вершинами, покрытые красно-коричневым непрозрачным стеклом (IA82, 4 экз.). В эту же группу входят бочонкообразная желтая с желто-зелеными полосами (IB7a), бочонкообразная синяя с белыми полосами (IB9a, 3 экз.), зонная черная с выпуклыми сине-белыми глазками (IG1a), цилиндрическая оливкового цвета с синими, белыми, желтыми, зелеными полосами (ID1a, 9 экз.). Из тянутой палочки сделана лишь одна цилиндрическая синяя бусина с сине-белыми плоскими глазками (IVB50a). Способ навивки зафиксирован у цилиндрической зеленой полупрозрачной бусины с плоскими и выпуклыми сине-белыми глазками (VIII B1a). У единственного экземпляра бочонкообразной формы не удалось выяснить ни технику изготовления, ни материал (XVA8, 2 экз.). Из массовых типов следует отметить тип IA42 – многочастный желтый зонный бисер – 103 экз.

По Е.М. Алексеевой 2 типа встречались еще до н. э.: ID1a – I в. до н. э. – III в. н. э. (Алексеева, 1978, тип 249, с. 47), и IVB50a – IV в. до н. э. – II в. н. э. (Алексеева, 1975, тип 54в, с. 65). Три типа Е.М. Алексеева датирует I–III вв. н. э.: IA57 (Алексеева, 1978, тип 3, с. 63), IA82 (Алексеева, 1978, тип 127, с. 70) и IB7a (Алексеева, 1978, тип 189, с. 43). Типы IA42 и IA54 Е.М. Алексеева относит к первым векам н. э. (Алексеева, 1978, тип 5, с. 63). Тип IA43 датирован этой исследовательницей I–IV вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 9, с. 64). Все даты по Е.М. Алексеевой захватывают период I–II вв. н. э., к которому мы относим бусы этой группы в Тарасово.

В группу 4 (I–III вв.) вошли 9 типов (рис. 1). Два типа одноцветных без декора выполнены из тянутых трубочек: зонные синие или сине-фиолетовые (IA1, 164 экз.) и цилиндрические с 4-мя вздутиями по центру тулова, бирюзовые (IA62, 5 экз.). Два типа также сделаны из тянутых трубочек: многочастные бочонкообразные отличаются металлической прокладкой с бесцветным (IB18, 9 экз.) или желтым внешним слоем (IB21, 44 экз.). Из палочки произведены шарообразные коричневые полупрозрачные (IVA13,

37 экз.), цилиндрические синие полупрозрачные (IVA37, 8 экз.), а также в форме параллелепипеда синие или бирюзовые (IVA46, 5 экз.). Оригинальна зонная бусина из глины (XIIA4). По числу преобладает зонный синий или сине-фиолетовый бисер (IA1, 164 экз.).

Три типа из перечисленных (IB18, IB21, IVA46) встречались в Северном Причерноморье в могилах первых веков н. э. (Алексеева, 1978, тип 16, с. 29–30; тип 109, с. 69). Особый интерес вызывают ребристые бочонкообразные бирюзовые экземпляры из египетского фаянса, изготовленные способом индивидуальной навивки (XVIIA1, 6 экз.). Е.М. Алексеевой они отнесены к типу 16б и датированы III в. до н. э. – первой половиной II в. н. э., но преобладают в комплексах I в. н. э. (1975, с. 33–34). В Тарасово они встречались в могилах I в. (погр. 661), I–II вв. (погр. 1492 и 1166A) и в III в. (погр. 97). Как пережиточное явление, одна такая бусина зафиксирована в качестве украшения ножа в могиле 134 3-й четверти IV в. (рис. 3). По данным А.В. Мастыковой, ребристые бусы из фаянса встречались на Северном Кавказе, Дагестане, в Абхазии, на Среднем Дунае от IV до VII вв. н. э. (2009, с. 115).

Группу 5 (II–III вв.) составляют 9 типов бус (рис. 2). Из тянутой трубочки выполнены 4 типа: зонные, у которых основа зеленого цвета покрыта красно-коричневым стеклом (IA61, 2 экз.), бочонкообразные сине-фиолетовые непрозрачные (IA70, 28 экз.), шарообразные граненые бежевые (IA79, 2 экз.), зонные с металлической прокладкой и бежевым внешним слоем (IB28, 5 экз.). Из тянутой палочки сделаны линзовидные желтые полупрозрачные бусы (IVA77, 62 экз.), в форме параллелепипеда со срезанными вершинами желто-зеленые полупрозрачные (IVA94, 4 экз.) и зонные синие полупрозрачные с сине-белыми глазками (IVB51a, 2 экз.). Многослойная палочка использовалась для производства диагонально-полосатой бусины в форме полусферы с черными, белыми и красно-коричневыми полосами (VE4a, 2 экз.). Из раковины сделана цилиндрическая бесцветная бусина (XIVA4, 14 экз.).

В Северном Причерноморье Е.М. Алексеевой выявлены бусы типов IA79 – I–III вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 189, с. 43 – с белыми полосами), IVA77 – III в. до н. э. – II в. н. э. (Алексеева, 1978, тип 99, с. 69), IVB51a – первых веков н. э. (Алексеева, 1975, тип 52a, с. 64).

Рис. 2. Распределение бус Тарасовского могильника по хронологическим группам. Группа 5 (II–III вв. н.э.); группа 6 (II–IV вв. н.э.); группа 7 (III в. н.э.)

Fig. 2. Distribution of beads from Tarasovo burial ground by chronological groups. Group 5 (2nd–3rd centuries AD); group 6 (2nd–4th centuries AD); group 7 (3rd century AD)

Группа 6 (II–IV вв.) представлена 6 типами бус (рис. 2). Лишь один выполнен из стеклянной тянутой трубочки – зонные бусы с основой слабого оливкового цвета полупрозрачные, покрытые голубым непрозрачным

стеклом (IA81, 7 экз.). Из стеклянной тянутой палочки сделаны экземпляры биконические бежевые полупрозрачные (IVA79, 428 экз.), в форме параллелепипеда со срезанными вершинами бесцветная (слабый серый отте-

нок) непрозрачная (IVA81), цилиндрические коричневые полупрозрачные (IVA86, 5 экз.), бочонкообразные зеленые полупрозрачные (IVA91, 3 экз.). Группу дополняют зонные бусы из халцедона (ХІЕЗ, 14 экз.). По численности преобладает биконический бежевый полупрозрачный бисер – тип IVA79 (428 экз.).

В коллекции бус, изученных Е.М. Алексеевой, имеют аналогии следующие типы стеклянных: IVA79 – II в. н. э. (Алексеева, 1978, тип 99, с. 69), тип IVA81 – II–III вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 137, с. 70–71), а также халцедоновые (ХІЕЗ – I–II вв. н. э.) (Алексеева, 1982, тип 36, с. 12). В Тарасово последние встречались и в III в. (погр. 36, 312, 782, 1041), а также в могилах 3-й четверти IV в. (погр. 60, 765А) (рис. 3).

Халцедоновые бусы известны в Прикамье на протяжении всего I тыс. н. э. Первые их варианты зонной формы (тип ХІЕЗ) зафиксированы в могилах ныргындинской стадии Тарасовского некрополя: погр. 977А с костяным втульчатый наконечником стрелы (Голдина Р.Д., 2003, табл. 404: 2); в погр. 1123, 1344, 1430, 1433 без четко датирующих вещей, но в окружении могил ныргындинской стадии (I–II вв. н. э.). Следует отметить, что ранние халцедоновые бусы имели сравнительно небольшие размеры: 15–17, 18–20 и 24–26 мм в диаметре. Использовались они главным образом в ожерельях.

Судя по находкам в могильнике Нырғында I, первые халцедоновые бусы появились в Прикамье в конце II – начале III в. Именно этим временем датируются экземпляры средних размеров, диаметром одна 15, вторая – 19, остальные – 26 мм из погребений 4, 220 (2 экз.), 284, 297, 308. Важно, что в могилах 4 и 308 вместе с халцедоновыми бусинами найдены раннемазуниинские прямоугольные фасетированные накладки (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 240). Такие же бронзовые накладки происходят и из могилы 258, где обнаружена поясная накладка – диск из раковины турбинелла пирум (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 241: 9–11, 14). Такие моллюски обитают на мелководных шельфах Индийского океана, и в Индии известно несколько центров их обработки. Начиная с IV–III тыс. до н. э. изделия из этих раковин импортировались из Индии по всей Евразии (Ясаков, 2018). Наиболее компактное их размещение – 20 памятников III–IV вв. находится в Среднем Прикамье и содержат 180 таких дисков-раковин, из них 71 в Тарасовском могильнике. Они использовались для украшения поясов, а

также для вырезания подвесок и, возможно, бус (Голдина Р.Д., 2018, с. 100–101, рис. 2). В Тарасовском могильнике раковины-диски обнаружены в 7 мужских захоронениях первой половины III в. и в одном – второй половины III в., а в женских могилах (53 раковины из 32 погребений) они встречались в захоронениях III – первой половины IV вв. (Голдина, Бернц, 2016а, с. 24). В 2 могилах халцедоновые бусы обнаружены вместе с раковинами-накладками (Голдина Р.Д., 2003, погр. 36, табл. 14: 20–6 и погр. 32, табл. 140: 35, 41, 42), в двух случаях – вместе с халцедоновыми дисками, украшающими навершия мечей (Голдина Р.Д., 2003, погр. 765А, табл. 330: 6, и погр. 782, табл. 339: 2).

Скорее всего, в это же время, на рубеже II–III вв. в Прикамье появились и первые раковины каури (*Surgaea moneta*). 12 таких подвесок входили в ожерелье из могилы 315 Нырғында I, датирующейся последней четвертью II – первой четвертью III вв. (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 188: 1–4, 6–13, 20, 22; с. 78). Они происходят также из захоронений некрополей I–III вв. Урманево II, Камышлы-Тамак, Кушулево III, Ново-Сасыкуль и Охлебинино (Ясаков, 2020, с. 452).

В последнее время появляется всё большее количество фактов, подтверждающих постоянность связей Прикамья со Средней Азией в I тыс. н. э. (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, с. 167–177). Бусы – благодатный материал для изучения этой проблемы. Обращает на себя внимание состав бус джетыасарской культуры, которая была одним из исходных пунктов среднеазиатского импорта в Прикамье. В отличие от других культур, почти половину коллекции бус джетыасара рубежа эр – V–VI вв. н. э. – составляли изделия из камня (37,33%) (Левина, Довгалюк, 1995, табл. 1). Многочисленны янтарные (245; 8,2%), сердоликовые (134; 4,5%) и халцедоновые (13, 0,4%) бусы. По мнению авторов, большая часть каменных бус была произведена в Индии. Но следует учесть, что в джетыасаре обнаружены также 23 каменные геммы из иранских мастерских: 16 халцедоновых, 3 сердоликовых, 2 хрустальных, у двух материал не указан. Они датированы III–V вв. н. э. (Левина, Никитин, 1995, с. 105–121). По-видимому, украшения из камня поступали в Восточное Приаралье не только из Индии, но и из Ирана.

Халцедоновые бусы поступали в Среднее Прикамье на протяжении всего III в. (Тарасово, погр. 36, 312, 782, 1041). Бусы из халцедона (тип ХІЕЗ) использовались в качестве

темлячных подвесок к ножу или мечу в могилах 3-й четверти IV в. (погр. 60 и 765А). Таким же образом была применена бочонкообразная бусина (тип ХIE4) в захоронении мужчины 171 Тураевского бескурганного могильника (Голдина Е.В., 2010а, рис. 2), также датированная по сопровождающему инвентарю 3-й четвертью IV в. (Голдина, Бернц, 2010, табл. 120–122; Голдина, Бернц, 2016а, рис. 8: 72). На Тураевском бескурганном могильнике в захоронениях второй половины IV в. найдены халцедоновые бусы типов ХIE1 (1 экз., погр. 263), ХIE3 (1 экз., погр. 89) и еще одна типа ХIE4 (погр. 44).

В захоронении 782 Тарасово, принадлежащем мужчине-воину, зафиксирован оригинальный набор инвентаря: каркасный железный шлем, нарядная уздечка, меч с навершием в виде халцедонового диска и халцедоновой бусиной, украшающей темляк, а также железная крица (Голдина Р.Д., 2003, табл. 339–342). Меч откован из тигельной стали с высоким содержанием углерода (заэвтектоидная сталь), крица представляла собой округлую стальную лепешку-полуфабрикат, хорошо прокованную, весом 5,2 кг с содержанием феррита до 99% (Голдина Р.Д., 2018, с. 103).

Подобные сочетания находок известны в сарматских могильниках III в. Лебедевка VI, Покровка 10 и Красный Яр Оренбуржья. В Лебедевке VI обнаружены 6 мечей с халцедоновыми навершиями и диск из раковины. Металлографический анализ трех мечей показал, что они изготовлены из тигельной стали высокой плотности с содержанием углерода 1,35–1,38%. Специалисты по металлу считают, что мечи произведены в одном специализированном ремесленном центре (Железчиков, Порох, 1993). Л.С. Розанова и Н.Н. Терехова (Розанова Л.С., Терехова, Н.Н., 2000) предполагали, что серия этой высококвалифицированной продукции происходит, скорее всего, из стран Востока (Индия, Иран, Сирия, Средняя Азия). В Европе данных о производстве подобной стали нет (Завьялов и др., 2009, с. 110). В Покровке X и Красном Яре также обнаружены мечи с халцедоновыми навершиями, бусы из халцедона и створки раковин турбинелла пирум (Малашев, Яблонский, 2008, рис. 162: 5, 6, 8; Малашев, 2013, рис. 55: 3). Химический состав стеклянных бус могильника Покровка II (IV в. до н. э. – II в. н. э.), расположенного в 5 км от группы Покровка X, имеет те же особенности, что и украшения Тарасово (Hall, Yablonsky, 1998, pp. 1239–1245; Голдина Е.В., Егорьков, 2016,

с. 180). Оренбургское скопление сарматских памятников располагается на левобережье среднего течения р. Урал на пути из Средней Азии в Прикамье.

Повторяющийся комплекс вещей: мечи из высококлассной тигельной стали, халцедоновые навершия и халцедоновые бусы, диски из раковин турбинелла пирум, раковины каури – позволяет уверенно говорить о производстве этих вещей в едином производственном центре или центрах. Поскольку раковины турбинелла пирум обитают только в водах Индийского океана, скорее всего, все эти предметы были сделаны в Индии (Голдина, 2018, с. 103).

А.А. Красноперовым представлена значительная сводка халцедоновых бус памятников I пол. I тыс. н. э. Нижнего и Среднего Прикамья (более 100 экз.) (Красноперов, <http://www.academia.edu/3156851>). В основном это объекты азелинского, мазунинского и гляденовского типа, даты которых укладываются в пределы III–IV вв. Предлагаемый список может быть пополнен: Дубровский могильник IV–V вв. (Голдина Е.В., Черных, 2016а, рис. 2 – ХIE1), Шиповский (Овсянников, Савельев, Акбулатов, Васильев, 2007, рис. 46: II; 48: 9), Каратамакский, Бирский, Бахмутинский, Югомашевский (Русланова, 2018, с. 141) и другие памятники. Очевидно, в III–IV вв. изделия из халцедона и в особенности бусы шли потоком в Среднее Прикамье вместе с раковинами турбинелла пирум и каури, а затем расходились по родственному финно-пермскому населению.

По данным неволинской культуры, в бассейн р. Сылвы бусы из халцедона продолжали поступать и позже – шарообразные в VI в. в небольшом количестве (3 экз.) (тип ХIE1, Голдина Е.В., 2010, с. 45, рис. 31), а в массовом порядке (104 экз.) в VI–VIII вв. – эллипсоидные (тип ХIE2, там же, с. 45–46, рис. 35). Крупные эллипсоидные бусы были хорошо известны в Центральной и Восточной Европе, а также на Северном Кавказе в конце IV–VI вв. и использовались богатыми женщинами в ожерельях и в качестве подвесок к лентам и шарфам (Мастыкова, 2001, с. 23–37; Мастыкова, 2009). Обращает на себя внимание цвет халцедона. В европейских коллекциях халцедон желтоватого цвета (Мастыкова, 2009, рис. 114: I, 2), а в прикамских – серовато-голубоватого (Голдина Е.В., 2010, рис. 29 – ХIE1 и ХIE2; Голдина Е.В., 2010а, рис. 2 – ХIE3, ХIE4). Учитывая приток импорта из Средней Азии на р. Сылву: монет,

восточной посуды, украшений, поясов, источник поступления был всё тот же, но изменился путь – с рр. Белой и Уфы не на Каму, а на Сылву (Голдина, Голдина, 2010). В Верхнее Прикамье (ломоватовская культура) эллипсоидные халцедоновые бусы «приходили» с V по IX вв., пик их поступления приходился на VII–VIII вв. В IX в. их число резко сократилось, а в могилах X в. их уже нет (Голдина Р.Д., Королева, 1983, с. 65).

Группа 7 (III в.) отличается не только многочисленностью, многоцветностью, но и разнообразием (37 типов бус и 2 типа подвесок, рис. 2). И.Н. Храпунов, вслед за А.А. Стояновой, отмечает для могил конца II – первой половины III в. н. э. северокрымского могильника Нейзац эту же особенность – яркую полихромиию (Храпунов, 2011, с. 38). Бусы этой группы из стеклянных одноцветных тянутых трубочек представлены: цилиндрическими с 4 вздутиями по центру тулова желто-зелеными (IA63, 3 экз.), подобной оранжевого цвета (IA64), подобными синего цвета (IA68, 9 экз.), многочастными сине-фиолетовыми (IA73, 2 экз.), синими в форме шестиугольной призмы (IA74, 3 экз.), шарообразной граненой синей (IA77), в форме параллелепипеда бирюзовыми (IA84, 19 экз.). Из них в собрании Е.М. Алексеевой встречались типы IA74 – II–III вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 125, с. 70), и IA84 – II–IV вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 135, с. 70). Из трубочек, сделанных способом навивки, произведены одноцветные цилиндрические черные бусинки (IIA3, 6 экз.). Тянутая палочка представлена типами: цилиндрическими синими (IVA69, 5 экз.), подобными красно-коричневыми (IVA70, 2 экз.), таблетковидными сине-фиолетовыми (IVA73, 18 экз.), подобными красно-коричневыми (IVA74, 8 экз.), подобными зелеными (IVA75, 2 экз.), в форме бипирамиды, усеченной дважды, красно-коричневой (IVA76), в форме параллелепипеда со срезанными вершинами бирюзовыми (IVA82, 2 экз.), цилиндрическими уплощенными дважды вдоль канала серыми (IVA88, 2 экз.), в форме 6-угольной призмы красно-коричневой (IVA92). Многоцветных бус из палочки немного: зонные желтые с желтым глазком и черными, белыми ресничками (IVB76, 2 экз.), в форме параллелепипеда бирюзовые с белыми полосами (IVГ8а, 5 экз.) и зонная красно-коричневая с желтыми, белыми, синими пятнами (IVE2а). Из этих изделий только одно известно в Северном Причерноморье – тип IVA74 (Алексеева, 1978, тип 72, с. 68).

Три типа выполнены из многослойной палочки: в форме параллелепипеда с черными, белыми, желтыми полосками (VB4а), подобная, полосы черные, зеленые, красно-коричневые, синие образуют шахматный узор, в центре которого изображение человеческого лица (VB4б); бочонкообразная с красно-коричневым, желтым, зеленым глазком и желтыми, зелеными полосами (VB5а). Десять типов сделаны в технике сгибания стеклянной полосы. Среди них бочонкообразная, сварена из глазков трех видов – белого, красно-коричневого и бирюзового (VIB6а, 8 экз.), а также бочонкообразная, сваренная из трех разноцветных глазков, образующих геометрический узор (VIB7а, 8 экз.). Из этих бус в Северном Причерноморье аналогии найдены типу VB4а, б – I в. до н. э. – III в. н. э. (Алексеева, 1982, с. 40, типы 438, 441). Большую серию образуют зонные или бочонкообразные экземпляры, выполненные в технике сгибания стеклянной полосы различных цветов: синего (VIГ4а, б, 2 экз.), желтого (VIГ5а, 2 экз.) и зеленого (VIГ6а – 5 экз., б – 2 экз., в – 4 экз.) с плоскими многоцветными глазками в виде цветка-розетки. К ним примыкает и бусина с невыясненной технологией изготовления (XVB7а). Бусы типа VIГ6а известны в могилах II–III вв. Северного Причерноморья (Алексеева, 1982, тип 482, с. 42). В Тарасово они были популярны в III в. Похожие, но изготовленные в другой технике – из тянутой палочки (группа IV), в Тарасово встречались в III–IV вв. (IVB8б, IVB49а, рис. 3) и в IV в. (IVB8в, IVB11б, IVB13б), иногда оливкового цвета либо слабоокрашенные.

К III в. относятся 2 типа, также выполненные в технике сгибания стеклянной полосы: синяя в форме параллелепипеда с пересечением желтой и белой полосы (VIЖ1а) и красно-коричневая бочонкообразная со сложными черными завитками на белом фоне (VIE2а). По типу орнамента последнюю можно сопоставить с бусиной I–II вв. н. э. Северного Причерноморья (Алексеева, 1982, тип 426, с. 39). В этой же группе располагаются 6 цилиндрических уплощенных дважды вдоль канала оливковых экземпляров с неопределенной техникой исполнения (XVA9, 6 экз.). В группу III в. н. э. вошла бусина из янтаря в виде параллелепипеда (XA11) и цилиндрическая костяная (XVIB1).

Третьим веком в Тарасово датированы и стеклянные грушевидные подвески сине-фиолетового и желтого цвета (тип IIа – 3 экз., и IIб – 2 экз., рис. 2: 1, 2), известные в Панти-

капее и других памятниках во II–III вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 162, с. 72, табл. 33: 67), в погребениях 64, 85, 129 второй половины II–III вв. могильника Широкая Балка в предгорьях Северо-Западного Кавказа (Довгалюк, 2011, с. 363, 365, 368), а также в могиле 5 некрополя Нейзац из предгорий Крыма конца II/первой половины III–IV вв. н. э. (Стоянова, 2016, с. 125, рис. 1: 14–16).

Что касается IV в., то в группу этого времени (№ 8) вошли 11 типов бус (рис. 3), среди которых отсутствуют предметы из стеклянной трубочки. Из тянутой палочки выполнены 6 видов: уже упомянутые типы IVБ8в, IVБ11б и IVБ13б (2 экз.), бочонкообразная черная с продольной белой полосой (IVГ3а) и такая же синяя тоже с белой полосой (IVГ7а, 4 экз.). Два последних типа известны в Северном Причерноморье: первая – в I в. до н. э. – I в. н. э., вторая – в I–II вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 40, типы 141а и 144). Из тянутой палочки также сделана многочастная зонная черная с желтыми волнистыми полосами бусина (IVЖ2а) и бочонкообразная, красно-коричневая, сваренная из трех разноцветных стеклянных прутиков, а затем согнутая, при этом на поверхности образовался оригинальный геометрический узор (VIB7б). Бусина VIЖ2а – зонная черная с двумя поперечными желтыми полосами, образующими 8-образный узор, в Северном Причерноморье датирована первыми веками н. э. (Алексеева, 1978, тип 296б, с. 50). В технике навивки сделана стеклянная многочастная зонная зеленая бусина (VIIIА4). Появились мелкие цилиндрические бежевые или красно-коричневые бусы из янтаря (ХА3, 37 экз.), датирующиеся в Причерноморье I–III, реже – IV в. н. э. (Алексеева, 1978, тип 5, с. 24), а также сердоликовые зонные (ХИА2). Е.М. Алексеева отметила массовый завоз шарообразных и зонных сердоликовых бус в Северное Причерноморье в III в. до н. э., а наибольшее разнообразие форм падает, по ее мнению, на I–III вв. (Алексеева, 1982, с. 14–15). На Кавказе в комплексах V–VI вв. бусы из сердолика становятся более многочисленными (до 42,1% в Мокрой Балке), в VII в. – 57%, в VIII–IX вв. сердолик здесь достигает наивысшего распространения – 70,98% (Ковалевская, 1998, с. 13).

Представляют интерес крупные бусы, использующиеся как фиксаторы ремней у мечей и ножей. К 3-й четверти IV в. отнесена бусина из могилы 1779 из неясного материала, предположительно раковины светло-серого цвета дисковидной формы (XIVA7, рис. 3).

Аналогии не найдены. В могиле 765А также этого же времени найдена крупная зонная бусина из халцедона (ХIE3). В качестве анахронизма ребристая бирюзовая бусина из фаянса выявлена в могиле 134 (XVIIА1). Основное время использования таких бус в Тарасово I–III вв. н. э.

В могиле 1772 4-й четверти IV в. обнаружена стеклянная зонная зеленая бусина, выполненная в технике навивки, с поперечными красно-коричневыми полосами, чередующимися с желтыми волнообразными узорами (VIIIВ1а). Экземпляр аналогичен бусине типа 314 по Е.М. Алексеевой из Пантикапея (Алексеева, 1978, с. 52), датированного ею IV в.

В группу 11 (III–IV вв.) вошли 11 типов бус (рис. 3). Из тянутой стеклянной трубочки сделаны ребристая бочонкообразная синяя (IA67, 2 экз.), эллипсоидная бежевая (IA72, 3 экз.) и ребристая бочонкообразная с металлической прокладкой и бежевым внешним слоем (IB27, 4 экз.). Тянутая палочка стала основой для создания зонной желтой бусины (IVA67, 13 экз.), цилиндрической бирюзовой (IVA87, 12 экз.), подобной формы синей (IVA89, 15 экз.), зонной зеленой (IVA93, 11 экз.). Экземпляры типа IVA67 аналогичны бусам Северного Причерноморья I–II вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 17, с. 65). Аналогии отдаленные, поскольку в Северном Причерноморье такие бусы делали из тянутой трубочки (I–II вв. н. э.) или свивали из жгута (позднеримская эпоха). Предметы типа IVA87 близки изделиям II–III вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 122, с. 70). Типы IVБ8б и IVБ49а встречались уже в III в. В могилах III–IV вв. Тарасово представлены также зонные (XIГ2, 40 экз.) и граненые бипирамидальные (XIГ8, 10 экз.) хрустальные бусы. Е.М. Алексеева полагает, что зонные изделия из хрусталя были распространены в Причерноморье в первых веках н. э. (Алексеева, 1982, тип 2а, с. 7). В.Б. Деопик считала их датирующим признаком IV–V вв. для Крыма и Кавказа (Деопик, 1959, с. 49). По мнению А.В. Мастыковой, шаровидные хрустальные бусы встречались на памятниках Кавказа в IV–V вв. (Мастыкова, 2009, с. 101). Этой исследовательницей приведена обширная сводка находок хрустальных граненых (бипирамидальных усеченных дважды) бус (Мастыкова, 2009, с. 98–101, рис. 114: 9, 10). Но форма их существенно отличалась от Тарасовских: бипирамида в них усечена дважды и основа ее – восьмигранник, а не шестигранник, как в Тарасово. Стандартность форм и многочисленность европейских хрустальных

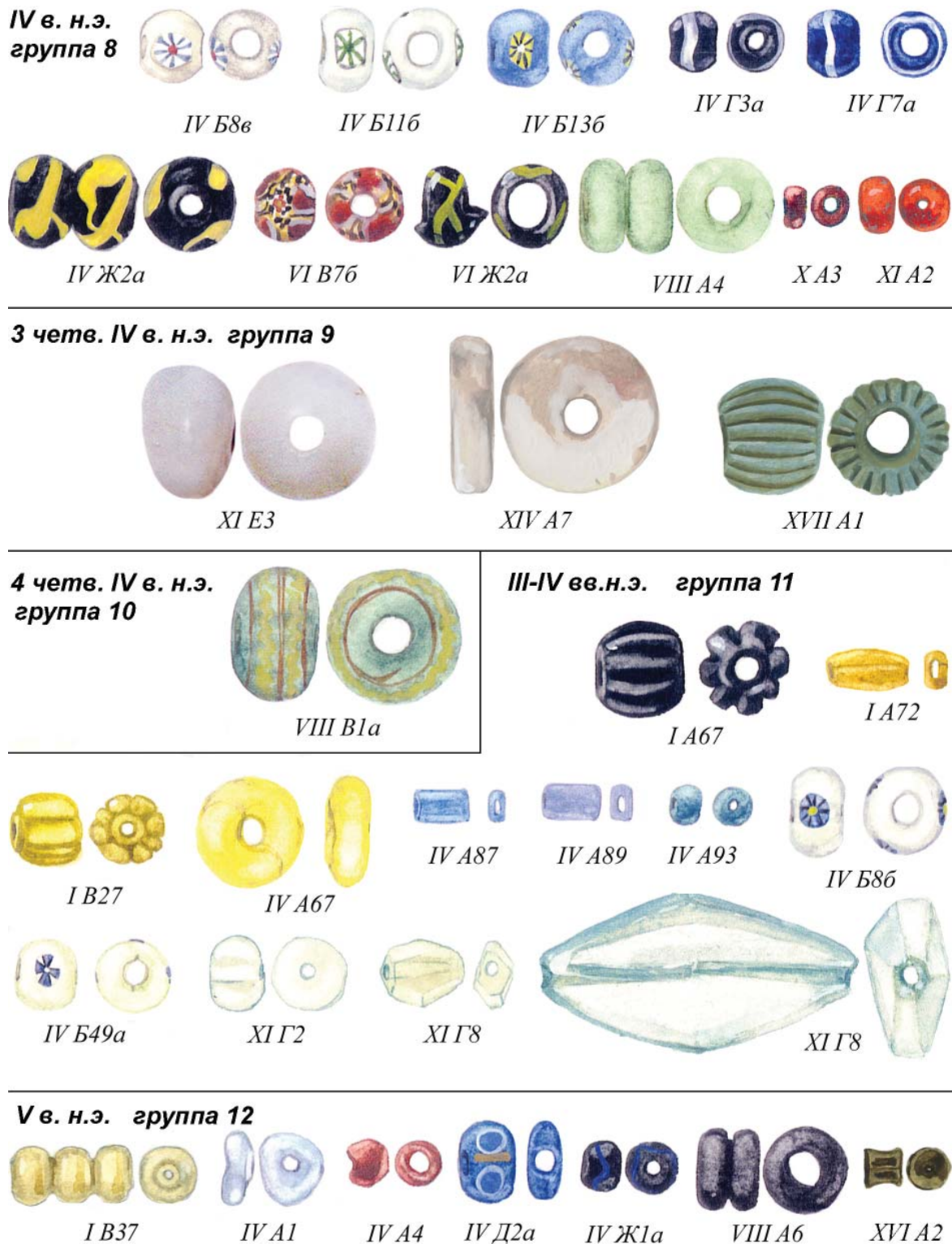

Рис. 3. Распределение бус Тарасовского могильника по хронологическим группам. Группа 8 (IV в. н.э.); группа 9 (3 четверть IV в. н.э.); группа 10 (4 четверть IV в. н.э.); группа 11 (III–IV вв. н.э.); группа 12 (V в. н.э.)

Fig. 3. Distribution of beads from Tarasovo burial ground by chronological groups. Group 8 (4th century AD); group 9 (3rd quarter of the 4th century AD); group 10 (4th quarter of the 4th century AD); group 11 (3rd–4th centuries AD); group 12 (5th century AD)

бус убеждает в правильности их объединения в единый массив. А.В. Мастыкова отмечает, что крупные граненые бусы из хрусталя известны в Европе с рубежа III–IV вв., но особенно широко они были распространены во второй половине V – VI вв. В гуннское время (конец IV – 2 треть V вв.) они являлись

редким престижным элементом «княжеской» культуры, а в середине V – VI вв. широко встречались в женских могилах «среднего класса». А.В. Мастыкова вслед за некоторыми европейскими учеными считает их средиземноморским импортом, хотя и отмечает их присутствие в Средней Азии (джетыасар).

Средиземноморское происхождение имели, по её мнению, и граненые хрустальные бусы небольшого размера. Для Прикамья, имевшего давние торговые отношения со странами Средней Азии, есть все основания предполагать производство хрустальных и халцедоновых бус мастерами Индии и Ирана (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, с. 167–177).

К V в. (группа 12) отнесены 7 типов бус (рис. 3). Из стеклянной тянутой трубочки изготовлена многочастная бусина с золотой металлической прокладкой и желтоватым внешним слоем (IB37, 23 экз.). Стеклянная тянутая палочка использована при производстве зонной синей бусины (IVA1, 5 экз.), зонной красно-коричневой (IVA4, 5 экз.), зонной синей с продольно-полосатыми синими глазками (IVД2а), зонной черной с узором в виде синей поперечной волны (IVЖ1а). Последний экземпляр имеет аналогии в Пантикапее и Инкермане, где датируется IV в. (Алексеева, 1978, тип 300г, с. 51). В эту же группу вошла многочастная зонная черная бусина, изготовленная способом навивки (VIIIА6), а также экземпляр из рыбьего позвонка (XVIA2).

Группа 13 (I–IV вв.) представлена 5-ю типами бус (рис. 4). Из стеклянной тянутой трубочки сделаны бочонкообразные зеленые (IA16, 53 экз.), многочастные зонные синие (IA41) – самые многочисленные в группе – 68 экз., и зонные зеленые (IA76, 10 экз.) бусы. Из стеклянной палочки выполнены зонные синие (IVA2, 6 экз.), способом сгибания полосы – бочонкообразная синяя с плоскими синими глазками (VIB2д, 8 экз.). Тип IA76 Е.М. Алексеевой для Северного Причерноморья датирован III в. до н. э. – IV в. н. э., тип IA41 – I–II вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 8, с. 64; Алексеева, 1978, тип 15, с. 65), а тип VIB2д также I–II вв. н. э. (Алексеева, 1975, тип 92а, с. 69).

К IV–V вв. (группа 14) отнесен лишь один тип ХА2 из янтаря (2 экз.). Этот материал десятками и сотнями килограммов добывали на пляжах Вислянского и Куршского заливов в Прибалтике, а также в месторождениях на Самбийском полуострове, в Венгожево и Мронгово. В I в. н. э. из Римской империи в Балтию был направлен представитель нероновской администрации за 888 км, чтобы доставить груз янтаря для украшения гладиаторских игр. Наибольший кусок весил более 4 кг. Янтарная торговля была организована в государственном масштабе и способствовала обогащению племен на янтарном пути

(Щукин, 1994, с. 224–225). Значительная часть янтаря поступала из Прибалтики на юг Европы от германцев и скандинавов в необработанном виде (Алексеева Е.М., 1978, с. 21). Янтарь перерабатывался в Средиземноморье, Риме и западноевропейских провинциальных городах. В Северном Причерноморье янтарные бусы были распространены преимущественно в I–IV вв. н. э. Экземпляры больших размеров на этой территории характерны для позднего Античного времени и самых ранних периодов Средневековья (Алексеева, 1978, с. 22–24).

На Кавказе янтарные бусы весьма многочисленны в комплексах V–VI вв., достигая в отдельных случаях 38–42%. Работа В.Б. Ковалевской позволила конкретизировать не только хронологическую картину, но и ареалы распространения отдельных типов. Она убедительно обрисовала район концентрации янтарных бус на Кавказе – вытянутая полоса с северо-запада на юго-восток вдоль Большого Кавказского хребта от верхней Кубани до горных районов Дагестана. Эта зона, по её мнению, была открыта как на север, в сторону низовьев Волги и южнорусских степей, к Черному морю – Великий шелковый путь, так и к Восточному Закавказью (Ковалевская, 1998, с. 28–32). По данным А.В. Мастыковой (Мастыкова, 2009, с. 95–98), крупные и средние дисковидные янтарные бусы хорошо известны в Западной и Центральной Европе в могилах IV – начала VII вв. Наиболее распространены они были в последней трети V – первой половине VI в.

Приуральские дисковидные экземпляры из могил IV–VI вв. неволинской и ванвиздинской культур также имели прибалтийское происхождение (Ашихмина, Ширяева, 1988, с. 31). Янтарные бусы Прикамья IV–VI вв. имеют все признаки этого вида бус Восточной Европы – темно-бурый цвет, трещиноватость, иногда белесоватость корки. Надо полагать, что дисковидные янтарные бусы попадали в Прикамье не напрямую из Прибалтики, а опосредованно через южные области Европы, Причерноморье и Кавказ, где шла их переработка. Даже в Джетыясаре, где янтарные бусы весьма многочисленны (8,2% всех 2986 бусин), как показал химический анализ, они имели прибалтийское происхождение (Левина, Довгалюк, 1995, с. 205).

Ко второй половине IV – началу V в. в Среднем Прикамье относится еще один вариант янтарных изделий – грибовидные подвески. Их нет в Тарасово, но 2 подвески есть в погр.

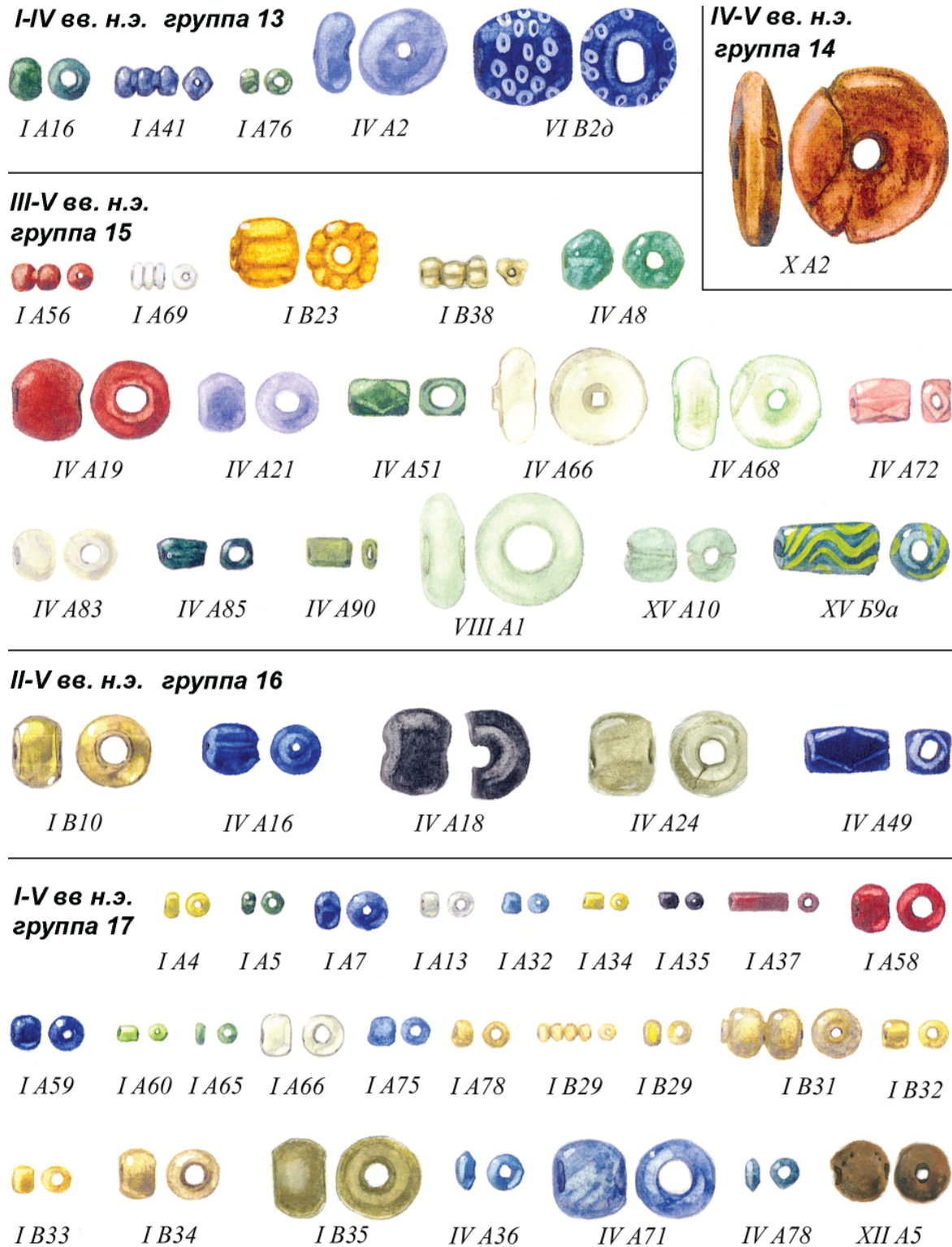

Рис. 4. Распределение бус Тарасовского могильника по хронологическим группам. Группа 13 (I–IV вв. н.э.); группа 14 (IV–V вв. н.э.); группа 15 (III–V вв. н.э.); группа 16 (II–V вв. н.э.); группа 17 (I–V вв. н.э.)
Fig. 4. Distribution of beads from Tarasovo burial ground by chronological groups. Group 13 (1st–4th centuries AD); group 14 (4th–5th centuries AD); group 15 (3rd–5th centuries AD); group 16 (2nd–5th centuries AD); group 17 (1st–4th centuries AD)

106 этого времени Тураевского бескурганного могильника (Голдина Е.В., 2010а, тип ХА10, рис. 2; Голдина Р.Д., Бернц, 2010, с. 32, табл. 73; 256) вместе с круглой золотой подвеской с гранатовой вставкой и бусиной типа IVA36, украшавшими ремешок ножа.

Наиболее ранние варианты таких подвесок известны в Прибалтике (вельбаркская, реже пшеворская культуры), откуда были привнесены на территорию черняховской культуры и прилегающие области. Они появились и в Крыму в позднеримское время из вельбарско-черняховской среды. Согласно исследованиям

А.В. Мастыковой, изучившей эту категорию на широком хронологическом и территориальном фоне, они имели германское происхождение и были распространены в III – начале IV вв. н. э. на огромной территории от Британии до Палестины. С IV в. н. э. такие бусы теряют значение этнокультурного индикатора (Мастыкова, 1999, с. 171–202; 2009, с. 79–80). Такие подвески обнаружены и в степях Подонья и Поволжья в позднесарматских памятниках (Мастыкова, 1999, с. 174). В Прикамье они найдены в погребении 2 кургана 39 и могиле 3 кургана 24 Бродовского курганного могильника, отнесенных Р.Д. Голдиной к концу IV – началу V в. н. э. (1991, рис. 3). Шесть таких подвесок происходят из могил IV–V вв. Кудашевского могильника на р. Барде (Быкова, Казанцева, 2012, рис. 1: 1, 2).

В III–V вв. (группа 15) использовались 17 типов бус (рис. 4). Из стеклянной тянутой трубочки исполнено 4 типа, 2 одноцветных: многочастных зонных красно-коричневых (IA56, 59 экз.) и многочастных зонных бесцветных (IA69), а также с металлической прокладкой: ребристая бочонкообразная с желтым внешним слоем (IB23) и ребристая многочастная зонная с бесцветным внешним слоем (IB38). Подобные изделия Е.М. Алексеева в Северном Причерноморье датирует IA69 – I–II вв., IB23 – II–III вв. н. э. и IA56 – I–III вв. (1978, тип 2, с. 63; тип 10, с. 31; тип 3, с. 63). Из тянутой палочки изготовлено 10 типов одноцветных бус: шарообразная зеленая (IVA8), бочонкообразные красно-коричневые (IVA19, 31 экз.), подобные бирюзовые (IVA21, 3 экз.), в форме параллелепипеда со срезанными углами зеленая (IVA51), зонные или бочонкообразные слабого оливкового цвета (303 экз., IVA66), зонные зеленые (15 экз., IVA68), в форме параллелепипеда со срезанными вершинами красно-оранжевая (IVA72, 10 экз.), зонная бесцветная (IVA83, 3 экз.), в форме параллелепипеда зеленая (IVA85) и цилиндрические зеленые (IVA90, 6 экз.). В корпусе бус, изученных Е.М. Алексеевой по Северному Причерноморью, имеют аналогии 3 типа IVA90 – II–III вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 122, с. 70), IVA66 и IVA68 – I–IV вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 17, с. 65). Последние 2 типа в Причерноморье делали из тянутой трубочки (I–II вв. н. э.) или свивали из жгута (III–IV вв.), а в Тарасово – из палочки. В технике навивки индивидуально выполнены зонные зеленые полупрозрачные изделия (VIII A1, 100 экз.). Типы IVA66, IVA68 и VIII A1 наиболее многочисленны и типичны

для мазунинской стадии. У двух типов техника изготовления не определена: XVA10 (3 экз.) – бочонкообразных зеленых и XV B9a – в виде усеченного конуса сине-зеленых с узором в виде продольных желтых волн.

Группу 16 (II–V вв.) составляют 5 типов бус (рис. 4). Из стеклянной тянутой трубочки выполнен только тип IB10 (49 экз.) – бочонкообразные с металлической прокладкой и желтым внешним слоем. В Северном Причерноморье это самые многочисленные бусы в I–III вв. н. э. (Алексеева, 1978, рис. 10, тип 1a, с. 29). Из тянутой стеклянной палочки нарезаны одноцветные изделия: бочонкообразные синие и сине-фиолетовые (IVA16, 38 экз.), подобной формы черные (IVA18, 2 экз.), также бочонкообразные слабого оливкового цвета (IVA24, 169 экз.) и в форме параллелепипеда со срезанными вершинами сине-фиолетовые (IVA49, 14 экз.). Тип IVA18 аналогичен изделиям Северного Причерноморья I в. н. э. (Алексеева, 1978, тип 18, с. 65), а тип IVA49 – бусам II–IV вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 134, с. 70). А.В. Мастыковой нарисован широкий ареал распространения сине-фиолетовых бус в форме параллелепипеда со срезанными вершинами (полиэдрические со срезанными углами) – тип IVA49 (по Е.В.Г.) – в Центральной и Восточной Европе во временном интервале с рубежа II/III до первой половины VI в. (2009, с. 106–108). В неволинской культуре Прикамья тип IVA49 встречался на протяжении с конца IV по IX в. (Голдина Е.В., 2010, с. 32, 127, рис. 19 (7); 34).

Последняя группа 17 (I–V вв.) представлена 25 типами исключительно одноцветных бус (рис. 4). Из них 15 выполнены из стеклянных тянутых трубочек: зонные желтые (IA4, 436 экз.), зонные желто-зеленые (IA5, 37 экз.), зонные бирюзовые (IA7, 1244 экз.), бочонкообразные бесцветные (слабый серый оттенок) (IA13, 73 экз.), цилиндрические бирюзовые (IA32, 1237 экз.), цилиндрические желтые непрозрачные (IA34, 3303 экз.), подобные по форме черные непрозрачные (IA35, 573 экз.), цилиндрические красно-коричневые (IA37, 32 экз.), зонные красно-коричневые (IA58, 54 экз.), зонные синие или сине-фиолетовые (IA59, 958 экз.), цилиндрические желто-зеленые (IA60, 1435 экз.), зонные желто-зеленые (IA65, 1404 экз.), зонные бесцветные (IA66, 149 экз.), цилиндрические бирюзовые (IA75, 2233 экз.) и цилиндрические коричневые или бежевые (IA78, 47 экз.).

Многие из перечисленных типов хорошо известны по древностям рубежа эр Северного

Причерноморья, например, тип IA34 датирован Е.М. Алексеевой IV–I вв. до н. э. (Алексеева, 1978, тип 60, с. 67), тип IA4 – первыми веками н. э. (Алексеева, 1978, тип 5, с. 63), типы IA13, IA66 – I–II вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 17, с. 65; тип 2, с. 63), типы IA32, IA35, IA58 – I–III вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 10, с. 64; тип 66, с. 67; тип 54, с. 67; тип 3, с. 63), типы IA37, IA59, IA65 и IA75 – I–IV вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 57, с. 67; тип 15, с. 65; тип 9, с. 64; тип 69, с. 67).

Среди изделий из трубочки с металлической прокладкой в Тарасово были распространены: зонные с бежевым внешним слоем (IB29, 1363 экз.), многочастные зонные с желтым внешним слоем (IB31, 57 экз.), цилиндрические с бесцветным внешним слоем (IB32, 954 экз.), подобные с желтым внешним слоем (IB33, 135 экз.), эллипсоидные с желтым внешним слоем (IB34, 51 экз.) и бочонкообразные или шарообразные с бесцветным желтоватым внешним слоем (IB35, 130 экз.). Некоторые из этих бус были широко распространены в первые века н. э. в Северном Причерноморье: IB29, IB32, IB33, IB34 (Алексеева, 1978, тип 16, с. 29–30; Алексеева, 1978, тип 3, с. 30; Алексеева, 1978, тип 4, с. 30; Алексеева, 1978, тип 123, с. 32). Ю.Л. Щапова связывает производство этих бус с сирийскими стеклоделательными мастерскими (Алексеева, 1978, с. 100).

Из стеклянной тянутой палочки выполнены биконические синие экземпляры (IVA36, 471 экз.), датированные Е.М. Алексеевой II–III вв. н. э. (Алексеева, 1978, тип 85, с. 68). Подобным способом изготовлены бочонкообразные сине-фиолетовые или бирюзовые бусы с площадками у отверстий (IVA71, 73 экз.), примерные аналогии которым приведены Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1978, тип 29, с. 65–66), а также биконические сине-зеленые (IVA78, 705 экз.). В I–V вв. встречались шарообразные предметы из глины (ХПА5, 4 экз.), скорее всего, местного происхождения: Тарасово, погр. 1320В – I в., 1188Б – I–II вв., 195 – III–V вв. и погр. 847 – V в.

На протяжении I–V вв. население Тарасовского могильника активно использовало многочисленный бисер различных вариантов (рис. 4): зонный бирюзовый полупрозрачный (тип IA7, 1244 экз.), цилиндрический желтый непрозрачный (тип IA34, 3303 экз.), цилиндрический бирюзовый полупрозрачный (тип IA75, 2233 экз.), цилиндрический бирюзовый непрозрачный (тип IA32, 1237 экз.), зонный синий или сине-фиолетовый непрозрачный (тип IA59, 958 экз.), цилиндрический желто-

зеленый непрозрачный (тип IA60, 1435 экз.), зонный желто-зеленый непрозрачный (тип IA65, 1404 экз.), цилиндрический с бесцветным внешним слоем (тип IB32, 954 экз.), линзовидный синий полупрозрачный (тип IA36, 471 экз.) и линзовидный (биконический) зеленый полупрозрачный (тип IVA38, 705 экз.). Весьма популярен в это время был бисер с металлической прокладкой – зонный и многочастный с бежевым внешним слоем (тип IB29, 1363 экз.), с металлической прокладкой – цилиндрический с бесцветным внешним слоем (тип IB32, 954 экз.), цилиндрический желто-зеленый непрозрачный (тип IA60, 1435 экз.).

Существует и определенная перспектива выяснения времени поступления в Прикамье различных типов бисера. Удалось выяснить, что самый массовый (3303 экз.) тип бисера Тарасово – IA34 – цилиндрический желтый непрозрачный в I–II вв. известен в количестве 43 экз. (1,3%), в III–V – 233 экз. (7,05%), а только в V в. – 3027 экз. (91,65%). Цилиндрический бирюзовый непрозрачный – тип IA32, 1237 экз. в могилах I–II вв. встречался в количестве 168 экз. (13,58%), в III–V вв. – 660 экз. (53,37%), в V в. – 380 экз. (30,71%) и в I–V вв. – 29 экз. (2,34%). Вероятно, основная масса бисера поступала в Среднее Прикамье в III–V вв. и особенно в V в.

Вопросы исторической динамики наборов бус Тарасово в соответствии с материалом и техникой их изготовления на протяжении I–V вв. н. э. еще ждут своего исследования, но некоторые предварительные замечания можно высказать. Для I–V вв. в Тарасово зафиксированы 17 хронологических групп, которые охватывают 192 типа бус (табл. 1)². Из них наиболее многочисленны стеклянные бусы из тянутой трубочки (71 тип), а также предметы из однослойной (63) и многослойной (7 типов) палочки. Обращает на себя внимание почти равное количество типов, но иное соотношение количества бус: около 85% из трубочки и около 13% из палочки. Очевидно, производство предметов из трубочки было значительно легче и продуктивнее, чем из палочки. Значительно меньше изделий, выполненных способом сгибания полосы (14 типов) и навивкой (6). Возможно, имело хронологическое значение увеличение в III в. числа типов (до 10) бус из стеклянной полосы и применение в I–III вв. экземпляров, выполненных из многослойной палочки. После III в. последние в Среднем Прикамье не встречаются, но использовались в неволинской культуре

с VI по начало IX в. (Голдина Е.В., 2010, рис. 19). Единичны стеклянные (2 типа) и фаянсовые (2 типа) подвески и бусы из других материалов: янтаря (3 типа), сердолика (1), хрусталя, халцедона, глины, раковины, фаянса (по 2 типа), из кости (3 типа). У 9 типов материал не выяснен. Очевидно, местными следует считать глиняные и костяные экземпляры. Можно предполагать, что использовались сделанные местными умельцами бусы из дерева, твердых ягод, например, рябины, «вороньего глаза» и других.

На протяжении I–V вв. широко использовался преимущественно одноцветный и золото-стеклянный бисер из тянутой трубочки (группа 17, 21 тип, рис. 4). Но можно отметить некоторое преобладание его над палочкой в I–II вв. (табл. 1, группы 1–3, 22 типа – трубочка и 10 типов – палочка). Е.М. Алексеевой давно отмечено, что в мастерских Северного Причерноморья во II–III вв. н. э. наблюдалось массовое производство мелкого рубленого бисера из трубочек сине-зеленого, голубого,

лилового и других цветов (Алексеева, 1978, с. 62; 1982, с. 52). По нашим данным, в III в. отмечено также резкое увеличение бус из палочки (15 типов, группа 7), а в последующем – их широкое использование (27 типов, группы 8–15).

Существенные изменения в наборах бус произошли в III в. (группа 7). Количество типов бус возросло до 39 (табл. 1). Это самое большое число типов в пределах одного столетия на протяжении всего времени использования могильника и позволяет предполагать изменение или, скорее всего, появление нового источника поступления этого импорта. Судя по халцедоновым и хрустальным бусам, мечам с халцедоновыми навершиями, раковинам турбинелла пирум, на рубеже II–III вв. нарастает импорт в Прикамье из Индии через северное ответвление ВШП, джетыасар по рр. Урал и Белой в Среднее Прикамье. Изменение источника проявилось, возможно, и в появлении новых типов бус. Таковы зонные или бочонкообразные полихромные

Таблица. 1. Тарасовский могильник. Распределение типологических групп бус по материалу и технике изготовления в соответствии с хронологией
Table. 1. Tarasovo burial ground. Distribution of typological groups of beads by material and manufacturing technique according to the chronology

Хронологические группы	Дата	Стекло, технология										Камень					Подвески		Всего	%
		Тянутая трубочка	Трубочка способом навивки	Однослойная палочка	Многослойная палочка	Сгибание полосы	Навивка	Янтарь	Сердолик	Хрусталь	Халцедон	Глина	Раковина	Стекло, технология не определена	Кость	Фаянс	Стекло	Фаянс		
1	I в. н.э.	9		2	2	1								1	1			2	18	9,4
2	II в. н.э.	4		4	1		1							3					13	6,8
3	III вв. н.э.	9		1			1							1					12	6,6
4	I-III вв. н.э.	4		3						1					1				9	4,5
5	II-III вв. н.э.	4		3	1					1									9	4,5
6	II-IV вв. н.э.	1		4						1									6	3,1
7	III в. н.э.	7	1	12	3	10		1					2	1			2	39	20,3	
8	IV в. н.э.			6		2	1	1	1										11	5,7
9	3 ч. IV в. н.э.									1		1				1			3	1,6
10	4 ч. IV в. н.э.						1												1	0,5
11	III-IV вв. н.э.	3		6					2										11	5,7
12	V в. н.э.	1		4			1							1					7	3,7
13	I-IV вв. н.э.	3		1		1													5	2,6
14	IV-V вв. н.э.							1											1	0,5
15	III-V вв. н.э.	4		10			1						2						17	8,9
16	II-V вв. н.э.	1		4															5	2,6
17	I-V вв. н.э.	21		3							1								25	13,0
	Всего	71	1	63	7	14	6	3	1	2	2	2	2	9	3	2	2	2	192	100
	%	37,1	0,5	32,9	3,7	7,4	3,1	1,6	0,5	1,0	1,0	1,0	1,0	4,6	1,6	1,0	1,0	1,0	100	

экземпляры, с глазками в виде цветка-розетки. В III в. они сделаны из стеклянной палочки способом сгибания полосы и разнообразны по цвету (рис. 2): синего (VIГ4а, б), желтого (VIГ5а), и зеленого (VIГ6а, б, в). К ним относится, скорее всего, и подобная зеленая, но с невыявленной техникой изготовления (XVB7а). Но в это же время бытуют похожие, но выполненные из тянутой палочки желтого цвета (IVB7б). Бусы подобной техники изготовления оливкового или слабоокрашенного и синего известны в IV в. (рис. 3, IVB8в, IVB11б, IVB13б), а также в могилах III–IV вв. (рис. 3, IVB8б, IVB49а). Таким образом, технология производства стеклянных бус любых памятников заслуживает особого внимания. Необ-

ходимо накапливать информацию об этом признаке, полученную в одном методическом ключе, и со временем она обязательно сработает.

Мы понимаем, что предлагаемый вариант хронологического деления бус Тарасовского могильника далек от совершенства – слишком велик и своеобразен объем материала. Надеемся, что он даст возможность будущим исследователям правильно определить дальнейшие пути решения этой проблемы и, используя последние достижения в области изучения древнего стекла (прежде всего, химический состав изделий), получить уточненные датировки как хронологических групп, так и отдельных типов бус.

Примечания:

¹ Далее в случаях, когда бусина в единственном экземпляре, цифра не указывается.

² Число типов бус в хронологических группах (192) превышает общее число типов бус могильника (175), так как некоторые типы в хронологии повторяются (например, типы IVA73 и IVA74 учтены в группах II и III в. и т.д.). Можно было бы поместить их в смежные группы, но хотелось подчеркнуть своеобразие групп как II, так и III веков.

* этим знаком обозначены новые сравнительно с неволинской культурой (Голдина Е.В., 2010) группы, подгруппы, типы, подтипы.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. П-12. М.: Наука, 1975. 115 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. П-12. М.: Наука, 1978. 120 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. П-12. М.: Наука, 1982. 105 с.
- Ашихмина Л.И., Ширяева Л.Л. Ювелирные изделия из курганных могильников в бассейне р. Нившеры // Минералы в материальной культуре древних уральских народов / Отв. ред. Н. П. Юшкин. Свердловск: Уро АН СССР, 1988. С. 29–34.
- Бугров Д.Г. Бусы Тойгузинского II городища // ПИФК. 2007. Вып. XVII. С. 442–453.
- Быкова Н.В., Казанцева О.А. Ювелирные изделия из минералов коллекциях могильников I–V веков в бассейне реки Камы // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1(18). Пермь, С. 93–104.
- Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Семенов. Ижевск, 1970. 257 с.
- Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.) // МИКВАЭ. Т. 6. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2010. 264 с.
- Голдина Е.В. Характеристика бус Тураевского I могильника (бескурганная часть) // Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / МИКВАЭ. Т. 17. Ижевск: УдмГУ, 2010а. С. 462–474.
- Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск: УдмГУ, 2010. С. 156–247.
- Голдина Е.В., Егорьков А.Н. Состав стекла бус из могильников Среднего Прикамья I–V вв. (Боярско-го, Дубровского, Заборьинского и Тарасовского) // Клио. 2016. №8(116). С. 177–185.
- Голдина Е.В., Кузьминых Н.В. Особенности бус Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание» / Науч. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 59–61.
- Голдина Е.В., Черных Е.М. Морфо-технологическая характеристика бус Дубровского могильника IV–V вв. н.э. в Среднем Прикамье // Поволжская археология. 2016а. №3. С. 149–160.

Голдина Р.Д. О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы: сборник статей / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 167–192.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

Голдина Р.Д. О находках предметов из раковин турбинелла пирум на памятниках III–IV вв. Среднего Прикамья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. №4(43). С. 97–107.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / МИКВАЭ. Т. 17. Ижевск: УдмГУ, 2010а. 500 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. №1(15). С. 41–89.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Часть I // Поволжская археология. 2016а. №3. С. 17–58.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Часть II // Поволжская археология. 2017. №1(19). С. 172–204.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017а. №2(20). С. 47–72.

Голдина Р.Д., Королева О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и Сибири в первобытную эпоху / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Удмуртский университет, 1983. С. 40–72.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИКВАЭ. Т. 22. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.

Довгалюк Н.П. Бусы из некрополя Широкая Балка // Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке (Некрополи Черноморья. Т. IV) / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: ИА РАН, 2011. С. 303–368.

Деопик В.Б. Классификация бус Северного Кавказа IV–V вв. // СА. 1959. №3. С. 48–65.

Железчиков Б.В., Порох В.Н. Позднесарматские мечи Лебедевки (опыт металлографического анализа) // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа, 1993. С. 88–92.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак, 2009. 264 с.

Ковалевская В.Б. Хронология Восточно-Европейских древностей V–IX веков. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М.: ИА РАН, 1998. 94 с.

Красноперов А.А. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АНРТ, 2009. С. 92–105.

Красноперов А.А. Бусы Нырғынды [Электронный ресурс]. URL: <http://www.academia.edu/3156851>. (дата обращения 22.03.2021)

Левина Л.М., Довгалюк Н.П. Бусы из джетысарских памятников // Джетысарская культура / Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 5. / Ред. А. Н. Седловская. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 202–228.

Левина Л.М., Никитин А.Б. Иранские резные камни из памятников джетысарской культуры // Джетысарская культура / Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 5. / Ред. А. Н. Седловская. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 105–121.

Левкова К.С., Саттаров Р.Р. Бусы пьяноборской археологической культуры: историографический обзор // XLIX Урало-Поволжская конференция студентов и молодых ученых. Материалы всероссийской конференции с международным участием. 1–3 февраля 2017 г., г. Киров / Отв. ред. А.О. Кайсин, науч. ред. В.А. Коршуков. Киров: ВятГУ, 2017. С. 131–133.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013. 301 с.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / МИАР. № 9. М.: Восточная литература, 2008. 364 с.

Мастыкова А.В. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре / Отв. ред. М.Е. Левада. Киев: ИА НАН Украины, 1999. С. 171–202.

Мастыкова А.В. Халцедоновые бусы эллипсоидной формы эпохи раннего средневековья: распространение, датировка, социальная атрибуция // РА. 2001. №2. С. 23–37

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.

Овсянников В.В., Савельев Н.А., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Культурные контакты азелинских племён (по данным археологической металлографии) // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122. / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 135–140.

Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. 376 с.

Саттаров Р.Р. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н.э. – II в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 167 с. URL: http://kpfu.ru/dis_card?p_id=2858 (дата обращения: 01.03.2021)

Стоянова А.А. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2016. С. 122–165.

Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011. С. 13–113.

Щапова Ю.Л. Древнее стекло: Морфология, технология, химический состав. М.: МГУ, 1989. 120 с.

Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Столярова Е.К. Морфология древностей. Киев: Знание, 1990. 92 с.

Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Изд-во «Фарн», 1994. 323 с.

Ясаков В.С. Трансконтинентальные связи Приуралья в III–IV вв. н.э. (на примере накладок из створок раковин *Turbinella rugum*) // Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. (УПАСК, 1–4 февраля 2018 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых / Отв. ред. С.Э. Зубов. Самара: Самарский университет, 2018. С. 275–278.

Ясаков В.С. Функциональное назначение раковин каури (середина II тыс. до н.э. – XIX в. н.э.) // LI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. (УПАСК, 5–9 февраля 2020 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых / Отв. ред. М.К. Мингалева. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. С. 451–453.

Hall M.E., Yablonsky L. Chemical analyses of Sarmatian glass beads from Pokrovka, Russia // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 25. 1998. Pp. 1239–1245.

Информация об авторах:

Голдина Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); goldina66@yandex.ru

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

REFERENCES

Ageev, V. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ashikhmina, L. I., Shiryayeva, L. L. 1988. In Yushkin, N. P. (ed.). *Mineraly v material'noi kul'ture drevnih ural'skikh narodov (Minerals in the Material Culture of the Ancient Ural Peoples)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 29–34 (in Russian).

Bugrov, D. G. 2007. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (17). 442–453 (in Russian).

Bykova, N. V., Kazantseva, O. A. 2012. In *Vestnik Permskogo universiteta. Serii Istorii (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 18 (1), 93–104 (in Russian).

Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor Epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 10. Izhevsk (in Russian).

Goldina, E. V. 2010. *Busy mogil'nikov nevolinskoj kul'tury (konets IV–IX vv.) (Beads from the Nevolino Culture Burial Grounds (Late 4th – 9th Centuries))*. Series: Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition 6. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, E. V. 2010a. In Goldina, R. D., Bernts, V. A. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans))*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoj arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt State University, 462–474 (in Russian).

Goldina, E. V., Goldina, R. D. 2010. In Goldina, E. V. *Busy mogil'nikov nevolinskoj kul'tury (konets IV–IX vv.) (Beads from the Nevolino Culture Burial Grounds (Late 4th – 9th Centuries))*. Series: Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition 6. Izhevsk: Udmurt State University, 156–247 (in Russian).

Goldina, E. V., Egor'kov, A. N. 2018. In *Klio (Klio)*, 116 (8). 177–185 (in Russian).

Goldina, E. V., Kuzminykh, N. V. 2013. In Vaskul, I. O. (ed.). *Perekhodnye epokhi v arkheologii. XIX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (Transitional Stages in Archaeology: 19th Ural Archaeological Session)*. Syktyvkar: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Komi Scientific Center, Language, Literature and History Institute, 59–61 (in Russian).

Goldina, E. V., Chernykh, E. M. 2016a. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 17 (3), 149–160 (in Russian).

Goldina, R. D. 1991. In Ivanova, M. G. (ed.). *Issledovaniia po srednevekovoi arkheologii lesnoi polosy Vostochnoi Evropy (Studies on Medieval Archaeology of the East-European Forest Belt)*. Izhevsk: Udmurt Institute for Language, Literature and History Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 167–192 (in Russian).

Goldina, R. D. 2004. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st – 5th centuries in the Middle Kama Region)* 1. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).

Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region)* II. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).

Goldina, R. D. 2018. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 43 (4), 97–107. (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans))*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoj arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 41–89 (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2016a. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 17 (3), 41–89 (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 172–204 (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2017a. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 20 (2), 47–72 (in Russian).

Goldina, R. D., Koroleva, O. P. 1983. In Vladykin, V. E. (ed.). *Etnicheskie protsessy na Urale i Sibiri v pervobytnuiu epokhu (Ethnic Processes in the Urals and Siberia in the Primeval Period)*. Izhevsk: Udmurt State University, 40–72 (in Russian).

Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II–III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd–3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoj arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Dovgalyuk, N. P. 2011. In Malyshev, A. A. (ed.). *(Naselenie predgorii Severo-Zapadnogo Kavkaza v rimskuiu epokhu: po materialam nekropolia v Shirokoj Balke: po materialam nekropolia v Shirpkoj Balke)*. (Population of the North-Western Caucasus Piedmonts in the Roman Epoch: according to the materials from the Shirokaya Balka Necropolis). Series: Nekropoli Chernomor'ia (The Pontic Necropolises) IV. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 303–368 (in Russian).

Deopik, V. B. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 48–65 (in Russian).

Zhelezchikov, B. V., Porokh, V. N. 1993. In Ageev, B. B. (ed.). *Khronologiya pamiatnikov Iuzhnogo Urala (Chronology of the Southern Urals Sites)*. Ufa: Ural Research Center of the Russian Academy of Sciences, 88–92 (in Russian).

Zav'ialov, V. I., Rozanova, L. S., Terekhova, N. N. 2009. *Istoriia kuznechnogo remesla finno-ugorskikh narodov Povolzh'ia i Predural'ia: K probleme etnokul'turnykh vzaimodeistvii (History of Finno-Ugric Peoples' Smithery in the Volga Basin and Cis-Urals Region: to the Issue of Intercultural Interactions)*. Moscow: "Znak" Publ. (in Russian).

Kovalevskaya, V. B. 1998. *Khronologiya Vostochno-Evropeiskikh drevnostei V–IX vekov. Vyp. 1. Kamennye busy Kavkaza i Kryma (Chronology of the East European Antiquities of the 5th – 9th Centuries. Issue 1. Stone Beads from the Caucasus and Crimea)*. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2009. In Bugrov, D. G. (ed.). *Drevniia i srednevekovaia arkheologiya Volgo-Kamia (Prehistoric and Medieval Archaeology of the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 10. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 92–105 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. *Busy Nyrgyndy (The Nyrgynda Beads)* <https://www.academia.edu/3156851/> (accessed: 22.03.2021)

Levina, L. M., Dovgalyuk, N. P. 1995. In Sedlovskaya, A. N. (ed.). *Dzhetyasarskaia kul'tura (Dzhetyasar Culture)*. Series: Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti. (Lower Reaches of the Syr Darya in Antiquity) V. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 202–228 (in Russian).

Levina, L. M., Nikitin, A. B. 1995. In Sedlovskaya, A. N. (ed.). *Dzhetyasarskaia kul'tura (Dzhetyasar Culture)*. Series: Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti. (Lower Reaches of the Syr Darya in Antiquity) V. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 105–121 (in Russian).

Levkova, K. S., Sattarov R. R. 2017. In Kaisin, A. O. (ed.). *XLIX Uralo-Povolzhskaia konferentsiia studentov i molodykh uchenykh (49th Conference of Students and Young Scientists from the Ural and Volga Regions)*. Kirov: Vyatka State University, 131–133 (in Russian).

Malashev, V. Yu. 2013. *Pozdnesarmatskaya kul'tura Yuzhnogo Priural'ya vo II–III vv. n.e. (Late Sarmatian Culture of the Southern Cis-Urals in the 2nd – 3rd cc. AD)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).

Malashev, V. Yu., Yablonsky, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (The Steppe Population of the Southern Urals in Late Sarmatian Period: Materials of the Pokrovka 10 Cemetery)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Archaeology of Russia) 9. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Mastykova, A. V. 1999. In Levada, M. E. (ed.). *Sto let cherniakhovskoi kul'ture (The Hundredth Anniversary of Chernyakhov Culture)*. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 171–202 (in Russian).

Mastykova, A. V. 2001. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 23–37 (in Russian).

Mastykova, A. V. 2009. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV – seredine VI vv. n. e. (Women's Costume of Central and Western Fore-Caucasus at the End of 4th – Middle 6th Century AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ovsianikov, V. V., Savelyev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasilyev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd – 5th Centuries AD)*. Izhevsk: Udmurt Institute of the History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Rozanova, L. S., Terekhova, N. N. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Funeral Rite)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 135–140 (in Russian).

Ruslanova, R. R. 2018. *Busy Yuzhnogo Urala po materialam nekropoley III–VIII vekov (Beads from the Southern Urals Based on Materials of the 3rd – 8th Century Necropolises)*. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya (in Russian).

Sattarov, R. R. 2019. *Importnye predmety v p'ianoborskoj kul'ture (konec II v. do n.e. – II v. n.e.) (Imported Items in the Piany Bor Culture (Late 2nd century BC – 2nd century AD))*. Diss of candidate of historical Sciences. Kazan (in Russian).

Stoyanova, A. A. 2016. In Khrapunov, I. N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). The Crimea in the age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)*. Simferopol, 122–165 (in Russian).

Khrapunov, I. N. 2011. In Khrapunov, I. N. (ed.). *Issledovaniia mogil'nika Neizats (Studies of Neizats Burial Ground)*. Simferopol: "Doliia" Publ., 13–113 (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1989. *Drevnee steklo: Morfologiya, tekhnologiya, khimicheskii sostav (Ancient Glass: Morphology, Typology, Chemical Composition)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Shchapova, Yu. L., Likhter, Yu. A., Stolyarova, E. K. 1990. *Morfologiya drevnostei (Morphology of Antiquities)*. Kiev: "Znanie" Publ. (in Russian).

Shchukin, M. B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do n.e. – I v.n.e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope (On the Turn of Erae. An Attempt to Construct a Model of Political Events in Eastern and Central Europe during the 3rd Century BC – 1st Century AD)*. Saint Petersburg: "Farn LTD C." Publ. (in Russian).

Yasakov, V. S. 2018. In Zubov, S. E. (ed.). *L Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (UPASK, 1-4 fevralya 2018 goda): materialy vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (50th Ural-Volga Archaeological Student Conference (UPASK, February 1–4, 2018): Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists)*. Samara: Samara State University, 275–278 (in Russian).

Yasakov, V. S. 2020. In Mingaleva, M. K. (ed.). *LII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (UPASK, 5-8 fevralya 2020 goda): materialy vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (52nd Ural-Volga Archaeological Student Conference (UPASK, February 5–8, 2020): Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists)*. Perm: Perm State University, 451–453 (in Russian).

Hall, M.E., Yablonsky, L. 1998. In *Journal of Archaeological Science*. 25. 1239-1245.

About the Authors:

Goldina Ekaterina V., Candidate of Historical Sciences. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; goldina66@yandex.ru

Goldina Rimma D. Doctor of Historical Sciences, Professor. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.

Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 903.23

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.148.155>

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КАРТА ЮЖНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ПЕРИОД МЕЖДУ ВЕНГРАМИ И МОНГОЛАМИ

© 2021 г. В.А. Иванов

Статья посвящена характеристике этнокультурной ситуации в Южном Предуралье в X–XI вв. по археологическим данным. По мнению автора, в лесах региона продолжала сохраняться этническая доминанта угорского населения – носителей петрогромской и постпетрогромской культур, занявших эту территорию после ухода древних угров-мадьяр на запад. Они составляли западную часть этнокультурного ареала (ЭКА) угорских племен Зауралья и Западной Сибири. В это же время в степях Южного Предуралья кочуют племена огузов и печенегов. Волжская Булгария, переживавшая в указанное время период своего наивысшего социально-экономического и политического подъема, активно осваивала лесные пространства Прикамья и Предуралья. Поэтому объективно она сыграла роль ареалообразующего фактора угорских племен региона. Что касается кочевников Степного Предуралья – огузов и печенегов – то, по имеющимся археологическим материалам, культурное влияние Волжской Булгарии на них не прослеживается.

Ключевые слова: археология, угры, огузы, печенеги, Волжская Булгария, постпетрогромский тип, аридизация, гумидизация.

ETHNIC-CULTURAL MAP OF THE SOUTHERN PRE-URALS REGION IN THE PERIOD BETWEEN THE HUNGARIANS AND THE MONGOLS

V. A. Ivanov

The paper characterizes the ethnic-cultural situation in the Southern Cis-Urals in the 10th–11th centuries on the basis of archaeological data. In the author's opinion, the ethnic dominant of the Ugric population remained in the forests of the region – the carriers of the Petrogrom and post-Petrogrom cultures, who occupied this territory after the migration of the ancient Magyar Ugrians to the west. They formed the western portion of the ethnic-cultural area (ECA) of the Ugric tribes of the Trans-Urals and Western Siberia. At the same time, the tribes of the Oguz and Pechenegs roamed the steppes of the Southern Cis-Urals. Volga Bolgaria, which then experienced the period of its highest socio-economic and political upsurge, was actively developing the forest areas of the Kama region and the Pre-Urals. Therefore, it objectively played the role of the area-forming factor for the Ugric tribes of the region. As for the nomads of the Steppe Cis-Urals – the Oguz and Pechenegs – no cultural influence of Volga Bolgaria on them has been traced on the basis of the available archaeological materials.

Keywords: archaeology, Ugrians, Oguz, Pechenegs, Volga Bolgaria, post-Petrogrom type, aridization, humidization.

Содержание этнокультурных процессов в Южном Предуралье в эпоху раннего Средневековья в настоящее время представляется наиболее полно освещенным в двух контекстах: Уральская прародина древних угров-мадьяр в VIII–IX вв. (проблема *Magna Hungaria*) (Белавин и др., 2015) и население региона в составе Золотой Орды в XIII–XIV вв. (Иванов, 2016). Промежуток между этими двумя хронологическими периодами в восприятии исследователей региона разбивается на два сюжета, синхронных, но друг от друга независимых. Это угры Предуралья в X–XIV вв. (Гарустович, 2015; Белавин, Иванов, 2016) и огузы и печенеги в степях Урало-Поволжья (Иванов и др., 2014).

Примечательно так же и то, что пребывание угров и тюркоязычных кочевников (огузов,

печенегов, а затем и кыпчаков-половцев) в Южном Предуралье осуществлялось на фоне максимального роста территории Волжской Булгарии – единственного в Урало-Поволжье раннефеодального государства (Хузин, 2006, с. 44–50).

Цель настоящей статьи – проанализировать археологическую карту Южного Предуралья X–XIII вв., то есть того периода, когда древние мадьяры-венгры в основной своей массе уже ушли из региона («семь племен Хетумогер»), а до монгольского вторжения в Восточную Европу было ещё очень далеко¹. И поскольку этнокультурная составляющая этой карты сейчас в общих чертах определена и не вызывает серьезных возражений у большинства современных исследователей, то результаты археолого-географического анали-

за имеющихся археологических материалов могут внести дополнительную определенность и в этническую карту Урало-Поволжья в указанный период.

Прежде всего, следует дать характеристику той природно-климатической ситуации, которая имела место в Урало-Поволжском регионе в интересующий нас период. Она восстанавливается по данным палеопочвоведения и палинологии.

По этим данным, конец I – начало II тыс. н. э. для Урало-Поволжского региона были временем повышенной аридизации лесной ландшафтной зоны и гумидизации степной². В климатическом контексте это уменьшение увлажненности с одновременным потеплением климата в лесах региона (сокращение количества осадков, понижение уровня грунтовых вод, высыхание болот и заболачивание озер³, сокращение северной и южной границ широколиственных лесов: северная сдвигается на юг, южная сдвигается к северу под натиском наступающей степи (Смирнова, Турубанова, 2003, с. 35; Аськеев И.В. и др., 2009, с. 70). Обозначить эти границы достаточно сложно. Хотя сейчас известны по крайней мере две точки – городище Уфа II в Предуралье и Казань на Средней Волге, показывающие, что в разных концах Урало-Поволжского региона в рассматриваемое время наблюдается одна и та же ландшафтная ситуация – пограничная зона между широколиственными лесами и лесостепью (Аськеев И.В. и др., 2009, с. 70; Курманов, 2015).

В степях региона в это же время (рубеж IX–X вв.) ситуация приближается к современной (примерно середина XX в.), а затем изменяется в сторону повышения гумидизации (Якимов и др., 2007, с. 195).

Археологическая карта Прикамья и Предуралья в означенный период выглядит следующим образом: лесная зона региона продолжает оставаться ареалом расселения угорских племен, оставивших памятники ломоватовско-поломского и петрогромско-мрясимовского типов. Отличительной особенностью материальной культуры этих памятников является керамика со шнуро-гребенчатой орнаментацией.

С точки зрения археологической морфологии, керамика со шнуро-гребенчатой орнаментацией не представляет типологического «монолита». Так, сосуды ломоватовско-поломских памятников лесного Прикамья хотя и отличаются разнообразием керамических форм, но преобладают среди них сосуды

низких пропорций с широкой отогнутой наружу горловиной, тогда как среди неволинской керамики явно доминируют сосуды с прямыми шейками (Белавин и др., 2009, с. 125–145).

В отличие от них для «постпетрогромской» керамики Волжской Булгарии характерны «гибридные» сосуды, сочетающие в себе высокую цилиндрическую шейку, посаженную на приплюснутое тулово (Казаков, 2007, с. 52–55).

В наиболее «чистом» виде петрогромские/постпетрогромские сосуды представлены в курганах «мрясимовского» типа на Южном Урале – Мрясимовских, Каранаевских, Идельбаевских, Бакалинских (рис. 1).

Различается и погребальный обряд могильников указанных типов. Так, в Прикамье и в начале II тыс. н. э. сохраняется обряд захоронения в бескурганных могильниках. Яркий тому пример Кишертский, Огурдинский, Рождественский могильники (Белавин, Крыласова, 2012, с. 205–206; 2009, с. 92–102; Пастушенко, 2005–2006).

Погребальный обряд могильников «мрясимовского типа», локализованных в лесах Южного Предуралья, суммарно характеризуется следующими признаками: захоронения под земляными насыпями, в большинстве случаев (около 60% от 51 кургана) содержащие по одной могиле; 47% известных курганов содержали в насыпи следы ритуального конского жертвоприношения: черепа, кости ног лошади; почти в половине всех исследованных погребений – остатки заупокойной пищи (конины) в виде плечевых костей лошади, уложенных в изголовье могилы или у ног погребенного. В одном случае (Мрясимовский могильник, к. 21) рядом с человеческим захоронением в отдельной яме находилось захоронение целой туши взнузданного и оседланного коня. Абсолютно преобладает ориентировка погребенных в западном секторе. Погребальный инвентарь состоит из предметов конской упряжи, оружия и женских украшений. Глиняные сосуды помещали только в женские и детские могилы (Гарустович, 2011; 2015, с. 185–187).

В первой четверти IX в. северо-западная оконечность Кунгурско-Месягутовской лесостепи обезлюдилась. Племена неволинской археологической культуры в массовом порядке покидают эту территорию. Часть их ушла севернее, на берега Чусовой и Обвы, где их присутствие фиксируется по т. н. «постневолинской» керамике (т. е. посуде с сохранением неволинских черт, но в слоях X в.). Часть

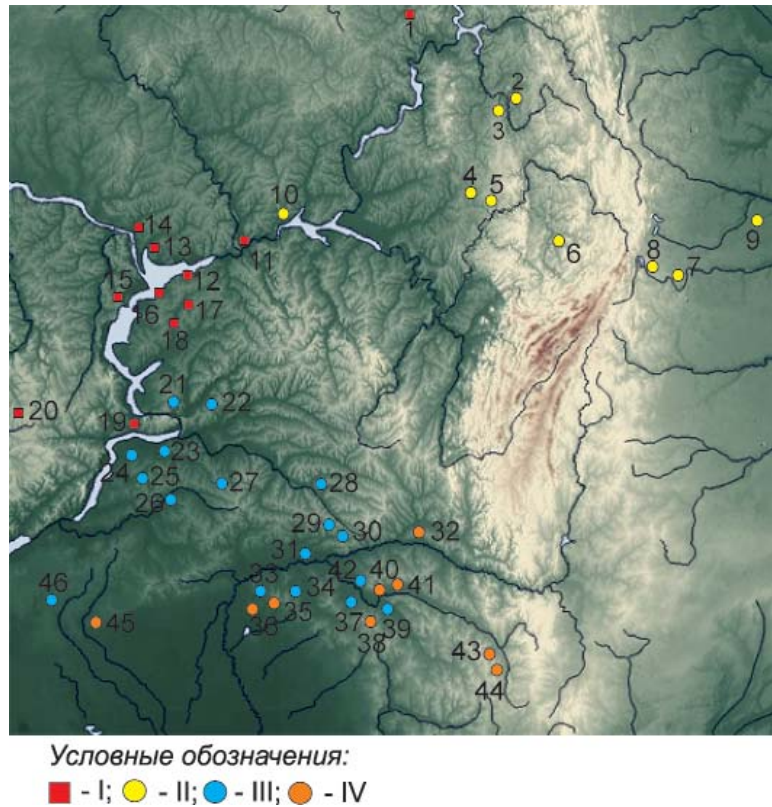

Рис. 1. Карта памятников X-XI вв. в Урало-Поволжье.

Условные обозначения: I – города Волжской Булгарии (по Ф.Ш.Хузину); II – могильники «постпетрогромского типа» (угры) (по Г.Н.Гарустовичу); III – курганы печенегов; IV – курганы огузов.

1 – Рождественское (Афкула); (село Рождественск) 2 – Кишертский (д. Усть-Кишерть); 3 – «Селянино Озеро» (местность с таким же названием); 4 – Бакалинские (дер. Бакалы); 5 – Мрясимовский (с. Мрясимово); 6 – Каранаевский (с.Каранаево); 7 – Смолино (оз. Смолино); 8 – Миасские (город Миасс); 9 – Замараевский (д. Замараево); 10 – Тураевский (дер. Тураево); 11 – Алабуга (г. Елабуга); 12 – Джукетау; 13 – Кашан; 14 – Казань; 15 – Ошель; 16 – Болгар (Бряхимов); 17 – Биляр; 18 – Сувар; 19 – Муромский; 20 – Юлувское (Буртас?); 21 – «Золотая Нива» (совхоз «Золотая Нива»); 22 – Васильевский; 23 – Кировский II (совхоз им. Кирова); 24 – Красный Октябрь (свх. «Красный Октябрь»); 25 – Осинковский (дер. Осинки); 26 – Александровский (сел. Александровка); 27 – Волчанское (дер. Волчанка); 28 – Сорочинское (гор. Сорочинск); 29 – Яман (с. Яман); 30 – Красный (пос. Красный); 31 – Рубежинский (пос. Рубежинский); 32 – Алебастровая гора (местность Алебастровая гора); 33 – Челкар III (озеро Челкар/Шалкар); 34 – Лебедевка (пос. Лебедевка); 35 – Челкар II, IV, V; 36 – Челкар ((озеро Челкар/Шалкар); 37 – Покровский (дер. Покровка); 38 – Болгарка I (дер. Болгарка); 39 – Буранный (пос. Буранный); 40 – Тамар-Уткуль (с. Тамар-Уткуль); 41 – Увак (пос. Увак); 42 – Пчельник (местность Пчельник); 43 – Жаман-Каргала (пос. Жаман-Каргала); 44 – Жаман-Каргала I ((пос. Жаман-Каргала); 45 – хутор Ст.Разина; 46 – Кураевский сад (колония Кураевский сад)

Fig. 1. Map of 10th-11th century sites in the Ural-Volga region.

Legend: I – towns of Volga Bulgaria (after F.Sh. Khuzin); II – burial grounds of the “post-Petrogrom type” (the Ugrians) (after G.N. Garustovich); III – barrows of the the Pechenegs; IV – barrows of the Oguz. 1 – Rozhdestvensk (Afkula); 2 – Kishert’; 3 – “Selyanino Ozero”; 4 – Bakaly; 5 – Mryasimovo; 6 – Karanaevo; 7 – Smolino; 8 – Miass; 9 – Zamaraevo; 10 – Turaevo; 11 – Alabuga; 12 – Juketau; 13 – Kashan; 14 – Kazan; 15 – Oshel’; 16 – Bolgar (Bryakhimov); 17 – Bilyar; 18 – Suvar; 19 – Muromsky; 20 – Yuluvo (Burtas?); 21 – “Zolotaya Niva”; 22 – Vasilievsky; 23 – Kirovsky II; 24 – Krasny Oktyabr’; 25 – Osinki; 26 – Alexandrovka; 27 – Volchanka; 28 – Sorochinsk; 29 – Yaman; 30 – Krasny; 31 – Rubezhinsky; 32 – Alebastrovaya gora; 33 – Chelkar III; 34 – Lebedevka; 35 – Chelkar II, IV, V; 36 – Chelkar; 37 – Pokrovka; 38 – Bolgarka I; 39 – Buranny; 40 – Tamar-Utkul; 41 – Uvak; 42 – Pchelnic; 43 – Zhaman-Kargala; 44 – Zhaman-Kargala I; 45 – Khutor Stepana Razina; 46 – Kuraevsky Sad

переселилась в Волжскую Булгарию, где это население, благодаря своеобразной керамике с резной орнаментацией, хорошо заметно (Казаков, 2007, с. 51–59). Большая часть «неволинцев», скорее всего, ушла вместе с другими угро-мадьярскими племенами на запад.

Степная зона Южного Предуралья в конце IX – первой половине XI вв. становится ареалом расселения тюркоязычных кочевников – огузов и печенегов. Их библиография в регионе обширна, поэтому здесь ограничусь общей, суммарной характеристикой археологической культуры указанных племен:

Для огузов – впускные погребения в насыпи более ранних курганов, по одному в каждой насыпи, в простых прямоугольных могилах, иногда перекрытых деревом, в позе вытянуто на спине, головой на запад, в сопровождении шкуры взнузданного и оседланного коня, уложенной на перекрытие над человеком, с богато украшенным конским изголовьем, прямоугольными подпружными пряжками, поясами с цельнолитыми овальнорамчатыми пряжками и орнаментированными наконечниками, птицевидными подвесками, копоушками, декоративными дисками и перстнями салтовского типа.

Для печенегов – основные и впускные погребения, иногда по два под одной насыпью, в простых могилах, в позе вытянуто на спине, головой на запад, встречаются дощатые гробы, шкура коня – на дне могилы слева от человека, конь взнуздан и оседлан, часто в могилах встречаются кости барана, конская сбруя состоит из удил без перегиба и стремян различных типов, украшена сбруя прорезными бубенчиками, вместе с погребенным – лук со срединными костяными накладками, пояс с треугольнорамчатой, прямоугольной или лировидной пряжкой, глиняный лепной кувшин или плоскодонный горшок (Иванов и др., 2014, с. 124–136).

География памятников указанных типов – это зона предуральско-заволжских типчаково-ковыльных степей, между Самарской Лукой на севере и границами Прикаспийских полупустынь на юге.

В районе Самарской Луки кочевья печенегов вплотную подходили к южным рубежам домонгольской Волжской Булгарии, восточные границы которой проходили в X–XI вв. по низовьям рр. Ик, Иж, верховьям Зая, Шешмы и Большого Черемшана. То есть по западным склонам Бугульминско-Белебеевской возвышенности (Хузин, 2006а, с. 132–136).

Итак, этнокультурная ситуация в Урало-Поволжском регионе в X–XI и XII вв. в общем ясна: лесное Прикамье и Предуралье являлись ареалом расселения носителей культур с гребенчато-шнуровой керамикой, в X–XII вв. обитавших по обе стороны Уральского хребта. Если исходить из опубликованных карт, то памятники с гребенчато-шнуровой керамикой лесного Прикамья и Предуралья (петрогромского или предчиялыкского типа) составляли западную периферию **петрогромско-юдинского историко-культурного горизонта VIII–XV вв.** (Боталов, 2016, с. 512, рис. 18).

В свое время нами было выдвинуто предложение рассматривать эти памятники как часть **этнокультурного ареала (ЭКА) культур со штампо-гребенчатой керамикой лесного и лесостепного Зауралья и Западной Сибири** (культур угорских) (Гарустович, Иванов, 1992, с. 24). Понятие «этнокультурный ареал» (ЭКА) сформулировано без малого 40 лет тому назад Г.Д. Савиновым. Поскольку современные исследователи в большинстве своем в своих работах равно не используют ни того, ни другого понятия, напомним определение ЭКА, данное его автором: «Под этнокультурным ареалом (ЭКА) понимается территория, на которой сложилась определенная этнокультурная общность... С точки зрения археологии ЭКА представляет собой атрибут археологической культуры, точнее, ее пространственно-культурное выражение **на определенном хронологическом срезе** (выделено мной – *авт.*)⁴... В пределах каждого ЭКА возможно как сплошное, так и дисперсное расселение носителей данного этнонима (политонима), узкая этническая принадлежность которых (по языку, происхождению и т. д.) может быть различной. В силу последнего обстоятельства на одной территории в одно и то же время могут быть представлены археологические памятники, различающиеся по деталям погребального обряда, приемам орнаментации керамики и другим наиболее традиционным культурным элементам. Однако в рамках одного этносоциального объединения у них складываются общие культурные особенности, отраженные в археологических материалах, которые и являются основанием для выделения ЭКА» (Савинов, 1984, с. 48).

Население северной части прикамско-предуральской периферии угорского ЭКА в X–XII вв. подпадает под сильное культурно-экономическое воздействие Волжской Булгарии, вступившей в это время в период своего наивысшего подъема. По определению Р.Г. Кузеева, именно территория этого государства, плотно заселенная, население которой характеризовалось более высокой культурой, составляла в указанное время основу Волго-Уральской историко-этнографической области (ИЭО): «Именно здесь на относительно компактной площади протекал первоначально наиболее активный процесс финно-угорско-тюркского этнокультурного взаимодействия, расширяясь постепенно на периферию этой зоны. На этой же территории с выгодным географическим положением на крупных водных артериях, в благоприят-

ных экологических условиях для земледельческого хозяйства сформировалось первое феодальное государство в регионе – Волжская Болгария, **сыгравшая роль крупного ареалообразующего и этноконсолидирующего фактора для всего региона** (выделено мной – авт.)» (Кузеев, Иванов, 1984, с. 5).

В первую очередь это проявилось в проникновении болгар далеко на север лесного Прикамья и распространении элементов болгарской культуры среди местного населения (археологический комплекс у с. Рождественно на р. Обва – Древняя Афкула, городище Иднакар на Чепце и др.) (Белавин, Крыласова, 2008; История Удмуртии..., 2007, с. 271).

Чего не наблюдается в отношении кочевников степей Заволжья и Южного Предуралья – огузов и печенегов. От угров лесного и лесостепного Предуралья их отделяли отроги Бугульминско-Белебеевской возвышенности. С точки зрения хозяйственного освоения для эпохи раннего Средневековья эта территория ни для земледельцев, ни для кочевников ценности не представляла по целому ряду природно-географических условий. Во-первых, ее абсолютная высота колеблется от 200 до 480 м, причем повышается именно к югу, к степи. Во-вторых, в силу этого обстоятельства снег на ее склонах сохраняется до начала мая. В-третьих, поверхность возвышенности сильно изрезана руслами стекающих с нее рек и оврагами, на склонах которых трава уже к началу августа выгорает⁵.

Поэтому Бугульминско-Белебеевская возвышенность, географически расположенная между миром полуоседлых угров лесной зоны Предуралья, оседло-земледельческим и торгово-ремесленным населением Волжской Болгарии и кочевниками степного Заволжья и Предуралья, являлась не интегрирующим компонентом Волго-Уральской ИЭО (по Р.Г. Кузееву), а буферной зоной.

Примечания:

¹ Конечно, если подходить со всей строгостью, то временные рамки указанного периода должны определяться второй половиной IX и первой половиной XIII вв. Но пока разработанная хронологизация имеющегося археологического материала не дает возможности выделять хронологические комплексы, выступающие в роли календарных реперов для того или иного столетия.

² В данном случае понятие «повышенная» приводится относительно условий примерно середины XX в. (Демкин, Демкина, 1999, с. 368, рис. 2).

³ Для севера Восточной Европы – наступление т.н. «климатического оптимума» (Клименко, 2003, с. 14; Клименко и др., 2012, с. 144).

⁴ Как мы видим, в этом плане ЭКА и ИКГ – понятия равнозначные (Боталов, 2016, с. 468).

⁵ Личные наблюдения автора в течение нескольких лет.

Что и отразилось в незначительности археологически фиксируемых признаков культурных (в широком смысле этого слова) контактов между волжскими булгарами, огузами и печенегами в X–XI вв. В частности, это хорошо прослеживается на материале костюмных комплексов, среди аксессуаров которых ни у печенегов, ни у огузов болгарских элементов практически не выявлено (Иванов, Крыласова, 2006, с. 136–140).

Итак, **некоторые выводы**: как ареалообразующий фактор Волжская Болгария наиболее отчетливо проявляла себя в лесном Прикамье и Среднем Поволжье. Кроме упомянутой выше «Касабе Афкула» в Прикамье, следует ещё упомянуть и о распространенной здесь группе украшений XI–XIII вв., трактуемых как болгарский импорт (Подосенова, 2009, с. 14). Многочисленные изделия болгарского производства – посуда, ювелирные изделия, бронзовые замки – обнаружены и на древнемарийских памятниках IX–XIII вв. Ветлужско-Вятского междуречья (Никитин, Никитина, 2004, с. 61).

Культурные контакты болгар с прикамско-приуральскими уграми, создателями памятников постпетрогромского типа, фиксируются всеми исследователями, в том числе и в виде широкого расселения «постпетрогромцев» по территории Волжской Болгарии (Гарустович, 2015, с. 184; Казаков, 2007, с. 51–59).

Ничего подобного не наблюдается относительно кочевников Степного Предуралья – огузов и печенегов. Исследователи керамики Волжской Болгарии выделяют в ее составе огузо-печенежскую керамику (керамика IX, X и XIII этнокультурных групп) (Хлебникова, 1984, с. 225–230; Кокорина, 2002, с. 33). Однако ее появление на территории этого государства может быть связано с событиями середины XI в. – нашествием половцев-кипчаков и изгнанием печенегов и огузов из степей Южного Предуралья.

ЛИТЕРАТУРА

- Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н.* Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит – средневековье) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 32–112.
- Белавин А., Данич А., Иванов В.* Древние мадьяры в Предуралье // Фодор И. Венгры: древняя история и обретение родины. Пермь: ООО «Типография «ЗЕБРА», 2015. С. 101-128.
- Белавин А.М., Иванов В.А.* Население Западного Приуралья в X-XIV вв. // История татар Западного Приуралья. Т.1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. / Ред. Р.С. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 118–127.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Вагант, 2009. 285 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2008. 603 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Огурдинский могильник. Пермь: ПГГПУ, 2012. 259 с.
- Боталов С.Г.* Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья степного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). / Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: Рифей, 2016. С. 468–541.
- Гарустович Г.Н.* Погребальный обряд Бакалинского курганного могильника эпохи средневековья // УАВ. Вып. 11. Уфа: Гилем, 2011. С. 80–95.
- Гарустович Г.Н.* Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале. // УАВ. 2015. Вып. 15. С. 181–198.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А.* Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 1992. С. 17–31.
- Демкин В.А., Демкина Т.С.* Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // Археология Волго-Уральского региона в эпоху бронзового, раннего железного веков и средневековья. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Издательство ВолГУ, 1999. С. 343–368.
- Иванов В.А.* Кочевое население Улуса Джучи // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред.: И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 541–551.
- Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В.* Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.
- Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь, 2006. 162 с.
- История Удмуртии: С древнейших времен до XV в.* / Под ред. М.Г. Ивановой. Ижевск, 2007. 304 с.
- Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ. 2007. 208 с.
- Клименко В.В.* Климат и история в средние века // Восток (Oriens). 2003. №1. С. 5–41.
- Клименко В.В., Мацковский В. В., Пахомова Л. Ю.* Колебания климата высоких широт и освоение Северо-Восточной Европы в средние века // История и современность. 2012. № 2. С. 130–163.
- Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: ИИ АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.
- Кузеев Р.Г., Иванов В.А.* Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V-XVI веках и проблема происхождения чувашского этноса // Болгары и чуваша / Ред. Димитриев В.Д., Прохорова В.А. Чебоксары: ЧувНИИ, 1984. С. 3–22.
- Курманов Р.Г.* Изучение сукцессий растительных сообществ городища Уфа II методом спорово-пыльцевого анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 175–184.
- Никитин В.В., Никитина Т.Б.* К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 152 с.
- Пастушенко И.Ю.* Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // Finno-Ugrica. 2005-2006. №9. С. 40–70.
- Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Казань, 2009. 27 с.

Савинов Д.Г. Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кемеров гос. ун-т, 1984. С. 46–54.

Смирнова О.В., Турубанова С.А. Формирование и развитие восточноевропейских широколиственных лесов в голоцене // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 2013. № 118 (2). С. 32–40.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

Хузин Ф.Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.). Казань: Фолиантъ, 2006. 583 с.

Хузин Ф.Ш. Булгарское государство: образование, территория и население. Территория // История татар с древнейших времен. В семи томах. Т. II. Влжская Булгария и Великая Степь. степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006а. С. 132–136.

Якимов А.С., Дёмкин В.А., Алексеев А.О. Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII–XIV вв. н.э.). М.: НИИ – Природа. Фонд «Инфосфера», 2007. 228 с.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им.М.Акмуллы (Уфа, Россия); ivanov-sanuch@inbox.ru

REFERENCES

Askeev, I. V., Askeev, O. V., Galimova, D. N. 2009. In Galimova, M. Sh. (ed.). *Srednee Povolzh'e i Iuzhnyi Ural: chelovek i priroda v drevnosti (The Middle Volga Region and the Southern Urals: People and Nature in Prehistory)*. Kazan: "Fen" Publ., 32–112 (in Russian).

Belavin, A., Danich, A., Ivanov, V. 2015. In Fodor, I. (ed.). *Vengry: drevniaia istoriia i obretenie rodiny (Hungarians: Ancient History and the Conquest of the Homeland)*. Perm: "Zebra" Publ., 101–128 (in Russian).

Belavin, A. M., Ivanov, V. A. 2016. In Khakimov, R. S. (ed.). *Istoriia tatar Zapadnogo Priural'ia (History of the Tatars of the Western Urals)* I. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 118–127 (in Russian).

Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (The Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: "Vagant" Publ. (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2012. *Ogurdinskii mogil'nik (Ogurdino Burial Ground)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).

Botalov, S. G. 2016. In *Arkheologiiia Iuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza) (Archaeology of the Southern Urals. Forest, Forest-Steppe (issues of cultural genesis)*. Series: Ethnogenesis of Ural peoples. Cheliabinsk: "Riphean" Publ., 468–541 (in Russian).

Garustovich, G. N. 2011. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 11. Ufa: "Gilem" Publ., 80–95 (in Russian).

Garustovich, G. N. 2015. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 15. 181–198. (in Russian).

Garustovich, G. N., Ivanov, V. A. 1992. In Goldina, R. D. (ed.). *Problemy etnogeneza finno-ugorskikh narodov Priural'ia (Issues of Ethnic Genesis of the Cis-Urals Finno-Ugric Peoples)*. Izhevsk: Udmurt University, 17–31 (in Russian).

Demkin, V. A., Demkina, T. S. 1999. In Skripkin, A. S. (ed.). *Arkheologiiia Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu bronzovogo, rannego zheleznogo vekov i srednevekov'ia (Archaeology of the Volga-Ural Region in the Bronze Age, Early Iron Age and the Middle Ages)*. Volgograd: Volgograd State University, 343–368 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2016. In Mirgaleev, I. M., Khautala, R. (eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii (The Golden Horde in world history)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 541–551 (in Russian).

Ivanov, V. A., Garustovich, G. N., Pilipchuk, Ia. V. 2014. *Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii (Medieval Nomads on the Border between Europe and Asia)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).

Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2006. *Vzaimodeistvie lesa i stepi Uralo-Povolzh'ia v epokhu srednevekov'ia (po materialam kostiuma)*. (*Interaction of the Forest and Steppe of the Ural-Volga Region in the Middle Ages (Based on Costume Materials)*). Perm (in Russian).

Ivanova, M. G. 2007. (ed.). *Istoriia Udmurtii: s drevneishikh vremen do XV v. (History of Udmurtia: From Antiquity to the 15th c.)*. Izhevsk (in Russian).

Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX—XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Issues of Interaction)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Klimenko, V. V. 2003. In *Vostok (Oriens)*. 1. 5–41 (in Russian).

Klimenko, V.V., Matskovsky, V.V., Pakhomova, L.Yu. 2012. In *Istoriia i sovremennost' (History and Contemporaneity)* (2), 130–163 (in Russian).

Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

Kuzeev, R. G., Ivanov, V. A. 1984. In Dmitriev, V. D., Prokhorova, V. A. (eds.). *Bolgary i chuvashi (The Bulgars and the Chuvash)*. Cheboksary: Chuvashia Research Institute, 3–22 (in Russian).

Kurmanov, R. G. 2015. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 31 (4), 175–184. (in Russian).

Nikitin, V. V. Nikitina, T. B. 2004. *K istokam mariiskogo iskusstva (To the Origins of the Mari Art)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Pastushenko, I. Yu. 2005–2006. In *Finno-Ugrica*. 9, 40–70 (in Russian).

Podosenova, Yu. A. 2009. *Visochnye ukrasheniia naseleniia Permskogo Predural'ia v epokhu srednevekov'ia (Temple Ornaments of the Perm Cis-Urals Population in the Middle Ages)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Savinov, D. G. 1984. In Martynov, A. I. (ed.). *Problemy arkheologii stepei Evrazii (Issues of the Archaeology of the Eurasian Steppes)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 46–54 (in Russian).

Smirnova, O. V., Turubanova, S. A. 2013. In *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdel biologicheskii (Bulletin of Moscow Society of Naturalists. Biological series)* 118 (2). 32–40.

Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bulgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2006. *Rannie bulgary i Volzhskaia Bulgariia (VIII – nachala XIII v.) (Early Bulgars and Volga Bulgaria (8th – Early 13th Centuries))*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2006. In *Istoriya tatar s drevnejshih vremen (v semi tomah) (History of the Tatars since ancient times (in seven volumes))*. 2 Kazan: "RukhIL" Publ., 132–136. (in Russian).

Yakimov, A. S., Demkin, V. A., Alekseev, A. O. 2007. *Prirodnye usloviia stepei Nizhnego Povolzh'ia v epokhu srednevekov'ia (VIII-XIV vv. n.e.) (Natural Conditions of the Steppes of the Lower Volga Region in the Middle Ages (8th-15th cc. AD))*. Moscow: "Inosfera" Publ. (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University, Oktyabrskoi revoliutsii, 3A, Ufa, 450008, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

ЯНТАРЬ ИЗ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА РОДАНОВО НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ¹

© 2021 г. А.Н. Сарапулов, И. Г. Мокрушин, М. П. Красновских, П.А. Иванов,
О.Ю. Каменщиков, Ю.А. Подосёнова

Статья посвящена физико-химическому и историко-культурному изучению кусков необработанного янтаря-сырца, обнаруженных в культурном слое бронзолитейной и ювелирной мастерской XI – начала XII вв. Роданова городища. Данные находки на территории Пермского Предуралья обнаружены впервые. С целью решения вопроса о месте происхождения янтаря было проведено исследование по его идентификации. При помощи методов синхронного термического анализа, инфракрасной спектроскопии, сканирующей электронной микроскопии, анализа микротвердости, исследования на газовом хроматографе с масс-спектрометрическим детектором было доказано, что янтарь имеет прибалтийское происхождение. Сделан вывод о том, что находки могли попасть на городище с территорий древнерусских городов или через Волжскую Болгарию и использовался местными мастерами-ювелирами для обработки в качестве поделочных камней для вставок в ювелирные украшения.

Ключевые слова: археология, Пермское Предуралье, Роданово городище, X–XIV вв., бронзолитейная и ювелирная мастерская, янтарь, физико-химические методы исследования, ювелирные украшения, прибалтийский регион, Древняя Русь, Волжская Болгария.

AMBER FROM THE EXCAVATIONS OF RODANOVO MEDIEVAL HILLFORT IN PERM KRAI²

A.N. Sarapulov, I.G. Mokrushin, M.P. Krasnovskikh, P.A. Ivanov,
O.Yu. Kamenshikov, Yu.A. Podosyonova

The paper addresses the physical-chemical and historical-cultural study of the pieces of raw amber discovered in the cultural layer of a bronze casting and jewelry workshop of the 11th – early 12th centuries at Rodanovo hillfort. Such items were discovered in the territory of the Perm Cis-Urals for the first time. In order to resolve the issue of the place of origin of the amber, a study was conducted for its identification. Using the methods of synchronous thermal analysis, infrared spectroscopy, scanning electron microscopy, microhardness analysis, and gas chromatography studies with a mass spectrometric detector, it was confirmed that amber is of Baltic origin. It was concluded that the finds could have come to the hillfort from the territories of ancient Russian cities or through Volga Bulgaria, and were used by local jewelers for processing as ornamental stones for jewelry inserts.

Keywords: archaeology, Perm Cis-Urals, Rodanovo hillfort, X–XIV centuries, bronze casting and jewelry workshop, amber, physical and chemical research methods, jewelry, Baltic region, Ancient Russia, Volga Bulgaria.

Роданово (Полютово) городище находится в Юсьвинском районе Пермского края, на высоком правом берегу Камского водохранилища. Площадка городища овальной формы. С юга и севера ее ограничивают овраги, с востока – резкий обрыв к р. Каме. С западной части площадку памятника дугой огибают вал и ров, хорошо читаемые с напольной стороны.

До начала 90-х гг. XX в. площадка городища распахивалась и использовалась под огороды. Культурный слой памятника ежегодно разрушается береговой абразией и осыпается в р. Каму (от 0,5 до 1,0 м в год). О городище известно с XVIII в. Впервые изделия разного назначения, обнаруженные на городище, были опубликованы А.А. Спициным в начале XX в.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 20-49-590001 «Средневековое ювелирное наследие Пермского края: стилистические и химико-технологические особенности» и при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

² The work was financially supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-49-590001 “Medieval Jewelry Heritage of Perm Krai: Stylistic and Chemical-Technological Features” and with the support of the Ministry of Education and Science of Perm Krai, Agreement No. C-26/1192 dated December 19, 2019.

(Спицин, 1902, табл. XIX, 8; XXIV, 27; XXV, 9). В советское время исследования данного района проводила экспедиция Государственной академии истории материальной культуры. В 1932 г. А.В. Шмидтом на городище были заложены два пробных раскопа (Разведочные работы А.В. Шмидта...). В 1935 г. еще один пробный раскоп заложил Н.В. Прокошев. В раскопе был обнаружен клад украшений из 34 предметов, завернутый в бересту (Отчет Н.А. Прокошева...). В 1936–1937 гг. работы на городище были продолжены М.В. Талицким (Талицкий). В 1951 г. была опубликована обобщающая работа М.В. Талицкого, посвященная Верхнему Прикамью в X–XIV вв., основанная на материалах раскопок Роданова городища. На основании раскопок данного городища была выделена родановская археологическая культура (Талицкий, 1951, с. 4–58). В 2016 году в связи с аварийным состоянием памятника раскопки были возобновлены и по настоящее время проводятся под руководством А.Н. Сарапулова. За все годы полевых археологических изысканий на памятнике изучено более 1000 кв. м.

В сохранившейся предвальной части памятника, исследуемой в последние годы, были выявлены и изучены объекты, в пределах которых была зафиксирована серия очагов, производственных и углежогных ям, остатки каменного горна, а в их культурном слое в массовом количестве были обнаружены бракованные и недоработанные изделия, следы производства и сырье (шлаки, литники, сплески металла, металлический лом, серебряные, латунные, бронзовые, свинцово-оловянные слитки и т. д.), а также разный универсальный и специализированный инструментарий (фрагменты форм-изложниц, глиняных и каменных литейных форм, фрагменты цилиндрических тиглей и т. д.). Обнаружение данных артефактов позволило интерпретировать объекты как литейные и ювелирные мастерские, функционировавшие в XI – начале XII вв.

Одними из наиболее значимых находок, обнаруженных в пределах мастерских, стали куски необработанного янтаря-сырца (рис. 1: 1). Несмотря на то, что их количество невелико – всего 14 экземпляров (общий вес 39 грамм), в настоящий момент находки необработанного янтаря-сырца в средневековых материалах являются самой северо-восточной находкой и в археологических памятниках Пермского Предуралья обнаружены впервые.

Найденные образцы янтаря имеют небольшие размеры (от 8 до 29 мм в длину), вес (от

0,5 до 3,33 г) и форму в виде капель, отдельных фрагментов настольных натеков. На образцах фиксируется корочка выветривания в виде неровной и шероховатой поверхности, в одном случае – с вкраплениями органического материала. Степень прозрачности янтаря разная – имеются образцы прозрачного янтаря без внутренних пустот, полупрозрачного с внутренними полостями и костяного, напоминающего слоновую кость. Различаются образцы и по цвету – от яркого желто-оранжевого до коричнево-красного. Большинство образцов отличаются хрупкостью и обильным наличием микротрещин внутри (рис. 1: 2).

Также был обнаружен и поврежденный (со следами скола) фрагмент янтаря правильной формы в виде параллелепипеда (ширина и длина 11,5 мм, высота 3,5–4 мм). Его правильная форма, наличие явных следов обработки и отсутствие на поверхности корочки выветривания позволили отнести данный образец к уже готовой, но отбракованной вставки в каст будущего ювелирного изделия (рис. 1: 3).

Находки практически всех фрагментов янтаря были сконцентрированы в слое производственных ям (яма 6/2019 года раскопок, яма 1/2020 года раскопок) в пределах мастерских, где было налажено наряду с бронзолитейным производством и изготовление ювелирных изделий – здесь были обнаружены достаточно крупные сплески серебра (Ag более 90%), крупный серебряный слиток (84,68 г), (рис. 2: 3), серебряная гривна глазовского типа позднего варианта (Ag более 90%, 190 г) (рис. 2: 1), однобусинное зерно-филигранное височное украшение (Ag более 90%) (рис. 2: 4), недоделанный зерно-филигранный медальон с предполагаемой вставкой (Ag более 90 %, на изделии отсутствуют следы пайки петли для крепления, а также не вставлена вставка в каст на изделия и т. д. (рис. 2: 2), спаянная пирамидка крупной зерни (Ag более 90%) и т. д.¹ Возможно, обнаруженная янтарная вставка квадратной формы была изготовлена именно для зерно-филигранного медальона округлой формы, но ввиду появившихся частых сколов при обработке янтаря была забракована мастером.

Небольшое количество янтаря-сырца в пределах мастерских, обнаружение готовой отбракованной вставки, а также недоработанного украшения с не вставленной вставкой в каст изделия могут указывать на то, что кусковой янтарь поступал к мастерам Роданова городища для ювелирных нужд, а именно для изготовления вставок в ювелирные изде-

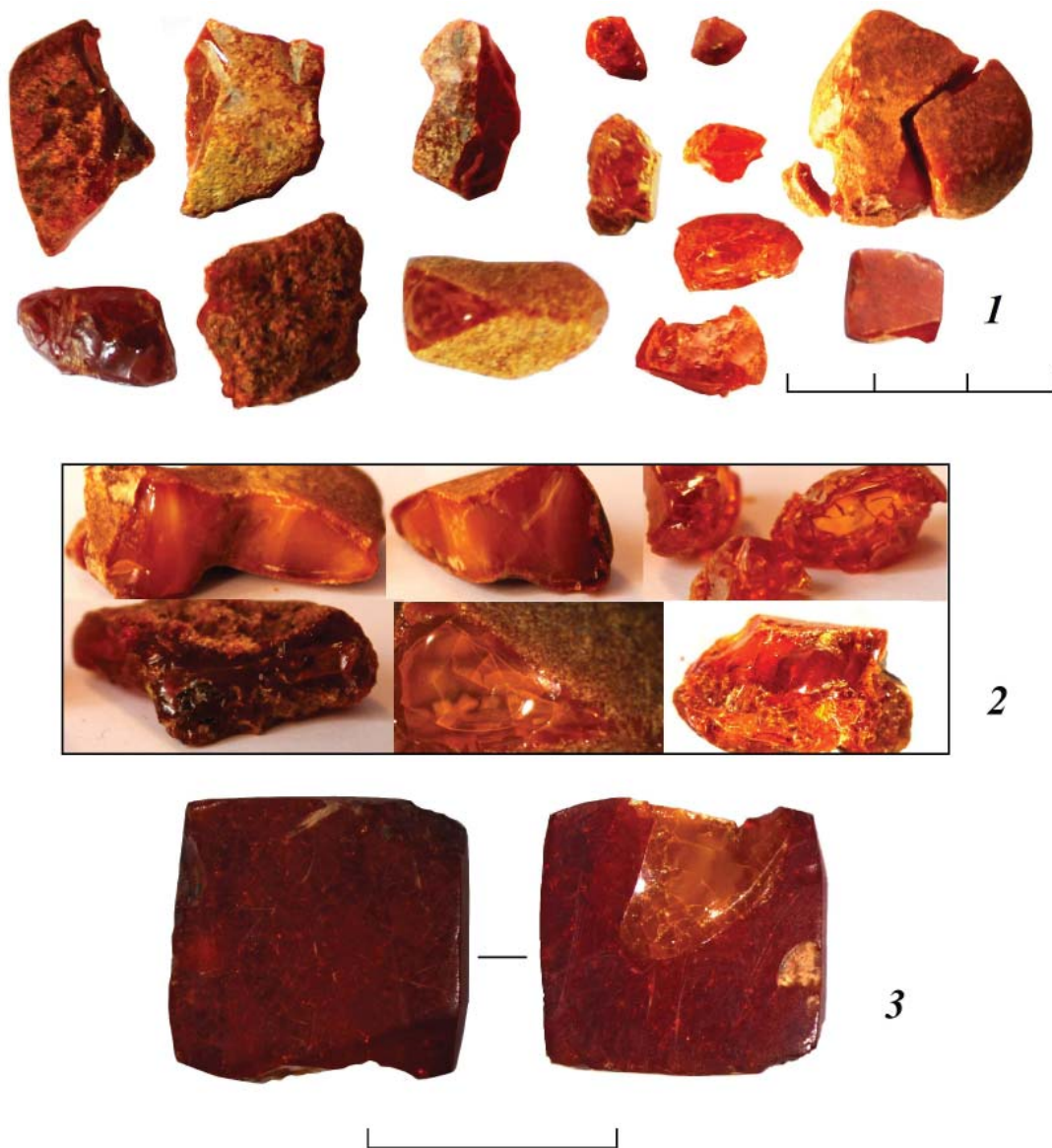

Рис. 1. Янтарь из культурного слоя Роданово городища: 1 – обнаруженные куски янтаря и предполагаемая вставка, 2 – цвет и прозрачность янтаря; 3 – обработанная и забракованная вставка из янтаря
Fig. 1. Amber from the cultural layer of Rodanovo hillfort: 1 – discovered pieces of amber and a supposed insert, 2 – color and transparency of amber; 3 – processed and rejected amber insert.

лия. Вполне возможно и то, что данный необработанный янтарь мог быть оставленным за ненадобностью и отбракованным мастерами-ювелирами материалом, так как хрупкость найденных образцов, наличие внутри них многочисленных трещин не позволяли обрабатывать его до необходимых форм.

Для территории Пермского Предуралья традиция декорирования ювелирных изделий вставками из разных материалов (стекло, камень, янтарь) характерна для периода с IX (возможно, конца IX в.) по XIII вв., то есть в то время, когда в регионе развивается собственное ювелирное ремесло, имеющее свои характерные стилистические и технологические особенности. В X – первой половине XI вв. распространены характерные только

для прикамской территории перстни-колпачки, украшенные зерно-филигранным декором и кастами с вставками из разных материалов (Моряхина, 2015, с. 163–167). В IX – первой половине X вв. были распространены ножны в серебряных обкладках, украшенные зерно-филигранным декором и кастами с вставками из разных материалов (Подосёнова, 2018а, с. 199–204). В период конца X–XIII вв. кастами с вставками из разных материалов и зерно-филигранным декором украшаются калачевидные височные украшения (Подосёнова, 2017, с. 38–44), арочные шумящие подвески и флаконовидные пронизки (Головчанский, Мельничук, Скорнякова, 2013, с. 133–143), трапециевидные подвески (Подосёнова, 2018б, с. 187–191), медальоны круглой и

Рис. 2. Отдельные изделия из серебра, обнаруженные в пределах мастерских: 1 – гривна глазовского типа, 2 – шейно-нагрудное украшение, 3 – слиток, 4 – однобусинное височное украшение

Fig. 2. Individual silver items found in the workshops: 1 – Glazov-type gryvna, 2 – neck-chest decoration, 3 – ingot, 4 – single-bead temporal decoration

ромбической формы (Крыласова, Подосёнова 2019, с. 86–93) и т. д.

Вставки прикамских ювелирных изделий выполнены из разных материалов – поделочных камней (сердолика, горного хрусталя и камней неопределенных пород), кусочков стекла или стеклянных бусин, смолы и янтаря.

Целенаправленное исследование материала, из которого были изготовлены вставки в ювелирные изделия, только начинается (включая геммологические определения), поэтому в настоящий момент трудно обозначить количество прикамских украшений с вставками из обработанного янтаря, однако возможно выделить хронологические рамки его использования прикамскими мастерами-ювелирами – IX–XII вв.

Вставки из янтаря в ювелирных изделиях представлены разными формами – квадратной и прямоугольной (параллелепипеда), овальной (призматической) и каплевидной, а также в виде простых кабошонов (имеющих одну плоскую поверхность, а другую – выпуклую). Изготовленная вставка вставлялась в специально подготовленный глухой каст, изготовленный из полоски металла, согнутой по форме вставки и припаянной на металлическую основу изделия. Вставка крепилась способом заваливания его краёв. Дополнительно вставка могла подклеиваться на основу изделия веществом, напоминающим смолу.

Необходимо отметить, что бусы и амулеты, выполненные из янтаря, не пользовались особой популярностью у населения Пермского Предуралья, они встречаются в материалах памятников разных периодов эпохи Средневековья, но немногочисленно (бусы)

или единично (амулеты) и, вероятнее всего, являются привозными.

Изготовление из янтаря-сырца вставок не представляло каких-либо определенных сложностей. Стадии обработки янтаря описаны и разобраны на материалах ремесленных мастерских Великого Новгорода (Розенфельдт, 1978, с. 200; Шаповалов, 1998, с. 109–120). Для изготовления вставок в касты ювелирных изделий мастера-ювелиры использовали следующие операции:

- 1) сортировка янтаря-сырца по цвету и качеству;
- 2) очищение выбранного образца от «корочки» выветривания с помощью абразивных инструментов или материалов;
- 3) обточка заготовки до нужной формы;
- 4) шлифовка образца;
- 5) полировка полученного образца;
- 6) возможно, для отдельных вставок использовалась термическая обработка (прокаливание) образца для изменения его цвета.

Иногда поверхностная корочка выветривания на лицевой стороне образца не снималась, и вставки имели матовую, шероховатую поверхность.

В рамках этого интересна следующая наблюдаемая особенность во вставках ювелирных изделий. Сердоликовые вставки в ювелирных изделиях практически всегда представлены в виде расколотых или целых сердоликовых бусин, на сегодняшний день специальные вставки из обработанного сердолика в прикамских ювелирных изделиях практически отсутствуют. Это может свидетельствовать о том, что прикамские мастера владели простыми навыками обработки только легко поддающегося обработке материала, каким и являлся янтарь.

С целью решения вопроса о месте происхождения янтаря было проведено исследование по его идентификации.

Для анализа, идентификации и установления сравнительных характеристик было отобрано несколько археологических образцов (шифры ANS), обнаруженных при раскопках, а также балтийский янтарь (шифры OYU и MP), отобранный в районе Куршской косы в июле 2017 года. Все вышеуказанные образ-

цы представлены в виде разновидностей: *прозрачной* (от светло-желтого до темно-коричневого цвета), *замутненной* (медово-желтого цвета) и *костяной* (белого цвета со слабым желтоватым оттенком).

Кроме того, представляло интерес проверить идею об искусственном происхождении янтареподобных артефактов в культурном слое. Для этого был проанализирован образец свежей сосновой смолы и сосновой канифоли (ГОСТ 19113-84).

Пробоподготовка проводилась в соответствии с протоколами работы на аналитических приборах и особенностями самих образцов. Исследования проводились с помощью современных инструментальных методов на базе Лаборатории термических методов анализа Пермского государственного национального исследовательского университета (аналитики Мокрушин И.Г., Красновских М.П., Иванов П.А., Каменщиков О.Ю.). Были проведены исследования следующими методами:

- синхронным термическим анализом (СТА);
- методом инфракрасной спектроскопии (ИК);
- методом сканирующей электронной микроскопии (СЭМ) с приставкой для локаль-

ного микрорентгеноспектрального анализа (РФЛА);

- анализ микротвердости на базе моторизованного микротвердомера;
- исследование на газовом хроматографе с масс-спектрометрическим детектором (ГХ-МС).

При исследовании данных артефактов разными методами были получены следующие результаты:

Синхронный термический анализ. Суть метода заключается в исследовании воздействия тепла на ископаемые смолы (Фракей, 1990, с 172). По итогам исследования установлено, что термическое поведение археологических образцов и образцов прибалтийского янтаря идентично. Основные этапы потери массы и наблюдаемые термические эффекты образцов ANS и MP наблюдаются в схожих температурных диапазонах и совпадают с описанными ранее в научных публикациях (Мартиросян, Богдасаров, 2011, с. 10–15).

На кривых термического анализа (рис. 3, 4) образцов ANS и MP фиксируются стадии плавной потери веса 35–280°C за счет испарения низкомолекулярных продуктов, экзотермические фазы предварительного окисления (280–350°C) и основного окислительного

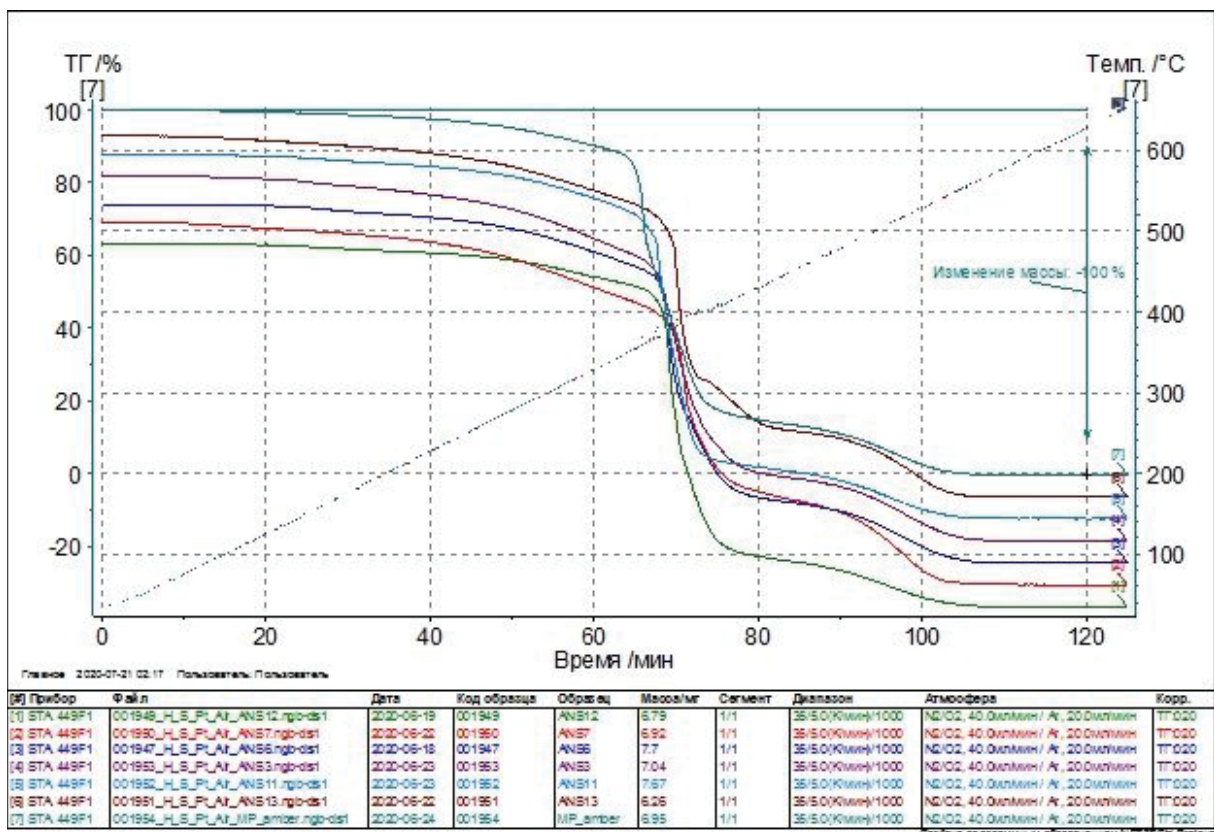

Рис. 3. Кривые потери веса (ТГ) археологических образцов ANS и образца сравнения MP
Fig. 3. Weight loss curves (TG) of ANS archaeological specimen and MP comparison specimen

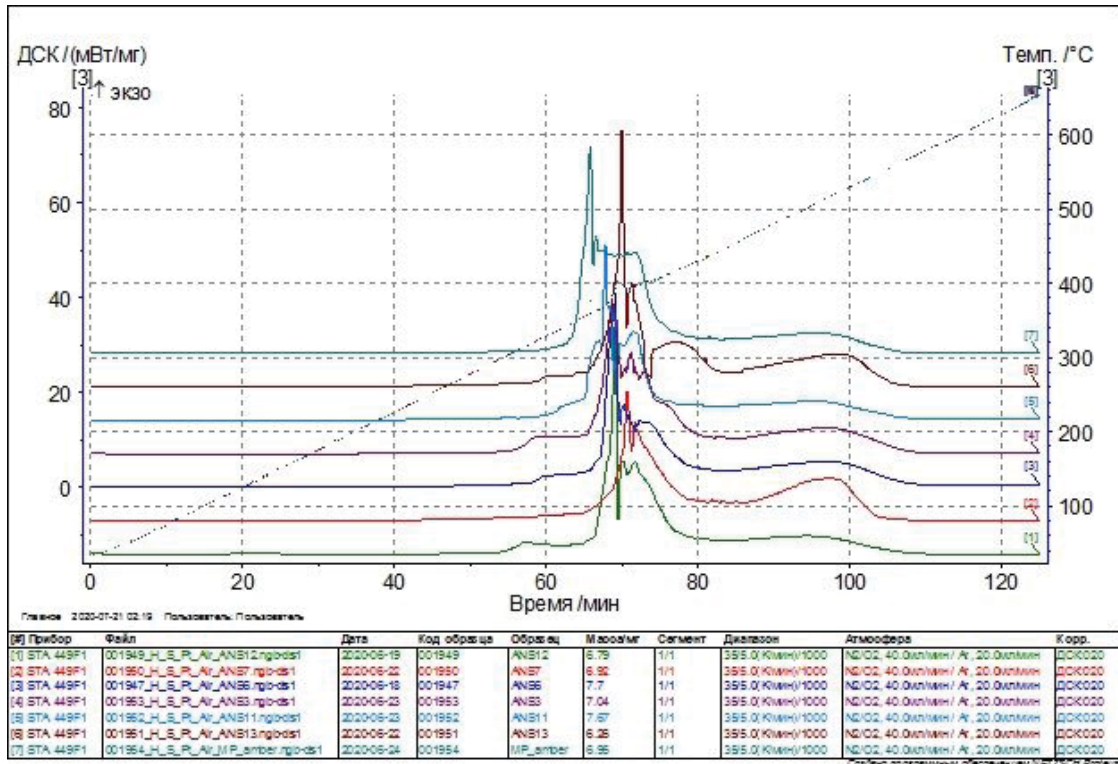

Рис. 4. Тепловые кривые (ДСК) археологических образцов ANS и образца сравнения MP
 Fig. 4. Thermal curves (DSC) of ANS archaeological specimens and MP comparison specimen

пиролиза образца (350–430°C) с образованием коксового остатка и его дальнейшее догорание в интервале 430–700°C.

Интересно сравнить ход термоокислительной деструкции свежей смолы, канифоли и янтаря. Фиксируется то, что по мере «старения» образца снижается содержание низко-

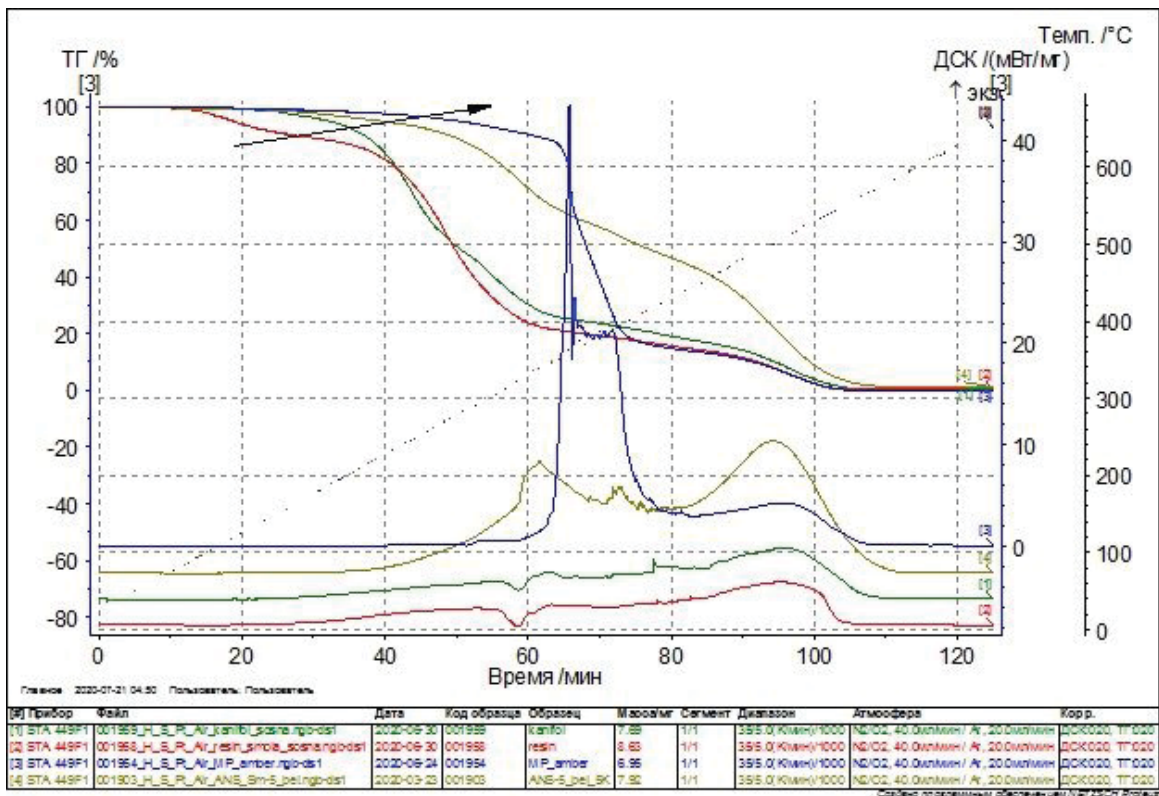

Рис. 5. Результаты синхронного термического анализа свежей сосновой смолы, канифоли, неизменного костяного янтаря и образца сравнения MP

Fig. 5. Simultaneous thermal analysis results for fresh pine resin, rosin, unchanged bone amber, and MP comparison sample

молекулярных (сравнительно низкокипящих) соединений и кривая ТГ сдвигается вправо, формируется более выраженный экзотермический эффект окисления в интервалах 250–420°C (рис. 5). По-видимому, на результат СТА анализа в значительной степени влияют также условия формирования природного янтаря. Находки из культурного слоя, таким образом, могут быть идентифицированы как янтарь.

Метод инфракрасной спектроскопии.

Суть метода заключается в том, что вещества любого типа можно идентифицировать по их способности поглощать световую энергию инфракрасного излучения. Получающийся спектр поглощения позволяет произвести количественный анализ сложных соединений, определить примеси и установить атомную структуру молекул. Образцы янтаря разного возраста или с разных месторождений обычно имеют характерные спектры. Одинаковые спектры могут характеризовать янтарь с конкретного месторождения (Фракей, 1990, с. 169). Уникальной особенностью балтийского сукцинита (балтийского янтаря) является так называемый «балтийский зубец» – широкая горизонтальная площадка в диапазоне от 1250 до 1195 (см^{-1}), сопровождаемая острым пиком, достигающим максимальной интенсивности в $\sim 1160 \text{ см}^{-1}$, после которого поглощение быстро уменьшается (Мартиросян, Богдасаров, 2011, с. 10–15). ИК-спектры поглощения получены для «таблеток» с бромидом

калия и представлены (рис. 6, 7). Характерный «балтийский зубец» был зафиксирован как в образцах балтийского янтаря, так и в образцах из слоя городища (рис. 6), в то время как образцы смолы и канифоли имеют более разнообразный состав, характерного вида линий «балтийского зубца» не зафиксировано (рис. 7).

По аналогии с СТА анализом в результате ИК-спектроскопии обнаружилось, что по мере «старения» образца уменьшается группа линий 1200–1290 см^{-1} при сохранении интенсивности линии 1160 см^{-1} , что может вести к формированию вида «балтийского зубца».

Метод сканирующей электронной микроскопии (СЭМ) с приставкой для локального микрорентгеноспектрального анализа (РФЛА). Суть метода заключается в исследовании химического состава образца или исследовании определенного элемента и его содержания в химическом составе образца. Химический состав янтаря сложен и изменчив в зависимости от территорий происхождения. Как отмечают исследователи, в химическом составе янтаря есть элементы, проявляющиеся в определенном содержании, которые могут являться признаками для идентификации его места происхождения. Среди таких элементов-признаков выделяют серу с её определенным количественным содержанием (например, янтари Украины содержат до 3,19% серы, а янтари Румынии до 1,4%). (Сребродольский, 1984; Фракей, 1990, с. 133).

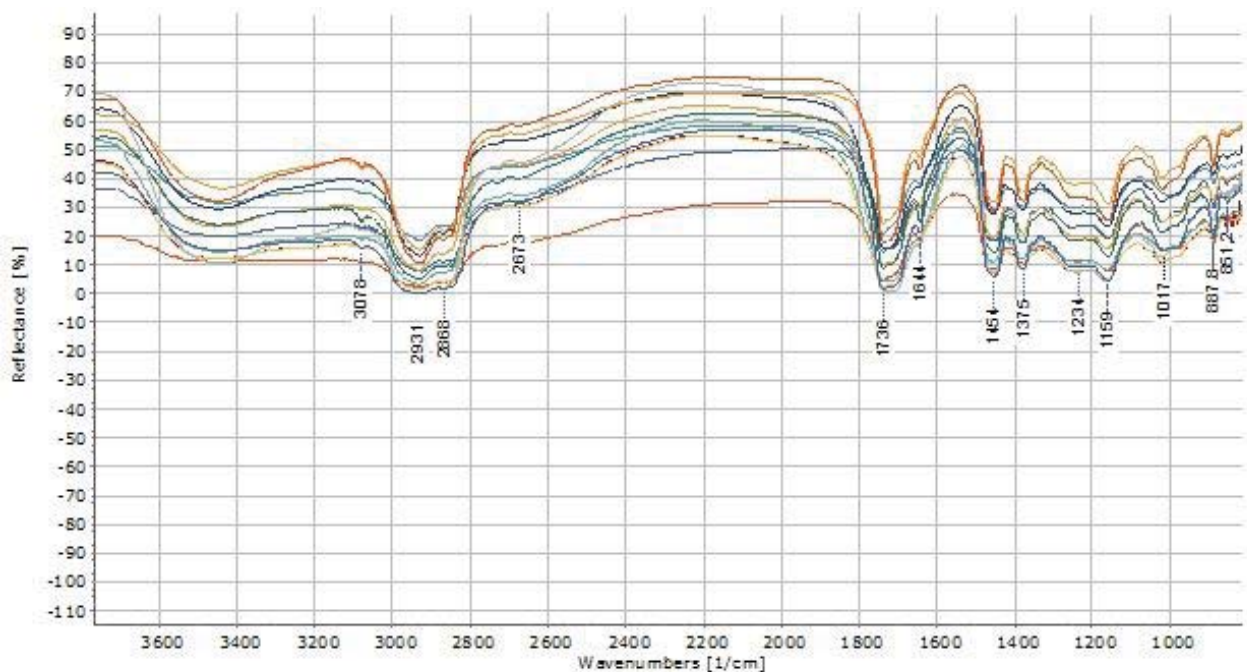

Рис. 6. ИК спектры образцов ANS с характерным видом линий поглощения в области 1100-1350 см^{-1}

Fig. 6. IR spectra of ANS samples with characteristic absorption lines in the range of 1100-1350 cm^{-1}

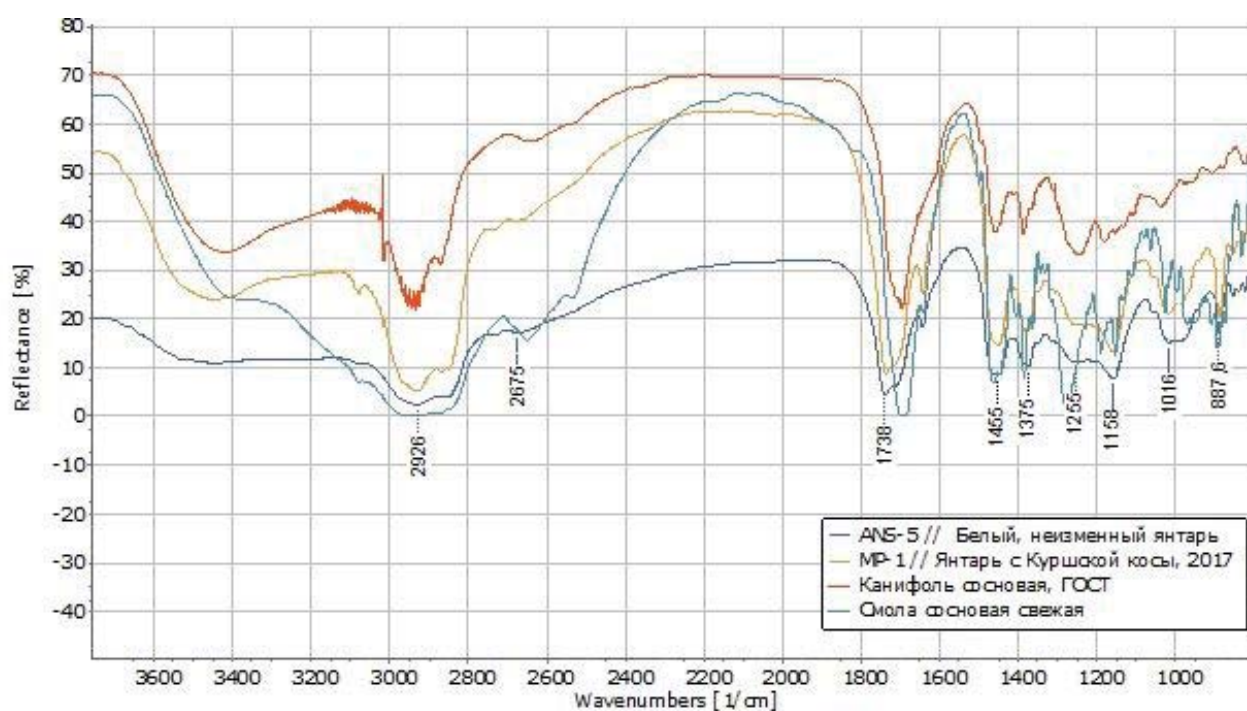

Рис. 7. Результаты инфракрасной спектроскопии свежей сосновой смолы, канифоли, неизменного костяного янтаря и образца сравнения MP

Fig. 7. Infrared spectroscopy results for fresh pine resin, rosin, immutable bone amber, and MP comparison sample

Для балтийского сукцинита (янтаря) характерен следующий основной элементный состав (в %): углерод – 76,7; водород – 10,1–10,5; азот и сера – до 0,55; кислород – 7,9–12,9 (Сребродольский, 1988).

В анализируемых образцах было исследовано количественное содержание серы (табл. 1). Содержание серы в исследуемых образцах близко к основным показателям, представленным исследователями балтийского сукцинита ранее (исследования Б.И. Сребродольского).

Анализ микротвердости на базе моторизованного микротвердомера. Суть данного анализа заключается в исследовании микротвердости образцов. В геммологии данный анализ помогает идентифицировать драгоценные, полудрагоценные и поделочные камни, смолы.

Янтарь относится к мягким органическим материалам. Согласно данным (Савкевич, 1970), «абсолютная» величина твердости балтийского янтаря колеблется в довольно широких пределах – от 17,66 до 38,40 кгс/мм².

При исследовании проводились определения микротвердости рассматриваемых нами образцов по методу Викерса (табл. 1, приведено среднее значение измерений в 5 точках). Твердость исследованных образцов варьируется от 15,4 до 31,7 кгс/мм², что соответствует вышеуказанному интервалу значений и позволяет отнести исследуемые образцы также к балтийскому янтарю.

Исследование экстракта на газовом хроматографе с масс-спектрометрическим детектором (ГХ-МС). Суть метода заключается в первоначальном разделении исходной сложной смеси на компоненты с последующим анализом с помощью масс-спектрометра.

В научной литературе термин «балтийский янтарь», или сукцинит, обычно относят к смолам, выделяющим янтарную кислоту. Балтийский янтарь, или сукцинит, содержит от 3 до 8% янтарной кислоты (Фракей, 1990, с. 12–13). Наличие её производных при исследовании разных ископаемых и неископаемых смол является доказательством того, что образец может быть отнесен к определенному виду янтаря (Poulin, Helwig, 2014). Такие производные были зафиксированы нами для балтийского янтаря Куршской косы и некоторых образцов из культурного слоя.

Таким образом, полученные результаты инфракрасной спектроскопии, синхронного термического анализа, определения твердости и содержания серы позволяют идентифицировать артефакты из мастерских Роданова городища как образцы кускового янтаря балтийского происхождения.

На вопрос о том, какими путями попадал прибалтийский кусковой необработанный янтарь в прикамские ювелирные мастерские однозначно ответить трудно. В рассматриваемый период времени в большом количестве прибалтийский янтарь-сырец был обнаружен

Таблица 1. Характеристики образцов: содержание серы, микротвердость, «балтийский зубец»
Table 1. Sample characteristics: sulfur content, microhardness, "Baltic tooth".

Образец	Содержание серы, (% вес)	Усредненное значение микротвердости, кгс/мм ²	Наличие «балтийского зубца» на ИК спектре
MP1	0,61	26,93	Есть
MP2	-	21,30	Есть
OYU	-	19,17	Есть
ANS3	не обнаружена	24,96	Есть
ANS5 (прозрачный, желтый, «окисленная пленка»)	0,61	-	Есть
ANS5 (белый, непрозрачный, «неизменный янтарь»)	0,57	24,20	Есть
ANS6	0,65	31,73	Есть
ANS7	не обнаружена	15,4	Есть
ANS10	0,57	-	Есть
ANS11 белый	1,1	18,88	Есть
ANS11 прозрачный	0,21	17,48	Есть
ANS12	0,82	18,84	Есть
ANS13	0,32	-	Есть
Смола сосновая свежая	0,97	мягкая	Нет
Канифоль сосновая (ГОСТ 19113-84)	не обнаружена	10,36	Нет

на соседней с Пермским Предуральем территории Волжской Булгарии в пределах «мастерской» по обработке янтаря в Биляре (около 9 кг) (Хузин, Валиуллина, 1986, с. 97–116). В последнее время на основании небольшого количества изделий из этого материала и отсутствия заготовок исследователи видят в данном комплексе янтарных находок скорее склад сырья, чем мастерскую по его обработке (Бадеев, Гареев, Баталин, 2019, с. 239), и появление янтаря-сырца на болгарской территории связывается с деятельностью выходцев из древнерусских территорий (Бадеев, Гареев, Баталин, 2019, с. 243).

В период X–XII вв. территория Пермского Предуралья находилась в сфере политических и экономических интересов волжских болгар. Множество фактов свидетельствует о пребывании и даже долговременном проживании болгарских купцов и ремесленников на крупных ломоватовско-родановских городищах (Белавин, Крыласова 2008). Не исключением было и Роданово городище, в материалах которого также встречаются изделия болгарского происхождения, а также керамика.

Однако основной массив привозных изделий, обнаруженных в материалах городища, составляют изделия, происхождение которых можно связать с древнерусскими территориями (кресты-тельники с выемчатой эмалью, отдельные типы гребней и расчесок, костяная флейта, гирька скандинавского типа, овручские пряслица, фрагмент булавы киевского

типа и т. д.) (Сарапулов, Подосенова, Каменщиков, Мокрушин, 2020, с. 21–27; Шмырина, 2020, с. 122–130). Возможно, и янтарь-сырец мог попасть с территорий древнерусских городов, при исследовании которых выделяются не только домонгольские мастерские по обработке янтаря-сырца, но и постройки с большими запасами янтаря, предназначенного для перепродажи. В качестве примера можно привести находки янтаря во Владимире (Зеленцова, Кузина, Милованов, Черненко, 2011, с. 75–81; Зеленцова, Кузина, Милованов, 2009, с. 45–47). Приток разнообразных изделий древнерусского происхождения на территорию Пермского Предуралья начинается с XI века и концентрируется в основном в его северной части и в бассейне р. Иньвы (Белавин, Крыласова, 2017, с. 284–285), что может свидетельствовать о северо-западном пути проникновения древнерусского материала вдоль Сухоно-Вычегодского водного пути, берущего свое начало от Ладожского Озера и протянувшегося до Уральского хребта (Археология Республики Коми, 1997, с. 657), что также неоднократно было представлено в археологических работах (Головчанский, Мельничук, 2018, с. 103).

Однако каким бы ни был путь поступления янтаря-сырца на территорию Пермского Предуралья, возникает другой вопрос – каким образом в исходные древнерусские мастерские по переработке янтаря или сооружения-склады янтаря-сырца в XII–XIII вв. ввозится янтарь-

сырец прибалтийского происхождения. В последнее время в археологической литературе считается, что в домонгольский период на территории Руси преобладало использование янтаря приднепровского происхождения (Рыбина, 2001, с. 71–77). Однако еще в 80-х гг. XX века исследователями предполагалось, что в домонгольский период применялся прибалтийский янтарь, так как разработка приднепровских месторождений янтаря активно не производилась (Розенфельдт, 1978, с. 197). Возможно, в будущем точная естественнонаучная идентификация янтаря с древнерусских археологических памятников позволит ответить на этот вопрос.

Примечание:

¹ Публикация, посвященная результатам исследования ювелирных и бронзолитейных мастерских Роданово городища находится в печати

Таким образом, происхождение янтаря, обнаруженного в материалах Роданова городища, следует связывать с территорией Прибалтики. В настоящий момент однозначно ответить на вопрос о том, через какие земли (булгарские или древнерусские) и каким образом в XI – начале XII вв. янтарь попадал на территорию Пермского Предуралья, сложно. Контекст обнаружения янтаря в пределах мастерских однозначно свидетельствует о том, что местные мастера-ювелиры умели не только производить украшения в высокохудожественных техниках, но и владели простыми навыками обработки отдельных поделочных материалов.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология республики Коми / Отв. ред. Э. А. Савельева. М.: ДиК, 1997. 756 с.
- Бадеев Д.Ю., Гареев Б.И., Баталин Г.А. Мастерская по обработке янтаря с территории Золотоордынского Болгара // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 232–246.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2008. 603 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древнерусские материалы в Пермском Предуралье в X–XI вв. // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 284–297.
- Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф., Скорнякова С.В. Лёкмартровский клад средневековых изделий из Северного Прикамья // Культурные связи населения европейского северо-востока в древности и в средневековье / МАЕСВ. Вып. 18 / Отв. ред. О. И. Васкул Сыктывкар: ИЯЛИИ Коми НЦ УрО РАН. 2013. С. 133–143.
- Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Христианская символика в археологических древностях эпохи средневековья в Пермском Приуралье // Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып. 1 (40). С. 101–111.
- Зеленцова О.В., Кузина И.Н., Милованов С.И., Черненко В.В. Янтарь из раскопок древнейшей части Владимира-на Клязьме // Балтийский янтарь: наука. Культура. Экономика: материалы международного научного симпозиума «Добыча и обработка янтаря на Самбии» / Под. Ред. З.В. Костяшова. Калининград: Калининградский музей янтаря. 2011. С. 75–81.
- Зеленцова О.В., Кузина И.Н., Милованов С.И. Склад янтаря-сырца во Владимире // Природа. 2009. Вып. 8 (1128). С. 45–47.
- Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А. Ромбическая ювелирная подвеска из Рождественского городища // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2019. Вып. IX. С. 86–93.
- Мартиросян О.В., Богдасаров М.А. Ископаемые смолы: диагностика, классификация и структурные преобразования в условиях термального воздействия // Вестник Института геологии Коми НЦ УрО РАН. 2014. №4. С. 10–15.
- Моряхина К.В. Перстни-«колпачки с территории Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. X / Ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2015. С. 163–167.
- Отчет Н.А. Прокошева об археологических работах на строительстве Камской ГЭС в 1935 г. на Каме и Чусовой по Открытому листу № 42 / Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 2, дело № 29.
- Подосёнова Ю.А. Калачевидные височные украшения на территории Пермского Предуралья в период средневековья // Вестник Музея археологии и этнографии пермского Предуралья, 2017. Вып VII. С. 38–44.
- Подосёнова Ю.А. Ножны в серебряных обкладках с филигранным и зерневым декором из Баяновского могильника ломоватовской археологической культуры // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV. / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2018. С. 199–204.

Подосёнова Ю.А. Скано-зерновые трапециевидные подвески с территории Предуралья и Зауралья (родановская, чепецкая, вымская археологические культуры и Приобье) // Человек и север: антропология, археология и экология: материалы всероссийской научной конференции. Вып. 4. / Отв. ред. А.Н. Багашев. Тюмень: ФГБУН ФИЦ ТюмНЦ СО РАН. 2018б. С. 187–191.

Разведочные работы А.В. Шмидта на Пермской платине Средне-Волгостроя (переписка и отчеты) / Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 2, ар. № 127, дело № 8, 1932 г.

Розенфельдт Р.Л. Янтарь на Руси (X–XIII вв.) // Проблемы советской археологии / Отв. ред. В.В. Кропоткин и др. М.: Наука. 1978. С. 197–208.

Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. 2001. 390 с.

Савкевич С.С. Янтарь. Ленинград: Недра, 1970. 192 с.

Сарапулов А.Н., Подосенова Ю.А., Каменщиков О.Ю., Мокрушин И.Г. Находки средневековых крестов на Родановом городище Пермского края // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVI. / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2020. С. 21–27.

Спицын А.А. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых / МАР. № 26. СПб., 1892 г.

Сребродольский Б.И. Янтарь. М.: Наука, 1984. 109 с.

Сребродольский Б.И. Мир янтаря. Киев: Наукова думка, 1988. 141 с.

Талицкий М.В. Отчет по обследованию археологических памятников бассейна р. Иньвы (правый приток Камы) Кудымкарского округа Пермской области / Рукописный архив ИИМК РАН Ф. 35, д. 71.

Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. № 22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 4–58.

Шаповалов Р.Г. Обработка янтаря в средневековом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. / сост. П.Г. Гайдуков, Т.Н. Казармшикова. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. 1998. С. 109–120.

Фракей Э. Янтарь. М.: Мир, 1990. 198 с.

Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И. Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР. 1986. С. 97–116.

Шмырина М.Е. Проблема импорта костяных изделий в эпоху средневековья на территории Пермского Предуралья (на примере Иньвенской группы памятников) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVII. / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2020. С. 122–130.

Poulin, J. and Helwig, K. 'Inside Amber: The Structural Role of Succinic Acid in Class Ia and Class Id Resinite'. (2014).

Информация об авторах:

Сарапулов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); ans05@mail.ru

Мокрушин Иван Геннадьевич, кандидат химических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); mig@psu.ru

Красновских Мария Павловна, заведующая Лабораторией, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); krasnovskih@yandex.ru

Иванов Петр Алексеевич, студент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); zukk33@gmail.com

Каменщиков Олег Юрьевич, заведующий Лабораторией, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); kou@chemanalysis.ru

Подосенова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); podosenka@yandex.ru

REFERENCES

Savel'eva, E. A. (ed.). 1997. *Arkheologija Respubliki Komi (Archaeology of the Komi Republic)*. Moscow: "DiK" Publ. (in Russian).

Badeev, D. Yu., Gareev, B. I., Baalin, G. A. 2019. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 257. 232–246 (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2017 In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 284–297 (in Russian).

Golovchansky, G. P., Mel'nychuk, A. F., Skornyakova, S. V. 2013. In Vaskul, I. O. (ed.). *Etnokul'turnye kontakty v epokhu kamnia, bronzy, rannego zheleznoogo veka i srednevekov'ia v Severnom Priural'e (Ethnic-Cultural Relations of the Population of the European North-East in Antiquity and the Middle Ages)*. Series: Materialy po arkheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka (Materials on the Archaeology of the European North-East) 18. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 133–143 (in Russian).

Golovchanskii, G. P., Mel'nychuk, A. F. 2018. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 40 (1), 101–111 (in Russian).

Zelentsova, O. V., Kuzina, I. N., Milovanov, S. I., Chernenko, V. V. 2011. In Kostyashov, Z. V. (ed.). *Baltiiskii iantar': Nauka. Kul'tura. Ekonomika: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma «Dobycha i obrabotka iantaria na Sambii» (Baltic Amber: Science. Culture. Economics: Proceedings of the International Scientific Symposium “Amber Mining and Processing in Sambia”)*. Kaliningrad: Kaliningrad Regional Amber Museum, 75–81 (in Russian).

Zelentsova, O. V., Kuzina, I. N., Milovanov, S. I. 2009. In *Priroda (Nature)* 1128 (8), 45–47 (in Russian).

Krylasova, N. B., Podosenova, Yu. A. 2019. In *Vestnik Muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia (Bulletin of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals)* IX, 86–93 (in Russian).

Martirosyan, O. V., Bogdasarov, M. A. 2014. In *Vestnik Instituta geologii Komi NTS Uro RAN (Vestnik of Institute of Geology of Komi Science Center of Ural Branch RAS)*. 4. 10–15 (in Russian).

Moryakhina, K. V. 2015. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* X. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 163–167 (in Russian).

Otchet N.A. Prokosheva ob arkheologicheskikh rabotakh na stroitel'stve Kamskoj GJeS v 1935 g. na Kame i Chusovoi po Otkrytomu listu № 42 (Report by N.A. Prokoshev on Archaeological Work during the Construction of the Kama HPP in 1935 on the Kama and Chusovaya Rivers as per the Open Sheet No. 42). Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Found 2, dossier 29 (in Russian).

Podosenova, Yu. A. 2017. In *Vestnik Muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia (Bulletin of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals)* VII, 38–44 (in Russian).

Podoseonova, Yu. A. 2018. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 14. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 199–204 (in Russian).

Podoseonova, Yu. A. 2018b. In Bagashev, A. N. (ed.). *Chelovek i sever: antropologiya, arkheologiya i ekologiya (Man and North: Anthropology, Archaeology, Ecology: Materials of All-Russian Scientific Conference)*. Tyumen: Tyumen Scientific Center SB RAS, 187–191 (in Russian).

11932. *Razvedochnye raboty A.V. Shmidta na Permskoi plotine Sredne-Volgoostroia (perepiska i otchety) (Exploration Activities by A.V. Schmidt on the Perm Dam of Srednevolgostroi (Correspondence and Reports))*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Found 2, Ar. 127, dossier 8 (in Russian).

Rozenfeldt, R. L. 1978. In Kropotkin, V. V., Matyushin, G. N., et al. (eds.). *Problemy sovetskoi arkheologii (Issues of Soviet Archaeology)*. Moscow: “Nauka” Publ., 197–208 (in Russian).

Rybina, E. A. 2001. *Torgovlia srednevekovogo Novgoroda (Trade of Medieval Novgorod)*. Novgorod: Novgorod State University (in Russian).

Savkevich, S. S. 1970. *Iantar' (Amber)*. Leningrad: “Nedra” Publ. (in Russian).

Sarapulov, A. N., Podoseonova, Yu. A., Kameshchikov, O. Yu., Mokrushin, I. G. 2020. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* XVI. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 21–27. (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1892. *Drevnosti Kamskoi Cnudi po kollektzii Teploukhovykh (Antiquities of Kama Chud based on the Teploukhovs' Collection)*. Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 26. Saint Petersburg (in Russian).

Srebrodol'sky, B. I. 1984. *Iantar' (Amber)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Srebrodol'sky, B. I. 1988. *Mir iantaria (Мир янтаря)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Talitsky, M. V. *Otchet po obsledovaniuu arheologicheskikh pamiatnikov basseina r. In'vy (pravyyi pritok Kamy) Kudymkarskogo okruga Permskoi oblasti (Report Investigation of archaeological sites in the In'va River basin (Right Tributary of the Kama) in Kudymkar District of Perm Oblast)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Found 35, dossier 71 (in Russian).

Talitsky, M. V. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 4–58 (in Russian).

Shapovalov, R. G. 1998. In Gaidukov, P.G., Kazarmshchikova, T. N. (eds.). *Novgorod i Novgorodskaiia zemlia. Istoriia i arkheologiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 12. Veliky Novgorod, 109–120 (in Russian).

Frakei, E. 1990. *Iantar' (Amber)*. Moscow: "Mir" Publ. (in Russian).

Khuzin, F. Sh., Valiullina, S. I. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i Rus' (k 1000-letiiu russko-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus': to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 97–116 (in Russian).

Shmyrina, M. E. 2020. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* XVII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 122–130 (in Russian).

Poulin, J. and Helwig, K. 2014. *'Inside Amber: The Structural Role of Succinic Acid in Class Ia and Class Id Resinite'* (in English).

About the Authors:

Sarapulov Alexey N. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; ans05@mail.ru

Mokrushin Ivan G. Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Perm State University. Bukirev Str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; mig@psu.ru

Krasnovskikh Marina P. Head of the Laboratory, Perm State University. Bukirev Str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; krasnovskikh@yandex.ru

Ivanov Petr A. Perm State University. Bukirev Str., 15, 614990, Russian Federation; zukk33@gmail.com

Kamenshchikov Oleg Yu. Head of the Laboratory, Perm State University. Bukirev Str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; koy@chemanalysis.ru

Podosenova Yulia A. Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Associate Professor, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina Str., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; podosenka@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

МАСТЕРСКАЯ БУЛГАРСКОГО РЕМЕСЛЕННИКА-МЕДНИКА НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ ГОРОДИЩЕ В ПЕРМСКОМ КРАЕ¹

© 2021 г. Н.Б. Крыласова

В качестве подарка к юбилею Ф.Ш.Хузина в статье представлены основные данные о значимом для средневековой археологии Волго-Камского региона открытии медницкой мастерской на Рождественском городище – торгово-ремесленной фактории болгар в Пермском крае. Мастерская была основана в XII в. медником, переселившимся из Волжской Булгарии, и продолжала функционировать до второй половины XIII века. Она занимала обширную постройку каркасной-столбовой конструкции площадью более 200 кв. м, которая была разделена перегородками на хозяйственное, жилое и производственное помещения, где ремесленник и работал, и проживал со своей семьей. Полученные в мастерской богатые материалы (в основном, отходы производства – медные сплески, недокованные пластины, обрезки пластин, пластинчатые заклепки на всех стадиях изготовления и пр.) позволяют в полной мере проследить технологию медницкого дела, представить ассортимент продукции, производимой медником (котлы, предметы быта, украшения, проволока), частично – набор инструментов, практически аналогичных кузнечным. Сопутствующие материалы бытового и хозяйственного назначения свидетельствуют о высоком уровне жизни ремесленника, о его грамотности (находка стилоса). Несомненно, болгарские мастера, поселившиеся на Рождественском городище, известном по арабским источникам как городок Афкула, не только обеспечивали местное население ремесленной продукцией, но и способствовали развитию здесь городской культуры.

Ключевые слова: археология, Пермский край, эпоха средневековья, ремесло, медницкое дело, мастерская медника

BOLGAR COPPERSMITH'S WORKSHOP AT ROZHDESTVENSK HILLFORT IN PERM KRAI²

N. B. Krylasova

In order to commemorate F. Sh. Huzin's anniversary, the author present the main information about a significant event in the medieval archaeology of the Volga-Kama region – the important discovery of a coppersmith's workshop at Rozhdestvensk hillfort, a trading post of Bolgar craftsmen in Perm Krai. The workshop was founded in the 12th century by a coppersmith who had moved from Volga Bulgaria. It remained active until the second half of the 13th century. Located in a spacious frame-and-post structure with an area of over 200 square meters, it was subdivided by partitions into a housekeeping area, living quarters and the workshop. In this building, the coppersmith both worked and lived with his family. An analysis of the abundant material from the workshop (for the most part, production wastes – copper splashes, half-finished plates, plate clips, plate studs from all stages of production, etc.) makes one fully traced the technology of the coppersmith's craft, as well as the variety of produced articles (cauldrons, household items, decorations, wire) and, to a certain extent, the set of tools almost identical to that of a blacksmith. The discovered accompanying everyday and household items reveal that the standard of the craftsman's living was rather high and that he was literate (a stylus was found at the site). Undoubtedly, Bolgar craftsmen who came to dwell at the Rozhdestvensk hillfort (known in Arabic sources as the town of Afkula) did not only supply the locals with their production, but also promoted culture and raised living standards in the area.

Keywords: archaeology, Perm Krai, the Middle Ages, craft, coppersmith's craft, coppersmith's workshop.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания, номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2; при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г. и при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №20-49-590001 p_a_Пермский край «Средневековое ювелирное наследие Пермского края: стилистические и химико-технологические особенности».

² The study was carried out as part of State Assignment under the state registration topic No. АААА-А19-119032590066-2; supported by the Ministry of Culture and Science of the Perm Region, agreement № С-26/1192 dated December 19, 2019 and by the Russian Fund for Basic Research (RFBR), project №20-49-590001p_a the Perm Krai "Jewellery Heritage from the Middle Ages in the Perm Region: Stylistic and Chemico-Technological Features".

Ф.Ш. Хузин отмечает роль торговых путей, в том числе Камского, не только в движении товаров, но и новых идей, полезной информации, проникавшей в разные регионы посредством купцов или, в некоторых случаях, мастеров определенных видов производства (напр., ювелиров, стеклоделов, гончаров и т. д.) (Хузин, 2018, с. 53).

Камский торговый путь шел на Север и в Западную Сибирь по землям с финно-угорским населением (Белавин, 1999; Белавин, 2000). Развитие системы дальних и ближних торговых путей, в особенности путей дальней транзитной торговли, стало основным фактором процесса урбанизации в землях приуральских финно-угров (Белавин, 2001). Катализатором этого процесса была Волжская Булгария, проведение основных торговых операций и контроль которой за региональной торговлей осуществлялись через систему торгово-ремесленных городков-факторий (Белавин, 2019, с. 120).

В Пермском Предуралье есть несколько крупных поселений протогородского типа, особое место среди которых занимает Рождественское городище X–XIV вв. («касаба Афкула», по письменным источникам (Белавин, Крыласова, 2017)), выделявшееся среди других за счет того, что изначально строилось и функционировало как торгово-ремесленная фактория Волжской Булгарии (Белавин, 2019, с. 124). За длительный период исследования городища на нем выделены остатки многочисленных мастерских (металлургических, гончарных, косторезных). На присутствие в составе населения города болгарских ремесленников однозначно указывает наличие гончарных горнов болгарского типа (Белавин, Крыласова, 2009, с. 13). В металлургической мастерской, изученной в 2008–2009 гг. в юго-западной части площадки городища, высокий процент болгарской посуды типа Джукетау может служить индикатором исходной территории, откуда переселился здесь ремесленник (Крыласова, 2008, с. 147).

В 2018–2019 гг. на раскопе VIII в северо-восточной части площадки городища неподалеку от вала была открыта и в значительной степени изучена *мастерская медника*. Прежде о наличии собственного медницкого дела в Пермском Предуралье существовали лишь предположения, основанные на анализе готовой продукции (Руденко, 2000, с. 59).

Мастерская представляла собой *бревенчатую постройку*, ширина которой составляла 12 м, длина изученной части – 18 м, площадь

>216 м². Она была построена в *каркасно-столбовой технике* – вдоль стен были врыты вертикальные столбы, между ними горизонтально заложены бревна, образующие стены (рис. 1/А). Двускатная кровля также опиралась на столбы, установленные тремя рядами вдоль условной оси постройки (рис. 1/Б, В, Г). Обширное пространство мастерской разделялось перегородками на три помещения (рис. 1/Д, Е). Наибольшее из них площадью 120 м² располагалось в восточной части постройки, и, судя по составу находок, имело в основном производственное назначение. Центральное помещение постройки площадью 72 м² содержало больше находок бытового характера, хотя и здесь представлено множество материалов, связанных с производственной деятельностью (преимущественно кузнечным и медницким делом). Западная часть постройки почти полностью осталась за пределами раскопа. Конструктивно постройка не отличается от жилищ, и, судя по значительному количеству находок бытового характера (хозяйственные орудия, орудия домашнего производства, фрагменты керамической посуды, детали костюма и украшения и пр.), не исключено, что мастерская занимала часть дома, где проживал мастер с семьей.

В интерьере мастерской выделены столбовые конструкции из кольев небольшого диаметра в основании *пристенной лавки* шириной 1 м с западной стороны от восточной перегородки, а также *нар* шириной 2 м с западной стороны от западной перегородки, разделявшей постройку (рис. 1: Ж, З). В изученной части мастерской исследовано 8 ям и 3 очага. Одна из ям (№ 4) представляла собой основание *печи-каменки*, которую можно интерпретировать как *кузнечный горн*. Здесь же могли производитьсяковка меди и разные операции с листовой медью, осуществляемые под нагревом. Три большие ямы (№ 6, 7, 8) первоначально функционировали как ямы-кладовки, позже были переоборудованы в *ямы-подпечья*, над которыми на помосте располагались основания печей. В одной из ям (№ 9) в небольшом углублении на деревянном настиле была установлена *бочка*, вероятно, служившая в качестве емкости для воды, используемой для технических нужд, о чем свидетельствуют находки в яме медных пластин и прочих свидетельств медницкого производства, в особенности по контуру древесного тлена от стенок бочки (рис. 1).

В культурном слое мастерской обнаружены многочисленные *обломки металлургиче-*

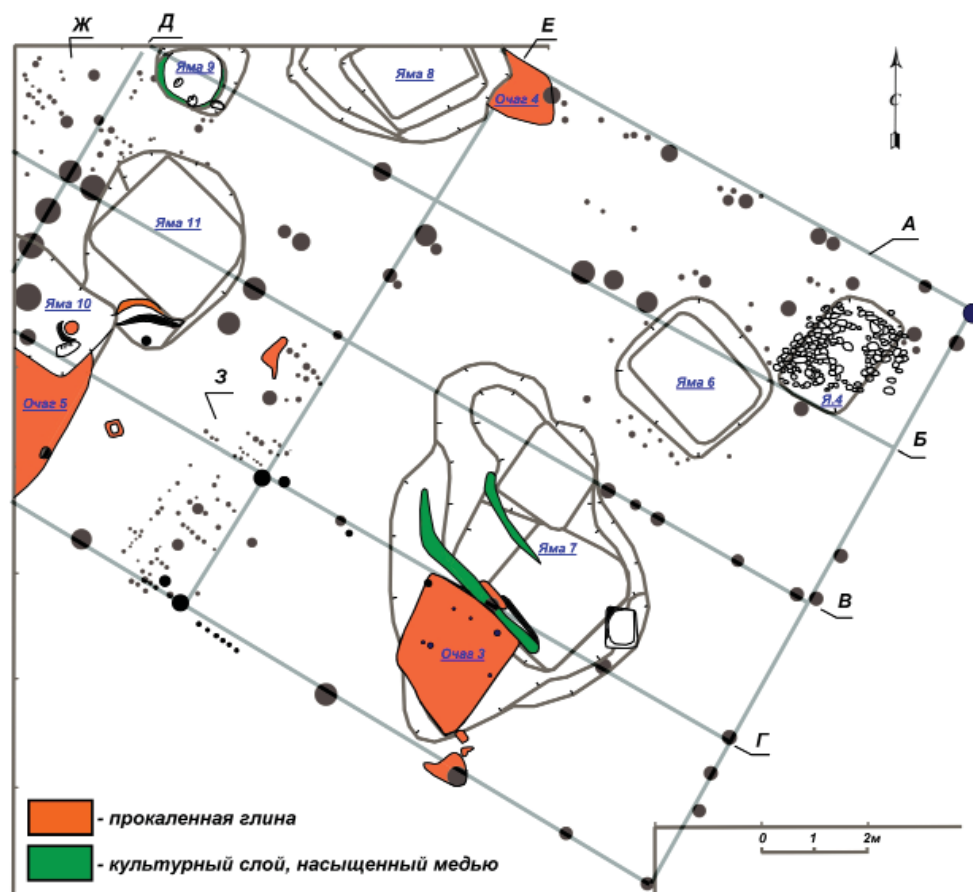

Рис. 1. План мастерской медника (Рождественское городище, раскоп VIII 2018–2019 гг.): А – периметр стен; Б, В, Г – линии опорных столбов двускатной кровли; Д, Е – линии основания перегородок; Ж, З – опоры нар
Fig. 1. Plan of a copper smith’s workshop (Rozhdestvensk hillfort, excavation VIII of 2018–2019): А – a perimeter of the walls; Б, В, Г – lines of the support pillars of the gable roof; Д, Е – lines of the base of partitions; Ж, З – supports of bunk beds

ских печей, которых было как минимум две. С остатками одной из них связаны фрагменты толстых прокаленных глинобитных стенок с заметным изгибом на внутренней поверхности, где наблюдались следы стекловидного шлака. Вторая печь была сложена из толстых стенок преимущественно болгарских гончарных сосудов, которые были уложены вплотную друг к другу и с внутренней стороны скреплены стекловидным шлаком. За два года собрано 64 фрагмента этой печи (рис. 2: А). Подробный анализ производственных сооружений и реконструкция особенностей их функционирования еще предстоят, а на основании полученных вещевых материалов уже можно сделать предварительные выводы о деятельности ремесленника.

Полуфабрикатами для медницкого, литейного, и, возможно, ювелирного производства служили слитки серебра, олова, меди и сплавов на ее основе (рис. 2: Б).

Культурный слой в пределах мастерской был насыщен медными предметами, в некоторых местах возле производственных объектов он имел отчетливый зеленый оттенок. Из

таких предметов значительную серию составляли капли, сплески металла и обрубленные литники. А наиболее массово представлены разнообразные фрагменты пластин, представляющие собой отходы производства и полуфабрикаты изделий (1195 экз.). Анализ этих материалов позволяет выделить основные этапы производственного процесса.

Среди сплесков представлено несколько достаточно крупных «лепешек», полученных при выливании расплавленной меди на плоскую поверхность (рис. 2: В), они могли служить заготовками, из которых в дальнейшем путем горячейковки получали пластины. В коллекции имеются не до конца раскованные толстые пластины (рис. 2: Г), а также фрагменты литых листов со следами проковки с краю, очевидно, обрезки, оставшиеся после выкройки кованных пластин.

Основной продукцией медника, очевидно, являлась посуда, и в первую очередь – медные котлы, которые пользовались большой популярностью у местного финно-угорского населения. Технология изготовления медных котлов достаточно хорошо изучена, в том

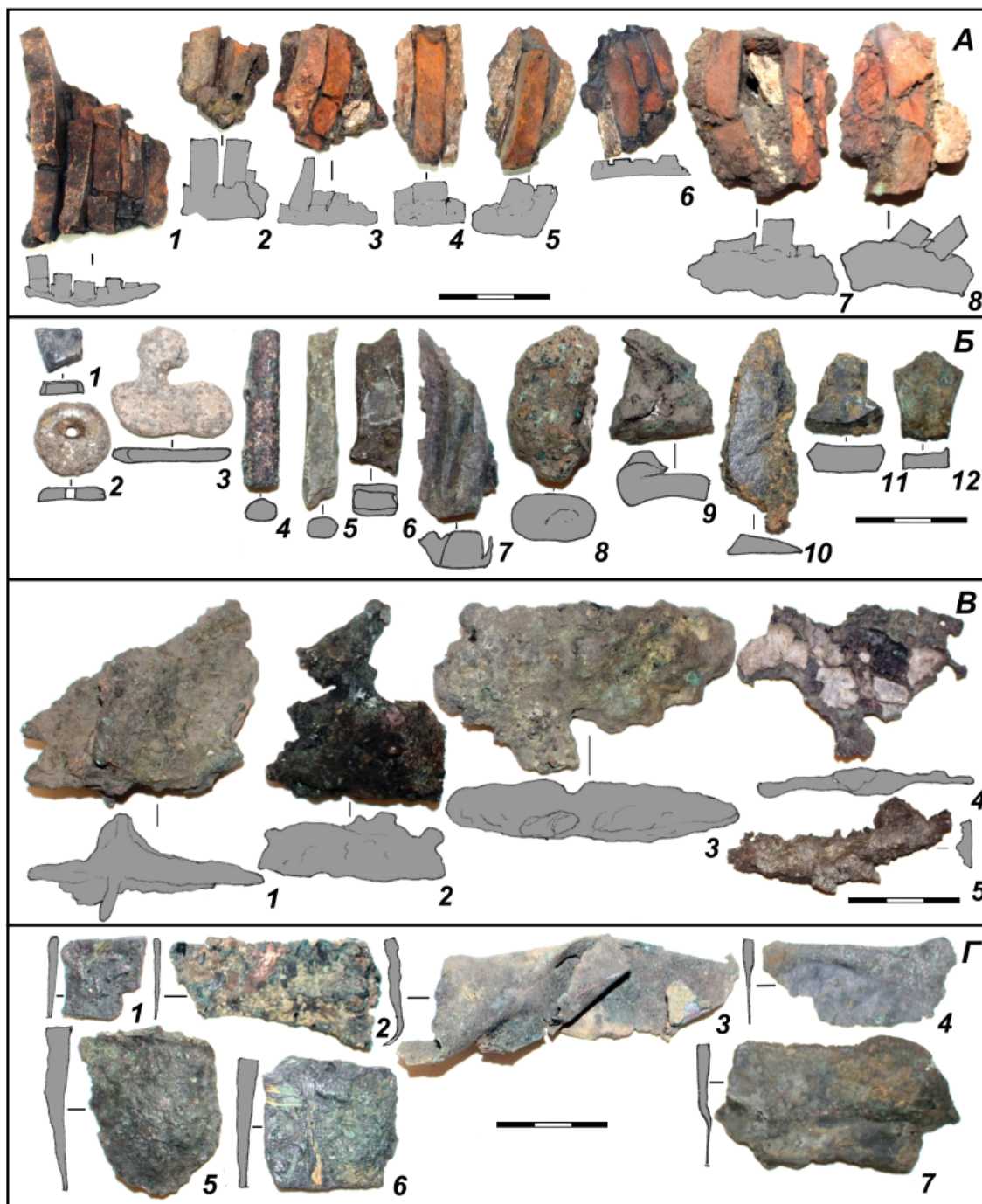

Рис. 2. А – примеры фрагментов печи, сложенной из стенок керамических сосудов; Б – слитки (1 – серебро, 2-3 – олово, 4-12 – медь, сплавы на основе меди); В – примеры медных «сплесков»; Г – примеры не докованных медных пластин

Fig. 2. А – examples of fragments of a furnace built from the walls of ceramic vessels; Б – ingots (1 – silver, 2-3 – tin, 4-12 – copper, copper-based alloys); В – examples of copper “splashes”; Г – Examples of unfinished copper plates

числе экспериментально (Кузьминых, Семькин, 2006, с. 271).

Прокованные пластины раскраивались. После, судя по заворотам кромок, производилась посадка металла при изготовлении бортика (венчика) сосуда (Руденко, 2000, с. 17). Механическая сборка медной посуды производилась с помощью зубчатых кромок «в расщеп» или «в зубец» – края соединяемых металлических листов нарезались железны-

ми ножницами по металлу или нарубались зубилом на глубину 0,5–0,7 см при примерно равных промежутках (Руденко, 2000, с. 15; Кузьминых, Семькин, 2006, с. 271). Нарезанные «зубцы» заготовок разводились через один в противоположные стороны, зубчатые края совмещали, прижимали и проковывали. К.А. Руденко отмечает, что в XI в. осуществлялось надрезание двух стыкующихся кромок. С XII в. распространился способ,

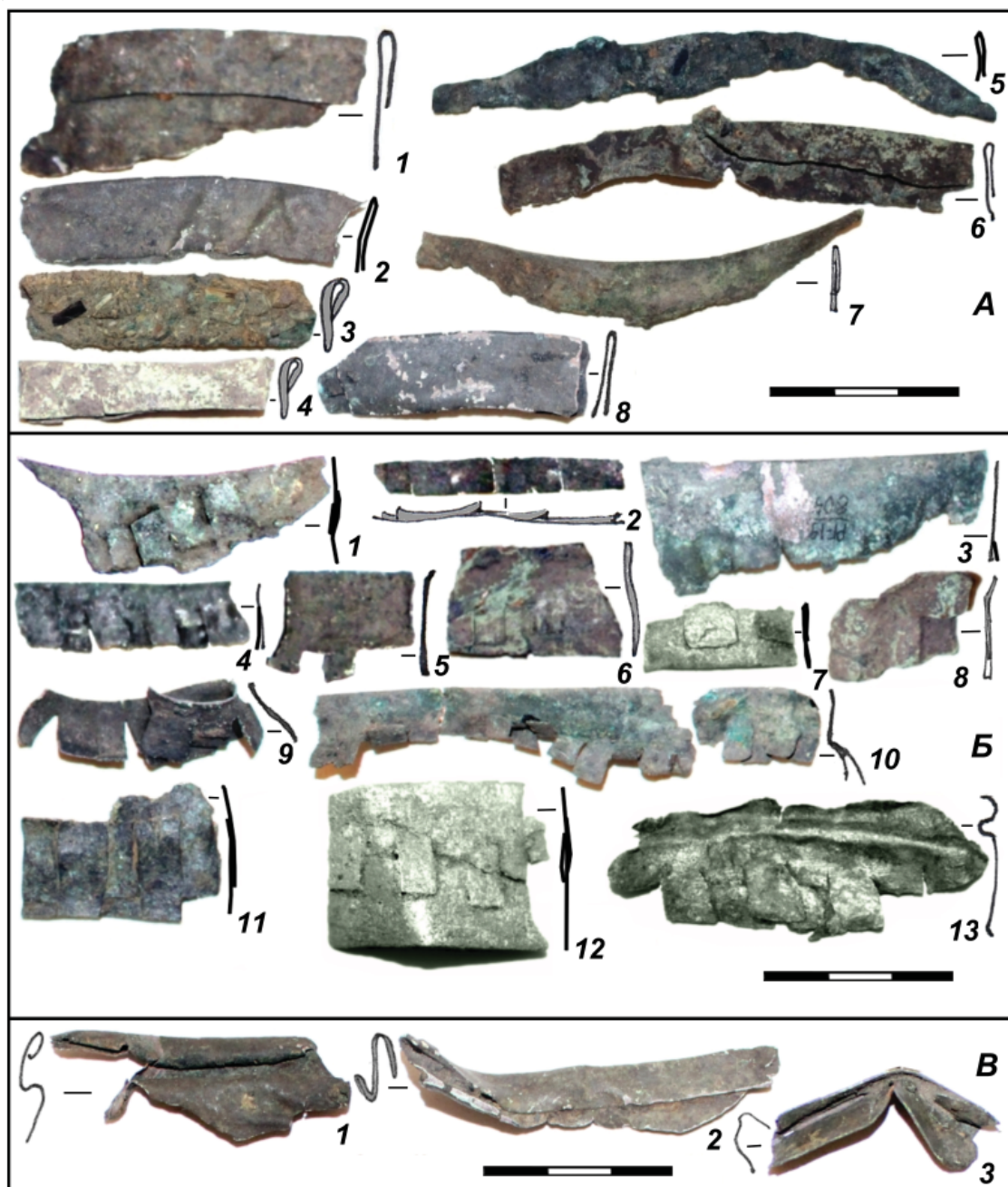

Рис. 3. А – примеры фрагментов венчиков котлов; Б – примеры пластин с зубцами;

В – примеры пластин для фальцевого соединения

Fig. 3. A – examples of fragments of cauldrons rims; Б – examples of plates with teeth; В – examples of seam plates

при котором надрезался только один край, а у второй заготовки край утончался проковкой (Руденко, 2000, с. 16–17), чтобы он плотнее садился между зубцами. В сочетании со сборкой «в зубец» использовались фальцевые соединения, при которых две пластины скреплялись отогнутыми кромками, плотно прижатыми друг к другу (Руденко, 2000, с. 17). Сборка производилась на цилиндрических деревянных оправках. После соединения зубцов по всей линии их после небольшого нагрева разгибали и проковывали, затем корпус подправлялся выколоткой и посадкой металла. После плотной проковки образыва-

вался прочный шов, который для герметичности мог дополнительно пропаяваться (Кузьминых, Семькин, 2006, с. 271). Аналогично присоединялось днище, но в этом случае на заготовке дна делался припуск на высоту борта (Руденко, 2000, с. 17).

В коллекции, собранной в пределах мастерской, выделяются фрагменты венчиков медных котлов с завернутой кромкой, иногда с проложенной внутри пластиной (рис. 3/А), обрезки пластин с фрагментами швов «в зубец» и пластин с нарезанными зубцами, которые не подвергались дальнейшей обработке или были разведены в противополож-

ные стороны (рис. 3: Б), и фрагменты *пластин с завернутой кромкой для фальцевого соединения* (рис. 3/В). Очевидно, детали будущих котлов выкраивались со значительным припуском, и после их чернового соединения излишки отрезались. Обрезки либо выбрасывались, о чем свидетельствует насыщенность ими культурного слоя в пределах мастерской, или собирались для последующей переработки. В одной из ям, разобранных в восточной части мастерской (№ 7), зафиксированы остатки прямоугольного *деревянного ящика*, где содержались металлические отходы (обрезки пластин, капли, splески металла и пр.) (рис. 1), мощность этого скопления составляла 25–30 см. Очевидно, металл собирали для последующей переработки.

Далее собранная заготовка котла снабжалась ушками и дужкой. В мастерской найдены литые ушки котлов (рис. 4: А), отдельные их экземпляры не завершены (рис. 4: А: 3), некоторые – бракованные, что свидетельствует о том, что медник сам занимался и изготовлением литых элементов котлов.

Ушки прикреплялись к котлам путем клепки. Особенностью обнаруженной мастерской является наличие в ней большого количества *заклепок из пластин* на всех стадиях изготовления, начиная от заготовок и заканчивая фрагментами готовых изделий с клепками (Крыласова, Подосенова, 2020), которых за два года раскопок обнаружено более 1,5 сотен. Заготовками служили пластины ромбической формы размерами 12–18×18–25 мм (рис. 4: Б: 1–14). Их сворачивали конусом так, что две стороны ромбической пластины, смыкающиеся в одном углу, сводились друг к другу, заводились немного внахлест (свертка «фунтиком») и проковывались. В результате формировался пустотелый гвоздь, в верхней части получившегося конуса оставался треугольный выступ (рис. 4/Б: 15–29), из которого на следующем этапе формировалась шляпка. На всех проанализированных заклепках края шляпки прилегают друг к другу очень плотно, что свидетельствует о ее формировании на твердой основе (рис. 4: Б: 33–53). Вероятно, использовалось нехитрое приспособление, напоминающее гвоздильню: брусок из твердых материалов с коническими гнездами, разными по диаметру и глубине. Полуфабрикат заклепки помещали в одно из гнезд, уголок загибали так, что над конусом образовывалась своеобразная «крышечка»: угол треугольного выступа сводился к месту соединения боковых сторон на верхнем краю конуса,

а затем проковывали кузнечным молотком. Шляпки заклепок имеют достаточно стандартную овально-миндалевидную форму, на них прослеживается тонкий след загнутого и раскованного уголка.

Многочисленные заклепки, бывшие в употреблении, сохранившиеся как отдельно (рис. 4: Б: 54–70), так и на фрагментах медных пластин, позволяют реконструировать *процесс клепки*. В пластинах (или стенках котлов) предварительно с помощью бородков пробивались отверстия по диаметру стержня заклепки. Заклепка помещалась в отверстие с лицевой стороны, с изнаночной стороны проводилась расклепка его конического острия. Мягкая структура пластинчатого острия позволяла расклепать его так, чтобы обеспечить наиболее плотное примыкание соединяемых пластин. Дополнительную надежность клепке обеспечивали *шайбы* в виде сравнительно небольших пластин округлой, полуовальной или подпрямоугольной формы (рис. 5: А: 1–9).

Готовые котлы снабжались *дужками*, с помощью которых они подвешивались над огнем. Дужки с помощью петель закреплялись в ушках. Обычно котлы, встречающиеся на средневековых памятниках Пермского Предуралья (не только медные, но и подражающие им керамические) снабжались железными дужками, отдельные фрагменты которых были обнаружены и в пределах рассматриваемой мастерской. Но здесь найдена также литая бронзовая дужка (рис. 4: А: 10), вероятно, предназначенная для какого-то более парадного котла.

О том, что кроме изготовления медной посуды мастер специализировался и на ее *ремонте*, свидетельствуют находки многочисленных *медных заплат*. Они имеют разные размеры, обусловленные площадью повреждения, и по форме преимущественно представляют собой прямоугольник со срезанными углами (рис. 5: А: 10–17).

Для ремонта могли использоваться и *пластинчатые заклепки иного типа*, чем описанные выше, которых собрана значительная серия (рис. 4: В). Заготовки для этих заклепок также имели форму ромба, только сильно вытянутого по бокам. При изготовлении заклепки длинные заостренные концы сначала отгибались к центру таким образом, чтобы образовалась примерно прямоугольная заплатка. На осевой линии заклепки эти концы вновь сгибались, пропускались в трещину на ремонтируемом предмете, затем разводились

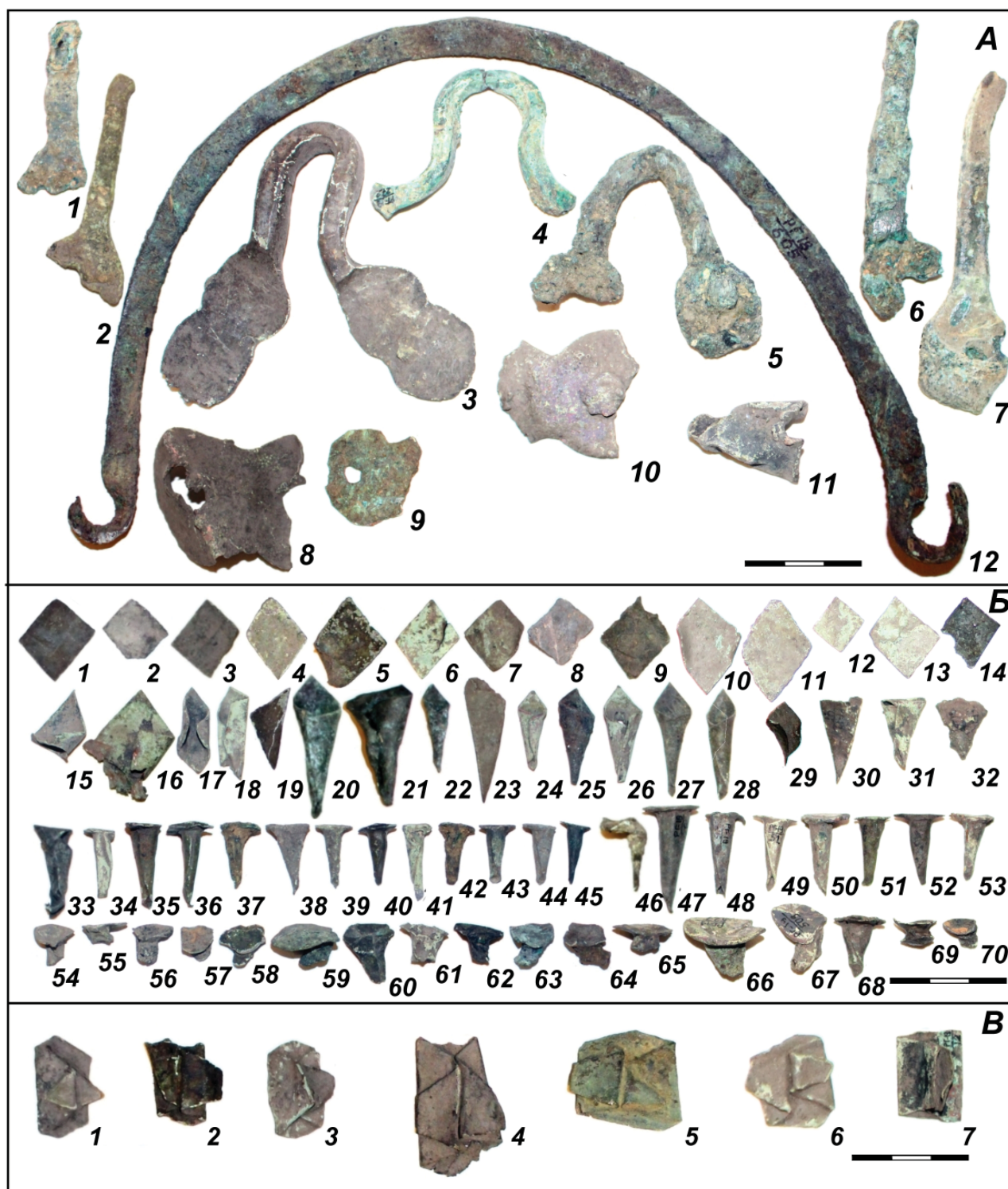

Рис. 4. А – литые уши (1-9) и дужка (10) котлов; Б – примеры заготовок, полуфабрикатов и использованных пластинчатых заклепок-гвоздиков; В – пластинчатые заклепки-заплатки
Fig. 4. А – cast ears (1-9) and bow (10) of boilers; Б – examples of blanks, semi-finished products and used plate rivets (studs); В – plate rivets (patches)

в стороны и расковывались. Таким образом, подобные заклепки одновременно служили заплатками.

Кроме посуды в мастерской производились и другие изделия из медных пластин. В частности, здесь обнаружено несколько *медных кружков*, использовавшихся в качестве подложек монетовидных подвесок или медальонов,

а также *фрагменты пластин, из которых их вырезали* (рис. 5: Б). Имеется также серия *медных обойм*, которые применялись для оформления венчиков деревянных сосудов и краев кожаных кошельков (рис. 5: В).

Медник занимался и *изготовлением проволоки*, о чем свидетельствует большое количество заготовок в виде узких полос, нарезан-

Рис. 5. А – шайбы (1-9) и заплаты (10-17); Б – медные подложки монетовидных подвесок (15-21) и обрезки пластин, из которых их вырезали (1-14); В – обоймы и обкладки краев кошельков
Fig. 5. А – washers (1-9) and patches (10-17); Б – copper substrates of coin-shaped pendants (15-21) and trimmings of the plates which they were cut of (1-14); В - clips and edges of purses

ных из медных пластин (рис. 6: А), иногда даже в виде мотков (рис. 6: Б). Хотя некоторые из этих пластин могли использоваться в качестве прокладок в венчиках котлов.

Судя по имеющимся материалам, проволока могла изготавливаться двумя способами. В первом случае металлические ленточки или сворачивались в трубочку, или закручивались вдоль оси. Затем из ленточки формировалась проволока – холодной плоской прокаткой или протягиванием через грубую фильеру. Такая техника закручивания использовалась примерно до 1000 года нашей эры (Pops, 2009, с. 140–141). О возможном применении этого

архаичного способа свидетельствует находка ленточки, свернутой спиралью в трубочку (рис. 6: В: 1). При другом способе металлические полоски непосредственно протягивались через фильеры из натуральных камней с отверстиями или из металлов, таких как медь или железо. После одной-двух протяжек через фильеру ленточки превращались в трубочки. Из этих трубочек затем формировалась круглая проволока протягиванием за один-два прохода через отверстие нужного диаметра (Pops, 2009, с. 141). Как известно, в Средневековье для изготовления проволоки начали применять волочильную доску, в кото-

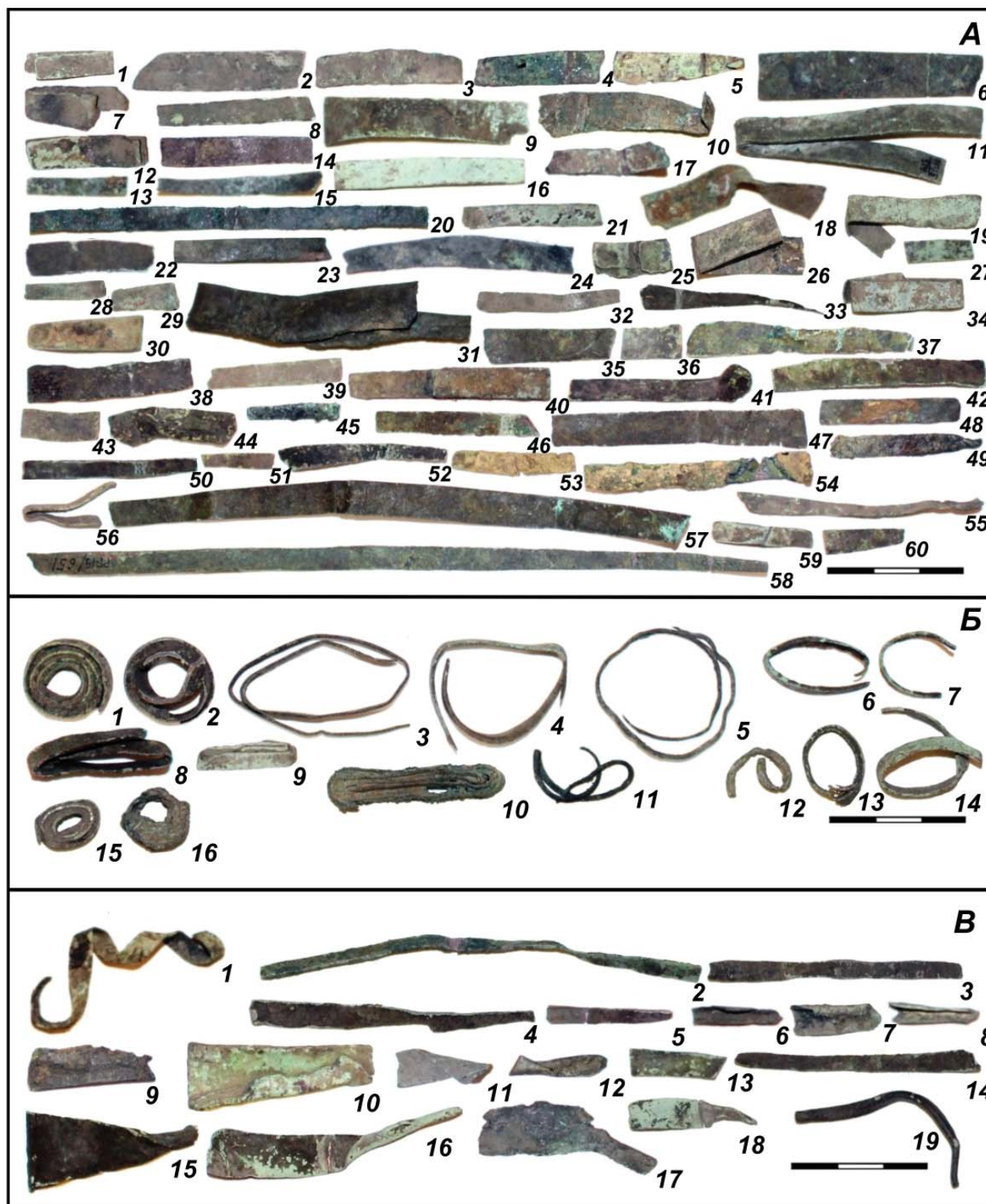

Рис. 6. А – фрагменты медных полос; Б – мотки медных лент и проволоки; В – отходы производства проволоки
 Fig. 6. А – fragments of copper strips; Б – coils of copper tapes and wire; В – wire production waste

рой был сделан ряд отверстий с постепенно уменьшающимся диаметром для того, чтобы при протягивании проволоки через них постепенно уменьшать ее диаметр до нужной величины (Pops, 2009, с. 141). Свидетельств такого способа получения проволоки в коллекции значительно больше – имеются фрагменты ленточек, свернутых в трубочку (рис. 6: В:

2–14), а также фрагменты, у которых один конец скручен в трубочку и частично протянут через фильеру (рис. 6: В: 15–19), очевидно, полученный полуфабрикат проволоки был отрезан, а остаток не протянутой через фильеру пластины выброшен.

О том, что мастер занимался и тиснением, свидетельствует находка в мастерской желез-

Рис. 7. А – медницкие и кузнечные инструменты (железо): 1-3 – молотки, 4 – матрица, 5-15 – примеры зубил, 16-18 – примеры бородков; Б – фрагменты тиглей (глина); В – весовые гири (железо)

Fig. 7. А – copper and blacksmith tools (iron): 1-3 – hammers, 4 – matrix, 5-15 – examples of chisels, 16-18 – examples of barbs; В – fragments of melting pots (clay); В – weights (iron)

ной матрицы для изготовления тисненых половинок бус (рис. 7: А: 4).

В мастерской медника обнаружено и значительное количество предметов, связанных с кузнечным производством, имеющих много общего с медницким делом. Наиболее массовую категорию из них составляли металлические конгломераты (70 экз.) – как целые, так и обрубленные сегменты – округлые «лепешки»

с одной выпуклой стороной, представляющие собой остатки со дна горна, содержащие шлак со значительной примесью железа. Представлены также кузнечные заготовки, фрагменты стержней и прутков, куски железной проволоки и разнообразный лом.

Из инструментов, которые могли быть связаны как с медницким, так и с кузнечным производством, представлены миниатюрные

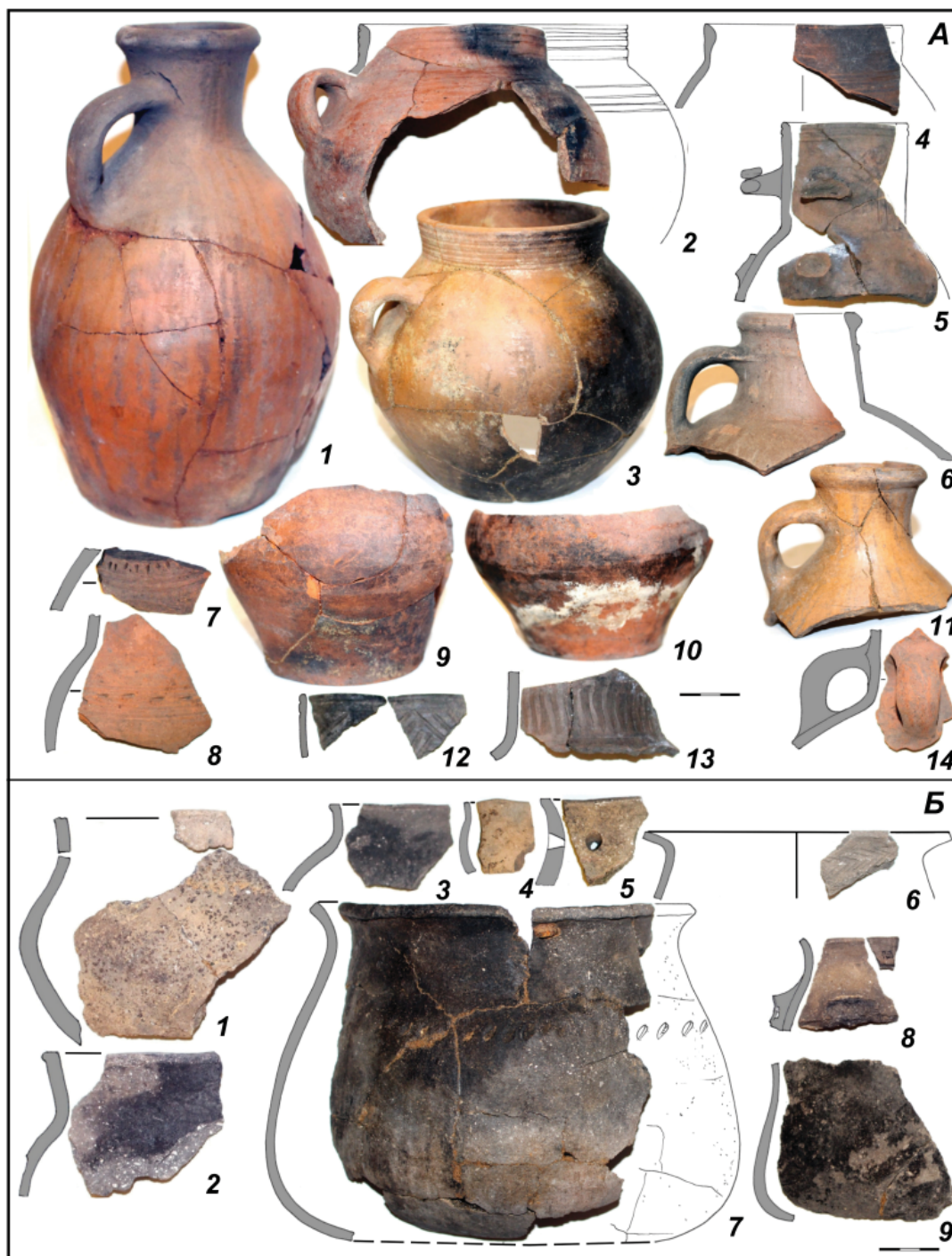

Рис. 8. А – примеры гончарной посуды болгарского производства;
 Б – примеры лепной посуды местного производства
 Fig. 8. А – examples of pottery of Bolgar manufacture;
 В – examples of locally manufactured handmade ceramics

молоточки (рис. 7: А: 1–3), небольшие зубила (рис. 7: А: 5–15) и бородки (рис. 7: А: 16–18). Для финальной обработки металлических изделий, а также для заточки инструментов как бытового, так и производственного назначения могли использоваться каменные оселки, концентрация которых в мастерской была значительно выше, чем на других участках городища. К предметам, связанным с литейным производством, принадлежат фрагменты глиняных тиглей (рис. 7: Б). Обращает

на себя внимание наличие большого количества разновесов (рис. 7: В). Весовые гирьки, вероятно, использовались при взвешивании порций металла, необходимых для производственного процесса.

Конечно, ассортимент ремесленных инструментов должен был быть значительно шире. Но, как показывают наблюдения, мастерские на Рождественском городище оставались не второпях, ремесленники тщательно собирали все специализированные

инструменты. А на языческом Рождественском могильнике, сопровождавшем городище, в ряде мужских погребений обнаружены ремесленные инструменты (Белавин, Крыласова, 2017), в том числе такие, которые могли использоваться в медницком деле: *молотки, ножницы по металлу, шабер, фрагмент наковальни* и пр.

В пределах мастерской наблюдалась высокая концентрация *булгарской керамики*. В целом по раскопу VIII количество булгарской керамики составляет 46,5%, что в среднем соответствует ее соотношению на других участках памятника, где гончарная керамика булгарского производства составляет от 27 до 65%. Но в медницкой мастерской количество булгарской керамики достигало 60%, в том числе в ямах 4 и 10 обнаружены развалы сосудов полных форм (рис. 8: А). На основании этого можно предположить, что ремесленник, работавший в мастерской, был выходцем из Волжской Булгарии.

Отчасти о булгарской принадлежности мастера могут свидетельствовать некоторые бытовые вещи, встреченные в мастерской. В частности, здесь найдена *костяная трубка* (рис. 9: А: 1) – в Волжской Булгарии такие предметы, иногда с орнаментом и отверстием для шнура или пробки, широко использовались в качестве *игольников* (Руденко, 2005, с. 71), в то время как в Прикамье функцию игольников обычно выполняли металлические флаконовидные пронизки (Крыласова, Подосенова, 2018). Нетипичными для местного финно-угорского населения, которое предпочитало использовать Т-образные рукояти шильев (Крыласова, 2007, с. 233–235), были прямые *костяные рукояти шильев* (рис. 9: А: 2). Найденные в мастерской железные *шилья* с острием квадратного сечения и прямоугольным в сечении черешком в большинстве случаев имеют четко выраженный уступ в месте перехода к острию (рис. 9: Б: 4–5), что характерно для булгарских шильев (Культура Биляра, 1985, с. 61). От булгар в Предуралье с XII в. начали проникать миндалевидные *костяные навершия* на деревянные рукояти ножей (рис. 9: А: 3), которые были распространены как в домонгольский, так и в золотоордынский период (Руденко, 2005, с. 73). Вероятно, булгарское происхождение имеют железные *набойки каблуков* (рис. 9: Б: 1–2). Несомненно, булгарским является *серебряный перстень* XI–XIII вв. (рис. 10: А: 2) с рисунком в виде диагонального креста из переплетенных овалов, на боковых сторонах

– рисунок в виде треугольника с вписанным в него трилистником (Руденко, 2010, с. 14). На подобных перстнях, массово производимых в Предуралье в подражание булгарским, обычно отсутствует линейное обрамление по краям щитка, орнамент на шинке – в виде трех треугольников (Моряхина, 2020, с. 18).

Отдельно хотелось бы упомянуть *набор из астрагалов* мелкого рогатого скота с отверстиями или со следами обработки (рис. 9: А: 6–11), которые использовались как игральные фишки и биты. Такие предметы нельзя отнести к числу массовых находок на Рождественском городище. Как правило, их находки тяготеют к ремесленным мастерским, на основании чего можно предположить, что игра в кости была характерна для субкультуры ремесленников. Как отмечает К.А. Руденко, использование бараньих астрагалов для игры является преимущественно тюркской традицией (Руденко, 2005, с. 74).

Для датировки мастерской наиболее значимыми являются *радиоуглеродные даты*. Все пробы угля для анализа, проведенного в лаборатории ИИМК РАН, отбирались из ям, где не было сомнения в том, что слой перемешан. В целом получено пять AMS ¹⁴C датировок. Календарный возраст образцов угля с вероятностью 2 σ (95,4%) из ямы 4 определен в интервале 990–1170 кал. л. н. э. (Je-11862, OxCal v 3.10), из ямы 6 – в интервале 1215–1280 кал. л. н. э. (Je-11864, OxCal v 3.10), из ямы 7 – в интервале 960–1160 кал. л. н. э. (Je-12035, OxCal v 3.10), из ямы 8 – в интервале 1040–1280 кал. л. н. э. (Je-12034, OxCal v 3.10) и из ямы 11 – в интервале 880–1160 кал. л. н. э. (Je-12037, OxCal v 3.10). Таким образом, представленные даты охватывают почти весь период существования Рождественского городища. Но на Рождественском городище отчетливо прослеживается, что новые ямы обычно сооружались на месте старых, связанных с предыдущими постройками, по стратиграфии видно, что они перестраивались порой до пяти раз. И наличие ранних дат объясняется принадлежностью их к слоям более ранних построек.

По анализу вещевого инвентаря, собранного в слоях мастерской, ее можно датировать XII–XIII вв. Этому периоду соответствует местная лепная керамическая посуда, среди которой представлены и наиболее характерные для данного периода *сосуды «кошелевидной» формы* (рис. 8: Б: 6–9).

Из бытовых предметов для датировки сооружения может служить *овальное дулезу-*

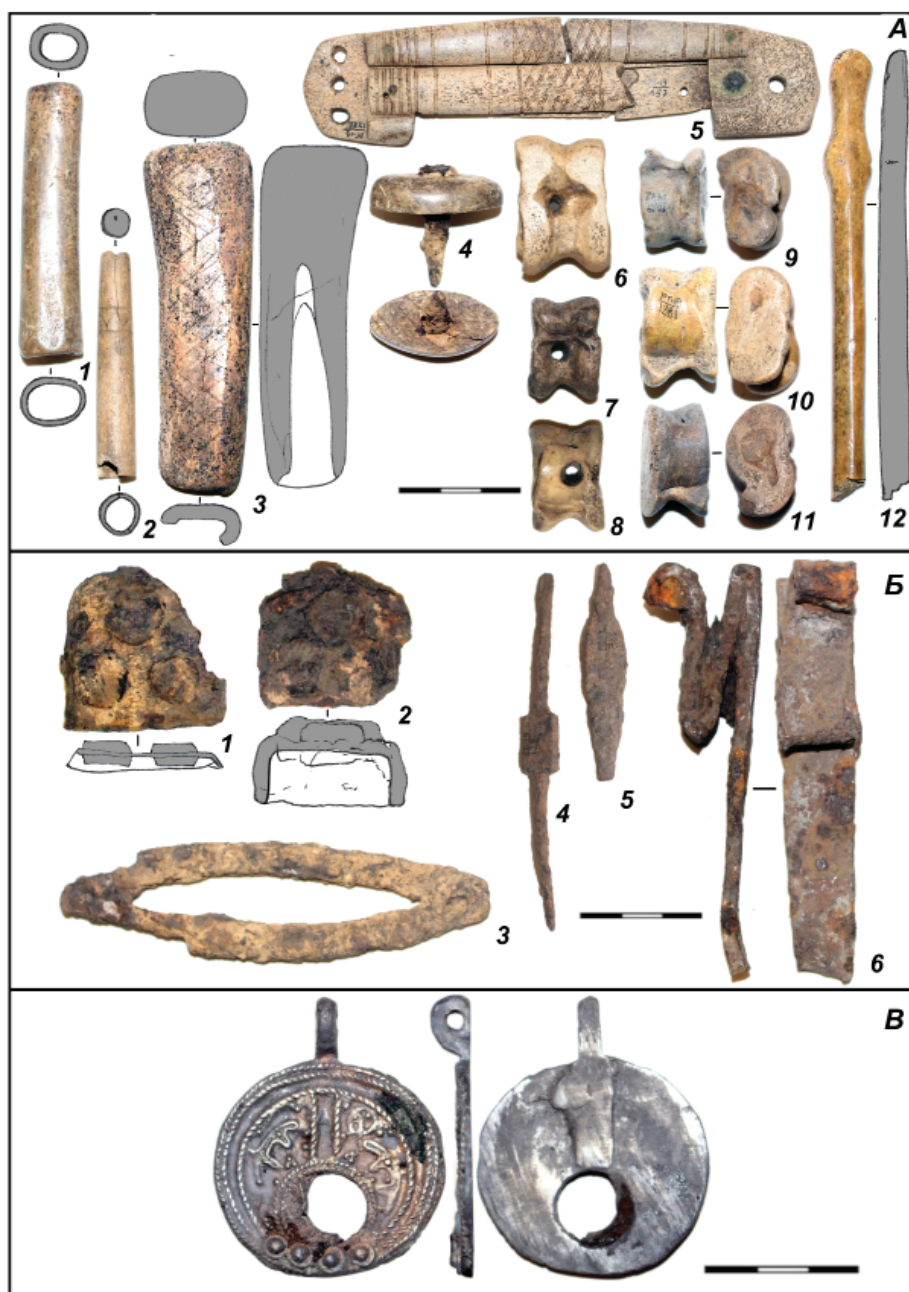

Рис. 9. А – предметы быта из кости и рога: 1 – игольник, 2 – рукоять шила, 3 – рукоять ножа, 4 – затыльник рукояти ножа, 5 – футляр расчески, 6-11 – альчики из таранных костей мелкого рогатого скота, 12 – фрагмент стилоса; Б – предметы быта из железа: 1-2 – набойки каблуков; 3 – кресало, 4-5 – шилья, 6 – светец; В – бронзовая подвеска-лунница

Fig. 9. А – household items made of bone and horn: 1 – needlecase, 2 – awl handle, 3 – knife handle, 4 – back of a knife handle, 5 – comb case, 6-11 – playing dice made of talus bones of small cattle, 12 – fragment of a stylus; Б – household items made of iron: 1-2 – heel pads; 3 – steel, 4-5 – awls, 6 – torch holder; В – bronze pendant-lunula

вийное кресало XI–XIII вв. (рис. 9: Б: 3) (Крыласова, 2007, с. 142–143, рис. 61), костяной футляр составной расчески XI–XII вв. (рис. 9/А: 5) (Крыласова, 2007, с. 271–275), а особенно интересен железный светец (рис. 9/Б: 6), обнаруженный у южной стены мастерской – светцы на территории Пермского края появляются не ранее XIII–XIV вв. (Крыласова, 2007, с. 196–197, рис. 86).

XII–XIII веками датируется подавляющее большинство металлических украше-

ний, найденных в мастерской. Не вдаваясь в детальную характеристику всей их совокупности, остановимся лишь на наиболее выразительных находках.

Среди металлического лома, сконцентрированного у ямы 7, был найден квадратный серебряный каст для вставки, обрамленный зернью и торсированной проволокой (рис. 10: А: 1), такие касты использовались в составе прикамских ювелирных украшений XII–XIV вв.

Рис. 10. А – украшения: 1 – серебряный каст, 2 – серебряный перстень, 3-4 – серьги медные с позолотой;
Б – монеты: 1 – серебро, 2-3 – медь

Fig. 10. A – jewelry: 1 – silver holder, 2 – silver ring, 3-4 – copper earrings with gilding;
Б – coins: 1 – silver, 2-3 – copper

К числу наиболее ярких находок принадлежит *подвеска-лунница* (рис. 9: В), найденная возле ямы 4. Она отлита из оловянно-свинцовой бронзы по оттиску ювелирного изделия с зерно-сканым декором, в оформлении которого прослеживаются черты, характерные для прикамских замкнутых лунниц XII–XIII вв.: двойные ряды скани по внешнему контуру изделий и выкладка сканью контуров внутреннего отверстия, ряд крупных зерен, обрамленных сканью, под внутренним отверстием, разделение орнаментального поля двумя вертикальными рядами скани. По бокам от вертикальных рядов скани прослеживаются контурные изображения животных, что делает подвеску уникальной: слева – изображение лося, справа – пушной зверь семейства куньих и круг (солярный символ) с крестовидной фигурой внутри. Присутствие в оформлении лунницы изображений животных и солярного знака сближают ее с известной

серией медальонов «с охотничьим сюжетом», среди которых имеются и замкнутые лунницы (Крыласова, Подосенова, 2018a).

Любопытной находкой является *пара небольших медных позолоченных сережек* с одной гладкой напускной бусиной (рис. 10: А: 3–4), найденных в яме 11. Прямых аналогий им пока не выявлено. На основе отдельных технологических особенностей серьги можно датировать XIII–XIV вв.: фиксация бусин на проволоочной основе с помощью обмотки распространилась не ранее XI в., обмотка проволоочной основы гладкой проволокой характерна для золотоордынских изделий XIII–XIV вв., распространение приема нанесения позолоты на изделия с помощью плакирования наблюдается в XII–XIV вв. (Подосенова, 2021, с. 128).

В яме 11 был найден *обломок костяного стилоса* с характерной заполированной рукоятки округлого сечения и с затертой

«лопаточкой» на тыльной стороне, предназначенной для стирания написанного на воске. По классификации Б.Б. Овчинниковой, этот стилос можно отнести к типу 15, датированному по новгородским аналогиям серединой XIII–XVI вв. (Овчинникова, с. 58–59, рис. 13/4, 9).

Ну и разумеется, для датировки мастерской важным источником являются *монеты*, подтверждающие тот факт, что финальный этап функционирования мастерской приходится на золотоордынский период второй половины XIII века:

серебряная монета (рис. 10: Б: 1) – Джучиды, анонимный данг с тамгой Менгу-Тимура, вторая половина 1270-х гг., Сарай;

медная монета (рис. 10: Б: 2) – Чингизиды, Мунке (Müngke, 1251–1259), Булгар;

медная монета неправильной формы (рис. 10/Б: 3) – улус Джучидов, с «очковидной» тамгой, конец XIII в. (определение Вяч.С. Кулешова).

Подводя итог, отметим, что обнаруженная и исследованная на Рождественском горо-

дище медницкая мастерская – это значимое открытие не только для средневековой археологии Пермского Предуралья, поскольку медная посуда и иные изделия из медных пластин имели чрезвычайно широкое распространение, а полученные данные в значительной степени позволяют расширить представления об особенностях медницкого производства. Возвращаясь к приведенному в начале статьи предположению Ф.Ш. Хузина о переселении болгарских ремесленников по Камскому торговому пути, отметим, что описанная мастерская является ярким примером этому. Предположительно ремесленник, основавший мастерскую, переселился из Волжской Булгарии. Здесь он обзавелся семьей и подмастерьями, его дети и ученики долгое время обеспечивали функционирование медницкой мастерской. Анализ культурных напластований в ее пределах, содержащих следы перестройки и ремонта, позволяет предполагать, что мастерская вполне могла существовать более 100 лет.

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М. Камский торговый путь из Болгара «в страну Вису и Чулыман» // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья в IX–XIII веков. Материалы Международного симпозиума Казань, 8–10 сентября 1998 г. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АНТ, 1999. С. 161–173.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

Белавин А.М. О социально-экономических критериях выделения протогородов у коренных народов Урало-Поволжья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. I–II / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2001. С. 108–110.

Белавин А.М. Вопросы ранней урбанизации в средневековом финно-угорском мире по данным археологии // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XV. / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2019. С. 117–127.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Основные итоги изучения Рождественского археологического комплекса (город Афкула) в Пермском крае // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 6–20.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Касаба Афкула в письменных источниках и в археологической реальности Вопросы интеграции археологических и исторических исследований Материалы Всероссийской (с международным участием) археологической конференции (Астрахань, 29 сентября – 01 октября 2017 г.) / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Изд-ль Сорокин Роман Васильевич, 2017. С. 3–10.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Ювелирные инструменты средневекового населения Предуралья (по материалам Рождественского археологического комплекса) // Препринт научного доклада на международной конференции «Археология Арктики», 19–22 ноября 2017 г., г. Салехард, Россия; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2017. 19 с.

Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2007. 352 с.

Крыласова Н.Б. Керамическая посуда Рождественского городища. Раскоп VII 2008 г. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Университет и историко-культурное наследие региона. Вып. V. / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 139–147.

Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А. Флаконовидные пронизки на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья // Вестник Пермского научного центра. 2018. № 2. С. 49–60.

Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А. Лунница из Рождественского городища // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2018а. Вып. VIII. С. 31–35.

Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А. Медницкое дело в средневековом городке (по материалам раскопок 2018 года на Рождественском городище) // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 1 (48). С. 62–70.

Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. 216 с.

Кузьминых С.В., Семькин Ю.А. Цветная металлообработка // История Татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во РухИЛ, 2006. С. 258–271.

Моряхина К.В. Контакты населения Пермского Предуралья и Волжской Булгарии (по материалам украшений рук) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVI. / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2020. С. 15–20.

Овчинникова Б.Б. Писала-стилосы Древнего Новгорода X–XV вв.: (свод археологического источника) // Проблемы истории России. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 45–105.

Подосёнова Ю.А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: Пгпу, ПФИЦ УрО РАН, 2021. 210 с.

Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000. 158 с.

Руденко К.А. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2005. С. 67–97.

Руденко К.А. Булгарское черное искусство: перстни. Казань: КГУКИ, 2010. 44 с.

Хузин Ф.Ш. Некоторые проблемы изучения Камского торгового пути // Камский торговый путь. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Ред. Корнилова И. В. и др. Набережные Челны: НГПУ, 2018. С. 48–56.

Рорс Н. Изготовление проволоки – из древности в будущее / пер. С.Юрьев // Компоненты и технологии. 2009. № 7. С. 140–146.

Информация об авторе:

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); n.krylasova@mail.ru

REFERENCES

Belavin, A. M. 1999. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Mezhdunarodnye sviazi, torgovye puti i goroda Srednego Povolzh'ia IX–XII vekov (International Relations, Trade Routes and Cities from Middle Volga Region in the 9th–12th Centuries)*. Kazan: “Master-Line” Publ., 161–173 (in Russian).

Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh sviaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Belavin, A. M. 2001. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition) I–II*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 108–110 (in Russian).

Belavin, A. M. 2019. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition) XV*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 117–127 (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2009. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan) (2)*, 6–20 (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2017. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Voprosy integratsii arkheologicheskikh i istoricheskikh issledovaniy. Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologicheskoi konferentsii (Astrakhan, 29 sentiabria – 01 oktiabria 2017 g.) (Issues of the Integration of Archaeological and Historical Studies. Materials of the All-Russian (with international participation) Archaeological Conference (Astrakhan, September 29 – October 1, 2017))*. Astrakhan: “Sorokin Roman Vasil'evich” Publ., 3–10 (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2017. *Iuvelirnye instrumenty srednevekovogo naseleniia Predural'ia (po materialam Rozhdestvenskogo arheologicheskogo kompleksa) (Tools for Jewelry Production of the Medieval Population of the Cis-Urals (Based on Materials of Rozhdestvensk Archaeological Complex))*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).

Krylasova, N. B. 2006. *Arkheologiia povsednevnosti: material'naia kul'tura srednevekovogo Predural'ia* (*Archaeology of Everyday Life: Material Culture of the Medieval Cis-Urals*). Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Krylasova, N. B. 2008. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* (*Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition*) 5. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 139–147. (in Russian).

Krylasova, N. B., Podosenova, Yu. A. 2018. In *Vestnik Permskogo Nauchnogo Tsentra* (*Bulletin of Perm Scientific Center*) 2, 49–60 (in Russian).

Krylasova, N. B., Podosenova, Yu. A. 2018a. In *Vestnik Muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia* (*Bulletin of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals*) VIII, 31–35 (in Russian).

Krylasova, N. B., Podosenova, Yu. A. 2020. In *Vestnik Permskogo universiteta. Serii «Istoriia»* (*Bulletin of the Perm University. History Series*) 48 (1), 62–70 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. (ed.). 1985. *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X–XIII vv.* (*Culture of Bilyar. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries*). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kuz'minykh, S. V., Semykin, Yu. A. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriya tatar s drevnejshih vremen (v semi tomah)* (*History of the Tatars since ancient times (in seven volumes)*). 2 Kazan: “RukhIL” Publ., 258–271. (in Russian).

Moryakhina, K. V. 2020. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* (*Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition*) XVI. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 15–20 (in Russian).

Ovchinnikov, B. B. 2000. In Shashkov, A. T. (ed.). *Novgorodskaa Rus': Istoricheskoe prostranstvo i kul'turnoe nasledie* (*Novgorod Rus: Historical Space and Cultural Heritage*). Yekaterinburg: Ural State University, 45–105 (in Russian).

Podosenova, Yu. A. 2021. *Visochnye ukrasheniia naseleniia Permskogo Predural'ia* (*Temple Ornaments of the Perm Cis-Urals Population*). Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Rudenko, K. A. 2000. *Metallicheskaia posuda Povolzh'ia i Prikam'ia v VIII–XIV vv.* (*Metal Dishware of Volga and Kama Regions in 8th–14th Centuries*). Kazan: “Reper” Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy)* (*Antiquities of the Volga Region: the Medieval Period (Studies of the Cultural Heritage of Voga Bolgaria and the Golden Horde)*). Kazan: “Shkola” Publ., 67–97 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2010. *Bulgarskoe chernevoe iskusstvo: perstni* (*Bolgar Metalworking Art: Rings*). Kazan: Kazan State University for Culture and Arts (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2018. In Kornilova, I. V. et. (eds). *Kamskii torgovyi put'* (*Kama Trade Route*). Naberezhnye Chelny: Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, 48–56 (in Russian).

Pops, H. 2009. In *Komponenty i tekhnologii* (*Components and Technologies*) 7, 140–146 (in Russian).

About the Author:

Krylasova Natalia B. Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation. Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; n.krylasova@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.

УДК 902.02

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.186.191>

ПОЯСНОЙ НАБОР ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 6 МОГИЛЬНИКА «НИЖНЯЯ СТРЕЛКА» В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2021 г. Т.Б. Никитина

В статье представлен материал поясного набора (накладки – 3 типа, пряжки – 2 типа, наконечник) из погребения 6 марийского могильника «Нижняя Стрелка», на основании которого выполнена графическая реконструкция пояса. Представленный поясной набор является для Ветлужско-Вятского междуречья, на территории которого расположен могильник, необычным. Ближайшие аналогии накладкам всех типов в одном комплексе отмечены в кургане 18 Синеглазова субботцевского круга, а также в венгерских памятниках периода Арпадов. На основании приведенной в статье датировки комплекса (не позже середины X в.) и выявленных аналогий деталям поясной гарнитуры возможно предположить, что в Ветлужско-Вятском междуречье наблюдается сохранение пережитков пост-субботцевского стиля, проникших в этот регион, возможно, и опосредовано, но от населения, непосредственно знакомого с субботцевскими традициями.

Ключевые слова: археология, Марийская культура эпохи средневековья, наборный пояс, пост-субботцевский стиль, датировка.

BELT SET FROM BURIAL 6 OF “NIZHNYAYA STRELKA” BURIAL GROUND IN THE SYSTEM OF CULTURAL RELATIONS OF THE POPULATION OF THE VETLUGA-VYATKA INTERFLUVE

T. B. Nikitina

The paper features the material of a belt set (pads – 3 types, buckles – 2 types, and a tip) from the burial 6 of “Nizhnyaya Strelka” Mari burial ground, which was used as a basis for a graphic reconstruction of the belt. The belt set is unusual for the Vetluga-Vyatka interfluve, where the burial ground is located. The closest analogies to the pads of all types in a single complex were discovered in barrow 18 of Sineglazovo site of the Subbottsevo circle, as well as in the Hungarian sites of the Arpad period. Based on the dating of the complex given in the article (not later than the mid-10th century) and the revealed analogies to the details of the belt set, it can be assumed that the Vetluga-Vyatka interfluve contains the remnants of the post-Subbottsevo style which penetrated into this region, possibly indirectly, from the population directly familiar with the Subbottsevo traditions

Keywords: archaeology, Mari culture of the Middle Ages, composite belt, post- Subbottsevo style, dating

В погребении 6 могильника «Нижняя стрелка» обнаружен поясной набор, который на сегодняшний день не имеет аналогов в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья.

Могильник «Нижняя стрелка» располагается на высокой дюне в левобережной пойме р. Волги, недалеко от д. Починок Юринского района. Памятник изучен полностью в 1987, 1988, 2007 гг. Т.Б. Никитиной.

Погребение 6 представляет собой кенотаф (Никитина, 1987, рис. 63; Никитина, 2012, с. 36, рис. 144). На глубине 25 см сразу под слоем дерна обнаружены фрагменты сосуда с уплощенным дном. Керамика слабого обжига, поэтому сохранность очень плохая. Под сосудом заметно слабое светло-серое заполнение неопределенных очертаний. Более четкие границы обозначились лишь на глубине 75 см. Могильное заполнение овальной формы

размерами 170×50 см длинной стороной ориентировано по линии ССЗ – ЮВВ. В засыпке могильной ямы зафиксированы крупные куски угля. Вещи лежали на глубине 75 см на подстилке из луба, сверху закрыты досками. Костей в погребении не обнаружено. Вещи разложены с С на Ю в порядке их расположения при ингумации, украшения соответствуют месту в костюме.

Инвентарь. В северной стороне лежало два серебряных височных кольца с отогнутым концом (№ 1) (рис. 1: 1), в области рук – два бронзовых граненных браслета с кружковым орнаментом на гранях (№ 2, 2а) (рис. 1: 2, 2а), чуть ниже – кожаный ремень с пряжками, металлическими накладками и наконечником (№ 3) (рис. 1: 3), железный нож (№ 4) (рис. 1: 4) в железных ножнах с войлочной прокладкой изнутри. В южном углу могилы обнаружены

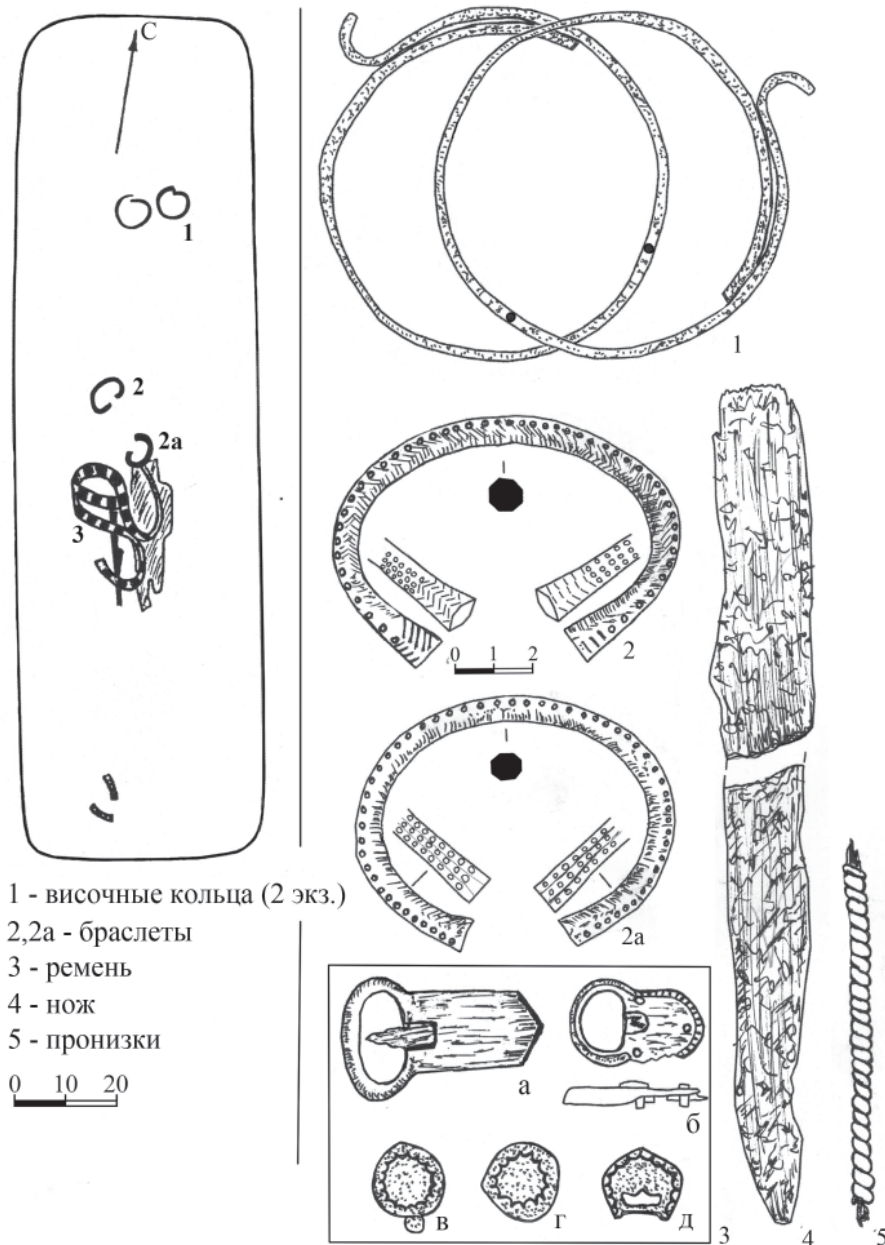

Рис. 1. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 1. 1-3 – цветной металл; 4 – железо; 5 – кожа, цветной металл
Fig. 1. Burial ground “Nizhnyaya Strelka”, interment 1. 1-3 – non-ferrous metal; 4 – iron;
 5 – leather, non-ferrous metal

бронзовые пронизки из плоской витой проволоки на кожаном ремешке (№ 5) (рис. 1: 5).

Расположение пояса, как и иных украшений в кенотафе, символично, но хорошая сохранность кожи и составных деталей позволяет сделать реконструкцию. Пояс находился в центре могилы, условно в области талии. К нему прикрепился нож.

Основу пояса составлял ремень из кожаной ленты шириной 1,6 см (рис. 2: 1). Длина ремня с накладками около 128 см, один конец завершается пряжкой, другой наконечником. Учитывая, что ширина наконечника превышает проем рамки пряжки, очевидно, что ремень застегивался с помощью вспомогательного ремешка, который не имел накладок и наконеч-

ника. Судя по длине, ремень мог быть обернут вокруг корпуса человека в 1 оборот, спереди длинный конец был перекинут через ремень с левой стороны на правую, образуя дополнительный ряд, и свободный конец с наконечником опущен вниз. Задняя часть ремня и небольшой фрагмент с правой стороны перед пряжкой украшены пятиугольными накладками. Сзади с обеих сторон от пятиугольных накладок крепились сердцевидные накладки с круглой головкой на нижнем крае. Передняя часть и опущенный вниз конец имели сердцевидные накладки, прикрепленные мысиком вдоль ремня. Накладки крепились с помощью шпеньков, пронизывающих кожу и загнутых с изнаночной стороны. Набор характеризуется

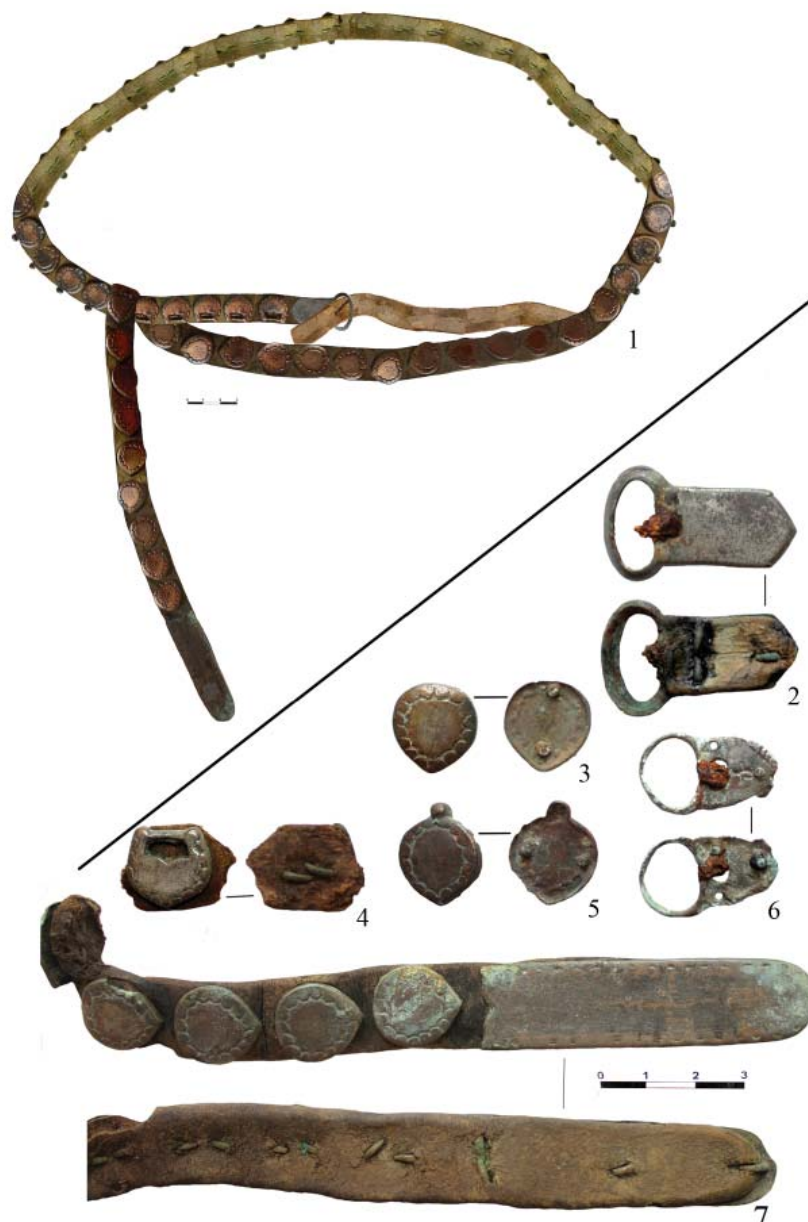

Рис. 2. 1 - реконструкция пояса из погребения 6 могильника «Нижняя стрелка»; 2,6 – пряжки, 3-5 – накладки, 7 – конец ремня. 1, 2, 4, 7 – кожа, цветной металл; 3,5 – цветной металл; 6 – цветной металл, железо

Fig. 2. 1 – reconstruction of the belt from the interment 6 of the burial ground “Nizhnyaya Strelka”; 2,6 – buckles, 3– 5pads, 7 – the end of the belt. 1, 2, 4, 7 – leather, non-ferrous metal; 3,5 – non-ferrous metal; 6 – non-ferrous metal, iron

наличием 2-х пряжек и 3-х типов накладок, оформленных в одном стиле.

1. Накладки сердцевидной формы с плавными очертаниями и головкой с нижней стороны имели размеры 2,0Ч1,7 см, крепились по ширине накладки двумя шпеньками (рис. 2: 3), загнутыми с обратной стороны. На поверхности по контуру изделия заметен бордюр.

2. Накладки сердцевидной формы плавными очертаниями без головки имели размеры 1,8Ч1,6 см, бордюр по контуру и два шпенька для крепления, расположенные по центральной оси накладки (рис. 2: 5).

3. Пятиугольные накладки с бордюром по контуру и прорезью у основания имели разме-

ры 1,5Ч1,7 см и два шпенька для крепления по ширине изделия (рис. 2: 4).

4. Наконечник размерами 7,0Ч1,8 см имеет прямые параллельные стороны, закругленный конец и фигурный противоположный край, насечки по бордюру; крепился с помощью 4-х загнутых с обратной стороны шпеньков (рис. 2: 7).

5. Пряжка овальнорамчатая имеет длину 4,0 см, ширину рамки – 2,5 см, ширину щитка – 1,6 см; неподвижный вытянутый пятиугольный щиток и железный язычок (рис. 2: 8).

6. Пряжка овальнорамчатая размерами 3,0Ч1,5/1,7 см с небольшим щитком геральдической формы с изображением трилистника имеет железный язычок (рис. 2: 9).

Ближайшие аналогии накладкам всех типов в одном комплексе отмечены в кургане 18 Синеглазова субботцевского круга (Боталов, 1987, рис. 2: 10; Комар, 2018, рис. 66: 15), а также в венгерских памятниках периода Арпадов: Тисаседеркень, п. 2 (The Ancient..., 1996, с. 414), Тисаэзлар-Басхалом (The Ancient..., 1996, с. 185), Tiszabezded-Haranglab-dűlő (Eszter, 2003, tab. 202), накладки сердцевидные и с головкой находились в одном поясном наборе в погребении Вереба (Комар, 2018, с. 415, рис. 99: 6; Hampel, 1905; The Ancient..., 1996, с. 375).

Датировка погребения имеет определенные трудности. Инвентарь небогат, и основополагающими для выводов являются составные части поясного набора.

Пряжка с пятиугольным щитком имеет сходство с изделиями из других погребений Ветлужско-Вятского междуречья: п. 5 Веселовского, п. 10 «Нижняя стрелка», п. 52 Дубовского (Никитина, 2012, рис. 147: 8; 257: 33). Погребение 52 Дубовского могильника датировано по монетам не ранее 920-х гг. и не позднее конца 950-х гг., вещи также соответствуют этой дате (Никитина, 2012, с. 69, 70). Погребение 5 Веселовского могильника имеет более ранний облик: конец IX – начало X вв. Такая датировка основана на серии находок. В п. 5 Веселовского (кол. НГИАМЗ, № 12204) могильника присутствуют пятиугольные накладки небольших размеров, имеющие плохую сохранность, что зависит от состава металла (анализ, к сожалению, не проводился), аналогичные изделиям из пп. 1, 3–5 Кочергинского могильника (Талицкий, 1940, табл. III: 24; IV: 48; V: 64) и наибольшее сходство обнаруживающие с накладками из п. 175 Крюково-Кужновского могильника (Зеленцова, рукопись¹), отнесенного к стадии 10, включающей погребения второй половины VIII – IX вв. (Вихляев, Беговаткин, и др., 2008, с. 144), и из п. 10 могильника Мыдлань-Шай (Генинг, 1962, с. 15, табл. IV: 15) с монетами VIII в. (полудрахма и монетовидные подвески оттиски с о. с. драхм времени Хосро) (Янина, 1962, с. 136), а также с накладками из Варнинского могильника (Семенов, 1980, табл. XIII: 11), п. 68 Большеитганского могильника, захоронений Тарского могильника на Кавказе (Комар, 2018, рис. 41: 9) горизонта III салтовских древностей в пределах IX в. и в погребениях Танкеевского могильника IV этапа развития (Комар, 2018, с. 154, 367). В п. 5 Веселовского могильника обнаружены 2 типа накладок пятиугольных очертаний со сглаженными контурами с тремя шаровидными

выступами по углам фигуры (Никитина, 2012, рис. 21: 10, 11). Аналогичные изделия обнаружены также в п. 825 Танкеевского могильника (Khalikova–Kazakov, 1977, с. 199, pl. XXV: 5, 7), отнесенного к IV этапу (Комар, 2018, рис. 51). Погребение 10 Нижней стрелки имеет браслет с расширенными раздвоенными концами, завернутыми в трубочку, в которые продеты подвижные колечки (Вихляев, Беговаткин и др., 2008, рис. 65: 6). Находка в финно-угорских древностях достаточно редкая, но встречена в п. 12р Пановского могильника с достаточно широко распространенным типом сьюльгамы 1Б4а, имеющим аналогии преимущественно в памятниках конца VIII – середины IX вв. (Вихляев, Беговаткин и др., 2008, с. 53, 54) и в исключительных случаях в более поздний период. Два граненных массивных браслета с кружковым орнаментом также имеют достаточно ранний облик. В Варнинском могильнике поломской культуры подобные изделия характерны для чепецкой стадии и датируются второй половиной IX – X вв. (Семенов, 1980, с. 64, табл. II: 33, 34).

Аналогии пряжке с пятиугольным щитком встречены в Танкеевском могильнике (Khalikova, Kazakov, 1977, с. 186, pl. XII: 15).

Курган 18 Синеглазова с накладками такого типа С.Г. Боталов датирует рубежом IX–X вв. (Боталов, 1988, с. 129). На сходство оформления накладок из п. 6 «Нижней стрелки» с изделиями субботцевского стиля обратил внимание А. Комар (Комар, 2018, с. 227). Пряжка малых размеров с геральдическим щитком позволила предполагать более поздний облик данного погребения. Немногочисленные аналогии на других территориях относятся ко второй половине X в.: п. 406 Крюково-Кужновского могильника стадии 11, материалы средневековых кочевников (Иванов, Крыласова, 2006, рис. 6, 8), огузские погребения Верхне-Погромное (Комар, 2018, с. 222, 223, рис. 89: 6).

Но следует отметить, что в памятниках Ветлужско-Вятского междуречья пряжки такого типа являются достаточно частыми находками: пп. 46, 58, 60, 64 Дубовского могильника, пп. 29, 30, жк 8, 10 «Нижней стрелки», жк 11 Русенихинского могильника (Никитина, 2012, рис. 105: 10; 2018, рис. 61: 11). Большинство подобных пряжек датируются не ранее второй половины X в. и позже: п. 60 Дубовского по монете Бувейхидов 338–363 гг. х. (949–974 гг.), п. 58 Дубовского по бусам и наконечнику (Никитина, 2012, с. 71), жк 8 Нижней стрелки по браслету (Никитина, 2012, с. 67), п. 11 Русенихинского по

оттиску с подражания саманидским дирхемам 351 г. х. (962 гг.) (Мухаметшин, Гомзин, 2018, с. 244). Нельзя абсолютно исключать возможность появления таких пряжек и в более ранний период. Во всяком случае в п. 46 Дубовского могильника обнаружена монета и подражание династии Саманидов 301–331 г. х. (913/943) (Федоров-Давыдов, 1984, с. 151, 161).

В пользу датировки начала X в. свидетельствуют и другие находки из этого погребения.

На основании этого я склонна отнести п. 6 могильника «Нижняя стрелка» к X в., вернее всего, не позднее середины X в.

Признавая распространение наборов «с практически идентичным оформлением поясных деталей... в Зауралье, Поволжье и Венгрии», А. Комар все же считает, что в данном случае это «свидетельствует не о дериватном статусе таких деталей, а о самостоятельном стиле, возникшем позже

субботцевского горизонта» (Комар, 2018, с. 227).

Не исключая возможности возникновения нового стиля, похожего на существующий ранее, все же трудно согласиться с данным высказыванием. Нужно учитывать, что повторены не только форма и орнаментация изделий, но, что особенно важно, повторен состав поясного набора в целом с сохранением всех трех типов накладок. Мне кажется, что такой повтор возможен в том случае, если мастер сохранял в памяти увиденный когда-то образец. Или трудно поверить в абсолютное совпадение по комплектации изделий на такой широкой территории. Вполне возможно, что в Ветлужско-Вятском междуречье наблюдается сохранение пережитков постсубботцевского стиля, проникших в этот регион возможно и опосредовано, но от населения непосредственно знакомого с субботцевскими традициями.

Примечание:

¹Автор выражает благодарность О.В. Зеленцовой за возможность использовать рукопись неопубликованного материала

ЛИТЕРАТУРА

Боталов С.Г. Курган у оз. Синеглазово (по раскопкам Н.К. Минко и С.А. Гатцука) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1986. С. 105–119.

Боталов С.Г. Культурно-хронологическая принадлежность Синеглазовских курганов // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1988. С. 126–140.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.И. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья / Научн. ред. И.М. Петербургский. Саранск: Республиканская типография «Красный октябрь», 2008. 352 с.

Генинг В.Ф. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай / ВАУ. Вып. 3. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск. 1962. С. 7–112.

Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь, 2006. 162 с.

Комар А. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Budapest: Martin Opitz Kiadó, RPKEVTK Régészettudományi Intézet, MTA VTK Magyar Östörtöneti Társaság, 2018. 424 с.

Мухаметшин, Д.Г., Гомзин А.А. Нумизматический материал из Русенихинского могильника // Археология Евразийских степей. 2018. №3. С. 242–255.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Отечество, 2012. 408 с.

Талицкий М.В. Кочергинский могильник // МИА. № 1 / Под ред. П.Н. Третьякова. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 159–168 с.

Шицаева Т.Б. Отчет о раскопках могильника Нижняя Стрелка в 1987 году / Архив ИА РАН, № 12585.

Федоров-Давыдов Г.А. Монеты из Дубовского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 1984. С. 160–172.

Eszter I. A Rétköz honfoglalás és Arpád-kori emlékei / Régészeti gyűjtemények Nyíregyházán 2 Nyíregyházán, 2003. 738 p.

Hampel J. Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig 1905.

Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetière de Tankeevka // Les anciens hongrois et les ethnies voisines à l'Est. Budapest, 1977. P. 21–221.

The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue / Edited by Istvan Fodor. Budapest. 1996. 479 p.

Информация об авторе:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

REFERENCES

Botalov, S. F. 1986. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia* (Early Iron Age and Middle Ages in the Ural-Irtysh Interfluve). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 105–119. (in Russian).

Botalov, S. F. 1988. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Problemy arkheologii Uralo-Kazahstanskikh stepei* (Issues of the Archaeology of the Ural-Kazakhstan Steppes). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 126–140 (in Russian).

Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. I. 2008. *Khronologiya mogil'nikov naseleeniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia* (Chronology of the Burial Grounds of 1st – 14th Centuries in the Western Part of the Middle Volga Region). Saransk: “Krasnyi Oktiabr” Typography (in Russian).

Gening, V. F. 1962. In Gening, V. F. (ed.). *Drevneudmurtskii mogil'nik Mydlan'-Shai* (Mydlan-Shai Ancient Udmurt Burial Ground). Series: *Voprosy arkheologii Urala* (Issues of the Ural Archaeology) 3. Sverdlovsk, 7–112 (in Russian).

Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2006. *Vzaimodeistvie lesa i stepi Uralo-Povolzh'ia v epokhu srednevekov'ia (po materialam kostiama)*. (Interaction of the Forest and Steppe of the Ural–Volga Region in the Middle Ages (Based on Costume Materials)). Perm (in Russian).

Komar, A. 2018. *Istoriua i arkheologiya drevnikh mad'jar v epokhu migratsii* (History and Archaeology of the Ancient Hungarians in the Era of Migration). Budapest: Martin Opitz Kiadó, PPKBTK Régészettudományi Intézet, MTABTK Magyar Östörtöneti Támacsoport (in Russian).

Mukhametshin, D. G., Gomzin, A. A. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 3, 242–255 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia* (Burial Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area). Series: *Arkheologiya evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).

Shikaeva, T. B. *Otchet o raskopkakh mogil'nika Nizhniaia Strelka v 1987 godu* (Report on the Excavations of the Nizhnaya Strelka Burial Ground in 1987). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, dossier 12585 (in Russian).

Talitskiy, M. V. 1940. In Tretyakov P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii* (Materials and Studies in the Archaeology) 1. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 159–168 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1984. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Novye pamiatniki arkheologii Volgo-Kam'ia* (Recently Discovered Archaeological Sites in the Volga and Kama Rivers Area). Series: *Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia* (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 8. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 160–172 (in Russian).

Eszter, I. 2003. *A Rétközönfoglalás és Arpád-kori emlékei*. Régészeti gyűjtemények Nyíregyháza 2. Nyíregyháza.

Hampel, J. 1905. *Altertümer des FrühenMittelalters in Ungarn*. Braunschweig.

Khalikova, E. A., Kazakov, E. P. 1977. In *Les anciens hongrois et les ethnies voisines a l'Est*. Budapest. 21–221 (in French).

Fodor, I. 1996. (ed.). *The Ancient Hungarians*. Exhibition Catalogue.

About the Author:

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences. Mari El Language, Literature and History Research Institute named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.

УДК 902.

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.192.200>**ЖЕРТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ МОГИЛЬНИКА КУЗИНСКИЕ ХУТОРА**

© 2021 г. А.В. Акилбаев

В статье публикуются данные о жертвенных комплексах, обнаруженных в ходе раскопок могильника Кузинские хутора в 2017–2018 годах. Дается характеристика инвентарю, приводятся аналогии, хронологические рамки, в том числе результаты определения монеты. Всего рассмотрено три комплекса. Первый представлен двумя углублениями: в одном находился керамический горшок, в другом короб с одеждой и украшениями. Во втором комплексе в короб также сложены одежда и украшения. В третьем обнаружены поломанные вещи и дирхем. Первые два объекта характерны для марийской культуры X–XI веков. Они, в сочетании с другими признаками, подтверждают присутствие на могильнике марийского компонента. Третий же комплекс либо оставлен предками коми-зырян, которые являются вторым культурным компонентом могильника, либо культура коми-зырян оказала сильное влияние на его обряд.

Ключевые слова: археология, древнемарийская культура, вымская культура, жертвенный комплекс, Верхнее Поволжье, этнокультурные контакты, могильник Кузинские хутора.

**SACRIFICIAL COMPLEXES
OF KUZINSKIE KHUTORA BURIAL GROUND**

A.V. Akilbaev

The paper presents information about sacrificial complexes discovered as a result of excavations of Kuzinskie Khutora burial ground in 2017–2018. The characteristics of the finds are provided along with counterparts and chronology, including the coin identification results. A total of three complexes were studied. The first is characterized by two cavities: one contained a ceramic pot, and another – a box with clothes and jewelry. In the second complex, the box also contains clothes and jewelry. Broken items and a dirham coin were found in the third complex. The first two items are typical of the Mari culture of the 10th–11th centuries. In combination with other attributes, they confirm the presence of the Mari component in the burial ground. The third complex was created by the Komi-Zyryans, or under the influence of their traditions.

Keywords: archaeology, ancient culture of Mari, culture of Vym, sacrificial complex, Upper Volga region, ethnic-cultural contacts, Kuzinskie Khutora burial ground.

Могильник Кузинские хутора расположен в верхнем течении Ветлуги в Костромской области. Памятник открыт и изучается Марийской археологической экспедицией. За 2013, 2014, 2017, 2018, 2020 годы выявлено 36 погребений и 3 жертвенных комплекса, которые в целом датируются IX–XI вв., а по некоторым вещам и до начала XII в. (Никитина, Акилбаев, 2020, с. 110; Акилбаев, 2020, с. 146–148).

Могильник содержит в себе два культурных компонента, что было определено раскопками 2013–2014 годов и подтверждено в последующие годы. Самый многочисленный компонент оставлен предками коми-зырян. Это кремации с хаотично разбросанными на разных уровнях вещами и костями. Другой компонент марийский. Он представлен погребениями с кремацией, где вещи и кости завернуты в одежду и опоясаны ремнем, единственной на весь памятник ингумацией и кенотафами (Никитина, 2015а, с. 136; Никитина, Акилбаев, Аристов, 2019, с. 115). К этому компоненту

относятся и два жертвенных комплекса (вещи в межмогильном пространстве), выявленные в 2017 и 2018 годах. Интерпретация третьего жертвенного комплекса не однозначна, о чем речь пойдет ниже.

Жертвенный комплекс 1 (рис. 1). Контурными размерами 48×70 см выделялись серым слабогумусным заполнением на фоне светлорыжевого песка, просматривались слабо. Выявлены они на глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности под слоем пахоты. Характерной особенностью этого жертвенного комплекса является его форма в виде двух окружностей в виде цифры «8», вытянутой по линии северо-восток – юго-запад. Ввиду разноуровневого залегания вещей, план представлен на двух уровнях.

Инвентарь в северо-восточной окружности представлен керамическим круглодонным горшком (рис. 2: 1). В горшке находились обрывки плетеной цепочки (рис. 2: 2), возможно, положенные в лубяной короб или туес. На

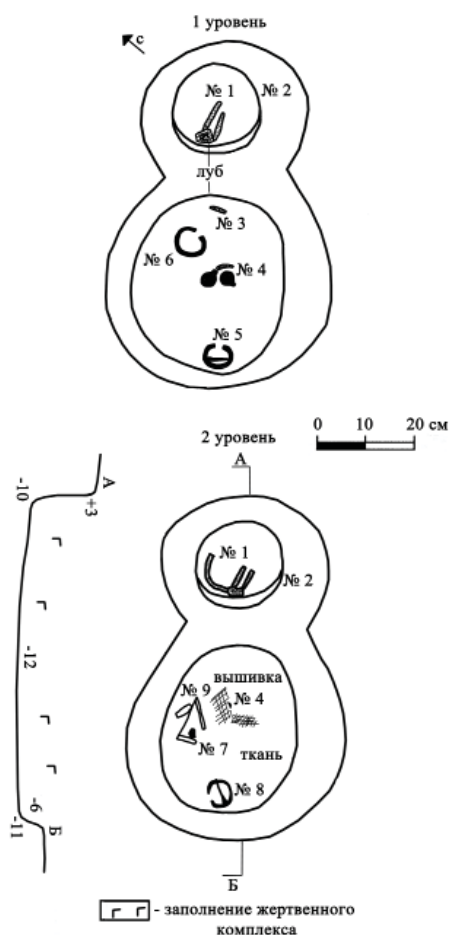

Рис. 1. Жертвенный комплекс 1. План
Fig. 1. Sacrificial complex 1. Plan

дне, под горшком, находились остатки меха и войлока. Других предметов не обнаружено.

Круглодонный лепной горшок грубой лепки имеет орнамент по венчику в виде вертикальных углублений. В целом использование керамической посуды в погребальном инвентаре не характерно для средневековой марийской культуры, однако этот обряд пусть нечасто, но встречается. Традиционно круглодонные сосуды в марийских материалах связывается с прикамским влиянием (Никитина, 2002, с. 196–197; Белавин, Крыласова, Козлов, 2010, с. 108–109).

Концы плетеной цепочки обломаны, это затрудняет поиск аналогий, похожие цепочки встречаются широко со времен античности. Они есть в курганах Ярославского Поволжья X–XI вв. (Фехнер, 1963, рис. 47, 2), в материалах Скандинавии (Thunmark-Nylen, 1995, abb. 155, 6; 192, 8; Рябцева, 1999, рис. 6), в русских кладях IX–XI вв. (Корзухина, 1954, табл. II, 1, VI).

К сожалению, ни горшок, ни цепочка не могут указать на четкую датировку жертвенного комплекса.

В юго-западной части вещи были положены в лубяной или берестяной туес или короб, от которого зафиксированы остатки стенок и дна. Здесь находились фрагменты одежды из меха и ткани, среди которых встречены украшения и другие предметы.

На первом уровне при расчистке показали фрагменты украшения, состоящего из пронизок и бубенчиков (рис. 2: 3), верхняя часть грушевидного кошелька, фибула, другая фибула, которая скрепляла края шерстяной одежды, украшенные тесьмой (рис. 2: 4), пронизка.

Второй уровень располагался всего на 2–3 см ниже первого. Здесь было окончательно расчищено украшение с бубенчиками. Под фибулой, скрепляющей края одежды, обнаружена еще одна фибула. Закончена расчистка кошелька (рис. 2: 5), в котором обнаружены небольшой кремь и, возможно, трут. Слои меховой и шерстяной одежды чередуются. На шерстяной ткани, в центре туеса, располагались следы вышивки тонкой проволокой, которая рассыпалась при расчистке, ее узор неуловим. Подобная вышивка характерна для древнемарийской культуры X–XI вв. (Никитина, Алибеков, 2012, с. 140–143).

Крестопорезные шаровидные бубенчики, орнаментированные двумя парами перекрещивающихся линий датируются второй половиной X – первой половиной XI вв. Такие бубенчики были распространены в Приладожье, Владимирской области, на севере Европы (Мальм, Фехнер, 1967, с. 133–134).

Из комплекса происходят три одинаковые фибулы. Их концы оформлены в виде многогранных головок, дуга имеет в сечении шестигранник без выступа по центру. Аналогии встречены на территории Руси в X – первой половине XI вв., Финляндии с IX по начало XI вв. (Мальм, 1967, с. 181–182). Один экземпляр такого украшения имеется в материалах древнемарийского Веселовского могильника (Никитина, 2012, рис. 13, 6).

Лировидные кошельки известны широко. Они встречены в синхронных марийских могильниках, в Прикамье, на севере Руси (Никитина, 2013, с. 158–159). Однако кошелек из материалов Кузинских хуторов имеет принципиальные отличия. Он изготовлен из кожи, а не из бобрового хвоста, его края оформлены сплошной пластинчатой обкладкой. Именно такие изделия имеются в материалах Минино II и Тимерево (Археология севернорусской деревни, 2008, с. 79), в Скандинавии (Бирка, Готланд) (Thunmark-Nylen, 1995, abb. 315, 7;

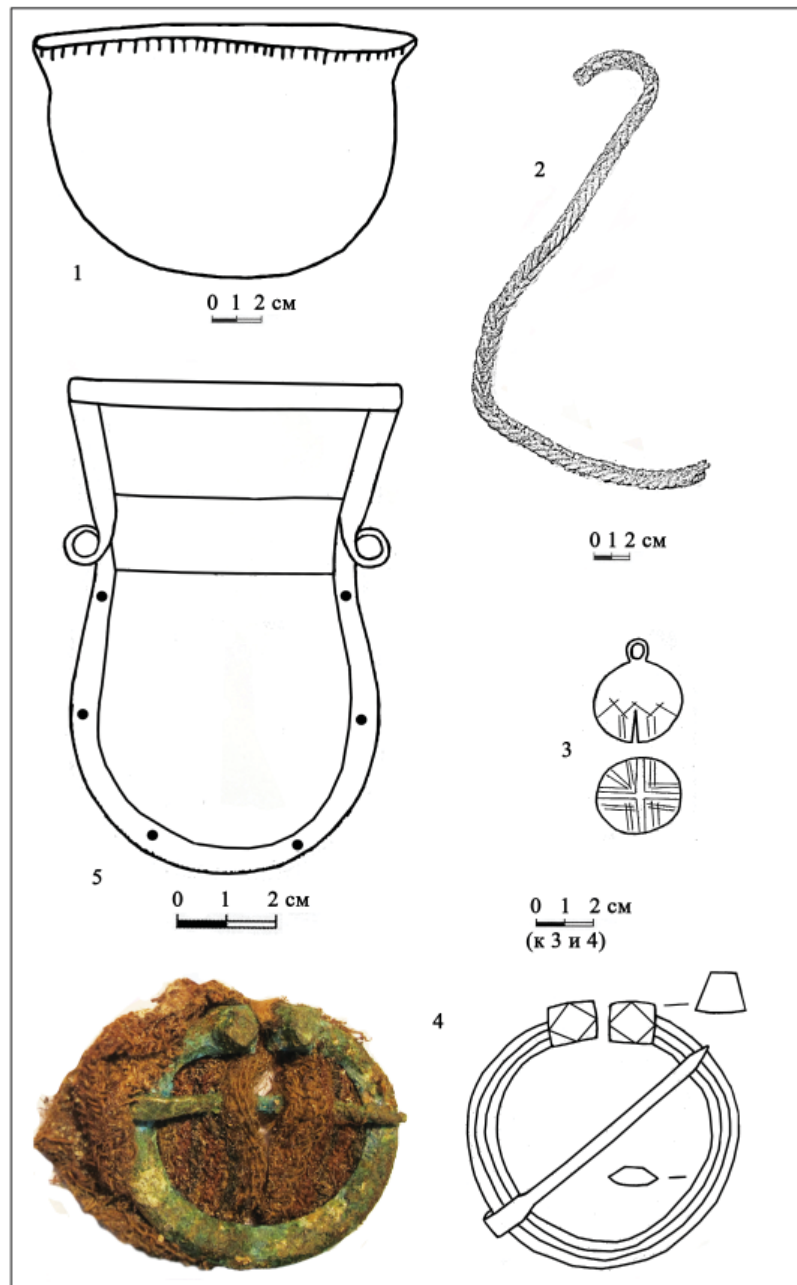

Рис. 2. Жертвенный комплекс 1. Инвентарь. 1 – керамический горшок; 2 – цепочка; 3 – бубенчик;

4 – фибула; 5 – кошелек

Fig. 2. Sacrificial complex 1. Implements. 1 – ceramic pot; 2 – chainlet; 3 – tambourine;

4 – fibula; 5 – pouch

Arbman, 1940, taf. 128, 1), в Танкеевском (Казанов, 1992, рис. 53, 20) и Крюково-Кужновском могильниках (Материалы по истории мордвы, 1952, табл. XII, 2), в Шестовице и Гнездове (Моця, Скороход, 2020, рис. 78, с. 174).

Таким образом, жертвенный комплекс 1 датируется второй половиной X – первой половиной XI в.

Жертвенный комплекс 2 (рис. 3). Контуры выявлены под слоем пахоты на глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности. Они имели размеры 30×30 см, выделя-

лись на фоне темно-коричневого песка серым гумусным заполнением.

Вещи были завернуты в меховую и тканевую одежду со следами металлической вышивки, как в предыдущем жертвенном комплексе. Сверху находилась «глазовская» гривна небольшого диаметра (рис. 3: 1). На одежде была полоса кожи, возможно, это остатки пояса без металлических деталей. В юго-восточной части комплекса находились два браслета (рис. 3: 2, 3). Под гривной, в свертке одежды, были щитковый «усатый»

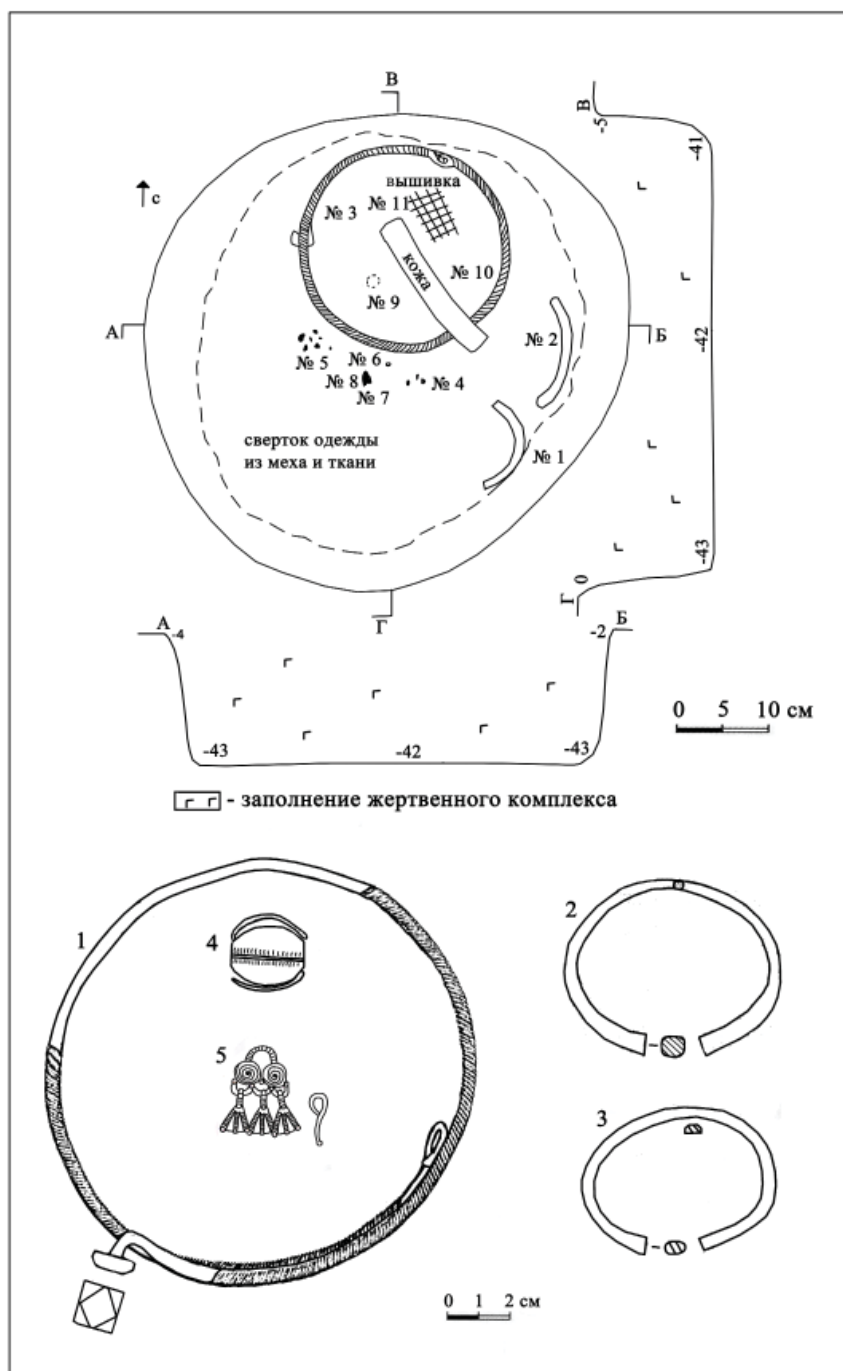

Рис. 3. Жертвенный комплекс 2. План и инвентарь. 1 – шейная гривна; 2, 3 – браслеты; 4 – перстень;

5 – обувная привеска

Fig. 3. Sacrificial complex 2. Plan and implements. 1 – torc; 2, 3 – bracelets; 4 – finger ring;

5 – pendant to shoes

перстень (рис. 2: 4) и кремь. Южнее гривны, также в свертке одежды, ближе к дну, найдены: обкладка деревянной чаши, фрагмент украшения, состоявшего из пронизок и цепочки, фрагмент жетона или пластины со следами рубки, предположительно фрагмент кресала и два кремня. Под свертком одежды имелись остатки обуви из кожи, украшенные пронизками и очевидными привесками (рис. 3: 5).

По-видимому, одежда и вещи были положены в туес, от которого остались следы

по бортам комплекса. На дне обнаружена подстилка из деревянных плашек, не исключено, что это днище туеса.

Жертвенный комплекс не содержит вещей с твердой датировкой, все предметы укладываются во временной промежуток IX–XI вв. Гривны глазовского типа имели распространение в IX–XI вв. (Иванов, 1998, с. 75) на широкой территории Волго-Уральского региона. В марийских материалах они стали характерной особенностью погребального инвентаря и встречены до XI в. практически на всех

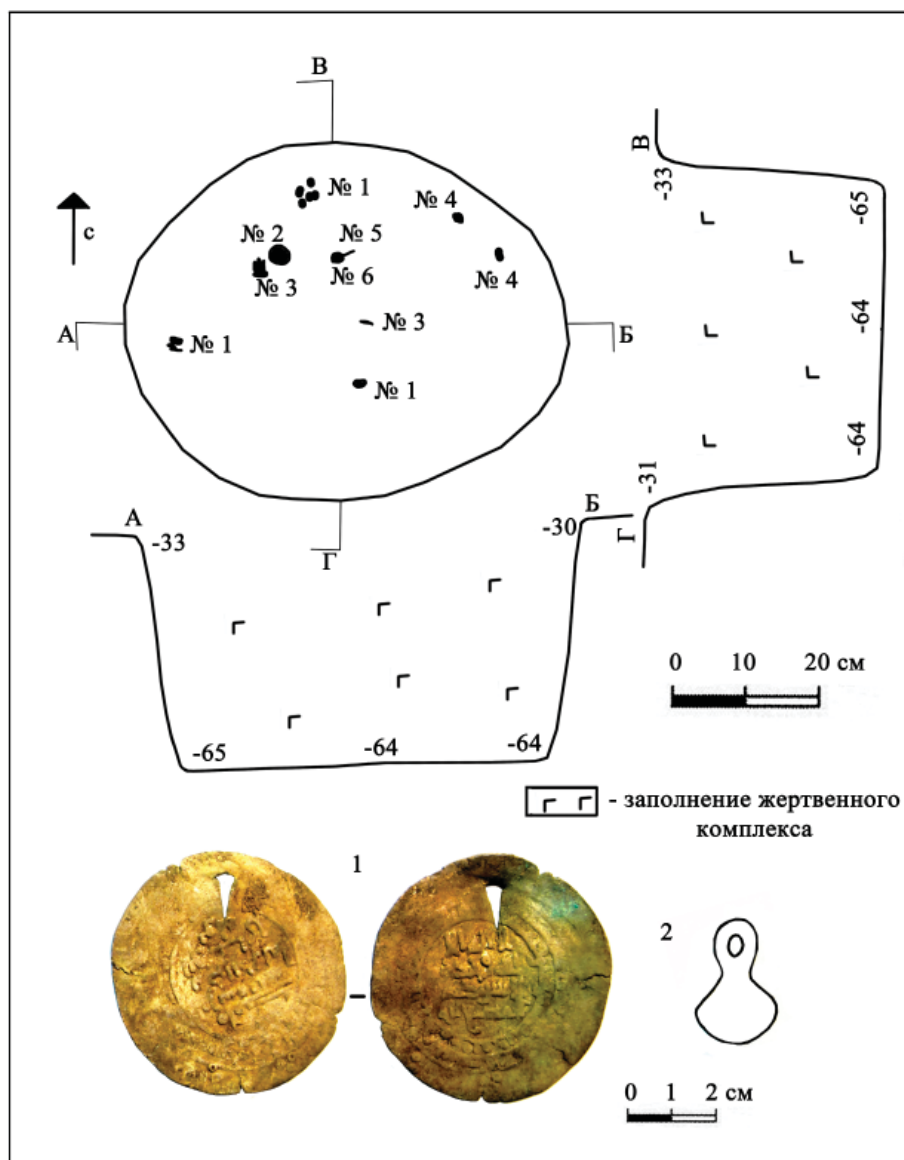

Рис. 4. Жертвенный комплекс 3. План и инвентарь. 1 – дирхам; 2 – пуговица
 Fig. 4. Sacrificial complex 3. Plan and implements. 1 – dirham; 2 – button

могильниках (Архипов, 1973, с. 21). Дротовые браслеты и щитковые «усатые» перстни также встречены в IX–XI вв. на широкой территории и имеются на всех марийских могильниках (Архипов, 1973, рис. 18, 31, 36, 37). Не менее типична для древнемарийской культуры и обувь (Халиков, Безухова, рис. 25).

Жертвенный комплекс 3 (рис. 4). Контуры выявлены под слоем пахоты на глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности. Они имели размеры 50×60 см, выделялись на фоне темно-коричневого песка серым гумусным заполнением. Дно, как и у предыдущих комплексов, ровное, но отсутствуют следы одежды, коробов или какой-либо подстилки (возможно, они просто не сохранились).

Вещи поломаны и хаотично разбросаны. Здесь найдены фрагменты деревянной чаши с металлической обкладкой, дирхам (рис. 4:

1), остатки украшения из пронизок, цепочки и пяти привесок-пуговиц (рис. 4: 2), фрагменты пластины.

Для датировки комплекса пригоден только дирхам: Бувайхиды, Рукн ад-даула Абу ‘Али, ал-Мухаммадийа, 340 г. х. (951/952 г.) (определение к. и. н., научного сотрудника ГБУК «Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник» Д.Г. Мухаметшина).

За пять лет работ выявлено три жертвенных комплекса, различных по обряду и содержанию. Они расположены в северной части могильника, два из них – в стороне от всех могил, один – в стороне от могил, атрибутированных в качестве древнемарийских. Возможно, к северу от одного из погребений, изученных в 2020 г., также располагался жертвенный комплекс. Здесь присутствует глибо-

кий кладоискательский вкоп округлой формы, в перекопе которого обнаружены поясная накладка, бубенчик и марийское височное кольцо с отогнутым концом. Несмотря на то, что часть объектов уничтожена распашкой и кладоискателями, можно предположить, что ряд жертвенных комплексов маркирует северную границу могильника.

Жертвенный комплекс 2 – типичный для древнемарийских могильников. Он относится к варианту III по классификации Т.Б. Никитиной: предварительно завернутые в ткань, мех, кожу вещи опоясаны и уложены в берестяной туес. Такие комплексы признаются ей в качестве этнодиагностирующего элемента марийской культуры IX–XI вв. (Никитина, 2001, с. 45–46, Никитина, 2017, с. 22, 23). Набор характерных для памятников Ветлужско-Вятского междуречья вещей («глазовская» гривна, дрововые граненые браслеты, «усатые» щитковые перстни, обувь с привесками), конструкция, следы вышивки однозначно указывают на марийскую принадлежность жертвенного комплекса 2.

Жертвенный комплекс 1 имеет ряд сходств с предыдущим комплексом, которые выражаются в наличии украшений, завернутых в одежду с металлической вышивкой и положенных в туес или короб. Кроме того, в одежде имеются специально сделанные отверстия, заткнутые тканевой пробкой, аналог такого обряда есть в материалах синхронных марийских могильников (Никитина, 2015, с. 234; Никитина, 2017, с. 24). Однако обращает на себя внимание состав вещей. Здесь присутствуют три фибулы северо-западного, возможно, скандинавского происхождения, лировидный кошелек, география аналогов которому схожа с представленными фибулами. Вторая

часть жертвенного комплекса состоит из керамического горшка прикамского облика с плетеной цепочкой западного происхождения. Горшок в межмогильном пространстве – явление, нехарактерное для древнемарийской культуры, как и конструкция комплекса в виде цифры «8». Однако встречается тип жертвенных комплексов, состоящий из котлов или металлических чаш, в которые иногда положены вещи (вариант II по Т.Б. Никитиной). Не исключено, что здесь имеет место подобный обряд, только вместо металлической посуды керамическая. Если второй комплекс состоит полностью из женских вещей, то первый содержит вещи, которые в марийской культуре X–XI вв. часто отождествляются с мужским костюмом: подкововидные фибулы и лировидный кошелек.

По составу предметов и конструкции выделяется жертвенный комплекс 3. Здесь имеется небольшое количество поломанных вещей, расположенных хаотично. Обращает внимание схожесть обряда этого комплекса с обрядом погребений коми-зырян на рассматриваемом могильнике. Здесь также поломаны и беспорядочно разбросаны вещи. Сложно однозначно отнести этот объект к конкретному культурному компоненту могильника.

Таким образом, выявленные жертвенные комплексы свидетельствуют о сложных этнокультурных процессах, протекавших в Верхнем Поволжье в XI в. Марийское население, начавшее хоронить на могильнике Кузинские хутора в IX–X вв., вступило во взаимодействие с пришлым коми-зырянским населением, которое также стало хоронить на этом месте. В XI в. памятник становится двухкомпонентным, его обряд и инвентарь свидетельствуют о взаимопроникновении двух культур.

ЛИТЕРАТУРА

Акилбаев А.В. Раскопки могильника Кузинские хутора // Археологические открытия. 2018 год. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2020. С. 146–148.

Архинов Г.А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. 199 с.

Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 2. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.Д. Захаров. М.: Наука, 2008. 365 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Козлов А.И. Приуральские материалы в средневековых древностях Ветлужско-Вятского междуречья (комментарий этнокультурных процессов I–II тыс. н.э.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5 / Ред. Ю.А. Зеленева, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИЯЛИ, 2010. С. 106–121.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 308 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.-Л.: АН СССР, 1954. 156 с.

Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 43 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1967. С. 149–206.

Мальм В.А., Фехнер М.В. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 43 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1967. С. 133–148.

Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. (Дневник археологических раскопок П.П. Иванова) / Отв. ред. А.П. Смирнов. Моршанск: Изд-во Моршан. краевед. музея, 1952. 231 с.

Никитина Т.Б. Жертвенно-поминальные комплексы как этноопределяющий признак погребального обряда марийцев в эпоху средневековья // Древности Поволжья и Прикамья / Археология и этнография Марийского края. Вып. 25. / Ред. Никитин В.В., Соловьев Б. С. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. С. 42–51.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Отечество, 2012. 408 с.

Никитина Т.Б. Поясные кошельки/сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. 2013. № 2(4). С. 151–161.

Никитина Т.Б. Жертвенные комплексы Выжумского могильника X–начала XII вв. (к вопросу о связи живых и мертвых) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред.: М. А. Корусенко, А. А. Тишкин, К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомирова, Н. Н. Серегин. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 234–237.

Никитина Т.Б. Население Верхнего Поволжья в начале II тыс. н.э.: новые материалы // КСИА. 2015а. Вып. 240. С. 124–140.

Никитина Т.Б. Жертвенные комплексы с одеждой из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 21–32.

Никитина Т.Б., Акилбаев А.В. Погребальный обряд могильника «Кузинские хутора» IX–XI вв. // Финно-угроведение. 2020. № 61. С. 110–122.

Никитина Т.Б., Акилбаев А.В., Аристов А.А. Погребальный инвентарь могильника «Кузинские хутора» // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 82–98.

Никитина Т.Б., Алибеков С.Я. Древнемарийская вышивка по материалам Русенихинского могильника X–XI вв. (междисциплинарный подход к изучению) // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова / Отв. ред. И.В. Толпеко. Омск: Амфора, 2012. С. 140–147.

Рябцева С.С. Змеи и драконы. О продолжении одной античной традиции в ювелирном деле эпохи средневековья // Stratum Plus. 1999. №3. С. 228–240.

Фехнер М.В. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Отв. ред. А.П. Смирнов. М., 1963. С. 75–85.

Халиков А.Х., Безухова Е.А. Материалы к древней истории Поволжья (археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). Горький, 1960. 60 с.

Моця О., Скороход В. Протоміста Подесення в процесі одержавлення регіону. Випуск I. Шестовицький археологічний комплекс. Київ: ІА НАН України, 2020. 228 с.

Arbman H. Birka I. Die Graber: Tafeln. Uppsala: Almqvist & Wiksells, 1940. 283 s.

Lena Thunmark-Nylen. Die Wikingzerzeit Gotland I. Abbildungen der Graberfunde. Stocholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1995. 377 s.

Информация об авторе:

Акилбаев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); akilbaev.alexandr@yandex.ru

REFERENCES

Akilbaev, A. V. 2020. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia. 2018 god. (Archaeological Discoveries of 2018)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 146–148 (in Russian).

Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv.: k voprosu o proiskhozhdenii naroda (Mari People in 9th–11th Centuries: to the Issue on the Genesis of People)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

Makarov, N. A., Zakharov, S. D. 2008. (eds.). *Arkheologiiia severnorusskoi derevni X–XIII vv.: Srednevekovye poseleniia i mogil'niki na Kubenskom ozere (Archaeology of the Northern Rus Village, the 10th – 13th Centuries: Medieval Settlements and Cemeteries near Kubenskoye Lake)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B., Kozlov, A. I. 2010. In Zeleneev, Yu. A., Solov'ev, B. S. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 5. Yoshkar-Ola: Mari State University, Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 106–121 (in Russian).

Ivanov, A. G. 1998. *Etnokul'turnye i ekonomicheskie sviazi naseleniia basseina r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ia (konets V – pervaiia polovina XIII v.) (Ethnic, Cultural and Economic Relations of the Cheptsy River Basin Population in the Middle Ages (Late 5th – First Half of 13th Centuries))*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Korzukhina, G. F. 1954. *Russkie klady IX–XIII vv. (Russian Hoards of 9th–13th Centuries)* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Malm, V. A., 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th–13th Centuries)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: “Sovetskaia Rossiia” Publ., 149–206 (in Russian).

Malm, V. A., Fekhner, M. V. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th–13th Centuries)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: “Sovetskaia Rossiia” Publ., 133–148 (in Russian).

Smirnov, A. P. (ed.). 1952. *Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. (Dnevnik arkheologicheskikh raskopok P. P. Ivanova) (Materials on the History of Mordva People in 8th–11th Centuries (Field Notebook by P. P. Ivanov))*. Morshansk: Morshansk Museum of Local Lore (in Russian).

Nikitina, T. B. 2001. In Nikitin, V. V., Solov'ev, B. A. (eds.). *Drevnosti Povolzh'ia i Prikam'ia (Antiquities of the Volga and Kama Regions)*. Series: Arkheologiiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 25. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute for Language, Literature and History, 42–51 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 151–161 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2015. In Tomilov, N. A. (ed.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniia (The Integration of Archaeological and Ethnographic Research)*. Barnaul; Omsk: “Nauka” Publ., 234–237 (in Russian).

Nikitina, T. B. 2015a. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 240. 124–140. (in Russian).

Nikitina, T. B. 2017. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 36 (1), 21–32 (in Russian).

Nikitina, T. B., Akilbaev, A. V. 2020. In *Finno-ugrovedenie (Finno-Ugric Studies)* (61), 110–122 (in Russian).

Nikitina, T. B., Akilbaev, A. V., Aristov, A. A. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 82–98 (in Russian).

Nikitina, T. B., Alibekov, S. Ya. 2012. In Tolpeko, I. V. (ed.). *VIII istoricheskie chteniia pamiati Mikhaila Petrovicha Griaznova (8th Historical Readings to the Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov)*. Omsk: “Amfora” Publ., 140–147 (in Russian).

Ryabtseva, S. S. 1999. In *Stratum 3lus.* 3, 228–240 (in Russian).

Fekhner, M. V. 1963. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iaroslavskoe Povolzh'e X–XI vv. po materialam Timerevskogo, Mikhailovskogo i Petrovskogo mogil'nikov (Yaroslavl Volga Region of the 10th–11th cc. based on materials from Timerevo, Mikhailovo and Petrovsky burial grounds)*. Moscow, 75–85 (in Russian).

Khalikov, A. Kh., Bezukhova, E. A. 1960. *Materialy k drevnei istorii Povetluzh'ia (arkheologicheskie issledovaniia v Vetluzhskom raione Gor'kovskoi oblasti v 1957 godu) (Materials on the Ancient History of the Vetluga River Area: Archaeological Investigations in the Vetluga District, Gorky Oblast, in 1957)*. Gorky (in Russian).

Motsia, O., Skorokhod, V. 2020. *Protomista Podesennia v procesi oderzhavlennia regionu. Shestovits'kii arkheologichnii kompleks (Proto-Towns on the Desna River in the Process of Governmentalization of the Region. Shestovitsky Archaeological Complex) I*. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).

Arbman, H. 1940. *Birka I. Die Graber: Tafeln*. Uppsala: Almqvist & Wiksells.

Lena Thunmark-Nylen. 1995. *Die Wikingzerzeit Gotland I. Abbildungen der Graberfunde*. Stocholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.

About the Author:

Akilbaev Alexander V. Candidate of Historical Sciences. Leading Researcher. Mari Scientific Research Institute of Language, Literatures and Histories of V.M.Vasilev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Russian Federation. akilbaev.alexandr@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО БОЛЬШЕТАЯБИНСКОГО МОГИЛЬНИКА В 2018 Г.

© 2021 г. Н.С. Березина, А.Ю. Березин, И.Р. Газимзянов, Е.П. Михайлов,
Н.С. Мясников, Р.Н. Хамзин

Статья посвящена публикации новых материалов Большеятабинского могильника болгарской археологической культуры раскопок 2018 года, а также анализу материалов могильника раскопок 1948 г. (А.П. Смирнов) и 1984 г. (В.Ф. Каховский). Исследованные признаки позволяют говорить о мусульманском обряде погребения как господствующем, но отклонения от ортодоксальной мусульманской позы вместе с отсутствием железных гвоздей и скоб для крепления гвоздей, столь характерные для болгар второй половины домонгольского периода, позволяют предварительно сузить дату некрополя до X–XI вв. – первой половины домонгольской эпохи. Сравнительный анализ большеятабинской серии черепов отражает общие моменты расогенеза волжских болгар. В его основе лежат широкие метисационные процессы, проходившие между «местным» прикамско-приуральским населением (носителями, в основном, субуральского типа) и болгарскими или этнически близкие к ним племенами (носителями, в основном, более широколицего морфокомплекса).

Ключевые слова: археология, Чувашское Поволжье, Средневековье, Большеятабинский могильник, погребение, болгарская археологическая культура, антропологический анализ, краниометрия.

STUDY OF BOLSHAYA TAYABA MEDIEVAL BURIAL GROUND IN 2018

N.S. Berezina, A.Yu. Berezin, I.R. Gazimzyanov, E.P. Mikhailov,
N.S. Myasnikov, R.N. Khamzin

The article is aimed at the publication of new materials from the Bolshaya Tayaba burial ground of the Bolgar archaeological culture of excavations in 2018, as well as the analysis of materials from the burial ground obtained at excavations in 1948 (A.P. Smirnov) and 1984 (V.F. Kakhovsky). The studied attributes suggest that the Muslim burial rite was predominant, but deviations from the orthodox Muslim posture, together with the absence of iron nails and staples for nail fastening, very characteristic of the Bolgars of the second half of the pre-Mongol period, allow to preliminarily narrow the dating of the necropolis to the 10th–11th centuries – the first half of the pre-Mongol period. A comparative analysis of the Bolshaya Tayaba series of skulls reflects the general aspects of the race genesis of the Volga Bolgars. It is based on wide miscegenation processes which occurred between the “local” Kama-Ural population (mainly carriers of the Sub-Ural type) and the Bulgarian or ethnically similar (mainly carriers of the broader-faced morphocomplex).

Keywords: archaeology, Chuvash Volga region, Middle Ages, Bolshaya Tayaba burial ground, burial, Bolgar archaeological culture, anthropological analysis, craniometry.

В 2018 году исследование Большеятабинского городища и могильника было возобновлено по инициативе чувашских археологов. Эти исследования были проведены совместно с татарскими коллегами в рамках плана исследований общего болгарского наследия. Была организована объединенная археологическая экспедиция Чувашского государственного института гуманитарных наук под руководством Михайлова Евгения Петровича и Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ под руководством Р.Н. Хамзина. Работы проводились в рамках Договора о научном сотрудничестве ЧГИГН и ИА АН РТ и по плану совместных научных экспедиций 2018–2020 гг. В работе совместной экспеди-

ции принимали участие Н.С. Березина, А.Ю. Березин, Н.С. Мясников (ЧГИГН) и И.Р. Газимзянов (Казань).

Большеятабинский могильник – на сегодняшний день единственный известный болгарский некрополь на территории Чувашской Республики и один из немногих на территории правобережья Волги (Археологическая карта Чувашской Республики, т. 3. 2015, с. 247–248 (№ 2967)). Большеятабинский могильник входит в состав средневекового археологического комплекса «Большеятабинское городище», расположенного в Яльчикском районе Чувашской Республики, – одного из самых западных городков Волжской Булгарии (рис. 1: А–Б). Памятник располагается к запа-

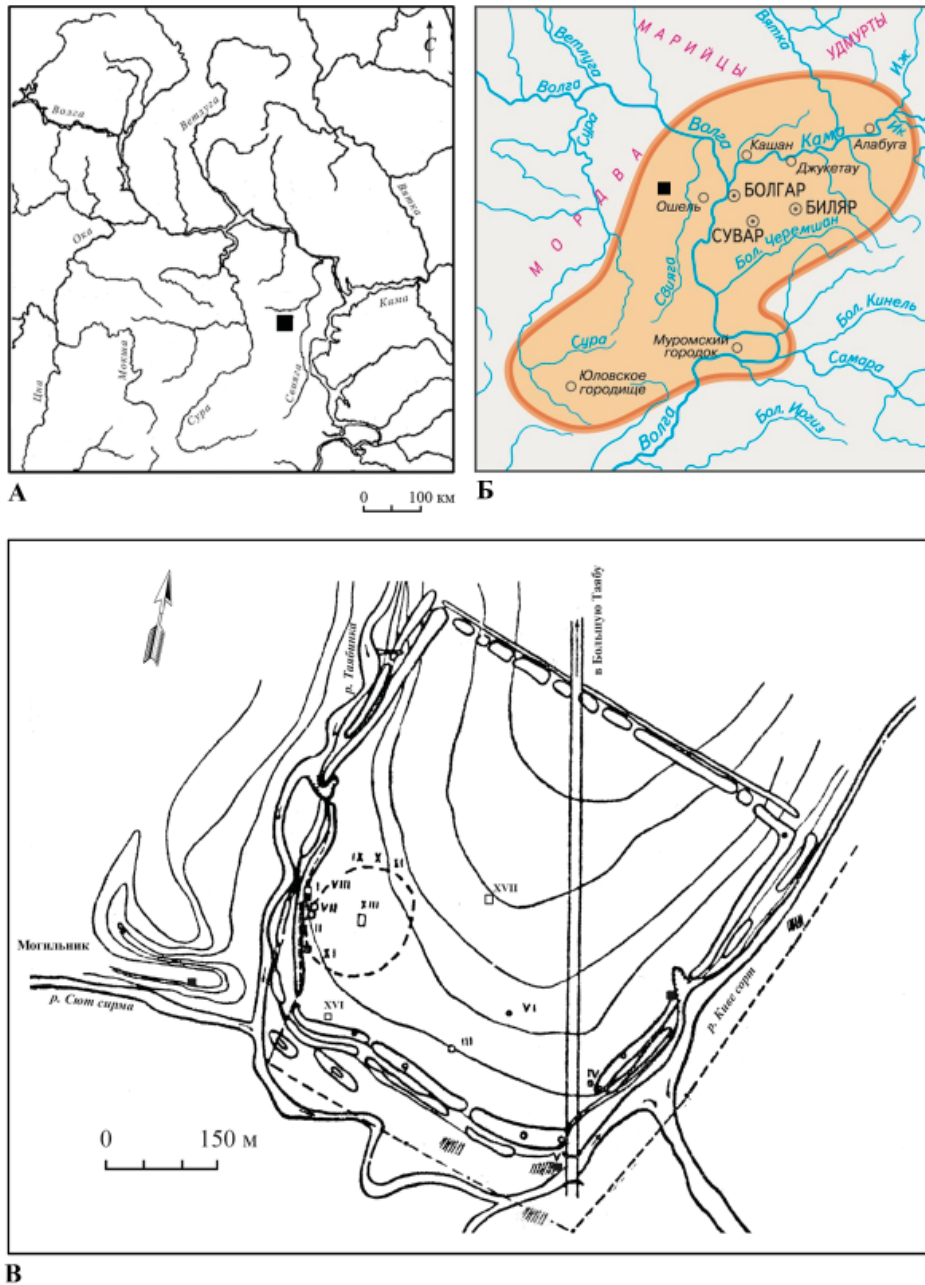

Рис. 1. Месторасположение Большетаябинского городища и могильника на контурной карте Среднего Поволжья (А) и карте Волжской Булгарии X–XIII вв. (Б). Месторасположение могильника на топографическом плане городища Г.А. Федорова-Давыдова 1957 г. со сводным планом раскопов (В)

Fig. 1. Location of Bolshay Tayaba hillfort and burial ground on the contour map of the Middle Volga region (A) and the map of Volga Bulgaria of the 10th–13th centuries. (Б). Location of the burial ground on the topographic plan of the settlement by G.A. Fedorov–Davydov 1957 with a consolidated excavation plan (В)

ду от городища на противоположном к городищу правому берегу речки Таябинки, занимая мысовидный выступ размерами 30–80×185 м, образованный р. Таябинкой и р. Сют сирми (рис. 1: В). В литературе могильник известен также под названиями «Сют-Сирми», «Сють-Сирьми».

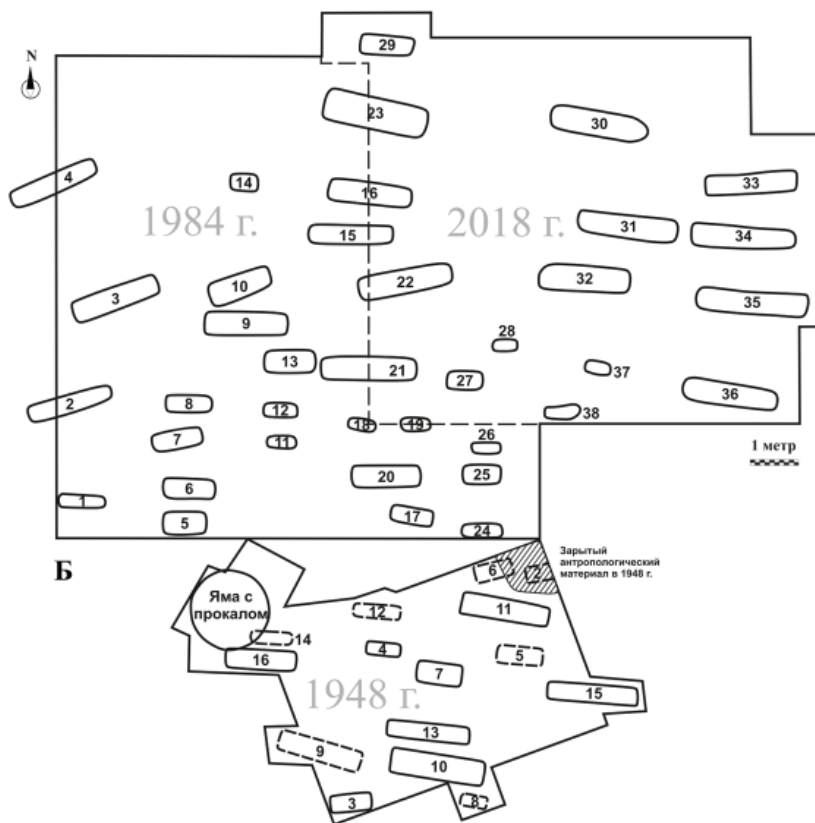
История изучения. В 1948 г. памятник был открыт, описан и исследован экспедицией ЧНИИ ЯЛИ (рук. А.П. Смирнов). Место могильника с разрушающимися от эрозии берега погребениями было показано экспедиции местными жителями. В 1948 г. в заложен-

ном раскопе площадью 24 кв. м было раскопано 16 погребений (рис. 2: Б). Из них 15 принадлежали «к одному типу: костяки положены головой на запад и большинство лицом на юг, руки лежали вытянуто вдоль тела или полусогнуты» (Смирнов, 1950, с. 146; Смирнов, 1961, с. 161). Лишь костяк в погребении 14 располагался головой на восток¹.

В северо-западном углу раскопа 1948 г. была обнаружена яма круглой формы (рис. 2: Б) (верхний диаметр 1,25 м), сужающаяся на глубину 42 см (нижний диаметр 83–90 см), которая имела следы сильного

А

Б

Рис. 2. Топографический план Большетаябинского могильника 2018 г. (сост. Беляев А.В., Вафина Г.Х., Овечкина Л.В.) со сводным планом всех раскопов (А). Сводный план раскопов на могильнике 1948, 1984 и 2018 г. (Б)
Fig. 2. Topographic plan of the Bolshaya Tayaba burial ground of 2018 (compiled by Belyaev A.V., Vafina G.Kh., Ovechkina L.V.) with a summary plan of all excavations (A). Summary plan of excavations at the burial ground of 1948, 1984 and 2018. (B)

прокаливания. А.П. Смирнов отмечал, что в ней были найдены перемешанный с песком пепел, «включающий уголь и какие-то шлакообразные вещества от сгоревших органических остатков». Важно отметить, что в яме не было никаких следов костей. Яма была отнесена А.П. Смирновым ко времени функционирования изученного им участка могильника, т. к. была «впущена» с той же дневной поверхности, что и погребения. При этом яма перекрывала два захоронения, что по мнению А.П. Смирнова, говорило о несколько более позднем времени ее возникновения (Смирнов, 1950, с. 148; Смирнов, 1961, с. 162). Исследователь отмечал, что у чувашей известен поминальный обряд с разжиганием костров на кладбищах (Смирнов, 1950, с. 149; Смирнов, 1961, с. 163). Позднее эту идею поддержал Б.В. Каховский, который считал, что в яме зажигалось кострище во время похорон и могли совершаться языческие жертвоприношения. Он склонен связывать яму 1948 г. с культом огня в погребальном обряде волжских болгар (Каховский Б.В., 1985, с. 27)².

А.П. Смирнов относил Большетаябинский могильник к мусульманскому населению городища, не исключая и захоронения здесь жителей окружающих селищ (Смирнов, 1950, с. 148; Смирнов, 1961, с. 162)³. Он отмечал, что отсутствие погребального инвентаря не позволяет точно датировать вскрытую им часть могильника. «Единственным основанием» для датировки явилась находка «обломка болгарской посуды красно-желтого цвета, приготовленного на ручном гончарном круге, с гладкой поверхностью, как бы покрытой ангобом» в засыпи погребения 1 вне площади раскопа (Смирнов, 1950, с. 146–147; Смирнов, 1961, с. 161). А.П. Смирнов считал, что отсутствие погребального инвентаря⁴, ориентировка, глубина, форма могильных ям сближают Большетаябинский могильник с мусульманскими кладбищами болгарских городов золотоордынского времени (Смирнов, 1950, с. 148; Смирнов, 1961, с. 162). В дальнейшем эта условная датировка памятника золотоордынским периодом в целом утвердилась (Фахрутдинов, 1971, с. 180, 193, рис. III), хотя некоторые ученые считали некрополь домонгольским (Акимова, 1955, с. 82; Краснов, 1974, с. 121). В совместной публикации В.Ф. Каховского и А.П. Смирнова авторы отмечали, что могильник мог функционировать и в домонгольское, и в золотоордынское время (Каховский В.Ф., Смирнов, 1972, с. 121).

Палеоантропологическое изучение материалов некрополя проводила в нач. 1950-х гг. М.С. Акимова. Она проанализировала три мужских (погребения 9, 10, 11) и три женских (погребения 13, 15 и без №) черепа из Большетаябинского могильника (у нее: «Сють-Сирьми») (Акимова, 1955, с. 82, 84, 85–86 (табл. 2)). М.С. Акимова отметила, что эти черепа имеют небольшие размеры продольного и поперечного диаметров, по указателю мезо-брахикранны. «Лоб слабо наклонный, со слабо развитым надбровьем. Лицо невысокое и узкое, с неглубокой клыковой ямкой и слабо выступающим носом. На двух черепах отмечается также некоторая уплощенность лица» (Акимова, 1955, с. 82). Как известно, М.С. Акимова в 1949–1950 гг. проводила раскопки могильников XVI–XVIII вв. на территории Чувашской и Марийской АССР. Она пыталась соотносить палеоантропологические материалы Большетаябинского могильника с более поздними чувашскими и марийскими материалами. Она пишет, что все изученные ею 6 черепов с «Сют-Сирьми» относятся «скорее к субуральскому типу и близки к марийским черепам XVII–XVIII вв. и к женским черепам с территории Южной Чувашии⁵. От остальных чувашских черепов они резко отличаются небольшими размерами лица, слабо развитым рельефом, общей грацильностью, меньшим продольным диаметром» (Акимова, 1955, с. 82)⁶.

В 1984 г. раскопки могильника были продолжены Чувашской археологической экспедицией (рук. Б.В. Каховский и В.Ф. Каховский). Раскоп 1 размерами 10×10 м был заложен к северу от раскопок 1948 г.⁷ На этой площади было вскрыто 28 погребений (рис. 2: Б). Все костяки оказались ориентированы головой на запад. В кв. 5 после снятия первого штыка был найден «фрагмент болгарской керамики желтого цвета, с лощеной поверхностью» (Каховский Б.В., 1985, с. 27). По мнению Б.В. Каховского, исследования 1984 г. позволяют выделить здесь два обряда погребения. Большинство захоронений, главным образом женских (3) и детских (8), он отнес к мусульманским. Для них характерно отсутствие погребального инвентаря, «тело либо слегка повернуто на правый бок, либо лицо обращено к югу», но отсутствуют боковой подбой, ямы неглубокие (Каховский Б.В., 1985, с. 29). Выделяемый второй обряд, на взгляд Б.В. Каховского, характерен для некоторых (4) погребений мужчин, совершенных «с соблюдением языческих традиций волжских болгар: положение костяка вытянутое, голо-

**Большетааябинский могильник - 2018 г.
Сводный план раскопа и профиль восточной стенки до прирезки**

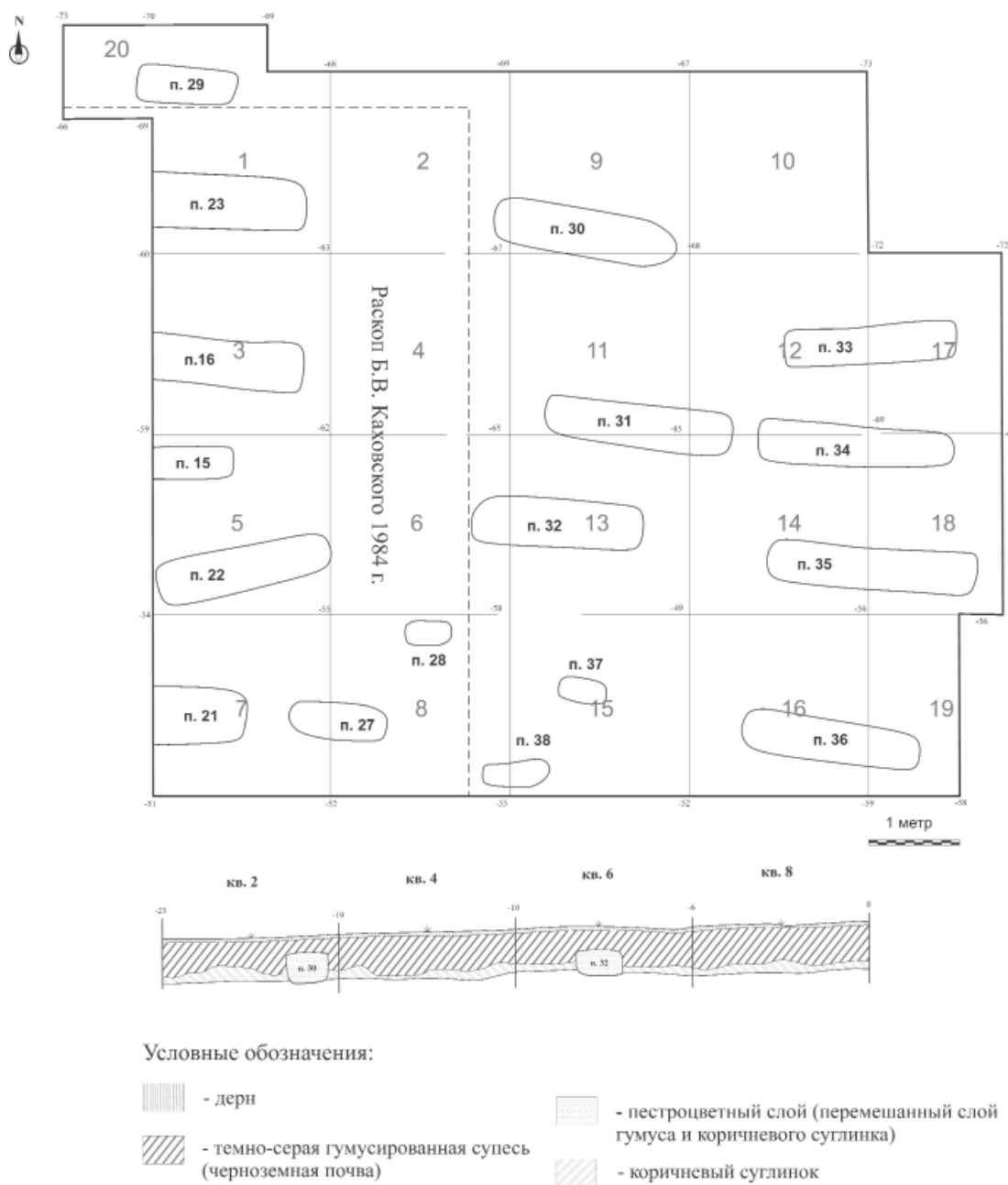

Рис. 3. План раскопа 2018 г. и профиль восточной стенки раскопа (кв. 2-8) до прирезки
Fig. 3. Excavation plan of 2018 and a profile of the eastern wall of the excavation (squares 2-8) before expansion of the excavation area

вой на запад, лицом вверх» (Каховский Б.В., 1985, с. 29). В публикации 1992 г. Б.В. Каховский и В.Ф. Каховский пишут категоричнее: «Большинство захоронений, главным образом женские и детские, совершены по мусульманскому обряду. Погребения мужчин выполнены с соблюдением языческих традиций. Смена религиозных представлений и обрядов происходила, видимо, в XIV в., когда функционировало городище» (Каховский Б.В., Каховский В.Ф., 1992, с. 76). В более поздней статье (1995 г.) В.Ф. Каховский на основе материалов 1948

и 1984 гг. отметил, что «выявленные особенности погребального обряда свидетельствуют, по всей вероятности, о бытовании среди населения городища людей с языческим воззрением и мусульманского верования» (Каховский В.Ф., 1995, с. 16).

Археологические работы 2018 г.

Раскоп 2018 г. был заложен в восточной части могильника с целью продолжить раскоп Б.В. Каховского, исходя из сведений отчета 1984 г. и воспоминаний участника раскопок 1984 г. Е.П. Михайлова (рис. 2). Раскопом

общей площадью 73,65 кв. м. был затронут раскоп и часть погребений 1984 г., что позволило вписать раскоп 2018 г. в общий план раскопов.

Планиграфия и стратиграфия раскопа на Большетаябинском могильнике 2018 г. проста (рис. 3). Практически повсеместно под слоем дерна мощностью 5–10 см находился слой почвы в виде темно-серой гумусированной супеси (чернозем) мощностью 30–50 см. Каких-либо следов подрезания, перемешивания, плужной вспашки зафиксировано не было. По всей видимости, могильный мыс не подвергался распашке в прошлом. На участках южной стенки на кв. 7–8, в западной стенке раскопа, южной и частично западной стенках кв. 20 сразу под дерном фиксировался перемешанный слой темно-серой гумусированной супеси (чернозема) с включениями коричневого материкового суглинка – засыпанный раскоп Б.В. Каховского 1984 г. Также в восточной стенке кв. 2, 4, 6, 8, зачищенной до прирезки кв. 9–16, было зафиксировано два погребения (пятна корытообразного профиля шириной ок. 40–50 см) в кв. 2 и 6 (пп. 30, 32). Заполнение погребений, зафиксированных в стенках и на пластовых зачистках, представляло собой перемешанный слой, состоящий из темно-серой гумусированной супеси (чернозема) с включениями коричневого материкового суглинка. Глубина фиксации погребений – ок. 20–25 см от современной поверхности, что соответствует, видимо, дневной поверхности X–XIII вв. Ниже слоя почвы и перекопанного раскопа 1984 г. на глубине ок. 50–65 см повсеместно фиксировался подстилающий (материковый) слой коричневого суглинка.

В 2018 г. на могильнике было выявлено 7 изученных Б.В. Каховским в 1984 г. погребений. Из данных захоронений был извлечен пригодный для антропологического определения материал. В остальной части раскопа было исследовано 10 погребений (4 детских костяка, в т. ч. один во взрослом погребении и 7 взрослых) (рис. 4–6). В общей сложности за все годы исследования на Большетаябинском могильнике археологически изучено частично или полностью 54 погребения.

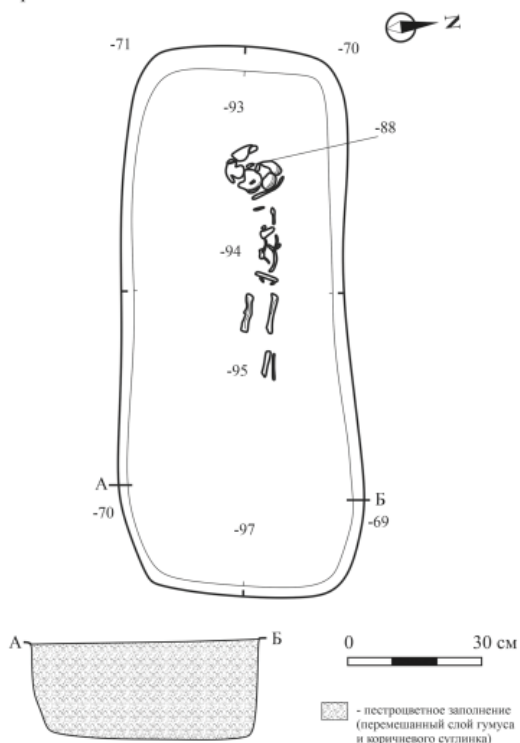
Погребальный обряд. Мы попытались представить общие характеристики погребального обряда Большетаябинского некрополя за все годы раскопок⁸ (табл. 1). Топография могильника характеризуется его расположением за естественной преградой – рекой, отделяющей его от городища, и расположением

некрополя на мысовидном выступе, образованном двумя оврагами. Следов культурного слоя, за исключением отдельных (двух) фрагментов керамики, обнаружено не было, что говорит о том, что это место изначально было выделено под кладбище. Могилы образовывали нестройные ряды, вытянутые меридионально (по линии север – юг) поперек площадки могильного мыса. Говорить о выделении каких-то групп, в частности семейных, судя по имеющемуся сводному плану (рис. 2: Б), вряд ли правомерно. Можно отметить несколько чрезмерную концентрацию детских захоронений в центральной части раскопанной площади. Следов столбов или иных надгробий обнаружено не было. Вероятно, могилы выделялись на местности небольшими земляными холмиками. Во всяком случае, не зафиксировано ни одного случая перекрытия могильных ям друг другом.

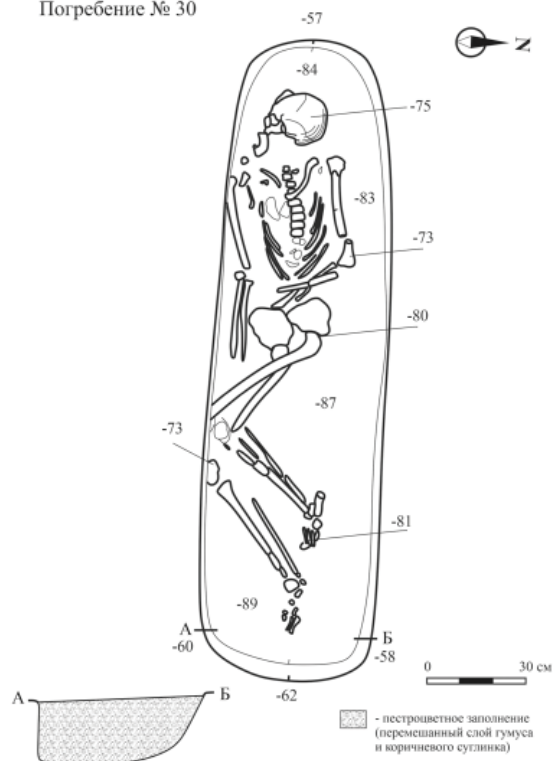
Все могилы имели простую форму: вытянутые подпрямоугольные очертания с закругленными углами. Длина могильных ям довольно стандартна: 170–200 см у взрослых индивидов (максимально до 230 см). Отметим некоторую узость могильных ям: ширина 30–50 (максимум до 60 см), ширина многих могильных ям была достаточной лишь для укладывания тела. В некоторых случаях (пп. 30, 32, 33, 35, 36 2018 г.) в могилах со взрослыми индивидами южная длинная стенка была слегка скошена во внешнюю сторону. Еще в ряде случаев (пп. 32, 34, 35, 36 2018 г.) с южной стороны могилы фиксировалась небольшая ступенька-уступчик. Наиболее сложен вопрос о наличии гробов в погребениях. Дерево в местных условиях не сохраняется. Железных гвоздей или скоб зафиксировано не было. При этом во время раскопок 1948 или 1984 г. не оставлялись контрольные стенки для фиксации особенностей заполнения могильных ям. В 2018 г. такие стенки оставлялись в области ног умерших, что позволило достоверно зафиксировать гробовища (или рамную конструкцию) в погребениях 30 и 36. Однако в целом наличие гробов скорее нехарактерно для погребального обряда Большетаябинского могильника, а вышеотмеченная узость могильных ям такова, что для гроба в них просто не будет места.

Все погребения индивидуальные, лишь в одной могиле (п. 31) в изголовье рядом с погребенной женщиной (?) были захоронены кости младенца (новорожденного?). Ориентация костяков достаточно выдержана: одно погребение было ориентировано на восток, два на

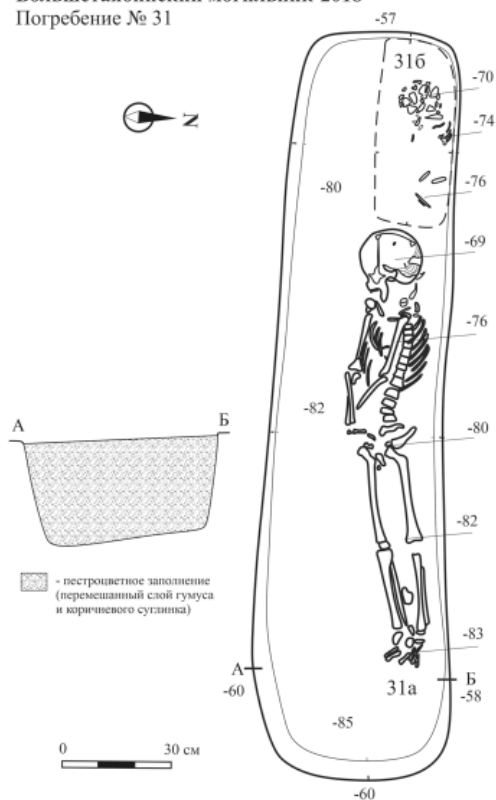
Большетаябинский могильник-2018
Погребение № 29

Большетаябинский могильник-2018
Погребение № 30

Большетаябинский могильник-2018
Погребение № 31

Большетаябинский могильник-2018
Погребение № 32

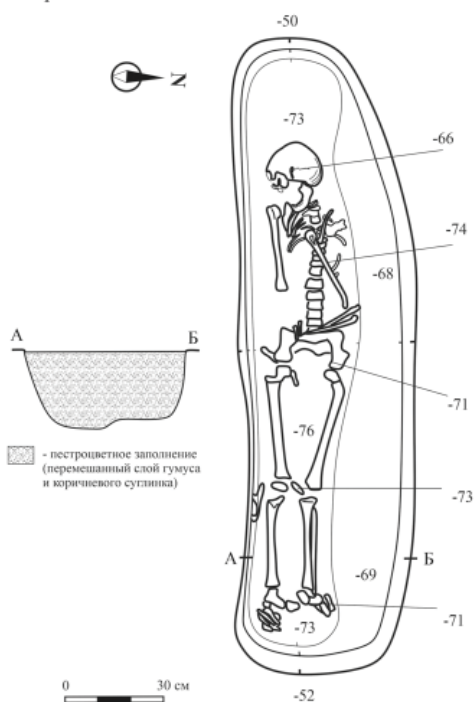

Рис. 4. Планы погребений 29-32 раскопа 2018 г.
Fig. 4. Plans of burials 29-32 at the excavation of 2018

юго-запад (аз. 225–245°), остальные 51 погребение – на запад (аз. 250–283°). Для могильника в целом характерна устойчивая поза захороненных, при незначительных отклонениях. В большинстве прослеженных случаях лицо

погребенного было повернуто на юг (34 п.) (83% определимых случаев); в шести случаях было зафиксировано положение лицом вверх и в одном – на север. Для погребенных была характерна поза с правой рукой, вытяну-

той вдоль туловища, и согнутой и лежащей в области таза левой (27 п.) (75% определимых случаев), однако отмечены и случаи с руками вдоль корпуса (5 п.) и полусогнутыми на тазу (4 п.). При наиболее характерном положении рук, как правило, наблюдается легкий поворот туловища в правый бок. Однако в 1948 г. и 1984 г. исследователи не вдавались в тонкости подобной позы и отмечали, что большинство погребенных было уложено на спину. Судя по сохранившимся планам и фотографиям, можно говорить о положении на спине у 24, а с легким поворотом на правый бок у 13 погребенных⁹. Погребальный инвентарь полностью отсутствовал.

Указанные признаки позволяют говорить о мусульманском обряде погребения как господствующем на Большетаябинском могильнике. К нему относится обязательное положение покойника головой на запад (с легким отклонением к северу), лицом на юг (к Мекке) с поворотом туловища на правый бок. Правая рука при таком положении обычно вытянута, левая согнута и расположена на правой стороне таза. Характерной чертой является полное отсутствие сопровождающих вещей, кроме савана. Тело усопшего должно быть изолировано от земли (подбой-ляхд, гроб, перекрытие) (Халикова, 1986, с. 46–48; Яблонский, 1987). Вместе с тем мы видим на Большетаябинском некрополе некоторые достаточно устойчивые отклонения от ортодоксальных требований ислама, в первую очередь относительно положения лица и рук погребенных и отсутствия гробов в большинстве могил. Также важной особенностью является вероятное разжигание поминальных костров на кладбище, зафиксированное ямой с прокалом в раскопе 1948 г. и, возможно, в обрыве берега в 1992 г. Однако вряд ли на этом основании правомер-

но говорить о языческом обряде погребения части населения городища. Скорее о неустойчивости мусульманского обряда и его отдельных особенностях. Выводы Б.В. Каховского и В.Ф. Каховского о религиозной дифференциации жителей городища по полу, на наш взгляд, не подтверждаются.

Некрополь, несомненно, являлся одним из городских кладбищ Большетаябинского городища. Время функционирования могильника, по нашему мнению, нуждается в существенной корректировке. Его отнесение к XIII или даже XIV в. было связано с определением верхней даты существования городища началом ордынской эпохи. Однако раскопки городища 2018–2019 гг., как и пересмотр археологических коллекций раскопок 1948 г. (А.П. Смирнов) и 1957 г. (Г.А. Федоров-Давыдов), хранящихся в Чувашском национальном музее, не выявили материалов с территории городища, выходящих за хронологический рубеж X – начала XIII вв. (Михайлов, 2018, с. 86, 99). Таким образом, широкая дата существования некрополя может быть определена домонгольским периодом. Однако, как нам представляется, вышеуказанные отклонения от ортодоксальной мусульманской позы вместе с отсутствием железных гвоздей и скоб для крепления гвоздей, столь характерные для булгар второй половины домонгольского периода (Халикова, 1986, с. 99–100, 105), позволяют предварительно сузить дату некрополя до X–XI вв. – первой половины домонгольской эпохи.

Антропологический анализ. Немногочисленные антропологические материалы из раскопок А.П. Смирнова, как уже было отмечено выше, по краниологической программе исследовала М.С. Акимова. На основе краниометрических данных по трем мужским и

Таблица 1. Размеры, ориентировка погребений и положение погребенных
Table 1. Dimensions and orientation of burials, and position of the buried individuals

№ погребения	Размеры погребений			Ориентировка головы (азимут)	Положение погребенных		
	Длина (см)	Ширина (см)	Глубина (см от поверхности)		Положение лица	Положение рук	Положение корпуса
Погребение 1 (раскопки А.П. Смирнова, 1948)	-	-	60	запад	прямо	полусогнуты	на спине
Погребение 2	-	35	28	260°	юг	-	на спине
Погребение 3	90	40	50	260°	прямо	-	на спине
Погребение 4	75	30	50	275°	юг	полусогнуты	на спине
Погребение 5	95	35	40	270°	прямо	вытянуты	на спине
Погребение 6	80	35	40	253°	юг	вытянуты	на спине
Погребение 7	95	45	43	274°	юг	вытянуты	на спине
Погребение 8	60	30	60	278°	юг	вытянуты	на спине
Погребение 9	175	50	70	283°	юг	вытянуты	на спине

Погребение 10	195	55	70	275°	юг	правая вдоль, левая на тазу	на спине
Погребение 11	180	40	70	277°	юг	правая вдоль, левая на тазу	на спине
Погребение 12	100	30	61	272°	юг	правая вдоль, левая на тазу	на спине
Погребение 13	170	40	82	272°	юг	правая вдоль, левая на тазу	на спине
Погребение 14	90	30	62	90°	юг	правая вдоль, левая на тазу	на спине
Погребение 15	190	40	80	270°	юг	полусогнуты	на спине
Погребение 16	150	40	78	270°	юг	правая вдоль, левая на тазу	на спине
Погребение 1 (раскопки Б.В. Каховского, 1984)	97	32	49	270°	-	правая вдоль, левая на тазу	легкий поворот правый бок
Погребение 2	185	31	48	225°	прямо	правая вдоль, левая на тазу	на спине
Погребение 3	190	48	48	250°	юг	правая вдоль, левая на тазу	на спине
Погребение 4	200	44	50	245°	прямо	правая вдоль, левая на тазу	на спине
Погребение 5	100	50	55	270°	юг	-	-
Погребение 6	112	40	50	270°	юг	-	-
Погребение 7	108	40	34	260°	юг	правая вдоль, левая на тазу	легкий поворот правый бок
Погребение 8	100	38	44	270°	юг	-	-
Погребение 9	177	45	57	270°	юг	правая вдоль, левая на тазу	легкий поворот правый бок
Погребение 10	135	50	53	250°	юг	правая вдоль, левая на тазу	легкий поворот правый бок
Погребение 11	60	25	42	270°	юг	правая вдоль, левая на тазу	легкий поворот правый бок
Погребение 12	78	30	45	270°	-	полусогнуты	на спине
Погребение 13	120	50	53	270°	юг	-	-
Погребение 14	60	38	50	270°	юг	-	-
Погребение 15	180	40	49	270°	север	правая вдоль, левая на тазу	на спине
Погребение 16	180	50	51	275°	юг	правая вдоль, левая на тазу	на спине
Погребение 17	85	42	56	275°	-	-	-
Погребение 18	62	25	39	275°	-	-	-
Погребение 19	53	31	54	270°	-	-	-
Погребение 20	145	47	54	270°	юг	правая вдоль, левая на тазу	легкий поворот правый бок
Погребение 21	204	50	58	270°	юг	правая вдоль, левая на тазу	легкий поворот правый бок
Погребение 22	200	48	57	260°	юг	правая вдоль, левая на тазу	легкий поворот правый бок
Погребение 23	225	58	70	280°	юг	правая вдоль, левая на тазу	легкий поворот правый бок
Погребение 24	78	25	48	270°	-	-	-
Погребение 25	85	35	45	270°	-	-	-
Погребение 26	64	23	42	270°	-	-	-
Погребение 27	32	36	43	270°	-	-	-
Погребение 28	52	22	45	270°	-	-	-
Погребение 29 (раскопки Е.П. Михайлова, 2018)	120	60	75	278°	-	-	-
Погребение 30	195	60	70	271°	юг	правая вдоль, левая на тазу	правый бок

Погребение 31	210	55	70	270°	юг	правая вдоль, левая на тазу	легкий поворот правый бок
Погребение 32	195	55	65	265°	юг	правая вдоль, левая на тазу	легкий поворот правый бок
Погребение 33	200	45	68	274°	юг	правая вдоль, левая на тазу	на спине
Погребение 34	200	50	90	268°	юг	правая вдоль, левая на тазу	на спине
Погребение 35	230	55	90	270°	юг	правая вдоль, левая на тазу	легкий поворот правый бок
Погребение 36	190	45	85	270°	прямо	правая вдоль, левая на тазу	легкий поворот правый бок
Погребение 37	60	30	40	282°	-	-	-
Погребение 38	67	20	55	274°	-	-	-

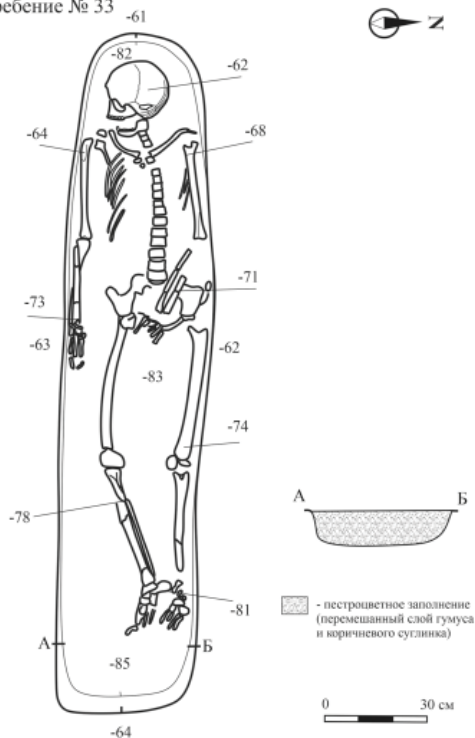
трем женским черепам она сделала предварительный вывод о том, что черепа относятся к «местному» субуральскому типу – узкое и низкое лицо сочетается с некоторой его уплощенностью и небольшим углом выступания носа (Акимова, 1955). Полученные в 2018 г. новые краниологические материалы, частично реставрированные и пригодные к измерениям, состояли из четырех мужских и четырех женских черепов. Таким образом, большедаябинская серия ненамного, но увеличилась, что позволяет более объективно оценить не только морфологический состав жителей средневекового болгарского города, но и всего населения Предволжья этого времени. При этом надо учитывать, что на сегодняшний день мы имеем лишь данные по небольшой серии черепов из раннемусульманского Тетюшского могильника (X–XII вв.), опубликованные в монографии С.Г. Ефимовой (Ефимова, 1991), и краниометрические сведения по двум мужским черепам из более позднего мусульманского некрополя, выявленного в 2003 году А.А. Бурхановым на территории Тетюшского I городища (Бурханов и др., 2003; Газимзянов, 2003).

Мужские черепа Большедаябинского могильника суммарно характеризуются средними параметрами черепной коробки, среднешироким и средненаклонным лбом с умеренно развитым мышечным рельефом (табл. 2). Лицевой скелет также средних размеров и средних пропорций. Исключение – низкие и относительно широкие орбиты. В вертикальной проекции серия ортогатна, а в горизонтальной – хорошо профилирована. Переносье средней высоты и несколько уплощенное. Угол выступания носа на границе малых и средних значений. Клыковая ямка средней глубины, нижний край грушевидного отверстия в половине случаев имеет заостренные

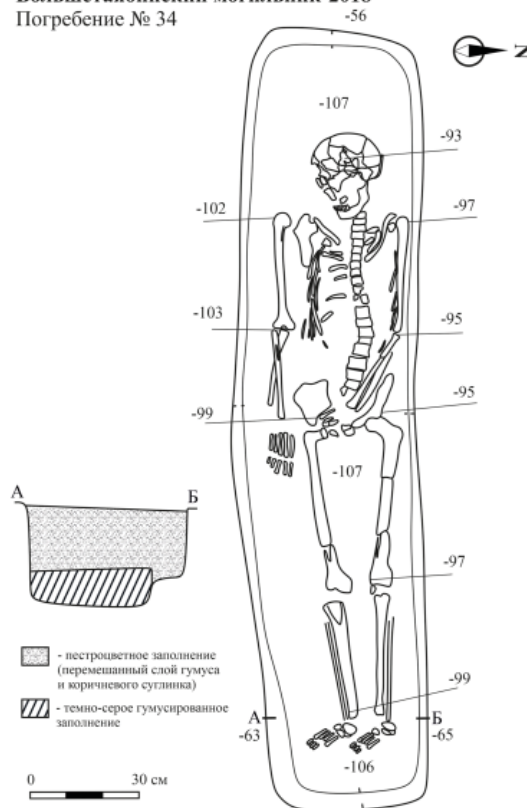
края. Из приведенных обобщенных характеристик можно сделать вывод о том, что мужские черепа в целом характеризуются европеоидными чертами мезоморфного типа. Отмечается небольшая монголоидная примесь, связанная прежде всего с ослабленным выступанием носовых костей.

Женские черепа, с учетом полового диморфизма, мало чем отличались по морфологическому типу от мужских. Вместе с тем на их фоне они выглядели более грацильными и более уплощенными как на уровне орбит, так и на уровне скуловых дуг. То есть на женских черепках монголоидные черты выражены более отчетливо. В итоге антропологическая характеристика большедаябинских черепов, данная М.С. Акимовой, находит некоторое подтверждение и в новых материалах. Скорее всего, генезис антропологического типа населения, оставившего Большедаябинский некрополь, связан с местным (в широком значении этого слова) прикамско-приуральским населением. Однако рассмотрение индивидуальных данных не позволяет говорить об этом в категоричной форме (табл. 3). Наряду с черепками субуральского типа, которых в группе большинство, отмечаются черепа и с иным краниокомплексом. Он описывается более широким и более высоким лицом с некоторой его уплощенностью на верхнем уровне и малым углом выступания носа. Налицо монголоидный или смешанный монголоидно-европеоидный морфотип явно «неместного» происхождения. Вероятно, появление носителей широколицего монголоидного морфокомплекса на Средней Волге связано с переселением тюркоязычных племен болгарского круга и последующих, более поздних перемещений новых групп степного или лесостепного населения. Симптоматично, что в небольшой краниологической серии из Тетюшского

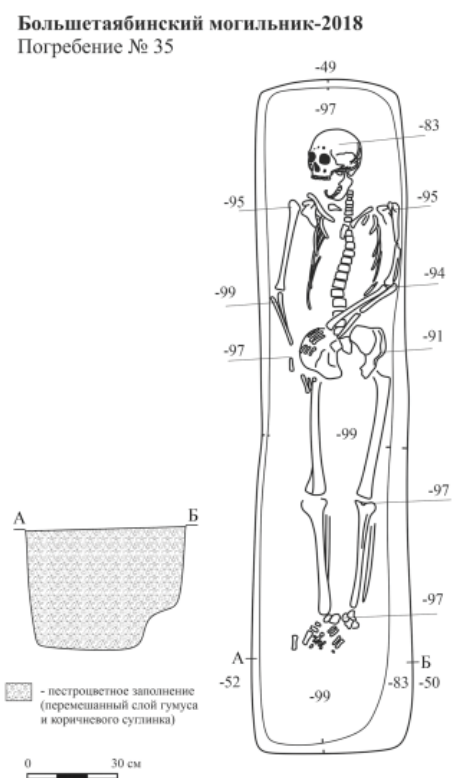
Большетаябинский могильник-2018
Погребение № 33

Большетаябинский могильник-2018
Погребение № 34

Большетаябинский могильник-2018
Погребение № 35

Большетаябинский могильник-2018
Погребение № 36

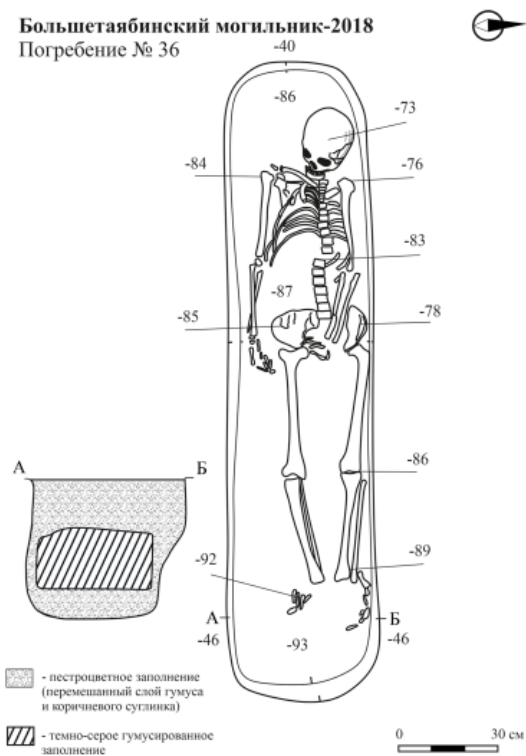

Рис. 5. Планы погребений 33–36 раскопа 2018 г.
Fig. 5. Plans for burials 33–36 at the excavation of 2018

могильника С.Г. Ефимова также условно выделяет два морфологических компонента: матуризованный (широколицый) и грацильный (узколицый) с более или менее ощутимой монголоидной примесью. Последний высту-

пает в серии как основной (Ефимова, 1991, с. 37). Два мужских черепа из мусульманских захоронений на площадке Тетюшского I городища также демонстрируют нам неоднородный в антропологическом отношении состав

Большетаябинский могильник-2018
Погребение № 37

Большетаябинский могильник-2018
Погребение № 38

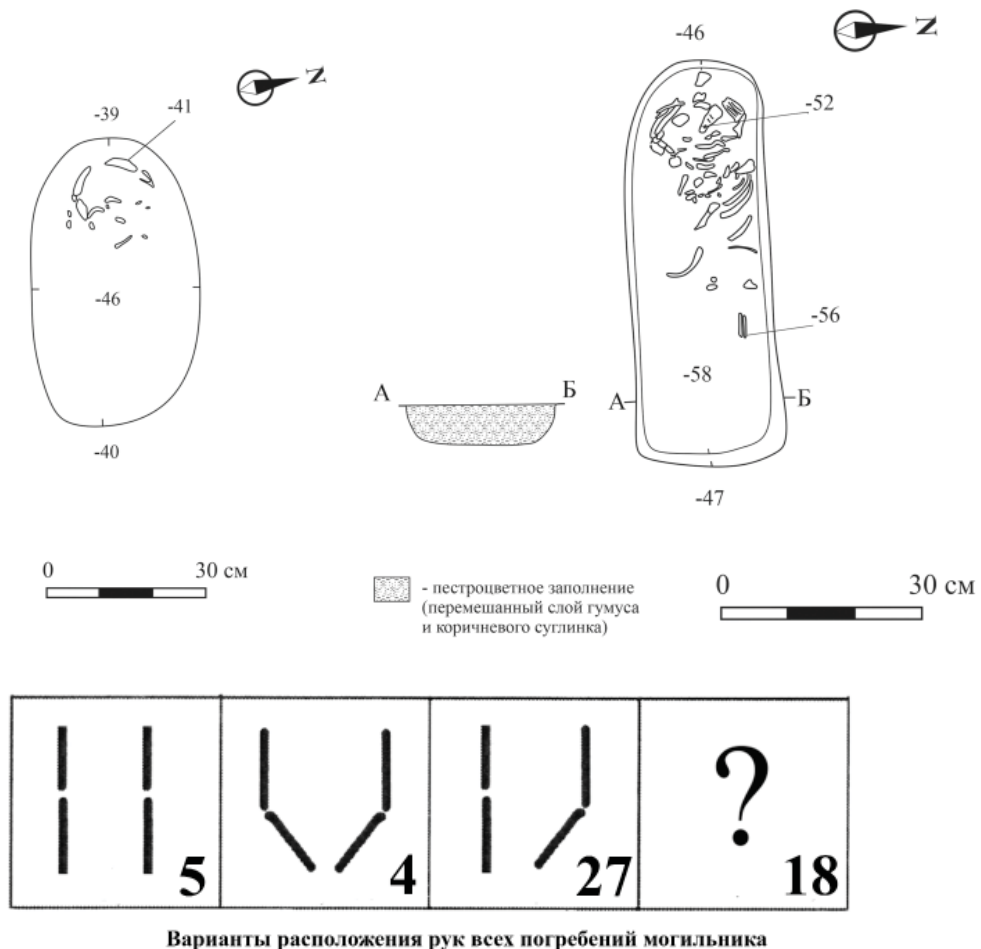

Рис. 6. Планы погребений 33–36 (А) и варианты расположения рук всех погребений могильника (Б)
Fig. 6. Layouts of burials 33–36 (A) and different positions of the hands in all burials of the burial ground (B)

средневекового предволжского населения. Так, один череп (погребение 1) характеризуется резко европеоидными чертами долихокранного типа, а другой (погребение 4), брахикранный, имеет некоторые монголоидные черты, присущие, вероятнее всего, носителям южносибирского монголоидного типа: низкий свод черепной коробки, широкое и высокое лицо, ослабленная горизонтальная профилировка лица на уровне скул и другие (Газимзянов, 2003, с. 65).

Сравнительный анализ большетаябинской серии черепов с группами, характеризующими физический облик населения Волжской Булгарии, показал, что исследуемая нами серия по своему антропологическому составу отражает общие моменты расогенеза волжских булгар. В его основе лежат широкие метисационные процессы, проходившие между «местным» прикамско-приуральским населением (носителями в основном субуральского типа) и болгарскими или этниче-

ски близкими к ним племенами (носителями в основном более широколицего морфокомплекса). Однако наши выводы носят пока лишь предварительный характер, требующий дополнительной аргументации, что невозможно без привлечения нового, более многочисленного антропологического материала.

Примечательно, что выводы, основанные на изучении антропологического материала, коррелируют с археологическими данными. В частности, изучение керамического материала на городище позволяет говорить о проживании на городище носителей различных этнокультурных групп – без труда выделяются угорский, угорско-финский (VII–VIII группы по Т.А. Хлебниковой) и салтово-маяцкий (I группа, часть сосудов с шамотными и растительными примесями) компоненты, вероятно связь некоторых керамических групп с поволжско-финским (мордовским) населением (Михайлов, 2020, с. 75, 99–100).

Таблица 2. Средние краниометрические параметры серии черепов из Большеятабинского некрополя.

Table 2. Average craniometric parameters of a series of skulls from the Bolshaya Tayaba necropolis

Признак	Мужчины		Женщины	
	N	X	N	X
1. Продольный диаметр	5	173.8	6	168.7
8. Поперечный диаметр	5	143.4	7	138.3
17. Высотный диаметр	5	136.0	4	132.5
5. Длина основания черепа	5	102.8	4	99.0
9. Наименьшая ширина лба	6	94.2	6	91.2
40. Длина основания лица	4	96.5	3	91.7
45. Скуловой диаметр	5	131.4	4	121.8
48. Верхняя высота лица	5	69.8	5	64.0
43. Верхняя ширина лица	6	105.8	6	101.2
46. Средняя ширина лица	4	95.8	4	94.8
55. Высота носа	5	51.4	5	48.2
54. Ширина носа	5	25.5	5	24.3
51. Ширина орбиты (от мф.)	5	43.8	5	40.1
52. Высота орбиты	5	32.9	5	31.3
20. Ушная высота	5	115.2	5	110.0
77. Назомалярный угол	6	138.8	6	140.8
Zm. Зигомаксиллярный угол	3	122.1	3	134.6
SS. Симотическая высота	4	3.9	6	3.1
SC. Симотическая ширина	4	8.6	6	7.5
DS. Дакриальная высота	4	10.1	5	8.4
DC. Дакриальная ширина	4	20.4	5	20.8
FC. Глубина клыковой ямки	6	4.4	5	4.5
32. Угол профиля лба	5	82.0	5	83.6
72. Общий лицевой угол	5	86.8	3	86.0
74. Альвеолярный угол	4	76.3	3	73.0
75(1). Угол носа	4	23.3	4	22.0
8:1. Черепной указатель	6	83.1	6	81.9
9:8. Лобно-поперечный указатель	6	65.1	6	66.2
17:1. Высотно-продольный ук-ль	5	78.3	4	78.9
17:8. Высотно-поперечный ук-ль	4	95.2	4	97.8
48:45. Верхне-лицевой указатель	5	53.1	4	52.2
54:55. Носовой указатель	5	49.8	5	50.6
52:51. Орбитный указатель	5	75.5	5	78.3
SS:SC. Симотический указатель	4	45.4	6	41.5
DS:DC. Дакриальный указатель	4	49.8	5	40.5
Надпереносье (1-6)	7	2.2	7	1.6
Наружный затылочный бугор (0-5)	6	2.4	7	1.4
Передне-носовая кость (1-5)	5	3.0	6	2.8
Форма нижнего края носового отверстия: Antr. - %	7	57.1	7	85.8

Таблица 3. Индивидуальные краниометрические параметры черепов из захоронений Большеятабинского некрополя

Table 3. Individual craniometric parameters of skulls from the burials of the Bolshaya Tayaba necropolis

Признак	Погр. 22	Погр. 23	Погр. 30	Погр. 32	Погр. 33	Погр. 34	Погр. 35	Погр. 36
Пол	Жен. ?	Жен.	Муж.	Жен.	Муж. ?	Муж. ?	Муж.	Жен.
Возраст	зрелый	30-40 лет	35-45 лет	40-50 лет	зрелый	зрелый	25-35 лет	20-30 лет
1.	-	178.0 ?	183.0	162.0	180.0 ??	-	173.0	172.0
8.	139.0	153.0 ?	136.0 ?	133.0	153.0 ??	-	154.0	140.0
17.	-	137.0 ??	140.0 ?	-	-	-	145.0	130.0
5.	-	-	110.0 ?	-	-	-	107.0	102.0
9.	-	90.0	93.0	91.0	102.0	-	92.0	95.0
11.	-	133.0 ??	128.0 ?	121.0	-	-	139.0	121.0

40.	-	-	105.0	-	-	-	88.0	99.0
45.	-	133.0 ??	141.0 ?	116.0 ??	-	-	141.0	127.0
48.	-	66.0	79.0 ?	-	-	-	72.0	62.0
47.	-	-	133.0 ?	-	-	-	122.0	108.0
43.	-	107.0	109.0	98.0	111.0	-	105.0	106.0
46.	-	-	94.0	-	-	-	-	93.0
55.	-	52.0 ?	55.0 ?	-	-	-	54.0	47.0
54.	-	26.0 ?	24.0	-	28.0 ?	-	26.5	24.0
51.	-	40.0 ?	47.0 !	38.0	-	-	44.0	46.0
52.	-	32.0 ?	32.0	31.0	-	-	35.0	32.0
20.	-	120.5 ??	113.0	103.0	-	-	119.0	112.0
77.	-	144.7	135.2	144.3	142.2 ?	-	145.3	127.8
Zm.	-	-	118.2	-	-	-	-	132.7
SS.	-	5.2	-	2.2	-	-	3.8	3.5
SC.	-	10.0	-	6.0	-	-	7.8	8.2
DS.	-	10.8	-	7.8	-	-	5.6	5.8
DC.	-	23.0	-	18.2	-	-	21.1	21.1
Гл. кл.ямки	4.5 (пр.)	-	6.5	-	1.5 ?	-	3.2	4.0
32.	-	средний	70.0	80.0	прямой	-	82.0	80.0
72.	-	-	84.0	-	-	-	95.0	82.0
74.	-	-	77.0 ?	-	-	-	79.0	72.0
75 (5).	-	20.0 ??	большой	малый	-	-	20.0	20.0
8:1.	-	85.9 ?	74.3 ?	82.1	85.0 ??	-	89.0	81.4
17:1.	-	-	76.5 ?	-	-	-	83.8	75.6
17:8.	-	-	102.9 ?	-	-	-	94.2	92.9
9:8.	-	58.8 ?	68.4	68.4	66.7 ?	-	59.7	67.9
40:5.	-	-	95.5	-	-	-	82.2	97.1
48:45.	-	-	56.0 ?	-	-	-	51.1	48.8
54:55.	-	50.0 ?	43.6	-	-	-	49.1	51.1
52:51.	-	80.0 ?	68.1	81.6	-	-	79.6	69.6
SS:SC.	-	52.0	-	36.7	-	-	48.7	42.7
DS:DC.	-	46.9	-	42.9	-	-	26.5	27.5
Форма черепа	Эллипсоид	Сфеноид	Овоид	Сфеноид	Пентаг.	Ромбоид	Сфеноид	Ромбоид ?
Надп-е (1-6)	1.0	1.5	3.0	2.0	-	-	3.5	2.0
Надбр. дуги (1-3)	1.0	1.5	2.5	1.5	1.5	1.5	2.0	1.5
Заг. бугор (0-5)	1.5	1.5	3.5	1.5	2.0	3.5	2.5	1.5
Сосц. отросток(1-3)	1.5	2.0	2.5	2.0	2.5	2.0	2.5	2.0
Носовая ость (1-5)	2.0	2.0	3.0	-	-	-	4.0	3.5
Ниж. край гр-го отв-я	Antr.	F.Pr.	Antr./ F.Pr.	Antr.	Antr./ F.Pr.	Antr.	Antr./ F.Pr.	Antr.

Примечания:

¹ А.П. Смирнов полагал, что восточная ориентировка может быть реминисценцией абашевского погребального обряда бронзового века (Смирнов. 1950. С. 148; Смирнов. 1961. С. 163). Позже это мнение было поддержано Б.В. Каховским (Каховский Б.В. 1985. С. 26). Сейчас подобные представления, высказанные в эпоху идей марризма в археологии представляют лишь историографический интерес.

² В 1992 г. Чувашской археологической экспедицией (Б.В. Каховский, В.Ф. Каховский) на самом конце мыса, где располагается Большетаябинский могильник, были найдены «остатки жертвенного кострища... в виде пятна золы и угольков, содержащего обуглившиеся зерна» (Каховский Б.В. 1998. С. 33). Однако должной фиксации кострища проведено не было, его датировка неизвестна, а связь с погребениями не прослежена. Место могильника сейчас используется для отдыха и разведения костров жителями с. Бол. Таяба.

³ У жителей с. Бол. Таяба сохранилось предание о том, что на могильнике захоронены жители городища Хула, погибшие во время монголо-татарского нашествия [Каховский Б.В. 1985. С. 30].

⁴ А.П. Смирнов отметил, что в ходе экспедиции 1948 г. жители с. Бол. Таяба утверждали, что «рядом с разрушенными погребениями находили железные вещи, в частности наконечники стрел» (Смирнов. 1950. С. 153).

⁵ Под «Южной Чувашией» надо предполагать материалы Татмыш-Югелевского могильника

⁶ В опубликованной в 1971 г. статье антрополог В.П. Алексеев в разделе «Краниология чувашей в связи с

проблемами их происхождения» приводит сопоставление серий «из средневековых предположительно тюркских могильников Приуралья и Поволжья», включив туда и антропологические данные по могильнику «Сють-Сирьми» (Алексеев. 1971. С. 256 (табл. 1), 257 (табл. 2)).

⁷ Экспедиция 1984 г. не стала учитывать раскоп 1948 г. Нумерация погребений также не была продолжена, а начата заново.

⁸ Сделать это достаточно проблематично, т.к. от раскопок 1948 г. сохранилось лишь 5 фотографий расчищенных костяков, в отчете отсутствуют планы захоронений и их описание. Размеры и ориентировка погребений раскопок А.П. Смирнова 1948 г. измерены по общему плану раскопа. В отчете за 1984 г. присутствуют описания, фотографии и планы всех погребений, однако не всегда точно отмечена поза погребенного.

⁹ К сожалению, отчет 1948 г. не позволяет проверить позу у 16 погребений, а фотографии и планы из отчета 1984 г. не всегда позволяют оценить легкий поворот корпуса вправо.

ЛИТЕРАТУРА

Акимова М.С. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // КСИЭ. Вып. 23. М.: АН СССР, 1955. С. 78–92.

Алексеев В.П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии. Вып. 1 / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Татполиграф, 1971. С. 232–271.

Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 3. / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2015. 367 с.

Бурханов А.А., Валиев Л.Х., Гайнуллин Р.К., Замалтдинов Р.Р. Археологические исследования в Тетюшском районе в 2003 году (предварительные итоги) // Зеленодольский регион: проблемы истории и культуры. Восток-Запад: диалог культур Евразии (серия «Проблемы истории и археологии»). Вып. 3. / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: ТГГИ, 2003. С. 54–62.

Газимзянов И.Р. Антропологическая характеристика костяков из захоронений с территории Тетюшского I городища // Зеленодольский регион: проблемы истории и культуры. Восток-Запад: диалог культур Евразии (серия «Проблемы истории и археологии»). Вып. 3. / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: ТГГИ, 2003. С. 62–69.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: МГУ, 1991. 95 с.

Кавеев М.М. Некоторые итоги исследования IV Кожаевского селища // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 94–99.

Каховский Б.В. Исследования Чувашской археологической экспедиции в 1983–1984 гг. // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа / Отв. ред. В.П. Иванов, В.А. Прохорова. Чебоксары: ЧНИИ, 1985. С. 3–31.

Каховский Б.В. Средневожский археологический словарь. Учебное пособие. Чебоксары: ЧГПУ, 1998. 151 с.

Каховский Б.В., Каховский В.Ф. Археология Среднего Поволжья. Учеб. пос. 2-е изд., доп. Чебоксары: ЧГУ, 1992. 130 с.

Каховский В.Ф. Булгарские памятники на территории Чувашии // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1995. С. 3–33.

Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Памятники средневековья Чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары: ЧНИИ ЯЛИЭ, 1972. С. 115–166.

Краснов Ю.А. Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // СА. 1974. № 3. С. 112–124.

Михайлов Е.П. Отчет об археологических раскопках Большетаябинского городища и могильника в Яльчикском районе Чувашской Республики в 2018 г. по Открытому листу № 534 от 23 мая 2018 г. Т. 1. 274 с. Т. 2. 132 илл.

Смирнов А.П. Исследования городища и могильника золотоордынской эпохи у села Б. Таяба Чувашской АССР // Записки ЧНИИ ЯЛИ. Вып. IV. Чебоксары, 1950. С. 131–153.

Фахрутдинов Р.Г. О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии. Вып. 1 / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Татполиграф, 1971. С. 175–201.

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: КГУ, 1986. 160 с.

Яблонский Л.Т. Некрополи Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 124–142.

Информация об авторах

Бережина Наталия Степановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия); terra3@inbox.ru

Березин Александр Юрьевич, научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия); terra3@inbox.ru

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); g-ilgizar@yandex.ru

Михайлов Евгений Петрович, старший научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия); mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru

Мясников Николай Станиславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия); myasnikovn1988@gmail.com

Хамзин Радион Наилевич, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khnr80@yandex.ru

REFERENCES

Akimova, M. S. 1955. In *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii (Concise Bulletins of the Institute of Ethnography)* 23. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 78–92 (in Russian).

Alekseev, V. P. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazыchnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Tatarii (Archaeology and Ethnography of Tataria) 1. Kazan: "Tatpoligraf" Publ., 232–271 (in Russian).

Mikhailov, E. P., Berezina, N. S. (eds.). 2015. *Arkheologicheskaya karta Chuvashskoi Respubliki (Archaeological Map of the Chuvash Republic)* 3. Cheboksary: "Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Burkhanov, A. A., Valiev, L. Kh., Gainullin, R. K. 2003. In Burkhanov, A. A. (ed.). *Zelenodol'skii region: problemy istorii i kul'tury. Vostok-Zapad: dialog kul'tur Evrazii (Zelenodolsk Region: Issues of History and Culture. East-West: Dialogue of Eurasian Cultures)*. Series: Problemy istorii i arkheologii (Issues of History and Archaeology) 3. Kazan: Tatar State Institute for Humanities, 54–62 (in Russian).

Gazimzyanov, I. R. 2003. In Burkhanov, A. A. (ed.). *Zelenodol'skii region: problemy istorii i kul'tury. Vostok-Zapad: dialog kul'tur Evrazii (Zelenodolsk Region: Issues of History and Culture. East-West: Dialogue of Eurasian Cultures)*. Series: Problemy istorii i arkheologii (Issues of History and Archaeology) 3. Kazan: Tatar State Institute for Humanities, 62–69 (in Russian).

Efimova, S. G. 1991. *Paleoantropologiya Povolzh'ia i Priural'ia (Paleoanthropology of the Volga Region and the Urals)*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russian).

Kaveev, M. M. 1994. In Zeleneev, Yu. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskoe izuchenie Povolzh'ia (Historical and Archaeological Study of the Volga Region)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 94–99 (in Russian).

Kakhovskii, B. V. 1985. In Ivanov, V. P., Prokhorova, V. A. (eds.). *Novye materialy po arkheologii i etnografii chuvashskogo naroda (Recent Materials on the Archaeology and Ethnography of the Chuvash People)*. Cheboksary: Chuvash Research Institute, 3–31 (in Russian).

Kakhovskii, B. V. 1998. *Srednevolzhskii arkheologicheskii slovar' (The Middle Volga Archaeological Dictionary)*. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical Institute (in Russian).

Kakhovskii, B. V., Kakhovskii, V. F. 1992. *Arkheologiya Srednego Povolzh'ia. Uchebnoe posobie (Archaeology of the Middle Volga Area: Educational book)*. Cheboksary: Chuvashia State University (in Russian).

Kakhovskii, B. V. 1995. In *Istoriia issledovaniia arkheologicheskikh pamiatnikov v Chuvashskom Povolzh'e i materialy po antropologii chuvashskoi (History of the Study of Archaeological Sites in the Chuvash Volga Region and Materials on the Anthropology of the Chuvash)*. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 3–33 (in Russian).

Kakhovskii, V. F., Smirnov, A. P. 1972. In Prokhorova, V. A. (ed.). *Gorodishche Khulash i pamjatniki srednevekov'ia Chuvashskogo Povolzh'ia (Khulash Hillfort and the Medieval Sites of the Chuvash Volga Region)*. Cheboksary: Chuvashia Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvash ASSR, 115–166 (in Russian).

Krasnov, Yu. A. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 112–124 (in Russian).

Mikhailov, E. P. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Bol'shetaiabinskogo gorodishcha i mogil'nika v Ial'chikskom raione Chuvashskoi Respubliki v 2018 g. po Otkrytomu listu № 534 ot 23 maia 2018 g. (Report on the Archaeological Excavations of the Bolshaya Tayaba Hillfort and Burial Ground in the Yalchiksky District*

of the Chuvash Republic in 2018 According to the Permit Document No. 534 dated May 23, 2018.) 1 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1950. In *Zapiski Chuvashskogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sovete Ministrov Chuvashskoi ASSR (Proceedings of the Chuvashia Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR)*. IV. Cheboksary, 131–153.

Fakhrutdinov, R. G. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazыchnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Tatarii (Archaeology and Ethnography of Tataria) 1. Kazan: "Tatpoligraf" Publ., 175–201 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1986. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X – nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria in 10th – early 13th Centuries)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Yablonsky, L. T. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 124–142. (in Russian).

About the Authors:

Berezina Natalia S. Candidate of Historical Sciences. Chuvash State Institute for Humanities. Moskovsky Av., 29, corp. 1, Cheboksary, 428015, Russian Federation; terra3@inbox.ru

Berezin Aleksandr Yu. Chuvash State Institute for Humanities. Moskovsky Av., 29, corp. 1, Cheboksary, 428015, Russian Federation; terra3@inbox.ru

Gazimzyanov Ilgizar R. Candidate of Historical Sciences, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; g-ilgizar@yandex.ru

Mikhailov Evgenii P., Chuvash State Institute for Humanities. Moskovsky Av., 29, corp. 1, Cheboksary, 428015, Russian Federation; mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru

Myasnikov Nikolay S. Candidate of Historical Sciences. Chuvash State Institute for Humanities. Moskovsky Av., 29, corp. 1, Cheboksary, 428015, Russian Federation; myasnikovn1988@gmail.com

Khamzin Radion N., Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; khrn80@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.218.230>**АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР ДРЕВНИХ ТЮРОК ЖЕТЫСУ (VIII–XIII ВВ.)**© 2021 г. **А.А. Нуржанов**

В предлагаемой статье описывается архитектурный декор древних тюрок Жетысу на примере средневекового города Кулан. Образование и развитие городов в Средней Азии и на территории Казахстана при всех общих закономерностях имело свои особенности. Этот вывод особенно важен для средневекового Казахстана, где формирование городских центров происходило в условиях исторически сложившегося взаимодействия оседло-земледельческого и кочевого населения, что сказалось на топографии и типах городов, своеобразии городской культуры Резная глина, украшавшая интерьеры монументальных построек в средневековых городах Жетысу (Семиречья), представляет собой уникальный материал. Общепринято считать, что она была способом выражения религиозных, мифологических и, возможно, светских сторон мировоззрения. Для некоторых культур в решении вопросов идеологии и искусства резная глина является одним из основных источников, так как иные источники либо отсутствуют, либо слишком фрагментарны.

Ключевые слова: археология, архитектурный декор, Жетысу, Кулан, зооморфные образы, волк, утка, лань, скульптурные головы.

**ARCHITECTURAL DECOR OF THE ANCIENT ZHETYSU TURKS
(VIII–XIII CENTURIES)****A.A. Nurzhanov**

This article describes the architectural decor of Zhetysu ancient Turks (on example of the medieval city-site Kulán). The cities' formation and development in Central Asia and on Kazakhstan territory, with all the general laws, had its own characteristics. This conclusion is especially important for medieval Kazakhstan, where the formation of urban centers took place in the context of the historically established interaction of a sedentary agricultural and nomadic population, which affected the topography and types of cities, the urban culture's originality. Artistic carved clay that adorned the interiors of monumental buildings in the medieval towns of Zhetysu (Semirechye) is a unique material. It is generally accepted that it was used as a way of expressing the religious, mythological and secular worldview aspects. For some cultures, in solving issues of ideology and art, carved clay is one of the main sources, since other sources are either absent or too fragmentary.

Keywords: archaeology, architectural decor, Zhetysu, Kulán, zoomorphic images, wolf, duck, fallow deer, sculpted heads.

Городище Кулан, расположенное у восточного края современного села Кулан на берегу р. Каракат (приток Шу), представляет собой возвышенную площадку почти квадратной формы с крутыми склонами, ориентированную углами по странам света (рис. 1). Площадка с ориентацией на СЗ–ЮВ размером 214 м, высота – около 7 м. Шахристан со всех сторон окружен земляным валом высотой 0,3–0,5 м. Обнаружены остатки четырех въездов внутрь городища. В северном углу с площадкой на нем, ориентированной, как и шахристан, углами по сторонам света. Высота над окружающей местностью около девяти метров, относительно площадки шахристана – около двух метров. Размер цитадели – 46×46 м. Площадка цитадели со всех сторон окружена земляным валом высотой от 2–2,5 м, по углам расположены остатки четырех башен.

Местность вокруг шахристана на значительное расстояние сильно заболочена, и на

ней в разных местах сохранились остатки ранних сооружений в виде крупных земляных холмов-островков, местами сливающихся между собой. Вокруг шахристана сохранились остатки массивного земляного вала шириной у основания 10–15 м, высотой 2,5–5,0 м. В плане вал в форме неправильного пятиугольника размером с севера на юг около 600 метров и с запада на восток около 500 метров. Общая длина вала около 1900 м. Снаружи вала у его основания сохранились остатки рва глубиной 1,6–1,8 м и шириной 7–10 м.

Это городище в конце XIX в. Томашеком, а несколько позднее В.В. Бартольдом было отождествлено с древним городом Кулан (Бартольд, 1963).

Художник С.М. Дудин, участвовавший в экспедиции В.В. Бартольда, писал, что при проезде через Тарты (Кулан) «нельзя не заметить длинного (около полуверсты) невысоко-

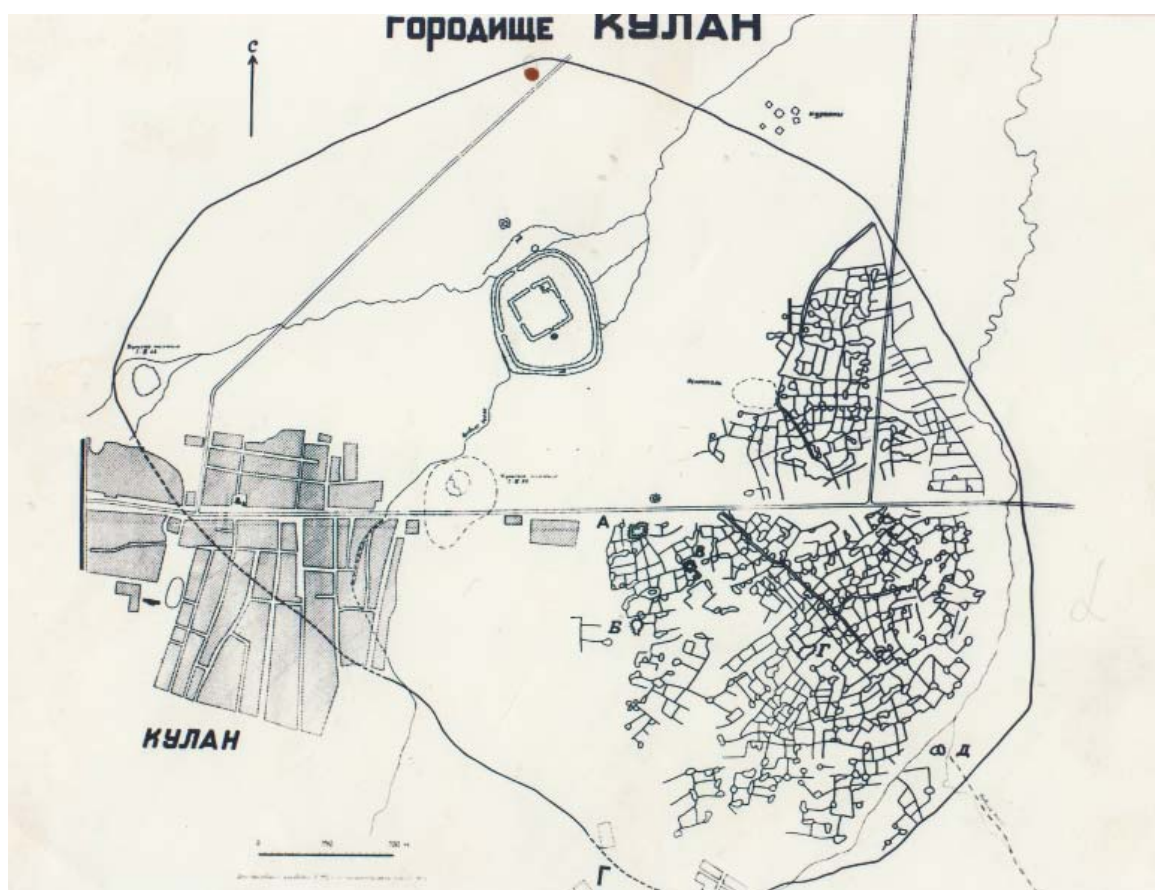

Рис. 1. Топографический план городища Кулан
Fig. 1. Topographic plan of Kulan hillfort

го вала, пересекающего несколько наискось дорогу и заканчивающегося у большого двухъярусного холма. На восток от деревушки и вала, на расстоянии более версты, встречаются следы второго вала, идущего, по-видимому, параллельно первому» (Бартольд, 1963).

Город Кулан известен в письменных источниках, относящихся к первой половине VII в. В маршрутке китайского паломника Сюань Цзяня и в истории династии Тан он упомянут под названием Цзюй-лань. Арабские географы ибн-Хордарбех и Кудам помещают Кулан в 14 фарсах западнее города Тараз. Кудам сообщает, что «песок между Таразом и Куланом с северной стороны, а за ним пустыня из песка и гальки, а в ней ехидны, (она тянется) до границы кимаков» (Волин, 1960). По словам же автора X в. Ал-Макдиси, «Кулан – укрепленный (город), соборная мечеть в нем (шахристане), он уже опустел, он на большой Таразской дороге» (Волин, 1960). Особый интерес представляет сообщение в анонимном географическом сочинении «Худуд-ал-Алем» (конец X в.), который в числе городов, принадлежащих карлукам, называет город Кулан и сообщает, что «Кулан – маленький округ, граничащий с мусульманами. В нем есть посе́вы» (Волин,

1960). Из этого сообщения можно заключить, что город в конце X в. принадлежал еще карлукам, что противоречит цитированному выше сообщению Макдиси, который, насколько известно, лично посетил этот город до того, как было сочинено «Худуд-ал-Алем». Автор географического словаря Якут аль Хамави, составивший труд в 20-х гг. XIII в. сообщает: «Кулан – приятный городок на границе тюрок со стороны Мавераннахра» (Волин, 1960).

С Куланом связан ряд известных исторических событий: здесь в 740 г. был убит тюркешским князем Курсулем последний западно-тюркский каган Ашина Сынь. В 840 г. до стен Кулана доходили арабские войска (Волин, 1960).

Раскопками объекта «Луговое Г» установлено существование трех разновременных построек. Второй строительный горизонт (рис. 2), датируемый IX–X вв., характеризуется следующими принципами планировочной композиции и особенностями вскрытых раскопками помещений. Ядром комплекса был двор размерами 14,6×12,4 м. В середине двора прослеживается понижение от двух хаузов (водоемов). Центральная часть двора размерами 7,2×6,8 м была вымощена каменными плитами бордового цвета. Из двора имелись

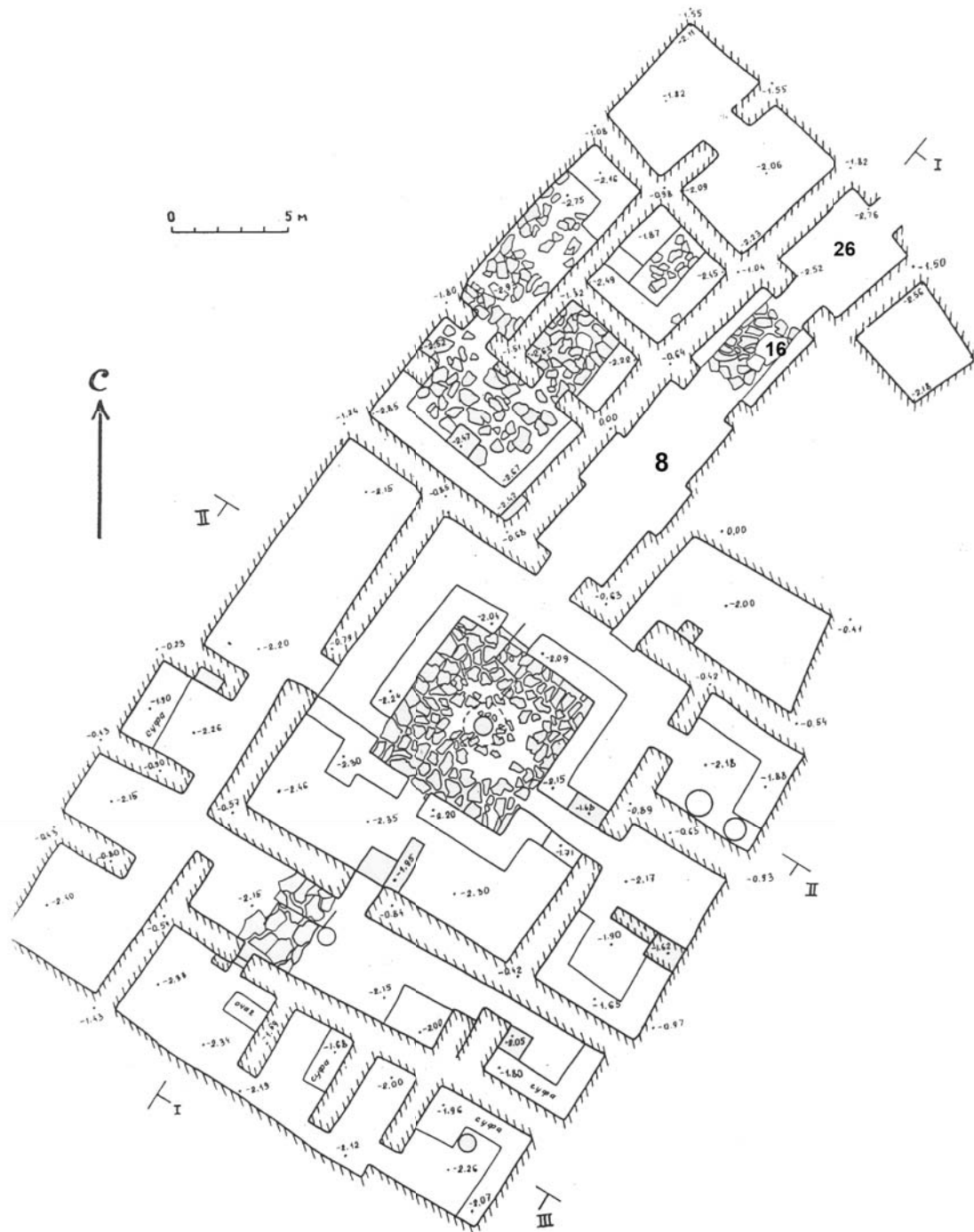

Рис. 2. План 2-ого строительного горизонта дворцового комплекса Кулан
 Fig. 2. Plan of the 2nd building horizon of the Kulan palace complex

проходы в ряд помещений. По периметру двор был закрыт навесом, который опирался на колонны, представляя собой четырехсторонний айван. Та часть двора, которая была под навесом, имела суфы высотой до 20–25 см.

Центральный вход в комплексе находился с северо-восточной стороны. Вход представляет собой анфиладу из трех помещений 8, 16, 26 общей длиной 22,8 м. Все помещения имели перекрытия в виде коробового свода.

Узкое длинное помещение 8 с двумя нишами имеет размеры 3×10 м. Ширина ниш – 2 м,

глубина – 0,5 м. Завал помещения 8 состоял из разрушенных сырцовых конструкций перекрытия, глинистого раствора кладки и остатков резной глины. Рисунки на извлеченных из завала фрагментах глины выполнены в технике граффити и глубокой резьбы.

Резная глина как настенный декор средневековых построек уже в раннее Средневековье получает распространение в городах Семиречья (Байпаков, Терновая, 2002).

Однако наибольшего своего развития этот вид декора достигнет в конце X–XI вв. К этому периоду относится и большинство

обнаруженных в последние годы фрагментов резной глины в Казахстане. Кроме городища Кулан, резьба по сырой глине с цветовым тонированием была встречена в цитадели городища Хамукат, датированного X–XII вв. Новые находки резной глины подтверждают ранее сделанный вывод, что Жетысу, наряду с Согдом, было одной из основных областей распространения этого вида декора в архитектурной практике городов X–XII вв. (Лунина, 1978).

Известные в древности приемы резьбы по высушенной глине с последующим ее обжигом (приемы изготовления посуды, столиков-дастарханов, очажков и т. д.) послужили основой для применения резной терракоты в архитектуре и подготовили почву для расцвета данного вида декоративного искусства. Резная терракота сохранила пластическую гибкость орнамента и глубину резьбы, как в алебастре, и вместе с тем была материалом столь же прочным, как кирпич. Долгое время они сосуществуют и дают одни и те же мотивы орнамента и характер резьбы, иллюстрируя тем самым, что общие художественные вкусы выражались в сходных орнаментальных мотивах независимо от материала, с которым приходилось работать мастерам.

Орнаментальные мотивы в архитектурном убранстве как в росписи, так и в резьбе по ганчу и терракоте встречаются самые разнообразные. Ведущее место среди них занимают «гирихи» – сложные геометрические узоры, требующие от мастера знания геометрии. Растительно-цветочные мотивы также начинают подчиняться линейным построениям и в своей трактовке теряют связь с реальным растительным миром. Излюбленным растительным узором становится цветущий побег – «ислими», вводится эпиграфический (буквенный) орнамент. Широкие пояса подписей исполнены почерком «куфи», «насах» и «дивани» в сочетании с растительным орнаментом.

Архитектурный орнамент имеет много общего с мотивами современной ему керамики и узорами тканей, подчеркивая тем самым близость прикладного и монументально-декоративного искусства (Пугаченкова, Ремпель, 1965, с. 218). Аналогичность орнаментального искусства в керамике, росписи, резном ганче и терракоте дает возможность говорить о единстве художественной культуры Казахстана и Средней Азии. Все вышеперечисленные приемы архитектурного декора как бы суммируют достижения средневековых мастеров, художественную культуру в целом

как высшее проявление духовной культуры городских жителей Юго-Восточного Казахстана X–XIII вв.

Резная глина, украшавшая интерьер монументальных построек в средневековых городах Юго-Восточного Казахстана, представляет собой уникальный материал. Мастера-резчики передали особенности художественного языка Средних веков. Археологические и письменные источники подтверждают синкретический характер материальной и духовной культуры Жетысу VIII–XIII вв., сложившейся здесь в период господства тюроков и карлуков VII–IX вв.

Наиболее яркие материалы были получены при раскопках группы помещений входного комплекса городища Кулан. Он находится на северо-восточной стороне и делит восточную часть постройки на две части по оси юго-запад – северо-восток, упираясь во двор. Вход представлен тремя помещениями (№ 26, 16, 8) общей длиной 22,8 м. Все помещения имели перекрытия в виде коробового свода. Завал помещения № 8 состоит из разрушенных сырцовых конструкций перекрытия, глиняного раствора кладки и остатков резной глины. Толщина его составляет 79–80 см. Фрагменты резной глины располагались по всей площади помещения, не ниже 15–20 см от пола. Рисунки на извлеченных из завала фрагментах резной глины по технике исполнения делятся на граффити и глубокую резьбу.

Две арочные панели с двусторонней орнаментацией были расположены параллельно стенам с входными проемами. Относительно ниши арочные панели располагались слева и справа на расстоянии, равном примерно 1 м, образуя в центре удлиненного помещения № 8 пространство, по форме приближающееся к квадрату. Внутри этого пространства вдоль стен с нишами были размещены две суфы (рис. 3). Ширина одной суфы – 1,1 м (со стороны северо-западной стены) и другой – 0,76 м (со стороны юго-восточной). Панели арочной формы с двусторонней орнаментацией, расположенные слева и справа относительно ниши, с учетом украшающей их резьбы предположительно имели толщину до 30 см. Плита арочных очертаний, находящаяся в юго-западной части помещения, найдена на расстоянии 180 см от стены, противоположной входу в помещение.

К кругу, расположенному в центре плиты, слева и справа примыкает растительный орнамент, выполненный в технике граффити. Орнамент представляет собой спирально закру-

Рис. 3. Две суфы

Fig. 3. Two sufás

ченные стебли побега «ислими» с завитками диаметром 9–12 см. Один из концов лепестка «ислими» острый, отогнутый, другой – тупой, обрезанный.

Слева от центрального круга на расстоянии 43–44 см среди завитков «ислими» помещено изображение пасущейся лани, выполненное в технике граффити. В длину изображение лани составляет 22 см, в высоту – 14 см. Лань, развернутая в противоположную сторону от центра, опустившая голову, прикоснулась мордочкой к завитку «ислими». Животное стоит на тонких ножках с копытами. Задняя нога отставлена и согнута в колене. У лани загнутый вверх хвостик, острые ушки, на мордочке обозначен удлинённый глаз. По низу туловища проходит полоса с вертикальными наклонными насечками, вероятно, изображающими шерсть животного. Лань находится в левой части композиции и развернута в сторону юго-восточной стены (рис. 4).

В сочинении «Тай-пин гуан чжи» сохранилась версия легенды об ином первопредке тюрков, антиподе волка – белом олене с золотыми рогами. Во время охоты этот олень был убит одним из предводителей племени аши. Правитель Имо-шэли приказал казнить виновного. Позже, во время жертвоприношений знамени с изображением волка, в церемонии участвовали и представители племени аши, предок которого убил оленя (Кычанов, 1997).

Основным героем данного предания является олень с золотыми рогами, с образом которого связано происхождение династийных тюрков. Олень обитает в пещере предков, на него наложено табу. Начало легенды дает основание считать, что речь идет не просто об олене, а о лани – прародительнице, духе земли и леса, противостоящей духу воды (Зуев, 1967).

Под образом зверя, определённого божества-тотема, прячется древний этнос – племя. Образ оленя (лани) был в качестве почитаемого божества у древних саков-скифов, о чем свидетельствуют находки многочисленных «оленных камней» от Причерноморья до Монголии (Ушницкий, 2016).

Тюрки-ашина поклонялись оленю как священному животному – он был табуирован. По словам Ю.А. Зуева, олень был не только священным, но и отождествлялся с племенем Ашина (Зуев, 1967).

Следующая орнаментация представлена полосой-сеткой ромбов с треугольниками внутри. Верхний ряд ромбов образован продолжением линий каплеобразных элементов, нижний ряд служит началом формирования орнаментальной полосы, расположенной ближе к центру. Полоса состоит из «сердечек», которые, накладываясь друг на друга, образуют петли. От углов ромбов к центру «сердечек» опускаются бутоны-трилистники.

Рис. 4. Изображение лани (олени)
Fig. 4. Image of a doe (deer)

Рис. 5. Изображение волка в стиле граффити
Fig. 5. Wolf's image, graffiti style

Продолжение дуг, образующих «сердечки», формирует новый ряд ромбов с треугольниками внутри. Из центрального орнамента сохранились петлеобразный орнамент и бутон трилистник.

В крайней правой части композиции, изображенной на этой стороне арочной плиты, сохранился нижний прямоугольный фрагмент рамки прямой гладкой полосы шириной 1,5 см. На фрагменте с рамкой среди завитков «ислими» изображен волк высотой 16 см с раскрытой зубастой пастью, острыми ушами и узким хищным глазом. От изображения волка сохранился лишь фрагмент с передней части туловища. Животное развернуто в сторону юго-восточной стены. Изображения волка и побегов «ислими» выполнены в технике граффити (рис. 5).

Образ волка является одним из наиболее значимых животных символов разных народов мира. Во многих культурах он играет особую роль, имеет огромное культовое, ритуальное и социальное значение.

В мифах, фольклоре и волшебных сказках волк олицетворяет свирепость, коварство, жестокость, зло, но также храбрость и победу. Кроме того, при определенных обстоятельствах волк мог стать могучим защитником беспомощных созданий. Общим для многих мифологий Евразии является сюжет о воспи-

тании родоначальника племени (а иногда и его близнеца) волчицей. Известно множество историй о волках-прародителях; римская легенда о capitoлийской волчице, вскормившей Ромула и Рема; древнеиранская – о волчице, вскормившей Кира и т. д. (Нуржанов, 2016).

Наибольший интерес представляет изображение волка в тюркскую эпоху, когда каждое изображение можно трактовать, опираясь на материальные и письменные источники того периода. Так, древнетюркскую генеалогическую легенду о происхождении правящего дома Ашина иллюстрирует единственный пока эпиграфический памятник начального периода существования Тюркского каганата – стела с согдоязычной надписью (Бугутская надпись). В навершии стелы барельефа изображена волчица, под брюхом которой – человеческая фигурка с отрубленными руками и ногами.

Внимание многих ученых привлекла легенда о происхождении алтайских тюрков: «Среди нескольких легенд о происхождении тюрков туг-ю, записанных в китайскую летопись, одна особенно ценна. Сообщив, что «в 40-х годах V века туг-ю жили на Южном Алтае и добывали железо для жуаньжуаней, китайский историк передает версию о том, что туг-ю происходят из племени со,

Рис. 6. Терракотовая утка-гусь

Fig. 6. Terracotta duck-geese

обитавшего некогда на север от хунну. Первоначально их было 70 братьев, старший из них Нишиду родился от волчицы» (Киселев, 1949).

Высокий статус волка в традиционных представлениях обуславливает его важную роль в охранительной магии (Иванова, 2012). Наиболее распространенным способом охраны ребенка является наречение волчьими именами: Курт (волк), Бёрю (волк), Кызыл-курт (красный волк), Бозкурт (серый волк), Бёрюджан (волк-душа), Бёрюхан (волк-хан), Куртдемир (волк-железо) (Kalafat, 1995; Yazıcı).

Сошедшего с ума ребенка для излечения проводят под волчьим черепом или челюстью. Та же процедура проводится для продления ребенку жизни (Beydili, 2005).

Участвует волчий череп, а также волчий глаз и во время празднования сороковин их держат над ребенком в бане во время проведения обрядов (Серебрякова, 1992). Для охраны ребенка в семье, где часто умирают дети, новорожденного протаскивают сквозь отверстие в волчьей шкуре на месте пасти или через растянутую пасть (Серебрякова, 1980; Серебрякова, 1992).

Поскольку волк считается главным защитником, волчьи зубы (в основном клыки), когти, кости, глаза и кусочки шкуры, вырезанные со спины, широко применяются в качестве оберега от сглаза (назарлык). Обычно их носят при себе, в кармане или на шее, кладут под подушку или подвешивают к колыбели (Гордлевский, 1962; Льюис, 2004, с. 110.; Серебрякова, 1992; Araz, 1995; Beydili, 2005, с. 111, 352–353; Erbek, 2002; Kalafat, 1995).

На основе изучения истоков широко распространенного у тюрко-монгольских народов игрища көк-бури (көкпар) С.П. Толстов приходит к выводу, что своими корнями оно восходит к тотемно-свадебному ритуалу, где олицетворением мужского тотема являлся волк, а женского – козел (Толстов, 1935).

В этой связи следует указать на то, что киргизы до сего времени считают целебным мясо козла, туша которого служит объектом спортивного состязания көк-бури. Поэтому сразу же после того, как туша-козла брошена победителем возле одной из юрт, ее раздвигают на куски и раздают всем желающим. Те, кому мясо козла не досталось, не считают зазорным зайти в юрту и выпить бульон. Этот обычай – не что иное, как отголосок причащения к тотему (Баялиева, 1972).

Широкое распространение зооморфных образов, в том числе и образа волка, в раннем искусстве кочевников Евразии не случайно, оно характеризует определенную стадию развития мировосприятия. Рассмотрев разные аспекты религиозных представлений, касающихся образа волка, можно утверждать, что в их основе лежит первоначальная сакрализация этого образа, основывающаяся на совокупности природных характеристик реального животного – волка.

Внутри юго-восточной ниши глубокой резьбой было изображено плодоносящее дерево. На вершине дерева когда-то располагались две глиняные скульптуры, изображающие уток, которые крепились головами к верхнему изгибу арки. Сохранилась фигура утки (19×17 см), развернутая влево,

которая собирается из двух фрагментов (рис. 6).

В VI–VII вв. птицы – утка, гусь, фазан – украшают настенную роспись (Пенджикент), ткани, металл. С ними связано представление о потустороннем мире, куда душа умершего якобы улетает птицей.

Образ водоплавающих птиц часто встречается в фольклоре северных алтайцев. В алтайском героическом эпосе «Кан-Дьелбекей» мотив героического сватовства устойчиво связывается с гусем. Сюжетный блок классифицируется как «жена – лебедь/гусь». Здесь речь может идти об экзогамном дуализме. Брак с женщиной-гусем является более предпочтительным, чем брак с женщиной из подземного мира, т. е. по мере развития эпоса акцентируется социальная значимость данного кода. Моделирующая роль водоплавающих птиц в космогонических мифах не вызывает сомнений. В эпосе лебедю, как и гусям, отводится роль гонцов, медиаторов, доставляющих «ханские грамоты», «божьи грамоты». В сказании «Алып-Манап» в исполнении Натальи Павловны Черноевой четко прослеживается роль птиц в качестве гонцов (Шинжин, 1997). Примечателен тот факт, что в мифологии некоторых народов Сибири и Дальнего Востока творцами мира выступает лебедь. Так, например, В.В. Радловым был записан миф у северных алтайцев (чалканский) о сотворении мира (Радлов, 1989). У нанайцев лебедь создал нанайскую землю. По мифологии коми мир был создан гагарой, доставшей землю из-под воды (тоже у ненцев, кетов, обских угров, эвенков и др.) (Тучкова, 2005). В сказаниях лебедь и гусь являются положительными персонажами. Так, в героическом сказании, записанном от народного сказителя Николая Улагашева «Малчи-Мерген», приводится песня о восхвалении серого гуся (Героические сказания, 1961). В фольклоре ряда тюркских народов журавль, лебедь считаются священными птицами и их нельзя убивать (Кучукова, 2013).

У тюркских народов и другие водоплавающие птицы (утка, гусь) входят в число особо почитаемых. В широком смысле они символ единства, союза между землей, водой и небом. В эпосе и мифах это часто встречающиеся образы. К примеру, в алтайских сказаниях серый гусь – помощник и друг богатыря, который поет ей хвалу? «Добрая птица гусь! / Неустанны крылья твои, / По воде ты как цветок плывешь, / По земле ты легче иноходца ходишь. / Вокруг Алтая облетишь – / Уста-

лости не почувствуешь, / Вокруг земли облетишь / Сил у тебя хватит» (Улагашев, 1941). В тувинских эпических сказаниях фигурирует одеяние из птичьего оперения как вариант оборотничества героя и возможность проникновения в Верхний мир.

Удивительно, но утка-гусь-лебедь, которым подвластны две сферы – водная и небесная, в одном из сказаний участвуют в цепочке перевоплощений (оборотничества) героя в подземном мире: утка с золотой шеей – турпан с золотой шеей – гусь златоглавый – лебедь желтопестрый (Орус-оол, 2001). Кроме того, в алтайском мифе доброе божество Ульгень представлялся в виде светлого гуся или утки. Сюжет об утке как птице-демиурге сохранился в хакасском фольклоре у качинцев (подробно о божественных птицах и птицах, с которыми тюрки связывали свое происхождение). Сюжет этот известен в мифах многих сибирских народов (Король, 2015).

В помещении № 8 скульптурные остатки и куски плиты с рельефом были сконцентрированы в центральной части перед нишами среди упавшей резной штукатурки, датируемой началом XI в. Появление рельефа скульптуры в здании верхнего строительного горизонта относится к наиболее раннему этапу его существования, к IX в. (если, конечно, статуи не были перемещены из помещений нижележащих слоев, датируемых VII–VIII вв.) Видимо, статуи и рельефное панно располагались в глубине стальных ниш, заложенных впоследствии при реконструкции кирпичом. Поэтому при разрушении перекрытия и стен помещения разновременное оформление интерьера оказалось в одном уровне.

Материалом рельефов и скульптуры служил плотный тонко отмученный темно-коричневый лесс, обладающий хорошими пластическими свойствами. Отдельные части скульптур и рельефы окрашены по поверхности непосредственно по глине, скульптурные головки по слою белой подгрунтовки. Большое место в окраске занимает розово-красный цвет, которым были покрыты элементы рельефной композиции и одежда персонажей. Черным цветом окрашены волосы, подведены глаза, брови, очерчены детали одежды.

Среди находок скульптуры – четыре головы, отбитые от торсов, торс человека в облегающей одежде (кафтани), глухо застегнутой у ушей, с отбитыми руками и ногами, верхняя часть такого же по размерам и оформлению торса, часть шеи и плечи (рис. 7).

Рис. 7. Скульптурные головы
Fig. 7. Sculptured heads

Статуи были выполнены в полный рост, судя по размерам голов (6,7–8 см по высоте, 5 см в ширину). Три скульптурные головки даны в анфас, одна в профиль. Статуи пристенные, выполнены в полном объеме, но без проработки тыльной стороны. Закрепление скульптуры к стене обеспечивалось силой сцепления глины (Нуржанов, 2003).

Первый персонаж – мужчина зрелого возраста с полным, почти круглым лицом, упитанными щеками, округлым подбородком. Большие, открытые, слегка навывкате глаза оконтурены рельефным валиком век. Радужная оболочка и зрачки выделены краской, нанесенной на белую подгрунтовку. Полукруглые брови почти сходятся на переносице, нос умеренный, прямой, с широкими краями. Усы и борода такие же, как и у вышеописанной скульптуры. Схематично показанные уши открыты, над ушами пряди волос. На голове корона из двух ободков и невысокой расширяющейся кверху тульи. Нижний ободок разработан выпуклой поперечной насечкой, верхний – гладкий, цилиндрической формы. Верхняя часть короны в плохой сохранности. Заметно, что она имела ряд зубцов, из которых сохранились только три с левого края (рис. 7: 1).

Вторая скульптурная голова повреждена трещиной, проходящей через переносицу от

виска до виска. Волевое лицо подквадратного очертания принадлежит молодому мужчине. Черты лица симметричны. Большие открытые глаза с рельефно-моделированными веками, без эпикантуса (монголоидной складки), прямой нос, широкий подбородок с клиновидной бородкой над красиво очерченными губами, длинные волосы коротко отстрижены и убраны назад, открывая лоб и уши. Слегка отогнутые в форме усы. Крупные ушные раковины разработаны схематично. В мочке левого уха видно отверстие для серьги. На голове корона в виде ободков и невысокой, расширяющейся кверху тульи. Нижний ободок убран перлами, верхний выпуклый гладкий. Завершение короны представляет ряд округлых, выпуклой формы зубцов (рис. 7: 2).

Одна из скульптурных головок представляет портрет юноши со смешанными чертами европеоидно-тюркского типа. Голова юноши; сохранилась правая половина лица широкого овального очертания. Глаза миндалевидные, веки набухшие с оттянутым вниз наружным краем, нос с горбинкой, узкий у переносицы с широкими крыльями, над полными губами прямые длинные усы, продолжающиеся до середины щек. Подбородок – слегка выступающий вперед скругленного очертания. Большая часть лба, прическа и головной убор утрачены. Крупные раковины ушей открыты. Просматривается часть налобной повязки или ободка короны (рис. 7: 3).

Четвертая головка – профильное изображение мужчины, развернутое влево. Высота головки – 6 см, расстояние от среза затылочной части до кончика носа 3 см. Головка срезана с двух сторон. Глаз у изображенного мужчины миндалевидный со слабо выделенной радужкой, угол глаза срезан, опущен вниз, придавая лицу выражение грусти. Широкая бровь и горизонтально расположенный ус также опущены вниз. В ухе изображена серьга, на лбу – челка из прямых волос. Ободок головного убора широкий, под ним – складки или зубцы. Головные уборы имеют сходство с головными уборами, венчающими головы мужчины и женщины из юго-восточной ниши (рис. 7: 4).

Композиция из этих скульптур, по-видимому, представляла династийный портрет, который утвердился в Средней Азии в первые века нашей эры (Ремпель, 1989). Скульптурные головы представляют владельцев особ, которые явно отнятся к единой родоплеменной группе с ярко выраженными признаками этнической

общности. Скорее всего, это представители местной династической ветви – главные члены династии. Об этом свидетельствуют короны, которыми увенчаны головы персонажей, а также спокойное величавое выражение лиц, полное привычного достоинства (рис. 7: 5).

Тема прославления царя имеет глубокие традиции в искусстве Древнего Востока. Она была коронной в ахеменидском монументальном искусстве (персепольские рельефы), прошла через династическую тему в искусстве во время греческой эллинизации азиатского Востока (царские портреты селевкидской Сирии и Греко-Бактрии), проявилась в смыкании династической темы с культом предков в Кушанской Бактрии (Халчаян, Дальверзинтепе, Сурк-Котал), представлена в монументальной скульптуре Хорезма II–III вв. н. э. в зале царей на Топраккале.

Сохранившиеся лица скульптурных голов из «Лугового Г», при явной этнической и типологической общности, индивидуальны. Подчеркивая их принадлежность к какой-то единой родовой группе, ваятель вместе с тем выделяет характерные для каждого особенности и отличия. Портретность лиц выражена тонкими отличиями черт, передачей полноты или худобы лица, приметами возраста. Сквозь внешнюю личину не проступает нравственная характеристика, но это не застывшие маски – в каждом лице запечатлено определенное выражение. Глаза под сильно рельефными веками, обобщенная пластика форм – все это передает ощущение напряженности духовной жизни, скрытой под внешней личиной.

Но вряд ли можно считать эти портреты личными, существующими в форме личного реалистического сходства или приближения к оригиналу. Они имперсональны, то есть созданы на основе обобщения. Все эти портретные изображения одного типа, в которых «род» предстает в индивидуальных (хотя и типированных) чертах. Уже на античном этапе истории имело сосуществование в портрете индивидуальных черт с выработкой идеального. Как замечено крупнейшим авторитетом в этой области Л.И. Ремпелем, «имперсональные» портреты

Древнего Востока вообще не ставили своей целью персонального сходства с натурой (Ремпель, 1989).

Облик тюрок известен по каменным изваяниям, гравировке на костяной пластинке из могильника Чир Юрт (Дагестан), живописи Афрасиаба, аверсам монет, парадной серебряной посуде. На изображениях лица монголоидного типа: раскосые небольшие глаза, маленький рот, обрамленный вислыми усами. Волосы зачесаны назад, заплетены в несколько косичек (от 4 до 9), в ухе серьга. Одежда состоит из длиннополого облегающего кафтана с треугольными отворотами и узкими рукавами. В талии кафтан стягивался ремнем или нарядным поясом с набором блях. Головные уборы представляли собой шлемы-шишаки, шлемы-«мисюрки» с мысиком над переносицей, малахаи. В одном из погребений Кочкорской долины найден головной убор из ткани в виде башлыка (История Киргизской ССР, 1984. С. 321–324.).

Аналогии штуковой резьбы разнообразны и широки. Это известные памятники Средней Азии и памятники Ближнего Востока, как например, Самарра, Фускат, Мшатта. Искусство резьбы по штуку, безусловно, распространялось по Великому шелковому пути и связывало культуры разных стран и народов.

Архитектурный декор Средних веков через орнамент отражает эстетические воззрения эпохи, но критерий его художественности сложен и неоднозначен для разных типов. В живописи оценивается идея и уровень его исполнения (через индивидуальное восприятие): произведение архитектурной детали – панно, колонны, декорированного портала и т. д., оценивается с позиций целесообразности их сооружения, идейно-образного соответствия целому и т. д. Поэтому в архитектуре и монументально-декоративном искусстве эстетические качества могут быть искусственно выделены из определенного стиля художественной культуры своей эпохи. Стиль архитектурной орнаментики Средней Азии и Казахстана X–XII вв. рассматривается «как новаторский стиль, как обобщение вековой практики народа, вступившего на новый этап своего социального и культурного развития».

ЛИТЕРАТУРА

Байпаков К.М., Терновоя Г.А. Архитектурные особенности, декор и культовая принадлежность некоторых помещений дворцового комплекса города Джамукат // Изв. МОН РК НАН РК. Серия общ. наук. 2002. № 1. С. 219–222.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг. // Сочинения. Т. IV. М.: Наука, 1963. С. 21–91.

Бартольд В.В. Очерк Семиречья // Сочинения. Т. II. Ч. I. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 23–108.

Бартольд В.В. К вопросу об оссуариях Туркестанского Края // Сочинения. Т. IV. М.: Наука, 1966. С. 154–171.

Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе: Илим, 1972. 170 с.

Волин С.Л. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. VIII. Алмат-Ата: изд-во Академии наук Казахской ССР, 1960. С. 72–92.

Героические сказания, записанные от народного сказителя Н.У. Улагашева / Ред. А. Коптелов. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1961. 222 с.

Гордлевский В.А. Из османской демонологии // Избранные сочинения. Т. III. История и культура. М.: Восточная литература, 1962. С. 299–325.

Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. Дисс. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967. 200 с.

Иванова В.В. Волк охраняющий и волк нападающий // Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени / Отв. ред. М. А. Родионов. РАН. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2012. С. 91–98.

История Киргизской ССР. Т.1. С древнейших времен до середины XIX в. / Гл. ред. В.М. Плоских. Фрунзе: Кыргызстан. 1984. 798 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири / МИА. № 9. Л.: АН СССР, 1949. 364 с.

Король Г.Г. Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой тюркитике и традиционное наследие народов Саяно-Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VIII. / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: АлтГУ, 2015. С. 47–63.

Кучукова Д.А. Зооморфные образы в мифологии северных алтайцев: к проблеме этнокультурных контактов народов Сибири // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. С. 21–26.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература РАН, 1997. 320 с.

Лунина С.Б. Резная глина в Средней Азии // История и археология Средней Азии / Ред. О.В. Обельченко, Д.М. Овезов, Т. Ходжаниязов. Ашхабад: Ылым, 1978. С. 203–211.

Льюис Р. Османская Турция. Быт. Религия. Культура. М.: Центрполиграф, 2004. 239 с.

Нуржанов А.А. О культе волка в традициях народов Евразии // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии, 2016. С. 216–227.

Нуржанов А.А. Терракотовые персонажи из городища Кулан // Вестник Казахского государственного университета им. аль-Фараби. Серия историческая. 2003. №2 (29). С. 115–118.

Орус-оол С.М. Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль). М.: МАКС Пресс, 2001. 424 с.

Пугаченкова Г.Н., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М.: Искусство. 1965. 688 с.

Радлов В.В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. 718 с.

Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана: история развития и теория построения. Ташкент: Изд-во худ. лит. Уз ССР, 1961. 606 с.

Ремпель Л.И. Портрет в искусстве античной Средней Азии // Античные и раннесредневековые древности южного Узбекистана. В свете новых открытий Узбекостанской искусствоведческой экспедиции / Отв. ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: «Фан» Узбекской ССР, 1989. С. 111–131.

Серебрякова М.Н. К вопросу об истоках и эволюции традиционного мировоззрения турок // Традиционное мировоззрение народов Передней Азии / Отв. ред. М. А. Родионов, М. Н. Серебрякова. М.: Наука, 1992. С. 61–94.

Серебрякова М.Н. О некоторых представлениях, связанных с семейно-обрядовой практикой сельских турок // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии / Ред. Жуковская Н. Л., Страганович Г.Г. М.: Наука, 1980. С. 165–177.

Толстов С.П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. №9–10. С. 3–41.

Тучкова Н.А. Гл. 7. Мировоззрение. Мифология. Культ // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энды. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова. М.: Наука, 2005. С. 368–377.

Улагашев Н.У. Алтай-Бучай. Ойротский народный эпос. Новосибирск. 1941. 407 с.

Ушницкий В.В. Генеалогические легенды древних тюрок-ашина: волчица и олень-лань в образе тотемных предков // Проблемы востоковедения, 2016. № 3 (73). С. 30–35.

Шинжин И.Б. Тропой, проложенной веками: жизнь и творчество сказительницы Н.П. Черновой. Горно-Алтайск: ГАИТИ. 1997. 20 с.

Araz R. Harput'ta eski türk inançları ve halk hekimliği. Ankara, 1995.

Beydili C. Türk Mitolojisi Ansiklopedik Sözlük. Ankara, 2005. С. 352–353.

Erbek M. Çatalhöyük'ten günümüze Anadolu motifleri. Ankara, 2002.

Kalafat Y. Doğu Anadolu'da eski Türk inançlarının izleri. Ankara, 1995. С. 98.

Yazıcı K. Kurt dede kavramının tarihi ve kültürümüz içindeki yeri. URL: <http://www.gulenkoyu.com/forum/index.php?topic=2364.0;wap2> (дата обращения: 15.09.2011).

Информация об авторе:

Нуржанов Арнабай Абишевич кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК (г. Алматы, Казахстан).

REFERENCES

Baipakov, K. M., Ternova, G. A. 2002. In *Izvestiia MON RK, NAN RK, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* (1), 219–222 (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1963. In *Sochineniia (Works)* 2 (1). Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 23–108 (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1966. In *Sochineniia (Works)* 4. Moscow: "Nauka" Publ., 21–91 (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1966. In *Sochineniia (Works)* 4. Moscow: "Nauka" Publ., 154–171 (in Russian).

Baialieva, T. D. 1972. *Doislamskie verovaniia i ikh perezhitki u kirgizov (Pre-Islamic Beliefs and their Vestiges among the Kyrgyz people)*. Frunze: "Ilm" Publ. (in Russian).

Volin, S. L. 1960. In *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Institute for History, Archaeology and Ethnography)* VIII. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 72–92 (in Russian).

Koptelov, A. 1961. (ed.). *Geroicheskie skazaniia, zapisannye ot narodnogo skazitelia N.U. Ulagasheva (Heroic Legends Narrated by the Folk Storyteller N.Yu. Ulagashev)*. Gorno-Altai: "Gorno-Altai knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Gordlevsky, V. A. 1962. In *Izbrannye sochineniia. Istoriia i kul'tura (Selected Works. History and Culture)* 3. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 299–325 (in Russian).

Zuev, Yu. A. 1967. *Drevnetiurkskie genealogicheskie predaniia kak istochnik po rannei istorii tiurkov (Ancient Turkic Genealogical Legends as a Source on the Early History of the Turks)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Alma-Ata (in Russian).

Ivanov, V. V. 2012. In Rodionov, M. A. (ed.). *Bestiarii II. Zoomorfizmy Azii: dvizhenie vo vremeni (Bestiary II. Zoomorphisms of Asia: Movement in Time)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), 91–98 (in Russian).

Ploskikh, V. M. 1984. (ed.-in-chief). *Istoria Kirgizskoi SSR (History of the Kyrgyz Soviet Socialist Republic)* 1. Frunze: Kyrgyzstan (in Russian).

Kiselev, S. V. 1949. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 9. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Korol, G. G. 2015. In Dashkovskiy, P. K. (ed.). *Mirovozzrenie naseleniia Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive (Worldviews of the Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospect)* 8. Barnaul: Altay University Publ., 47–63 (in Russian).

Kuchukova, D. A. 2013. In *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Tyumen State University)* 2, 21–26 (in Russian).

Kychanov, E. I. 1997. *Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov (Nomadic States from the Huns to the Manchus)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., Russian Academy of Sciences (in Russian).

Lunina, S. B. 1978. In Obel'chenko, O. V., Ovezov, D. M., Khodzhaniiarov, T. (eds.). *Istoriia i arkhologiiia Srednei Azii (History and Archaeology of Central Asia)*. Ashkhabad: "Ylym" Publ., 203–211 (in Russian).

Lewis, R. 2004. *Osmanskaia Turtsiia. Byt. Religiiia. Kul'tura (Osman Turkey. Everyday Life, Religion, Culture)*. Moscow: "Tsentrpoligraf" Publ. (in Russian).

Nurzhанov, A. A. 2016. In Baitanayev, B. A. (ed.). *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dnei) (Cultural Heritage of Eurasia (from Antiquity to Present Day))*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, 410–438 (in Russian).

Nurzhанov, A. A. 2003. In *Vestnik Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta imeni al'-Farabi. Seriiia istoricheskaiia (Bulletin of Al-Farabi Kazakh National University. Historical Series)* 29 (3). 122–126 (in Russian).

Orus-ool, S. M. 2001. *Tuvinskie geroicheskie skazaniia (tekstologiiia, poetika, stil') (Tuvan Heroic Legends (Textual Study, Poetics, Style))*. Moscow: "Maks Press" Publ. (in Russian).

Pugachenkova, G. N., Rempel, L. I. 1965. *Istoriia iskusstv Uzbekistana s drevneishikh vremen do serediny XIX v. (Art History of Uzbekistan from Antiquity to the Mid-19th c.)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Radlov, V. V. 1989. *Iz Sibiri (From Siberia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Rempel, L. I. 1961. *Arkhitekturnyi ornament Uzbekistana: istoriia razvitiia i teoriia postroeniia (Architectural Ornament of Uzbekistan: Development History and Formation Theory)*. Tashkent (in Russian).

Rempel, L. I. 1989. In Pugachenkova, G. A. (ed.). *Antichnye i rannesrednevekovye drevnosti iuzhnogo Uzbekistana. V svete novykh otkrytii Uzbekistanskoi iskusstvovedcheskoi ekspeditsii (Ancient and Early Medieval Antiquities of Southern Uzbekistan. In the Light of New Discoveries of the Uzbekistan Art Study Expedition)*. Tashkent: "Fan" Publ., 111–131 (in Russian).

Serebriakova, M. N. 1992. In Rodionov, M. A., Serebriakova, M. N. (eds.). *Traditsionnoe mirovozzrenie narodov Perednei Azii (Traditional Worldview of the Peoples of Western Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 61–94 (in Russian).

Serebriakova, M. N. 1980. In Zhukovskaya, N. L., Straganovich, G. G. (eds.). *Simvolika kul'tov i ritualov narodov zarubezhnoi Azii (Symbols of Cults and Rituals of the Peoples of Foreign Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 165–177 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1935. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv (Historical Issues of Pre-Capitalist Societies)* (9–10), 3–41 (in Russian).

Tuchkova, N. A. 2005. In Gemuev, I. N., Molodin, V. I., Sokolova, Z. P. (ed.). *Cult. Narody Zapadnoi Sibiri. Hanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety (The people of Western Siberia. Khanty. Mansi. Selkups. Nenets. Enets. Nganasans. Chum)*. Moscow: "Nauka" Publ. 368–377 (in Russian).

Ulagashev, N. U. 1941. *Altai-Buchai. Oirotskii narodnyi epos (Altai-Buchai. Oirat Folk Epos)*. Novosibirsk (in Russian).

Ushnitskii, V. V. 2016. In *Problemy vostokovedeniia (The Issues of Oriental Studies)*. 73 (3), 30–35 (in Russian).

Shinzhin, I. B. 1997. *Tropoi, prolozhennoi vekami: zhizn' i tvorchestvo skazitel'nitsy N.P. Chernoevo (Trail laid by centuries: the life and work of narrator N.P. Chernoeva)*. Gorno-Altisk (in Russian).

Araz, R. 1995. *Harput'ta eski türk inançları ve halk hekimliği*. Ankara. (in Turkish).

Beydili, C. 2005. *Türk Mitolojisi Ansiklopedik Sözlük*. Ankara, 352–353 (in Turkish).

Erbek, M. 2002. *Çatalhöyük'ten günümüze Anadolu motifleri*. Ankara (in Turkish).

Kalafat, Y. 1995. *Doğu Anadolu'da eski Türk inançlarının izleri*. Ankara, 98 (in Turkish).

Yazıcı K. *Kurt dede kavramının tarihi ve kültürümüz içindeki yeri*. Available at: <http://www.gulenkoyu.com/forum/index.php?topic=2364.0;wap2> (accessed: 15.09.2011).

About the Author:

Nurzhанov Arnabay A. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010, the Republic of Kazakhstan.

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

ЗАМЕТКИ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ ОБЛИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДУНАЙСКОЙ БОЛГАРИИ (XII–XIV ВВ.) ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

© 2021 г. Г. В. Владимиров

В статье представлена динамика изменений этнического и культурного облика средневековых болгарских земель в XI–XIV веках, особое внимание уделено роли поздних кочевников в данных процессах. Кратко рассмотрены известные археологические следы новоприбывших этнических групп, заселивших эти земли в указанный хронологический период. Уделено внимание некоторым малоизвестным антропологическим данным, которые проливают дополнительный свет на исследуемые миграционные волны. Закономерно следует вывод о необходимости комплексного подхода к изучению зрелого и позднего болгарского средневековья с привлечением и интерпретацией максимального количества научных свидетельств исторического, археологического и антропологического происхождения.

Ключевые слова: археология, антропология, болгарские земли, поздние кочевники, печенеги, торки, куманы, аланы, татары, Византия, Второе болгарское царство

NOTES ON THE ETHNIC APPEARANCE OF MEDIEVAL DANUBE BULGARIA (12TH-14TH CENTURIES) ACCORDING TO ARCHEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL DATA

G. Vladimirov

The paper describes the dynamics of the ethnic and cultural situation in Bolgar lands in 12th–14th century with an emphasis on the late nomads' role in the processes. Known archaeological traces of newly arrived ethnic groups which settled in these lands in the reviewed chronological period are summarized in the paper. Attention is drawn to certain scarcely known anthropological data which additionally shed light on these migration waves. A conclusion was rightfully drawn on the necessity of complex approach in the study of the late Bolgar Middle Ages through attraction and interpretation of the maximum amount of scientific evidence of historical, archaeological and anthropological origin.

Keywords: archaeology, anthropology, late nomads, Bolgar lands, the Pechenegs, the Torks, the Cumans, the Alans, the Tatars, Byzantium, Second Bolgar Kingdom.

Данный текст ставит перед собой задачу представить в резюмированном виде известные эмпирические следы присутствия новых этнических групп, заселивших болгарские земли в первой половине II тысячелетия н. э. Без претензий на особую эвристичность его цель – возобновить дискуссию на тему восточных этнических и, соответственно, культурных влияний на средневековую болгарскую ойкумену.

Тема присутствия поздних кочевников на болгарских землях в период XI–XIV веков, благодаря письменным источникам, относительно хорошо описана в болгарской медиэвистике. Именно поэтому мы лишь маркируем некоторые факты, определяющие рамку исследования, а больше внимания уделим археологическому и столь часто пренебрегаемому антропологическому аспекту данной проблемы.

Вначале необходимо отметить, что формирование этнокультурного облика средневековых болгарских земель – это длительный и последовательный процесс. После создания Дунайской Болгарии в конце VII века контакты с болгарскими группами региона Северного Причерноморья не были прекращены. Существуют археологические данные, говорящие о новых волнах переселенцев на Нижний Дунай в VIII–IX вв., которые привнесли «свежую кровь» в культуру Болгарии хана Аспаруха (Димитров, 1987).

Приток новых поселенцев стал более ощутим в эпоху византийского владычества. Развитие диаспоры стимулировали различные факторы, среди которых наиболее существенными были: нашествия поздних кочевников (печенегов, торков, куман), которые увлекали за собой и другие этносы, в том числе часть населения – носителя позднего вариан-

та салтово-маяцкой культуры (болгар и алан). Связи Балкан с Востоком оставались активными и в XIII–XIV веках, при этом этническая картина Нижнего Дуная пополнилась новыми миграционными волнами. Таким образом, в глобальном масштабе этноним «болгарин» в балканской средневековой среде со временем претерпел метаморфозу и в эпоху Второго Болгарского царства постепенно приобрел значение политонима.

Приведенные выше утверждения могут быть эмпирически верифицированы археологическим и антропологическим путем. Однако это непростая задача по двум причинам. Первая – причина объективного характера, и связана она с быстрой восприимчивостью местных обычаев и традиций новыми этносами-переселенцами и в результате этого – стремительное стирание культурных границ между местным и вновь прибывшим населением. Вторая – причина, детерминированная традиционным субъективно-архаичным исследовательским подходом, который продолжает интерпретировать факты однозначно, лабораторно, без учета общего контекста, формируемого разнообразными информационными источниками (письменными и материальными). Именно об этом пойдет речь при рассмотрении антропологических данных о населении болгарских земель в интересующий нас хронологический период.

История позднекочевнических нападений на болгарские земли хорошо изучена, поэтому мы не будем на ней останавливаться (Тъпкова-Заимова, 1976; Атанасов, 1991; Гюзелев, 1995; Павлов, 2000; Стоянов, 2005). Первые миграционные волны поздних кочевников – печенегов-переселенцев на Балканы, исходя из письменных свидетельств, датируются 30–40-ми годами XI века. Согласно византийским источникам, именно тогда сотни тысяч мужчин, женщин и детей прибывают на земли южнее Дуная, заселяя и создавая поселения в Северо-Восточной Болгарии, главным образом около старой болгарской столицы Плиски, а также на западе: на окраинах городов София, Ниш в Сербии и Овче-Поле в Македонии. Постепенно пришельцы меняют свой образ жизни, отказываются от кочевого скотоводства и сезонной миграции. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что современная этнографическая группа «шопы» в Западной Болгарии – это не кто иные, как потомки восточных кочевников.

В 60-х годах XI века Балканы подвергаются вторжению торков. Тогда новые кочевники

смогли проникнуть на территорию Северной Болгарии и достигли окраин города Салоники. Однако вскоре разразилась эпидемия, и византийской армии удалось отбросить непрошенных гостей, вернув их обратно на земли к северу от Дуная.

Во второй половине XI века на нынешних болгарских землях появляются куманы. В отличие от печенегов они переправлялись на юг от Дуная только в сезон свежей травы – с ноября по апрель. Об этом свидетельствует надпись на каменном блоке в Преславе. В 1078 году куманы вместе с печенегами опустошили окрестности Адрианополя. Однако затем между двумя кочевыми народами возник конфликт, переросший в войну. В конечном счете, объединившись, куманы и ромеи разгромили печенегов в битве при Левунионе (1091 г.) и уничтожили печенежскую угрозу, нависшую над Балканами. В следующем, XII веке куманы периодически вторгались на болгарские земли, предпринимая грабительские кампании, которые, вопреки усилиям Византии, несли разруху и опустошение. Неоднократно куманов вытесняли и отбрасывали за Дунай, а плененных «скифов» насильно расселяли со статусом стратиотов близ Софии и Ниша. Отдельные группы куманов сами добровольно поселились в Северо-Восточной Болгарии, в районах, ранее заселенных печенегами – около городов Плиска, Мадара и Преслав, что подтверждают найденные прямые материальные доказательства.

Этническая картина в эпоху возрожденного Болгарского царства (1185–1396) продолжает носить постоянно динамично меняющийся характер. Куманский фактор присутствует прочно и осязаемо как результат не только союзных взаимоотношений болгарского правящего двора с задунайскими «скифами», но и двух новых миграционных волн: первая – в 1237 году, когда вновь пришедшие куманы, спасающиеся от монгольской угрозы, заселили Восточную Фракию, и вторая – весной 1241 г., когда переселенцами стали куманы-христиане Венгерского королевства. Именно они положили начало аристократическим династиям, которые в определенные периоды занимали болгарский престол – речь идет о родах Тертеров и Шишманов (Павлов, 1987, с. 634).

В конце XIII и в XIV веках к красочной этнической палитре Второго Болгарского царства добавились новые миграционные волны разнородного происхождения: золотоордынские татары, аланы-ясы, русины

и другие. Так, нам известно присутствие монголо-татар на болгарской военной службе в XIV веке (Павлов, 1987). После распада Ногайского улуса из-за центробежных сил и междоусобиц значительная часть его населения переместилась на юг от Дуная и поселилась на северо-западе Болгарии (Илиев, 2015). В конце XIV века в Северо-Восточной Болгарии появились поселения татар под предводительством Актавы (Павлов, Владимиров, 2009, с. 129).

Особенно интересно, но недостаточно изучено присутствие и роль аланов-ясов в истории средневековой Болгарии. Их появление на землях Нижнего Дуная тесно связано с серией куманских миграций, о которых уже шла речь. Из источников известно, что аланы входили в состав войска болгарского царя Калояна в самом начале XIII века. В византийских хрониках есть записи об аланах, входивших в состав Ногайского улуса, которые после его распада перешли на сторону Византии, а позднее, в 1306 году, часть их «вместе с женами и детьми» поселились на болгарских землях. Аланы-ясы входили в свиту Чака при его прибытии в Тырново и затем остались на болгарской службе. О более позднем этапе в летописях упоминается, что во времена правления Георгия II Тертера (1322–1323) управление Филиппополем было поручено аланскому корпусу в составе 1000 человек во главе с Итилем, Темиром и венгром Инасом. В Видинском царстве в 1365 году ясы сражались на стороне Ивана-Срацимира против венгерского короля. Очевидно, что аланское население было составным элементом средневековой болгарской народности не только в эпоху раннего Средневековья, но и в XIII–XIV веках. Это факт, который следует учитывать при изучении демографических процессов и миграционной активности на Балканах во времена зрелого и позднего Средневековья.

Анализ изложенного до сих пор подводит нас к логичному выводу, что этническая динамика на болгарских землях в период зрелого и позднего Средневековья была очень активной. Не исключено, что именно она детерминировала в определенной степени процессы сепаратизма, характерные для Второго Болгарского царства накануне османской экспансии.

Материальные следы новоприбывших в XII–XIV веках на болгарские земли этнических групп хоть и немногочисленны, но представляют интерес для болгарской архе-

ологической науки. Опубликовано несколько комплексно-обобщающих и конкретных исследований (Рашев, 1983; Йотов, Атанасов, 1998; Борисов, Шейлева, 2000; Дончева-Петкова, 2005; Борисов, 2006; Рашев, 2007; Валериев, 2015), правда, отсутствуют исчерпывающие научные разработки данного вопроса. В некоторой степени для этого есть объективные предпосылки: уже отмечалось, что новоприбывшие этносы занимали старые болгарские поселения, ассимилируя местную материальную культуру, принимая христианство и его погребальные обряды, и, как следствие, они быстро теряли свою изначальную, культуру (Рашев, 2007, с. 120–121). Такое, вновь сформированное население в византийских источниках получило название «миксоварвары».

В X–XI веках все еще можно проследить в чистом виде этноопределяющие черты погребального обряда поздних кочевников: для печенегов – это положение покойника головой на запад, для куманов – на восток. В XI–XII веках постепенно формируется единый этнический массив, в погребальных обрядах которого смешались черты традиций печенегов, торков и куманов, а также народностей, присоединившихся к ним по пути на запад. Новая синкретическая культура, которой присущ поздний номадский характер, зачастую не может быть этнически и конфессионально однозначно определена. Как справедливо подметила болгарский исследователь Л. Дончева-Петкова, болгарская наука не уделяла достаточного внимания некрополям XI века к югу от Дуная, все они были объявлены болгарскими, в основном из-за западной ориентации погребенных (Дончева-Петкова, 2002, с. 91). Эмблематичными погребальными памятниками, оставленными печенегами, являются два некрополя с более чем 600 могилами у села Одырци Добричской области (Дончева-Петкова, 2005). Во дворцовом центре Плиски обнаружены три поздних захоронения, одно из которых в кирпичной печи (Михайлова, 2003). Подобные захоронения были найдены и в других местах на территории первой столицы Болгарии (Антонова, Витлянов, 1985, с. 65; Димитров, 1996, с. 45; Балабанов, 2000, с. 93–95). Предполагается, что они принадлежат печенегам, населявшим эту местность в XI веке, о чем свидетельствуют византийские письменные источники. Над дворцом хана Крума и Тронным залом были исследованы 32 вкопанных жилища, в которых обитали кочевники. Сходство погребальных обычаев и материальной культуры пече-

негов из Одырци и Плиски позволяет сделать вывод, что речь идет о представителях одного и того же рода или клана (Дончева-Петкова, 2003, с. 252).

Позднекочевническими являются и два захоронения могильника I, и три захоронения могильника III близ Мадары (Рашев, 2007, с. 123), вторичные захоронения у вбитых камней – «девташлари» рядом с Плиской (Рашев, 1992, с. 18), вторичные захоронения могильника римской эпохи у села Медникарово и могильника у села Ковачево Старо-загорской области (Борисов, Шейлева, 2000, с. 248; Рашев, 2007, с. 124), захоронение № 45 могильника средневекового Созополя (Панайотова, 2015, с. 175). К данной категории памятников можно отнести и несколько захоронений некрополя у села Искра в районе города Пырвомай, два захоронения в средневековом некрополе у села Караново в районе Нова-Загора, захоронения в двух некрополях средневекового Пловдива, а также могилу воина близ села Златна-Ливада в районе Чирпана (Иванов, Иванов, 2005).

Присутствие поздних кочевников южнее Дуная подтверждается и некоторыми специфическими находками, такими как глиняные котлы с внутренними «ушами», найденные в Плиске, Стырмене, селе Кривина (район Русе), селе Гиген (район Плевена), и горшки, украшенные гирляндами, из села Цар-Асен в районе Силистры (Димитров, 1975; Вьжарова, 1981, с. 55; Рашев, 1983, с. 242). Найденны и описаны 16 так называемых «листовидных ажурных оберегов», которые считают продуктом материальной культуры печенегов. Найденны они были на северо-востоке Болгарии: в Варненской области, Шуменской области, Силистре и в крепости Скала в районе города Тервел (Йотов, Атанасов, 1998; Йотов, 2000). Также интерес представляет металлический наконечник украшения ремня конской сбруи, найденный у Плиски и с основанием отнесенный к печенежским (Атанасов, Крумова, 2005), как и оберег из Преслава (Бонев, 2014). Все эти находки подтверждают известный, согласно письменным источникам, маршрут перемещений и мест оседлости печенегов.

Следы присутствия куманов на юге от Дуная также разнообразны (Владимиров, 2014). Особый интерес представляют две каменные бабы, найденные в районе Плиски, которые, несомненно, являются памятниками религиозных обрядов куманов. Захоронение куманина было обнаружено в могильнике XXV к западу от столицы Плиски: погребен-

ный лежит головой на запад, вместе с конской кожей, рядом – меч и копье. Не так давно в ходе спасательных раскопок возле села Кермен в районе Сливена было обнаружено позднекочевническое захоронение с ориентацией усопшего головой на юг, и помещенного, вероятно, вместе с легким деревянным щитом. Датируется оно серединой или концом XI века, хотя не исключено, что ее можно отнести и к более поздней эпохе (Караилиев, 2019). С некоторыми куманскими нашествиями конца XI и XII века можно связать и найденные в районе города Шумен, хранящиеся сейчас в Государственном историческом музее меч и небольшой нож номадского типа (Инкова, 2016). Все эти материальные останки полностью соответствуют сведениям, имеющимся в письменных источниках и говорящих о районах обитания куманов и местах их поселений.

Особый интерес представляют археологические свидетельства еще одной болгарской диаспоры в составе поздних кочевников. Подтверждением такой миграции может служить некрополь Лимбар в Молдове, оставленный смешанным населением из местных и переселенцев, которое, по мнению исследователей, является потомком болгарских групп салтово-маяцкого населения (Великанова, 1975, с. 114–138). Возле южной крепостной стены Плиски были раскрыты две могилы, возможно, принадлежавшие донским болгарам – переселенцам в составе поздних кочевников (Рашев, 1983, с. 250). Не исключено, что часть захоронений, ориентированных на север и расположенных преимущественно в западной части некрополя 3 крепости Красен в районе Панагюриште, также были оставлены такого рода населением (Григоров, 2010, с. 49).

Об археологических следах влияния Золотой Орды на болгарскую средневековую среду мы уже говорили в другой научной работе (Владимиров, 2018). Здесь лишь отметим, что памятники ювелирного искусства (зеркала, серьги в форме вопросительного знака), находки монет, образцы оружия и снаряжения золотоордынского происхождения все чаще встречаются на археологических объектах конца XIII и особенно XIV века, и их присутствие нельзя объяснить лишь торговлей, набегами или полученными дарами. Вот почему географическое и историческое их ситуирование позволяет объективно оценить масштабы феномена, названного в историографии «татарской гегемонией» в истории Второго Болгарского царства.

Тема этнических изменений на болгарских землях в XI–XIV веках редко рассматривается через призму данных антропологического естества. К сожалению, антропологический анализ некрополей данного периода проводится редко. Они не находят отражения в историографических реконструкциях, а ряд значимых погребальных комплексов остается даже без последующего антропологического обследования. В имеющихся научных работах присутствует известная доля догматизма при подходе к эмпирическому материалу, необоснованно интерпретируемому в узких рамках трех архетипических составляющих средневековой болгарской народности – праболгар, славян и фракийцев.

В целом антропологи продолжают констатировать в изученных некрополях XI–XIV веков присутствие европеоидов с монголоидной примесью в той или иной степени. Эти монголоидные примеси, чаще всего доминирующие в женских краниологических сериях (Шумен, Ракитово, Караново, памятники региона «Марица-восток»), интерпретируются исследователями как «праболгарский субстрат», что в контексте рассматриваемого нами периода не звучит убедительно на фоне описанного ранее этнического разнообразия вследствие динамики развития диаспоры. Еще более дискуссионным является регистрация в данный период «фракийских элементов», которые, с некоторыми оговорками в отношении региона Родоп, трудно доказуемы даже во времена зарождения Дунайской Болгарии в конце VII века (Матанов, 2014, с. 48–53). Так, к «фракийцам» относят представителей средиземноморской и динарской рас, найденных в некрополях позднего Средневековья, упуская из виду тот факт, что, например, алано-сарматские группы тоже принадлежат к средиземноморской категории населения, а динарские черты характерны и для разнородного населения Малой Азии. Не вдаваясь в подробности, которым будет посвящено отдельное исследование, отметим лишь несколько показательных фактов антропологического естества, касающихся миграционных процессов на Балканах в XI–XIV веках.

Антропологический анализ обитателей Шуменской крепости в XII–XIV веках, т. е. там, где археологическим путем были обнаружены многочисленные следы золотоордынского характера (Владимиров, 2018, с. 36–42), указывает на следы населения с европеоидными характеристиками и со слабо выраженными

монголоидными примесями. Среди черепов женской серии присутствует и искусственно деформированный – факт, который интерпретируется как «праболгарский элемент» (Минков, Боев, 1985). Отметим только, что подобный череп с искусственной деформацией был зарегистрирован и в захоронении XI века у села Кривина в районе Русе. Речь идет об европеоиде со слабо выраженными монголоидными примесями. Предполагается, что это был печенег (Боев, Минков, 1980), хотя и не исключено, что он мог быть дальним потомком сарматов. Христианизация болгар в IX веке положила конец данной языческой традиции, и вряд ли можно интерпретировать совершенное два века спустя как культурный рудимент более ранней эпохи.

В некрополе крепости «Боженишки Урвич» Ботевградской области обнаружены следы представителей уральской расы, которые антропологи вновь относят к «праболгарскому населению», хотя сам памятник датируется XII–XIV вв. (Боев, Кондова, Чолаков, 1979, с. 147). Для курганов-могильников, содержащих характерные для золотоордынской культуры серьги в виде знака вопроса (Луковит, Чиракман и Калиакра, Преслав, район села Мадара Шуменской области и села Янтра Горнооряховской области), антропология не допускает эвристичности в выводах, при этом следует отметить, что анализ некрополей у села Янтра даже не проводился.

Еще более показательны случаи с некрополями XII–XIV веков около города Перник и у села Прибой в районе Перника, где обнаружены следы населения уральского, байкальского и палеосибирского происхождения, которые никак не могут быть частью праболгарского компонента средневековой болгарской народности (Боев, Кондова, Чолаков, 1983). В некрополе крепости Перник был исследован скелет женщины с данными о наличии болезни «Кашина-Бека», которая, и это доказано, характерна для регионов Северного Китая, Маньчжурии и Северной Кореи (Горанов, Боев, Кондова, Чолаков, 1980). По-видимому, можем говорить о представителе поздних кочевников, которые, как известно из источников, заселили именно эти земли.

Из изложенного закономерно следует вывод о том, что антропологические анализы и заключения не должны ограничиваться только поиском фракийского, славянского и праболгарского субстрата в средневековой болгарской народности XI–XIV веков. Их необходимо в обязательном порядке контек-

стуально съчетать со сведениями и данни-ми историко-археологического естества во избежание архаизации и «лабораторного» ограничения научной интерпретации. Такой междисциплинарный подход позволит дополнить ценной информацией известные нам

в настоящее время данные об этническом облике средневековых болгарских земель в XII–XIV веках. Несомненно, это перспективная задача, стоящая перед будущими исследователями-медиевистами.

ЛИТЕРАТУРА

Антонова В., Витлянов С. Плиска. Западна крепостна стена – сектор Север (археологически разкопки 1973-1975). // Плиска-Преслав. Т. 4 / Отг. ред. Д. Ангелов. София: Изд. БАН, 1985. С. 44–78.

Атанасов Г. Етнодемографски проблеми в Добруджа (X–XIV в.). // Исторически преглед. 1991. № 2. С. 78–82.

Атанасов Г., Крумова Т. Нов паметник на печенежката метало пластика от с. Стан, Новопазарско // Проф. д.и.н. Станчо Ваклинов и средновековната българска култура. / Ред. К. Попконстантинов, Б. Борисов. Велико Търново: Св. Св. Кирил и Методий, 2005. С. 248–253.

Балабанов Т. Некрополът при Северната порта и източната крепостна стена на Плиска // Плиска-Преслав. Т. 8 / Отг. ред. Р. Рашев. Шумен: Антос, 2000. С. 93–102.

Боев П., Кондова Н., Чолаков С. Антропологично проучване на скелетите от некропола на крепостта «Боженишки Урвич» // Интердисциплинарни изследвания. Т. III-IV / Отг. ред. Х. Тодорова. София: АИ-БАН, 1979. С. 139–148.

Боев П., Кондова Н., Чолаков С. Средновековният некропол. Антропологични данни. // Перник. Т. 2. / Ред. Д. Овчаров. София: Изд. БАН, 1983. С. 185–212.

Боев П., Минков Ц. Антропологично проучване на изкуствено деформиран череп, открит в с. Кривина, Русенско. // Интердисциплинарни изследвания. Т. V–VI / Отг. ред. Х. Тодорова. София: АИ-БАН, 1980. С. 143–147.

Бонев С. Единадесетият век върху руините на владетелската резиденция във Велики Преслав // Средновековният човек и неговият свят: сборник в чест на 70-та годишнина на проф. д.и.н. Казимир Попконстантинов / Отг. ред. Р. Костова. Велико Търново: Фабер, 2014. С. 469–473.

Борисов Б. Демографските промени в през XI–XII век в днешните български земи (археологически свидетелства) // Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. / Ред. М. Каймакова, Х. Темелски, И. Илиев, Л. Симеонова, Г. Николов. София: Св. Климент Охридски, 2006. С. 391–408.

Борисов Б., Шейлева Г. Археологически данни за късни номади на юг от Балкана // Плиска-Преслав, Т. 8. / Отг. ред. Р. Рашев. Шумен: Антос, 2000. С. 247–251.

Валериев Й. Българските земи и нашествията на късните номади в края на XI–XII в. Автореф. на дис. за присъждане на образователна и научна степен «доктор». София, 2015. 50 с.

Великанова М. Палеоантропология Прутско-Днестровского Междуречья. М.: Наука, 1975. 270 с.

Владимиров Г. Материални следи куманов в българските земи (конец XI – средина XIII в.): проблеми на изучение // Поволжская археология. 2014. № 3(9). С. 242–255.

Владимиров Г. Серъги в виде знака въпроса из средновековной Болгарии (XIII–XIV вв.). Казань: Изд-во АН РТ, 2018. 128 с.

Въжарова Ж. Славяни и номади на територията на днешните български земи от края на VI–XI в. // Плиска-Преслав. Т. 3 / Ред. Д. Ангелов, Ж. Въжарова. София: Изд. БАН, 1981. С. 16–65.

Горанов П., Боев П., Кондова Н., Чолаков С. Палеопатологични данни за болестта на Кашин-Бек при средновековен скелет // Педиатрия. 1980. № 4. С. 389–394.

Григоров В. Крепостта Красен до Панагюрище. // Разкопки и проучвания. Т. 40. София: НАИМ-БАН, 2010. 352 с.

Гюзелев В. Очерци върху историята на Българския североизток и Черноморието (края на XII – начало на XV в.). София: Борина, 1995. 144 с.

Димитров Д. Номадска керамика в Североизточна България // Известия на Народния музей-Варна. 1975. № 11. С. 37–57.

Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното черноморие. Варна: Георги Бакалов, 1987. 304 с.

Димитров Я. Църква и некропол във Външния град на Плиска (края на X–XI в.) // Плиска-Преслав. Т. 7 / Отг. ред. Р. Рашев. Шумен: Славчо Николов и сие, 1996. С. 43–70.

Дончева-Петкова Л. За етническата принадлежност на някои некрополи от XI в. // Криптохристиянство и религиозен синкретизъм. / Ред. Н. Дамянов, С. Димитров, Р. Попов. София: ЕИМ-БАН, 2002. С. 91–95

Дончева-Петкова Л. Плиска и печенезите // Плиска-Преслав, Т. 9. / Отг. ред. Р. Рашев. Шумен: Антос, 2003. С. 244–258.

Дончева-Петкова Л. Одръци. Т. 2 Некрополи от XI в. София: АИ «Марин Дринов», 2005. 472 с.

Иванов Р., Иванов Р. Погребални обреди на печенези и кумани по българските земи (XI–XIII в.). Пловдив: Изд. «Имеон», 2015. 188 с.

Илиев Н. Номади в историята на средновековните северозападни български земи. // Епохи. 2015. № 2. С. 483–488.

Инкова М. Средновековни сабя и ножче от експозицията на Националния исторически музей – София. // Известия на Националния археологически институт. In honorem professoris Stanislav Stanilov. XLIII / Отг. ред. А. Божкова. София: НАИМ-БАН, 2016. С. 431–460.

Йотов В. О материальной культуре печенегов к югу от Дуная – листовидные ажурные амулеты XI в. // Stratum plus. 2000. № 5. С. 209–212.

Йотов В., Атанасов Г. Скала: крепост от X–XI век до с. Кладенци, Тервелско. София: Pensoft, 1998. 346 с.

Караулиев П. Късно номадско погребение край град Кермен. // Преслав, Т. 8 / Отг. ред. С. Бонев. Велико Търново: Изд. «Фабер», 2019. С. 474–483.

Матанов Х. В търсене на средновековното време: неравният път на българите (VII–XV в.). София: ИК «Гутенберг». 2014. 516 с.

Минков Ц., Боев П. Антропологично проучване на средновековни черепи от Шуменската крепост // Годишник на Софийския университет – Биологически факултет. Т. 75. Кн. 1 Зоология / Отг. ред. С. Стефанов. София: УИ «Св. Климент Охридски», 1985. С. 99–107.

Михайлова Т. Къснономадски гробове в дворцовия център на Плиска // Плиска-Преслав, Т. 9. / Отг. ред. Р. Рашев. Шумен: Изд. «Антос», 2003. С. 259–266.

Павлов, П. Монголотатари на българска военна служба през XIV в. // Военноисторически сборник. 1987. № 2. С. 112–120.

Павлов П. По въпроса за заселванията на кумани в България през XIII в. // Втори международен конгрес по българистика. Доклади. Т. 6 / Отг. ред. Х. Христов. София: Изд. БАН, 1987. С. 629–637.

Павлов П. Бунтари и авантюристи в средновековна България. Велико Търново: Изд. «Абагар». 2000. 200 с.

Павлов, П. Владимиров, Г. Златната орда и българите. София: Военно издателство, 2009. 176 с.

Панайотова К. Средновековни обекти на територията на античния некропол на Аполония в м. Калфата/Буджака – Созопол // Известия на Народния музей – Бургас. Т. 5 / Отг. ред. М. Николов. Бургас: РИМ-Бургас, 2015. С. 173–182.

Рашев Р. Късни номади в плисковското поле. // Преслав, Т. 3 / Отг. ред. Т. Тотев. Варна: Георги Бакалов, 1983. С. 242–252.

Рашев Р. Девташларите – мегалитни паметници на българската езическа култура. // Плиска-Преслав, Т. 5. / Отг. ред. Р. Рашев. Шумен: Изд. «Хермес и хермес», 1992. С. 5–31.

Рашев Р. Куманите на юг от Дунав по археологически данни. // 800 години от битката при Одрин. / Ред. Н. Неделчев. Шумен: Изд. «Аксиос», 2007. С. 120–130.

Стоянов В. Куманите в българската история (XI–XIV в.). // Исторически преглед. 2005. № 5–6. С. 3–25.

Тъпкова-Заимова В. Долни Дунав – гранична зона на византийския Запад. София: Изд. БАН, 1976. 188 с.

Информация об авторе:

Владимиров Георги Владимиров, доктор по истории, магистр по культурологии, главный эксперт, Министерство культуры Республики Болгария (г. София, Болгария); vladimirovkult@yahoo.com

REFERENCES

Antonova, V., Vitlyanov, S. 1985. In Angelov, D. (ed.). *Pliska-Prislaw (Pliska-Prislaw)* 4. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 44–78 (in Bulgarian).

Atanasov, G. 1991. *Istoricheski pregled (Historical Review)*. 2. 78–82 (in Bulgarian).

Atanasov, G., Krumova, T. 2005. In Popkonstantinov, K., Borisov, B. (ed.). *Prof. d.i.n. Stancho Vaklinov i srednevekovnata blgarska kultura (Professor, Doctor of Historical Sciences Stancho Vaklinov and the Medieval Bolgar Culture)*. Veliko Tarnovo: "Kiril i Metodii" Publ., 248–253 (in Bulgarian).

Balabanov, T. 2000. In Rashev, R. (ed.). *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 8. Shumen: "Antos" Publ., 93–102 (in Bulgarian).

Boev, P., Kondova, N., Cholakov, S. 1979. In Todorova, Kh. (ed.). *Interdistsiplinari izsledvaniia (Interdisciplinary Studies)* III–IV. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 139–148 (in Bulgarian).

Boev, P., Kondova, N., Cholakov, S. 1983. In Ovcharov, D. (ed.). *Pernik (Pernik)* 2. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 185–212 (in Bulgarian).

Boev, P., Minkov, Ts. 1980. In Todorova, Kh. (ed.). *Interdistsiplinari izsledvaniia (Interdisciplinary Studies)* V–VI. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 143–147 (in Bulgarian).

Boev, P. 2014. In Kostova, R. (ed.). *Srednevekovniat chovek i negoviat sviat: sbornik v chest na 70-ta godishnina na prof. d.i.n. Kazimir Popkonstantinov (The Medieval Man and His World: Collection in Commemoration of the 70th Anniversary of Professor, Doctor of Historical Sciences Kazimir Popkonstantinov)*. Veliko Tarnovo: "Faber" Publ., 469–473 (in Bulgarian).

Borisov, B. 2006. In Kaimakamova, Temelski, Kh., Iliev, I., Simeonova, L., Nikolov, G. (eds.). *Tangra. Sbornik v chest na 70-godishninata na akad. Vasil Giuzelev (Tengri. Collection of Commemoration of the 70th Anniversary of Academician Vasil Gyuzelev)*. Sofia: "Sv. Kliment Okhridski" Publ., 391–408 (in Bulgarian).

Borisov, B., Sheileva, G. 2000. In Rashev, R. (ed.). *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 8. Shumen: "Antos" Publ., 247–251 (in Bulgarian).

Valeriev, I. 2015. *Blgarskite zemi i nashestviata na ksnite nomadi v kraia na XI–XII v. (Bolgar Lands and the Invasions of Late Nomads in the Late 11th–12th cc.)*. Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Sofia (in Bulgarian).

Velikanova, M. 1975. *Paleoantropologiiia Prutsko-Dnestrovskogo Mezhdurech'ia (Palaeoanthropology of the Prut-Dniester Interfluve)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vladimirov, G. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 242–255 (in Russian).

Vladimirov, G. 2018. *Ser'gi v vide znaka voprosa iz srednevekovoi Bolgarii (XIII–XIV vv.) (Earrings in the Form of a Question Mark from Bulgaria (13th–14th cc.))*. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Vzharova, Zh. 1981. In Angelov, D., Vzharova, Zh. (eds.). *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 3. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 16–65 (in Bulgarian).

Goranov, P., Boev, P., Kondova, N., Cholakov, S. 1980. In *Pediatria (Pediatrics)* 4, 389–394 (in Bulgarian).

Grigorov, V. 2010. *Krepostta Krasen do Panagiurishche (Krasen Fortress near Panagyurishte)*. Series: *Razkopki i prouchvaniia (Excavations and investigations)* 10. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).

Giuzelev, V. 1995. *Ochertsi vrkhu istoriata na Blgarskiia severoiztok i Chernomorieta (kraja na XII – nachaloto na XV v.). (Essays on the History of the Bolgar North-East and the Black Sea Coast (Late 12th – early 15th cc.))*. Sofia: "Borina" Publ. (in Bulgarian).

Dimitrov, D. 1975. In *Izvestiia na Narodniia muzei-Varna (Bulletin of the National Museum – Varna)* 11, 37–57. (in Bulgarian).

Dimitrov, D. 1987. *Prablgarite po Severnoto i Zapadnoto chernomori (Proto-Bulgars on the North and West Black Sea Coasts)*. Varna: "Georgi Bakalov" Publ. (in Bulgarian).

Dimitrov, Ya. 1996. In Rashev, R. (ed.). *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 7. Shumen, 43–70 (in Bulgarian).

Doncheva-Petkova, L. 2002. In Damianov, N., Dimitrov, S., Popov, R. (eds.). *Kriptohristiianstvo i religiozen sinkretizm (Crypto-Christianity and Religious Syncretism)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 91–95 (in Bulgarian).

Doncheva-Petkova, L. 2003. In Rashev, R. (ed.). *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 9. Shumen: "Antos" Publ., 244–258 (in Bulgarian).

Doncheva-Petkova, L. 2005. *Odrtsi. Nekropoli ot XI v. (Odrtsi. Necropolis of the 11th c.)* 2. Sofia: "Marin Drinov" Publ. (in Bulgarian).

Ivanov, R., Ivanov, R. 2015. *Pogrebalni obredi na pechenezi i kumani po blgarskite zemi (XI–XIII v.). (Burial Rites of the Pechenegs and Cumans in Bolgar Lands (11th–13th cc.))*. Plodiv: "Imeon" (in Bulgarian).

Iliev, N. 2015. In *Epokhi (Epochs)* 2, 483–488 (in Bulgarian).

Inkova, M. 2016. In *Izvestiia na Nacionalniia arkheologicheski institute (Reports of the National Archaeological Institute)*. XLIII, 431–460 (in Bulgarian).

Yotov, V. 2000. In *Stratum Plus*. 5, 209–212 (in Russian).

Yotov, V., Atanasov, G. 1998. *Skala: krepost ot X-XI vek do s. Kladenci, Tervelsko (Skala: 10th-11th Century Fortress near Kladentsi Village, Tervel)*. Sofia: "Pensoft" Publ. (in Bulgarian).

Karailiev, P. 2019. In Bonev, S. (ed.). *Preslav (Preslav) 8*. Veliko Tarnovo: "Faber" Publ., 474–483 (in Bulgarian).

Matanov, Kh. 2014. *V trsene na srednovekovното време: neravniat pt na blgarite (VII–XV v.) (In Search of the Middle Ages: the Hard Road of the Bolgars (7th-15th cc.))*. Sofia: "Gutenberg" Publ. (in Bulgarian).

Minkov, Ts., Boev, P. 1985. In Stefanov, S. (ed.). *Godishnik na Sofijskija universitet (Yearbook of Sofia University) 75 (1)*. Sofia: "Sv. Kliment Okhridski" Publ., 391–408 (in Bulgarian).

Mikhailova, T. 2003. In Rashev, R. (ed.). *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav) 9*. Shumen: "Antos" Publ., 259–266 (in Bulgarian).

Pavlov, P. 1987. In *Voенноисторически сборник (Military History Collection) 2*, 112–120 (in Bulgarian).

Pavlov, P. 1987. In Khrstov, Kh. (ed.). *Vtori mezhdunaroden congress po blgaristika (Second International Congress on Bolgar Studies) 6*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 629–637 (in Bulgarian).

Pavlov, P. 2000. *Buntari i avantiuristi v srednovekovna Blgariia (Rebels and Adventurers in Medieval Bulgaria)*. Veliko Tarnovo: "Abagar" Publ. (in Bulgarian).

Pavlov, P., Vladimirov, G. 2009. *Zlatnata orda i blgarite (The Golden Horde and the Bolgars)*. Sofia: "Voенно izdatelstvo" Publ. (in Bulgarian).

Panaiotova, K. 2015. In Nikolov, M. (ed.). In *Izvestiia na Narodniia muzei – Burgas (Bulletin of the National Museum – Burgas) 5*. Burgas: "PIM-Burgas" Publ., 173–182 (in Bulgarian).

Rashev, R. 1983. In Totev, T. (ed.). *Preslav (Preslav) 3*. Varna: "Georgi Bakalov" Publ., 242–252 (in Bulgarian).

Rashev, R. 1992. In Rashev, R. (ed.). *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav) 9*. Shumen: "Hermes i hermes" Publ., 5–31 (in Bulgarian).

Rashev, R. 2007. In Nedelchev, N. (ed.). *800 godini ot bitkata pri Odrin (The 800th Anniversary of the Battle of Edirne)*. Shumen: "Aksios" Publ., 120–130 (in Bulgarian).

Stoyanov, V. 2005. *Istoricheski pregled (Historical Review) (5–6)*. 3–25 (in Bulgarian).

Trpkova-Zaimova, V. 1976. *Dolni Dunav – granichna zona na vizantiiskii Zapad (Lower Danube – the Border Area of the Byzantine West)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).

About the Author:

Vladimirov Georgi V. Ph.D. (History), Master of Cultural Studies, Chief Expert, Ministry of Culture of Republic Bulgaria. bul. "Al.Stambliiski", 17, Sofia, 1040, Bulgaria; vladimirovkult@yahoo.com

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.240.254>

ЗЕМЛЯНКИ И ПОЛУЗЕМЛЯНКИ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА (ПО МАТЕРИАЛАМ I РАСКОПА)

©2021 г. Э.Д. Зиливинская

Статья посвящена публикации полуземлянок и землянки, исследованных на Самосдельском городище IX–XIV вв., расположенном в низовьях Волги. Две полуземлянки, относящиеся к раннему и среднему периодам существования городища, представляли собой неглубокие ямы прямоугольной формы. Стены их были каркасными: у одной из жердей, обмазанных глиной, у другой – пространство между жердями заложено сырцовым кирпичом. Аналогии этим постройкам находятся в донской части Хазарского каганата и в Волжской Болгарии. Постройка XII в. интересна и тем, что в ней найден большой клад свинцовых слитков. Большая землянка позднего периода имела глубину более 2 м. Стены ее были обложены обломками обожженных кирпичей. Обилие перестроек свидетельствует о том, что землянка существовала длительное время. Состав находок говорит о том, что обитатели ее были людьми зажиточными, и в землянке могла находиться ремесленная мастерская. Полных аналогий эта постройка не имеет.

Ключевые слова: археология, средневековье, Нижнее Поволжье, Хазарский каганат, Саксин, Золотая Орда, городище, полуземлянки, землянки, жилища, хозяйственные постройки/

DUGOUTS AND SEMI-DUGOUTS OF SAMOSDELKA SETTLEMENT (BASED ON MATERIALS FROM EXCAVATION I)

E. D. Zilivinskaya

The paper is aimed at the publication of semi-dugouts and a dugout investigated at Samosdelka settlement of the 9th–14th centuries located in the Lower Volga. Two semi-dugouts dating back to the early and middle periods of the settlement's existence were shallow rectangular pits. Their walls had a frame structure: one of the walls was composed of poles plastered with clay, and another one had the space between the poles laid with unfired brick. Analogies to these buildings are located in the Don part of Khazar Kaganate and in Volga Bulgaria. The structure of the 12th century it is also interesting because a large hoard of lead ingots was found inside. A large dugout of the late period had a depth of more than 2 meters. Its walls were lined with fragments of fired bricks. The large number of reconstructions indicates that the dugout existed for a long period of time. The composition of the finds suggests that its inhabitants were wealthy people, and a craft workshop could have been located in the dugout. The building has no complete analogies.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Lower Volga region, Khazar Kaganate, Saksin, Golden Horde, settlement, semi-dugouts, dugouts, dwellings, household structures.

Самосдельское городище – довольно известный памятник, раскопки на котором ведутся уже более 20 лет. Он находится в Астраханской области и расположен в самом центре дельты Волги. Площадь поселения в период его расцвета достигала 4 кв. км. Нижние слои его датируются IX–X вв., средние – XI – первой половиной XIII вв., доживает поселение до первой половины XIV в., после чего территория попадает под затопление в результате трансгрессии Каспийского моря. Ряд данных (планиграфия, наличие построек из обожженного кирпича, возможно, крепости, юртообразных жилищ в нижних слоях, керамики хазарского времени, а также радиоуглеродные даты) позволил исследователям предположить, что в IX–X вв. здесь могла располагаться столи-

ца Хазарского каганата Итиль (Зиливинская, Васильев, 2008). В постхазарское время на месте хазарского города возникает город Саксин, известный до настоящего времени лишь по письменным источникам (Васильев, 2012). В золотоордынский период город приходит в упадок и представляет собой небольшое, постепенно затопливаемое поселение.

Культурные напластования Самосдельского городища достигают мощности 3 м, и во всех слоях прослеживаются остатки различных сооружений, как жилых, так и хозяйственного назначения. В нижних слоях найдены слегка заглубленные в землю юртообразные постройки, которые исследователи связывают с оседанием на землю кочевого населения (Флеров, 1996, с. 59–60). Впрочем, на Само-

сдельском городище юртообразные жилища встречаются и в более поздний период, в XI–XII вв. (Болдырева, Васильев, Зиливинская, 2020). Уже в нижних слоях появляются наземные сооружения со стенами из жердей, обмазанных глиной (так называемые турлучные постройки). Дома, построенные в этой технике, продолжают существовать в течение всей жизни городища. В XI–XII вв. активно строятся дома из обожженного кирпича вторичного использования. Стены в них возводились из целых и битых кирпичей полностью или имели кирпичные цоколи. Дома часто были многокомнатными. В XIII–XIV вв. в строительстве также применялся обожженный кирпич вторичного использования. Так как это был все тот же материал, происходящий из нижних слоев, то целые кирпичи встречаются редко, а куски битого становятся мельче. Дома этого периода в основном небольшие, однокомнатные. Стены в них строятся в различной технике: встречаются целиком кирпичные и сырцовые, сырцовые и турлучные на кирпичном цоколе, просто турлучные. Большинство построек наземные, но некоторые имеют слегка (20–30 см) заглубленный относительно дневной поверхности пол. Небольшая часть сооружений была заглублена в землю достаточно сильно.

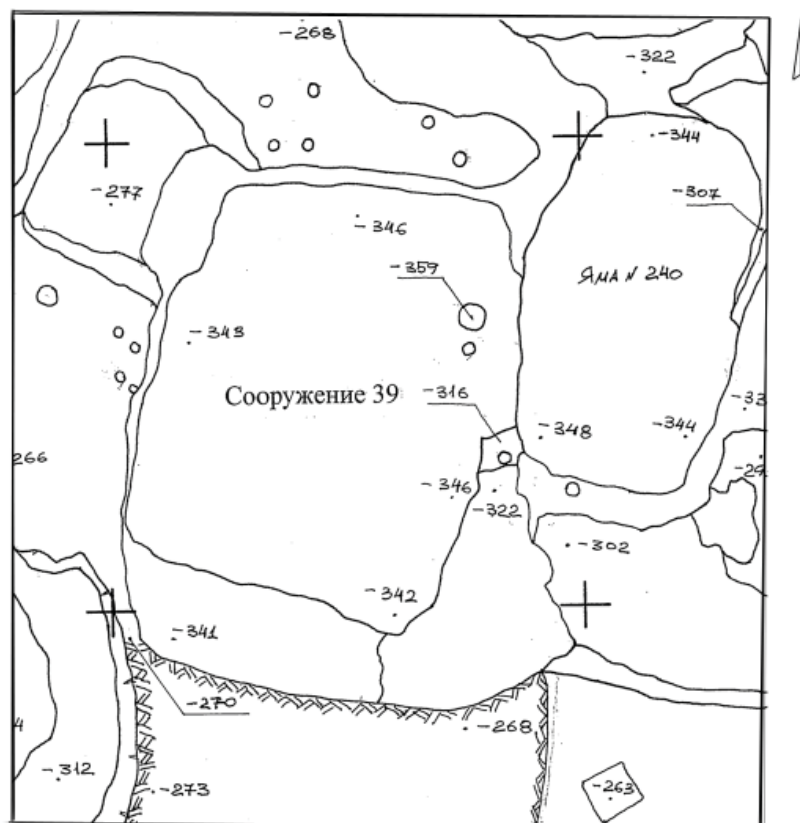
В изучении таких сооружений, как полуземлянки, существуют определенные проблемы. Подробно этот вопрос был рассмотрен М.Д. Полубояриновой (Полубояринова, 2016, с. 9–13). С одной стороны, существование такой формы жилищ, как полуземлянки, отрицать невозможно, так как они появляются у различных народов с древности и существуют практически до настоящего времени. Однако при раскопках их можно спутать с подпольями наземных домов. В частности, об этом ведутся ожесточенные споры среди исследователей древнерусских жилищ. Главным критерием, позволяющим отличить полуземлянку от подполья, является наличие очага на ее дне. Многие исследователи совершенно справедливо отмечают, что печь никак не может находиться под деревянным полом наземного жилища, следовательно, если она находится на дне котлована постройки, то последняя является полуземлянкой. Хочу, однако, заметить, что такой принцип может быть применен только к жилым полуземлянкам. В хозяйственных и производственных помещениях печей может не быть. Кроме того, в регионах с теплым климатом сооружения могут отапли-

ваться не стационарными очагами, а переносными жаровнями.

Также нет четкого определения, с какой глубины залегания пола жилище можно считать не наземным, а полуземляночным. В научной литературе параллельно с термином «полуземлянка» применяются также словосочетания «постройка с углубленным основанием», «сооружение с неглубоким земляным котлованом», «материковые углубления» (Полубояринова, 2016, с. 10–11). Нет четкого разграничения и между терминами «полуземлянка» и «землянка». М.Д. Полубояринова предлагает считать полуземлянками сооружения с котлованом глубиной 0,5–1,8 м, на дне которого находится печь или очаг (Полубояринова, 2016, с. 11). Данное определение представляется совершенно обоснованным, следует лишь учитывать, что в нежилых полуземлянках очага может не быть. Сооружения с полом, заглубленным больше чем на 1,8 м (то есть на глубину выше человеческого роста), на мой взгляд, можно называть землянками.

На Самосдельском городище полуземлянки и землянки встречены при раскопках слоев различных хронологических периодов.

При исследовании ранних слоев на I раскопе было расчищено сооружение 39, заглубленное в землю и имевшее турлучные стены (рис. 1). Пятно ямы сооружения было зафиксировано на уровне XI штыка. Контур его хорошо прослеживался с северной и западной сторон, а также в северной части восточной стенки и в западной части южной, так как в этих частях стенки котлована были материковыми. Здесь в материке было прослежено большое количество жердевых ямок от каркаса стен сооружения. Ямки имели диаметр от 2 до 8 см и различную глубину (2–6 см). Они располагались без особого порядка вдоль стен котлована жилища, образуя полосы шириной 50–80 см. В остальных частях контур жилища был перерезан различными ямами. Сооружение имело прямоугольную форму со скругленными углами и было ориентировано длинной осью вдоль оси запад – восток с небольшим отклонением к югу. Длина его 3,4 м, ширина 2,2 м. Пол сооружения был заглублен примерно на 75 см относительно уровня материка. Уровень материкового пола сохранился в виде небольших фрагментов в восточной части сооружения между ямами 239 и 240, а также в виде ступеньки шириной 8–30 см, которая осталась вдоль западной стенки сооружения на борту ямы 250. Северная стенка сооружения 39 в восточной части

1

2

Рис. 1. Сооружение 39: 1 – план; 2 – вид с востока

Fig. 1. Building 39: 1 – plan; 2 – view from the east

была разрушена с северной стороны ямой 189, а с южной стороны ямой 240. ЮВ угол также несколькими ямами. В пределах сооружения находятся также разрушившая его яма 239. В свою очередь, сооружение 39 своей западной частью перерезает яму 250. В связи с такой изрезанностью ямами интерьер сооруже-

ния (если таковой имелся) прослежен быть не мог. находки в сооружении довольно невыразительные: донце гончарного кувшина с тамгой в виде «ветки», три лопатки мелкого рогатого скота со следами обработки, костяное изделие и железный крючок. По фрагменту красноглиняного блюда с зеленой поливой,

декорированного в технике «сграффито», сооружение можно датировать XI в., однако этот материал может происходить из перерезавших его более поздних ям, а сама полуземлянка относится к более раннему периоду.

На I раскопе на уровне V штыка было выявлено сооружение 23, которое также являлось полуземлянкой. При зачистке по слою появилось пятно сырцового заплыва, в котором прослеживались отдельные сырцовые кирпичи. Оно имело прямоугольную форму, размеры 3,4×3,0 м, и было вытянуто по оси 3–В. Заполнение сооружения в верхней части состояло из расплывшейся сырцовой массы, под которой залегал плотный коричневатый суглинок с обломками кирпичей. На глубине 50–90 см от поверхности обнаружения яма сооружения была заполнена плотным кирпичным завалом, который продолжался практически до дна сооружения. В заполнении сооружения № 23 были найдены многочисленные фрагменты керамики, в основном красноглиняной гончарной, кости животных и рыб, рыба чешуя. После разборки завалов сооружение 23 было расчищено. Оно представляло собой прямоугольную в плане яму размерами 3,6×2,4–2,8 м, вытянутую в меридиональном направлении (рис. 2). Стенки ямы ровные, отвесные. Вдоль 3 стенки была сделана ступень шириной 30–35 см. Поверхность ее находилась на 25–30 см ниже края ямы. Дно ямы плоское, ровное, с некоторым уклоном к северо-западу, глубина ямы составляла около 1 м. Вдоль всех четырех стенок ямы находилась земляная суфа. Суфа была сделана довольно небрежно, стенки ее не слишком ровные, высота – 15–25 см. Западная часть суфы про краю была укреплена сильно расплывшимися сырцовыми кирпичами и обломками обожженных кирпичей, которые были положены на ее поверхность вдоль края. Ширина западной, северной и восточной частей суфы 60–100 см. Вдоль южной стенки суфа была значительно уже, всего 25–50 см. Вероятно, южная суфа представляла собой ступеньку, ведущую к выходу из сооружения, который находился с южной стороны.

На суфе в сооружении 23 были найдены различные предметы. У южной стенки ямы, в 70 см от юго-западного ее угла стояла нижняя часть большого гончарного сосуда (хумчи) диаметром 45 см. Развал еще одной хумчи находился в северо-восточном углу помещения на суфе (рис. 3: 1). Наибольшая концентрация рыбьих костей и чешуи была найдена вокруг этих сосудов. Возможно, в них

хранилась рыба. На восточной суфе, вдоль борта ямы была положена доска длиной 90 см и шириной 15 см. В юго-восточном углу в суфе находилась яма неправильно овальной формы размерами 80×40 см и глубиной 20 см. Яма была наполнена свинцовыми слитками различной формы и размера (рис. 3: 3). Слитки, вероятно, хранились в мешке, так как они спеклись в единый ком и между отдельными слитками совсем не было земли. Возле этого скопления на суфе лежали 8 крупных слитков пирамидальной и призматической форм. Еще одно скопление небольших свинцовых слитков было найдено в яме № 165, расположенной у северной стены сооружения. Небольшая овальная яма (30×25 см) была заполнена мелкими свинцовыми слитками, также, вероятно, лежавшими в мешочке. Назначение слитков неизвестно, общий вес их составлял около 285 кг. На южной суфе лежал массивный железный предмет изогнутой формы длиной его около 30 см. Предмет сильно окислен, поэтому можно только предполагать, что он представлял собой серп (рис. 3: 4). В северо-восточном углу помещения на суфе лежали два разбитых жернова диаметром 45 см (рис. 3: 2). После того как их сняли, под ними обнаружилась еще одна ямка, заполненная свинцовыми слитками. В полу сооружения 23 также были обнаружены две ямы.

В заполнении сооружения кроме фрагментов красноглиняной неполивной керамики были найдены многочисленные металлические предметы. Среди них фрагмент медного перстня с стеклянной вставкой, шесть железных цилиндрических замков и множество железных предметов двух видов: плоские предметы асимметрично ромбовидной формы с черешком общей длиной 4,5–6 см и диски диаметром около 2,5 см также с черешком с одной стороны. Эти плоские предметы, вероятнее всего, являлись железными накладками на деревянную шкатулку или сундучок.

Судя по интерьеру и предметам, найденным внутри, сооружение 23 не было жилым, а представляло собой хозяйственную постройку, а именно полуземлянку. В нижней части ее стенами являлись земляные стенки ямы. С уровня дневной поверхности стены были каркасными. Столбовые ямы каркаса были найдены снаружи у юго-западного, юго-восточного углов и у северной стенки котлована землянки. Диаметр ям в среднем около 20 см. Вдоль западного и северного бортов ямы сооружения прослеживалась полоса желтого сырцового оплывшего развала. Таким обра-

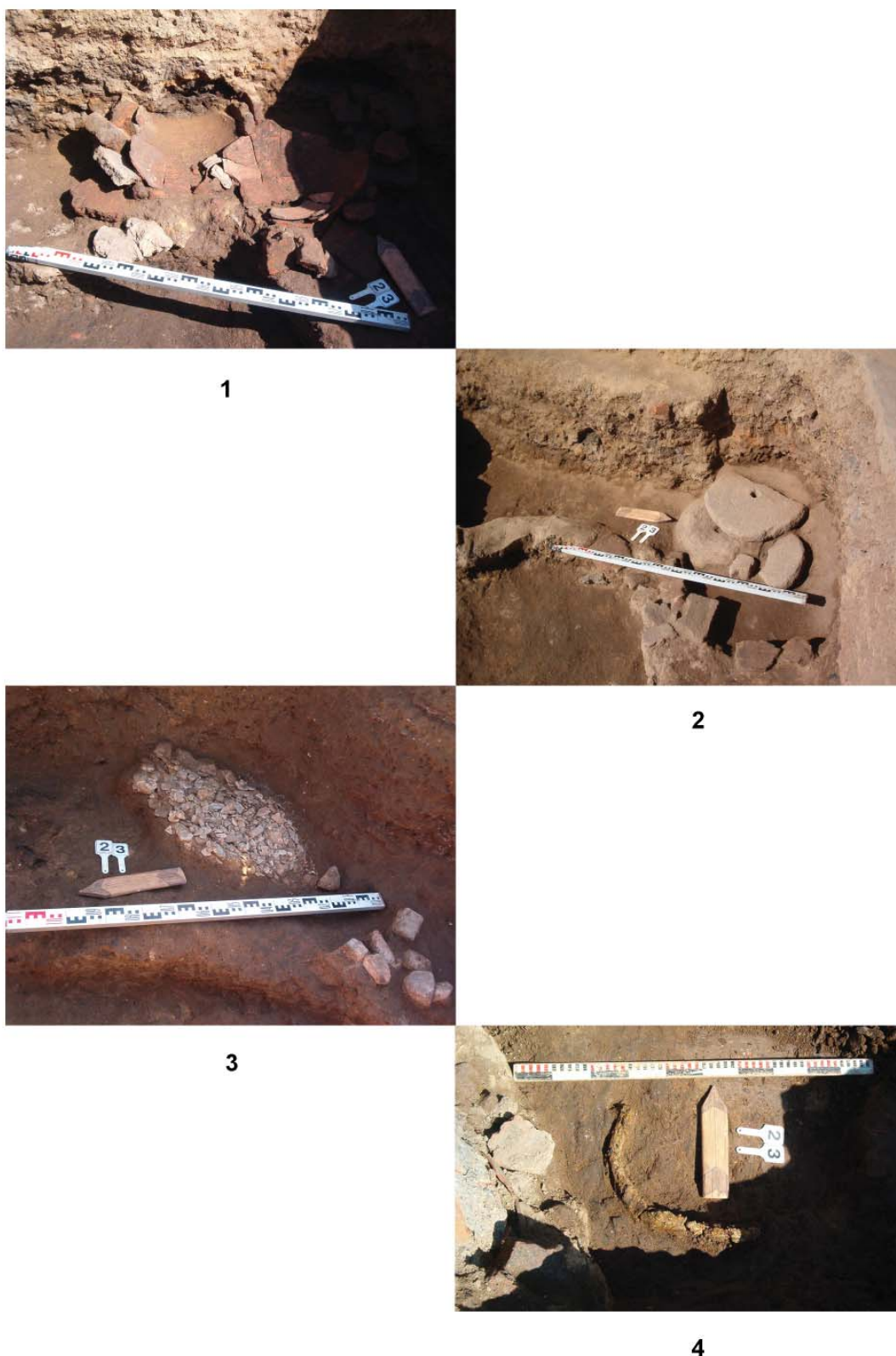

Рис. 3. Сооружение 23: 1 – развал хумчи в северо-восточном углу; 2 – жернова в северо-западном углу; 3 – скопление свинцовых слитков на южной суфе; 4 – железный предмет (серп?)
Fig. 3. Building 23: 1 – collapsed khumchi in the north-eastern corner; 2 – millstones in the north-western corner; 3 – accumulation of lead ingots on the southern sufa; 4 – iron item (sickle?)

Яма землянки имела слоистое заполнение. В верхней части находились мощные (до 1 м) наслоения золы. Под ними был найден и расчищен слой тлена от камыша или тростника, который понижался к центру. Этот тлен, скорее всего, является остатком камышового

перекрытия землянки, которое рухнуло уже после того, как она пришла в запустение. Под тленом залегал собственно слой заполнения землянки в виде зеленовато-серого комковатого суглинка с золой, углями, костями и керамикой. Выше тлена находился слой мусора, кото-

рым засыпали землянку, чтобы снивелировать поверхность. В заполнении землянки на всех уровнях было большое количество костей, керамики, железных, медных и стеклянных предметов. Ту часть заполнения, которая находится ниже уровня рухнувшего перекрытия, можно считать закрытым комплексом.

Стены землянки были сложены из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе. Кирпичи квадратные, формат кирпичей разный. Размеры их сторон колеблются от 20 до 25 см, толщина – от 3,5 до 5 см. Некоторые кирпичи были крупноформатными со стороной 26–27,5 см и даже 31 см. Толщина их достигала 7 см. Стены постройки неровные, они сильно искривлены как в горизонтальном, так и в вертикальном направлениях в результате просадки культурного слоя.

Восточная стена землянки имела ширину 20–30 см и была сложена из обломков кирпичей в 2–3 ряда. Высота стены составляла 32 слоя кирпича (2 м от уровня пола) в южной части и 24 слоя (1,5 м) в северной части. Нижний слой кирпичей восточной стены начинался не с уровня пола, а уровня поверхности суфы, то есть на 4 слоя кирпичей (25–30 см) выше, чем прилегающая к ней южная стена. Кладка сделана на глиняном растворе, в перевязку. Кирпичи обкладки стены были явно использованы вторично, некоторые из них носили следы известковой обмазки. В 5,0 м от северо-восточного угла кирпичная обкладка стены становится сырцовой. Сырцы имели длину 24 см и толщину 6 см. Длина сырцового участка стены 1,0 м. Северный конец его выходит за пределы основного помещения землянки и образует стену коридора, ведущего в помещение с северной стороны. После разборки сырцового участка кладки в стене образовался проход шириной 1,0 м. Порог прохода был выложен обломками обожженных кирпичей на глиняном растворе. Кладка порога была сделана в 3 слоя. К какому строительному периоду относился данный проход, сказать сложно. Вероятно, к ранним периодам. Впоследствии этот проход был заложен и сделан другой в северной стене.

В 130 см от юго-восточного угла в кирпичной кладке восточной стены был сделан вертикальный разрыв. Он начинался с уровня на 70 см выше поверхности суфы и заканчивался на уровне 20 слоя кладки. Ширина его 10 см, высота 55 см. Он имел ровные границы, так что, очевидно, был сделан специально. С северной стороны разрыва в его нижней части находился прямоугольный участок

размерами 23×25 см, лишенный кладки. В 120 см к северу от первого разрыва кладки находился еще один. Он начинался с уровня суфы, имел высоту 110 см и ширину 10 см. С северной стороны от этой вертикальной борозды на высоте 40 см от уровня суфы также был небольшой (25×22 см) участок, лишенный кладки. Скорее всего, в эти разрывы кладки были вставлены деревянные брусья, которые придавали кладке большую прочность.

Южная стена имела высоту 16–17 слоев кирпичей от своего основания. Основание южной стены находилось на 4 слоя кирпичей ниже, чем основание восточной стены. В углу, образованном этими стенами, первые 4 слоя восточной стены и 8 слоев южной положены не в перевязку. Между ними имеется щель шириной 25 см в нижней части, которая постепенно сужается кверху. Выше кладка стен перевязана, для чего кирпичи в углу положены под углом 45° к обеим стенам. В южной стене пятый, шестой, седьмой и восьмой слои кладки частично были сложены из сырцовых кирпичей большого формата. Длина их достигала 50 см, а толщина – 78 см. В восточной части южной стены нижние 4–5 слоев кладки сильно просели. Этот прогиб был заполнен четырьмя слоями сырцовой кладки. Дальше к западу на кирпичной кладке лежат только два слоя сырца. Выше кладка была сделана из обломков кирпичей и имела такое же строение, как и восточная стена. В юго-западном углу землянки кладка южной стены сложена в перевязку с западной стеной только на уровне трех нижних слоев кладки. Выше кладка имеет неровный край, который не доходит до западной стены на 20–50 см. Это пространство было забутовано глиной. Таким образом, создается впечатление, что верхняя часть южной стены была положена на уже имевшуюся нижнюю часть, которая некоторое время существовала и успела просесть. Причем нижняя часть южной стены сложена в перевязку только с западной стеной, а верхняя часть перевязана с восточной стеной.

Разборка стены подтвердила это предположение. В верхней части стена была сложена из крупных и мелких обломков кирпичей в 2–3 ряда. Толщина ее достигала 50 см. Ниже слоя сырцов 4–5 слоев кладки сделаны из целых кирпичей размерами 23,5–24×23,5–24×4,5–5 см. Кладка в 1 ряд. Только в средней части стены, снаружи она немного доложена обломками.

Западная стена землянки шириной 25–35 см была сложена в 3 ряда из обломков

кирпичей. В северной части она имела высоту 25 слоев кладки, а в южной части 13 слоев от основания. В 130 см от северо-западного угла верхняя часть кладки стены, начиная с седьмого слоя, выступает вовнутрь землянки на 20 см. Это стало возможно, так как в этой части не была соблюдена перевязка кирпичей, и образовался вертикальный шов. В нижней части (4 слоя) кладка идет вровень с остальной плоскостью стены. Более тщательное исследование этого участка стены позволило предположить, что здесь также имеется заложенный проход. Проход был заложено обломками обожженных кирпичей. Ширина его 60 см. Порог был образован четырьмя нижними слоями кладки. Этот проход мог относиться к первым четырем строительным периодам (рис. 4, 6: 2), так как впоследствии к западной стене была пристроена суфа.

Северный конец западной стены сложен в перевязку с северной стеной.

Северная стена имела в высоту 19–21 слой кирпича от основания (150–160 см). Ширина ее около 70 см. В северной стене имелся скользящий вдоль восточной стены проход шириной 80 см. Три нижних слоя кладки северной стены идут вплоть до восточной стены, где перевязываются с ней. Они сложены из сырцовых и обожженных кирпичей. Восточный конец этой кладки повышается примерно на 10–15 см, так как восточная стена стоит на земляной ступени. Выше все слои кладки, сложенные из обожженных кирпичей, образуют ровный торец, который является западной стенкой прохода. Сырцовый порог прохода был обложен досками. В углу, образованном нижними слоями кладки восточной и северной стен, в сырцовом заплыве было найдено отверстие для столбика диаметром 10 см и глубиной 10 см. Возможно, оно служило для крепления двери.

Проход в землянку был завален битым кирпичом. После разборки завала был расчищен коридор, ведущий в основное помещение землянки с северной стороны. Его длина 4,0 м, ширина 1,2–1,4 м. Восточная стена прохода являлась продолжением восточной стены землянки. Она была сложена из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе. Ширина ее 30–40 см. Южный конец стены длиной 40–45 см был сложен из сырцов. Облицовка стены кирпичами, повернутыми торцом к западу, сохранилась только в нижней части стены на высоту 3–5 слоев. Дальше прослеживалась толща стены из рваного кирпича. В 65 см от входа в основное

помещение землянки в стене прослеживался вертикальный проем шириной 12–15 см и глубиной 12 см. Возможно, в нем был закреплен брус, поддерживавший крышу коридора.

Западная стенка коридора не сохранилась. Вероятно, из ее кирпичей состоял завал в проходе. Тем не менее на то, что коридор имел ширину 140 см, указывает строение северной стены землянки. Участок кладки стены, примыкающей к проходу в землянку, имеет ровный фасад не только с южной стороны, но и с северной. Длина его 60–70 см. Остальная кладка стены имеет рваный северный край, так как он примыкал к котловану землянки и не был виден. Таким образом, в землянку вел коридор шириной 140 см, который сужался на входе в землянку до 80 см. Пол его был земляным, он имел небольшой уклон к югу. Этот проход и коридор, ведущий в него, скорее всего, относятся к последнему периоду (рис. 5: 3).

Пол землянки был земляным. Он представлял собой темно-серый плотный суглинок, утопанный до твердости асфальта. При прокопке пола в центре его была найдена яма для столба, который поддерживал крышу землянки, что позволяет предположить, что она была шатровой. Яма неправильно округлая в плане размерами 30×30 см, глубиной 40 см с плоским дном.

Вдоль всех четырех стен была сделана невысокая (15–25 см высотой) суфа. После выборки суфы в ее массиве появились остатки многочисленных стенок, которые можно отнести к семи строительным периодам.

I строительный период (рис. 4: 1).

В I строительном периоде была сделана Г-образная суфа вдоль южной и восточной стен. Южная суфа имела ширину 80 см в западной части и 50 см в восточной. Подпорная стенка была сложена из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе и была 10–15 см шириной. Высота ее – 2–3 слоя. Восточная суфа имела ширину 55–60 см. В 2,3 м от южной стены землянки стена поворачивала на восток под тупым углом. Ширина ее подпорной стенки 10–15 см, высота – 2–3 слоя. Кирпичи укрепляли стенку суфы только в верхней части, нижняя была земляной.

II строительный период (рис. 4: 2).

Во II строительном периоде стенка суфы была укреплена. С внешней стороны к стенке I периода была пристроена стенка из обломков кирпичей. В западной части она примыкала вплотную к южной стенке, I периода, а в восточной части отстояла от нее на 25–30 см.

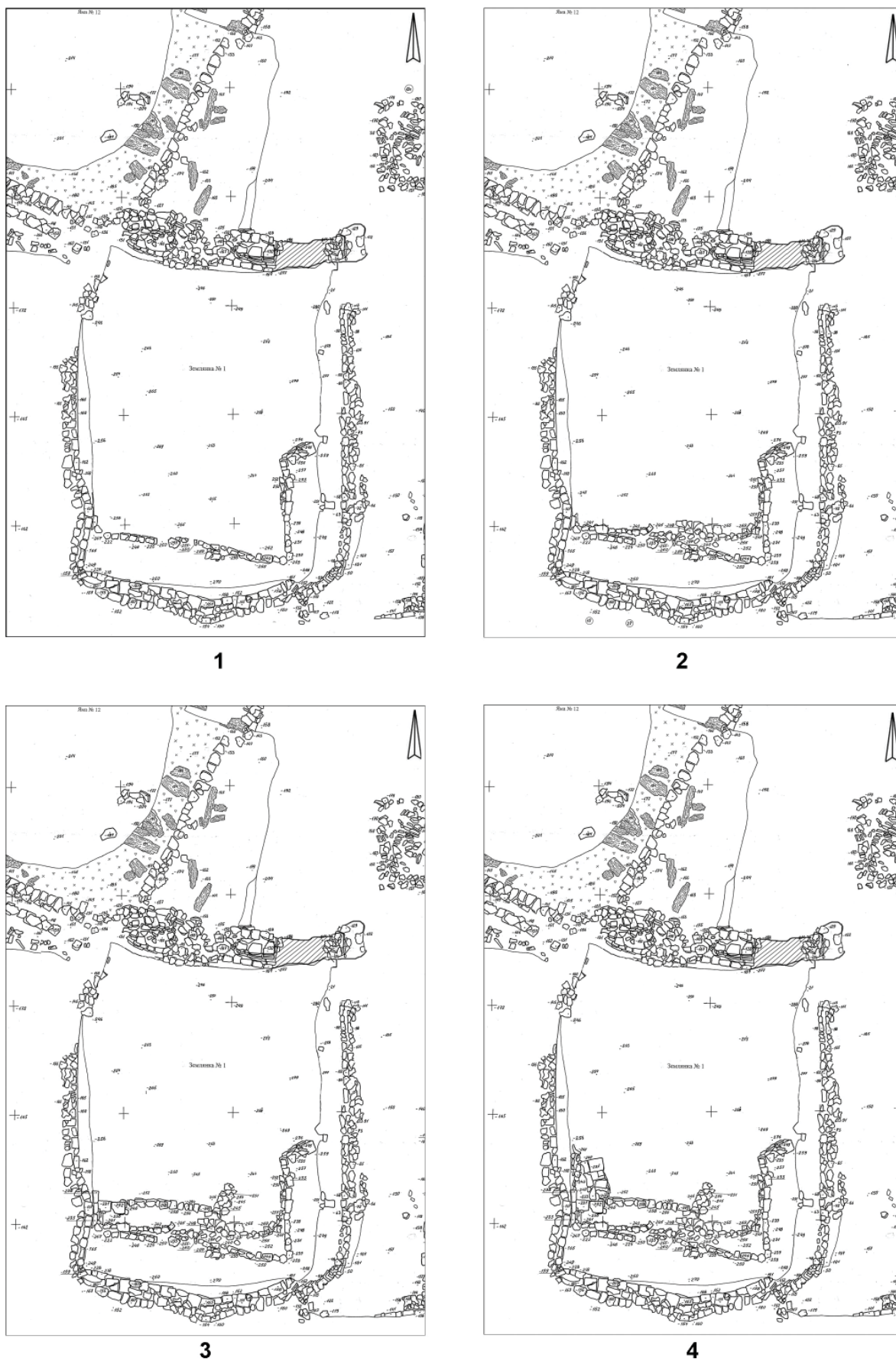

Рис. 4. Землянка № 1 планы перестроек: 1 – I период; 2 – II период; 3 – III период; 4 – IV период
 Fig. 4. Dugout No. 1 reconstruction plans: 1 – period I; 2 – period II; 3 – period III; 4 – period IV

Восточная стенка была пристроена вплотную к стенке I периода. Обе стенки сложены из мелких обломков кирпичей в 1–2 слоя. Ширина их 10–15 см. Ширина северной суфы во II строительном периоде – 100–110 см, восточной суфы – 70 см. В средней части северной суфы видны следы ремонта: к ней снаружи был пристроен участок стены длиной 85 см и шириной 20 см из крупных обломков кирпичей, повернутых торцом наружу.

III строительный период (рис. 4: 3).

В III строительном периоде суфа была Г-образная, пристроенная к южной и восточной стенам. Ширина южной суфы 150 см, восточной – 150–180 см. Подпорная стенка южной суфы сложена из обломков кирпичей, обращенных торцом к северу. Ширина стены 15–20 см. Высота подпорной стенки – 3 слоя. Западный конец стенки сложен из целых кирпичей (2 кирпича), положенных в 2–4 слоя. Размеры кирпичей – 24×24×5 см. Восточная стенка имела высоту 1–3 слоя. Угол между стенками находился на расстоянии 2,2 м от западной стены землянки. Угол тупой. Северный конец восточной стены суфы был разрушен стенкой южной суфы V периода.

IV строительный период (рис. 4: 4).

В IV строительном периоде была пристроена небольшая суфа вдоль западной стены, и вся суфа стала П-образной. Участок новой суфы имел размеры 80×60×70 см. Стенка его сложена из целых кирпичей и половинок в 2 ряда. Ширина стенки 40 см, высота – 3–4 слоя.

V строительный период (рис. 5: 1).

В V периоде суфа примыкала к западной и южной стенам, а также южной части восточной стены. Подпорная стенка западной суфы находилась на расстоянии 1,0 м от стены землянки. Она сложена из мелких и крупных обломков кирпичей, обращенных торцом к востоку. Ширина ее 20–30 см, высота – 3–4 слоя. Стенка южной суфы находилась на расстоянии 180 см от стены. Она сложена из обломков кирпичей, ширина ее 10–20 см, высота 3–4 слоя. В 3,1 м от западной стены землянки стенка южной суфы поворачивает к югу, продолжается на 50 см и снова поворачивает к востоку, соединяясь со стенкой суфы I и II периодов.

VI строительный период (рис. 5: 2).

В VI строительном периоде суфа была П-образной вдоль западной, южной и восточной стен. Ширина южной суфы 2,3–2,5 м. Стенка ее сложена из обломков кирпичей, обращенных торцами к северу. Ширина стенки 15–20 см, высота – 5–7 слоев кладки. В

южной суфе был сделан очаг. В юго-западном углу, образованным стенками суфы V периода, кладка третьего снизу слоя стенки южной суфы поворачивает к северу, образуя стенку полукруглой формы. Диаметр полукруга 50 см. Вероятно, эта стенка образовывала обкладку тандыра или круглой печи. Высота обкладки – 5 слоев.

Западная суфа осталось той же, только была слегка надстроена. Ее ширина 1 м, высота стенки 5–6 слоев кладки, ширина стенки 15–20 см. Кирпичи обращены торцами к востоку. Восточная суфа имела ширину 90 см и длину 4,0 м от южной стены землянки. Ее подпорная стенка имела такое же строение, но высота ее составляла 3–4 слоя. В восточной суфе была сделана тошна. В 2,8 м от ЮВ угла землянки, вплотную к восточной стене был вкопан горлом вниз сосуд (хумча) с отбитым дном. Впоследствии сосуд был раздавлен, поэтому размеры его можно определить лишь приблизительно: диаметр горла 26 см, диаметр сосуда примерно 60 см, высота 50 см. При разборке этой тошни было обнаружено, что хумча вставлена в другой, разбитый сосуд аналогичной формы, то есть налицо следы ремонта.

VII строительный период (рис. 5: 3).

В VII строительном периоде суфа была сделана вдоль всех четырех стен. Южная и западная суфы остались прежними. Стенка восточной суфы была продолжена еще на 50 см до соединения с подпорной стенкой северной суфы. Северная суфа шла вдоль всей северной стены. Проход в землянку вел прямо на суфу, а уже потом на пол. Суфа имела ширину 110–120 см и высоту 2–5 слоев кирпичей. В том месте, где суфа примыкала к проходу, уровень ее был несколько ниже, вероятно, оттого, что в здесь постоянно ходили. В восточной части северной суфы находился двухканальный кан длиной 150 см. Каналы его заканчивались у западной стены землянки. Стенки кана были сложены из крупных обломков кирпичей. Их ширина 15–20 см, высота – 4 слоя кладки. Ширина каналов 10–20 см. У западной стенки кана каналы соединялись. Каналы кана были перекрыты целыми кирпичами.

Кан отапливался тандыром, расположенным в центральной части суфы у ее южной стенки. Тандыр слегка расширялся книзу. Его верхний диаметр 32 см, нижний – 38 см. Высота тандыра 40 см. Устьем он открывался на юг. Ширина устья 20 см.

Возле входа, к западу от него, в суфе была устроена тошна, полукруглая в плане. Ее

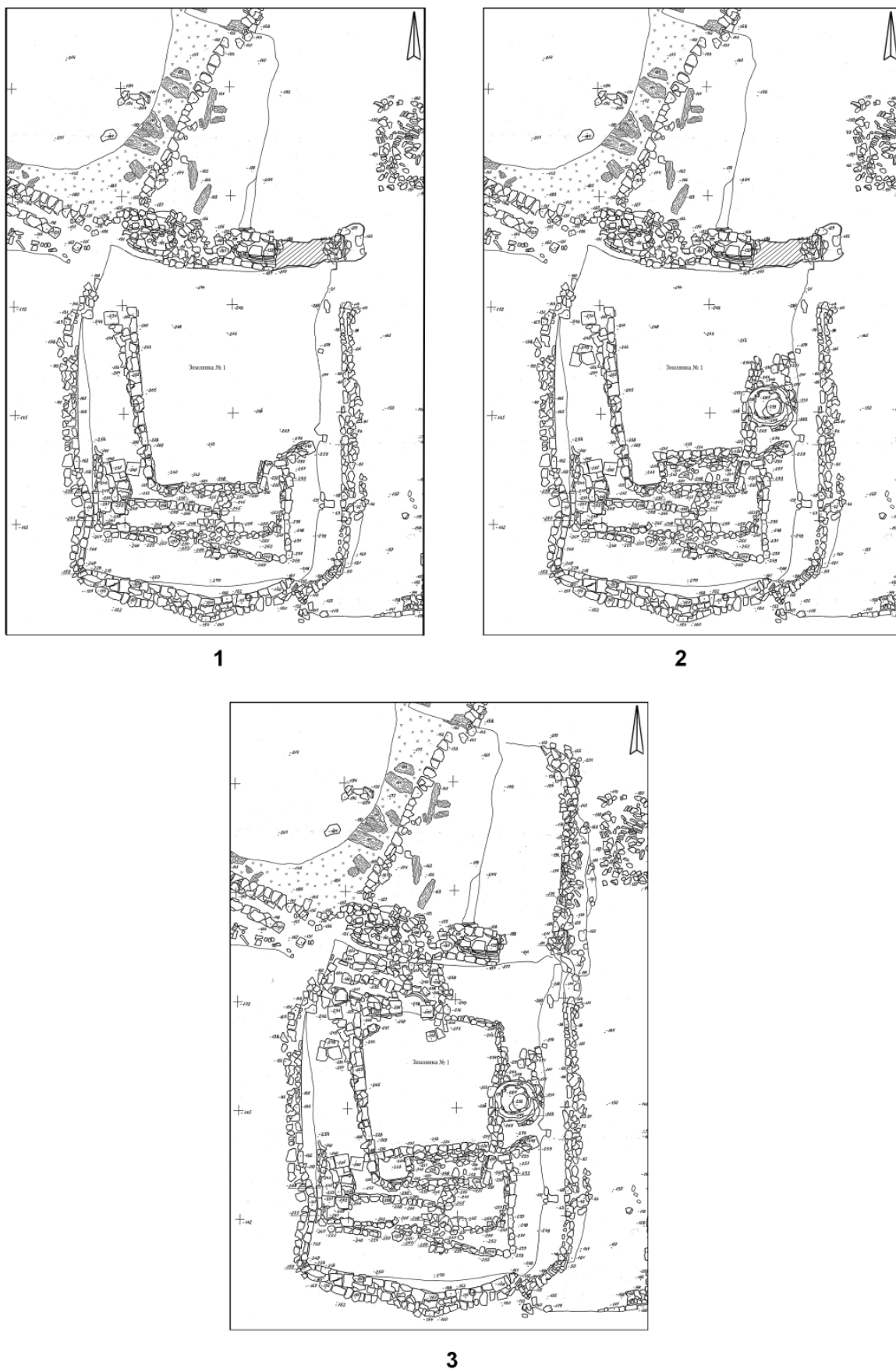

Рис. 5. Землянка № 1 планы перестроек: 1 – V период; 2 – VI период; 3 – VII период

Fig. 5. Dugout No. 1 reconstruction plans: 1 – period V; 2 – period VI; 3 – period VII

диаметр 54 см. Колодец тошны был сложен из рваных обломков кирпичей. Кладка шла вглубь на 5 слоев.

В VII периоде печь в юго-западном углу суфы перестала функционировать. Ее устье было заложено кирпичами, которые продолжали линию стены южной суфы. Заклад начинался с четвертого снизу слоя кладки стены и был положен на заполнение печи. Поэтому в устье печи стенка сильно просела вниз. Также была засыпана и перекрыта поверхностью суфы тошна в восточной суфе.

Перестроек интерьера в землянке, скорее всего, было больше, так как некоторые обрывки стенок не укладываются в предложенную схему. Кроме того, при разборке конструкций землянки в полу были найдены остатки еще трех тандыров. Все это свидетельствует о длительности существования землянки.

В заполнении землянки было найдено большое количество фрагментов керамики, кости животных, а также множество предметов и их фрагментов из кости, стекла, камня, железа, меди, свинца. Как уже отмечалось, комплекс предметов, находящихся ниже уровня тлена от рухнувшей камышовой крышей, можно отнести ко времени существования землянки I. Комплекс находок достаточно богатый и выразительный. В землянке было много фрагментов поливной ширванской керамики с росписью «сграффито» белого, зеленого, желтого и коричневого цветов, кашинная керамика с бирюзовой и синей поливой, а также росписью люстром, кашинные подвески, бусины, пуговицы. Довольно разнообразно представлены каменные изделия. Кроме стандартных оселков и пряслица это бирюзовая вставка, бусины из опала и горного хрусталя, кусочки гагата и янтаря. Наряду со стеклянными браслетами были найдены обломки тонкостенных стеклянных сосудов – флаконов, кувшинчиков, аламбиков. Здесь же находились фрагменты сфероконусов. Одновременная находка сфероконусов и аламбиков позволяет предположить, что в землянке могло быть какое-то химическое производство. О том, что постройка могла быть не только жилой, но и производственной, свидетельствует также большое количество так называемых костяных «коньков», которые применялись в выделке шкур и тканей (Семенов, 1959).

Землянку № 1 по керамике и стратиграфии можно датировать концом XII–XIII вв. Возможно, она доживает до начала XIV в.

Таким образом, сооружения 39 и 23 являются типичными полуземлянками. Обе они

нежилые. В нижней части (ниже уровня дневного горизонта) стены их были земляными, так как никаких следов облицовки стен найдено не было. Верхняя часть стен сооружения 39 была турлучной. Стены сооружения 23 также были каркасными, но пространство между столбами каркаса было заполнено сырцами и, вероятно, обломками обожженных кирпичей. О перекрытиях никаких данных не имеется. Можно только предполагать, что они были плоскими или односкатными, крытыми камышом.

Близкие по форме и планировке полуземлянки были распространены на территории Хазарского каганата, например, в Саркеле (рис. 7), как в хазарское время, так и позже, когда на развалинах крепости стало проживать славянское население (Белецкий, 1959, с. 45–56; Плетнева, 1996, с. 40–48, 59–69; 2006, с. 17–18, 40–47, 51–55). Правда, у многих из них имеется ряд отличий от самосдельских. В некоторых жилищах жердевые ямки от каркаса стен находились не снаружи, вокруг котлована, а были выкопаны в его дне, то есть заглубленная часть стен имела облицовку. В отдельных постройках имелся один или два столба, поддерживающих крышу. И, наконец, в большинстве полуземлянок были расчищены очаги. Подобные сооружения исследованы и на других поселениях на Дону: Маяцком, Карнауховском и пр. (Ляпушкин, 1958, с. 285–305; Винников, Плетнева, 1998, с. 46–70).

В Волжской Болгарии полуземлянки также являлись распространенным типом жилища. Стенки их обшивались деревом, а в верхней части представляли собой срубы. Крыша была двускатной или шатровой, поддерживаемой центральным столбом. Отапливались помещения печами, которые топились по-черному. Такие полуземлянки известны на Тигашевском, Криушском II городище, Биляре, Джукетау, Болгаре (Хузин, 2006, с. 205–210; Полубояринова, 2016, с. 13–48). Некоторые постройки заглублены в землю на 2 м, т. е. являются землянками (Хузин, 2006, с. 210). В Болгаре полуземлянки прослеживаются вплоть до золотоордынского периода.

Совершенно уникальным сооружением является землянка № 1 на I раскопе Самосдельского городища. Это очень крупное сооружение площадью 26,3 м. Дно котлована заглублено более чем на 2 м. Все стены имеют кирпичную обкладку из крупных обломков обожженных кирпичей. Крыша постройки, возможно, была шатровой, покрытой камышом. Землянка существовала очень долго,

1

2

3

Рис. 6. Землянка № 1: 1 – общий вид с юга; 2 – проход в западной стене;

3 – вид с запада после разборки внутренних конструкций.

Fig. 6. Dugout No. 1: 1 – general view from the south; 2 – passage in the western wall;

3 – view from the west after the dismantling of internal structures.

так как в ее интерьере четко выделяются семь строительных периодов, хотя, скорее всего, перестроек было больше.

Подобные землянки или полуземлянки в Хазарском каганате и Волжской Болгарии неизвестны. Ее можно сравнить с более поздними землянками золотоордынских городов, где

тоже известны достаточно большие постройки площадью 11–32 кв. м. Такие землянки не имели отопительной системы (как и землянка № 1 в первые периоды) и были предназначены для рабов и другого зависимого населения. Землянки меньших размеров с суфами и канами могли служить жилищами индивидуальным

Рис. 7. Полуземлянка в Саркеле (по М.И. Артамонов, 2002)
Fig. 7. Semi-dugout in Sarkel (after M.I. Artamonov, 2002)

семьям беднейшего населения городов (Федоров-Давыдов, 1994, с. 45–46). Но оформление интерьера самосдельской землянки и состав находок, происходящих из нее, свидетельствуют о том, что обитатели ее были довольно зажиточными людьми. По степени комфортности ее можно сравнить с двухкамерной землян-

кой, раскопанной на XI раскопе Селитренного городища. Селитренская постройка состояла из двух помещений, соединенных коридором. Стены обеих комнат были обложены сырцовыми кирпичами. Одна камера не имела отопления, в другой находились суфа и кан (Федоров-Давыдов, 1994, с. 47).

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Из-во фил. Фак. СПГУ, 2002. 560 с.
- Белецкий В.Д. Жилища Саркела – Белой Вежи. / МИА. № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1958. С. 40–135.
- Болдырева Е.М., Васильев Д.В., Зиливинская Э. Д. Юртообразные жилища и постройки X–XII вв. на Самосдельском городище // НАВ. 2020. Т. 19. № 1. С. 211–229.
- Васильев Д.В. Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 189–267.
- Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Из-во Воронежского государственного университета, 1998. 216 с.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. 2008. О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. Т. II. М.: ИА РАН, 2008. С. 224–226.
- Ляпушкин И.И. Карнауховское поселение // МИА. № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1958. С. 315–323.
- Плетнёва С.А. Саркел и шелковый путь. Воронеж: Воронежск ун-тет, 1996. 168 с.
- Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи. Воронеж: Из-во Воронежского государственного университета, 2006. 390 с.
- Полубояринова М.Д. Жилища Болгара // Город Болгар: Жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдинов. М.: Наука, 2016. С. 5–192.
- Семенов С.А. О назначении «коньков» и костей с нарезками из Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75. М.-Л.: АН СССР, 1959. С. 353–362.
- Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996. 100 с.
- Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ, 1994. 232 с.

Хузин Ф.Ш. Городская застройка: жилые дома, хозяйственные постройки и общественные здания // История татар с древнейших времен. (в семи томах). Том II. Волжская Булгария и Великая Степь / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань: Изд-во «РухИЛТ», 2006. С. 205–227.

Информация об авторе:

Зиливинская Эмма Давидовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Россия); eziliv@mail.ru

REFERENCES

Artamonov, M. I. 2002. *Istoriya Khazar (History of the Khazars)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Pedagogical University. (in Russian).

Beletsky, V. D. 1958. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 62. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 40–135 (in Russian).

Boldyreva, E. M., Vasiliev, D. V., Zilivinskaya, E. D. 2020. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 19 (1). 211–229 (in Russian).

Vasiliev D. V. 2015 In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 12 (2), 189–267 (in Russian).

Vinnikov, A. Z., Pletneva, S. A. 1998. *Na severnykh rubezhakh Hazarskogo kaganata. Mayatskoe poselenie (On the Northern Borders of Khazar Kaganate. Mayaki Settlement)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Zilivinskaya E.D., Vasiliev D.V. 2008. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo sezda v Suzdale (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal)* II. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 224–226. (in Russian).

Lyapushkin, I. I. 1958. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 62. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 315–323 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1996. *Sarkel i shelkovyi put' (Sarkel and the Silk Road)*. Voronezh: Voronezh University Publ. (in Russian).

Pletneva, S. A. 2006. *Drevnerusskii gorod v kochevoi stepi (Old Russian Town in Nomadic Steppe)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar: zhilishcha i zhilaia zastroika (Town of Bolgar: Dwellings and Residential Buildings)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–192 (in Russian).

Semenov, S. A. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 75. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 353–362 (in Russian).

Flerov, V. S. 1996. *Rannesrednevekoveye iurtoobraznye zhilishcha Vostochnoi Evropy (Early Medieval Yurt-Shaped Dwellings of Eastern Europe)*. Moscow (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2006. In *Istoriya tatar s drevnejshih времен (v semi tomah) (History of the Tatars since ancient times (in seven volumes))*. 2 Kazan: "RukhIL" Publ., 205–227. (in Russian).

About the Author:

Zilivinskaya Emma D. Doctor of Historical Sciences. Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maklay (IEA), Russian Academy of Sciences. Leninsky Ave., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation; eziliv@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

СВИНЦОВЫЕ СЛИТКИ И ИЗДЕЛИЯ ИЗ МАТЕРИАЛОВ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

©2021 г. Д.В. Васильев

Самосдельское городище в дельте Волги является археологическими остатками города Саксина. Частой находкой здесь являются слитки свинца – как отдельные, так и в виде кладов. Часть слитков имеют правильную геометрическую форму, часть имитируют какие-либо предметы, часть – бесформенные, встречается также много обрезков слитков. Средневековый путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, живший в Саксине, писал, что в торговле жители города используют олово. Вполне вероятно, что он имел в виду именно свинец, так как в средневековой алхимии свинец и олово были тождественны. На материале самого крупного клада свинцовых изделий из полуземлянки XII века общим весом 412,328 кг выделяются категории слитков. Прослежены некоторые соответствия распространённым на средневековом Востоке мерам веса. При этом приходится констатировать, что наблюдается большая весовая погрешность. Лишь небольшое число слитков попадают в определенные весовые нормы. Большая часть слитков клада имеет случайную форму. Лишь геометрически правильные слитки можно распределить по трём группам, которые в целом соответствуют весовым нормам *ратля*, *манна* и большого хорезмийского *манна*. Эти слитки можно условно считать обменными эквивалентами или гирями. Мелкие слитки могли служить средством обмена – «разменной монетой». Более точно весовое и стоимостное соответствие устанавливается для оригинальных изделий – гривнообразного слитка, трапециевидных гирь.

Ключевые слова: археология, городище «Самосделка», город Саксин, средневековье, свинцовые слитки, денежно-весовые нормы, обменный эквивалент.

LEAD INGOTS AND PRODUCTS MADE OF MATERIALS FROM SAMOSDELKA SETTLEMENT

D. V. Vasiliev

Samosdelka settlement in the Volga delta is the archaeological remains of the city of Saqsin. Common finds for this area are lead ingots, both individual and in the form of hoards. Some of the ingots have a correct geometric shape, some imitate certain objects, while others are shapeless, and there are also many ingot pieces. The medieval traveller Abu Hamid al-Garnati, who lived in Saqsin, wrote that the inhabitants of the city used tin ingots in trade. It is likely that he actually meant lead, since in medieval alchemy, lead and tin are identical. The material of the largest hoard of lead products from a semi-dugout of the 12th century with a total weight of 412.328 kg has allowed to identify individual categories of the ingots. A certain relationship has been traced with the measures of weight widespread in the medieval East. In this case, it should be stated that a large weight error is in place. Only a small number of ingots fall within certain weight standards. Most of the ingots in hoard treasure are randomly shaped. Only geometrically correct ingots can be subdivided into three groups, which generally correspond to the weight norms of *ratl*, *mann* and large Khorezmian *mann*. These ingots can be conventionally considered exchange equivalents or weights. Small ingots could serve as a means of exchange, or “fractional coins”. The weight and cost correspondence has been established more precisely for original products – gryvna-shaped ingot, trapezoidal weights.

Keywords: archaeology, Samosdelka settlement, the city of Saqsin, the Middle Ages, lead ingots, weight and monetary standards, exchange equivalent.

Одной из самых частых находок среди материалов Самосдельского городища являются свинцовые предметы. Это как отдельные изделия: отливки разнообразной формы, свинцовые слитки, имитирующие альчики (бараньи астрагалы), свинцовые грузики-пломбы, гирьки, так и бесформенные слитки и выплески. Культурный слой городища довольно сильно насыщен ими. Представля-

ется даже целесообразным уточнить границы распространения культурного слоя городища методом металлодетекции свинца.

За годы исследования Самосдельского городища было найдено множество свинцовых изделий, как в культурных отложениях на раскопах, так и в виде подъёмного материала. Крупные клады свинца неоднократно были обнаружены на территории городища. Так, в

самом начале исследований на памятнике, в 1990 году, крупный клад свинцовых слитков был обнаружен в урезе берегового обрыва в районе паромной переправы. Слитки свинца – свинцовые бесформенные выплески с завёрнутыми краями – были найдены среди обломков керамического хума. К сожалению, данный клад не был взвешен и включён в отчёт. Тем не менее один из авторов настоящей статьи видел эти предметы в момент находки. Большой клад весом около 70 кг был обнаружен на поверхности городища в 2006 году к северо-востоку от раскопа № 1.

Целью данной работы является изучение свинцовых предметов, найденных на городище, и выявление их функционального назначения. Мы попытаемся выявить некоторые закономерности в распределении весовых норм свинцовых изделий, а также определить функциональное назначение этих предметов исходя из их веса и морфологии.

Прежде чем речь пойдёт собственно о свинцовых предметах, необходимо сказать, что авторы исследований на Самосдельском городище неоднократно обосновывали соотнесение его верхних и средних слоёв со средневековым торговым городом Саксином, располагавшимся в дельте Волги в XI–XIV вв. (Васильев, 2004, с. 264–269; Васильев, 2010, с. 338–339; Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003; Зиливинская, Васильев, Гречкина, 2006, с. 24–35; Васильев, Зиливинская, 2011, с. 156–164).

Наличие большого числа свинцовых предметов среди материалов Самосдельского городища обратило на себя внимание в связи со следующими сведениями, которые арабский странствующий правовед и писатель Абу Хамид ал-Гарнати приводит по отношению к городу Саксину (Саджсину): «...И отправился я по морю к стране хазар. И прибыл к огромной реке, которая больше Тигра во много-много раз, она будто море, из которого вытекают большие реки... На ней находится город, который называют Саджсин, в нем сорок племен гуззов, и у каждого племени – отдельный эмир. У них большие дворы, а в каждом дворе – покрытый войлоками шатер, огромный, как большой купол, один вмещающий сто и больше человек. А в городе много купцов разных народностей и чужеземцев и арабов... У них имеет хождение олово (*Курсив мой – Д.В.*), каждые восемь багдадских маннов стоят динар, разрезают его на куски и покупают на него что хотят из фруктов, хлеба и мяса» (Ал-Гарнати, 2000, с. 98–99).

Ещё одно свидетельство об особенностях торговли в городе Саксине мы находим у Ибн-Русте: «...Жители этого города в торговле употребляли свинец (*Курсив мой – Д.В.*) вместо серебряной монеты, так что три багдадских «минна» свинца равнялись одному динару» (Известия ..., 1869, с. 64). Сведения весьма сходные с тем, что сообщает ал-Гарнати, разве что отличается оценочная стоимость динара – либо три минна или манна, либо восемь. Эта ошибка могла вполне произойти из-за схожести написания арабскими цифрами чисел «3» и «8». Весьма вероятно, что Ибн-Русте повторил слова ал-Гарнати.

В связи с тем, что в одном случае идёт речь об олове, а в другом – о свинце, необходимо сделать специальное пояснение. Долгое время свинец и олово называли одним именем – «плюмбум». Алхимики иногда считали олово видоизменением свинца и называли белым (*Plumbum album*) или блестящим (*Plumbum candidum*) свинцом в отличие от обыкновенного черного свинца (*Plumbum nigrum*). Впоследствии название «плюмбум» стали относить только к свинцу. А «белое олово» получило латинское название *stannum*, т. е. «стойкий». Эта же терминология была принята и в арабской алхимии, откуда перешла в Европу. Что касается русского «олово» и созвучных с ним литовского «*alwas*» и прусского «*alwis*», то представители индогерманской теории происхождения языков полагают, что эти названия произошли от латинского «*album*», фигурирующего в названии олова *Plumbum album* (Фигуровский, 1970, с. 50). Таким образом, сходство двух металлов позволяет нам говорить о том, что, скорее всего, мы имеем дело не с разными металлами, а с одним, и именно со свинцом. Хотя, конечно же, в эпоху Средневековья умели различать свинец и олово. Согласно традиционной металлопланетной алхимической символике, оловом управлял Юпитер, а свинцом – Сатурн (Василий Валентин, 2008, с. 410, 414).

В 2005 году на Самосдельском городище в ходе работ на раскопе № 1 была исследована полуземлянка, получившая название «сооружение № 23». В заполнении сооружения № 23 были найдены многочисленные фрагменты керамики, в основном красноглиняной гончарной, кости животных и рыб, рыба чешуя. В заполнении также были найдены фрагменты железных цилиндрических замков с медной оковкой, железные стреловидные пластины – оковки деревянного ларца и большое количество мелких железных и свинцовых

предметов. Сооружение № 23 представляло собой прямоугольную в плане полуземлянку размерами 3,6×2,4–2,8 м. Дно полуземлянки плоское, ровное, с некоторым уклоном к северо-западу. Глубина ямы составляла около 1 м. В нижней её части стенками сооружения являлись земляные стенки ямы. Вероятно, они были оштукатурены глиняным раствором. Такое предположение можно сделать исходя из того, что яма полуземлянки была выкопана в культурном слое и перерезала слой более раннего пожара, таким образом, если бы стенки не были оштукатурены, внутренние конструкции были бы всё время в саже и золе, чего не наблюдалось при расчистке ямы полуземлянки. Снаружи по углам сооружения № 23 были найдены столбовые ямы, являвшиеся, скорее всего, остатками наземных конструкций стен. Можно предположить, что в верхней части стенки сооружения 23 были фахверковыми, т. е. сырцовыми на деревянном каркасе. Вдоль всех четырех стенок ямы была сооружена земляная суфа полукольцевидной формы. Суфа была сделана довольно небрежно. В юго-восточном углу помещения в суфе была сооружена яма неправильной овальной формы размерами 80×40 см и глубиной около 1 м. Яма была наполнена свинцовыми слитками различной формы и размера. Слитки спеклись в единый ком, и между отдельными слитками совсем не было земли. Рядом с этим скоплением свинца лежали 8 крупных слитков пирамидальной и призматической форм. Еще одно скопление больших свинцовых слитков было найдено другой яме, расположенной у северной стены сооружения. Яма была заполнена крупными геометрически правильными свинцовыми слитками. Общий вес свинцовых слитков, обнаруженных в 2005 году, составлял около 289 кг.

В северо-восточном углу сооружения, на суфе располагались два каменных жернова, один на другом. Первоначально предполагалось, что это ручная мельница, но после их снятия в 2007 году выяснилось, что они прикрывают ещё одну яму, получившую номер 220. Яма имела овальную форму, размеры ее 94×66 см. Дно имеет два уровня и понижается в ЮВ части. Глубина ямы 30–35 см. Заполнением являлись свинцовые слитки общим весом 99,5 кг.

В ходе камеральной обработки при взвешивании клада была сделана попытка первичной систематизации слитков. Слитки были распределены по группам исходя из внешних признаков – размеров и формы. Среди найден-

ных предметов были выделены следующие категории: большие геометрически правильные слитки в виде усечённой треугольной пирамиды (их общий вес составил 9,266 кг), большие геометрически правильные трапециевидные слитки (их общий вес – 10,210 кг), большие геометрически правильные слитки в форме многоугольников (общим весом 39,622 кг), большие геометрически правильные слитки в виде призм (их общий вес – 17,430 кг), большие геометрически правильные слитки в виде треугольников (общим весом 3,642 кг), большие «лепёшки» – бесформенные плоские слитки (общий вес слитков в категории 52,417 кг), малые геометрически правильные слитки (их вес составляет 96,128 кг), малые «лепёшки» (общим весом 54,646 кг), бесформенные слитки (общий вес категории 101,141 кг). Многие слитки носили на себе следы разрубания топором, некоторые многие выплески-лепёшки имели подвёрнутые края. Видимо, края заворачивались с целью удобства дальнейшего использования слитков. Кроме описанных выше, выделяются следующие категории: свернутые свинцовые пластины; ромбовидные изделия; круглые слитки; конические отливки; пирамидальные изделия; грузики плоские круглые; грузики в форме круга с отверстием; грузила треугольные; многогранники; слитки полукруглые; прямоугольные слитки; слитки бесформенные с отверстием; слитки волютообразные; предметы неясного назначения, а также единственный в своём роде гривнообразный слиток в виде пластины вытянуто-ромбической формы, на поверхность которого нанесён точечный рисунок. Общий вес этих изделий составил 27,826 кг.

Общий вес свинцового всего клада из сооружения № 23 на Самодельском городище составил 412,328 кг.

Довольно сложно поддаётся интерпретации общее назначение клада в целом. Он состоит из изделий разных категорий – здесь есть и явные гири определённых весовых норм, есть слитки, соответствующие мелким весовым нормам, есть изделия самого разного назначения, есть грузила. Возможно, это был склад сырья для дальнейшей переработки свинца в обменный эквивалент. В пользу этого говорит то обстоятельство, что две ямы из трех, в которых находился свинец, были скрыты. Одна – под двумя каменными жерновами, а другая – под обмазкой суфы. Таким образом, свинец хранился как ценность. На мысль о высокой стоимости

свинца и на использование его в качестве обменного эквивалента наводят также упоминавшиеся выше свидетельства ал-Гарнати и Ибн-Русте.

Нами была выдвинута гипотеза, что веса слитков клада могут совпадать с мерами весов, использовавшимися на мусульманском Востоке.

В процессе камеральной обработки свинцовых находок в археологической лаборатории АГУ было проведено взвешивание каждого предмета. Данные о результатах взвешивания каждого отдельного слитка были занесены в составленную нами базу данных в виде электронной таблицы. Так как слой, в котором было обнаружено сооружение № 23, относится ко времени существования города Саксин (XI–XII вв.), были рассмотрены меры веса, использовавшиеся на территории ближайших областей, с которыми у города Саксина были установлены торговые отношения. Таковыми территориями являются Аравия, Ирак, Иран и входивший в зону культурного влияния Ирана Хорезм.

Из средневековых восточных письменных и археологических источников мы знаем о том, что меры веса монетные и товарные несколько отличались друг от друга. *Дирхам* золотой монетный, вычисленный с точностью до миллиграмма по весу стеклянных гирь, относящихся к 780 г., равен 4,231–4,235 г (Хинц, 1968, с. 11). Он же равняется 1 мискалю. Серебряный дирхам равен 2,9645–2,82 г (Хинц, 1968, с. 12).

Дирхам ал-кайл (*дирхам* товарный, весовой) в Египте равнялся 3,125 г. Классический *мискаль* равняется 4,464 г, а практически египетский *мискаль* составлял 4,68 г (Хинц, 1968, с. 13).

В Ираке и Сирии канонический *мискаль* составлял 4,46 г. *Дирхам* в Ираке представлял собой каноническую величину в 3,125 г (Хинц, 1968, с. 15).

В Иране же вес *мискаля* следовал старой сасанидской мере веса и равнялся 4,3 г. В. Хинц в качестве среднего значения для иранского дирхама указывает величину в 3,2 г, отмечая, что в Иране весовые единицы были несколько выше средних (Хинц, 1968, с. 16). В Хорезме вес *мискаля* равнялся 4,53–4,55 г. (Давидович, 1968, с. 94).

Манн – классическая мера веса, происходящая от греческой мины, равняется 2 ратлям по 130 дирхамов (Хинц, 1968, с. 25). Классический багдадский манн – 812,5 г. В Мекке он приравнивался к ратлю. Манн такого же веса

использовался и в Египте. Сирийский манн – 819 г. Иракский манн имел два значения – 812,5 г. (позднее Средневековье) и 803,56 г. (раннее Средневековье) (Хинц, 1968, с. 26). Из множества иранских маннов, где эта единица веса была очень популярна, для нас актуальны два: малый манн весом в 832 г. (применялся в Ширазе и Ахвазе) и средний манн – 1920 г. (применявшийся в Рее, Джурджане, Табаристане) (Хинц, 1968, с. 27). Все территории, располагающиеся восточнее (Хорезм, Индия, Афганистан), находятся в сфере влияния иранской торговли и метрической системы (Хинц, 1968, с. 28–34).

Ратль (происходит от римской *литры*) – наиболее употребительная мера веса на Востоке. В раннемусульманское время в Мекке ратль был равен 40 дирхамам, то есть равнялся 1,5 кг. Потом вес его снизился до веса 1 багдадского манна, то есть до 812,5 г. Он равняется 12 укийя (унциям) и является 1/100 частью кинтара (Хинц, 1968, с. 34). В Ираке багдадский ратль считался каноническим. Составлял он 130 дирхамов, что равняется 406,25 г (Хинц, 1968, с. 37). 1/20 часть *ратля* — *истар* (20,31), 1/12 часть *ратля* — *укийя* (33,85 г). В Иране ратль всегда заменялся манном и в качестве самостоятельной меры веса не применялся. Хорезмийский ратль в XIV веке весил 1031,25 г. Точно такой же ратль известен и в Сарае на Волге в это же время (Хинц, 1968, с. 38).

Харвар (ослиный выюк) – одна из наибольших весовых единиц, составляет 100 *ратлей*. Для Хорезма эпохи Средневековья он составлял 103,125 кг (Давидович, 1968, с. 101).

Итак, можно на основании этого обзора наиболее употребимых мер веса выбрать самые практичные, которые могут встретиться нам при весовой характеристике слитков из самосдельского свинцового клада. Очевидно, что не стоит брать в качестве сравнительных единиц меры веса монет, поскольку ограниченное хождение серебряной монеты в XI–XII вв. диктовало иные условия ведения торговли. В следующей таблице представлены эти единицы веса и их дробные доли, за исключением *дирхама* и *мискаля* как наиболее мелких единиц.

Для начала попробуем установить закономерности во всей выборке. Взвешивание свинцовых слитков проводилось нами с точностью до 2 граммов, поскольку точнее установить их вес было просто невозможно. Слитки (особенно небольшого размера) покрыты зачастую толстым слоем окислов,

удаление которых значительно меняет их вес. В связи с этим оказалось невозможным определить десятые и сотые доли грамма, которые в значительной степени влияют на результат анализа. Кроме того, самые маленькие слитки, весом менее двух граммов, не были взвешены по отдельности из-за сильной коррозии. Они представляют собой бесформенные кусочки свинца – выплески, брызги. Оформленных изделий среди них нет.

Кроме того, по отношению ко всем слиткам можно отметить одну особенность – выполнены они весьма грубо, зачастую методом многослойного литья в форму, выполненную просто в земле. Таким образом, как нам представляется, говорить о весовых нормах данных слитков можно весьма приблизительно.

Малые веса – от двух до 200 граммов – можно представить в виде двухграммовых диапазонов. Результаты взвешивания и коли-

Таблица 1. Количество слитков разных весов в кладе
Table 1. Number of ingots with different weights in the hoard

Вес, г	2	4	6	8	10	12	14	16	18	20
Кол-во	44	140	99	160	152	117	135	115	183	78
Вес, г	22	24	26	28	30	32	34	36	38	40
Кол-во	91	72	58	72	64	48	62	48	45	37
Вес, г	42	44	46	48	50	52	54	56	58	60
Кол-во	32	32	24	37	23	27	25	23	23	29
Вес, г	62	64	66	68	70	72	74	76	78	80
Кол-во	35	26	25	21	15	18	21	18	18	22
Вес, г	82	84	86	88	90	92	94	96	98	100
Кол-во	24	11	11	10	18	18	14	14	6	9
Вес, г	102	104	106	108	110	112	114	116	118	120
Кол-во	7	17	9	15	9	14	8	8	5	8
Вес, г	122	124	126	128	130	132	134	136	138	140
Кол-во	13	3	10	9	7	7	10	4	9	5
Вес, г	142	144	146	148	152	154	156	158	160	162
Кол-во	4	4	12	6	8	6	7	6	4	7
Вес, г	164	166	168	170	172	174	176	178	180	182
Кол-во	6	4	3	8	2	5	6	8	3	1
Вес, г	184	186	190	192	194	196	198	200	202	204
Кол-во	4	8	3	4	5	4	2	6	4	1
Вес, г	206	208	210	212	214	216	218	220	222	224
Кол-во	6	2	4	3	1	2	1	3	2	2
Вес, г	226	230	234	236	238	240	242	244	246	248
Кол-во	4	2	1	2	4	2	1	1	1	2
Вес, г	250	252	254	256	258	260	262	264	266	268
Кол-во	1	3	3	2	2	4	5	2	2	2
Вес, г	270	272	274	276	280	282	286	288	290	292
Кол-во	4	1	3	2	1	1	1	1	3	1
Вес, г	294	298	302	304	312	314	316	322	324	326
Кол-во	2	1	2	2	1	1	2	1	2	1
Вес, г	328	330	332	336	338	342	344	346	348	350
Кол-во	2	1	3	1	2	1	2	1	1	1
Вес, г	352	354	356	360	362	366	368	370	372	374
Кол-во	3	1	1	2	1	1	1	1	2	1
Вес, г	376	378	384	386	388	390	392	394	396	398
Кол-во	1	1	2	2	5	1	1	4	2	2
Вес, г	400	404	408	412	414	416	422	428	434	438
Кол-во	2	1	2	1	3	1	2	2	1	2
Вес, г	442	454	460	476	480	484	490	496	506	518
Кол-во	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Вес, г	522	526	532	538	548	576	590	592	600	636
Кол-во	1	1	1	1	1	2	1	1	1	1
Вес, г	644	652	662	664	674	682	690	702	710	722

Кол-во	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Вес, г	726	736	746	752	756	762	770	772	782	802
Кол-во	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1
Вес, г	808	812	818	820	830	864	926	938	990	996
Кол-во	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Вес, г	1130	1132	1136	1156	1172	1188	1208	1222	1336	1424
Кол-во	1	2	2	1	1	1	1	1	1	1
Вес, г	1482	1526	1552	1636	1654	2725	2864			
Кол-во	1	1	1	1	1	1	1			

чество слитков каждого веса приведены в таблице:

Как видно из таблицы № 1, количественной зависимости между какими-либо весовыми нормами и количеством слитков не наблюдается, несмотря на то, что можно было бы ожидать «всплески» количества, группирующиеся вокруг популярных на средневековом Востоке единиц веса.

Единственная зависимость тем не менее имеется – с увеличением веса слитков уменьшается их количество. Наибольшее число

слитков выпадает на малые весовые значения. Наименьшее число – на крупные слитки.

Таким образом, мы можем констатировать, что самосдельский клад свинцовых изделий представляет собой случайный набор слитков, основной вес которых приходится на крупные – свыше 100 граммов.

Попробуем охарактеризовать клад в целом и отдельные выделенные нами при взвешивании группы слитков с помощью стандартных показателей описательной статистики Среднее значение веса слитка в кладе –

Таблица 2. Описательно-статистическая характеристика клада
Table 2. Descriptive and statistical characteristics of the hoard

	Кол-во	Макс.	Мин.	Среднее знач.	Мода	Среднее квадратич. отклонение
БГПФ*. Усеченная треугольная пирамида	9	2864	174	921,556		571,7530864
БГПФ. Трапеции	14	1636	304	729,2857	1132	354,3265306
БГПФ. Многоугольники	42	1428	158	625,3333	328	276,5079365
БГПФ. Призмы	27	1208	158	640,963		227,297668
БГПФ. Треугольники	6	772	322	534		165,3333333
МГПФ**	855	442	8	89,40117	22	57,27542013
Большие лепешки	208	2725	34	232,1683	122	125,0951368
Маленькие лепешки	1786	192	2	25,92721	8	18,50949967
Все	2947	2864	2	80,18765	8	80,68893283

*БГПФ – Большие геометрически правильные слитки

**МГПФ – Малые геометрически правильные слитки

80,197765 г – близко к значению 1/10 доли багдадского манна весом в 812,5 г. Однако, скорее всего, это совпадение – слишком уж велико значение среднего квадратического отклонения в целом по всему кладу – 80,68893283 г. Мода составляет 8 г (сотая часть манна иракского или багдадского, или примерно два мискаля).

Наибольшее количество слитков (1786) приходится на категорию «Малые лепёшки» – бесформенные слитки небольших размеров. Настораживает, что веса в данной категории колеблются от 2 до 192 г. Видимо, категорию эту следует дробить на более гомоморф-

ные группы. Среднее значение веса слитка в группе составляет 25,92721 г, которое при показателе вариативности (среднего квадратического отклонения) в 18,50949967 г может колебаться в диапазоне от 44,5 г до 7,43, то есть от одной сотой манна (или примерно от 2 мискалей) до десяти мискалей. Мода в данном случае также составляет 8 г.

В категории «Большие лепёшки», где также очень велик разброс весов, среднее значение веса равняется 232,1683 г, что примерно соответствует, учитывая большое среднее квадратическое отклонение, ¼ манна или хорезмийского ратля.

В категорию «Малые геометрически правильные слитки» вошло 855 слитков – это вторая по численности слитков категория. Среднее значение в данной категории – 89,40117, что примерно соответствует 1/10 части манна (с учётом среднего квадратического отклонения).

Категория «Большие геометрически правильные слитки – треугольники» представлена 6 предметами. Средняя величина веса слитка составляет 534 грамма, среднее квадратическое отклонение – 165,3333 г. Это укладывается в весовую норму половины манна.

Категория «Большие геометрически правильные слитки – призмы» состоит из 27 слитков. Среднее значение веса – 640,963 г, среднее квадратическое отклонение 227,298 г. Веса этой категории также можно условно приравнять к половине манна или хорезмийского ратля.

Категория «Большие геометрически правильные слитки – многоугольники» представлена 42 слитками. Весовые соотношения весьма схожи с вышеописанной категорией – среднее значение веса слитка составляет 625,333 г, среднее квадратическое отклонение – 276,5079 г. Как и в предыдущем случае, мы можем условно приравнять веса слитков этой категории к половине манна или хорезмийского ратля. Между тем в этой и предшествующей категории веса колеблются в диапазоне от одной шестой манна до двух маннов (с учётом погрешности).

Категория «Большие геометрически правильные слитки – трапеции» включает в себя 14 слитков. Средний вес составляет 729,2857 г, что приближается по значению к манну. При этом среднее квадратическое отклонение составляет 354,326 г. Реальный вес слитков варьируется от 304 до 1646 г, то есть от половины манна до двух маннов (с учётом погрешности).

Категория «Большие геометрически правильные слитки – усечённые треугольные пирамиды» включает в себя 9 слитков. Средний вес слитка в категории составляет 921,556 г, что является условной величиной – здесь это наиболее ярко и наглядно видно, так как разброс реальных весов слитков очень велик – от 174 г до 2864 г.

Итак, несмотря на то, что ряд средних показателей в группах совпадает иногда с восточными мерами веса, мы можем сказать, что группы выделены условно, так как не прослеживается зависимость между весо-

выми нормами и формой слитков. Исходя из данных таблицы № 3, можно сказать следующее: разрыв минимальных и максимальных значений в каждой группе очень велик. Величина и геометрически правильная форма слитка – это, как выясняется, не определяющий показатель. Или за геометрической формой слитков скрывается какая-то иная зависимость, не весовая. Веса разных групп в значительной мере дублируют друг друга.

Попробуем поработать с имеющимися группами иным способом. Объединим все большие геометрически правильные слитки в одну группу, сохраним группу малых геометрически правильных слитков и объединим малые и большие «лепёшки» также в одну группу. Итого у нас получится три группы слитков. Для того, чтобы показатели стали наглядными, мы будем строить гистограммы распределения веса слитков в группах.

Начнём с группы «Большие геометрически правильные слитки». В группу входит 98 слитков. Вес слитков в группе 65 278 г. Разобьём веса слитков в группе на искусственные диапазоны по 100 граммов и подсчитаем количество слитков в каждом диапазоне. Это позволит несколько усреднить вес слитка и в то же время определить, какие весовые нормы внутри группы являются определяющими. Результат отобразим на гистограмме (рис. 1).

Гистограмма имеет три пика и в целом смещена влево. Один слиток весом в диапазоне от 2800 г до 2899 г (а точнее – 2864 г) стоит отдельно, что явно указывает на его искусственное включение в данную группу. Он приближается по весу к большому иранскому (тебризскому) манну весом ровно в 3000 г, который введён в обращение с середины XIV века (Хинц, 1968, с. 27), или трём маннам.

Три пика соответствуют весам 300–399 г (к нему примыкает пик, соответствующий весовому диапазону в 400–499 г), 700–799 г (слева к нему примыкает пик средней высоты, соответствующий диапазону 600–699 г, а справа – пик, соответствующий диапазону 800–899 г, а также средней высоты пик 900–999 г), 1100–1199 г. Устойчивое попадание весов слитков в эти промежутки мы игнорировать не можем. Наверняка здесь мы имеем дело с реально существовавшими устойчивыми весовыми единицами.

Первый пик на гистограмме соответствует весовому диапазону от 300 до 499 г, что можно в целом соотносить с весовой нормой ратля.

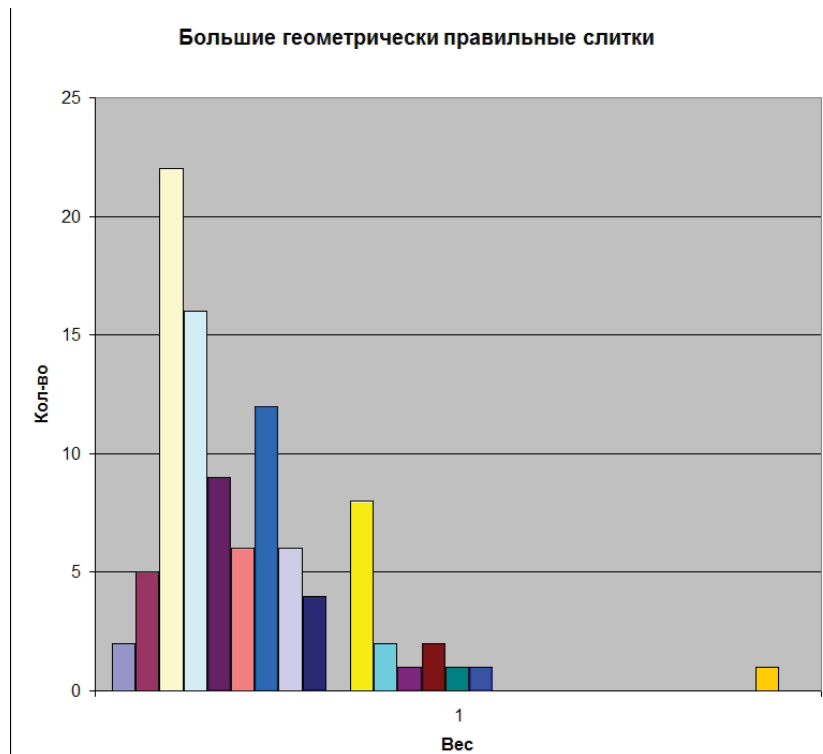

Рис. 1. Гистограмма распределения веса в группе «Большие геометрически правильные слитки»
Fig. 1. Histogram of weight distribution in the group “Large geometrically correct ingots”

Второй пик гистограммы соответствует весовому диапазону от 600 до 899 г, что условно можно соотнести с весовой нормой манна.

Третий пик гистограммы в диапазоне 1100–1199 г соответствует, на наш взгляд, большому хорезмийскому ратлю. Надо отметить здесь, что в Ургенче XIV в. один манн составлял 1188 г (Хинц, 1968, с. 32).

Теперь проведём такой же анализ группы «Малые геометрически правильные слит-

ки». В группу входит 1786 слитков. Общий вес слитков данной группы составляет 46 306 г. Поскольку веса слитков в данной группе значительно меньше, чем в вышеописанной, выстроим значения этих весов по возрастанию и разобьём на диапазоны по 4 г. Количество слитков, вошедших в каждый диапазон, подсчитаем и построим результирующую гистограмму (рис. 2).

Распределение весов малых геометрически правильных слитков

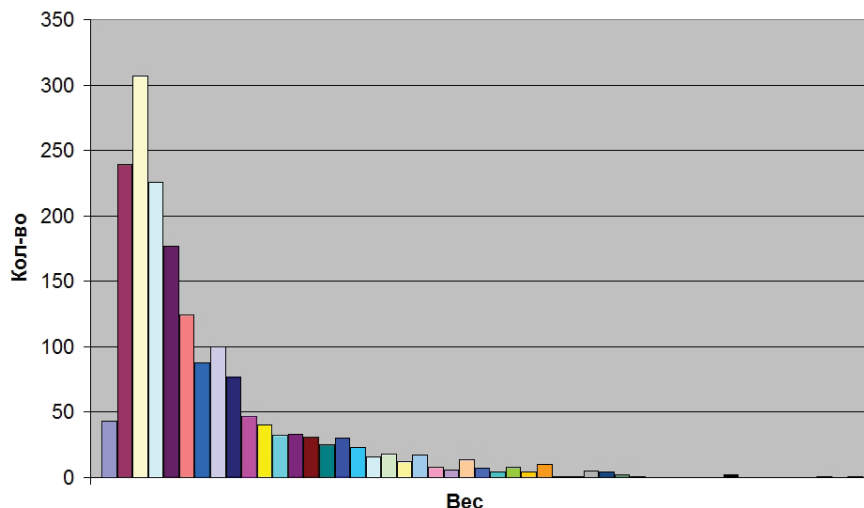

Рис. 2. Гистограмма распределения веса в группе «Малые геометрически правильные слитки»
Fig. 2. Histogram of weight distribution in the group “Small geometrically correct ingots”

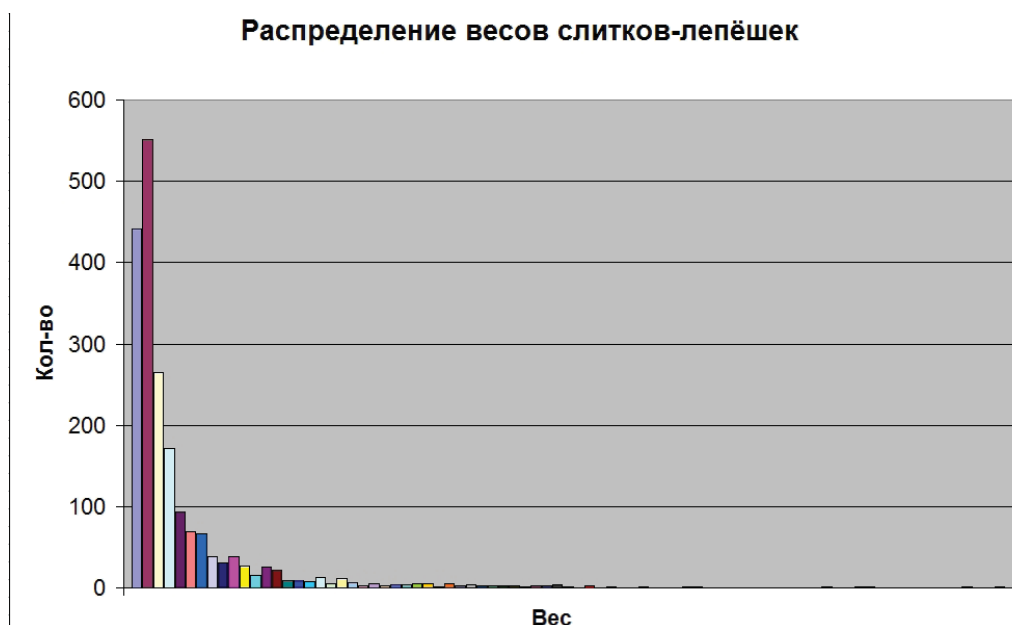

Рис. 3. Гистограмма распределения веса в группе «Слитки-лепёшки»

Fig. 3. Histogram of weight distribution in the “Ingots-pastilles” group

Гистограмма одновершинная, вершина смещена влево. Пик приходится на диапазон 8–11,9 г. Прилегающие к нему весовые диапазоны мы можем объединить – укрупнить диапазон, включив в него все четырёхграммовые диапазоны, в которые вошло более чем по 100 слитков. Получается один большой диапазон от 4 до 24 граммов, в который войдёт 1073 слитка из 1786, вошедших в данную группу, то есть более половины. Данный диапазон охватывает веса, соответствующие мискалю (4,3–4,55 г). В него же входят слитки весом в 2 мискаля, которые составляют наибольшее количество слитков в группе, а также слитки весом около 1 багдадского истара (20,31 г). Интересно отметить, что большое количество слитков (100 шт.) попадает в интервал от 28 до 32 г, что близко к весовому значению багдадской укии.

Слитки меньшего веса – от 2 до 4 г, которые соответствуют весу дирхама, относительно немногочисленны в данной группе.

Если объединить в одну группу все слитки-лепёшки, то получится довольно неоднородная группа бесформенных слитков весом от 2 г до 2725 г. Общее количество слитков составит 1994 шт., общий вес – 94 597 г. Разобьём данную группу на весовые диапазоны по 10 г. Сразу оговоримся, что три самых крупных слитка весом 1526 г, 1654 г и 2725 г. выбиваются из группы, поскольку веса слитков в ней не нарастают постепенно до полутора – двух с половиной килограммов – такая постепенность наблюдается в диапазоне от 2 г до 808 г. Далее следует значительная

лакуна, завершают которую данные слитки. Вероятно, эти слитки должны были бы относиться к иной категории, если бы они имели геометрически правильную форму. Их веса приблизительно соответствуют большому и среднему иранским маннам.

Остальные слитки мы распределили по весовым диапазонам с шагом в 10 г. Такой размер диапазона обусловлен количеством слитков и разбросом их весов. В целом распределение количества слитков по весовым группам приведено на следующей гистограмме (рис. 3).

Пик её приходится на весовой диапазон от 10 до 19 граммов (551 слиток). В группу также входит большое число слитков весом от 0 до 9 граммов (442 шт.). В целом же наибольшее количество слитков (1430 шт.) приходится на диапазон от 0 до 39 г. Это вполне согласуется с распределением весов в группе малых геометрически правильных слитков.

Необходимо отметить, что общий вес всех слитков клада, который, как мы уже указывали, составляет 412,328 кг, почти точно соответствует 4 хорезмийским харварам. Вес одного харвара – 103,125 кг (Давидович, 1968, с. 105). Вполне вероятно, что это наблюдение окажется в будущем важным.

Ещё один вопрос необходимо прояснить в связи с предположением о том, что свинцовые слитки могли служить денежным эквивалентом для населения Самосдельского городища. В приведённой выше цитате из сочинения ал-Гарнати говорится, что каждые 8 багдадских маннов стоят динар (т. е. золотую моне-

Рис. 4. Гривнообразный слиток с орнаментом
Fig. 4. Ornamental grivna-shaped ingot

ту). Один динар равнялся 15 дирхамам (монетам). Принимая во внимание всю условность этих построений, мы можем предположить, что 6500 граммов свинца (8 багдадских маннов по 812,5 г) равняются по стоимости одному динару. Таким образом, примерно 433,33 г свинца соответствуют одному серебряному дирхаму (монете). Общая стоимостьклада из сооружения № 23 может примерно составлять 63,435 золотых динара, или 951,526 дирхамов, что представляет весьма значительную сумму.

Так, например, на один дирхам в X веке можно было купить 4 манна мяса, более 5 кг пшеницы, от 7 до 12 кг ячменя, около 40 кг фиников. Кувшин стоил 0,5 дирхама, метр полотна – 2 дирхама. Скромное существование супружеской четы в год обошлось бы в 300 дирхамов (Фёдоров, 1972, с. 73–81).

Стоимость слитков весом от 2 до 8 граммов, таким образом, могла быть вполне достаточной для осуществления обменных операций, и исходя из этого, они вполне могли служить эквивалентом мелкой разменной монеты.

Весьма интересными находками, которые были совершены как в раскопе, так и вне его, являются слитки правильной формы в виде прямоугольной в основании усечённой пирамиды. Эта форма, конечно же, лишь относительно правильная, насколько она может быть правильной при отливке в неровной земляной матрице методом многослойного литья (форма заполнялась расплавленным свинцом в несколько приёмов). Самый большой слиток, весом в 4164 г, был обнаружен в береговом урезе городища, где он был вымыт рекой из культурного слоя. Множество слитков – меньших размеров, но близких по форме – было обнаружено в культурных слоях XI–XII вв. Их веса колеблются в диапазонах, позволяющих предположить наличие десятикратной пропорции, соотносящейся с весом мискаля (около 4 г), и наличие кратных ему весовых норм – 10 мискалей (около 40 г) и 1000 мискалей (около 4000 г). (рис. 7) Вес самых малень-

ких слитков в этой категории составляет 42 г и 4 г. Кроме того, вес большого слитка примерно равняется вычисленному нами свинцовому эквиваленту десяти серебряных дирхамов. Таким образом, слитки, кратные данному весу, также можно расценивать в качестве денежных и весовых эквивалентов.

В составеклада из сооружения № 23 встречаются трапециевидные слитки, которые также можно назвать гириями. Веса этих слитков – 658 г, 536 г, вес трёх небольших трапециевидных слитков – 76 г, 76 г и 70 г. Очевидно, что здесь мы наблюдаем иную весовую зависимость. Слиток в 658 граммов примерно соответствует весу трёх средних иранских маннов. Слиток в 436 г – примерно весу 4 средних иранских маннов или весу двух малых маннов. Слитки же весом 70–80 г приблизительно соответствуют 1/10 доле малого манна. С учётом грубости отливки (которая производилась в открытые, чаще всего земляные, формы, что видно по поверхности слитков) можно сказать, что предполагаемые гири или весовые слитки лишь очень приблизительно соответствуют весовым прототипам, наверняка высокой точности никто не стремился добиться – недостающие доли весовых норм можно было получить, подкладывая на весы срезки или обрубки с бесформенных слитков. Однако в таком случае в меновой торговле должны были применяться какие-то эталонные гири из того же свинца или из железа. Тем не менее они до сих пор не были найдены на городище.

Большой интерес вызывает слиток весом в 390 г, что приблизительно соответствует ратлю (около 400 г), или 0,9 серебряного дирхама по стоимости. Изделие представляет собой толстую пластину вытянуто-ромбической формы (рис. 4), которая расширяется к середине. Длина 15,5 см, ширина у одного края 2,7 см, у другого края – 2,3 см, ширина посередине – 3 см, толщина пластины – около 1 см. Узкие концы закруглены и имеют выступающие

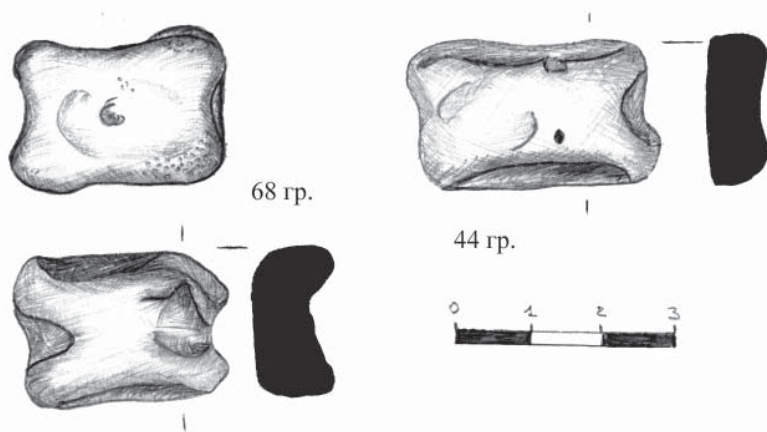
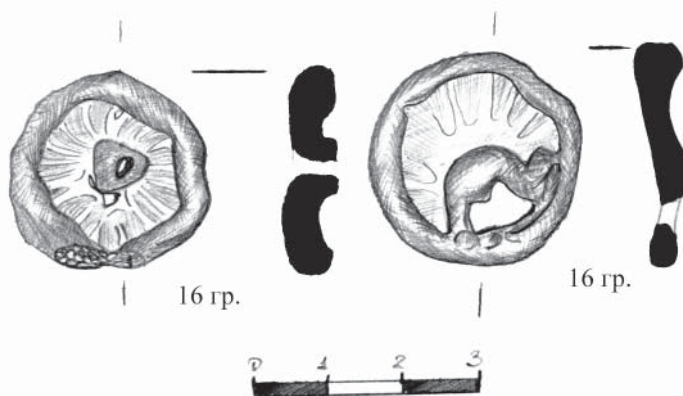

Рис. 5. Свинцовые слитки в виде бараньих альчиков
Fig. 5. Lead ingots in the form of lamb astragal

Рис. 6. Свинцовые торговые пломбы
Fig. 6. Lead trade seals

вверх края. На поверхность пластины нанесён орнамент точками-углублениями. По центру слитка располагается орнаментальный круг с углублением в центре, выполненный точками в виде двух концентрических окружностей. Два аналогичных круга располагаются справа и слева на некотором расстоянии от центрального. Между боковыми кругами и центральным нанесены орнаменты в виде четырёх пересекающихся прямых линий, образующих две пары пересекающихся крестов – прямых и косых. На концах пластины нанесены симметричные орнаменты в виде равнобедренных треугольников, обращённых острыми углами к концам слитка. Внутри треугольники разделены медианами. От углов основания к середине медианы проведены линии. Линиями, параллельными основанию, также отделяется верхняя треть треугольника. Данное изделие, безусловно, является оригинальным и не имеет аналогий. Мы можем лишь предполагать, что этот слиток, по форме близкий к ладьевидным гривнам или денежным слиткам-«сомам», имел такое же назначение.

Помимо этого, в составе клада были обнаружены 2 довольно грубые отливки в виде альчиков весом соответственно 68 и 44 г. (рис. 5), а также 2 грузика-пломбы, также выполненных грубо и небрежно, весом по 16 г каждая (рис. 6)

В 2011 году на поверхности городища у северо-западного угла раскопа № 2 был обнаружен крупный слиток свинца весом 15 900 г. Он представляет собой полукруглую отливку, совершённую в неровную чашевидную яму, выкопанную в земле. Полукруглая форма и следы поперечного разрубания позволяют предположить, что это лишь половина круглого слитка весом около 32 кг. Практически полное соответствие веса слитка-половинки русскому пуду, а также тот факт, что он был обнаружен на поверхности городища, позволяют предположить, что данный слиток был отлит в русское время, когда на территории городища существовал рыбозавод. Тогда этот слиток мог использоваться, например, как гнёт при засолке рыбы. В то же время не исключено, что данный слиток представляет собой единицу веса в 20 маннов, соответственно, вес полного слитка составлял около 40 маннов.

Статистические наблюдения, проведённые нами, а также обзор свинцовых изделий позволяют сделать следующие предварительные выводы:

1. На материале клада свинцовых изделий из сооружения № 23 с раскопа № 1 прослеживаются некоторые приближённые соответствия части слитков распространённым на средневековом Востоке мерам веса.

Рис. 7. Свинцовый трапециевидный слиток. Вес – 4164 г.

Fig. 7. Lead trapezoidal ingot. Weight – 4164 g.

2. Подсчитать общее количество слитков, соответствующих тем или иным мерам веса, не представляется возможным из-за большой весовой погрешности и условности их отнесения к тем или иным весовым категориям.

3. Можно констатировать, что слитков, попадающих в определённые весовые нормы в составеклада, – меньшинство.

4. Большая часть слитковклада является случайными слитками – выплесками, отливками. Веса этих слитков распределяются в соответствии с закономерностью «чем больше вес слитков – тем меньше их количество».

5. Веса слитков не группируются вокруг значений весовых норм ни в одной группе, кроме группы больших геометрически правильных слитков, где прослежены три подгруппы изделий, которые в первом приближении соответствуют весовым нормам ратля, манна и большого хорезмийского манна.

6. Слитки из группы больших геометрически правильных можно, таким образом, условно считать обменными эквивалентами или гириями.

7. Мелкие слитки также могли служить средством обмена.

8. Весовое и стоимостное соответствие устанавливается для оригинальных изделий – гривнообразного слитка, трапециевидных гирь.

Причину появления большого количества свинцовых слитков на Самосдельском городище мы можем предположительно объяснить использованием их в виде обменного эквивалента (денег) в условиях «серебряного голода» вследствие экономического кризиса на Востоке и прекращения чеканки дирхемов

(Ильин, 1924, с. 3). Теперь считается установленным, что основными причинами серебряного кризиса на Востоке являлись: а) интенсивный отлив серебряных монет-дирхемов в предшествующее кризису время за пределы эмитента, главным образом в Восточную Европу, пропорционально чему происходило истощение запасов этого металла у его экспортеров (вывозимое серебро оседало там и больше не возвращалось обратно: к этому времени относится множество монетных кладов, порою очень внушительных, обнаруживаемых на территории России, Скандинавии, западноевропейских стран); б) диаметрально противоположно этому усиливалась нужда в средствах обращения на внутреннем рынке Халифата в связи с бурным ростом городов, расширением товарного производства и торговли – всё это настойчиво требовало увеличения количества денег в обращении (Раджабли, 1997, с. 42). В этот период наблюдается порча монеты – уменьшение доли серебра в сплаве вплоть до полного его исчезновения и замены медью.

Видимо, свинцовые слитки Самосдельского городища, призванные обсуживать нужды внутреннего саксинского рынка, были адекватным ответом на нехватку драгоценных металлов и монет из них. Если принять во внимание количество слитков, обнаруженных на Самосдельском городище, и предположить, что большая часть этих слитков служила заменой серебряным монетам, то мы можем утверждать, что внутренний обмен на рынках города Саксина имел значительную интенсивность.

ЛИТЕРАТУРА

Василий Валентин. Алхимические трактаты / Пер. В. фон Эрцен-Глерона. Киев: Автограф, 2008. 592 с.

Васильев Д.В. О местоположении города Саксин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция (г. Волгоград, 1-5 ноября 2004 г.). Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 264–269.

Васильев Д.В. Результаты изучения слоёв золотоордынского времени на Самосдельском городище в дельте Волги (по материалам раскопа №2) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: Материалы XVIII Уральского археологического совещания / Науч. ред. Г.Т. Обыденнова и др. Уфа: БГПУ, 2010. С. 338–339.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 83–122.

Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д. К вопросу об интерпретации Самосдельского городища на разных этапах его существования // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Отв. ред. Д. В. Васильев. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 156–164.

Давидович Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. // Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Давидович Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М.: Наука, 1970. С. 79–122, 132–143.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000-2004 гг. // РА. 2006. № 4. С. 24–35.

Из глубины столетий / Сост., вступительные статьи и комментарии Б.Л. Хамидуллин. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. 271 с.

Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Дада, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1869. 199 с.

Ильин А.А. Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода. Л.: Российская государственная академическая типография, 1924. 63 с.

Раджабли А. Нумизматика Азербайджана. (Очерки истории монетного дела и денежного обращения Азербайджана). Баку: Элм ве Хаят, 1997. 232 с.

Федоров М.Н. Еще о покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных с нею странах в IX–XII вв. // СА. 1972. №2. С. 73–81.

Фигуровский Н.А. Открытие элементов и происхождение их названий. М: Наука, 1970. 207 с.

Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. // Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Давидович Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 9–78, 132–143.

Информация об авторе:

Васильев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, Руководитель Школы «Археология Нижнего Поволжья», Астраханский государственный университет (г. Астрахань, Россия); hvdv@mail.ru

REFERENCES

- Vasily Valentin. 2008. *Alkhimicheskie traktaty (Alchemical Treatises)*. Kiev: "Avtograf" Publ. (in Russian).
- Vasiliev, D. V. 2004. In *Problemy arkheologii Nizhnego Polozh'ia (Issue of the Archaeology of the Lower Volga Region)*. Volgograd: Volgograd State University, 264–269 (in Russian).
- Vasiliev, D. V. 2010. In Obydennova, G. T. et al. (eds.). *XVIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: kul'turnye oblasti, arkheologicheskie kul'tury, khronologiya (18th Ural Archaeological Conference: Cultural Areas, Archaeological Culture, Chronology)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University, 338–339. (in Russian).
- Vasiliev, D. V., Grechkina, T. Yu., Zilivinskaya, E. D. 2003. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 3. Polovetsko-zolotoordynskoe vremia (The Cuman-Golden Horde Period)*. Donetsk: Donetsk National University, 83–122 (in Russian).
- Vasiliev, D. V., Zilivinskaya, E. D. 2011. In Vasiliev, D. V. (ed.). *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: "Sorokin R.V." Publ., 156–164 (in Russian).
- Davidovich, E. A. 1970. In Hinz, W. *Musul'manskije mery i vesa s perevodom v metricheskuiu sistemu (Muslim Weights and Measures with Conversion to the Metric System)*. Davidovich, E. A. *Materialy po*

metrologii srednevekovoi Srednei Azii (Materials on the Metrology of Medieval Central Asia). Moscow: "Nauka" Publ., 79–122, 132–143 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D., Vasiliev, D. V., Grechkina, T. Yu. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 24–35 (in Russian).

Khamidullin, B. L. (ed.). 2000. *Iz glubiny stoletii (From the Depths of Centuries)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Khvol'son, D. A. 1869. *Izvestiia o Khazarakh, Burtasakh, Bolgarakh, Mad'iarakh, Slavianakh i Russakh Abu Ali Akhmeda Ben Omar Ibn-Dasta, neizvestnogo dosele arabskogo pisatel'ia nachala X veka, po rukopisi Britanskogo muzeia (News of the Khazar, Burtas, Bulgar, Magyar, Slavs and Russ by Abu Ali Ahmed ben Omar ibn Dasta, Hitherto Unknown Arabic Writer of the Beginning of the 10th Century, the Manuscript of the British Museum for the First Time Published)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Il'in, A. A. 1924. *Topografiia kladov drevnikh russkikh monet X–XI vv. i monet udel'nogo perioda (Topography of the 10th–11th Century Hoards of Ancient Russian Coins and the Coins of the Period of Independent Principalities)*. Leningrad (in Russian).

Radzhabli, A. 1997. *Numizmatika Azerbaidzhana (Ocherki istorii monetnogo dela i denezhnogo obrashcheniia Azerbaidzhana) (Numismatics of Azerbaijan. (Essays on the History of Coinage and Monetary Circulation of Azerbaijan)*. Baku: "Elm veKhaiat" Publ. (in Russian).

Fedorov, M. N. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 73–81 (in Russian).

Figurovsky, N. A. 1970. *Otkrytie elementov i proiskhozhdenie ikh nazvanii (Discovery of Elements and the Origins of their Names)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Hinz, W. 1970. In Hinz, W. *Musul'manskie mery i vesa s perevodom v metrisheskuiu sistemu (Muslim Weights and Measures with Conversion to the Metric System)*. Davidovich, E. A. *Materialy po metrologii srednevekovoi Srednei Azii (Materials on the Metrology of Medieval Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 9–78, 132–143 (in Russian).

About the Author:

Vasiliev Dmitry V. Candidate of Historical Sciences. Astrakhan State University. Tatischev St., 20a, Astrakhan, 414056, Russian Federation; hvdv@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

УДК 902, 913

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.269.272>**НОВЫЕ ДАННЫЕ К ТОПОГРАФИИ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА**

© 2021 г. Е.М. Пигарев

В статье рассматриваются вопросы, связанные с топографией Селитренного городища, являющегося остатками золотоордынской столицы – города Сарай ал-Джедид. Автором дана краткая характеристика работ Ф.В. Баллода и В.Г. Рудакова, посвященных изучению топографии и хронологии памятника. Приводится информация, полученная в 2019–2020 гг. в ходе археологических исследований на территории села Селитренное, которая дополняет и корректирует выводы коллег.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Селитренное городище, Сарай ал-Джедид, топография, хронология, некрополь, керамика.

NEW DATA ON THE TOPOGRAPHY OF SELITRENNOE SETTLEMENT**E.M. Pigarev**

The paper discusses the issues related to the topography of Selitrennoe settlement, which is the remains of the Golden Horde capital of Saray al-Jedid. A brief description of the works by F.V. Ballod and V.G. Rudakov concerned to the study of the topography and chronology of the monument is provided by the author. The information obtained in 2019–2020 in the course of archaeological studies in the territory of Selitrennoe village is presented, which complements and corrects the conclusions of the colleagues.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Selitrennoe settlement, Saray al-Jedid, topography, chronology, necropolis, ceramics.

Селитренное городище является крупнейшим в России археологическим памятником золотоордынской эпохи, в научном мире оно связывается с остатками столицы Улуса Джучи – городом Сарай ал-Джедид. В XVIII–XIX вв. в период изучения территории Российской империи оно неоднократно посещалось учеными и путешественниками, оставившими первые его описания. Научное изучение городища началось в конце XIX в. с работ К.Н. Малиновского и А.А. Спицына, в 20–30-х гг. XX в. исследование было продолжено Ф.В. Баллодом и П.С. Рыковым.

В 1965 году для изучения золотоордынского городища, находящегося близ села Селитренное Астраханской области, в Поволжской археологической экспедиции Института археологии АН СССР/РФ был создан Селитренский отряд. С середины 1970-х гг. Селитренное городище стало основным объектом исследований этой экспедиции.

С 1993 г. работы на Селитренном городище проводятся Поволжской археологической экспедицией Марийского государственного университета, а с 2006 г. по настоящее время золотоордынская столица изучается совместной экспедицией Марийского государственного университета и Института Археологии им. А.Х. Халикова АН РТ.

Селитренное городище расположено на левом берегу реки Ахтубы, простираясь вдоль реки на 7 км, а вглубь степи до 2 км. Городище

находится в степи, пересеченной Бэровскими буграми, образующими цепочки из всхолмлений и ложбин между ними. Цепи бугров ориентированы по линии ЮЗ–СВ. Бугры являются естественными ориентирами для выделения различных районов города. Городище имеет площадь 2061,5 га, 200 га из которых занимает современное село Селитренное. Общая площадь, вскрытая исследовательскими раскопами, составляет около 30000 м².

Археологический материал Селитренного городища, полученный в ходе раскопок, отражен в многочисленных научных статьях и монографиях. Однако научных исследований, посвященных топографии золотоордынской столицы, достаточно немного.

Первым, кто коснулся вопросов топографии городища, был Ф.В. Баллод, который летом 1922 г. проводил первые научные раскопки памятника (Баллод, 1923, с. 14–30). Им впервые был снят глазомерный план Селитренного городища, налажено порайонное собирание монет, произведена классификация находок, раскопано и изучено десять сооружений различного назначения. Вся площадь средневекового города была условно разбита Ф.В. Баллодом на семь районов, каждому из которых он дал социальную характеристику. Учитывая, что ко времени проведения работ на Селитренном городище экспедицией Ф.В. Баллода, городище являлось совершенно неизученным памятником, его выводы о

топографических особенностях города были вполне закономерны и объективны для начала XX в. Конечно же, исследования следующих десятилетий с применением не только археологических методов, но и с использованием современной техники и новейших технологий во-многом изменили понимание топографии золотоордынской столицы. Но первый шаг был сделан именно Ф.В. Баллодом. Тем не менее выделение им из городской территории района III, так называемого «Черепяного поля», и предложенная его характеристика и в настоящее время считаются обоснованными и не подвергаются критике. Также им были предложены вполне корректные описания районов V и VI, характеристика которых во многом была подтверждена раскопами ПАЭ в 1970–1980-х гг.

Следующим исследователем, который занялся изучением топографии Селитренного городища, был В.Г. Рудаков, защитивший в 2007 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Селитренное городище: хронология и топография» (Рудаков, 2007, с. 47–177). Эта работа в настоящий момент является единственным полноценным исследованием топографии золотоордынского города. Исследователь, на основании проведенных им в 2002–2003 гг. археологических разведок, предложил реконструкцию жизни и характера застройки на различных участках города в первой трети XIV – начале XV вв. При разделении общей городской территории на районы Рудаков В.Г. использовал естественные природные границы – цепочки бугров Бэра, пересекающие город. Им выделены и охарактеризованы 15 районов внутри городской застройки и 8 районов, входящих в ближайшую округу городища. Также им очерчены границы городской застройки, определены центральная и окраинные части города, рассмотрены окрестности Селитренного городища. Рудаков В.Г. отмечает, что северо-западная и юго-восточная части городища выделяются высокой концентрацией мастерских, в частности гончарных и кирпичеобжигательных. А наиболее заселенной, судя по насыщенности подъемного материала и мощности культурного слоя, являлась территория между Красным бугром и Кучугурами. Вслед за Ф.В. Баллодом, он приходит к выводу, что этот район являлся центром города. Расширение географии раскопов, произошедшее за последнее десятилетие, и полученная в связи с этим информация вносят (не изменяя корен-

ным образом) определенные коррективы в топографическую модель, предложенную В.Г. Рудаковым.

Объемы журнальной статьи не позволяют дать подробную характеристику исследованиям, проведенным на Селитренном городище за последние годы (Пигарев, 2019, с. 35–40). Помимо археологических методов исследования, на памятнике применялись и современные высокотехнологичные неконтактные методы изучения археологических памятников (ДЗЗ, магнитометрия), позволившие охватить огромные (по археологическим меркам) площади средневекового города. В своей работе мы остановимся на работах 2019–2020 гг., проведенных нами на территории села Селитренное.

В 2019–2020 гг. на территории села Селитренное в связи с прокладкой газораспределительных сетей были проведены масштабные археологические исследования¹. В ходе этой работы было заложено 12 раскопов и 407 исследовательских шурфов общей площадью 2276 м². Кроме того, была получена информация из более 3000 пробуренных под опорные стойки газопровода скважин, равномерно распределенных по всем сельским улицам. Эти исследования дали возможность подробно изучить территорию села и составить карту распространения культурного слоя эпохи Золотой Орды, скрытого современной сельской застройкой.

Анализ вещевых находок и различного рода археологических объектов дал возможность отметить некоторые закономерности топографии и хронологии Селитренного городища (рис. 1).

В южной части села большая часть обнаруженных конструкций была выполнена из сырцовых кирпичей. В культурном слое и в заполнении ям фиксируется низкая встречаемость обломков обожженного кирпича и архитектурного декора. Кроме того, здесь также небольшую долю имеют фрагменты глазурованной глиняной и кашинной посуды, практически не встречается керамический импорт. Мощность культурного слоя в этом районе достаточно невелика и составляет (за исключением ям) 20–25 см.

Парадная керамика, импортная посуда, архитектурный декор и сооружения из обожженного кирпича и с различными элементами внутреннего интерьера в массе начинают встречаться в центральной и северной частях села. Здесь же возрастает до 40–50 см и общая мощность культурного слоя.

с юга территории). Промышленный район и жилая застройка, находящиеся к югу от бугра Маячный, после "Великой замятни" покидаются людьми, и активная жизнь здесь затухает.

Юго-восточная окраина городской застройки условно фиксируется в 100 м восточнее современной автотрассы Астрахань – Волгоград и представлена редкими, небольшого размера строениями из сырцового кирпича. Культурный слой на этом участке имеет мощность, вне ям, всего до 10–15 см.

Кроме того, проведенные в 2019–2020 гг. исследования на территории села позволяют скорректировать юго-западную границу городища, а именно линию берега реки Ахтуба. Стратиграфические наблюдения показали, что ложбины (низовые участки) между буграми Больничный и Маячный, Маячный и бугор с горнами в период существования города не

застраивались, т. к. являлись частью речного русла – небольшими затонами. В последующие столетия в связи с перемещением речного русла на запад и движением грунтов образовалась современная линия берега, на которой в настоящее время расположены две сельские улицы (ул. Набережная и ул. Гагарина). Шурфовка и бурение показали здесь отложения илистых суглинков и речного песка, насыщенного раковинами, при полном отсутствии культурного слоя.

В итоге необходимо отметить, что к настоящему времени представление о топографии Селитренного городища обрело вполне законченные формы; определены границы городской застройки, локализованы производственные районы и большая часть городских некрополей. Будущие исследования позволят скорректировать хронологию отдельных участков золотоордынской столицы.

Примечание:

¹ Научный отчет о проведенных в 2019–2020 гг. исследованиях находится в производстве.

ЛИТЕРАТУРА

Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (Результаты археологических работ летом 1922 года). Казань, 1923. 62 с.

Пигарев Е.М. Селитренное городище: история исследований / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 11. Йошкар-Ола: МарГУ, 2019. 244 с.

Рудаков В.Г. Селитренное городище: хронология и топография. Дисс... канд. ист. наук. М., 2007. 484 с. Архив МГУ: 61: 07-7/454.

Информация об авторе:

Пигарев Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, начальник УНАЭЦ, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); Pigarev1967@mail.ru

REFERENCES

Ballod, F. V. 1923. *Stariy i Noviy Saray, stolitsy Zolotoy Ordy (Old and New Sarai, Capitals of the Golden Horde)*. Kazan: "Kombinat Izdatel'stva i Pechati v Kazani" Publ. (in Russian).

Pigarev, E. M. 2019. *Selitrennoe gorodishche: istoriia issledovaniia (Selitrennoe Settlement: Study History)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* (11). Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Rudakov, V. G. 2007. *Selitrennoe gorodishche: khronologiya i topografiia (Selitrennoe Settlement: Chronology and Topography)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow. Archive of Lomonosov Moscow State University. 61: 07-7/454 (in Russian).

About the Author:

Pigarev Evgeniy M. Candidate of Historical Sciences. Mari State University. Ryabinin St., 8, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

УДК 902/904 : 69.059.7

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.273.284>

ТЕХНОЛОГИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: КИРПИЧ УКЕКА

© 2021 г. Р.А. Сингатулин

Статья посвящена исследованиям кирпичного строительного материала из Увекского городища (г. Саратов) по данным полевых и камеральных исследований 1994–2020 гг. Целью исследований являлось дефиниция физико-химических характеристик кирпича из строений Увекского городища для историко-архитектурного, технико-экономического обоснования строительных технологий Золотой Орды, проведения реконструкционных и реставрационных работ, компьютерного моделирования в системах виртуальной и дополненной реальности. В работе приводятся данные по разнообразию форм и размеров кирпича, отпечаткам на его поверхности. Рассматриваются результаты исследований по определению элементного состава керамического материала методами Оже и вторичной-ионной масс-спектропии (ВИМС) с целью идентификации мест добычи сырья. Приводятся данные по: средней плотности кирпича, его группе по теплотехническим характеристикам, коэффициенту излучения, водопоглощению по массе, пределам прочности при сжатии и изгибе, определению марки кирпича в соответствии с регламентируемыми параметрами действующего государственного стандарта.

Ключевые слова: археология, Укек, Золотая Орда, кирпич, форма, размеры, элементный состав, теплотехнические и прочностные характеристики.

GOLDEN HORDE TECHNOLOGIES: BRICKS FROM UKEK

R.A. Singatulin

The paper discusses a ceramic bricks from Uvek settlement using the results of field and laboratory studies of 1998–2020. The goal of the research was to define the physico-technical characteristics of bricks from Uvek settlement for historico-architectural, technical and economic substantiation of the construction technologies of the Golden Horde, for reconstruction and restoration work, for computer modeling in virtual and augmented reality systems. The paper presents data on the diverse shapes and dimensions of the bricks, and the imprints on its surface. It discusses the results of studies aimed at establishing the elemental composition of the ceramic material using the Auger method and secondary ion mass spectroscopy (SIMS) to identify the raw material mining sites. Data is provided on the average density of the brick, its group in terms of thermal characteristics, emissivity coefficient, water absorption by weight, ultimate compression and bending strength, and its brand in accordance with the parameters regulated by the state standard in effect.

Keywords: archaeology, Ukek, Golden Horde, brick, shape, dimensions, elemental composition, thermal and strength characteristics.

Введение. Изучение строительных технологий Золотой Орды, основанных на археологических источниках, в настоящее время приобретает особую актуальность (Зивилинская, 2016). Актуализация проблемы связывается с введением в научный оборот новых данных полевых исследований, широким использованием в камеральных исследованиях методов математической статистики, твердотельного 3D-моделирования, технологий промышленного анализа для строительных материалов и других современных методов и средств.

Средневековые города Поволжья, начиная с Волжской Булгарии, Золотой Орды и заканчивая Казанским и Астраханским ханствами, характеризовались высоким уровнем городского строительства (Фёдоров-Давыдов, 1994). Традиции, преемственность, импорт технологий и их новое развитие в условиях

новообразованного государства связываются с формированием особого волжского технологического уклада, получившего определение в литературе как феномен Золотой Орды (Кульпин, 2001, с. 74–88). В этой связи особый интерес вызывают градостроительные технологии золотоордынского города Укека, который известен не только своим ранним упоминанием в записках миссионеров, купцов и путешественников, но и своей ролью в формировании золотоордынского технологического уклада (рис. 1). Рассматривая производство кирпича как своеобразный индикатор уровня технологичности общества, есть основания полагать, что необходимый объём строительного материала для новостроек Укека заранее рассчитывался для каждого объекта с учётом его функционального назначения, геометрии, особенностей окружающего ландшафта, требований заказчика и других критериев. То

есть «проектная документация» на возведение кирпичного сооружения в той или иной форме уже существовала. Например, чтобы возвести только один мавзолей, описанный А.А. Кротковым (Кротков, 1915, с. 111–113), с размерами основания $21,33 \times 12,54$ м при толщине стен от 1,6 до 2,3 м и высоте прямоугольной части здания до 5 м (без учёта купольной надстройки) с объёмом кирпичного заполнения в 417 куб. м потребовалось бы не менее 134 000 штук обожжённого кирпича условного размера $25 \times 25 \times 5$ см. На практике это означало, чтобы возвести мавзолей, нужно было создать непрерывную производственную цепочку, начиная от эскизного проекта, выбора места строительства, расчёта необходимого объёма строительного материала, подготовки строительной площадки, подбора квалифицированного персонала, наличия и подвоза необходимого сырья, инструмента, необходимости горна (печи) для обжига кирпича, заготовки дров и другой сопутствующей производственной инфраструктуры. Организация непрерывного производственного цикла при изготовлении строительного материала, а тем более само возведение кирпичных зданий, различных ирригационных и водопроводных сооружений на активных оползневых отложениях Увекской гряды (Дунаева, Рагозин, 1962), были под силу общественно-экономической формации, стоящей на достаточно высоком технологическом уровне. Золотая Орда таким технологическим уровнем обладала.

Материалы и методы исследования.

Основным материалом для исследований служили данные археологических отчётов 2002–2016 гг. и геофизических исследований 1994–2002 гг. (Р.А. Сингатулин), материалы археологических раскопок 1891–1923 гг. (Отчёт..., 1891; Кротков, 1915; Баллод, 1923), использовались коллекции подъёмного материала (обожжённого кирпича) из фондов Саратовского областного и Энгельсского краеведческих музеев. Камеральные исследования 1999–2020 гг. проводились в испытательной лаборатории кафедры «Строительные материалы и технологии» Саратовского государственного технического университета (СГТУ) имени Ю.А. Гагарина (зав. лаб. Д.К. Тимохин) и лаборатории информационных технологий в гуманитарных и естественнонаучных исследованиях Саратовского государственного университета (СГУ) имени Н.Г. Чернышевского (зав. лаб. Р.А. Сингатулин). В рамках традиционных общенаучных методов, таких как сбор и обработка статистической информа-

Рис. 1. Фрагмент стены здания Уека (Увекское городище, 2006 г.)

Fig. 1. Fragment of the wall of a building in Ukek (Uvek settlement, 2006)

ции (Фёдоров-Давыдов, 1987, с. 95–97; Васильев, 2004, с. 72–79), было обработано около 1650 фрагментов и 570 цельных форм. Измерение кирпича в слое (по видимой поверхности, без извлечения строительного материала из сооружения) осуществлялось в видимом и инфракрасном диапазонах шкалы электромагнитных волн с помощью стереофотограмметрической аппаратуры (Сингатулин, 2016а, с. 90–93), с применением методологии для цифровых неметрических камер и лазерных систем (Краснопевцев, 2008), программного обеспечения «Photomod» фирмы «Ракурс» (г. Москва). Часть исследуемого материала с целью дефиниции элементного состава с местами предполагаемой добычи сырья (глины) была обработана методами Оже-спектроскопии и вторичной ионной масс-спектроскопии (ВИМС) в проблемной лаборатории кафедры «Теоретической и математической физики» СГУ (зав. лаб. А.Г. Лавкин) (Сингатулин, 2016б, с. 105–107) и сертифицированной лаборатории ВПК (г. Заречный Пензенской области, В.А. Винничек).

Хронологические рамки исследований охватывают вторую половину XIII в. – начало XIV в. и по 1360–1361 гг. (Сингатулин, 2008, с. 145, 153).

Форма и размеры кирпича. Разнообразие форм и размеров обожжённого кирпича с Увекского городища представлены в таблице 1 (в таблицу не включён статистический материал по формам и размерам кирпича, полученный путём механического воздействия (обломом, распиливанием) из более крупных форм кирпича). Форма основного строительного

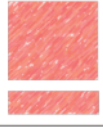

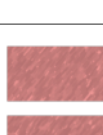

материала варьировалась: использовались квадратные, половинчатые (прямоугольные), вогнуто-выпуклые, треугольные, полукруглые и фигурные в плане кирпичи.

Наиболее распространённым строительным стандартом золотоордынского Укека является кирпич квадратной формы из красножгущей глины. Среднестатистические размеры кирпича 234×228×52 мм (Сингатулин, 2017, с. 65–68). Нижний предел размеров кирпича данной группы составляет 221×218×46 мм, верхний – 242×251×59 мм. Линейный разброс параметров для сторон стандартной квадратной конфигурации кирпича составил

21×33×13 мм, или около 8% от среднестатистического размера. Для кирпича, датированного второй половиной XIII в. – первой половиной XIV в. (Кротков, 1915 и др.), разброс геометрических параметров более значителен. Так, согласно данным фотограмметрической обработки стереоснимков раскопок на Укеке в 1913 г. (Сингатулин, 2014, с. 149–151), разброс линейных параметров кирпича (по площади видимой поверхности) из строений может достигать величины 12–15% (и более) от размера 264×220×66 мм, приведённого А.А. Кротковым (Кротков, 1915, с. 112). Грани кирпичей из этих строений имеют сглажен-

Таблица 1. Геометрические формы и среднестатистические размеры кирпича с Увекского городища

Table 1. Geometric Shapes and Average Dimensions of Bricks from Uvek Settlement

№ п/п	Геометрическая форма кирпича	Описание и ориентировочная датировка	Среднестатистические размеры (длина × ширина × высота) в мм	Средняя плотность в кг/м ³	Масса кирпича в кг	Процент исследуемого кирпича к общему количеству в 0,00 %
1	2	3	4	5	6	7
1		Квадратная форма темно-красного цвета. Вт. пол. XIII – пер. пол. XIV в.	264x220x66 (размеры по А.А. Кроткову)	-	-	0,17
2		Квадратная форма ярко красного цвета. 1360-1361 гг.	234x228x52	1196	3,4	73,68
3		Квадратная форма ярко красного цвета, на нижней поверхности продольные выемки (рис. 2). 1360-1361 гг.	234x228x52, продольные выемки шириной 20-25 мм, глубиной 3-5 мм	1196	3,4	11,57
4		Квадратная форма чёрного цвета, прогнутая в центральной части. Вт. пол. XIV в.	221x226x47, 40 мм максимальный прогиб от горизонтальной линии основания	~1300	~3	0,52
5		Половинчатая форма ярко красного цвета. 1360-1361 гг.	224x122x49	1196	1,6	11,4
6		Половинчатая форма темно-красного цвета. Вт. пол. XIII – пер. пол. XIV в.	264x132x66 (из фондов СОМК)	1220	2,8	0,17
7		Прямоугольная форма серого цвета с полированной поверхностью. XV-XVIII вв.	235x175x55	1318	3,0	0,17

8		Большой прямоугольный треугольник ярко красного цвета. 1360-1361 гг.	221x222x48, диагональ 316 мм	1196	-	0,87
9		Малый прямоугольный треугольник ярко красного цвета. 1360-1361 гг.	120x95x44, диагональ 151 мм	1196	-	0,87
10		Карнизная полукруглая форма с фасонным полукруглым углублением (рис. 3). 1360-1361 гг.	255x121x74, полукруглое углубление радиусом 35 мм, диаметр по дуге изгиба около 1,8 м	1196	-	0,52

ные края, значительный разброс размеров по длине и высоте, что указывает на иную технологию ручной формовки, чем при использовании шаблонных форм.

Особый интерес вызывает кирпич с продольными выемками на нижней рабочей стороне (рис. 2). Впервые такой кирпич был зафиксирован при раскопках Л.Л. Галицына и С.С. Краснодубровского в 1891 г. (Отчёт..., 1891). Среднестатистический размер 234×228×52 мм (табл. 1, № п/п 3). Профиль

нижней поверхности сформирован с помощью пальцев рук. Глубина вдавливания около 3–5 мм, достигая в отдельных экземплярах величины 12–18 мм. Ширина выемок около 20–25 мм. Количество выемок на нижней поверхности плинфы колеблется от 8 до 10. Выемки сформированы обеими руками формовщика. Необходимость выемок связывается с обеспечением лучшего сцепления с раствором в кладке. Профильный кирпич прослеживался поверх фундаментной кладки

Рис. 2. Кирпич с нижними параллельными бороздками

Fig. 2. Brick with bottom parallel channels

из валунов, залитых плотным известковым раствором, и частично наблюдался на втором и третьем ряду кирпичной кладки (Сингатулин, 2016в, с. 18, 50, 51).

Геометрические формы квадратного кирпича (табл. 1, № п/п 4) из красножгущей глины имеют характерную прогнутую основу, которая, возможно, образовалась при прогибе пластической массы во время сушки. Боковые поверхности кирпича строго параллельны. Усреднённые размеры кирпи-

ча 221×226×47 мм. Максимальный прогиб от условно проведённой горизонтальной линии основания – 40 мм. Было обнаружено несколько подобных экземпляров. Чрезвычайно твёрдый и прочный кирпич. Цвет поверхности чёрный со следами вплавленного стекла. На сколах цвет теста темно-красный. Кирпич не пережжён, но на поверхности прослеживаются следы от продолжительного воздействия высоких температур. Следов скрепляющего известкового раствора на поверхности не

обнаружено. Предположительно, описываемый образец использовался в конструкции печи или дымохода.

Отдельного внимания заслуживает полукруглая кирпичная форма (рис. 3) (Синга-

тулин, 2008, с. 145, 153). Размеры кирпича $255 \times 121 \times 74$ мм (табл. 1, № п/п 10). Полукруглое углубление радиусом 35 мм, диаметр по дуге изгиба составляет около 1,8 м. На верх-

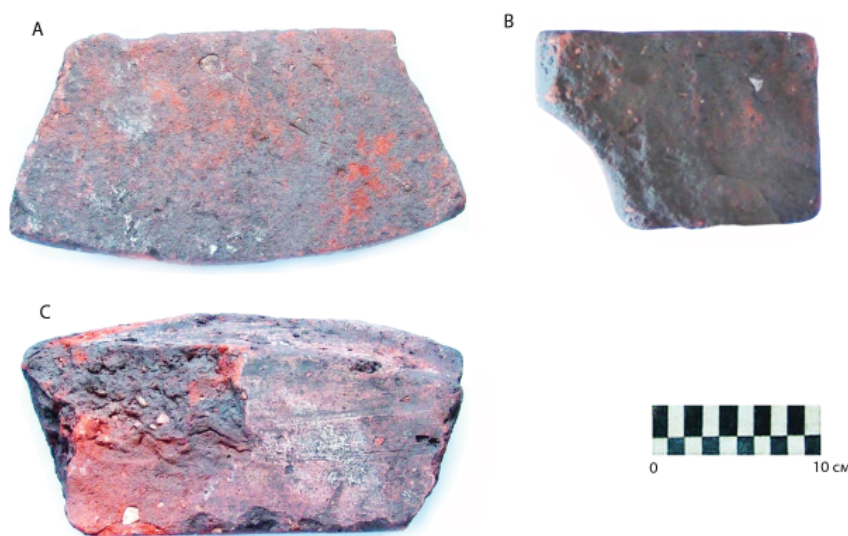

Рис. 3. Кирпич полукруглой формы

Fig. 3. Brick with a half-round shape

ней и нижней поверхности кирпича фиксируются следы тонкой известковой обмазки.

В процессе археологических исследований 2004 г. (Сингатулин, 2006, с. 82) к юго-востоку от «мамайского» бугра были отмечены половинчатые кирпичи $235 \times 175 \times 55$ мм (табл. 1, № п/п 7) сероватого цвета с верхней отполированной поверхностью. Вероятно, кирпичи использовались в качестве напольного покрытия или ступенек порога. Внешний вид, размер и состав теста на сколах визуально отличается от типичного кирпича из красножгущей глины: тщательно выровненные поверхности, более аккуратные бортики, более мелкие (просеянные) включения. Анализ элементного состава показал высокое содержание силикатов. Идентифицировать состав с другими образцами или связать его происхождение с местными источниками сырья не удалось. Анализ разрушенного сооружения, его состояние, небрежный способ кладки кирпича разного размера, обмазка серого цвета поверх белой известковой и др. указывают на их вторичное использование в более позднее время, предположительно в XV–XVIII вв. (Браташова, 2016, с. 216–217).

Отпечатки на поверхности кирпича.

Отпечатки клейм, знаки и надписи не так часто встречаются на золотоордынском кирпиче. Так, клейма были предназначены для обозначения прав собственника, но, вероятно, могли отражать и некоторую идеологию, ритуал или

технологическую процедуру, предназначенную для маркировки ограниченной партии продукции. Например, партия строительного материала могла объединяться особым составом керамического теста, ограничиваться объемом загруженного кирпича для обжига и другими обобщающими признаками. При этом достаточно было промаркировать один или несколько кирпичей из некоторой серии, объединённой «родственными» критериями.

Технологические отпечатки, которые образовались в процессе производства, носят иной характер. Они несут информацию о характере производственного процесса, степени его воздействия на предметы материальной культуры и другую важную источниковедческую информацию (Ёлшин, 2010, с. 398). К сожалению, в настоящее время отработать качественную методику обработки золотоордынского строительного материала из-за отсутствия достоверной базы данных не представляется возможным. Но необходимость такой специализированной базы данных, основанной на точной фиксации объекта исследований, его связей с пространственным окружением, алгоритмом раскопок, использованием геоинформационных технологий, очень востребована. Внимание к отдельным эпизодам, случайным процессам, совпадениям необходимо донести до информационно-логистического уровня, когда незначительные детали (маркеры) превращаются в значимые критерии, на осно-

вании которых можно прийти к новым знаниям. Имеется немало случаев, когда в качестве условного маркера выступают случайные процессы, которые дают богатую пищу для различных интерпретаций. В первую очередь речь идёт о следах, оставленных человеком (гомеоскопия), животными, птицами, растениями, инструментами, строительным материалом (механоскопия) и др. В большинстве случаев отпечатки могли образоваться в период двухнедельной (10–14 дней) сушки кирпичных форм, причём в самый начальный её период (1–3 дня), когда поверхность изделий ещё достаточно пластична. В общей статистике исследований процент зафиксированных и интерпретированных отпечатков на поверхности строительного материала из Увекского городища составляет 54%. Из них: гомеоскопические следы – 16%, механоскопия (следы одежды, обуви человека и т. п.) – 4%, следы механоскопии – 12 %, следы животных и птиц – 6%, и растений – 22%.

Нередко на поверхности кирпичных форм наблюдаются групповые отпечатки (Сингатулин, 2008, с. 145). На рисунке 4 представлен фрагмент кирпича с отпечатками кошачьего следа (рис. 4сII), ромбовидной формы мозаичного декора (рис. 4сIII), а на противоположной стороне – следы стеблей травы и колоска её зерновки (рис. 4аI) (Сингатулин, 2008, с. 145). Трава была идентифицирована как «Пырей ползучий» (*Elitrigia repens*) – одно из самых распространённых многолетних травянистых растений. Ботаническое описание: плоские листья длиной от 12 до 40 см, шириной 3–10 мм. Произрастает преимущественно на лугах, травянистых склонах и др. Цветёт в июне-июле, плодоносит в июле-сентябре (Губанов и др., 1976, с. 54). Идентификация

отпечатков растения и его плодов позволяет определить временные рамки технологической сушки кирпичных форм из-за ботанических особенностей времени плодоношения данной травы, что позволяет реконструировать некоторые технологические особенности средневекового производства. Технологический процесс сушки предполагает поэтапное переворачивание кирпичных форм, причём процедура их раскладывания на горизонтальной поверхности, по всей вероятности, осуществлялась на участках, на которых ранее осуществлялись другие работы (размещение и подгонка мозаичных форм для облицовки стен и др.). Дефицит открытых пространств из-за сильно пересечённого рельефа и плотной застройки для Увека вполне очевиден. Для производства кирпича, а тем более для технологической сушки использовались не только свободные горизонтальные участки, но и территории восточных травяных склонов Увекской гряды. Занимаемая площадь для формовки и технологической сушки была достаточно велика. Расчёты показывают, что при одновременном возведении 4 зданий, каждое ориентировочно размером не менее 20×10×5 м с толщиной стен 0,75 м, при объёме кирпичного заполнения в 225 куб. м, потребуется не менее 326 800 штук кирпича. При условной минимальной одноразовой загрузке в обжигательную печь партии из 2000 штук занимаемая площадь формовки и сушки составит не менее 1200 кв. м, а общая необходимая производственная площадь для 4 зданий охватит около 200 000 кв. м! Разумеется, что площадь формовки и сушки могла быть существенно меньше за счёт оптимизации производственно-временной цепочки «сырьё – формовка – сушка – обжиг – склады-

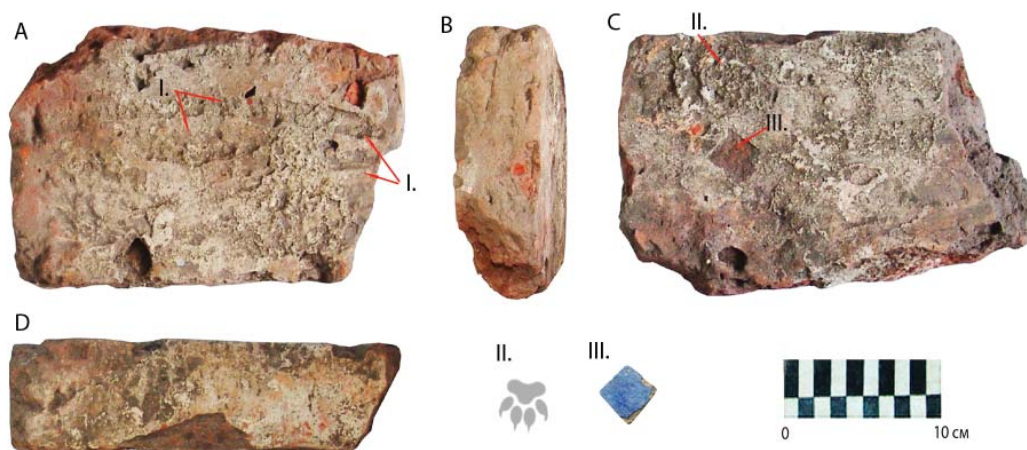

Рис. 4. Кирпич с отпечатками травы (I), следа кошки (II), мозаики (III)

Fig. 4. Brick with imprints of grass (I), cat's footprint (II), mosaic (III)

рование». Но в любом случае это была небольшая площадь, которая затрагивала все незанятые участки городской территории, в том числе и травянистые склоны террас Укека.

Источники сырья. Необходимость поиска исходных мест сырья для производства строительного материала очень важна, особенно когда рассматриваются вопросы реконструкции экономического базиса Золотой Орды, ключевого элемента общественно-экономической формации. Доступность и качество сырья, на примере керамического производства, во многом определяли будущее развития региона, процесса концентрации производительных сил и средств производства. Предъявляемые требования к качеству глины для производства гончарной посуды, несомненно, выше, чем для кирпича. Однако в большинстве случаев, как показывают последние исследования, красножгущая глина являлась общим исходным сырьём как для гончарного, так и для кирпичного производства. Различие происходило на этапе подготовки керамического теста. В первом случае глина отмучивалась, очищалась от крупных частиц и фракций, затем в тесто добавлялись различные присадки, которые оказывали влияние на весь последующий технологический процесс, на конечный результат. С производством кирпича было проще: вначале происходила процедура механической очистки исходного сырья от комков и крупных фракций, затем в состав теста добавлялся бой керамики, песка, органики (Сингатулин, 2017, с. 65–68). Добавки (наполнители) формируют пористость, снижают плотность и прочность кирпича, но одновременно повышают его теплотехнические характеристики. В то же время основной состав керамического теста останется идентичен составу исходного сырья. Расхождения возможны по отдельным образцам, но в целом, при наличии большой статистики, происхождение кирпича или гончарного изделия будет отождествляться с исходным местом сырья. Для более точной верификации образцов необходимо иметь распределённую базу данных по составу сырья из различных мест. В этом смысле золотоордынскому Укеку повезло. В округе имелось значительное число открытых залежей с качественной глиной (Баллод, 1923): это берега реки Назаровки (Увековки), поныне действующий глиняный карьер в северо-западной части вершины Увек и залежи многослойной глины в районе нижних террас. Частично проблема мест исходного сырья для производства керамической продукции

была решена при проведении камеральных работ в 2008–2014 гг., когда исследовалась гончарная продукция из золотоордынских поселений Волго-Уральского региона (Сингатулин, 2016б, с. 105–106). В исследованиях, кроме фрагментов гончарного производства, использовались сборы кирпичной продукции из Увекского городища. Дефиниция элементного состава исследуемых образцов осуществлялась методами ВИМС и Оже-спектроскопии (Шульман, Фридрихов, 1977; Карлосон, 1981; Paparazzo, 2006) с местами предполагаемой добычи сырья. Алгоритм обработки данных построен на основе отождествления атрибутивных признаков исследуемых материалов с эталонными образцами, которые формируют профиль для керамического материала (Paparazzo, 2001). Итогом проведённых исследований явилось отождествление маркерных керамических образцов с глиной из мест её добычи из районов к востоку от вершины Увек и устья реки Назаровки (Увековки). Эталоны элементного состава для идентификации строительного материала и гончарной продукции из Увекского городища по результатам 17 замеров исследуемых образцов представлены на рисунках 5, 6, 7.

Теплофизические и прочностные характеристики. Знание теплофизических и прочностных характеристик кирпича позволяет не только более точно характеризовать эффективность древних строительных технологий, воссоздавать, реконструировать различные сооружения (данные о несущей способности кирпича позволяют определить предел прочности строительного материала от высоты кирпичных стен и др.), но и использовать полученные данные при диагностике и для прогноза современного состояния историко-архитектурных сооружений, а также в реставрации, при использовании замещающих (искусственно воссозданных) конструктивных строительных материалов и сооружения в целом.

В процессе камеральных исследований золотоордынского кирпича в 2016–2020 гг. (Сингатулин, 2017, с. 65–68) были установлены средняя плотность кирпича, его группа по теплотехническим характеристикам, водопоглощение по массе, пределы прочности при сжатии и изгибе, определена марка кирпича в соответствии с регламентируемыми параметрами действующего ГОСТ 530-2012 «Кирпич и камень керамические» (ГОСТ, 2013) с использованием современных методов исследования строительных материалов

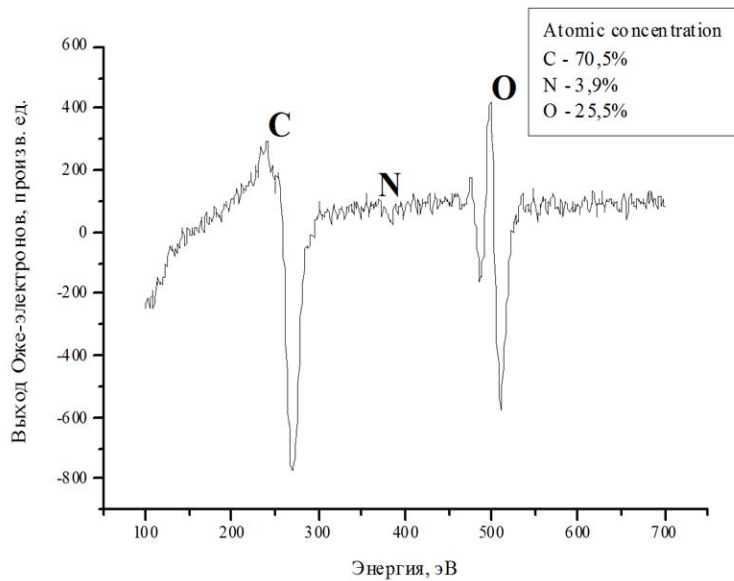

Рис. 5. Оже-спектр. Профиль 1а. Нижние террасы. Увекское городище.
Fig. 5. Auger spectrum. Profile 1a. The lower terraces. Uvek settlement.

Рис. 6. ВИМС-спектр положительных ионов. Профиль 1b. Нижние террасы. Увекское городище.
Fig. 6. SIMS spectrum of positive ions. Profile 1b. The lower terraces. Uvek

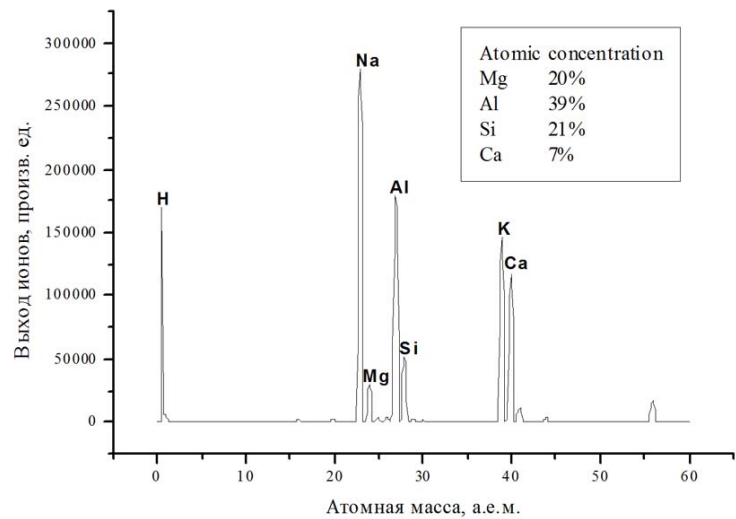
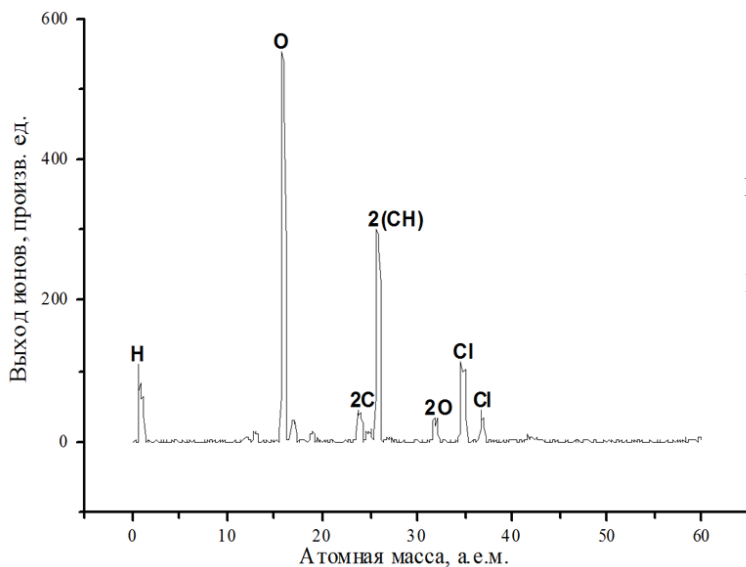

Рис. 7. ВИМС-спектр отрицательных ионов. Профиль 1с. Нижние террасы. Увекское городище.
Fig. 7. SIMS spectrum of negative ions. Profile 1c. The lower terraces. Uvek settlement.

(Брагов, Ломунов, 1995, с. 127–137). Подробное изложение методики исследований по определению прочностных и теплофизических характеристик золотоордынской плинфы можно найти в журнале «Современные наукоёмкие технологии» (Сингатулин, 2017, с. 65–68). Здесь по тексту и ниже приводятся

обобщённые результаты исследований, отражающие реальное состояние проблемы.

Внутренняя структура исследованных материалов не является однородной и в большинстве случаев содержит включения в виде боя керамики, песок и органические включения, которые снижают среднюю плотность

Таблица 2. Теплофизические и прочностные характеристики кирпича с Увекского городища
 Table 2 Thermophysical and Strength Characteristics of Bricks from Uvek Settlement

№ п/п	1	2	3	4	5
1	Форма кирпича				
2	Геометрические размеры в мм	234x228x52 (по № п/п 2,3,5,8,9,10 из табл. 1)	221x226x47	235x175x55	264x132x66
3	Средняя плотность кг/м ³	1196	~ 1300	1318	1220
4	Марка кирпича в соответствии с ГОСТ 530-2012	M35	-	-	-
5	Среднее значения водопоглощения по массе в %	14	свыше 20	менее 12	~ 14
6	Среднее значение предела прочности при изгибе в МПа	0,7	-	-	-
7	Среднее значение предела прочности при сжатии в МПа	4,88	-	-	-
8	Коэффициент теплопроводности и при 20° С, ккал/м·ч х град	1,18	~ 0,6	~ 0,8	0,78
9	Коэффициент излучения кирпича ε	0,9-0,93	0,8	0,75	0,9
10	Происхождение исходного сырья (по данным Оже и ВИМС-спектроскопии)	район нижних террас к востоку от горы Увек и устье реки Назаровка	в состав входят: силикаты, глинозём, + глина из районов Увекского поднятия	неизвестно	район нижних террас Увекского поднятия

кирпича. Средняя плотность квадратного по форме кирпича составила 1196 кг/м³, что соответствует классу средней плотности изделия 1,2. Полученные данные по теплотехническим характеристикам относят исследуемый материал к эффективным. Коэффициент излучения кирпича составляет 0,9–0,93. Среднее значение водопоглощения по массе составило 14%, что соответствует современным требованиям, предъявляемым для неглинчатого керамического кирпича. Определение пределов прочности при изгибе проводилось на гидравлическом прессе ПМ-20МГ4 со скоростью нагружения 0,2 МПа/с (Сингатулин, 2017, с. 68). Определение пределов прочно-

сти при сжатии проводилось на гидравлическом прессе ПМГ-100МГ4 (Сингатулин, 2017, с. 68). Согласно результатам испытаний по определению пределов прочности при изгибе и сжатии, исследуемые образцы в основном соответствуют марке М35 для современного керамического кирпича. Соответствие марки М35 для золотоордынского кирпича означает, что исследуемый материал способен выдерживать нагрузку, равную 35 кг на квадратный сантиметр. При линейных размерах кирпича квадратной формы 221×220 мм его несущая площадь составляет 486,2 см², статическая нагрузка при этом может достигать величины в 17017 кг. Учитывая то обстоятельство,

что прочностные испытания производились с кирпичным строительным материалом (без предварительного отбора) возрастом не менее 660 лет, который продолжительное время находился во влажной, неблагоприятной щелочной среде, можно предполагать, что реальная прочность кирпича на момент его изготовления значительно превышала полученный в настоящее время порог прочности.

Заключение

Актуализация исследований по золотоордынскому кирпичу с помощью современных

естественно-научных технологий с целью дефиниции физико-химических характеристик, форм, размеров, определения элементного состава, идентификации мест исходного сырья, производства и пр. во многом способствует разрешению проблем, связанных с особенностями средневековых технологий, процессом концентрации производительных сил и средств производства, достоверной реконструкции экономического базиса отдельных городов, регионов и золотоордынского государства в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Баллод Ф.В.* Приволжские «Помпеи». М.; Пг.: Мосполиграф, 1923.
- Брагов А.М., Ломунов А.К.* Использование метода Кольского для динамических испытаний конструкционных материалов // Прикладные проблемы прочности и пластичности. 1995. № 51. С. 127–137.
- Браташова С.А.* Увешенская станица и Саратау: к вопросу о сохранении урбосистемы Уекк – Яйлак // Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Уекк: прошлое, настоящее, будущее. Мат. межд. науч.-практ. конф. / Ред. Аблязов К. А., Кульпин-Губайдуллин Э. С., Рашитов Ф. А. Саратов: Научная кинга, 2016. С. 211–218.
- Васильев Д.В.* О размерах золотоордынских кирпичей (Опыт статистико-метрологического анализа) // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Мат. Всеросс. науч. конф. Астрахань : ИД «Астраханский университет», 2004. С. 72–79.
- ГОСТ 530-2012. Кирпич и камень керамические. Общие технические условия. Взамен ГОСТ 530-2007; Введ. с 2013.07.01. М.: Стандартиформ, 2013. 39 с.
- Губанов И.А., Крылова И.А., Тихонова В.Л.* Дикорастущие полезные растения СССР. М.: Мысль, 1976. 360 с.
- Дунаева Г.В., Rogozin И.С.* Оползни Саратовского Поволжья. М.: АН СССР, 1962. 163 с.
- Зиливинская Э.Д.* Культурная архитектура Золотой Орды: происхождение и традиции // Поволжская археология. 2016. № 2(16). С. 44–67.
- Ёлишин Д. Д.* Новые исследования древнерусской плинфы: итоги и перспективы // Проблеми давньоруської та середньовічної археології / Археологія і давня історія України. Вип. 1. / Отв. ред. Г. Ю. Ивакин. Київ: Інститут археології НАН України, 2010. С. 395–407.
- Карлосон Т.А.* Фотоэлектронная и Оже-спектроскопия. Л.: Машиностроение, 1981. 431 с.
- Краснопевцев Б.В.* Фотограмметрия. М.: УПП "Репрография" МИИГАиК, 2008. 160 с.
- Кротков А.А.* Раскопки на Уеке в 1913 году // ТСУАК. Саратов, 1915. Вып. 32. С. 111–133.
- Кульпин Э.С.* Цивилизационный феномен Золотой Орды // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 74–88.
- Отчет* Императорской Архивной Комиссии за 1891 г. / Архив ИИМК РАН, 1891. Ф. 1. Д. 30.
- Сингатулин Р.А.* Археологические исследования на Увекском городище в 2004 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 7 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов, Научная книга, 2006. С. 76–90.
- Сингатулин Р. А.* Охранно-спасательные работы на территории Увекского городища в 2005 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8 / Отв. ред. А. И. Юдин. Саратов, Научная книга, 2008. С. 139–155.
- Сингатулин Р. А.* История первых фотограмметрических исследований на Увекском городище в 1913 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9(47) Ч. 1. С. 149–151.
- Сингатулин Р.А.* Особенности применения стереофотограмметрического мультиспектрального мониторинга в полевых археологических исследованиях // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2016а. № 2. С. 90–93.
- Сингатулин Р.А.* Идентификация золотоордынской керамики методами Оже и вторичной ионной масс-спектрометрии // Международный научно-исследовательский журнал. 2016б. № 7–1(49). С. 105–107.

Сингатулин Р.А. Теплотехнические и прочностные характеристики плинфы с Увекского городища // Современные наукоёмкие технологии. 2017. № 8. С. 65–68.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии: Учебное пособие для вузов по спец. «История». М.: Высшая школа, 1987. 216 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 232 с.

Шульман А.Р., Фридрихов С.А. Вторично-эмиссионные методы исследования твёрдого тела. М.: Наука, 1977. 552 с.

Paparazzo, E. Comment on AES and SAM microanalysis of structure ceramics by thinning and coating the backside. Yu and Jin // Surface and Interface Analysis. 2001. №31 (12). P. 1110–1111. DOI:10.1002/sia.1144.

Paparazzo, E. Recovering the past from surfaces and interfaces: experimental and cultural issues // Surface and Interface Analysis. 2006. №38. P. 357–363. DOI:10.1002/sia.2142.

Информация об авторе:

Сингатулин Рустам Адыгамович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия); labsgu@mail.ru

REFERENCES

Ballod, F. V. 1923. *Privolzhskie "Pompei" (The Volga "Pompeii")*. Moscow; Petrograd.: "Mospoligraf" Publ. (in Russian).

Bragov, A. M., Lomunov, A. K. 1995. In *Prikladnye problemy prochnosti i plastichnosti (The Applied Problems of Strength and Plasticity)* 51, 127–137 (in Russian).

Bratashova, S. A. 2016. In Ablyazov, K. A., Kulrin-Gubaidullin, E. A., Rashitov, F. A. (eds.). *Istoriko-arkheologicheskie pamiatniki Zolotoi Ordya na territorii Saratovskogo Povolzh'ia. Ukek: proshloe, nastoiashchee, budushchee (Historical and Archaeological Monuments of the Golden Horde in the Territory of Saratov Volga Region. Ukek: Past, Present, Future)*. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 211–218 (in Russian).

Vasil'ev, D. V. 2004. In *Perekrestki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki (On the Crossroads of History. Current Issues of Historical Science)*. Astrakhan: Astrakhan State University, 72–79 (in Russian).

2013. *GOST 530-2012. Kirpich i kamen' keramicheskie. Obshchie tekhnicheskie usloviia (GOST 530-2012. Ceramic Brick and Stone. General Specifications)*. Moscow: "Standartinform" Publ. (in Russian).

Gubanov, I. A., Krylova, I. A., Tikhonova, V. L. 1976. *Dikorastushchie poleznye rasteniia SSSR (Wild Useful Plants of the USSR)*. Moscow: "Mysl" Publ. (in Russian).

Dunaeva, G. V., Rogozin, I. S. 1962. In *Opolzni Saratovskogo Povolzh'ia (Landslides of Saratov Volga Region)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Zilivinskaia, E. D. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 44–67 (in Russian).

Yelshin, D. D. 2010. In Ivakin, G. Yu. (ed.). *Arkheologiya i davnia istoriia Ukraini (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 1. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 395–407 (in Russian).

Karloson, T. A. 1981. In *Fotoelektronnaia i Ozhe-spektroskopiia (Photoelectron and Auger Spectroscopy)*. Leningrad: "Mashinostroenie" Publ. (in Russian).

Krasnopevtsev, B. V. 2008. In *Fotogrammetriia (Photogrammetry)*. Moscow: "Reprografia" Publ. (in Russian).

Krotkov, A. A. 1915. In *Trudy Saratovsko uchenoi arhivnoi komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission)*. 32. Saratov, 111–130 (in Russian).

Kulpin, E. S. 2001. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost' (Social Sciences and Contemporaneity)* 3, 74–88 (in Russian).

Otchet Imperatorskoi Arkhivnoi Komissii za 1891 g. (Report by the Imperial Archival Commission for 1891) Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. F. 10, dossier 30 (in Russian).

Singatulina, R. A. 2006. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 7. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 76–90 (in Russian).

Singatulina, R. A. 2008. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 8. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 139–155. (in Russian).

Singatulin, R. A. 2014. In *Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki (Historical, philosophical and law sciences and study of art. Theory and practice issues)* 47 (9) part 1. 149–151 (in Russian).

Singatulin, R. A. 2016. In *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Geodeziia i aehrofotos"emka (Proceedings of Higher Educational Institutions. Geodesy and Aerial Photography)* 2. 90–93 (in Russian).

Singatulin, R. A. 2016. In *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal (International Research Journal)* 7(49), part 1. 105–107 (in Russian).

Singatulin, R. A. 2017. In *Sovremennye naukoemkie tekhnologii (Modern High Technology)* 8. 65–68 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1987. *Statisticheskie metody v arkheologii: Uchebnoe posobie dlia vuzov po spets. «Istoriia» (Statistical Methods in Archaeology: Study Guide for Universities with Specialization in History)*. Moscow: “Vysshaia shkola” Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Schulman, A. R., Fridrikhov, S. A. 1977. *Vtorichno-ehmissionnye metody issledovaniya tvyordogo tela (Secondary Emission Methods for Solid State Research)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Paparazzo, E. 2001. In *Surface and Interface Analysis* 31(12). 1110–1111. DOI:10.1002/sia.1144 (in English).

Paparazzo, E. 2006. In *Surface and Interface Analysis* (38). 357–363. DOI:10.1002/sia.2142 (in English).

About the Author:

Singatulin Rustam A. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Laboratory. Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. Astrakhan Str., 83, Saratov, 410012, Russian Federation; labsgu@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.05.2021 г.
Статья принята к публикации 01.05.2021 г.

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.285.297>**ESKİ TÜRKLERDE BALIK VE BALIKÇILIK**

© 2021 M. Akıncı

Bu makale balık kelimesinin bugünkü Türkiye Türkçesi'nde var olan anlamının dışında eski tarihi metinlerde ne anlama geldiğini, balıkçılığın Eski Türk topluluklarının yaşamında ne derece rol oynadığı ve balık imgesinin Türk sanatında ne şekilde biçimlendiğini içermektedir. Çalışmada ilk olarak balık kelimesinin kent ve balık (hayvan) anlamlarını karşılayan eş sesli yapısı yazılı kaynaklar ışığında açıklanmıştır. Temel geçim kaynakları hayvancılık olan Türklerin balıkçılıkla ilgili faaliyetleri kaynaklara çok fazla yansımamıştır. Bunun arkasında büyük ihtimalle ekonomi temelinde hayvancılığın ön plana çıkarılmış olması yatmaktadır. Yine de bazı yazılı kaynaklar balıkçılıkla uğraşan birkaç Türk topluluğundan bahsetmektedir. Bu hususta balıkçılık faaliyetinin hangi Türk topluluklarında var olduğu başta Arap ve Fars coğrafya eserleri olmak üzere yazılı ve arkeolojik kaynaklara dayanılarak tespit edilmiştir. Balığın çalışmada ifade edilen somut anlamlarının dışında ve balıkçılık faaliyeti ile bağlantısız olarak Türk sözlü yazım geleneğinde (destan, masal) ve sanatında balık imgesine atfedilen motifler, değerler ise folklorik ve arkeolojik materyaller nezdinde kısaca aktarılmıştır. Tarihi süreçte balığın geçirdiği değişimi incelemek Türk toplumunda gerek iç gerek ise dış etkenli değişen filolojik, dinsel ve içtimai unsurları açığa çıkarmak açısından önem taşımaktadır.

Anahtar kelimeler: Arkeoloji, folklor, turkis, balık, balıkçılık, kent, İskitler, Hazarlar, İtil Bulgarları, Kimekler.

РЫБА И РЫБОЛОВСТВО У ДРЕВНИХ ТЮРКОВ**М. Акынджи**

В статье рассматривается значение слова «рыба», не только в современном турецком языке, но и в древних исторических текстах. Кроме того, раскрывается роль рыболовного хозяйства в жизни тюркских племен, а также образ рыбы в искусстве. В данном отношении слово «рыба», которая соответствует значениям города и животного объясняется в свете письменных источников. У каких тюркских племен рыболовная деятельность, основная экономика которых – животноводство, мало упоминается в письменных источниках. За этим, вероятно, стоит тот факт, что животноводство было выдвинуто на первый план с точки зрения экономики. Тем не менее, в некоторых письменных источниках упоминается несколько турецких племен, занимающихся рыболовством. В этом отношении, у каких тюркских племен существовало рыболовное хозяйство, устанавливается на основании арабских и персидских географических источников. Помимо конкретных значений слова рыба, не связанных с рыболовной деятельностью, смысловая нагрузка, приписываемая этому изображению в тюркской устной письменной традиции и искусстве, кратко истолковывается с помощью фольклора и археологических материалов. Изучение изменений, которые претерпела рыба в историческом процессе, важно с точки зрения выявления меняющихся филологических, религиозных и социальных факторов в турецком обществе, как внутренних, так и внешних.

Ключевые слова: археология, фольклор, тюрки, рыба, рыболовство, город, скифы, хазары, волжские болгары, кимаки.

FISH AND FISHERY IN ANCIENT TURKS**M. Akıncı**

This paper addresses the meaning of the word fish not only in the modern Turkish, but also in ancient historical texts. Besides, it describes the role of fishing in the life of the Turkic tribes, as well as the image of fish in art. In this respect, the word fish, which corresponds in its meaning to 'city' and 'animal', is explained in the light of written sources. Written sources contain scarce information which Turkic tribes practiced fishing, as their economy was mainly based on cattle breeding. This is probably associated with the fact that livestock was predominant for economic reasons. However, certain written sources mention several Turkic tribes engaged in fishing. In this respect, Turkic tribes with a fishing economy are identified on the basis of Arab and Persian geographical sources. In addition to the specific meanings of the word 'fish' not related to fishing, the semantic meaning attributed to this image in the Turkic verbal tradition and art is briefly interpreted using folklore and archaeological materials. Study of the changes which fish has undergone in the historical process is important

in terms of identifying the changing philological, religious and social factors in Turkish society, both internal and external.

Keywords: archaeology, folklore, the Turks, fish, fishery, city, the Scythians, the Khazars, the Volga Bulgars, the Kimeks.

Balık Kelimesi

Balık kelimesi bugün Türkiye Türkçesinde bildiğimiz anlamıyla bir hayvanı nitelemektedir. Ama geçmişe baktığımızda bu kelimenin başka anlamlara da geldiğini görürüz. Hatta öyle ki Türklere ait en eski yazılı kaynaklarda kelime bugün kullandığımız anlamının dışında kullanılmaktadır. Türk tarihi açısından oldukça önemli olan ve VIII. yüzyılda taşlara işlenen Orhun Abidelerinde *balık* kelimesi birkaç kez geçer. Bunlardan biri Kül Tigin Abidesi'nin kuzey cephesinde Kül Tigin'in Togu Balık'ta gerçekleştiği savaş anlatımında yer alır. Diğer başka bir misal ise Bilge Kağan Abidesi'nin doğu cephesinde Beş Balık'ta gerçekleşen savaş anlatımında yer almaktadır (Orhun Abideleri 1986, 28, 41). Görüldüğü üzere balığın eski Türk kitabelerinde kullanımı “kent” anlamına gelmektedir. Kaşgarlı Mahmud'un XI. yüzyılda kaleme aldığı “Divanu Lugati't-Türk”de balığın anlamı Orhun Abidelerinde geçtiği şekliyle verilir: “Müslüman olmayanların ve Uygurların lehçesinde kent” (Divanu Lugati't Türk 2015, s.163).

Daha çok Türklerin İslamiyet'i kabul etmelerinden sonra kullanılan Farsça kökenli *şehre* ve Soğdça kökenli kente daha önceleri Türkçe “balık” kelimesi karşılık gelmiştir. Öyle ki Türklere bu sözcüğün yer ettiği çok sayıda kent ismi mevcuttur: Beş Balık, Can Balık, Yengi Balık, Ordu Balık, Toğu Balık (Sümer 2014, 40), Hanbalık (Şeşen 2001, 36). Fakat Kaşgarlı'nın sözlüğünde balığın bu anlamına ek olarak başka anlamlar da verilmiştir: “kale”, “çamur”, “balık (hayvan)”. Kaşgarlı son anlamı bir atasözü ile zenginleştirir: “Balık suwvda kö.zi taştın” yani “Balık suda, gözleri dışarıdadır” (Divanu Lugati't Türk 2015, 162–163). Bununla birlikte sözlükte *balıkçın* (balıkçıl) kelimesinin “balık avlayan beyaz bir kuş”, *Balıklig Ögüz* yani Balıklı ırmağın da “balığı çok olan ırmak ya da çamurlu ve bataklık yer” anlamına geldiği geçmektedir (Divanu Lugati't Türk 2015, 224). B. Ögel ise surlarla çevrili kent manasına gelen balık sözcüğünün diğer bir manasının da “çamur” olduğunu, bugünkü balık sözcüğünün de buradan geldiğini ifade etmektedir. Bu da ona göre kentlerin balıktan inşa edilmesiyle alakalı durmaktadır. Bununla birlikte bir yere kale veya sur yapılacaksa buna da *balıklanmak* denmiştir (Ögel, 1991. s.201). Bazı araştırmacılar bugünkü

Türkçede meslek anlamına gelen “balıkçı”nın eski zamanlarda “yurt sahibi olanlar”, “kent dışında yaşayan göçmenler” anlamlarına da geldiğinin altını çizmektedir (Karatayev 2002, 380). Görüldüğü üzere *balık* sözcüğünün Türkistan coğrafyasında eş sesli bir yapısı bulunmaktadır. Rotamızı Doğu Avrupa coğrafyasına ve farklı yüzyıllara çevirdiğimizde aynı şekilde eş sesli bir yapıyla karşılaşmaktayız.

İlk olarak İskitlerde *balık* sözcüğünün ne anlama geldiğini kaynaklar bize haber vermektedir. John Tzetzse, Maeotis'in (Azak) İskitçede *Karbaluk* olduğunu, Karbaluk'un Yunanca “balık kenti” anlamına geldiğini aktarmıştır. Bununla birlikte İskitçe *karmin* “kent”, *palukun* ise “balık (hayvan)” demek olduğunu eklemiştir (Трубачев, 2004, 447). Burada balık kelimesinin eş sesli olmasından ötürü bir kargaşa söz konusudur. Zira bazı Rus araştırmacıları bu adın Kar-balık olduğunu ve Azak Denizi'ni tanımlamak için kullanıldığını dile getirmiştir. Onlara göre *kar* Türkçede “kuvvetli ya da bol” anlamına gelmektedir. *Balık* ise bu tanımlamada “kent” anlamında kullanılmış olabilir. Fakat Tzetzse'de geçtiği gibi burada geçen balığın hayvan manasında kullanılmış olabileceğini varsayanlar da mevcuttur. Türkçe “balık (hayvan)”-İskitçe *paluk*, *karmise* ise İskitçe “kent” demektir (Bardakoğlu 2018, 39). İ. Durmuş İskitlerin Türklük ile ilgili nazariyesini dile getirirken sunduğu kelime listesinde Karbaluk'a da yer vermiştir. Ona göre Karım Paluk “balık gölüne” işaret etmektedir (Durmuş 2018, 30). Sonuç itibarıyla Karbaluk'ta geçen balık sözcüğünün hangi anlamda kullanılmış olduğu tartışmalı bir konuyu oluşturmaktadır. Peki aynı coğrafyada yüzyıllar sonra devletleşen Hazarlarda balık kelimesi mevcut muydu?

X. yüzyıl Arap müellifleri Hazar yurdundan bahsederken bunların kentlerine de değinmektedir. Fakat müellifler Hazarların başkentini farklı isimlerle vermektedir: Saraşen, Hanbalık, Hazaran ve İtil. M. Artamanov'a göre kent ikiye taksim edilmiş Hanbalık, Han'ın oturduğu batı kısmını, Hazaran ya da Saraşen (el-Beyda) ise doğu kısmını oluşturmuştur. Bununla birlikte Hazar başkentinin kısımları olan Hanbalık ve Saraşen, İtil ve Hazaran'dan daha eski adlandırmaları oluşturmuştur. İtil ise iki kısma ayrılmış kentin genel adlandırması gibi durmaktadır (Artamanov, 2008, 508).

Hazarlarda da tesadüf ettiğimiz balık sözcüğü kent anlamında kullanılmıştır. Peki, bu kelimenin Hazarlarda da eş sesliliği mevcut muydu?

Tarihler Miladi 695 senesini gösterdiğinde Bizans tahtında oturan II. Justinianus (685–695) bir isyan sonucunda 695'te tahttan indirilip, burnu kesilerek Kırım'ın güneybatısındaki Kerson'a sürülmüştür. Fakat kesik burunlu imparator burada Hazar Kağanı ile temasa geçerek, tahtını geri almak için Kağan'dan destek talep etmiştir. Talebine olumlu yanıt veren Kağan, Phanagoria'da (Taman) bulunan kızını ona vererek Justinianus'u damadı ilan etmiştir. IX. yüzyıl müellifi Theophanes'ten öğrendiğimiz kadarıyla Phanagoria'ya hareket eden Justinianus ile Kağan'ın dostluğu kısa sürmüştür. 698'de tahta yeni çıkan Apsimaros, Kağan'a hediyeler göndererek Justinianus'un ölü veya diri teslim edilmesini istemiştir. Bunun üzerine Kağan, Phanagouria'da bulunan Papatzun ve Bosporos valisi Balgitzin'e emredildiğinde Justinianus'un öldürülmesini söyler (Theophanes I, p. 373). Bu süreçten sonraki olayların akıbeti konumuz dâhilinde bizi ilgilendirmemektedir. Öyle ki konumuz dâhiline giren Balgitzin'in kim olduğu ve isminin balık sözcüğü ile olan ilişkisi üzerinedir. Balgitzin kişisel bir isim gibi görünmekle birlikte hamili onu Azak Denizi'nin batı kısmının şefi, prensi daha az olasılıkla da Hazar hükümetinin Bosporos'a atanmış bir valisi olarak tanımlamaktadır. V. Minorsky'e göre Balgitzin –ci ekiyle Türkçe meslek eki gibi durmaktadır. Fakat kolay bir şekilde onun mesleğinin “balık-cı” olduğu söylenebilir mi? V. F. Minorsky bunu hem “balık (hayvan)” hem de “kent” anlamına gelen Türkçe balık/balığ olarak açıklar. Aktardığına göre Kokovtsov, Balgitzin'i “kent” anlamında ele almış, fakat kendisi “balık (hayvan)” anlamını tercih etmiştir. Minorsky bu ismin bu zamana kadar kabul gören diğer manalarını da aktarır: balgaci “bir şerefliendirme simgesi olarak topuz kuşanmış”, bulsici “müdafaa kabiliyetine sahip olan”, balgitzin-baliqci “kent şefi, komutan” alternatif olarak “müfrezenin komutanı” bölükçi olarak “unvan”, bulgacin “samur avcısı”. Fakat Minorsky, Oset efsanesinden yola çıkarak Balgitzin'in balıqci “balıkçı” anlamına geldiğini düşünmektedir ki, balıkçı Bizanslıların bildikleri popüler bir terimi oluşturmaktadır (Minorsky 1960, 131–136). Şayet Minorsky'nin bu varsayımı kabul edilirse balığın Hazar Türkleri arasında da eş sesli varlığı kanıtlanmaktadır. Fakat O. N. Trubaçev'e göre hem “etrafi duvarla çevrili kent, kale” hem de “balık (hayvan)” anlamına

gelen balık sözcüğünün yakın biçimleri dışında aralarında ortak bir şey yoktur, zira anlam bu kelimelerin birleşmesine direnmektedir. Ona göre bir “kent” farklı dillerdeki anlamı ile eş seslilerin oluşumunun tipolojisine ilişkin mevcut bilgiler “balık (hayvan)” göstergesi taşımaz; aksine “müstahkem yer”, “yer”, “yaşam alanı” kelimelerine yönelir. Bu suretle Hint-Avrupa semantik tipolojisi “kent” ve “balık (hayvan)” kelimeleri arasındaki ilişki sorunsalına olumsuz yanıt verir (Трубачев, 2004, 445-448).

Hazarların yanı sıra başka Türk devletlerinde de balık ismini taşıyan görevlilere hatta yöneticilere rastlamamız mümkündür. Bunlardan biri Uzların yoğun olarak yerleştikleri Dobruca'daki Gagauz tarihine aittir. Tarihi kayıtlara göre XIV. yüzyılda Dobruca'da bir devlet tahsis eden Uz Beyi Balık, başkenti ise ilginç bir biçimde Balçık ismini taşımaktadır (Başer, 2018, s.16).

Balık sözcüğü ile ilgili bir başka kavramsal karmaşa *Balıksı/Balıkçı* boy etnoniminde karşımıza çıkmaktadır. Bu etnonim Kazaklar arasında *Balık/Balıkçı*, Kırgızlar arasında *Balıkçı*, Tuvalar arasında *Balıkçı*, Başkurtlar arasında ise *Balıksı* şeklinde yer almaktadır. R. G. Kuzuyev'in açıklamasına göre bu kelime halk etimolojisinde “balıkçı” veya “bal toplayan” anlamını karşılamış, kimilerine göre de eski totemistik kültürle ilişkili ortaya çıkmıştır. Kuzuyev'e göre Başkurt boyları arasında da yer alan bu etnonimin Başkurtların balıkçılıkla ilgilenmiş olmasından kaynaklı oluştuğunu düşünmek için yeterli sebep yoktur. Zira ona göre Başkurtlar, Kazaklar ve Kırgızlar arasında balıkçılık çok önemli bir ekonomik faaliyeti oluşturmamıştır. Bu sebeple *balıq/balığ* sözcüğünün “kent”, *balıgdagu* sözcüğünün ise “kentli” anlamında kullanıldığı eski biçime yönelmek gereklidir (Kuzuyev, 2013, s. 359).

S. Tolstov, balık sözcüğünün eş sesliliğine ve bu sözcüğün evrimsel değişimine dair fikirlerini beyan eden önemli araştırmacılar arasındadır. Zira onun öne sürdüğü varsayım daha açıklayıcı ve akla yakın durmaktadır. Türk dillerinin hepsinde isimlerden sıfat türeten –luk/lug eki bal köküne eklendiğinde “çamur”, “balçık”, “bataklık” anlamlarına (Örn. bal-cug) gelmiştir. Aynı kökün farklı eklerle Avrupa dillerinde de “bataklık”, “çamur”, “nehir” anlamına gelmesi (Rusça: bal-ka, Slavca: bla-to, Bulgarca: bar-a vd.) bu kökün (bal/bar-par/per) oldukça eski olduğunu ve geniş bir yayılım gösterdiğini göstermektedir. Tolstov'a göre “su ile ilgili çeşitli olayların ve ilk önce bataklık, su birikintisi, durgun su ve kent” anlamlarına gelen bal/ber kökünün manasını açık bir biçimde ortaya koymak onun eskiliğini görmek açısından önemlidir. Eski

Türkçe kalıntılarda örneğin Huncada var/val kelimelerinin köküne bakıldığında, kelimenin “nehir” ve “kent” anlamlarının değişirliği gözlemlenmektedir. Araştırmacı Jordanes’ten aktararak Dinyeper’in Hun dilinde “Hun Nehri” anlamında Hunnivar olarak adlandırıldığını, benzer olarak Macar kroniklerinden aktarımla Atilla’nın Pannonia’daki başkentinin Buduvar (buradaki –var kent anlamında) olarak adlandırıldığını aktarmaktadır. Sonuç itibarıyla “akan, durgun, bataklık su birikintisinin” kökeni olan bal/ber sözcüğü M. Ö. 3–2. binlere ait olup, var-nehir; var-kent anlam değişimleriyle karşımıza çıkmaktadır. Örneğin Yakutlar göl kenarında yaşayan, hayvancılıkla uğraşmayan balıkçı topluluklara “yaya Yakutları”, balıkçılara ise “baltisit” demektedir. Tolstov’a göre kentli yerleşik hayat tarzını yarı göçebe ziraat, hayvancılık ve delta bölgesi balıkçılıkla birleştiren iktisadi yapıya sahip milletlerin dillerinde “bizi ilgilendiren kökenin “su”, “bataklık”, “göl”, “kent” anlamlarıyla bağdaşması kadim Neolitik ve Tunç Devri yerleşiklerinin balıkçılık faaliyetleriyle ilgili olduğunu düşündürmektedir. “Suyun temelinde, “balık-kent” ve “balık-balık (hayvan)” değişiminin meydana gelmesinde Türk dillerinin teşekkül devrinde (Miladın I. binyılının ortaları) balıkçılığın göl ve bataklık şartlarında hayatla bağdaşmasının rolü bulunmaktadır” (Tolstov 2017, 59–67).

Balık kelimesinin hem “kent” hem de “balık (hayvan)” anlamının değişkenliği Türklerin meskûn bulunduğu coğrafyadaki iktisadi yapılarıyla alakalı durmaktadır. Türkler bilindiği gibi geniş bir coğrafyaya yayılmış, yarı yerleşik yani hayvancılık, çiftçilik ve balıkçılık gibi iş kollarıyla aynı anda uğraş veren Avrasya halkları arasında yer almıştır. Uğraş verdikleri tüm iş kollarının devamlılığı suyun varlığı ile yakından alakalıdır. Bu sebeple olsa gerek yerleştikleri sahalar veya mücadeleye sebep olan yerler çoğunlukla bu su kaynaklarının etrafı, sulak ve delta bölgeleri olmuştur. Arkeolojik kaynakların gösterdiği gibi ilk etapta konargöçer kamp yeri olan bu su kenarları, sonradan ekonomik, siyasi ve askeri sebeplerle müstahkem yerleşim yerlerine yani kentlere dönüşmüştür. Araştırmalara göre göçebelikten evvel var olan yerleşikliğin temeli ise bu su kenarlarında bulunan balıkçılık mesleğiyle alakalıdır. Sonuç itibarıyla temelde su ile ilgili duran –bal kökünün sonradan su çevresinde kurulan yerleşimlerle bağlantılı olarak “kent” manasına evrilmesi (balık (kent): bataklıkta balıkçı iskanı), aynı şekilde balıkçılığında suyla ilgili olan bataklık, göl, nehir gibi sahalarda yapılmasından ötürü “balık

(hayvan)” anlamı kazanması bizce de kelimenin eş sesliliğini açıklamak babında mantıklı gözükmektedir.

Balıkçılık

Pasifik Okyanusu’ndan Adriyatik’e uzanan sahada Türklerin meskûn olduğu yerleşim şartlarına bakıldığında genel olarak su kaynaklarının bol olduğu alanların tercih edildiği görülecektir. Bu tercih elbette ki hayvancılıkla bağlantılı olan iktisadi yaşam tarzının bir sonucudur. Zira Eski Türklerin ana geçim kaynağını bilindiği üzere hayvancılık oluşturmuştur. Fakat yerleştikleri coğrafyanın fiziksel ve iklimsel koşullarının değişiklik arz etmesi üretimde onları alternatif faaliyetlerle uğraşmaya sevk etmiştir. Bu açıdan Türklerin ekonomisi karma karakter taşımıştır. Hayvancılık ahaliye tam gıda tedarikini hiçbir şekilde garanti etmemiştir. Türkler salgın hastalıklar ya da başka sebeplerle gerçekleşen hayvan kayıplarını, tarım ve balıkçılık gibi faaliyetlerle telafi etmeye çalışmışlardır. Bu sebeple olsa gerek yarı göçebe yerleşimler belirlenirken hem otlakların hem de su kaynaklarının var olduğu alanlar tercih edilmiştir. Su hayvanların gereksinimi, tarım alanlarının sulanması, ticari ulaşımın sağlanması ya zanaat üretiminde kullanılması gibi fonksiyonlarının yanı sıra balık gibi hazır gıda temininde oldukça fayda sağlamıştır.

Balıkçılık en eski çağlardan beri uğraş verilen iş kollarından birini oluşturmaktadır. Muhtemelen her insan topluluğunun evrimleşme süresince gerçekleştirmiş olduğu balık tutma faaliyeti hem tuzlu hem de tatlı su kaynaklarında gerçekleşmiştir. Kaynaklar Türklerin erken dönem balıkçılık faaliyetleri hakkında sessizliğini korumuş olsa da onların çok eski zamanlardan beri balıkçılıkla uğraşmış olduklarını söylemek yanlış olmayacaktır. Zira çok geniş bir alana yayılan Türk topluluklarının bulunduğu sahalar geniş nehir ağlarına ev sahipliği yapmıştır. Örneğin Baykal’dan batıya doğru Yenisey, Lena, Obi, İrtiş, Hazar’a dökülen Yayık, İtil, Karadeniz’ dökülen Ten, Özü, Turla ve Tuna şeklinde devam eden bir nehir silsilesi ile karşılaşırız, daha güneyde ise Türkistan’a hayat veren Aral’da Amu Derya, Sir Derya ya da Balkaş, İli, Tarım gibi çok sayıda su kaynağı bulunmaktadır. Bu kaynak bolluğuna rağmen Türklerin balıkçılıkla ilgili uğraşlarının kaynaklarda çok fazla yer edinmemesinin sebebi büyük ihtimalle temel geçimlerinin hayvancılık ile idama ettirilmesinden kaynaklanmaktadır. Fakat destanlarda yer alan haberler Türklerin balık türlerini özellikle de ırmakta yaşayan türleri iyi bildiklerini göstermektedir. Bu balık türleri arasında cortan (turna balığı), yurış (kaulbarsch-

trakya levreği), kıdık (barsch-tatlı su levreği), yaan (fil) balığı vd. yer almaktadır (Ögel 2014a, s. 677).

Türk tarihinde balıkçılıkla ilgili en erken haberler Ön Türklerin de içerisine dâhil olduğu Minusinsk, Altay, Doğu Kazakistan ve Doğu Türkistan sahasına yayılmış olan Afanasyevo kültürüne (M. Ö. 3000-1700) uzanmaktadır. S. V. Kiselev bu kültür sakinlerinin avcılık ve toplayıcılığın yanı sıra balıkçılıkla da uğraştıklarını belirtmektedir (Kiselev 1949, 30). Afanasyevo kültürünün Yenisey anıtlarında arkeolojik olarak keşfedilen balık omurları kolye yapımında kullanılmıştır (Badetskaya vd. 2014, 134). Bu kültürün devamı olan Okunev, Andronova, Karasuk, Tagar kültürlerinde de balıkçılık emarelerine rastlanmaktadır (Topsakal 2017, 45).

Bozkırlı bir kavim olan ve M. Ö. VIII-III. yüzyıl arasında Doğu Avrupa ve Türkistan sahasında yaşamış olan İskitler meskûn oldukları coğrafya sebebiyle balıkçılıkla haşır neşir olmuştur. Onlar hakkında en detaylı bilgileri sunan V. yüzyıl Yunan tarihçisi Herodotos IV. kitabında Borysthenes yani Özü (Dnyeper) Nehri kıyısında mersin balığı avladıklarından bahsetmektedir: “Denize döküldüğü yerde kendiliğinden oluşmuş uçsuz bucaksız tuz depoları vardır. Mersin balığı denilen ve havyar çıkartılan kocaman balık bol miktarda tutulur ve daha başka olağanüstü yararlar sağlar” (Herodotos IV, 53). Bununla birlikte II. yüzyıldan itibaren İskitlerin Özü Nehri’nde yayın balığı avladığı bilinmektedir. Fakat Türk kavimlerinin çoğunda olduğu gibi balık, bozkırlı kavimlerin yemek kültüründe çok fazla yer edinmemiştir. Zira Kamenskiya kentinde gerçekleştirilen arkeolojik kazılarda balıkçılığa dair hiçbir ize rastlanmaması İskitlerin çok fazla balık tüketmediklerini akla getirmektedir (Grakov, 2020, s. 99).

Bozkır sahasında yönümüzü daha doğuya çevirdiğimizde Hunların da balıkçılık ile uğraştıklarını saptamaktayız. Altay bölgesinde gerçekleştirilen kazılarda Yukarı Katun’daki Verh-Uymon mezarında Hun zamanına ait (M. Ö. III- M. S. II. yy) olduğu düşünülen demirden balık kancası ve bir kemik zıpkın (res. 1) keşfedilmiştir. Bu mezar alanı Miladi I-V. yüzyılları kapsamaktadır (Soenov ve Ebel 1992, 24). Yine Asya Hunlarının devamı olan ve göçler neticesinde Tuna sahasına uzanan Avrupa Hunlarının geçim kaynakları arasında balıkçılık yer almıştır (Baştav 2002, 860-884).

Hazar Kağanlığı’nın ekonomisi diğer pek çok Türk devletin de olduğu gibi mutlak göçebelikle sınırlanmamış, karma bir özellik sergilemiştir.

Hazar ahalisi ticaret, tarım ve hayvancılığın yanı sıra balıkçılıkla da haşır neşir olmuştur (Artamanov 2008, 510). Zira X. yüzyılda Hazar Kağanı Yusuf’un Endülüs Emevi halifesi III. Abdurrahman’ın danışmanı Hasday bin Şaprut’a yazdığı mektupta ülkelerinin az yağış almasına karşın bolca nehre sahip olduğu ve bu nehirlerden (başta Aşağı İtil) çokça balık tutulduğu geçmektedir (Pis’mo İosifa 2006, 669). X. yüzyıl İslam coğrafyacısı İstahri, ise eserinde (Mesalik el-memalik) Hazarlardan bahsederken, onların yiyeceklerinin çoğunluğunun pirinç ve balıktan oluştuğunu aktarır. Bu gayet tabii bir durumdur. Zira Hazarların meskun bulunduğu coğrafya Hazar Denizi başta olmak üzere İtil (Volga), Yayık (Ural), Kuban, Ten (Don), Özü (Dnyeper) nehirleri gibi önemli rezervlere ev sahipliği yapmıştır. Özellikle İtil Nehri’nin Hazar’a dökülmesiyle oluşan delta bölgesinde balıkçılık aktif olarak yapılmıştır. Zira bu nehrin sahip olduğu balık bolluğundan Kaşgarlı da söz eder:

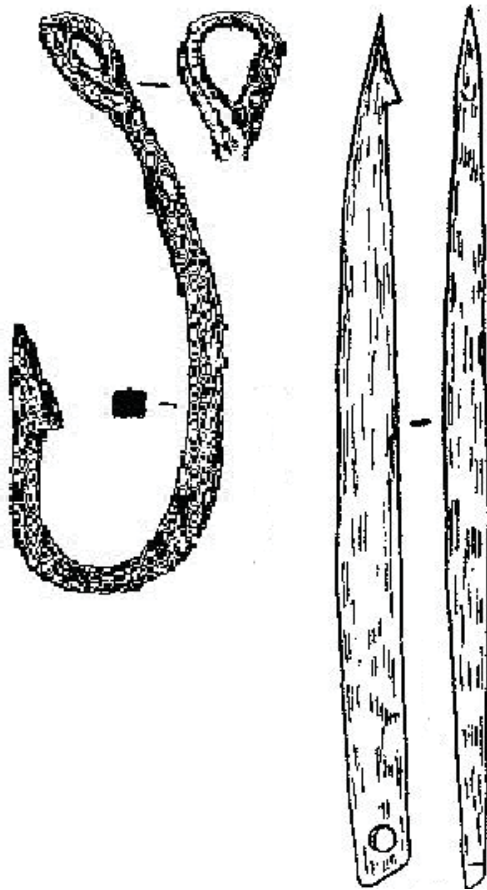
Etil suwı aka turur, (İtil suyu akar durur)

Kaya tüpi kaka turur, (Kayaların dibini döver durur)

Balık telim baka turur, (Bol balıklar bakar durur)

Köling takı köşerür.” (Gölcük dahi taşar). (Divanu Lugati’t-Türk 2015, 34)

XII. yüzyıl Arap coğrafyacı İdrisi, Hazar ülkesinden bahsederken bir balık türünü ayrıntılı bir şekilde tasvir etmiştir: “Bunşka (Nuşka) adasında şehriyar denen balık avlanır. Bu balık iskangurun bir çeşidi olup deniz fırtınalı olduğu zaman adanın batısındaki bir limanda avlanır. Cinsi gücü arttırmada iskangurun gösterdiği tesiri gösterir. Hatta ondan daha makbul ve etkilidir. Avcı oltasını veya ağını atıp bu balık ağa takılınca normalden daha fazla cinsi arzu duyar ve bundan balığın ağa takıldığını anlar. Fakat bu balık nadir bulunur. Uzunluğu 1 zira ile 1 karış arasında değişir. Daha büyük olmaz. İçi temizlendikten sonra tuz ve zencefil ile muamele edilip turunç yapraklarına sarılır, bu havalideki hükümdarlara hediye edilir. Onlar da hediye edeni mükafatlandırır. Bu balığın dilinin altında 1 kırat ağırlığında inci bulunur” (Şeşen 2001, 122). Bahsi geçen bu deniz mahsulünün tasvir edildiği özellikleri sebebiyle istiridye olabileceği akla gelmektedir. Zira kabukları arasında inci barındıran bu kabuklu deniz mahsulünün, eski zamanlarda cinsel gücü arttırıcı özelliği olduğuna inanılmıştır. Kadın organına benzetilerek doğurganlığın, dişiliğin, bereketin sembolü olarak görülen istiridyenin bu telakki çerçevesinde mitleşmesi Antik Yunan inancına

Res. 1. M. Ö. III- M. S. II. yy. Hun dönemi balık kancası ve bir kemik zıpkın

Fig. 1. 3rd century B.C and 2nd century AD Hun fish hook and a bone harpoon

Рис. 1. Рыболовный крючок и костяной гарпун в гуннский период (III век до н.э. – II век н.э.)

Balıkçılık İtil Bulgarlarının ekonomik yaşamında önemli bir rol oynamıştır. Zira devletin bulunduğu arazi İtil, Kama ve bunların kollarından oluşan zengin bir nehir ağına sahiptir. Yazılı ve arkeolojik kaynaklar bölgedeki balıkçılık hakkında önemli bilgiler sunmaktadır. Yazılı kaynaklardan olan seyahat notları bu açıdan oldukça zengindir. 922 senesinde Abbasi Halifelik elçiliği bünyesinde Bulgar yurduna gelen İbn Fadlan, seyahatnamesinde (el Rihle) Bulgarların yemeklerinde zeytinyağı, susunyağı, tereyağın yerine balık yağı kullandıklarını ve bu sebeple yiyeceklerinin fena koktuğunu aktarmıştır (İbn Fadlan Seyahatnamesi, 2015, s. 29).

XII. yüzyılda İspanya'dan yola çıkan Seyyah Ebu Hamid Muhammed el-Gırnati İran'dan hareketle 1134-1135 senelerinde vardığı İtil'de ahalinin içtimai hayatına yönelik ayrıntılı gözlemlerde bulunmuş ve bu gözlemlerini seyahat notlarına (Tuhfetü'l-elbab ve nuhbetü'l a'cab) kaydetmiştir. Bulgarların da meskûn olduğu bir sahayı oluşturan Saksin civarında gördüğü balık türlerinden bahseden Gırnati, avlanan balıkların büyüklüğü karşısında hayrete düşmüştür: *Bu nehirde (İtil) daha önce dünyada eşini benzerini görmediğim balık türlerini gördüm mesela öyle bir balık var ki, güçlü bir deve bunları ancak taşıyabilir. Tabi ki bunların (balık) küçükleri de var. (Bunlar) kılçıksızdır ve başında kemik, ağzında diş yoktur. Sanki tavuk etiyle doldurulmuş kuzunun budu gibidir. Besili kuzu etinden daha güzel ve lezzetlidir. Bu balığın içine pirinç doldurulur ve kızartılır. Bu balık bize yüz yarım danik (dirhem'in altıda biri) bedeli ile satılır. Bu balığın karnından çıkarılan yağ lamba için bir ay yetebilir. Midesinden de bizim ağırlığımızın yarısı kadar tutkal çıkarılır. Bu balığın eti tuzlanarak*

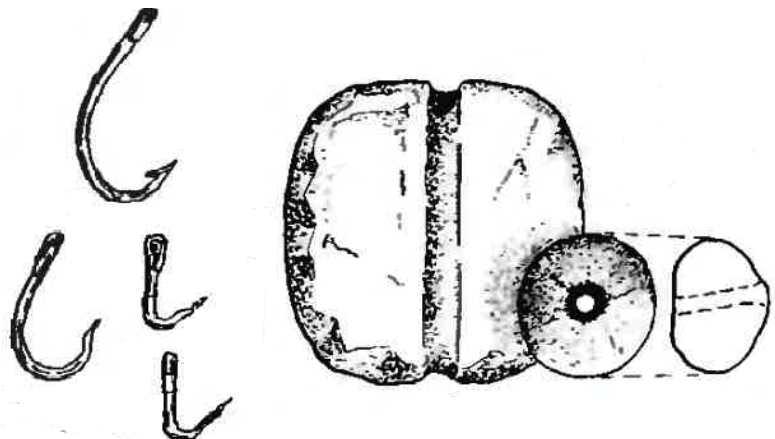
dayanmaktadır. Bilimsel olarak da içerdiği iyot, çinko ve fosfor sebebiyle testosteron üretimini arttırdığı düşünülmektedir (Akdeniz ve Sırtlı 2020, s. 27–54).

Arkeolojik araştırmalar Hazar Kağanlığı ahalisine atfedilen Saltovo-Mayatsk kültür dairesi içerisinde gerçekleştirilen balıkçılık faaliyetleri hakkında ipucu sağlamaktadır. Çoğu Saltovo yerleşiminde balık kemiklerine rastlanmıştır. Örneğin Pravoberejno Tsimlyansk yerleşiminde balık kemikleri, balıkçı yerleşimleri ve bu balıkçı yerleşimlerinde farklı türde oltalar ve kurşunlar (res.2) keşfedilmiştir. Aşağı Ten, özellikle de Azak Denizi kıyısında keşfedilen göçebe yerleşimlerde de balıkçılıkla (balık kemikleri, oltalar) uğraşıldığı kaydedilmiştir (Плетнева 1967, c. 148–151).

Res. 2. Pravoberejno Tsimlyansk yerleşimi balık oltaları ve kurşunlar

Fig. 2. Fishing rods and bullets in Pravoberejnoe Tsimlyansk settlement

Рис. 2. Рыболовные крючки и грузила в Правобережном Цимлянском городище

kurutulur ve dünyadaki bütün kurutulmuş etlerden daha güzel olur. Saf, kırmızı kehribar renginde olup, ekmekle beraber yenir (Gırnati Seyahatnamesi 2011, 187). Gırnati'nin tasvir ettiği balık türü muhtemelen mersin balığıdır. Zira kışı sığ deniz sularında geçiren mersin balığı üremek için ilkbahar başlarında nehirlere girerek, nisan ve haziran aylarında yumurta bırakır. Dünyanın en büyük tatlı su balığı olmakla birlikte 6 metre uzunluğa ve 1 ton ağırlığa ulaşabilmektedirler. Seyyahın bahsettiği gibi iskeletleri büyük oranda kıkırdaktan oluştuğu için adeta kemiksiz gibi görünürler. Ekonomik olarak ise oldukça kıymetlidir. Yumurtalarından havyar, hava keselerinden tutkal yapılır, eti ise değerlidir (Üstündağ 2005, 6-8). Bu haberlerin dışında Bulgarların ihraç malları arasında da balıklar yer almaktadır. X. yüzyıl Arap coğrafyacılardan olan Mukaddesi Bulgar'dan Harezme'ye ihraç edilen Bulgar malları arasında büyük balıklar, balık tutkalı, balık dişleri olduğunu aktarmıştır (Hvol'son 181).

Arkeolojik kaynaklar ise Bulgarların balıkçılıkta kullandığı aletler hakkında önemli veriler sunmaktadır. Bulgarların gıda depolamak için kullandıkları çukurda mersin, yayın, levrek başta olmak üzere çeşitli balıklara ait pullar ve kılçıklar keşfedilmiştir (Казаков, 1991, c. s89). Balık ağıları için kurşunların, demir balık kancalarının ve bir kancayla uzunca bir levha şeklindeki oltakaşığı keşfedildiği Bulgar ve Suvar yerleşimindeki kazılar, bu kentlilerin nüfusunun balıkçılıkla uğraştığını doğrulamaktadır. Bulgar yerleşimlerinde keşfedilen olta iğneleri yuvarlak kamış kalınlığına göre iki gruba ayrılmaktadır. Bunlardan ilki 5,5 cm uzunluğa, kıvrımın aşağı kısmında 3-6 cm. genişliğe ve 3,5-7 cm. çapa sahip en büyük numunelerden oluşmaktadır. İkinci grubun olta iğneleri İzmersk I yerleşimine aittir ve 1,5-3 cm. çapından telden yapılmış, kıvrımın aşağı kısmının genişliği ise 1-1,5 cm'dir (res. 3). İlk grubun olta iğneleri ebat itibarıyla büyük ihtimalle mersin, yayın gibi büyük balıkları yakalamak için ikinci grubun olta iğneleri ise daha küçük balıkları yakalamak için tasarlanmıştır. Yine zıpkınlar ve buz kırma levheleri balıkçılıkla alakalı olan buluntular arasındadır (Казаков 1991, c. 88-89). Cuketau kentinde yapılan kazılarda "biri delinmiş, 19 adet taştan yapılmış balık ağırlıkları (batırgıç) keşfedilmiştir (Хузин, Набиуллин, 1999, c. 96): "Kazı sırasında, amacı belirlenemeyen birkaç yapı daha ortaya çıkarıldı. Bunların küçük boyuttadır. Bunları balık pulları kaplamıştır, ayrıca bu yapıların birinde 100'den fazla mersin balığı kılçığı açığa

23, 24, 25, 26, 27 nolu buluntular (İzmersk I)

Res. 3. Olta İğneleri

Fig. 3. Fishing hooks

Рис. 3. Рыболовные крючки

çıkmıştır" (Хузин, Набиуллин, 1999, c. 97). Büyük ihtimalle bunlar balıkları depolamak amaçlı kullanılmıştır. Yine Bulgarların başkenti Bilyar'da da balıkçılığa dair çok sayıda avcılık malzemesi (res. 4) keşfedilmiştir (Halikov 2006, 248).

Balıkçılık faaliyetinin hangi Türk halkları arasında gerçekleştirildiği hakkında (İskitler, Hazarlar ve Bulgarlar dışında) yazılı ve arkeolojik kaynaklar sessizliğini genel olarak korumuştur. Fakat söz konusu inanç olunca arkeolojik ve folklorik kalıntılar balığın Türk dünyasındaki manevi boyutuna geniş olarak ışık tutmaktadır. Fakat balığın Türk sanatında ve sözlü kültüründe yer edinmesinin sebebi özellikle Güney Sibiry'a da bulunan halkların geçimlerinin çoğunlukla balıkçılık olmasıyla pek alakalı durmamaktadır. Elbette ki bir halkın hayatını idame ettirmede rol oynayan faaliyetlerin o halkın dünya algılayışında yer edinmesi kaçınılmazdır. Fakat balığın bu etkisi daha çok kozmogonik telakki ve diğer inançlar ya da halklarla gerçekleştirilen kültürel bir etkileşimin sonucu gibi durmaktadır.

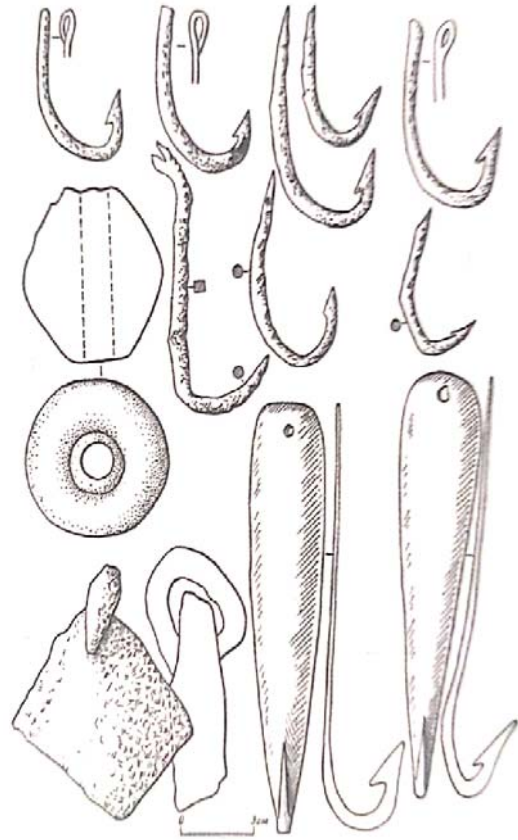
Balık İmgesi

Eski Türk inanç sisteminde yer-su kültürle bağlantılı olarak su önem verilen bir unsuru

oluşturmuştur. Öyle ki Orhun Kitabelerinde dahi yer ve su, Türklerin koruyucu ruhu olarak sayılmıştır. Bu sebeple Türkler meskûn oldukları coğrafyadaki suların kirlenmemesine, bir ruhu olduğu inanılan bu kaynağın hayatı fonksiyonlarını devam ettirmesine, doğal işleyişin bozulmamasına büyük önem vermişlerdir. Bu sebeple olsa gerek kutsal sayılan bazı nehirlere girilmesi ve onlardan balık avlanması yasaklanmıştır (Roux, 2011, s. 139). Örneğin Gerdizi Kimeklerin (Kıpçak) İrtiş Nehri'ni kutsal saymasından bahsetmektedir (Şeşen 2001, s. 74). Yine Yakut Türkleri de her ırmağın, gölün bir ruhu olduğuna inanmış, balık avına çıkmadan önce bu su ruhu için doğurmamış bir inek kurban edip balık ve içki sunmuştur (Kalafat, 1995, 54).

Balığın Türk mitolojisinde nadir de olsa kutsal sayılan hayvanlar arasında yer aldığı da kayda geçmiştir. Örneğin X. yüzyılın ilk çeyreğinde Başkurların ülkesini ziyaret etmiş olan İbn Fadlan, onların bazılarının yılanlara, bazılarının kuşlara, bazılarının da balıklara taptıklarını ifade etmektedir (İbn Fadlan Seyahatnamesi 2015, s. 20). Burada bir Türk boyunun kutsal atfettiği ve totem kabul saydığı hayvan kastedilmektedir. Totemlerin oluşumunda yaşanan coğrafyanın faunası büyük önem arz etmektedir. Su kaynaklarının yer aldığı bir alanda balığın kutsallaştırılması bu açıdan gayet olağan gözükmektedir. Bu hususta bir başka misal de Oğuzlardan gelir. Türk mitolojisinde göçlerin kutsal atfedilen bir hayvan rehberliğinde gerçekleşmesine oldukça sık rastlanılmaktadır. Bu babda Oğuzların Aral'daki rehberini yani yol göstericisini bir balık oluşturmaktadır (Roux, 2011, s. 218).

Yakut Türkleri için Baykal Gölü oldukça önem arz etmiştir. Onlara göre bu gölün derinliklerinde Arağıt denen bir balık yaşar, bu gölün dibi ise dünyanın tabanını oluşturur. Yani Dünya, Baykal Gölü'nün içinde yaşayan bir balık üzerinde durmaktadır (Ögel 2014, s. 473). Bu mitolojik anlayışta hem suya hem de balığa atfedilen kutsallık ön plana çıkmaktadır. Bu açıdan bakıldığında su ve özellikle balıkla ilgili mitolojik anlatımların Kuzeydoğu Asya'da yaşayan ve hayatlarını idame ettirmede balığın önemli bir yer işgal ettiği Türk halklarında yoğun olarak var olduğunu görmekteyiz. Örneğin Türk kozmogonisinde Dünya'nın bir balık üzerinde durması yine bu halkların sözlü edebiyatlarında yer alır ki en bilinen anlatım Altaylı Türklerin Yaradılış Destanı'nda geçmektedir. Destanda Tanrı Ülgen üç büyük balık yaratır ve bu balıklar dünyaya destek olup, onu sırtında taşır. Zincirlerle bağlı tutulan ve başı kuzeye dönük olan ortadaki

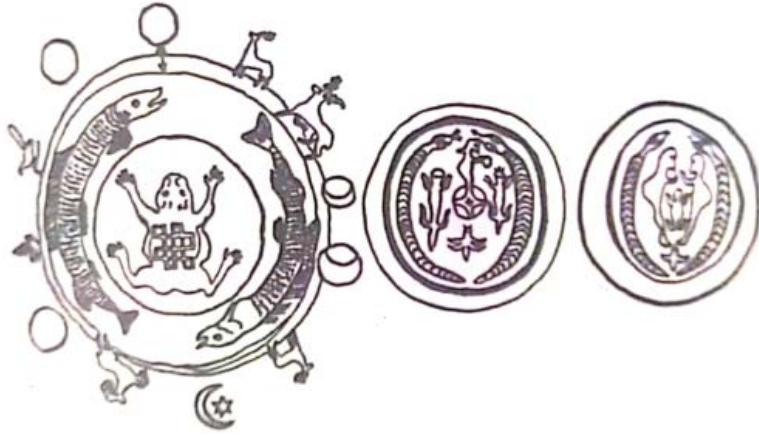
Res. 4. Bilyar yerleşimi olta iğneleri, kurşunlar

Fig. 4. Fishing hooks, bullets in Bilyar

Рис. 4. Рыболовные крючки и грузила в Билиаре

balık başını sallarsa yerle gök birbirine karışır (Radloff 1994, 6). Dünyanın bir balık üzerinde durması inancı Türkler dışında Hint, Japon, Fin-Ugor vd. halkların sözlü anlatımlarında yer almıştır. Zaten araştırmacıların ortak fikrine göre bu inanç, dünyayı bir kaplumbağanın sırtlandığına inanan Çin ve Dünya'yı bir balığın taşıdığına inanılan Hint, sonrasında da Budizm tesiriyle Altay ve Türk sahasına girmiştir (Ögel, 2014, s. 475). Zira bu durum Altay kamlarına ait dünya diskleri üzerindeki denizin ortasındaki kaplumbağa-kurbağa ve bunun kenarlarında yer alan iki balık motifiyle de tasdiklenmektedir (res. 5).

Maddi sanat eserlerine baktığımızda da sıklıkla balık imgesiyle karşılaşmaktayız. Bu örneklerden en erken tarihli olanlarından bir kısmı İskitlere aittir. İskitlerle ilişkilendirilen Pazırık kültürü anıtlarında çok sayıda balık tasviri yer almaktadır (Руденко, 1960, с. 260). Örneğin balık şeklinde bir kolye, eyere asılı olan bir koç kafasını yakalayan balık tasviri, yine mevtanın bacağı üzerine dövülmüş bir balık resmi, halılara işlenen balık motifleri vd. Pazırık kültürünün kalıntıları arasında yer almaktadır (Руденко, 1953. с. 135, 136–285). İskitler gerçekten de balık imgesini sanat eserlerinde yaygın olarak kullanmıştır. Örneğin M. Ö. VI.

Res. 5. Altay Şamanlarının Dünya diskleri

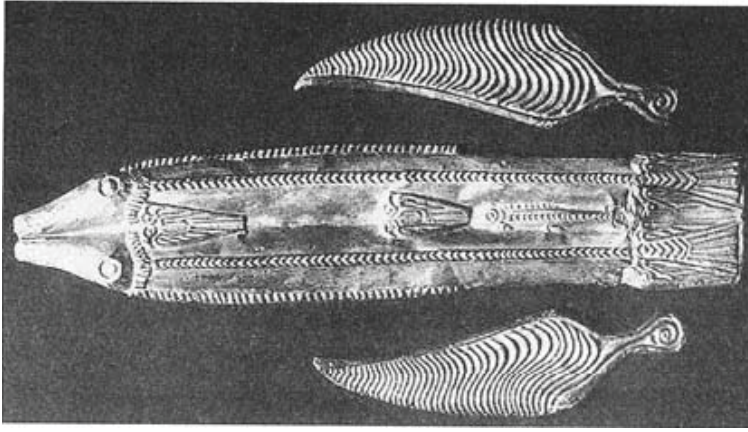
Fig. 5. Earth discs of Altai Shamans

Рис. 5. Земные диски алтайских шаманов

yüzyıla tarihlenen ve Polonya’da keşfedilen altından yapılmış balık kabartması (Vettersfelde) oldukça ilginçtir (altın balık). Balığın kuyruk kısmında kartal ve koçbaşları, gövdesinde yüzen balıklar ve pars-geyik av sahnesi tasvir edilmiştir. Bu altın balık bir kalkan üzerine yerleştirilmek amacıyla imal edilmiştir. Yine Ukrayna’daki Soloha kurganında bulunan V. yüzyıl sonu ve VI. yüzyıl başlarına ait tahta kap kacakları süsleyen tezyinatta, at alınlığı ve yanaklıklara ait olduğu düşünülen kabartma tekniği ile birbirine simetrik yerleştirilen balık tasvirlerinin yer aldığı buluntuda (res. 6) ve yukarıda bahsi geçen Vettersfelde altın balığı kabartmasında her ne kadar Yunan etkisi olduğu düşünülse de İskitlerde balığın kutsallaştırılmasının sanata yansıdığı gözlemlenebilmektedir (Grakov, 2020, s. 99).

Arkeolojik kaynaklar temel alındığında balık imgesinin yer aldığı buluntularının çoğunun İrtiş ile Ob nehirleri havzalarında bulunan Ural-Altay halklarına ait kalıntılara ait olduğu gözlemlenebilmektedir. İdrisi bu sahada meskûn bulunan Kimeklerin sularının bol olduğundan ve bu sularda çokça büyük balık tutulduğundan bahsetmektedir (Şeşen 2001, 108-109). Balığın imgesel olarak Kimek eserlerinde yer alması da farklı bir hususun sonucudur. Altay ve Ob-İrtiş nehirleri arasında bulunan kurganlarda yer alan defin malzemeleri arasında balığa sıkça rastlanmaktadır. Bunlar Kimek-Kıpçak dönemine ait kutsal sayılan ve ritüel objeleri içeren “Uzun Kurganlar” olarak adlandırılan eserlerde keşfedilmiştir. Etnografik malzemelere dayanarak Kimekler arasındaki balık ve kuş tasvirlerinin ongon/tös kültürüyle ilişkili erken şaman ritüellerinin izlerini taşıdığı söylenebilmektedir. Zira Kimekler arasında en yaygın inanç biçimini, Tengricilik kalıntılarıyla birlikte yaşayan Şamanlık olmuştur. Özellikle kadın mezarlarından elde edilen tokalar üzerindeki zooantropomorfik tasvirler, Kimeklerin dünya görüşünde geleneksel kültürün korunduğunu göstermektedir (Kazakistan arheologiyası, 2013,

128).Örneğin bölgede IX-X yüzyıla tarihlenen Zevakinsk kadın mezarında Kimek tipi küpeler, Eski Türkçe ibareli bir ayna ve bir balık heykeli keşfedilmiştir. Yine benzer olarak Doğu Kazakistan bölgesinin Şemonaihinsk bölgesinde keşfedilen bir gömüde defin eşyaları arasında bronz bir balık heykeli (res. 7) dikkat çekmektedir (Kazakistan arheologiyası 2013, p. 225). Balık üzerinde üç yapraklı çiçeğin dört dalının filizlendiği kabartma iki daire içine alınmıştır. Bu bölgedeki birçok kurganda benzer üç boyutlu balık figürü yer almaktadır. Araştırmacılara göre bu desende hayat ağacı ve güneş kültlerini yansıtan semboller birleştirilmiştir. Ana görüntü olan balık ise su kültürüyle bağlantılı durmaktadır. Genel olarak kompozisyon güneş de dâhil olmak üzere suyla ahiret dünyasının ilişkisi, nihayetinde ise en geniş anlamıyla esenlik ve doğurganlıkla dışı üretkenliğinin bağlantısını ifade etmektedir (Kazakistan arheologiyası 2013, s. 104). M. Eliade de su ve balığın eski inançlarda doğurganlık simgeleri olduğunun altını çizmektedir (Eliade 2014, s. 197). Zira Türk yaratılış anlatılarında da balık, gök gürültüsünün hayvan biçimli karşılığı olarak verilir. Nehir ve göl kıyılarında yaşayan Türk halklarında balık bereket, refah ve bolluğu temsil etmektedir (Çoruhlu 2011, s. 167). Bununla birlikte balıklar su ile ilişkili olarak saflığın sembolü olarak görülmüştür. Bu bağlamda Kimek-Kıpçakların dışında başka Türk halklarının arkeolojik kalıntılarında balık tasviri yer almaktadır. Örneğin Erken Türk dönemi (VI-VIII yy.) Kudurge mezarlığında eyer üzerinde bir av sahnesi ile gerçekçi olarak betimlenen iki balığın tasviri keşfedilmiştir. Yine bu bölgeye bitişik bölgelerin birinde Baraba bozkırında taş balık figürleri bulunmuştur. Ancak bunlar çoğunlukla şematik olarak işlenmiştir. Balık tasvirleri, komşu bölgelerdeki birçok senkron kurgandan çıkarılmıştır. Örnek olarak asil bir Uygur savaşçısının mezarında birbirine karşıt olarak konumlandırılan iki balığın tasvir edildiği bakır gümüş kaplama kemer plakaları

Res. 6. VI. yüzyıl İskit zanaatında balık
Fig. 6. Fish in 6th century Scythian art
Рис. 6. Рыба в скифском искусстве VI века

bulunmaktadır. Arkeolojik araştırmalar sayesinde IX–X yüzyıl Yenisey Kırgız anıtlarında bunların en yakın analogilerinin olduğu bilinmektedir. Yukarıda da bahsi geçtiği gibi Doğu Kazakistan Kimek-Kıpçak dönemi kurganlarından çıkarılan çift balık tasvirlerinin yer aldığı metal mamuller araştırmacılar arasında yaygın bir Budist sembolü olarak kabul edilmiştir. Burada balık imgesinin evlilikte sadakat ve mutluluk, doğurganlık, zenginlik ve dostluk sembolü olduğuna inanılmıştır. Çin’de ise Tang Hanedanlığı döneminde, bir balık veya bir çift balık, gücün ve yüksek sosyal konum sembolü olarak kabul edilmiştir. X. yüzyılda Liao veya Kidan eyaletinde (bugünkü İç Moğolistan ve Çin’in kuzeyi) balık, imparator hizmetkârları tarafından kemer üzerinde tasvir edilmiştir. Öyle ki balık imgesi taşıyan kolye cesaret sembolü olarak seçkin hizmetler karşılığında hizmetkârlara ödül olarak verilmiştir (Aitkali 2021, s. 128).

Balığın görüldüğü üzere Türk inanç dünyasında farklı manalara gelen çeşitli tasvirleri bulunmaktadır. Bizim ele aldığımız imgeler en başlıca olan balık motiflerini oluşturmaktadır. Zira balık imgesi tarihi süreçte halkların inanç penceresine göre çok geniş bir yayılım göstermiştir, balığa farklı anlamlar atfedilmiştir. Örneğin 620 senesinde Göktürk Kağanı Tung Yabgu, dostluğunu göstermek amacıyla balık yumurtası sunmak için Çin’e bir elçi göndermiştir (Taşağıl 2016, s. 151). Kuzey Asya Türk halkları arasında yer alan Olta Salan Yiğit (Karmak salgan cigit) adlı masalda balık kısımet motifi ile ilişkilendirilmiştir: “Bu yiğit, her gün balık tutmuş. İki veya üç balık tuttuğu zaman ise o sayıda kedi veya köpek, ortak olmak için ortaya çıkarmış”. Bazen ise balık destanlarda kurtarıcı sıfatıyla yer almıştır: “Mollalarla arası iyi olmayan bir çocuk, kurtulmak için bir balık

oluyor. Molla da hemen turna balığı donuna girip onu kovalıyor. Yutmak istiyor; fakat çocuk kuzey denizlerinde görülen yurış balığı oluyor ve molla onu yutamıyor. Bundan sonra kuş olup, Han’ın penceresine konuyor” (Ögel 2014a, s. 677). Bu tarz örnekleri çoğaltmak daha önce bahsi geçtiği gibi pek mümkündür. Sonuç itibarıyla Türk halklarının çok geniş bir alana yayılmış olması ve İslamiyet, Hristiyanlık, Budizm gibi yeni inançlarla ya da yabancı halkların ananeleri ile tanışmaları Tengricilik devrinde oluşan maddi ve manevi kültürlerinin değişime uğramasına sebebiyet vermiştir. Bu süreçten balık imgesi de nasibini almıştır.

Sonuç

Yazılı kaynaklar incelendiğinde tarihi süreçte eş sesli bir yapıya sahip olduğu görülen balık kelimesinin bugünkü anlamda kullanımı Sibirya’nın Neolitik ve Tunç Devri yerleşikliklerinin balıkçılık faaliyetlerinin su kenarlarında dolayısıyla ilk yerleşimlerinin de su, balık kenarında kurmuş olmasıyla alakalıdır. Bu yerleşimlerin zamanla kalıcı sabit ve tahkimli yerleşimlere dönüşmesi ise balığın

Res. 7. Doğu Kazakistan bronz balık heykeli
Fig. 7. Bronze fish statue in East Kazakhstan
Рис. 7. Бронзовая скульптура рыбы
в Восточном Казахстане

kent anlamında kullanımına sebebiyet vermiştir. Yani balık kelimesinin hem “kent” hem de “balık (hayvan)” anlamının değişkenliği Türklerin meskûn bulunduğu coğrafyadaki iktisadi yapılarıyla alakalıdır. Fakat yazılı ve arkeolojik kaynaklar incelendiğinde Türklerin hayvancılıkla geçindikleri, sulak alanlarda meskûn olmalarına karşın balıkçılık ile çok ilgilenmedikleri görülecektir. Fakat genel kabule göre Avrasya coğrafyası da dâhil olmak üzere konargöçer ya da göçebelikten evvel yerleşikliğinin oluştuğu, göçebelğe yerleşiklikten sonra geçildiği ve bu yerleşikliğinin temelinin su kenarlarında bulunan balıkçılık mesleğiyle alakalı olduğu görüşü hâkimdir. Bu sebeple Türkler de diğer Avrasya halkları gibi balıkçılık mesleğine yabancı olmamışlar, temel geçim kaynaklarına alternatif olarak balıkçılıkla ilgilenmişlerdir. Başta Güney Sibiryaya olmak üzere pek çok Türk halkının (İskitler, Hunlar, Hazarlar, Bulgarlar, Kimek-Kıpçaklar vd.) geçim faaliyetleri arasında

balıkçılık yer almıştır. Bu husus arkeolojik ve yazılı kaynaklar tarafından da tasdiklenmiştir. Balıkçılık faaliyeti ile çok ilgili olmaksızın Türk sanatında kullanılan balık imgesi ise balığın Türk toplumunun inanç sisteminde işgal ettiği konumu gözler önüne sermektedir. Özellikle İrtiş ile Ob nehirleri havzalarında bulunan Ural-Altay halklarına ait üzerinde balık motifi taşıyan çok sayıda eser gün yüzüne çıkartılmıştır. Bu eserlerde yer alan balık imgelerinin eski Türk inanç sistemiyle bağlantılı olduğu varsayılırken, Türk sözlü geleneğine ait destan ve masallarda yer alan balık motifinin ise kültürel etkileşimler sonucu dış menşeli olduğu düşünülmektedir. Öyle ya da böyle balık imgesi Türk sanatında yer edinmiş önemli hayvan motiflerinden birini oluşturmuştur. Tarihi süreçte balığın geçirdiği bu değişimi incelemek Türk toplumunda gerek iç gerek ise dış etkenli değişen filolojik, dinsel ve içtimai unsurları açığa çıkarmak açısından mühimdir.

KAYNAKLAR

- Aitkali A.* Arkeolojik ve Tarihi Açından Doğu Kazakistan'daki Türk Dönemi Anıtları (VI–XII yy). Akdeniz Üniversitesi. Sosyal Bilimler Enstitüsü. Tarih ABD. Yayınlanmamış Doktora Tezi, 2021. 292 s.
- Akdeniz D., Sırtlı A.* Erken Dönem Mitolojisinde Afrodizyak Yiyeceklere Ait İnanışlar // Journal of Tourism and Gastronomy Studies. 2020. 8 (4). S. 2745–2768.
- Artamanov M. İ.* Hazar Tarihi. İstanbul: Selenge Yayınları, 2008. 670 s.
- Badakoğlu U.* Antik Kaynaklar ve Güncel Çalışmalar Işığında Sarmatlar-İskitler. Bilecik Şeyh Edebali Üniversitesi. Sosyal Bilimler Ent. Tarih ABD. Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Bilecik, 2018. 165 s.
- Başer A.* Osmanlı Devleti ve Gagauzlarla İlişkilerin İlk Devresine Dair Bazı Gözlemler. Gagauz Dili, Tarihi, Coğrafyası ve İnanç Sistemleri. I. Uluslararası Devleti Olmayan Türk Toplulukları Bilgi Şöleni. 2018. S. 9–22.
- Baştav Ş.* Avrupa Hunları. Türkler Ansiklopedisi. C. I. Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. S. 853–886.
- Çoruhlu Y.* Türk Mitolojisinin Ana Hatları. İstanbul: Kabalcı Yayınları, 2011. 256 s.
- Durmuş İ.* İskitler // Doğu Avrupa Türk Tarihi / Ed. O. Karatay ve S. Acar. İstanbul: Kitabevi, 2018. S. 9–54.
- Eliade M.* Dinler Tarihine Giriş. İstanbul: Kabalcı Yayınları, 2014. 455 s.
- Gırnati Seyahatnamesi.* Haz. Fatih Sabuncu. İstanbul: Yeditepe Yayınları, 2011. 222 s.
- Grakov B.N.* İskitler. İstanbul: Selenge Yayınları, 2020. 372 s.
- Herodotos.* Tarih. Çev. M. Ökmen. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2017. 817 s.
- İbn Fadlan Seyahatnamesi.* Çev. R. Şeşen. İstanbul: Yeditepe Yayınları, 2015. 78 s.
- Kalafat Y.* Doğu Anadolu'da Eski Türk İnançlarının İzleri. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1995. 196 s.
- Divanu Lügati't-Türk, Kaşgarlı Mahmud.* Giriş-Metin-Çeviri-Notlar-Dizin (Divanu Lügati't-Türk, Introduction-Text-Translation-Notes-Index). Haz. A. Ercilasun ve Z. Akkoyunlu. Ankara: TDK. 995 s.
- Karatayev O.* Eski Türk Devrindeki Kırgız Etnik İsimleri // Türkler Ansiklopedisi. C. II. 2002. S. 377–385.
- Kazakistan arheologiyası.* Dereker men zertteuler. Red. Z. Samaşev. T. III. Astana, 2013. 404 s.
- Kuzuyev R. G.* İtil-Ural Türkleri. İstanbul: Selenge Yayınları, 2013. 539 s.
- Minorsky V.* Balgitzı “Lord of the Fishes // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1960. 56. 1960. S. 130–137.
- Ögel B.* Türk Kültür Tarihine Giriş 1. Türklerde Köy ve Şehir Hayatı (Göktürklerden Osmanlılara). Ankara, 1991. 495 s.
- Ögel B.* Türk Mitolojisi. C. I. Ankara: TTK Yayınları, 2014. 745 s.

- Ögel B. Türk Mitolojisi. C. II. Ankara: TTK Yayınları, 2014a. 778 s.
- Roux J. P. Türklerin ve Moğolların Eski Dini. İstanbul: Kabalcı Yayınları, 2011. 381 s.
- Sümer F. Eski Türklerde Şehircilik. Ankara: TTK Yayınları, 2014. 113 s.
- Taşagıl A. Kök Tengri'nin Çocukları. İstanbul: Bilge, Kültür Sanat, 2016. 368 s.
- Theophanes. The Cronicle of Theophanes the Confessor. Translation by Harry Turtledova. University of Pennsylvania Press Philadelphia, 1982. 204 p.
- Tolstov S. Oğuz Şehirleri ve Oğuzlar. Çev. E. Şeremeteva. İstanbul: Doğu Kütüphanesi, 2017. 123 s.
- Topsakal İ. Sibirya Tarihi. İstanbul: Ötüken Yayınları, 2017. 261 s.
- Üstündağ E. Mersin Balıkları. SÜMAE Yunus Araştırma Bülteni. 5 (2). Haziran 2005. S. 5–8.
- Бадетская Э.Д., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников Афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 378 с.
- Бятикова О.Н. Лексика рыболовства в татарском литературном языке. Дисс... канд. филолог. наук. Казань, 2003. 214 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР, 1951. 642 с.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1953. 401 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1960. 360 с.
- Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово-история-культура Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2002. 708 с.
- Хамидуллин Б. Письмо Иосифа // История татар. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 660–669.
- Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г. Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 г.) // Археологическое изучение булгарских городов / Ред. Ф.Ш. Хузин и др. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 90–113.

Yazar Hakkında Bilgi:

Meltem Akıncı. Ph.D (c). Akdeniz Üniversitesi. Sosyal Bilimler Enstitüsü. Tarih Anabilim Dalı. Antalya: mltm.akinci@hotmail.com. <https://orcid.org/0000-0003-0807-1113>.

REFERENCES

- Aitkali, A. 2021. Arkeolojik ve Tarihi Açısından Doğu Kazakistan'daki Türk Dönemi Anıtları (VI–XII yy). Akdeniz Üniversitesi. Sosyal Bilimler Enstitüsü. Tarih ABD. Yayınlanmamış Doktora Tezi.
- Akdeniz, D., Sırtlı, A. 2020. In *Journal of Tourism and Gastronomy Studies*. 2020. 8 (4). 2745–2768 (in Turkish).
- Artamanov, M. İ. 2008. *Hazar Tarihi*. İstanbul: Selenge Yayınları.
- Badakoğlu, U. 2018. *Antik Kaynaklar ve Güncel Çalışmalar Işığında Sarmatlar-İskitler. Bilecik Şeyh Edebali Üniversitesi. Sosyal Bilimler Ent. Tarih ABD*. Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Bilecik.
- Başer A. 2018. Osmanlı Devleti ve Gagauzlarla İlişkilerin İlk Devresine Dair Bazı Gözlemler In *Gagauz Dili, Tarihi, Coğrafyası ve İnanç Sistemleri*. I. Uluslararası Devleti Olmayan Türk Toplulukları Bilgi Şöleni, 9–22.
- Baştaş Ş. Avrupa Hunları. 2002. *Türkler Ansiklopedisi*. C. I. Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 853–886.
- Çoruhlu, Y. 2011. *Türk Mitolojisinin Ana Hatları*. İstanbul: Kabalcı Yayınları.
- Durmuş, İ. 2018. In *Doğu Avrupa Türk Tarihi*. İstanbul: Kitabevi, 9–54.
- Eliade, M. 2014. *Dinler Tarihine Giriş*. İstanbul: Kabalcı Yayınları.
- Gırnati Seyahatnamesi 2011. *Haz. Fatih Sabuncu*. İstanbul: Yeditepe Yayınları.
- Grakov, B. N. 2020. *İskitler*. İstanbul: Selenge Yayınları.
- Herodotos. 2017. *Tarih*. Çev. M. Ökmen. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları.
- Divanu Lügati't-Türk, Kaşgarlı Mahmud. *Giriş-Metin-Çeviri-Notlar-Dizin (Divanu Lugati't-Türk, Introduction-Text-Translation-Notes-Index)*. Haz. A. Ercilasun ve Z. Akkoyunlu. Ankara: TDK. 2015. *İbn Fadlan Seyahatnamesi*. Çev. R. Şeşen. İstanbul: Yeditepe Yayınları.
- Kalafat, Y. 1995. *Doğu Anadolu'da Eski Türk İnançlarının İzleri*. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları.
- Karatayev O. 2002. In *Türkler Ansiklopedisi*. C. II., 377–385.

- Samashayev, Z. (ed.). 2013. *Kazakistan arheologiyası (Archaeology of Kazakhstan)* T. III.
- Kuzuyev, R. G. 2013. *İtil-Ural Türkleri*. İstanbul: Selenge Yayınları.
- Minorsky, V. 1960. *Balgitzi "Lord of the Fishes"*. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, 130–137.
- Ögel, B. 1991. *Türk Kültür Tarihine Giriş 1. Türklerde Köy ve Şehir Hayatı (Göktürklerden Osmanlılara)*. Ankara.
- Ögel, B. 2014. *Türk Mitolojisi*. C. I. Ankara: TTK Yayınları.
- Ögel, B. 2014a. *Türk Mitolojisi*. C. II. Ankara: TTK Yayınları.
- Roux, J. P. 2011. *Türklerin ve Moğolların Eski Dini*. İstanbul: Kabalcı Yayınları.
- Sümer, F. 2014. *Eski Türklerde Şehircilik*. Ankara: TTK Yayınları.
- Taşgöl, A. 2016. *Kök Tengri'nin Çocukları*. İstanbul: Bilge, Kültür Sanat.
- Theophanes. 1982. *The Cronicle of Theophanes the Confessor. Translation by Harry Turtledova*. University of Pennsylvania Press Philadelphia (in English).
- Tolstov, S. 2017. *Oğuz Şehirleri ve Oğuzlar*. Çev. E. Şeremeteva. İstanbul: Doğu Kütüphanesi.
- Topsakal, İ. 2017. *Sibirya Tarihi*. İstanbul: Ötüken Yayınları.
- Üstündağ E. 2005. In *SÜMAE Yunus Araştırma Bülteni*. 5 (2). Haziran. 5–8.
- Badetskaya, E. D., Polyakov, A. F., Stepanova, N. F. 2014. *Svod pamyatnikov Afanas'yevskoy kul'tury (Corpus of monuments of the Afanasievo culture)*. Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).
- Byatikova, O. N. 2003. *Leksika rybolovstva v tatarskom iazyke (The vocabulary of fishing in the Tatar literary language)*. Thesis of Diss. of Philological Sciences Kazan (in Russian).
- Kiselev, S. V. 1951. *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri (Ancient history of Southern Siberia)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo-Mayaki Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 142. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Rudenko, S. I. 1960. *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Trubachev, O. N. 2002. *Trudy po etimologii. Slovo-istoriia-kultura (Works on etymology. Word-history-culture) 1*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).
- Khamidillin, B. 2006. In F. Sh. Khuzin (ed.). *Istoriya tatar s drevnejshih vremen (v semi tomah) (History of the Tatars since ancient times (in seven volumes))*. 2. Kazan: "RukhIL" Publ., 660–669. (in Russian).
- Khuzin, F. Sh., Nabiullin, N. G. 1999. In Khuzin, F. Sh., et al. (eds.). *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Towns)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 90–113 (in Russian).

About the Author:

Meltem Akinci. Ph.D(c), Akdeniz University, Institute of Social Sciences, Department of History. Dumlupınar Boulevard 07058 Campus, Antalya, Turkey; mltm.akinci@hotmail.com

Информация об авторе:

Акынджи Мелтем, докторант, Университет Акдениз (г. Анталия, Турция); mltm.akinci@hotmail.com.

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

УДК 903.4; 903.2; 551.8

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.298.306>

THE ARCHAEOLOGICAL SITE OF PALMYRA BEFORE AND AFTER THE WAR IN SYRIA

© 2021 Sh. AlAsaad

In the article there is example of the ancient Syrian city of Palmyra, the article examines the problems of loss and preservation of the world historical, cultural, archaeological and architectural heritage in the context of modern local military conflicts. During the periods of Antiquity and the middle Ages, a complex of monuments, unique in composition and size, was formed here, combining ancient Eastern, Roman, Byzantine and Arab elements. During the ongoing acute armed conflict in Syria, because of the purposeful actions of religious terrorist-extremist organizations, defined by the author as an "international historian of cultural terrorism", he suffered catastrophic damage. An analysis of the scale of this damage, as well as the effectiveness of the efforts of the Syrian authorities, international organizations and the world community, shows that the preservation and restoration of Palmyra's heritage is possible because of painstaking, complex, joint work of all interested parties. Thus, the example of Palmyra showed the military conflicts in the Middle East, along with the actual destruction of entire states, the death of a huge number of people, the economic crisis, millions of refugees, was an attack on the heritage of ancient civilizations, which caused unprecedented loss of world cultural heritage in modern history. Now the world community faces a long and comprehensive joint effort to determine the damage, restore, and prevent further destruction and looting of the cultural heritage of Palmyra and Syria.

Keyword: Historical and archaeological heritage, Palmyra, Monuments, The war in Syria, Terrorism, UNESCO.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ ПАЛЬМИРЫ ДО И ПОСЛЕ ВОЙНЫ В СИРИИ

Ш. АлАсаад

В статье на примере древнего сирийского города Пальмира рассматриваются проблемы утраты и сохранения всемирного историко-культурного, археологического и архитектурного наследия в условиях современных локальных военных конфликтов. В периоды Античности и Средневековья здесь сформировался уникальный по составу и размерам комплекс памятников, сочетающий древневосточные, римские, византийские и арабские элементы. В ходе продолжающегося острого вооруженного конфликта в Сирии, в результате целенаправленных действий религиозных террористическо-экстремистских организаций, определяемых автором как «международный историко-культурный терроризм», ему был нанесен катастрофический ущерб. Анализ масштабов этого ущерба, а также эффективности усилий сирийских властей, международных организаций и мирового сообщества, показывает, что сохранение и восстановление наследия Пальмиры возможно в результате кропотливой, сложной, совместной работы всех заинтересованных сторон. Таким образом, пример Пальмиры показал, что последствием военных конфликтов на Ближнем Востоке, наряду с фактическим разрушением целых государств, гибелью огромного числа людей, кризисом экономики, миллионами беженцев, стала атака на наследие древнейших цивилизаций, вызвавшая беспрецедентные в новейшей истории потери мирового культурного наследия. Теперь мировому сообществу предстоит долгие и всеобъемлющие совместные усилия по определению ущерба, восстановлению, предотвращению дальнейшего разрушения и разграбления культурного наследия Пальмиры и Сирии.

Ключевые слова: историко-археологическое наследие, Пальмира, памятники, война в Сирии, терроризм, ЮНЕСКО.

The Syrian Desert (Al-Badiya) constitutes about a half of the area of the Syrian Arab Republic, stretching between the valley of the Euphrates River on the North and East, uplands and hills on the West, and being the continuation of the desert on the North up to the peninsula the Arab Dzhazira, and possessed the most substantial historical values which were created and remained since the Stone Age until the Islam period.

Palmyra is the most archaeologically significant area in the Syrian Desert due to numerous artifacts, and its great history is closely connected with the name of queen Zenobia.

Palmyra is located in the center of the Syrian Desert approximately equally spaced from the Syrian cities (Al-Asaad, Kh. 1996, p. 26), and the water source (Efka spring) near the mountain pass became the geographical center

Fig. 1. The map of the Syrian Arab Republic
Рис. 1. Карта Сирийской Арабской Республики

of Palmyra (Al-Bunni A. 1978, p. 63). The city of Palmyra and its suburbs create an ideal opportunity for emerging human settlements from the most ancient times until today, owing to its geographical location from with a passage to the valley of Euphrates on the North (Madun, Mahomed Ali. 1995. P. 82).

The development and success if Palmyra are accounted for by the fact that it is located on the crossroads of the global trade routes beginning in China and India and passing through Iran, Iraq and Syria to east sea coast of the Mediterranean Sea (Soil, Hades, 2010, p. 153), and therefore is an important trade point between the countries of ancient Romans and Persians (Bagans, A., 1983, p. 16). It has endured the first attempt of capture by the Romans in 41, but was subject to the Roman emperor Adrian (117–138 AD) who gave the city the name of Palmira-Adriana (Starki, J., Al-Mnedzhed, Salah El-Dean, 1993, p. 12) (Adrianapolis) despite the fact that the city retained certain some financial, trade and military independence. Palmyra was also ruled by the emperor Septimus Severus in 193–211 AD, and his son Caracalla, in the period from 211 to 217 AD (Wood R. 1971. p. 125).

Palmyra was at the pinnacle of power throughout the first three centuries of our era, at the same time having become a strong kingdom, and its most famous rulers were the king Lutsy Odenat and his spouse Zenobia who governed on behalf of her younger son Vaballat and then

became the queen of Palmyra and all East (Al-Asaad Kh., Ofakhvedberg H. 2006. 219 p. 160.).

She expanded the state borders, having annexed Egypt, Asia Minor and Anatoly. The Romans attacked the state, and a violent war broke out between them, which ended with the fall of Palmyra in 272 (Garf D.F., Gables C. 1998. p. 143–167.).

The fate of queen Zenobia has remained unknown, and the only information having reached is based on assumptions, in particular those demonstrating her capture and moving to Rome (Stars of Zagra... p. 298).

Christianity spread in Palmyra in the fourth century AD – during the rule of the emperor Theodosius, and temples of ancient gods were turned into churches.

Then, during the spread of Islam, Palmyra gained special importance due to its location between the Western and Eastern worlds.

The Arab ruler Khalid Bin Walid surrounded Palmyra in 636 during his known campaign through the Syrian Desert from Iraq to Yarmuk. He greeted the residents of Palmyra at fortifications of the city and proclaimed: “For the sake of Allah, residents of Palmyra, if you were friendly, then we would do you a favour and lead you to Allah’s victory!”, after which the residents made peace with him, and he left those among them who taught them the fundamentals of the new religion (Al-Hamoui Y. 1951. 831 p.).

Fig. 2. Aerial photographs of the Tomb Towers published by Boston University

Рис. 2. Аэрофотоснимки башен Гробниц, опубликованные Бостонским университетом

Palmyra lost its significance as one of the main cities of the Levant countries when its rulers moved to Baghdad. Thus, it remained unknown up until the time when a contract was signed between Ayubs and Mamlukes (Al-Bakri. 1992. p. 177) when it became famous due to the new military fortifications, such as a citadel, and the Bel's temple turned into a fortified village protecting the state against crusader attacks (Al-Bunni A., Al-Assad, Kh. 2003. p. 93.).

City Design:

The residents of Palmyra were somewhat restricted by a construction project with a chess pattern which was widespread in the Ancient Rome period in Syria, and the houses of Palmyra residents first were located near Efka spring, but the city quickly expanded due to the prosperous economy and trade, and Palmyra turned into one of the richest deposits of antiquities, decorated by temples of ancient gods and the following presumably most significant buildings:

Temples:

1 – **Bel's temple:** Its construction is attributed to the first century AD, and it is generally dedicated to god Bel, and also a triad which include god Bel, Yarkhibol (god of the Sun) and Aglibol (god of the Moon). An extensive square yard with a 205-210 meter long fenced section is part of the temple (Abd-Alkhak S. 1996. p. 222-227.). In the center of the yard there is a temple with idols of the main god and the deities belonging to a triad, where an altar for sacrifices, a banquet room and a house of blessing are located. The temple is surrounded with a fence scalloped steps marking the entrance to the yard (Février, J.G.1931. p.97.2). The temple was turned into a strengthened village in the thirteenth century AD in the period when Salakheddin, Yusef the son of

Fig.3. Destruction of the Temple of Bel

Рис. 3. Разрушение храма Бела

Feyruz ruled over Palmyra, and then became a mosque, and remained a mosque until 1929 (Abd-Alkhak S. 1996. P. 227).

2 – **The temple of Nab:** the temple is located to the west of Dlinnaya Street. Its construction took place in the second half of the first century AD, and it is dedicated to the worship of god Nab, the son of god Bel (Al-Bunni A., Sleybi N. 1965. p. 41–49.). The building of the temple is to a certain extent similar to the building of the temple Bel's temple (Weigand, T. H. 1917, p. 115.).

3 – **Baalshamin's temple:** it is located in the northern area, and its history begins with the second century AD. This temple is devoted to the worship of god Baalshamin, the patron of heaven who was considered a god of a rain and thunder in Palmyra (Collar, P. 1957. P. 227–232.). The site of the temple consists of a sanctuary and two big yards, northern and southern, used as passages. The building of the temple is distinguished by the presence of a threshold before the sanctuary with six triangular columns (Al-Assad, Kh., Dagman, R., 1969, p.103.).

4 – **Allat's Temple:** The temple is located in the western area. His construction is also attributed to the second century AD, and it is dedicated to the worship of the goddess Allat (the Arabs' mother goddess and the goddess of war and peace). The building of the temple is similar to the buildings of other Palmyra temples, including a square yard, and an altar in the center which is preceded by a gallery with six columns. Before an altar, there is the main entrance in the form of a massive arch (Gavlikovsky M. 1983. p. 201–212.).

5 – **Belkhammon and Manat's Temple:** It is located on the western mountain over the location

2008

Photograph: Alamy

2016

Photograph: Joseph Eid/AFP/Getty Images

Fig. 4. Temple of Baalshamin. Photos 2008 and 2016
Рис. 4. Храм Баалшамина. Фото 2008 и 2016 гг.

of the sacred spring Efka (Efka River), and it was constructed in 88 AD. The temple is devoted to the worship of the Canaanite god Balkhammon and the Arab goddess Manat (Al-Bunni, A., Al-Asaad, Kh. 2003. P. 75-76.).

6 –Ars’ Temple: The temple is located in the southern area in front of an agora and is devoted to the worship of god Ars, the Arab god of favour and the god of Palmira caravans (Al-Asaad Kh., Ofakhvedberg H. 2006. p. 119.).

Tombs:

The city residents referred to tombs as “rest houses” or “houses of eternity”, as remains were deposited in them. Each family in Palmyra had own tomb. Families in Palmyra competed in decorating the tombs with relief ornaments on plaster or stone, and frescos. Each tomb had a water source for watering and cleaning after each process of burial and at visits. Tombs were closed with massive doors made of stone with carved ornaments (Sadorska A. 1996. p. 229.). Over the door, there was a window for lighting and airing of the tomb. Over the ceiling or over the window, an inscription was located with the name of the tomb’s founder, and information about the members of his family and the history of the tomb. Along the internal walls of the tombs, ranks of crypts in the form of vertical rows were

located. A sculptural image of the deceased was located on the front portion of the crypt. In the central part of the tomb, a sculptural group in the form of a funeral procession consisting of sculptures of the tomb’s founder and the members of his family were located (Michalowski, K. 1982. p. 198.).

Three types of tombs have been revealed at the excavation site of Palmyra, including:

1 – Tombs in the form of towers: it the buildings in the form of a quadrangular tower located on the step bases, a tomb consisting of several floors connected with a stone ladder (Cantineau, J. 1992. p. 28). Tombs of this type were created since the first centuries BC, and their construction improved in the first centuries AD. An example of this type of tombs is Elakhbel’s tower (Saad Sh.To Khoums. 2006–2007. p. 23.).

2 – Underground tombs: this type of tombs was widespread in the second century AD, and each tomb was created according to the scheme in the form of the overturned letter T, that is, there was a main wing and two wing branches. Underground tombs, as well as tower tombs, were richly decorated with carving on stone, and plaster. A bright example of this type of underground tombs is the crypt of Three Brothers (Ingholt H. 1935. p. 57-120.).

3 – Grave houses. This type of tombs appeared and was widespread also in the first century AD. As a rule, the building consists of one floor and has a beautiful entrance. The door is a stone monolith with plentiful quantity of the cut-out patterns. The building features an open yard surrounded with a covered yard with columns supporting the roof. Along the internal perimeter, there are steps, on which crypts and graves are constructed. Opposite, there is a sculptural group of a funeral procession in the form of figures of

Fig. 5. Ruined roman theater
Рис. 5. Разрушенный римский театр

12 November 2010

Photograph: Youssef Badawi/EPA

31 March 2016

Photograph: Joseph Eid/afp/Getty

Fig. 6. Arch of Victory preserved after the war and view until 2010

Рис. 6. Арка Победы. После войны и вид до 2010 г.

the tomb's owner and the members of his family (Kolinye, A.Sch. 2005. P. 94.). In Palmyra, there are several grave houses, including Ailimi bin Zubeyda's tomb, and another grave house known as the White Palace (Kasr Al-Abyad) not far from Elakhbela tower. In addition to these tombs which were widespread in Palmyra in their various embodiments, there were also isolated sepulchral burials, among which is grave G discovered at an excavation by the Japanese group of researchers in east portion of the tombs in 2001. At the same time, the sizes of each separate isolated grave were in most cases 2.5×1 m. The internal area of the grave was decorated with stone bas-reliefs with cut-out ornaments. Deceased I was located in an earth grave in a coffin made from clay or wood, and over a grave was a plate decorated with a carved ornament, which ended on the top with a pyramid or a semicircle. The plate featured a figure of the deceased and his name cut out in stone (Al-Bunni, A. 1972. p. 42.).

Pryamaya Street:

This street starts from the main entrance to the Bel's temple and reaches the gate of Damascus, and four parts of this street can be allocated, limited to the main architectural sites:

Fig. 7. Destructions in the National Museum of Palmyra

Рис. 7. Разрушения в Национальном музее Пальмиры

- First part: stretches from the main entrance of the Bel's temple to the arch, and it is the widest of all parts of Pryamaya Street.

- Second part: stretches from the arch to the intersection (tetrapole).

- Third part: stretches from the intersection to the Funeral temple.

- Fourth part: stretches to the gate of Damascus (Ostras, A. 1969, p. 157.).

In a junction of the first and second part one can observe the skilful work of the architect of the corresponding historical period of Palmyra, who created the gate (Triumphal arch) to smoothen and hide the 28-degree turn of the street. The triumphal arch consists of three main entrances-arches with branches in the form of other entrances. The arches are richly decorated with various patterns, and the columns contained statues of famous city figures in their middle sections.

Intersection: This meeting place of two main city streets was known as the tetrapole. It is where roads to the north and to the south begin. The tetrapole consists of a base on which in four corners four pedestals tower, each of which bears four granite columns. Over colons there are Corinthian crowns, roofs and skillfully decorated carnicies (Uitmar J. 1960. p. 327).

Theater: the theater was constructed in Palmyra in the form of a semicircle with a diameter of 20 meters surrounded with amphitheater rows, 13 of which have remained, and it possibly featured a top floor. In front of the orchestra there is an actor's stage dimensioned 48 meters in length and 10 meters in width (photo No. 15), limited to three with the statues of artists and equipped with two steps leading to the stage and two steps leading outside, and there were also

three doors leading through with the arches decorated with patterns in three directions, behind which there are two rooms for actors and actors (Serig, H. 1940. P. 242.).

Square or the main city market which the Greeks called an “agora”, and the Romans – Vorum. This square was used for major city meetings (Starcky, J. p. 143–144.) both in the times of peace and war, and also for commercial transactions. A square is a covered area of a square shape limited to a covered court yard with wooden ceilings. The area has eleven entrances for the ease of entering and leaving by visitors, and also accommodates the remains of a scene used for performances of speakers and announcement of commercial transactions. Between the court yard columns, supposedly, there were small rooms where trade caravans stopped, and the western corner of the square features a hall for meetings held by city governors (Ernest, W. 1992. p. 145–147).

In 1881 a stone stele was discovered in front of the southern renewed fence of the main entrance to the square, known under the name of “International Financial Law of Palmyra” (or Customs Tariff). Now the stele is deposited in the Hermitage Museum.

Diocletian’s Camp: it was located behind city walls and served as a protective construction for Romans in the second century AD. The camp was arranged above the western portion of the modern city of Palmyra. The camp was most likely created as temporary structure and was used for certain military needs in order to implement the projects of the Roman emperors. After the fall of Palmyra in 273, the Roman emperor Diocletianus ordered to restore the camp and to rearrange it to accommodate a Roman garrison constantly deployed in Palmyra. Its architectural plan resembles that of a reinforced palace (Gerd, G. 1983, p. 68–69.).

Citadel of Fakhr al-Din Al-Maani II:

During the rule of the Ayubs, Palmyra was turned into a fortified city to oppose the attacks of crusaders. The citadel served as a defensive structure in the 12–13 centuries AD, which is signified by the Ayubs ceramics found among the citadel ruins. The fortress was later used by the ruler of the Lebanese mountains Emir Fakhr al-Din Al-Maani II. During the construction of the fortress, stone boulders were widely applied to construct the fortifications and the top portions of the citadel. Also, the remains of foundations of a mobile bridge stretching from the top of the fortress to its southeast entrance have

2008 Photograph: Alamy

2016 Photograph: New York Time /Redux/Eyevine

Fig. 8. Statue of Assad Allat after the war and view before 2010

Рис.8. Статуя Асада Аллата после войны и вид до 2010 г.

remained until today (Mikhalovski , K. 1961–1962, p. 155–161.).

Baths: their creation is attributed to the time of queen Zenobia. Baths, as it was generally accepted, had three sections – cold, warm hot, and also an octagonal hall for resting which was used for storing clothes and undressing. In the centre of the hall there was an octagonal fountain for moistening of dry air, and a platform for sports activities and meetings was located nearby. The northwest corner of a bath accommodated a toilets (Gerd, G. 1983, p. 68–69).

City walls:

“Customs” walls made of clay and manure on a stone base are considered the oldest walls of the city. Today, one can examine the remains of the southwest corner of these walls located at the top of Mount Al-Muntar and near the tomb of Three Brothers. Subsequently, during the broad development of international trade, there was a need for construction of protective walls to defend the city. Palmyra was surrounded with fortifications with their external outlines in plan resembling a turtle figure and having a length of 6 km. Walls took their actual shape during the rule of Odenat

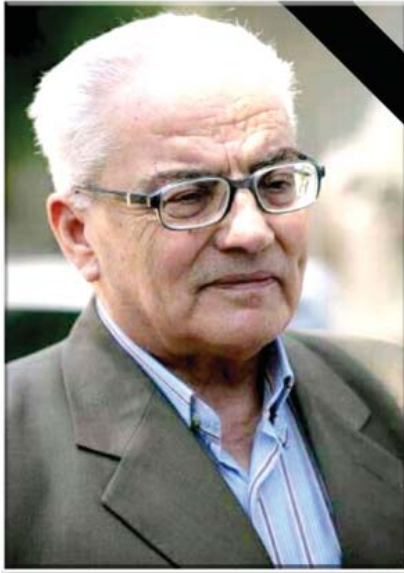

Fig. 9. The martyr archaeologist Khaled Al-Asaad
Рис. 9. Археолог-мученик Халид аль-Асад

and queen Zenobia (Al-Bunni, A., Al-Asaad, Kh. 2003, p. 82).

During the rule of emperor Justinian, round towers were built in city walls, and stones from the surrounding ruins of old buildings were used for their construction again. In the time of the Umayyads, a part of city walls was demolished. For preservation of ancient monuments in the historic centre of Palmyra, a part of city walls were reconstructed and restored during archaeological expeditions, in particular in their northern portion, starting from a point to the west of the museum, and ending at Diokletiana camp, and an approximate length of 2 km (Starcky, J. 1952. P. 11–67). During these activities, it was established that quadrangular towers were blind (had no passages), and semicircular towers were equipped with internal rooms with ladders leading up to the gate and to dart throwing sites. Some tomb towers located on the perimeter and near the walls used as protective constructions, especially during the rule of emperor Justinian. During the restoration of city walls, a set of inscriptions on stones was discovered, which were used in construction with no due account for their beauty and artistic value (Al-Bunni A. 1996. P. 263–267).

It should be noted that the ancient art in Syria in general and in Palmyra in particular has been subject to destruction and deterioration both in the aspect, and in respect of its significance, not only due to influence of the nature and the environment, but also due to the exclusively difficult conditions of the military and other nature, and after a war which lasted for seven years, the ISIL terrorist group entered the historic centre of

ancient Palmyra and destroyed its major artifacts. At the same time, should be specified that the ancient city of Palmyra in general (including the Bel's Temple) has been included in the UNESCO World Heritage List since 1980. The UNESCO organization criticized the destructive activity of ISIL and called it a war crime committed with the purpose of destroying the most important symbol of historical heritage of Syria – its cultural diversity.

Below is a description of the state of historical monuments in the city of and the most grievous crimes committed by the terrorist group in this area:

1 – At the beginning of the period when the ISIL group began to control the city of Palmyra, it destroyed tomb towers.

2 – The major parts of the ancient Bel's temple were destroyed: members of the terrorist group blasted the base and thereby destroyed one of the most important monuments of architecture of the ancient city attributed to the first century AD.

3 – Baalshamin's temple, its foundation and columns were destroyed.

4 – Destruction of an amphitheater and theater: the satellite imagers feature the considerable destruction of a theater and the facade of an ancient Roman amphitheater, included in the World Heritage List, as a result of major explosion, and it is also visible that columns were undermined with use of explosives, and only two columns are presently in place, whereas the main portion of the foundation was destroyed as confirmed by the presence of ruins around the theater. Destruction of the facade of a scene of an ancient Roman amphitheater and the fragments dispersed across the entire area of the amphitheater are also noticeable.

5 – The Triumphal arch was destroyed: The triumphal arch is located at the beginning of Pryamaya Street and represents gate a with three entrances. In the top portion, the arch is decorated with geometrical and floral patterns. It was constructed by Septimus Severus in 193–211. The arch is arranged at an angle 30 degrees to Pryamaya Street, which is a rare solution in terms of architectural planning which connects the city with the square in front of the Bel's temple. The arch consists of three parts, of which the main entrance and the southern aperture (the left portion) were subject to most destruction, whereas the southern part (on the right) is in better condition. It was restored and newly constructed in the 1930s.

6 – The national museum of Palmyra has undergone major destruction by an ISIL terror-

ist group whose members destroyed large funeral sculptures which the Head of Department of Antiquities and Museums could not move to Damascus due to their large volume. The major one of the sculptures is “A lion of Goddess Allat” which belongs to the temple of the goddess Allat (Athens) in the ancient city and was placed at the entrance to the museum of Palmyra on June 20, 2015. It consists of soft sandy stone, and its front portion features a lion leaning on its paws with its mouth open, and in its paws it holds a gazelle, fully confident in its safety. This monument was opened in 1977 by a Polish expedition, restoration has been carried out, and the sculpture was opened for display at museum walls. Its creation is attributed to the first century BC, and there are no similar monuments in the world. The lion strikes viewers with the art and tangibility enclosed in the sculpture by its ancient creator. It should be noted that before the invasion into the historical part of Palmyra by the members of ISIL group, the employees of Department of

Management of Palmyra Antiquities covered the monument (which is dimensioned 3.5 m in height and 0.5 m in thickness, and weighs about 15 tons) with a metal protective structure, and encircled it with a fence made of sand bags to prevent its damaging in the course of possible explosions and military situations.

7 – The ancient citadel viewed from the Eastern side opposite to the centre of the ancient city has undergone considerable destruction, besides, and some of its parts and internal rooms have also been partially destroyed. Also, the ladder leading to it has been destroyed.

8 – The execution of a scientist specializing in antiquities, professor Khalid Al-Asaad, formerly the Director of Palmyra’s Historical Heritage, by inhuman beheading on August 18, 2015. The execution happened on the square in front of the museum, then the body was carried away and hung on ancient columns which the scientist personally restored in the historic centre of Palmyra.

REFERENCES

- Abd-Alkhalq S. 1996. In *The Archaeological annals of Syria*. The edition 42. P. 220–229.
- Al-Asaad, Kh. 1996. In *The Al-Amran magazine*. edition 27–28. Damascus.
- Al-Asaad Kh., Ofakhvedberg H. 2006. *Zenobia is the queen Palmyra and the East*. Damascus.
- Al-Assad, Kh., Dagman, R. 1969. *Restoration of the ruins of a sanctuary in Baalshamin's temple // the Syrian Arab Architecture*, volume 19,
- Al-Bakri. 1992. *Ways and kingdoms*. Part 2. Tunisia.
- Al-Bunni A. 1996. In *The Archaeological annals of Syria*. The edition 42. P. 263–267.
- Al-Bunni A. 1972. *Art of Palmyra*. V. 2. Damascus.
- Al-Bunni A. 1978. *Palmyra and palmirets*. Damascus.
- Al-Bunni A., Al-Assad, Kh. 2003. *Ancient Palmyra, its Tourist History*. edition 4.
- Al-Bunni, A., Al-Asaad, Kh. 2003. *Palmyra in the ancient time, in the history and in tourism*. Damascus. P. 75–76.
- Al-Bunni, A., Sleybi, N. 1965. In *The Archaeological annals of Syria*. The edition 15. Part 2. 41–49.
- Al-Hamoui, Y. 1951. *Almanac of the states*. Part 1. Egypt. 831 p.
- Bagans, Afif. 1983. *Importance of archaeological opening when determining eras of historical development in Syria, the Syrian Arab relics of Antiquity*, the edition 33, section 1.
- Cantineau, J. 1992. *Inventair des Inscriptions des Palmyre*. IV. Byroth.
- Collar, P. 1957. In *The Archaeological annals of Syria*. The edition 7. P. 227–232.
- Ernest, W. 1992. *Palmyrniens, la venise des sables*. Paris.
- Février, J. G. 1931. *La religion des Palmyriens*. Paris (in French).
- Garf, D. F., Gables, C. 1998. *Zenobia and Arabs. The Eastern Frontier of the Roman Empire // Proceeding of a colloquium held Ankara*. Oxford. P. 143–167.
- Gavlikovsky, M. 1983. In *The Archaeological annals of Syria*. The edition 33. Part 1. 201–212.
- Gerd, G. 1983. *Syria art, history, architecture*.
- Ingholt, H. 1935. *Five Dated Tombs from Palmyra*. Berytus.
- Kolinye, A. Sch. 2005. In *The Place and times to the 25 anniversary of archaeological researches in Syria*. Damascus. P. 87–104.
- Madun, Mahomed Ali. 1995. *Civilized interactions on the silk way*. Damascus.
- Michalowski, K. 1982. *Palmyra, fouill Polonaises*. Varsovie.

- Mikhalovski K. 1961–1962. In *The Archaeological annals of Syria*. The edition 11–12. P. 155–161.
- Ostras, A. 1969. In *The Archaeological annals of Syria*. The edition 19. Parts 1–2. P. 149–158.
- Saad, Sh. 2006–2007. In *The Archaeological annals of Syria*. The edition 49–50. P. 16–31.
- Sadorska, A. 1996. In *The Archaeological annals of Syria*. The edition 42. P. 220–231
- Serig, H. 1940. *C.r.a.l.* P. 242
- Soil, Hades. 2010. *Archeologists and the ancient cities, an excursion to the world of antiquities*. T. 1.
- Starcky, J. *Inventaire*. Op. cit. p. 143–144.
- Starcky, J. 1952. *Palmyra*.
- Starki, J., Al-Mnedzhed, Salah El-Dean. 1993. *Palmyra is a bride of the desert*. T. 1. Damascus.
- Uitmar J. 1960. In *Palmyra – history lessons. The Archaeological annals of Syria*. The edition 10. P. 319–337
- Weigand, T. H. 1917. *Palmyra, Ergebnisse der expeditionenvon 1*, Berlin.
- Wood, R. 1971. *Antiquities of Palmyra, in translation into Arabic Ibrahim Saad's language*.
“*Stars of Zagra*”, edition 92, p. 298.

About the Author:

AlAsaad Shaza. Damascus University. Damascus, 30621, Syrian Arab Republic; shathaasaad88@gmail.com

Информация об авторе:

АлАсаад Шаза. Дамасский университет (г. Дамаск, Сирийская Арабская Республика); shathaasaad88@gmail.com

Статья поступила в журнал 19.03.2021 г.
Статья принята к публикации 19.03.2021 г.

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ НИЖНЕГО НОВГОРОДА XVII–XVIII ВВ. ПО ДАННЫМ РАСКОПОК ТРЕХ ГОРОДСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ¹

© 2021 г. С.Б. Борутская, С.В. Васильев

В статье приводится палеодемографический анализ трех некрополей XVII–XVIII вв. из исторического центра Нижнего Новгорода. Все три некрополя показали различные результаты по средней продолжительности жизни, детской смертности, пикам смертности. Так группа из нижегородского Кремля имела самую низкую продолжительность жизни, а группа с некрополя с улицы Верхневолжской самую высокую. Достаточно высокую детскую смертность, особенно в возрасте от рождения до 5 лет, также мы наблюдаем в группе из Нижегородского Кремля. Некрополь из Нижегородского Кремля возле Успенского собора по составу его сформировавшей группы сильно отличается от посадских, исследованных в данной работе.

Ключевые слова: археология, палеодемография, некрополь, возрастная когорта, средняя продолжительность жизни, процент детской смертности, пик смертности.

PALEODEMOGRAPHY OF NIZHNY NOVGOROD IN THE 17TH–18TH CC. BASED ON THE EXCAVATIONS OF THREE CITY NECROPOLISES²

S.B. Borutskaya, S.V. Vasilyev

The article features a paleodemographic analysis of three necropolises of the 17th–18th centuries located in the historical center of Nizhny Novgorod. All three necropolises yielded different results in terms of life expectancy, infant mortality, and mortality peaks. Thus, the group from the Nizhny Novgorod Kremlin had the lowest life expectancy, and the group from the necropolis on Verkhnevolzhskaya Street had the highest value. A fairly high infant mortality rate, especially at the age of up to 5 years, is also observed in the group from the Nizhny Novgorod Kremlin. The necropolis from the Nizhny Novgorod Kremlin near the Uspensky Cathedral is very different from the suburban ones studied in this work in terms of the composition of the population group having formed the necropolis.

Keywords: archaeology, paleodemography, necropolis, age cohort, average life expectancy, infant mortality rate, peak mortality.

Введение.

В результате археологических раскопок начала XXI века на территории современного Нижнего Новгорода, проведенных группой исследователей под общим руководством д.и.н. Т.В. Гусевой, был собран масштабный палеоантропологический материал. Раскопочные работы проводились на трех бывших кладбищах города. Все некрополи датируются XVII–XVIII вв., временем масштабных исторических событий в России, в том числе Смутного времени, начала правления в России династии Романовых, преобразований в стране, войн, восстаний, развития промышленности, освоения новых территорий. Нижний Новгород располагался, как и сейчас, на пересечении речных и сухопутных торго-

вых путей, что, вероятно, также сказывалось на процессе формирования населения города. Первые раскопки проводили на территории Нижегородского Кремля у церкви Михаила Архангела. Объем выборки составил 135 индивидов. Остальной материал получен при раскопках кладбищ бывшей посадской территории. Вторая выборка собрана в результате археологических работ, проводимых в ходе реконструкции подвальных помещений гостиницы по адресу Верхневолжская набережная, д. 2а. Численность этой выборки составила 161 костяк. Третья скелетная выборка была получена в итоге раскопок большой по площади территории также недалеко от Кремля по адресу площадь Театральная, д. 1 (ул. Пожарского, д. 12). Выборка скелетов,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-59-00012 Бел_а «Историческая роль демографических процессов в формировании антропологического состава населения на территории Беларуси и России».

² The work was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, Grant No. 20-59-00012 Bel_a “The Historical Role of Demographic Processes in the Formation of the Anthropological Composition of the Population in Belarus and Russia”.

полученная в результате этих раскопочных работ, имеет самую большую численность среди исследованных некрополей в городе. Общий объем выборки составил 1587 скелетов.

Дальнейшая научная обработка этой коллекции проводилась руководителем ЦФА ИЭА РАН г.н.с. д.и.н. С.В. Васильевым, с.н.с. кафедры антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова к.б.н., доцентом С.Б. Боруцкой и н.с. ЦФА ИЭА РАН к.и.н. Н.В. Харламовой.

Целью данного исследования были полномасштабный палеодемографический анализ отдельных нижегородских палеогрупп и описание демографической ситуации в Нижнем Новгороде в XVII–XVIII вв. в целом.

Материалы и методы.

В наши задачи входило проведение половозрастного анализа групп, определение средней продолжительности жизни людей, живших в Нижнем Новгороде в XVII–XVIII вв., выявление пиков смертности мужского и женского населения, предположение степени демографического благополучия исследованных групп и города в целом. Для всех костяков был определен возраст, а для взрослых индивидов и пол. Определение пола и возраста проводилось с использованием соответствующих антропологических и судебно-медицинских методик (Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф., 1964; Алексеев В.П., 1966; Добряк, 1960; Никитюк Б.А., 1960а, 1060б; Пашкова В.И., 1963; STANDARDS, 1994). Для определения возраста детей и подрост-

ков иногда приходилось использовать методику восстановления длин костей по методике Н.Н. Мамоновой (Мамонова Н.Н., 1968) для того, чтобы потом определить возраст по длине сегментов конечностей.

В ходе нашего исследования планировалось рассчитать и проанализировать демографические показатели, перечисленные в таблице 1. Методика расчета палеодемографических индексов описана в работе Алексеевой Т.И., Богатенкова Д.В., Лебединской Г.В. «Влахи» (Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003).

Все индивиды были распределены по пятилетним интервалам. Индивиды старше пятнадцати лет считались взрослыми, уже способными к выполнению репродуктивных функций. Для взрослых скелетов мы также определяли пол и в дальнейшем проводили демографический анализ для мужчин и женщин в отдельности. Если определить пол было невозможно, то такие индивиды участвовали только в общем анализе. Это касалось нескольких индивидов первой взрослой возрастной когорты (15–20 лет). В случае, если возраст скелета не удавалось определить в пределах пятилетнего интервала и он как бы попадал в соседние интервалы, то есть в итоге в десятилетний интервал, условно этого индивида мы поровну определяли в два соседних интервала для дальнейших процентных расчетов. Такой принцип в палеодемографии допускается, так как итоговые индексы выражаются в процентах и долях.

Таблица 1. Перечень палеодемографических показателей, исследованных в работе
Table 1. The list of paleodemographic indicators studied in the work

Символ	Описание признака (размерность)	Принцип расчета
a, c, m, f	Обозначения групп: взрослые, дети, мужчины, женщины	
Nr	Объем выборки, использованный в расчетах (n)	$=\sum(0,50+)Dx$
x, или (i-j)	Возрастной интервал (класс, когорта) таблиц смертности (лет)	, где $j=i+5$ или $j=i+10$
X	Середина возрастного интервала x (лет)	$=[i+(i+5)]/2$ или $=[i+(i+10)]/2$
Dx	Число индивидов в возрастной когорте x (n)	
Cx	Процент выборки в возрастной когорте x (%)	$Dx/Nr * 100$
lx	Процент доживших от X_0 возрастного класса до возраста X (%)	$=l(x-5)-C(x-5)$
qx	Вероятность смерти индивида в когорте x	$=Cx/lx$
A	Средний возраст смерти в группе (популяции), или средняя продолжительность жизни (лет)	$=[\sum(0,50+)XDx]/Nr$
AA	Средний возраст смерти взрослых в группе (лет)	$=[\sum(15,50+)XDx]/Na$
PCD	Процент детской смертности в группе (%)	$=\sum(0,15)Dx/Nr \times 100$
PBD	Процент смертности в первый год жизни (%)	$=\sum(0,1)Dx/\sum(0,15)Dx \times 100$
PSR (m-f)	Процентное соотношение мужчин и женщин в группе (%)	$=N(m \text{ или } f)/Na \times 100$, где $Na=Nm+Nf$
C50+	Процент индивидов в финальной возрастной когорте (%)	$D(50+)/Nr \times 100$

Результаты исследования.

Внутригрупповые анализы.

Первая группа. Выборка была получена при раскопках в Нижегородском Кремле из некрополя у церкви Михаила Архангела. Объем выборки составил 135 индивидов. При этом для двух индивидов возраста 15–20 лет

не удалось определить пол, и они участвовали только в общем анализе. Данная численность достаточна для проведения полноценного палеодемографического исследования. На основании полученных данных о половозрастном составе группы были рассчитаны таблицы смертности (табл. 2, 3, 4).

Таблица 2. Общая таблица смертности для группы из Нижегородского Кремля
Table 2. General table of mortality for the group from the Nizhny Novgorod Kremlin

Возраст (лет)	Dx (человек)	Cx (%)	Ix (%)	qx
0-1*	28	20,74	100%	0,21
0-5	42	31,11	100%	0,31
5-10	16	11,85	68,89	0,17
10-15	6	4,44	57,04	0,08
15-20	7	5,20	52,60	0,10
20-25	5,5	4,07	47,40	0,09
25-30	5,5	4,07	43,33	0,09
30-35	13	9,63	39,26	0,25
35-40	17	12,60	29,63	0,43
40-45	16	11,85	17,03	0,70
45-50	5	3,70	5,18	0,71
50+	2	1,48	1,48	1,00
Сумма	135	100%		

* – данный возрастной интервал далее включен в когорту 0–5 лет, вынесен в таблице отдельно для подсчета показателя PBD (процент детской смертности в первый год жизни).

На рисунке 1 также представлены результаты палеодемографического исследования группы из Кремля в целом. Видно, что пик смертности приходится на первый возраст-

ной интервал 0–5 лет. В остальном много людей умирало в возрасте 5–10 лет, 35–45 лет. Финальная возрастная когорта группы в целом очень неrepresentative.

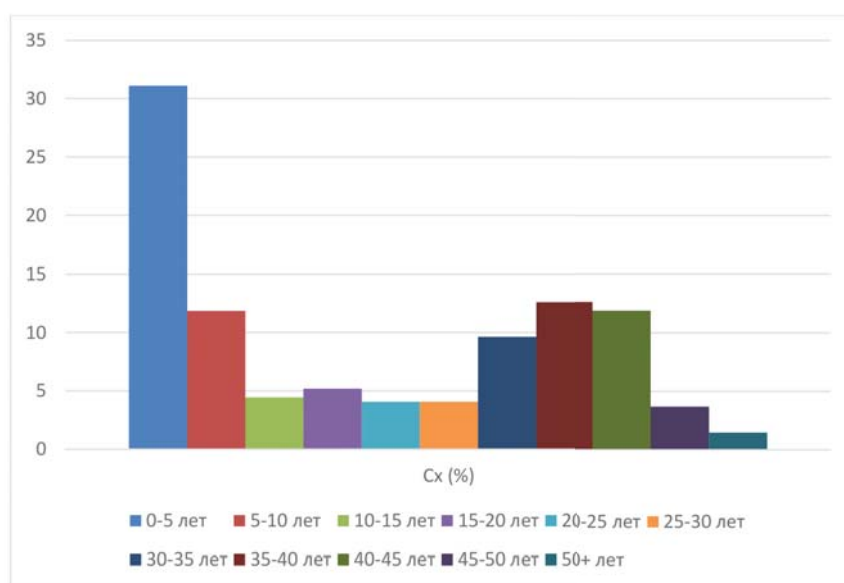

Рис. 1. Диаграмма смертности по возрастным интервалам в группе из некрополя Нижегородского Кремля (Cx(%))

Fig. 1. Diagram of mortality by age intervals in the group from the necropolis of the Nizhny Novgorod Kremlin (Cx (%))

Таблица 3. Таблица смертности детей из некрополя Нижегородского Кремля
Table 3. Table of mortality of children from the necropolis of the Nizhny Novgorod Kremlin

Возраст (лет)	Dx (человек)	Cx (%)	Ix (%)	qx
0-1*	28	43,75	100,0	0,44
0-5	42	65,625	100,0	0,66
5-10	16	25,00	34,375	0,73
10-15	6	9,375	9,375	1,00
Сумма	64	100%		

* – данный возрастной интервал включен в когорту 0–5 лет, вынесен в таблице отдельно лишь для подсчета показателя PBD (процент детской смертности в первый год жизни).

В таблице 3 разобраны детские возрастные когорты. Как уже упоминалось ранее, наибольшее количество детей умирало в возрасте 0–5 лет. Подобный результат получен и нами и другими исследователями при демографическом исследовании других позднесредневековых групп (Боруцкая и др., 2007). Вероятно, высокий процент смертности в раннем детстве является нормой для того времени. При этом почти 44% детей (из Кремлевского некрополя) умерли еще до года, а, скорее всего, сразу после родов или почти сразу. Причины тому – низкий уровень медицины, антисанитарные условия во время родов и после, и другие. С возрастом смер-

тность детей снижается. Процент смертности в последней детской возрастной когорте уже очень невелик. Интересно отметить то, что в первой взрослой возрастной когорте представлен очень низкий процент населения, хотя при таком высоком проценте смерти детей в первый год жизни (возможно, во время родов) можно было бы предположить и гибель молодых женщин, только вступивших в репродуктивную жизнь, но физически еще не совсем готовых к этому.

В таблице 4 и на рисунке 2 представлены результаты расчета демографических показателей для мужчин и женщин группы из Нижегородского Кремля.

Таблица 4. Показатели таблицы смертности в отдельности мужчин и женщин некрополя Нижегородского Кремля

Table 4. Indicators of the mortality table separately for men and women of the necropolis of the Nizhny Novgorod Kremlin

Возраст	Мужчины				Женщины			
	Dx	Cx (%)	Ix	qx	Dx	Cx (%)	Ix	qx
15–20	5	13,51	100	0,14	0	0	100	0
20–25	3,5	9,46	86,49	0,11	2	6,25	100	0,06
25–30	1,5	4,05	77,03	0,05	4	12,50	93,75	0,13
30–35	6	16,22	72,98	0,22	7	21,87	81,25	0,27
35–40	10	27,03	56,76	0,48	7	21,87	59,37	0,37
40–45	10	27,03	29,73	0,91	6	18,75	37,50	0,50
45–50	1	2,70	2,70	1,00	4	12,50	18,75	0,67
50+	0	0	0	-	2	6,25	6,25	1,00
Сумма	37	100%			32	100		

Пик смертности среди мужчин группы приходится на 35–45 лет, то есть время поздних этапов активной трудовой деятельности (на тот период исторического времени). Данные цифры можно посчитать признаками демографического благополучия. Относительно высоки показатели смертности также в период начала трудовой деятельности (15–20 лет) и периода, близкого к пиковому периоду (35–40 лет) – 30–35 лет. Интересно, что в данном некрополе вообще не обнаружено мужских скелетов старше 50 лет, можно пред-

положить (по данным работы), что мужчины, вероятно, до старости не доживали.

Самым интересным палеодемографическим показателем для женской части группы является отсутствие представителей в первой взрослой возрастной когорте. Это кажется странным, так как данная когорта – это возраст начала репродуктивной деятельности, и наверняка молодые, еще физически не окрепшие женщины во время родов должны были умирать. Два индивида из данной возрастной группы по половой принадлежности не были

идентифицированы. Возможно, это были как раз женщины. Пики смертности относятся к интервалам 30–35, 35–40 и 40–45 лет, то есть ко времени активной трудовой деятельности постепенно стареющих женщин. Показатели смертности равномерно увеличиваются к 30–40 годам и постепенно снижаются вплоть до финальной когорты (50+ лет). Также инте-

ресно, что женская финальная возрастная когорта, в отличие от мужской, довольно представительна – 6,25% от всех взрослых женщин.

В таблице 5 представлены итоговые результаты палеодемографического анализа группы из Нижегородского Кремля.

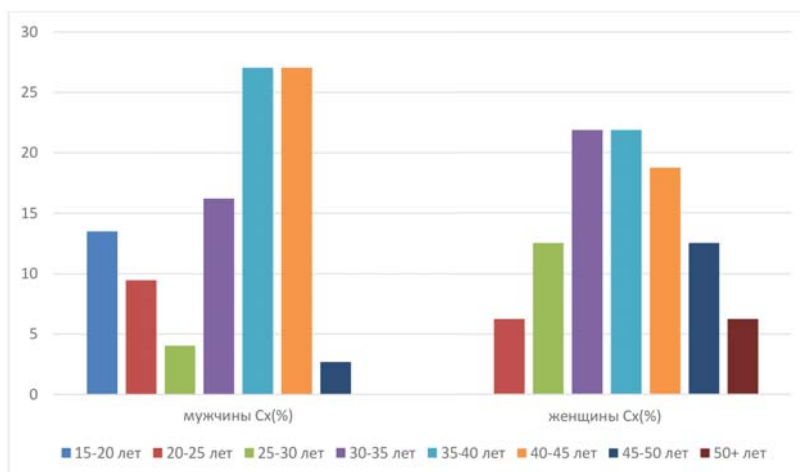

Рис. 2. Диаграмма смертности мужчин и женщин в группе некрополя Нижегородского Кремля (Cx(%))

Fig. 2. Diagram of mortality of men and women in the group of the necropolis of the Nizhny Novgorod Kremlin (Cx (%))

Таблица 5. Основные палеодемографические характеристики группы нижегородцев из некрополя в Кремле

Table 5. The main paleodemographic characteristics of a group of Nizhny Novgorod residents from the necropolis of the Kremlin

Индекс	Значение
A – средний возраст смерти в группе (лет)	20,6 лет
AA – средний возраст смерти взрослых мужчин в группе (лет)	33,8 лет
AA – средний возраст смерти взрослых женщин в группе (лет)	37,3 лет
PCD – процент детской смертности в группе (%)	47,4%
PBD – процент смертности в группе в первый год жизни (%)	20,74%
PSR m-f – процентное соотношение мужчин и женщин в группе	53,62:46,38
C50+ – процент индивидов в финальной возрастной когорте (%)	1,48
C50+m – процент доживших до финальной возрастной когорты от всех мужчин	0
C50+f – процент доживших до финальной возрастной когорты от всех женщин	6,25

Средний возраст смерти индивидов группы из Нижегородского Кремля (или средняя продолжительность жизни) составил 20,6 лет. Показатель довольно низкий. Такой результат получен из-за того, что, как выяснилось, очень большое количество детей умерли в возрасте 0–5 лет, в том числе и в первый год жизни. Процент детской смертности (PCD) составил 47,4%, а процент детской смертности в первый год жизни (PBD) – 20,74%. То есть пятая часть всей группы умерла до одного года, а почти половина – до пяти лет.

Процентное соотношение мужчин и женщин в группе немного в пользу мужчин, что является нормой. Однако женщины жили дольше, и есть их представители в финальной возрастной когорте, в отличие от мужчин.

Вторая группа (Верхневолжская набережная, д. 2а). Была получена в ходе раскопочно-ремонтных работ подвальных помещений гостиницы. Было вскрыто 181 погребение, но костные останки обнаружены только в 161 могиле. Для всех скелетов был определен возраст. Для трех индивидов возрастной

когорты 15–20 лет пол определен не был. Эти индивиды участвовали только в общем анализе. При расчете демографических индексов для мужчин и женщин они не учитывались. На основании полученных данных были

составлены таблицы смертности для группы из некрополя по адресу Верхневолжская наб., 2а (табл. 6, 7, 8, 9). Некоторые результаты приведены и на диаграммах рисунков 3 и 4.

Таблица 6. Общая таблица смертности для группы 2, Верхневолжская наб., 2а
Table 6. General table of mortality for group 2, Verkhnevolzhskaya emb., 2a

Возраст (лет)	Dx (человек)	Cx (%)	Ix (%)	qx
0–1*	18	11,18	100%	0,11
0–5	24	14,91	100%	0,15
5–10	4	2,48	85,09	0,03
10–15	2	1,24	82,61	0,15
15–20	6	3,73	81,37	0,05
20–25	2,5	1,55	77,64	0,02
25–30	10,5	6,52	76,09	0,09
30–35	26	16,15	69,57	0,23
35–40	29	18,01	53,42	0,34
40–45	14	8,70	35,41	0,25
45–50	16	9,94	26,71	0,37
50+	27	16,77	16,77	1,00
Сумма	161	100%		

* – данный возрастной интервал далее включен в когорту 0–5 лет, вынесен в таблице отдельно лишь для подсчета показателя PBD (процент детской смертности в первый год жизни).

В данной группе определяется четыре пика смертности. Первый приходится на первую возрастную когорту (0–5 лет), точно так же, как и в случае первой выборки из Нижнего Новгорода. Второй и третий пики соответствуют возрастному интервалу 30–40 лет, то

есть времени активной трудовой деятельности, в том числе уже немолодых людей. Интересно, что четвертый пик смертности приходится на финальную возрастную когорту, что наблюдается в палеопопуляциях крайне редко. Следует также отметить очень низкую

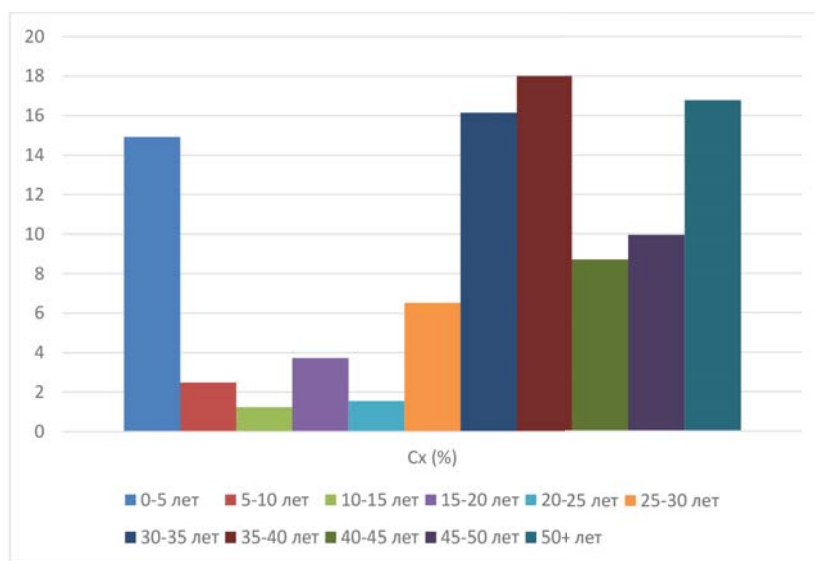

Рис. 3. Диаграмма смертности по возрастным когортам в группе из некрополя на Верхневолжской наб., 2а (Cx(%))

Fig. 3. Diagram of mortality by age cohorts in the group from the necropolis at Verkhnevolzhskaya emb., 2a (Cx (%))

представительность когорт от 5 до 20 лет, что является показателем благополучия группы,

наравне с солидной представительностью финальной возрастной когорты.

Финальная возрастная когорта группы в целом очень непредставительна.

В таблице 7 приведены результаты демографического анализа только детей группы. Всего 30 скелетов принадлежали детям. Из таблицы видно, что подавляющее количество детей, а именно 80%, умерли до 5 лет. Причем 60% детей умерли вообще до 1 года,

а скорее всего, во время родов или вскоре после рождения. В первую очередь эти цифры говорят о низком уровне развития медицины и отсутствии условий для выживания новорожденных, ухода за ними. Возможно, причиной были и какие-то исторические или экологические ситуации, голод и др. Мы не знаем, в какие годы родились эти дети, знаем

Таблица 7. Таблица смертности детей из некрополя Нижегородского Кремля
Table 7. Table of mortality of children from the necropolis of the Nizhny Novgorod Kremlin

Возраст (лет)	Dx (человек)	Cx (%)	Ix (%)	qx
0–1*	18	60,00	100%	0,60
0–5	24	80,00	100%	0,80
5–10	4	13,33	20,00	0,67
10–15	2	6,67	6,67	1,00
Сумма	30	100%		

только, что общая датировка некрополя – XVII–XVIII вв.

В таблице 8, а также на рисунке 3 показаны результаты вычисления палеодемографических индексов для мужчин и женщин в отдельности. У мужчин основной пик смертности отмечается в интервале 35–40 лет, то есть в период снижения физических возможностей активно работать. Так же велика смертность и в возрастном интервале, близком к пиковому, – 30–35 лет. У женщин пик смертности приходится на финальную возрастную когорту, и в этом можно увидеть некое благополучие группы. Большие показатели смертности отмечаются и еще в нескольких интервалах (хотя эти показатели и значительно меньше): 30–35 лет, 35–40 лет и 45–50 лет.

Так же, как и ранее, с использованием таблиц смертности были получены числен-

ные палеодемографические параметры населения, сформировавшего третий некрополь (Верхневолжская наб., 2а) (табл. 9).

Средний возраст смерти индивидов, или продолжительность жизни, составил 32,7 лет. Это очень хороший показатель, свидетельствующий о демографическом благополучии в данной группе нижегородцев XVII–XVIII вв. Процентное соотношение мужчин и женщин в группе определяется в пользу мужчин, так же, как и в первой группе, и как обычно имеет место в других палеопопуляциях людей. При этом так же как и в некрополе из Кремля Нижнего Новгорода, средняя продолжительность жизни женщин была больше. У них же была более представительная финальная возрастная когорта.

Процент детской смертности в группе в целом составил 18,63%. Это не очень высо-

Таблица 8. Показатели таблицы смертности в отдельности мужчин и женщин некрополя Нижегородского Кремля

Table 8. Indicators of the mortality table separately for men and women of the necropolis of the Nizhny Novgorod Kremlin

Возраст	Мужчины				Женщины			
	Dx	Cx (%)	Ix (%)	qx	Dx	Cx (%)	Ix (%)	qx
15–20	1	1,49	100	0,02	2	3,28	100	0,03
20–25	2	2,99	98,51	0,03	0,5	0,82	96,72	0,01
25–30	8	11,94	95,52	0,13	2,5	4,10	95,90	0,04
30–35	15	22,39	83,58	0,27	11	18,03	91,80	0,20
35–40	19	28,36	61,19	0,46	10	16,39	73,77	0,22
40–45	7,5	11,19	32,83	0,34	6,5	10,66	57,38	0,19
45–50	4,5	6,72	21,64	0,31	11,5	18,85	46,72	0,40
50+	10	14,93	14,93	1,00	17	27,87	27,87	1,00
Сумма	67	100%			61	100%		

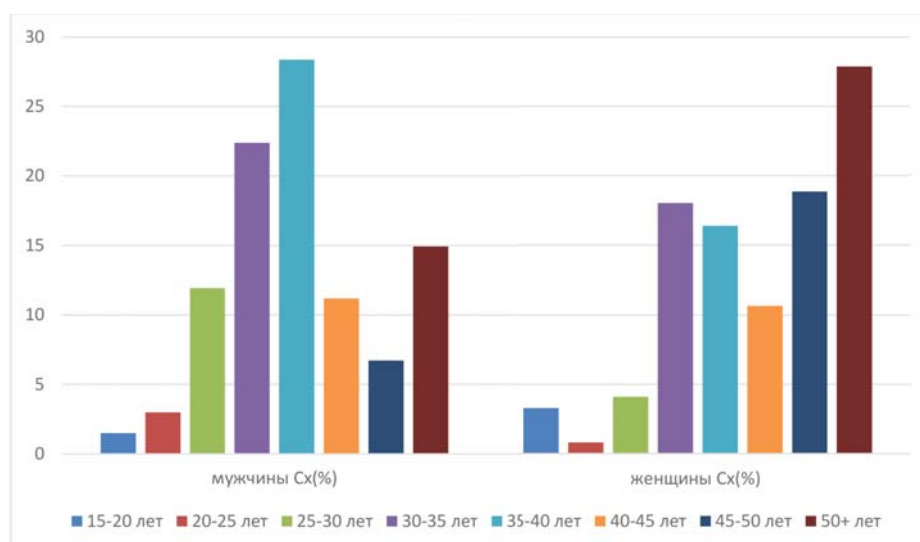

Рис. 4. Диаграмма смертности мужчин и женщин в группе некрополя на Верхневолжской наб., 2а (Сх(%))
Fig. 4. Diagram of mortality of men and women in the necropolis group at 2a, Verkhnevolzhskaya embankment (Сх (%))

Таблица 9. Основные палеодемографические характеристики группы нижегородцев из некрополя по адресу Верхневолжская набережная, 2а
Table 9. Main paleodemographic characteristics of a group of Nizhny Novgorod residents from the necropolis at the address Verkhnevolzhskaya embankment, 2a

Индекс	Значение
А – средний возраст смерти в группе (лет)	32,7 лет
АAm – средний возраст смерти взрослых мужчин в группе (лет)	37,91 лет
AAf – средний возраст смерти взрослых женщин в группе (лет)	42,00 лет
PCD – процент детской смертности в группе (%)	18,63%
PBD – процент смертности в группе в первый год жизни (%)	11,18%
PSR m-f – процентное соотношение мужчин и женщин в группе	52,34:47,66
C50+ – процент индивидов в финальной возрастной когорте (%)	16,77%
C50+m – процент доживших до финальной возрастной когорты от всех мужчин	14,93%
C50+f – процент доживших до финальной возрастной когорты от всех женщин	27,87%

кий показатель. То же касается и смертности в первый год жизни на фоне объема всей группы.

Таким образом, можно утверждать, что демографическая ситуация в данной части Нижегородского Посада в XVII–XVIII вв. была довольно благополучной.

Третья группа. Раскопки проводились в ходе охранных работ на обширной территории города, находящейся на немного большем удалении от Кремля, чем второй некрополь, с другой стороны, по адресу Театральная площадь, д. 1 и ул. Пожарского, д. 12. Было вскрыто 1592 погребения. В 1587 были обнаружены скелеты, пригодные для исследования. Два скелета возраста 15–20 лет не были идентифицированы по половой принадлежности. Их мы использовали только для общегруппового анализа. Высокая численность индивидов, составляющих данную выборку,

позволяет надеяться на значительную достоверность полученной палеодемографической характеристики. На основании полученных сведений о половозрастном составе группы были также составлены таблицы смертности: общая для группы, в отдельности для детей, для мужчин и для женщин, а также рассчитаны основные палеодемографические индексы (табл. 10, 11, 12, 13).

Из таблицы видно, что пик смертности для группы в целом приходится на возрастной интервал 35–40 лет, так же как и во второй группе посадского населения. Второй пик смертности приходится на интервал 0–5 лет, как и в других группах и нижегородцев, и населения других городов синхронного времени. Также представительная когорта 30–35 лет. Финальная возрастная когорта имеет умеренную представительность.

Таблица 10. Общая таблица смертности для группы из некрополя
Театральная пл., 1, ул. Пожарского, 12
Table 10. General table of mortality for the group from the necropolis
of Teatralnaya Sq., 1, and Str. Pozharsky, 12

Возраст (лет)	Dx (человек)	Cx (%)	Ix (%)	qx
0–1*	85	5,36	100	0,05
0–5	245	15,44	100	0,15
5–10	110	6,93	84,56	0,08
10–15	54	3,40	77,63	0,04
15–20	57	3,59	74,23	0,05
20–25	120	7,56	70,64	0,11
25–30	112	7,06	63,08	0,11
30–35	228	14,37	56,02	0,26
35–40	270	17,01	41,65	0,41
40–45	178,5	11,25	24,64	0,46
45–50	84,5	5,32	13,39	0,40
50+	128	8,07	8,07	1,00
Сумма	1587	100%		

* – данный возрастной интервал далее включен в когорту 0–5 лет, вынесен в таблице отдельно для подсчета показателя PBD (процент детской смертности в первый год жизни).

Из таблицы видно, что пик смертности для группы в целом приходится на возрастной интервал 35–40 лет, так же как и во второй группе посадского населения. Второй пик смертности приходится на интервал 0–5 лет,

как и в других группах и нижегородцев, и населения других городов синхронного времени. Также представительная когорта 30–35 лет. Финальная возрастная когорта имеет умеренную представительность.

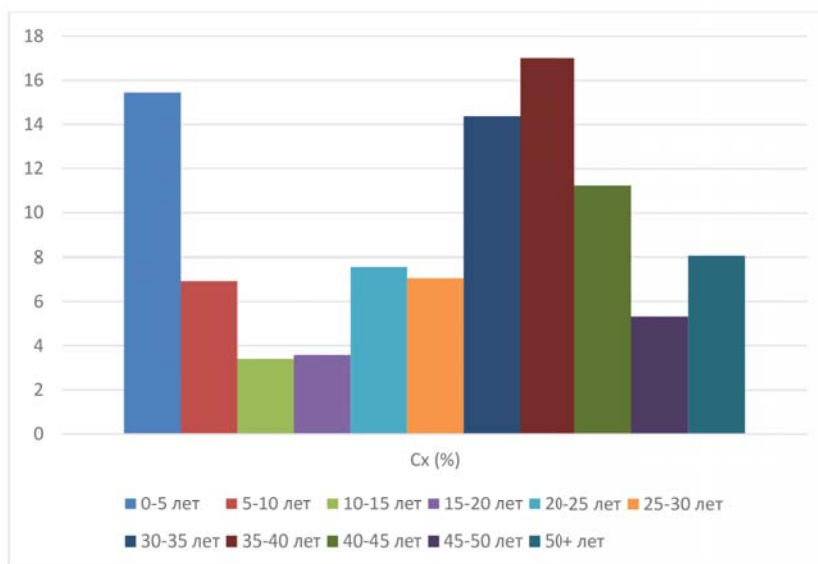

Рис. 5. Диаграмма смертности по возрастным интервалам в группе из некрополя на Театральной пл., 1 и ул. Пожарского, 12 (Cx(%))

Fig. 5. Diagram of mortality by age intervals in the group from the necropolis at 1 Teatralnaya square and st. Pozharsky, 12 (Cx (%))

В таблице 11 представлены результаты расчета демографических индексов для детской части группы. Более половины детей умирали в возрасте 0–5 лет, причем порядка

20% умирали до 1 года. Подобный результат получен для всех нижегородских групп.

В таблице 12 отдельно рассчитаны индексы для мужчин и женщин третьей группы. Пик

Таблица 11. Таблица смертности детей из некрополя на Театральной пл., 1, и ул. Пожарского, 12
Table 11. Table of mortality of children from the necropolis at Teatralnaya Sq., 1, and Str. Pozharsky, 12

Возраст (лет)	Dx (человек)	Cx (%)	Ix (%)	qx
0–1*	85	20,78	100	0,21
0–5	245	59,90	100	0,60
5–10	110	26,90	40,10	0,67
10–15	54	13,20	13,20	1,00
Сумма	409	100%		

смертности у мужчин данной группы приходится на возрастную когорту 35–40 лет. А в принципе большая часть мужского населения умерли от 30 до 45 лет. Следует отметить представительность финальной возрастной когорты (50+ лет) – 15,02%. Число индивидов в первой взрослой возрастной когорте

очень невелико и аналогично таковому группы из некрополя на Верхневолжской улице. У женщин пик смертности приходится на два интервала – 30–35 и 35–40 лет. Финальная возрастная когорта у женщин менее представительна.

Таблица 12. Показатели таблицы смертности в отдельности мужчин и женщин некрополя на Театральной пл., 1, и ул. Пожарского, 12

Table 12. Indicators of the mortality table separately for men and women of the necropolis at Teatralnaya Sq., 1, and Pozharsky Str., 12.)

Возраст	Мужчины				Женщины			
	Dx	Cx (%)	Ix	qx	Dx	Cx (%)	Ix	qx
15–20	9	1,78	100	0,02	46	6,87	100	0,07
20–25	28,5	5,63	98,22	0,06	91,5	13,66	93,13	0,15
25–30	38,5	7,61	92,59	0,08	73,5	10,97	79,48	0,14
30–35	87,5	17,29	84,98	0,2	140,5	20,97	68,51	0,31
35–40	128,5	25,40	67,69	0,38	141,5	21,12	47,54	0,44
40–45	101	19,96	42,29	0,47	77,5	11,57	26,42	0,44
45–50	37	7,31	22,33	0,33	47,5	7,09	14,85	0,48
50+	76	15,02	15,02	1,00	52	7,76	7,76	1,00
Сумма	506	100%			670	100%		

С использованием таблиц смертности были получены численные палеодемографические параметры населения, сформировавшего третий некрополь (табл. 13).

Средняя продолжительность жизни в группе составила 28,2 лет, что является хорошим показателем. Процент детской смертности (PCD) невелик, – 15,44%. Также довольно мал процент смертности детей в первый год жизни. В этом плане вторая и третья группы очень похожи.

Необычно процентное соотношение в группе мужчин и женщин. Здесь имеется явный перевес в сторону большего процента женщин (56,97%) против всего 43,03% мужчин. При этом средняя продолжительность жизни мужчин больше.

Представительность финальной возрастной когорты умеренная. Большой вклад в нее внесли мужчины.

Можно говорить об относительном демографическом благополучии этой группы. В этом плане видится схожесть данной группы с группой из некрополя на Верхневолжской улице. Первая группа сильно отличается от последних двух высоким уровнем детской смертности, в том числе в первый год жизни, а также крайне низким процентом индивидов в финальной возрастной когорте.

Межгрупповой сравнительный анализ.

Какова же была демографическая ситуация в Нижнем Новгороде в XVII–XVIII вв.? Мы получили определенные показатели палеодемографии в трех группах. Одна из них получе-

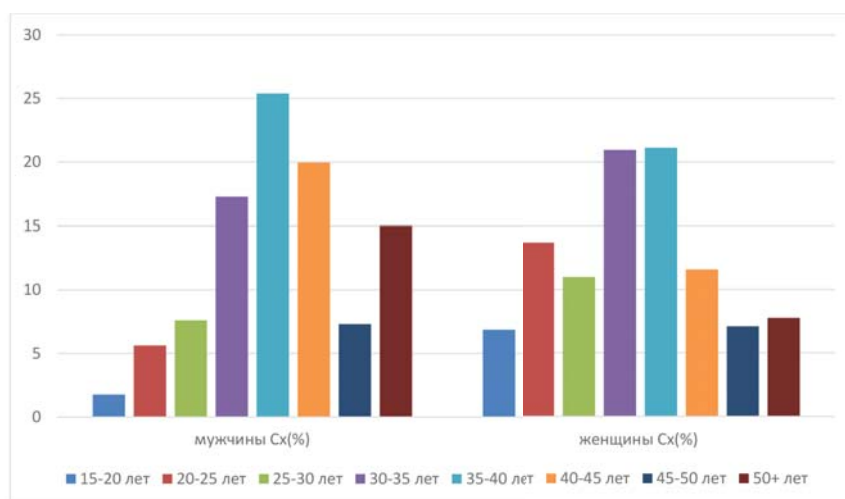

Рис. 6. Диаграмма смертности мужчин и женщин в группе из некрополя на Театральной пл., 1 и ул. Пожарского, 12 (Сх(%))

Fig. 6. Diagram of mortality of men and women in the group from the necropolis at 1 Teatralnaya Square and Pozharsky, 12 (Cx (%))

Таблица 13. Основные палеодемографические характеристики третьей группы нижегородцев
Table 13. The main paleodemographic characteristics of the third group of Nizhny Novgorod residents

Индекс	Значение
A – средний возраст смерти в группе (лет)	28,2 лет
AAm – средний возраст смерти взрослых мужчин в группе (лет)	38,7 лет
AAf – средний возраст смерти взрослых женщин в группе (лет)	34,4 лет
PCD – процент детской смертности в группе (%)	15,44%
PBD – процент смертности в группе в первый год жизни (%)	5,36%
PSR m-f – процентное соотношение мужчин и женщин в группе	43,03:56,97
C50+ – процент индивидов в финальной возрастной когорте (%)	8,07%
C50+m – процент доживших до финальной возрастной когорты от всех мужчин	15,02%
C50+f – процент доживших до финальной возрастной когорты от всех женщин	7,76%

на из некрополя на территории Нижегородского Кремля, две другие – это люди, населявшие территорию недалеко от Кремля в посаде. Во всяком случае, они были похоронены на территории посада. Мы рассчитали средние значения некоторых демографических индек-

сов в качестве попытки сделать обобщение. Результаты представлены в таблице 14.

Группы различаются по численности. Наиболее многочисленной является группа из некрополя, обнаруженного на современной Театральной площади и улице Пожарско-

Таблица 14. Основные палеодемографические характеристики нижегородского населения XVII–XVIII вв.

Table 14. The main paleodemographic characteristics of the Nizhny Novgorod population of the XVII–XVIII centuries

Индекс	Нижегородский Кремль	Верхневолжская наб., 2а	Театральная пл., 1
A (лет)	20,6 лет	32,7 лет	28,2 лет
AAm (лет)	33,8 лет	37,91 лет	38,7 лет
AAf (лет)	37,3 лет	42,00 лет	34,4 лет
PCD (%)	47,4%	18,63%	15,44%
PBD (%)	20,74%	11,18%	5,36%
PSR m-f (%)	53,62:46,38	52,34:47,66	43,03:56,97
C50+ (%)	1,48%	16,77%	8,07%
C50+m (%)	0%	14,93%	15,02%
C50+f (%)	6,25%	27,87%	7,76%

го. Причем количество индивидов здесь на порядок больше, чем в двух других группах. Скорее всего, демографические характеристики этой группы более всего соответствуют действительности. По показателю средней продолжительности жизни людей группы (среднего возраста смерти) вторая и третья, то есть посадские группы, очень схожи. Для обеих групп характерен невысокий уровень детской смертности. При этом они отличаются процентным соотношением мужчин и женщин и представительностью финальной возрастной когорты. Первая и вторая группы схожи процентным соотношением мужчин и женщин, причем это соотношение типичное, характерное для большинства позднесредневековых популяций. Кремлевская группа отличается низкой продолжительностью жизни, высоким уровнем детской смертности и очень низким процентом индивидов в финальной возрастной когорте.

Вероятнее всего, не следует определять средние значения основных демографических показателей для города в целом. Вероятно, условия жизни, занятия, трудовая деятельность, история, события были в группах немного разными. Тем не менее по сути это были группы фактически из одного города, существовавшие в одно и то же время.

Выводы.

Палеодемографическое исследование некрополя XVII–XVIII вв. из Нижегородского Кремля выявило очень низкий показатель средней продолжительности жизни (20,6 лет), что связано с крайне высокой детской смертностью (47,4%), особенно в возрастном интервале 0–5 лет. При этом более двух третей детей умерли до одного года. Пик смертности взрослых мужчин приходился на возраст 35–45 лет, взрослых женщин – на интервал 30–45 лет. Очень низок процент индивидов в финальной возрастной когорте (50+ лет).

Исследование показателей палеодемографии группы из некрополя также XVII–XVIII вв. недалеко от Нижегородского Кремля, в районе ул. Верхневолжской, д. 2а, выявило, наоборот, очень высокую продолжительность жизни людей из посада, – 32,7 лет. При этом детская смертность здесь была низка, – всего 18,63%, но также примерно две трети детей умерли до одного года. Более половины мужчин умерли в возрасте 30–40 лет. Пик смертности женщин приходится на финальную возрастную когорту. В целом возрастная когорта 50+ лет очень представительна. Все палеодемографические

показатели указывают на демографическое благополучие в данной группе.

Анализ палеодемографии также посадского населения XVII–XVIII вв., сформировавшего крупное кладбище на пересечении современных Театральной площади и ул. Пожарского, выявил следующее. Группа характеризовалась немного меньшим значением показателя средней продолжительности жизни, 28,2 лет. При этом детская смертность была очень низка, – 15,44%, и всего треть детей умирали в возрасте до 1 года. Представительность финальной возрастной когорты умеренная. Пик смертности мужчин приходится на возраст 35–40 лет, женщины чаще умирали от 30 до 40 лет. Необычной особенностью данной группы людей Нижегородского посада является процентное соотношение мужчин и женщин. Взрослых мужчин в данной группе было на 14% меньше. Обычно же в палеопопуляциях взрослых мужчин больше женщин.

Несмотря на вышеизложенное, более реальную палеодемографическую ситуацию на территории Нижнего Новгорода XVII–XVIII вв., скорее всего, демонстрируют показатели группы из некрополя, находившегося на пересечении современных Театральной площади и улицы Пожарского. Данная группа на порядок многочисленнее, чем две другие исследованные группы (1587 человек). Этот некрополь, представлявший, как и два других, погост, был исследован полностью, и всего пять погребений содержали непригодные для работы костные фрагменты или были вообще без скелетных останков. Некрополь на Верхневолжской набережной частично находился под зданием, в котором проходила, в частности, реконструкция подвальных помещений. Скелетный материал был собран настолько полно, насколько это было возможно. Но часть погребений вскрыть не удалось в силу того, что они находились под опорными балками и плитами, которые нереально и нельзя было трогать. Таким образом, часть материала, пусть и небольшая, не была доступна для исследования. Данная серия все равно довольно многочисленная и пригодна для палеодемографического анализа. Думается, что, если бы удалось получить весь скелетный материал из этого некрополя, показатели палеодемографии группы изменились бы совершенно незначительно. Во многом величины палеодемографических индексов обеих групп из Нижегородского посада

XVII–XVIII вв. близки (за исключением, правда, соотношения по полу взрослых индивидов).

Некрополь из Нижегородского Кремля возле Успенского собора по составу его сформировавшейся группы сильно отличается от посадских, исследованных в данной рабо-

те. Неясно происхождение столь большого количества детских погребений, в том числе погребений детей до года, на этом кладбище. По-видимому, имеется определенная история формирования этого некрополя и конкретные причины захоронения здесь столь большого числа детей.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.

Богатенков Д.В. Палеодемография Мистихали // Т.И. Алексеева, Д.В. Богатенков, Г.В. Лебединская. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир, 2003. С. 19–49.

Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Газимзянов И.Р. Палеодемографические и палеопатологические аспекты исследования детских погребений Усть-Иерусалимского могильника (г. Болгар) // Вестник антропологии. Вып. 15. 2007. С. 413–418.

Добряк В.И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев: Гос. мед. изд-во УССР, 1960. 192 с.

Мамонова Н.Н. Определение длины костей по их фрагментам // ВА. 1968. Вып. 29. С. 171–177.

Никитюк Б.А. О закономерностях облитерации швов на наружной поверхности мозгового отдела черепа человека // Вопросы антропологии, вып. 2, 1960. С. 115–121

Никитюк Б.А. Определение возраста человека по скелету и зубам. // ВА. 1960. Вып. 3. С. 118–129.

Пащикова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963. 153 с.

STANDARDS. For data collection from human skeletal remains. Indianapolis, 1994, No. 44, P. 1–35.

Информация об авторах:

Боруцкая Светлана Борисовна, кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); vasbor1@yandex.ru

Васильев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, заведующий, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); vasbor1@yandex.ru

REFERENCES

Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniï (Cranio-metry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniï (Osteometry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bogatenkov, D. V. 2003. In Alekseeva, T. I., Bogatenkov, D. V., Lebedinskaya, G. V. *Vlaxhi. Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolia Mistikhali) (Vlachs. Anthro-pological Study (Based on Materials from the Medieval Necropolis of Mistikhali))*. Moscow: "Nauchnii mir" Publ., 19–49 (in Russian).

Borutskaia, S. B., Vasil'ev, S. V., Gazimzyanov, I. R. 2007. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropol-ogy)* 15, 413–418 (in Russian).

Dobriak, V. I. 1960. *Sudebno-meditsinskaia ekspertiza skeletirovannogo trupa (Forensic Medical Exami-nation of Skeletonized Cadaver)*. Kiev: State Medical Publisher House of the Ukrainian SSR (in Russian).

Mamontova, N. N. 1968. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 29. Moscow: Moscow State University, 171–177 (in Russian).

Nikitiuk, V. A. 1960. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 2. Moscow: Moscow State Univer-sity, 115–121 (in Russian).

Nikitiuk, V. A. 1960. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 3. Moscow: Moscow State Univer-sity, 118–129. (in Russian).

Pashkova, V. I. 1963. *Ocherki sudebno-meditsinskoï osteologii (Essays on Forensic Osteology)*. Moscow (in Russian).

1994. *STANDARDS. For data collection from human skeletal remains*. Indianapolis,. 44, 1–35.

About the Authors:

Borutskaya Svetlana B., Candidate of Biological Sciences, Assistant Professor, Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; vasbor1@yandex.ru

Vasilyev S.V., Doctor of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maklay (IEA), Russian Academy of Sciences. Leninsky Ave., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation; vasbor1@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИА РАН – Архив института археологии РАН
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
АС – Археологический съезд
АЭМК – Археология, этнография Марийского края
БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ВА – Вопросы антропологии
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВНОТ – Вестник научного общества Татароведения
ВШП – Великий шелковый путь
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА НАН Украины – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАК — Императорская Археологическая комиссия
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ
ИИ АНТ – Институт истории академии наук Татарстана
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
ИИЯЛ УрО РАН – Институт истории, языка и литературы УрО РАН
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории КФАН СССР
КГУКИ – Казанский государственный университет культуры и искусства
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.-Л.
КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МА РТ – Музей археологии Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МГУ – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИКВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии
МУГЧ – Музей уездного города Чистополь
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НГПУ – Набережно-Челнинский государственный педагогический университет
НИЦИА Бегазы-Тасмола – ТОО "Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола»
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
НМ УР – Национальный музей Удмуртской Республики
НФ МА ИА АН РТ – Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан ИА АН РТ.
ПАЭ – Поволжская археологическая экспедиция
П.м. – Подъемный материал
ПГГПУ (ПГПУ) – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермский государственный педагогический университет)
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
ПГУ – Пермский государственный университет
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская Академия наук

СА – Советская археология. М.

САИ – Свод археологических источников

СамГУ – Самарский государственный университет

СВНЦ ДВО РАН – Северо-Восточный научный центр Дальневосточного отделения РАН

СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук

СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина

СЭ – Советская этнография

ТАССР – Татарская Советская Социалистическая Республика.

ТГГИ – Татарский государственный гуманитарный институт.

ТНКП (Татнаркомпрос) – Татарский народный комиссариат просвещения.

УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа.

УдГУ – Удмуртский государственный университет

УдМИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка, литературы УрО РАН

УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

УНАЭЦ – Учебно-научный археолого-этнологический центр

УНЦ РАН – Уфимский научный центр Российской академии наук

УПАСК – Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых.

УрГУ – Уральский университет

УрО АН СССР – Уральское отделение Академии наук СССР

УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

<https://www.evrazstep.ru/avtoram>

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

<https://www.evrazstep.ru/avtoram>

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080

от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Дата выхода в свет 27.07.2021 г. Формат 60×84 1/8

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 37,20

Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"

г. Казань, ул. Галактионова, 14

